VISIT…

История Кельтских королевств

Майлз Диллон
Нора Кершоу Чедвик

ВЕЧЕ
МОСКВА
2006

Научный редактор *Иванов С. В.*

Диллон М., Чедвик Н.К.
Д46 История кельтских королевств. Пер. с англ. С.В. Иванов / Майлз Диллон, Нора Кершоу Чедвик. — М.: Вече; СПб.: Евразия. — 2006.— 512с.

ISBN 5-9533-1373-X (Вече)

ISBN 5-8071-0197-9 (Евразия)

Настоящая книга явилась плодом совместного творчества известнейших ученых-кельтологов, Майлза Диллона и Норы Чедвик. Это обобщающий и в некотором роде подытоживающий труд, вместивший все наиболее важные данные и сведения, собранные кельтологией к середине 60-х годов XX века. Наряду с широчайшим охватом материала великим достоинством этой книги является истинно научный подход авторов, основывающих свое изложение только на достоверной и проверенной информации, скрупулезном и тщательном анализе и сопоставлении источников. Шаг за шагом прослеживают они политическую и духовную историю кельтов, рассматривая подробнейшим образом как внутреннее развитие кельтских стран, так и их взаимосвязи с внешним миром, особо останавливаясь на том воздействии, которое они оказали на западноевропейскую историю и культуру. Тем не менее, возможно, именно главы, посвященные образованию и истории кельтских государств, покажутся наиболее интересными отечественному читателю, так как в таком объеме и на таком уровне этот аспект кельтологии у нас еще не освещался.

ББК 63.3(0)4
УДК 99/99

ISBN 5-9533-1373-X (Вече)
ISBN 5-8071-0197-9 (Евразия)

©Иванов С.В., перевод, 2002
©ООО «Издательский дом «Вече», 2006
©Издательство «Евразия», 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 6

КЕЛЬТСКИЕ КОРОЛЕВСТВА

Предисловие 11
Глава 1. У истоков кельтской цивилизации 13
Глава 2. История и география Британских островов до конца римского периода 38
Глава 3. Кельтское возрождение 67
Глава 4. Формирование исторических кельтских королевств 93
Глава 5. Общественный строй: раннеирландское общество 119
Глава 6. Ранняя история современных кельтских королевств . . . 138
Глава 7. Кельтская религия, мифология и литература о Потустороннем Мире 163
Глава 8. Кельтское христианство и его литература 195
Глава 9. Кельтские языки и истоки литературы 251
Глава 10. Ирландская литература 287
Глава 11. Валлийская литература 322
Глава 12. Кельтское искусство 339
Эпилог 404

Примечания 411

Приложения 447

Указатели 467

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Начнем с того, что известно любому образованному читателю. Сегодня народы, говорящие на кельтских языках (а именно языковой критерий является ведущим и до некоторой степени объективным при определении национальной принадлежности наряду с таким глубоко психологическим фактором, как самоидентификация), населяют очень незначительную часть Западной Европы. Это Ирландия, Уэльс, Шотландия и Бретань. Да и в этих странах кельтоязычное население составляет небольшую часть. Впрочем, положение медленно и постепенно, но улучшается. После периода упадка, приведшего к началу XX века к угрозе полного исчезновения кельтской самобытности, Ирландия обрела независимость. В Уэльсе и Шотландии действуют целенаправленные и мощные программы поддержки национальной культуры.

И это — лишь одно звено в длинной цепи взлетов и падений кельтской цивилизации. Удивительно, но, наверное, ни один другой европейский народ не может похвалиться такой жизнестойкостью и способностью к возрождению при самых неблагоприятных условиях. Кельты последовательно перенесли удары римлян, германских племен в эпоху Великого переселения народов, нашествия викингов, нападения потомков Вильгельма Завоевателя, а затем и полное присоединение к Англии и Франции. И в то же время Бретань пользовалась достаточно широкой независимостью и была окончательно включена в состав Франции только в 1491 г. путем личной унии; наследник британской короны до сих пор носит титул принца Уэльского; Шотландия была объединена с Англией династической унией в 1603 г., причем в начале не английские короли управляли Шотландией, а шотландские — Англией.

И все-таки "политическая" история кельтских народов кажется чередой постоянных уступок и поражений, начиная с походов Цезаря. Само за себя говорит сравнение территории распространения кельтов в период их наивысшего могущества (от Испании о Малой Азии) с нынешним положением дел. Тем не менее в руках у них всегда оставалось оружие, никогда не изменявшее побежденным в борьбе с захватчиками, — культура.

Если для античного мира кельты были варварами, то среди варварских европейских народов они, несомненно, были самым неварварским. Германские **[6]** племена многое заимствовали у кельтов как в сфере материальной культуры, так и в области общественных установлений. Римская Британия долгое время оставалась в буквальном смысле слова островком благополучия и безопасности среди сотрясавших империю бурь. А распространение в кельтских землях христианства можно считать началом нового этапа в истории их культуры и их взаимоотношений с внешним миром.

Быстрое и, по-видимому, безболезненное распространение христианства в кельтских странах, славившихся богатством своей языческой традиции и учености, не может не вызывать удивления. Характерно, что среди ирландских святых не было ни одного мученика. Дальнейшее развитие христианства у кельтов привело к тому, что спустя достаточно короткое время ирландские миссионеры уже несли светоч веры европейским народам, а вместе с верой и ученость, высокий уровень которой у ирландцев признавали все тогдашние деятели церкви. Ирландские и континентальные монастыри, основанные ирландцами, стали настоящими культурными центрами, немало содействовавшими не только развитию христианской традиции, но и сохранению значительной части античного наследия. Мы можем рассматривать этот период как второй этап влияния кельтского мира на европейскую культуру (первый, как мы упоминали выше, связан с распространением латенской культуры).

Немногим позже началась и третья волна кельтского влияния, затронувшая уже не столько церковную, сколько светскую западноевропейскую традицию. Она теснейшим образом связана с предшествующим этапом, так как в монастырских скрипториях помимо церковных и ученых текстов активно переписывались и исторические и даже мифологические предания и легенды. Именно они и послужили источником, поистине волшебной кладовой сюжетов для рыцарских романов Артуровского цикла, проникших в Западную Европу прежде всего через Бретань. Ирландская же литературная традиция и по сей день продолжает порождать гениальные, ставшие неотъемлемой частью современной западной цивилизации произведения писателей, либо отталкивавшихся от нее, как Джойс, либо активно использовавших и перерабатывавших ее, как О’Брайен и Йейтс.

Именно об этом, о ранней истории кельтов, и написана предлагаемая вниманию читателей книга. Она явилась плодом совместного творчества известнейших ученых-кельтологов, Майлза Диллона и Норы Чедвик. Это обобщающий и в некотором роде подытоживающий труд, вместивший все наиболее важные данные и сведения, собранные кельтологией к середине 60-х годов XX века. Наряду с широчайшим охватом материала великим достоинством этой книги является истинно научный подход авторов, основывающих свое изложение только на достоверной и проверенной информации, скрупулезном и тщательном анализе и сопоставлении источников. Шаг за шагом прослеживают они политическую и духовную историю кельтов, рассматривая подробнейшим образом как внутреннее развитие кельтских стран, так и их взаимосвязи с внешним миром, особо останавливаясь на том воздействии, которое они оказали на западноевропейскую историю и культуру. Тем не менее, возможно, именно главы, посвященные образованию и истории кельтских государств, покажутся наиболее интересными отечественному читателю, так как в таком объеме и на таком уровне этот аспект кельтологии у нас еще не освещался. **[7]**

Важно выделить и еще одно существенное обстоятельство. Кельтов, их культуру и историю, часто привлекают для различных реконструкций, скажем, реконструкции праиндоевропейской религии, делая это с довольно серьезными натяжками или ограничиваясь одним-двумя сообщениями античных писателей. Такой подход приводит лишь к дискредитации подобных построений. На этом фоне мы хотели бы лишний раз подчеркнуть разнообразие источников и материалов, собранных и проанализированных в этой книге, отдельно отметив преимущественное значение, которое авторы придают

аутентичным, собственно кельтским данным — материалам археологических раскопок, данным саг, хроник, — особое внимание уделяя ирландской традиции как сохранившей наиболее архаические черты. Авторов не интересуют далеко идущие обобщения и заманчивые выводы, их задача прежде всего обеспечить читателя стопроцентно достоверной информацией и тем самым в какой-то степени оградить его от потока псевдонаучных измышлений. Вместе с тем предоставленную здесь информацию никак нельзя назвать базовой. Она, как мы уже упоминали, отражает весь спектр последних на момент написания книги достижений кельтологии, что, впрочем, ничуть не сказалось на увлекательности изложения. Немало способствует оживлению материала и позволяет взглянуть на кельтский мир "изнутри" и обильное привлечение кельтских литературных источников.

Главы, посвященные литературной традиции, содержат богатый иллюстративный материал, как в виде аутентичных текстов с подстрочным переводом, так и в виде художественных переводов ирландских и валлийских текстов, позволяющий составить непосредственное и достаточно полное представление о характерных чертах кельтского "литературного гения". В данном издании мы несколько изменили структуру оригинала. Чтобы не распылять внимание читателя и достичь некоторого "единства восприятия", мы вынесли большую часть текстов на ирландском и валлийском языках в отдельное приложение и использовали, где было возможно, уже имеющиеся литературные переводы стихотворных и прозаических произведений на русский язык. При этом следует иметь в виду, что сколь бы "конгениальным" ни был перевод, например, стихотворного текста, он в силу необходимости будет отражать лишь некоторые, возможно самые важные, черты оригинала, но тем не менее перенос материала из одной культурно-исторической среды в другую не может обойтись без потерь. Это в первую очередь относится к внешним проявлениям, к размеру, используемым поэтическим приемам, звуковой организации стихотворения. Поэтому мы оставили в основном тексте на языке оригинала все примеры, иллюстрирующие особенности кельтского стихосложения — обилие внутренних и конечных рифм и аллитерации. Буквы и сочетания букв, представляющих аллитерирующие звуки или рифмующиеся слоги, выделены курсивом.

Книга также богата иллюстративным материалом, позволяющим читателю отчетливее представить себе те предметы и объекты, о которых рассказывают авторы. **[8]**

КЕЛЬТСКИЕ КОРОЛЕВСТВА

Предисловие

Кельты были одним из народов доисторической Европы, активно участвовавших в создании европейской цивилизации последнего тысячелетия. В этой книге мы намерены проследить их историю от ее отдаленных истоков через образование отдельных кельтских королевств на Британских островах до конца их независимости. Мы понимаем историю в самом широком смысле как историю цивилизации. Мы включаем сюда не только религию и общественный строй, но и язык, литературу и искусство.

Кельтология сделала за последнее время столь большие успехи, что мы чувствуем себя обязанными достаточно подробно представить результаты этих исследований. В этой книге есть страницы, написанные как для людей, приступающих к изучению кельтов, так и для широкого круга читателей. Не интересующиеся языком или историей литературы могут бегло просмотреть начало девятой главы, но те, у кого эти вопросы вызывают определенный интерес, возможно, сочтут эту часть достойной более пристального внимания.

Рассказ о кельтах начинается с доисторических времен, когда нашими единственными проводниками становятся археологические и лингвистические данные. Наши первые сведения о кельтах относятся к началу железного века, истоки которого уходят примерно

к 800 г. до н. э., к гальштаттской культуре, названной так по местности в Верхней Австрии. Поздний железный век, получивший название латенского периода по местности в Швейцарии, стал эпохой возвышения кельтов на континенте, алатенское искусство, как хорошо показал Якобсталь, было создано их руками и является их великим достижением. Рассказывая о доисторическом периоде, мы используем специальную терминологию и привлекаем различные свидетельства, незнакомые многим читателям. Мы надеемся, что, даже несмотря на это, они не окажутся для читателя утомительными.

Эта книга написана авторами в таком порядке: главы 1, 5, 9, 10, 11 и эпилог - Майлз Диллон; главы 2, 3,4, 6, 7, 8, 12 - Нора Чедвик. **[11]**

Наши мнения не всегда совпадали, и в сомнительных случаях мы просто излагали наши взгляды. Ныне считается, что Медб и Фергус, Кухулин и Курой мак Даре не являются историческими фигурами. Нора Чедвик полагает, что королева Медб действительно правила в Круахане. С другой стороны, Майлз Диллон рассматривает друидов как наследников древнего индоевропейского жречества, представленного в Индии брахманами, в то время как Нора Чедвик не считает их жрецами (глава 7). Таковы основные разногласия между нами. Тем не менее эта книга - плод нашего тесного сотрудничества. Мы вместе прорабатывали каждую главу и поэтому несем общую ответственность. Нам легче говорить о Британии и Ирландии, хотя и здесь остается много места для сомнений и споров.

Попытка представить кельтов в их истории единым народом, с единой традицией и общим характером, нова и до некоторой степени экспериментальна. И она, как нам кажется, оказалась оправданной сверх наших ожиданий, поскольку в истории, институтах и религии, в искусстве и литературе, возможно даже в языке, выявляются черты, общие для кельтов Галлии, Британии и Ирландии и отличающие их от других народов. Их сложно объединить под каким-то названием: они контрастируют с греческой сдержанностью, отличаются крайностями пышности и аскетизма, радости и отчаяния, отсутствием дисциплины и дара организации мирских дел, восторгом перед красотой природы и волшебными повестями, художественным чувством, предпочитающим орнамент и схематизм простому воспроизведению. Мэтыо Арнольде назвал это кельтской магией.

В этой сфере, где урожай столь богат и столь мало рабочих, мы были вынуждены обратиться за помощью к другим ученым, любезно согласившимся на это. Профессор Бинчи помог нам с пятой главой, даже предоставив в наше распоряжение свои заметки к лекциям. Главы 9 и 11 не могли бы быть завершены без постоянных советов Проншиаса МакКаны. К работе были привлечены и наши друзья Людвиг Билер, Фрэнсис Бирн, Глин Дэниел, Майкл Долли, Дэвид Эрлингссон, Кеннет Джексон, Стюарт Пигготт, Теренс Пауэлл и Джозеф Ра-ферти. Мы хотим принести нашу благодарность им и всем тем, кто консультировал нас по другим вопросам.

Мы приносим нашу благодарность издательству Чикагского университета за разрешение перепечатать отрывки из книги Майлза Диллона Early Irish Literature, издательству Кларендон за разрешение напечатать два стихотворения из книги Дж. Мерфи (G. Murphy, Early Irish Lyrics Oxford, 1956) и некоторые стихотворения и извлечения из книги Т. Пэрри (T. Parry, The Oxford Book of Welsh Verse), а также Совету Ирландской королевской академии и автору за разрешение привести переводы из Celtic Ethnography ofPosidonius профессора Тирни.

Мы благодарны мисс Маре Бренах за бесконечное терпение, с которым она печатала и перепечатывала эту книгу, и Маре Бян Уи Киннсела, любезно согласившейся на скучную работу по сверке указателей.

Нора Чедвик
Майлз Диллон
[12]

Глава 1.
У истоков кельтской цивилизации

В конце VI века до н. э. кельты уже были знакомы греческим историкам и этнографам.

Гекатей Милетский, писавший примерно в это время, говорит, что Нарбонн является городом кельтов, и упоминает, что Марсель находится рядом с кельтскими землями. Геродот (V век) дважды упоминает кельтов (первое появление названия Keltoi), но при этом сообщает лишь то, что истоки Дуная - видимо, он считал, что они находятся на Пиренеях,- населены кельтами и что кельты живут за Геркулесовыми столбами и являются самым западным народом Европы за исключением цинезийцев. И все же существует более древний письменный источник, нежели произведения Гекатея и Геродота, хотя он и сохранился в более поздней передаче. *Ora Maritima* Авиена (III век н. э.) содержит описание средиземноморского побережья от Кадиса до Марселя, составленное в начале VI века, и в ней также говорится, что кельты населяют Галлию и юго-западную Испанию.

Заглянув еще дальше, мы увидим, что первоначальной родиной кельтов были земли к востоку от Рейна, территории современных Баварии и Чехии, а также земли к западу от них до самого Рейна. Подтверждением такой точки зрения может служить сопоставление топонимики с археологией. В бронзовом веке, приблизительно в конце XIV века до н. э., в Центральной Европе появляется культура, признаками которой являются характерные погребальные обычаи и оружие, орнаменты, инструменты и керамика, неизвестные там до тех пор и обнаруживаемые в одних и тех же местах. Захоронения устраиваются в искусственно насыпаемых холмах - курганах (tumuli), и некоторые археологи соотносят эту культуру с появлением кельтов. Вслед за курганной культурой возникает новый вид захоронений, при котором труп **[13]** кремировался, пепел помещался в урну, а урны выставлялись на кладбищах, известных под названием "поля погребальных урн".

В конце периода "полей погребальных урн" мы находим железные инструменты и оружие, так что можно говорить уже о железном веке. Ранний его период обычно называется ранним железным веком или гальштаттской культурой (около 800-450 гг. до н. э.). Гальштатт - местность в Австрии, где было обнаружено множество подобных предметов. **[14]** Поздний железный век обычно называют Ла Тен, по местности в Швейцарии, и этот период начинается приблизительно с 450 г. до н. э. и заканчивается на континенте одновременно с походами Цезаря.

Многие археологи связывают появление кельтов с возникновением полей погребальных урн на юге Центральной Европы, поскольку, по всей видимости, со времени их появления в конце бронзового века, через гальштатгский период и до Ла Тена существовал определенный культурный континуум. Однако, по нашему мнению, кельтский диалект выделился из индоевропейской общности гораздо раньше и эпитет "кельтский" лучше прилагать к каким-либо остаткам материальной культуры, которые можно было бы датировать началом второго тысячелетия до н. э.

По всему этому ареалу, в Австрии, Богемии, Южной и Западной Германии и во Франции, обнаруживаются названия мест, в состав которых входят такие элементы, как briga-"холм"; dunum-"крепость"; magus - "равнина"; nemeton - "священное место"; ritum - "брод"; seno - "старый"; uindo - "белый". И все эти слова известны как ирландские bri- "холм" (валлийское bre-далее валл.); dun- "замок" (dinas); mag - "равнина" (та); nemed - "священное место"; валл. rhyd - "брод"; sen - "старый" (валл. hen); find - "белый" (валл. gwyn). Валлийское название Gwynfa в Монтгомеришире и ирландское Findmhagh в графстве Антрим являются точными переводами галльского ouindomago (Uindo-magos) в Нарбоннской Галлии, упоминаемого Птолемеем (2, 10, 6). Название Рейна кельтское, кельтские же имена носят все его восточные притоки: Некар, Майн, Лан, Рур и Лип-пе. Изар, Инн и Таубер также объясняются как кельтские[2]. Вероятным представляется заключение, что эти названия, в своем пространственном распределении совпадая с ранней курганной культурой, были даны носителями этой культуры; и эти имена кельтские. Этот вывод подтверждается тем обстоятельством, что во Франции и Испании обнаруживается то же самое совпадение кельтской топонимики и гидронимики с культурой полей погребальных урн; ибо данные археологии показывают распространение материальных культур на запад и на север от центральноевропейского ареала.

Имя "кельтский" объяснялось как родственное готскому hildja "сражаться", сохраняющему и его возможное значение. У него нет предыстории, как у имени Graeci, когда-то относившегося к маленькому сообществу на Пелопоннесе, или у имени Rus -

"русский", которое первоначально было финским обозначением шведов и, вероятно, означало "гребец, моряк". Однако Страбон говорит, что сначала оно служило названием племени нарбоннцев, и предполагает, что оно могло проникнуть в греческий через Марсель, расширив свое значение и **[15]** относясь уже ко всему кельтскому народу[3]. Цезарь говорит, что галлы называли себя Celtae. Это имя стало использоваться, как использует его Страбон, применительно к народу, отличному от лигурийцев и иберов на западе и от иллирийцев и скифов на востоке. Германцы на своей северной родине все еще оставались неизвестны первым греческим историкам.

Кельты во многом отличались от других племен - своей социальной организацией, религией, одеждой, методами ведения войны, ибо именно на это обращали внимание ранние историки; однако главным отличием как тогда, так и сейчас, было языковое. Тацит говорит об одном племени: "а что котины не германцы, доказывает их язык" (Германия 43). И действительно, это лингвистическое определение представляется единственно полезным, так как только отталкиваясь от него, можно осмысленно говорить о кельтской археологии или кельтской религии. Но если мы отказываемся от языкового критерия, эти понятия вовлекаются в порочный круг. Это не означает, что не возникало смешения или путаницы. Племена, говорившие на германских диалектах, могли приниматься за кельтов по своей одежде и обычаям или же из-за того, что находились под началом кельтских вождей. Наблюдатели того времени не были профессиональными лингвистами и могли, не располагая точными данными, и не знать, кельтский или нет диалект отдаленного племени4. Наряду с географическими названиями кое-что о языке древних кельтов нам говорят имена галльских вождей и народов. Многие из них хорошо интерпретируются на ирландском и валлийском материале: Dumnorix дает ирландское ri an domhain "король мира"; Vercingetorix состоит из чег "над", cinget- "воин" и пх "король"; Anektomaros означает "Великий Защитник" (др.-ирл. aingid "защищает"); Eporedorix "король лошадей" будет др.-ирл. ri echtraide; Bituriges, др.-ирл. rig in betho "короли мира"; Allobroges "люди из чужой страны"; Brigantes "благородные" (др.-ирл. Brigit). Античными писателями упоминаются и некоторые галльские имена нарицательные: κορμα "пиво"; δαρδος "поэт"; δρυιδαι "друиды"; reda "колесница"; μαρκα "лошадь". Все эти слова находят свои соответствия в ирландских coirm, bard, drui "друид", riad "езда", marc, со сходными формами в валлийском. Более непосредственный источник представляют собой галльские надписи, открытые во Франции и в Италии. Некоторые надписи в Цизальпийской Галлии выполнены греческим или этрусским алфавитом, но подавляющее большинство надписей составлено латинским письмом. Их количество приближается к шестидесяти, не считая граффити на черепках, найденных в Ла Грофесенк, и содержания знаменитого Календаря из Колиньи **[16]** (см. ниже с. 30 и ел.). Далее мы предполагаем рассказать о языке кельтов подробнее (см. ниже с. 251 и слл.).

Таким образом, кельты - это народ, появившийся на подмостках истории в VI веке до н. э. Ранние писатели упоминают их лишь мельком. Так, Ксенофонт пишет о кельтах, сражавшихся в качестве наемников против фивян на Пелопоннесе в 369 г. до н. э., а Платон включает их в список варварских народов, приверженных пьянству. Аристотель говорит: "Вовсе не храбрость безрассудно противостоять опасности, как кельты, когда они поднимают оружие, чтобы броситься на волны" [5].

Из своей родины в Центральной Европе кельты продвинулись на запад до Атлантического побережья и в Испанию, на север на Британские острова, а позднее на юг в Италию и на восток по Дунаю до Галатии в Малой Азии. Ранние миграции завершились в доисторическую эпоху, и их датировку можно установить только на основании данных археологии. Эти данные неполны, так как мечи, броши и черепки не могут сообщить нам, что сделавший их человек говорил на кельтском диалекте. Мы не можем рассчитывать на что-либо большее, чем на более или менее вероятные предположения. Неоспоримо, что гальштаттская культура (или культура раннего железного века) была распространена в Испании; мы располагаем письменными свидетельствами того, что в Юго-Западной Испании кельты обитали уже к VI веку. Кроме того, в Испании широко представлена кельтская топонимика, а зона ее распространения простирается до устья реки Тахо (Arabriga). Вполне логичным выглядит предположение, что создателями гальштаттских инструментов и оружия были кельты. Однако самые ранние кельтские миграции

датируются бронзовым веком, так как поля погребальных урн, появившиеся в Южной Германии и Восточной Галлии после курганной культуры и определяемые как кельтские, обнаруживаются также в Каталонии и далее на юг до Валенсии. В гальштаттский период (около 600 г. до н. э.) и во втором периоде латенской культуры (III век до н. э.) происходили отдельные более поздние миграции кельтов; и некоторые надписи свидетельствуют о присутствии в популяции сильного кельтского элемента. Кельтиберы, столь долго и столь смело сопротивлявшиеся римскому наступлению, представляли собой народ, появившийся в результате смешения кельтов и иберийцев, как предполагает уже одно их название.

Сложнее проследить заселение кельтами Британских островов. Как представляется в настоящий момент, мы должны выбирать между двух крайностей. Около 2000 г. до н. э. сюда пришел народ культуры коло-коловидных кубков, устраивавший свои захоронения в отдельных могилах, с индивидуальными могильными предметами. Считается, что **[17]** замечательная уэссекская культура бронзового века, возникшая около 1500 г. до н. э., основывалась именно на этой традиции. Могильные предметы в данном случае предполагают существование воинской аристократии "с четким распределением служебных обязанностей... через военную знать до ремесленников и крестьян" [6], как в гомеровском обществе. Именно этот тип общества описывается в ирландских сагах, и у нас нет оснований считать невозможной столь раннюю дату появления кельтов в Британии. Мы увидим, что существуют языковые и культурные соображения, подтверждающие эту гипотезу. С середины VI века до н. э. появляется народ раннего железного века, строители столь характерных для мира островных кельтов укреплений на холмах. С этого времени и до нашествия белгов, которое, по словам Цезаря, произошло незадолго до его времени, Британию захлестывали последовательные волны кельтской иммиграции. Однако на данный момент среди археологов наиболее распространена точка зрения, в соответствии с которой Британские острова не подвергались широкомасштабной иммиграции между 2000 и 600 гг. до н. э.

Археология сделала в последние годы большие успехи, и непрофессионалу сложно составить определенное личное суждение. Остается лишь выбирать мнение одного из авторитетных в этой области исследователей и опираться на него. В то же время весьма успешно развивалась и кельтская филология, твердо установившая, как мы увидим из последующего изложения, архаичность ирландской традиции. В настоящее время, по нашему мнению, ни одна из двух этих точек зрения не выглядит более обоснованной, чем другая, и мы признаемся, что предпочитаем раннюю дату. С прогрессом исследований в области предыстории или же с новыми открытиями в лингвистике[7] в будущем, возможно, появится возможность аргументированного решения. На сегодняшний день мы вынуждены довольствоваться сомнениями.

В частности, в своей статье "Гойделы и их предшественники", а позднее в своей превосходной монографии "Early Irish History and Mythology" О'Рахилли выдвинул совершенно новую теорию в отношении кельтского заселения Ирландии. Он различает четыре последовательные волны иммиграции: круитни до 500 г. до н. э.; эрины (= Фир Волг), вероятно, в V веке; лагены (с племенами домнаин и галеоин) в III веке; гойделы, появившиеся около 100 г. до н. э. Представление о серии нашествий соответствует местной традиции и впервые зафиксировано Неннием, упоминающим три нашествия: Партолона, Немеда и Сыновей Миля.

В "Книге Захватов Ирландии", известной нам по редакции XI века, их насчитывается 5 (или 6): (Кессаир), Партолон, Немед, Фир Болг, **[18]** Племена богини Дану и Сыновья Миля. Однако эти легенды являются лишь учеными измышлениями и не имеют никакой исторической ценности. Они представляют интерес другого рода. Единственное отношение, которое они имеют к истории, состоит в том, что они отображают состояние дел, которое пытались объяснить образованные люди древности. Из различных ссылок, цитируемых ОТахилли, явствует, что в Ирландии присутствовали по меньшей мере три этнические группы: круитни, располагавшиеся преимущественно на северо-востоке и, очевидно, родственные шотландским пиктам (также называвшимся круитни) [8]; эрины, жившие на юго-западе и юго-востоке (деси); и гойделы (Cland Miled), доминирующий народ раннеисторического периода, правившие в Таре, Кашеле и Круахане. Были ли

лагены отдельным народом или только одним из гойдельских племен, для нас не вполне ясно.

Последнее предположение О'Рахилли состоит в том, что первые три (по его классификации) группы говорили на бриттских диалектах, то есть были "P-кельтами", и что только гойделы были носителями гойдельского языка, единственным "Q-кельтским" народом [9]. И он пытается доказать это, основываясь на данных некоторых ирландских слов, не гойдельских по форме, которым ученый приписывает бриттское происхождение. Его аргументация не выглядит убедительной, а идея, что этот более архаичный язык был принесен в Ирландию последним в результате миграции квариатов из Юго-Восточной Галлии, логически неправдоподобна. Нам представляется более вероятным, что гойдельский язык появился в Ирландии первым и что в Ирландии существовали отдельные поселения бриттских племен - точно так же позднее ирландцы основали свои поселения как в Северном, так и в Южном Уэльсе, В эти ранние века, когда существовало непрерывное сообщение через Ирландское море, налицо были все возможности для лингвистических заимствований. Более того, определенная часть ирландского словаря может быть и неиндоевропейской, наследием докельтских времен. Круитни и эрины, иммиграция которых произошла раньше гойдельской, вероятно, говорили на Q-диалектах. Однако правильнее будет сказать, что на данный момент не существует однозначного ответа на этот вопрос. Доктрина О'Рахилли была воспринята некоторыми учеными [10] и отвергнута другими".

В это же время кельты проникли в Италию и продвинулись вдоль Дуная в направлении Черного моря. Цизальпийская Галлия была заселена в IV веке, а в 390 г. кельтские воины захватили Рим. В 278 г. было Разграблено святилище в Дельфах, а затем грабители прошли по Фракии и Македонии. Скордиски основали город Сингидун (Белград), а Другие группы даже вступили в контакты со скифами и образовали **[19]** кельто-скифскую группу. Наконец, двадцатитысячное войско, состоявшее из тектосагов, толистобогиев и трокмов, вторглось в Малую Азию, после чего эти племена основали три тетрархии Галатии в Восточной Фригии. Тектосаги поселились на землях на месте современной Анкары. И подобно кельтам Галлии в их святилище на территории карнутов [12], подобно кельтам Ирландии в Уснехе и Тайльтиу [13], галаты время от времени собирались в святилище под названием Drunemeton "священный дубовый лес", оставаясь верными своей древней традиции [14].

В то время в руках кельтов находилась территория, простирающаяся от Ирландии до Галатии. "Два века,- говорит Гренье,- они [кельты] были величайшим народом в Европе... Около 300 г. до н. э. сила кельтов достигает своего пика, а их энергия и людские ресурсы кажутся неисчерпаемыми" [15].

Эта стремительная экспансия, охватившая огромный ареал, предполагает большую численность и сильный дух приключений. Более того, подобно грекам в Средиземноморье, кельты несли с собой свою цивилизацию, утверждая ее на захваченных землях. И хотя они были "варварами" в строгом смысле слова, их образ жизни был не так уж груб. Мы располагаем рассказами о нем Полибия в III веке до н. э., фрагментами Посидония, жившего в I веке до н. э., и сообщениями Юлия Цезаря. Кое-что из того, что рассказывает нам Посидоний, заслуживает обширного цитирования, поскольку находит потрясающее подтверждение в поздних ирландских источниках [16].

Полибий достаточно подробно рассказывает и о завоевании Ци-зальпийской Галлии, и о позднейшей борьбе римлян с кельтиберами в Испании, и о поражении галатов в Малой Азии. Он описывает оружие кельтов, их обычай сражаться обнаженными, обычай обезглавливать сраженных врагов и упоминает великолепные золотые ожерелья и браслеты кельтских воинов. Он также говорит, что они придавали большое значение количеству клиентов как мере положения человека в обществе [17].

Самым известным отрывком, описывающим кельтов, является пассаж в шестой книге "Записок о галльской войне" Цезаря, но главным источником информации остается Посидоний, написавший продолжение "Историй" Полибия. Его труды утеряны, но многое из того, что он сообщил о кельтах, сохранилось в произведениях Диодора Сицилийского и Страбона. Вот отчет Страбона о кельтах Галлии:

"Все племя, теперь называемое галльским или галатским, помешано на войне, отличается отвагой и быстро бросается в бой; впрочем, оно простодушно и незлобиво. Поэтому в состоянии возбуждения галаты устремляются в бой открыто и без оглядки, так что тем, кто захочет **[20]** применить хитрость, их легко одолеть. Кто бы, когда и где ни пожелал под любым случайным предлогом раздражить галатов, найдет их готовыми встретить опасность, хотя бы у них не было никакой поддержки в борьбе, кроме собственной силы и отваги. Если же их убедить, то они легкодоступны соображениям пользы, так что способны воспринимать не только образование вообще, но также науку. Что касается их силы, то она зависит отчасти от крупного физического сложения, а частью обусловлена их многочисленностью. Они легко собираются вместе в большом числе, так как отличаются простотой, прямодушием и всегда сочувствуют страданиям тех своих близких, кому, по их мнению, чинят несправедливость...

У всех галльских племен, вообще говоря, существует три группы людей, которых особенно почитают: барды, предсказатели и друиды. Барды - певцы и поэты, предсказатели ведают священными обрядами и изучают природу, друиды же вдобавок к изучению природы занимаются также и этикой. Друидов считают справедливейшими из людей и вследствие этого им вверяют рассмотрение как частных, так и общественных споров. Поэтому в прежние времена они улаживали военные столкновения и заставляли противников останавливаться, когда те уже собирались сразиться друг с другом; дела об убийствах преимущественно отдавались на их решение. Большое количество этих дел сопровождается, как они считают, изобилием благ в стране. Не только друиды, но и другие утверждают, что души и вселенная неразрушимы; но все же в конечном итоге огонь и вода одержат верх над ними" [18].

Диодор описывает обычаи кельтов Галлии на пиру следующим образом:

"Знатные мужчины выбривают щеки, а усы оставляют, чтобы те закрывали губы, так что во время еды кусочки пищи застревают в усах, когда же они пьют, напиток словно процеживается через сито. За ужином они сидят не на креслах, а на земле, покрытой шкурами волков и собак, прислуживают же им дети самого юного возраста - и мальчики, и девочки. Рядом с ними стоят жаровни с сильным огнем, на которых находятся котлы, а также вертела с целыми звериными тушами. Достойных мужей они чествуют, поднося им лучшие куски мяса подобно тому, как по словам поэта, герои чтили Аякса за то, что тот одолел в поединке Гектора: Но Аякса героя особо хребтом бесконечным" [19].

Афиней, называющий своим источником Посидония, подтверждает то, что говорилось о *доле героя*:

"В прежние времена,- пишет он,- когда подавали заднюю часть туши, храбрейший герой брал себе бедро, и если другой человек притязал на эту часть, они вставали и сражались в поединке насмерть" [20]. **[21]**

Эта практика живо изображена в древнеирландской саге "Повесть о кабане Мак-Дато" (см. ниже с. 296), а также является главной темой саги "Пир у Брикрена".

С этой точки зрения особенно интересен другой отрывок. Это рассказ Диодора о поведении галлов в битве:

"В путешествиях и сражениях галлы пользуются двуконными повозками, а на колесницах находятся возничий и боец. Приблизившись ко [вражеским] всадникам, они поражают противника копьями, а затем, сойдя с колесницы, продолжают сражаться мечами. Некоторые из них презирают смерть настолько, что устремляются навстречу опасности обнаженными, в одном только поясе. На войну они ведут с собой и свободных слуг, которых набирают из бедняков и используют в сражениях как возничих или оруженосцев. Выстроившись к бою, галлы имеют обыкновение выходить перед строем и вызывать храбрейших из противников на поединок, потрясая оружием и устрашая врагов. Если же кто примет вызов, они принимаются превозносить подвиги предков и восхвалять собственную доблесть, тогда как противника оскорбляют, унижают и словами своими лишают его душевной отваги. Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней, а окровавленные доспехи врагов передают

слугам и увозят военную добычу, распевая боевые песни и победный гимн. Лучшую часть добычи они прибивают к стене своего дома. как бывает поступают с добычей охотники" [21].

В этом случае ирландские источники вновь почти полностью совпадают с описанием кельтов Галлии. Воины из саг Ульстерского цикла отправляются в бой на колесницах, а вызов на поединок является центральной темой в великом эпосе "Похищение Быка из Куальнге". Кухулин, со своим возничим Лаэгом, в своей двуконной колеснице, вооруженный щитом с мечом и копьем, представляет собой тип кельтского воина, в точности соответствующий описанию у Посидония.

Вот описание галлов у Диодора, также основанное, по всей видимости, на Посидонии:

"Внешность у галлов устрашающая, голос - громкий и очень грубый, в речах же они немногословны и иносказательны, зачастую прибегают к преувеличениям, чтобы возвысить самих себя, а других - унизить, привыкли угрожать, бахвалиться и превозносить самих себя, однако умом остры и к обучению склонны. Есть среди них и поэты, которых они называют бардами. Исполняя песни в сопровождении инструмента, схожего с лирой, одних они воспевают, других порицают. Есть также [у галлов] и некие весьма почитаемые мудрецы и теологи, которых называют друидами. Пользуются галлы и услугами прорицателей, которые у них в большой чести. [Прорицатели] эти вещают будущее по полету птиц или по внутренностям жертвенных животных, и весь народ им **[22]** послушен. В частности, при исследовании особо важных вопросов, они придерживаются весьма странного и кажущегося невероятным обычая: окропив человека, его поражают в место над диафрагмой, а когда тот падает [смертельно] раненный, по его падению и содроганию тела, а также по истечению крови предсказывают будущее, полагаясь на опыт Древних и многолетних наблюдений такого рода. Есть у них обычай не приносить никакой жертвы в отсутствие мудреца, поскольку полагают, что через тех, кто сведущ в божественной природе и как бы владеет божественной речью, и следует выражать благодарность богам, и через них же, как полагают, и следует просить о благах. Не только в мирное **[23]** время, но и во время войны они пользуются особым доверием, как и певцы-поэты, причем не только среди друзей, но и среди врагов. Часто случалось, что когда войска сходились друг с другом для сражения, обнажив мечи и занеся копья, они выходили на середину и смиряли [воинов], словно укрощая неких диких зверей. Так вот даже среди самых свирепых варваров гнев уступает мудрости, и Арес чтит Муз" [22].

Наибольшую ценность во многих отношениях представляет собой широко известное свидетельство Юлия Цезаря. Согласно его описанию, ставшему одним из оснований теории Дюмезиля, галльское общество было разделено на три класса, druides, equites и plebs, три функции (жрецы, воины и земледельцы). Об equites он говорит, что у более знатных и состоятельных есть многочисленные клиенты.

Цезарь сообщает о друидах больше, чем другие наши источники, упоминая об их двадцатилетнем обучении, их устной традиции и так далее. О галлах же он говорит: "Natio est omnis Gallorum admodum dedita religionibus" - "Весь галльский народ чрезвычайно предан религии". Он сообщает, что друиды учили о переселении душ и что молодые люди стекались к ним для обучения.

"Говорят, они учат наизусть множество стихов и поэтому некоторые остаются в школе друидов по двадцати лет. Они считают даже грехом записывать эти стихи, между тем как почти во всех других случаях... они пользуются греческим алфавитом. ...Кроме того, они много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов" [23].

Этот класс профессионально образованных людей, жрецов и ученых, по-видимому, вместе с индийскими брахманами представляет собой общее индоевропейское наследие. В более поздних и более полных свидетельствах ирландских источников фигурирует сходный класс, класс филидов, которые, хотя и утратили в христианском обществе свои жреческие функции, переняли ученые функции друидов в качестве поэтов, генеалогов и юристов, сохранив также практику скорее устной, чем письменной традиции. И форма, и

содержание их учения демонстрируют поразительное сходство с традицией брахманов.

Архаизм этой традиции лучше всего виден на ирландском материале, представленном ниже (глава 10), но два момента заслуживают упоминания уже сейчас, так как они убедительно доказывают, что ученая традиция, унаследованная галльскими друидами, была передана ими ирландским филидам.

Метры Ригведы, самые ранние известные формы индоевропейского стиха, основаны на строке с фиксированным числом слогов, первая **[24]** половина которых была свободна в отношении долготы, а каденция фиксирована в форме OO-O. Мейе давно продемонстрировал идентичное происхождение греческой метрики, а сравнительно недавно Роман Якобсон проследил его в современном славянском стихосложении. Калверт Уоткинс убедительно, по нашему мнению, показал, что древнеирландская гептасиллабическая строфа происходит из этой индоевропейской формы и что другие ирландские метры являются ее вариантами, тем самым подтвердив древность кельтской традиции и общность наследия друидов и брахманов [24].

Вторым важным моментом является юридическая традиция. Самые ранние отрывки древнеирландских законоведческих трактатов датируются VII, может быть даже, VI веком. Они написаны в стихотворной форме, обычно семисложной строфой, заканчивающейся дактилем (фиксированная каденция), что говорит об устной традиции; их содержание относится к системе обычного права, близкую параллель к которому можно обнаружить в Manavadharmasastra, индийских законах Ману [25].

Доктор Бинчи обратил внимание на некоторые соответствия между ирландскими и индийскими законоведческими книгами. В обеих странах закон состоит из канонических текстов, наделенных священным происхождением, а к его толкованию допускается исключительно привилегированная каста. В обоих случаях мы наблюдаем юридические школы с варьирующими традициями интерпретации. Отношения между учеником и учителем (ирландские felmac и fithithir; санскритские sisya и guru) были сходными, с возможным правом наследования. Индийская sapinda, семейная группа из четырех поколений, потомков общего прародителя, по всей видимости, обладала тем же значением и функциями, что и ирландская derbiine и валлийская gwely. Ядерная семейная единица была в обеих системах одной и той же.

Закон о "назначенной дочери" является характерной чертой как греческой, так и индийской юридической системы. В Греции назначалась своим отцом, если у него не было сына, чтобы родить ему внуков от определенного супруга, обычно ее ближайшего родственника со стороны отца. Эти внуки становились его законными наследниками и наследовали его состояние. В Индии дочь, на которую возлагалась такая обязанность, называется putrika "сходная с сыном" (putra "сын"), и параллель с ирландской системой здесь даже ближе, так как этот обычай впоследствии утратил свою силу, и если не было сыновей, то наследницей могла стать дочь. Позднее она обладала правами наследования только на срок своей жизни, и после ее смерти состояние возвращалось ее родичам по отцу. **[25]**

Таково положение ирландской ban-chomarba, "наследницы-женщины", но существовал и более ранний обычай, в соответствии с которым она выходила за родича и рождала наследников своему отцу. То, что и в Индии, и в Ирландии развитие закона было одинаковым, предположительно всего лишь совпадение, но первоначальный статус putrika и banchomarba, очевидно, отражает общую индоевропейскую традицию [26].

Еще большее впечатление производят ирландские и индийские законы о браке. В Индии было восемь форм брака: brahma, daiva, arsa, praja-patya, asura, gandharva, raksasa и paisaca. В первых четырех случаях дочь выдавалась своим отцом замуж без выкупа со стороны жениха. Пятая форма - брак с выкупом, шестая - свободная связь девушки и любовника, седьмая - насильственное приведение (свойственное воинам), восьмая - соблазнение с похищением, называемая низким и греховным обычаем (Ману III 20-34). В Ирландии сходным образом существовали различные формы брака. В законоведческих трактатах о браке различаются десять классов, из которых разъясняются только девять.

Первые три - обычные браки, различающиеся долей состояния, вносимой каждой стороной,- равные доли, состояние, вносимое мужчиной, состояние, вносимое женщиной. Другие - временные союзы, и два из них в точности соответствуют двум индийским

формам, насильственному браку (lanamnas ёспе) и соблазнению с уводом (lanamnas tothia). В действительности третью форму, "союз, принимаемый по предложению мужчины", можно сопоставить с индийской формой gandharva, свободным соединением девушки и любовника.

Мы можем даже предположить соответствие в количестве форм брака, так как Бинчи считал, что два ирландских "союза" являются поздним развитием [27].

В обеих системах наследование семейной собственности осуществлялось в "идеальных" долях, без действительного разделения собственности между наследниками; и в обеих существовало различие, с важными юридическими последствиями, между унаследованной и приобретенной собственностью.

В обеих системах существовали различные формы поручительства, игравшие важную роль в обеспечении выполнения частных обязательств.

Особенно интересен обычай поста, соблюдаемого истцом против ответчика, обсуждаемый ниже. В обеих системах он опознается как юридическое средство, применяемое для того, чтобы вынудить ответчика выполнить требование истца [28].

Индоевропейские истоки ирландской метрики и поразительное сходство между индийской и ирландской юридическими системами, также **[26]** указывающее на индоевропейское происхождение, доказывают, что ирландские филиды, а следовательно и кельтские друиды, являлись наследниками той же традиции, что и брахманы. Вандриес давно показал, что группа слов, ассоциированных с религией и королевской властью, сохранилась, с одной стороны, в индоиранском и, с другой, в италийском и кельтском языках. Их сохранение он приписывает жреческой касте, представленной брахманами в Индии и друидами в Галлии [29]. Теперь мы можем пойти еще дальше и сказать, что друид и брахман были наследниками общей ученой и культурной традиции. Ирландское общество основывалось на семейной группе из четырех поколений (см. ниже с. 124), и то же самое можно предположить о кельтах. Более крупной единицей было племя. Во времена Цезаря в Галлии было около 50 племен, из которых лишь немногие знали институт королевской власти. Большинство из них приняло олигархическую форму правления. Поэтому больше всего о королевской власти у кельтов мы узнаем из ирландских источников [30].

О религии кельтов было написано очень много, но картина остается туманной. Цезарь говорит, что галлы поклонялись Меркурию, Аполлону, Марсу, Юпитеру и Минерве. В этом случае он просто отождествляет галльские божества со своими римскими богами. Он не приводит ни одного галльского имени. Эти имена сообщают нам другие историки; множество имен появляется и в посвящениях на обширной территории, когда-то населенной кельтами, от Галатии в Малой Азии до Испании и Британии. В целом мы располагаем списком, состоящим из более 400 имен, и более 300 из них зафиксированы единично. Может быть, это имена местных божеств, так как у каждого племени или группы племен был отдельный культ.

Одним из важнейших имен в этом списке является имя Луг, валлийское Ллеу. Оно появляется в посвящениях из Авранша в Швейцарии и из Асмы (Таррагона) в Испании во множественном числе, Lugoues, Lugouibus [31], и присутствует в географическом названии Лугудунум, названии Лиона, Лудона, Лаона и Леона во Франции, Лейдена в Голландии и Лигница в Силезии. Должно быть, Луг был великим кельтским богом, но мы не знаем, каковы были его основные функции. В Ирландии он был богом Лугназада, 1 августа, очевидно, праздника урожая, и, таким образом, мог быть богом плодородия. В Лионе в этот день, по-видимому, вместо древнего праздника Луга, отмечался праздник Августа. Маире МакНейлл показала, что его праздник отмечался по всей Ирландии до наших дней [32]. Другим именем Луга было Финд, "Светловолосый", сохранившееся на континенте в форме Vindonnus**[27]**, и в некоторых географических названиях: Uindobona (Вена), Vindonissa и т. д. [33]

Поэт Лукан говорит, что богами кельтов были Эсус, Таранис и Тевта-тес; два последних имени отражены в валлийском taran (ирландское torann) "гром" и tud (ирландское tuath) "племя". Слабость отражения этих имен предполагает большой интервал между первым кельтским заселением Британских островов и датировкой наших галльских данных. Огмиос, бог красноречия, описанный Лукианом (см. ниже с. 173), и

ирландский Огма, фигурирующий в Битве при Маг Туиред, близки по форме, если не по функции, хотя Турнайзен отвергал их тождественность [34].

Определенно кельтским был культ Матерей - Мать Земля как источник плодородия почиталась в троичной форме под названием matres или matronae. Посвящения, сохранившиеся на монументах в Галлии, написаны на латыни, а фигуры иногда изображаются с корзинами плодов или рогами изобилия или с детьми на коленях. Существует валлийское географическое название Y Foel Famau "холм матерей", сохраняющее эту традицию.

Один бог чаще всего представлен в виде трехглавого бога, сохранилось 32 его изображения. В Ирландии Три Бога Ремесла (Три Бога Дану)-это Гоибниу, Лухта и Кредне [35]. Есть три Бригиты [36] и три Финд [37]. Иногда у бога есть спутница. Сукеллос (бог с молотом) и Нантосуелта, Луксовий и Бриксия, Бормо и Дамона появляются на монументах вместе. Мадам Жонваль в своей книге Dieux et Heros des Celtes предполагает, что боги носили общенациональный характер, являясь защитниками всего народа, а богини были местными, сельскими духами плодородия или войны. Брак бога-вождя с матерью-богиней гарантировал народу защиту и плодородие.

И вновь мы вспоминаем об индуизме, в котором у бога была спутница-женщина, его sakti, или источник силы. Так, супругой Индры была Сачи, Шивы - Ума, Вишну - Шри-Лакшми. Брахма, Вишну и Шива составляют троицу Создатель, Восстановитель и Разрушитель, Trimurti ("в троичной форме"). Впрочем, трехглавый бог присутствует во многих культурах [38].

Другая характерная черта кельтской религии состоит в том, что объектами поклонения были колодцы, реки и священные деревья, имевшие богов или богинь-покровителей. Некоторые реки были божественными сами по себе. В истоке реки Сены находилось святилище богини Секваны, а рядом с истоком Марны - святилище богини Матроны. В Ирландии богинями были Боанн (Бойн) и Шинайнн (Шэннон). Кроме того, были боги-животные: Тарвос Тригаранос, изображенный на знаменитом парижском монументе в Музее Клюни [илл. 4]; кабан, **[28]** Моккос; богиня Эпона, имя которой предполагает культ лошади; и богиня Артио, возможно, медведица [39]. Рогатый бог Цернуннос появляется на Котле из Гундеструпа с оленем [илл. 5], а богиня Дамона предполагает культ коровы.

Жрецами, отправлявшими культ этих богов, были друиды, о которых многое рассказывает Цезарь. Они совершали частные и публичные жертвоприношения. Они учили, что душа бессмертна и после смерти переходит в другое тело, приблизительно как у индийцев. Они учили также, что все люди происходят от Дита, бога Иного мира, знали астрономию и естественную философию (см. выше с. 24) [40].

После победы захваченные животные приносились в жертву богу войны. Иногда приносились человеческие жертвы, и Цезарь говорит, **[29]** что в таких случаях предпочтение отдавалось преступникам, но если преступников не было, на их место выбирались другие люди. Этот дикарский обычай упоминает и Лукан в хорошо известном отрывке, где говорится, что боги Эсус, Таранис и Тевтатес умиротворялись человеческими жертвами [41]. Жертвоприношения, возможно, также проводились на частных обрядах или регулярных годовых праздниках, но о галльских праздниках или ритуалах нам почти ничего не известно, так как сами галлы не оставили никаких записей о них.

На самом деле существует один драгоценный документ, который можно связать с учением друидов, а именно Календарь из Колиньи; ибо одной из их обязанностей было, вероятно, соблюдение порядка Календаря с его благоприятными и неблагоприятными днями. Календарь из Колиньи - самый большой цельный документ на галльском, открытый **[30]** до сих пор, и содержит около 60 различных слов, некоторые из которых повторяются несколько раз. Он был обнаружен в 1897 г. в винограднике в Колиньи (Эйн), и это открытие породило новую эпоху в изучении галльского языка и кельтской культуры. Он датируется I веком н. э.

Было откопано несколько бронзовых пластин, оказавшихся календарем, рассчитанным на 62 последовательных месяца, приблизительно равных пяти солнечным годам. В месяце 30 или 29 дней, месяцы разделяются на две половины (15 + 15 или 15 + 14). Месяцы из 30 дней (кроме EQUOS) отмечены как благоприятные (MAT.), а месяцы из 29 дней как

неблагоприятные (ANM.). Однако определенные дни в благоприятном месяце несчастливые, а некоторые дни в неблагоприятном месяце счастливые. Вторая половина месяца имеет заголовок ATENOUX ("возвращающаяся ночь") (?), так что, по всей видимости, перед нами разделение на светлую часть и темную часть. Мак-Нейлл показала, что седьмой, восьмой и девятый дни месяца были днями полной луны [42]. Лунный год из двенадцати месяцев был адаптирован к солнечному году путем добавления дополнительного месяца из 30 дней в каждый третий год. Таким образом, в этом году было 13 месяцев, двенадцать из которых сохраняли свои собственные названия, и один дополнительный месяц из 30 дней, дни которого поочередно получали названия по одному из двенадцати месяцев. В дополнительном месяце не было собственных дней, и он был вставлен для того, чтобы привести в приблизительное соответствие лунный и солнечный циклы.

Существовала тщательно продуманная система переносов, согласно которой обозначения, свойственные дням в данном месяце, переносились на соответствующие даты предшествующего месяца или чередовались между двумя последовательными месяцами предположительно, в ритуальных целях [43]. Мы не будем вдаваться в детали, но Календарь из Колиньи является свидетельством высокого уровня астрономических познаний и может отражать ученость друидов. Более того, в разделении месяца на светлую и темную половины, в месяце из тридцати дней с трехлетним циклом, в конце которого добавлялся дополнительный месяц, этот галльский календарь напоминает индийский [44].

По всей видимости, в Галлии процветала ученость, хотя мы и не располагаем о ней сколь-нибудь обширными сведениями[45]. О галльском искусстве мы знаем значительно больше благодаря сохранившимся каменным и металлическим изделиям. Это искусство, собственно Кельтское, то есть изобретенное самими кельтами, относится к периоду Позднего железного века, известного под названием Ла Тен. Из-за того, **[31]** что оно долгое время было оттеснено на второй план греческим и римским искусством и архитектурой, лишь недавно и постепенно к нам пришло осознание его действительного вклада в западную культуру. Оно контрастирует с реализмом и естественной красотой античного искусства; это кельтское искусство очень образно, даже дико, проявляясь скорее в символах и схемах, чем в прямой репрезентации. Оно скорее сродни скифским и ближневосточным, чем средиземноморским формам. Частично оно происходит также от абстрактных декоративных мотивов бронзового века, даже от времен палеолита [46].

"Для греков спираль - это спираль, а лицо - это лицо, и всегда ясно, где кончается одно и начинается другое, в то время как кельты "видят" лица в спиралях или завитках: неоднозначность-свойство кельтского искусства... Это механизм снов, когда контуры предметов размываются и одни вещи плавно перетекают в другие" [47].

Прекрасный пример этого преклонения перед схематизмом представляет собой скульптурный столп из Санкт-Гоара [илл. 14], на котором человеческая голова - только одна черта во всем поле спиралей, ромбов и завитков. Другой пример - бронзовое кольцо с колесницы, где голова становится частью спирального мотива (Jacobsthal, Imagery, pi. 66). Лучшие качества кельтского ремесла проявляются в металлических изделиях, и в знаменитом котле из Гундеструпа мы видим комбинацию орнамента и образов. На самом деле его нельзя назвать типично латенским, так как он демонстрирует архаическое греческое и восточное влияние, но, несмотря на это, считается произведением ремесленника-кельта [илл. 5]. Крышка сундука из Овер-сюр-Уаза (Powell, Prehistoric Art, pi. 181) и позолоченный шлем из Амфревилля [илл. 9] являются хорошими образчиками чисто декоративного искусства. Бриттские ожерелье и торквес [илл. 12, 13] иллюстрируют любовь к орнаменту, которую приписывают галлам Подибий и Посидоний [48]. **[32] [33] [34] [35]**

Хотя кельты Галлии и многое заимствовали от греческих и римских моделей, в монетах они также проявляли свой дар воображения и оригинальность. Монета Верцингеторига [илл. 15, VII] интересна по большей части именем, но монеты с колесничим и скачущими лошадьми [илл. 15, I, V и VI] и две другие, выбранные нами, в которых головы сливаются с орнаментом,- чисто кельтские по изображению. **[36]**

Кельты поражали античных историков своей пылкостью и бесстрашием в битве,

раздражительностью и сильным чувством чести, надменностью при победе и отчаянием, приводившим к самоубийствам, при поражении, любовью к орнаменту, праздникам, поэзии, admodum dedita religionibus, "преданностью религии". Аристотель в "Этике Никомахо-вой" говорит: "У нас нет слова для обозначения чрезмерно бесстрашного человека; может быть, такого можно назвать безумным или бесчувственным, который ничего не боится: ни землетрясения, ни волн, как говорят о кельтах" (III 7.7.). И Страбон цитирует историю из Птолемея о кельтских поселенцах на Адриатике, которые, когда Александр Великий спросил их, чего они боятся больше всего, ответили, что они боятся, как бы не упало небо. Катон Старший говорит о кельтах Цизальпийской Галлии: "Pleraque Gallia duas res industriosissime persequilur, rem militarem et argute loqui" - "У них две большие страсти - быть храбрыми в войне и хорошо говорить".

Из вырисовывающейся картины перед нами предстает храбрый и яркий народ, физически сильный и поразительно удачливый в ранний период. От Галатии в Малой Азии на северо-запад до Шотландии и на юг до Андалузии в III веке до н. э. можно было путешествовать, не покидая кельтской территории. И хотя это не была империя, но единое культурное пространство.

Якобсталь говорит, что кельтское искусство, во всем своем многообразии и даже несмотря на распространение на столь обширной территории, является единой культурой [49]. И он добавляет:

"Нам говорят, что галлы были храбрыми, драчливыми, жестокими, суеверными и красноречивыми: их искусство также полно контрастов. Оно привлекает и отталкивает; оно далеко от примитивности и простоты; оно изящно по мысли и технике, разработано и умно, полно парадоксов, беспокойно, загадочно неоднозначно; рационально и иррационально; мрачно и темно - далеко от человечности и прозрачности греческого искусства. И все же это действительно стиль, первый большой вклад варваров в европейское искусство, первая большая глава в непрестанных контактах южной, северной и восточной сил в жизни Европы".

Таковы были предки народов, появившихся на арене истории в первых веках христианской эры под именем бриттанов и гибернов, бриттов и ирландцев. **[37]**

ГЛАВА 2.
История и география Британских островов до конца Римского периода

До нас не дошло письменных материалов, рассказывающих о захвате Британских островов кельтскими племенами, но мы можем составить некоторое представление об этом периоде и о распределении этих племен по данным их языков, археологическим раскопкам и произведениям греческих и римских авторов. О некоторых лингвистических данных мы кратко упоминали в главе 1. Мы видели, что в доисторические времена кельтоязычные народы пришли на Британские острова откуда-то из Центральной Европы; очевидно, это переселение происходило последовательными волнами, не совсем ясно когда, но, вероятно, не позднее начала II тысячелетия до н. э. Древнейшая ветвь этих, языков, называемая современными учеными гойдельской (или Q-кельтской), до сих пор сохранилась в Хайленде и на Западных островах (Гебридах) в Шотландии, а также в Ирландии и на острове Мэн; поздняя ветвь, обычно именуемая бриттской, к которой изначально относился и галльский язык, сохранилась в Уэльсе и Бретани. На бриттском языке раньше говорили и на юго-востоке Британии, что отразилось в названиях гор, рек и лесов. Сохранение бриттского в Бретани объясняется ее колонизацией из Западной Британии в V и VI веках, к чему мы вернемся позже.

Древнейшим названием, которое классические авторы обычно использовали для обозначения Британских островов, является "Претанские острова". Именно под этим именем они появляются у Пифея в конце IV века до н. э. и у позднейших писателей - Полибия, Страбона, Авиена. Эта форма предполагает имя населения Pritani или Priteni. Это название, вероятно, кельтское и бриттское по своей форме - P-кельтское - возможно, галльское; вероятно, от галлов оно попало к грекам. **[38]**

Древнейшая форма продолжила свое существование в валлийских текстах, относясь ко

всему острову, Prydain "Британия" из Pritani, а вариант, происходящий от формы Priteni, употребляется в ранних валлийских текстах в форме Prydyn по отношению к народу, жившему к северу от Вала Антонина, "пиктам"'. В римский период население римской провинции называло себя Brittones, возможно, от искаженного Pritani.

Народы, принесшие на Британские острова кельтские языки, впервые появляются на страницах атласа Птолемея [2], греческого географа из Александрии, жившего приблизительно в середине II века н.э., чья география, включая его отчет об Ирландии, основывается на утерянной работе Марина Тирского [3], жившего в начале того же столетия, хотя считается, что информация, приводимая Птолемеем об Ирландии, в конечном итоге заимствована из произведения некоего путешественника, писавшего по меньшей мере за два века до него [4]. Сведения Марина, похоже, датируются I веком н.э., возможно, более ранним периодом; впрочем, эти сведения разлагаются на несколько временных пластов, включая некоторые поздние детали. Здесь можно добавить, что в дополнение к Птолемею мы располагаем другим ценным источником по географии кельтской Британии, анонимным произведением VI века н.э., известным под названием Ravenna Cosmography [5], где используются источники времен Птолемея и других периодов.

Из записей Птолемея мы узнаем, что, как и галлы до римского завоевания, кельтские народы Британских островов разделялись на ряд отдельных групп. Так, географ V века Марциан говорит, что Птолемей насчитывает в Британии 33 племени [6], из которых 17 относятся к Южной Британии. Следовательно, в Шотландии [7] было около 16 племенных союзов [8]. Для побережья Ирландии Птолемей приводит названия девяти "городов" (племен или государств) с их относительным расположением [9], но эти данные не обладают стопроцентной аутентичностью и предположительно заимствованы из записей древних мореплавателей. Он не называет ни одного города, располагающегося вдали от моря, и все идентифицированные названия относятся к восточному и южному побережьям, в то время как о западном береге информации чрезвычайно мало даже для того, чтобы мы могли составить какое-либо представление о его жителях. Северное и западное побережья Ирландии были одними из самых опасных в мире и, возможно, избегались моряками. Упоминаемые Птолемеем города, вероятно, были местами народных собраний или королевскими raths - оппидумами, как Тара и Эмайн Маха, а два из них обозначены как regia [10]. Ни один из них не поддается безусловной идентификации, а другие названия предполагают близкую связь с соответствующими названиями британских **[39]** племен. Бригантов" в Южном Уэксфорде едва ли можно рассматривать отдельно от бригантов, занимавших большую часть Северной Британии в римский период. В целом названия, приводимые в отчете Птолемея, не оставляют сомнений в том, что Ирландия уже была кельтоязычной к тому моменту, когда они были записаны.

Из птолемеевских названий племен или "городов" лишь очень немногие могут быть идентифицированы с названиями, бытующими в ирландской литературной традиции, и, следовательно, его Ирландия древнее Ирландии "Героического Века" (см. ниже с. 57). Ирландские названия у Птолемея были напрямую или опосредованно заимствованы из произведений каких-то географов, живших значительно ранее его, и единственным правомочным кандидатом является Пифей [12].

Самым древним языком Британских островов, от которого до нас дошли какие-то записи, был пиктский. Все наши данные - лингвистические, археологические и исторические - предполагают, что в до- и протоисторические времена пикты были многочисленным народом, занимавшим северную часть Шотландии от залива Ферт-оф-Тей до Шетландских островов. Этот народ в VIII веке н.э. был известен Беде под названиями северных и южных пиктов. Их происхождение неизвестно, но, вероятно, пикты составляли население Шотландии от бронзового века до переселения в Британию кельтов, с которыми, похоже, они смешались. Приблизительно две дюжины каменных надписей, равномерно распределенных на территории между Северными островами и рекой Тей, сохранили пиктские имена собственные; почти все они написаны поздней формой раннего кельтского алфавита огам (см. ниже с. 252). Не считая собственных имен, эти надписи не поддаются интерпретации. По данным ономастики и немногих дошедших

до нас пиктских слов, можно заключить, что кельтский элемент в пиктском языке был ближе бриттскому, чем гойдельскому, и ближе галльскому, чем валлийскому. На пиктском языке продолжали говорить еще в IX веке, до конца пиктской гегемонии (см. ниже с.140).

Можно предположить, что некоторые из древних кельтских королевств совершили широкомасштабное переселение на Британские острова, разделившись на отдельные группы либо до, либо после обоснования в Британии. Возможно, это объясняет замечательно широкое распространение некоторых тождественных названий. Так, мы обнаруживаем корнавиев, населявших, по Птолемею, крайний север Шотландии, на территории современного Сазерленда или Кейтнесоа [13], и корновиев на границе северного Уэльса с их оппидумами, носившими, по Птолемею [14], названия Deva (Честер) и Viroconium (Роксетер). Первый элемент Corn- появляется в ряде других географических названий **[40]** в Западной Британии, включая, конечно, Корнуолл, а также Корнуай в Бретани. Другое древнее название, получившее широкое распространение,- имя думниониев, помещаемых Птолемеем на западе Шотландии на юг от линии Форт-Клайд до Стерлингшира [15]. По его данным, думнонии также населяли всю Юго-Западную Англию, включая современный Корнуолл, Девон и значительную часть Сомерсета. В Ирландии, в древнем королевстве Коннахт и части Лейнстера был известен народ под названием Fir (люди) Domnann, хотя он и не упоминается у Птолемея [16]. Не является ли это племя реликтом ранних атлантических поселений? Птолемей сообщает о трех других племенах в Южной Шотландии, новантах [17] в Голуэе, на юг от думниониев; отадинах [18] в Хеддингтоне и Бервикшире и на юг до Нортумберленда; и сельговах [19] между этими двумя племенами в холмистой местности водораздела Клайда и Твида.

Мы располагаем крайне скудными сведениями о распределении кельтских племен на территории Уэльса до норманнского завоевания. Крупнейшие племена, зафиксированные Птолемеем, располагаются вдоль морского побережья и, без сомнения, занимают гористую местность в глубине полуострова. От Птолемея и других писателей мы узнаем, что юго-восток Уэльса до Бристольского залива был занят силурами [20]. Их племенным центром был, очевидно, Кервент (Venta Silurium). Птолемей говорит о деметах [21] (позднее Dyfed) как о народе, живущем на крайнем западе. О Северо-Западном Уэльсе наши знания не очень точны. Весь Северный Уэльс мог находиться на территории ордовиков [22], а информация Птолемея об Англси [23] и Сноудонии, вероятно, неверна. На северо-востоке обитали деканглы из Флинтшира, о которых Тацит говорит, что они жили недалеко от "моря, глядящего в сторону Ирландии" [24].

Кроме карты Птолемея нашим главным источником по расселению кельтских племен в Британии железного века являются данные археологии по кельтской фортификации и история римского завоевания, которую мы можем проследить по записям того времени, оставленным самими римлянами. Укрепления классифицируются на две главные категории: первая - большие укрепления на вершинах холмов кельтского железного века А; вторая - крепости белгского типа поздней модели, но иногда современные укреплениям первого типа. Из них первые и, в общем, самые ранние в Британии - большие оппидумы или племенные "города на вершинах холмов", постоянно подвергавшиеся яростным нападениям, но, как считается, первоначально предназначенные не для постоянного проживания в них, а использовавшиеся в качестве центра защиты и места сбора распыленного окружающего населения во время национальной опасности. В Бретани **[41]** **[42]** примером этого типа является большой Камп д'Артю в Юэльгоате в Финистере, основанный, по всей видимости, как сборный пункт осисмов во время кампании Цезаря 56 г. до н. э. [25] Такие большие оппидумы были, несомненно, племенными центрами "городов-государств". Среди наиболее впечатляющих укреплений, полностью исследованных в Британии, укрепления Стенвика [26], несомненно, оппидума бригантов [27] на севере; и большой город на холме Мейден Касл рядом с Дорчестером.

Коротко говоря, кельтские племена Южной Британии на протяжении римского периода были организованы в ряд давно созданных королевств, сила которых увеличивалась главным образом по мере продвижения в глубь страны. Из них мы уже упоминали корновиев [28]. Они занимали [29], грубо говоря, Чешир и Шропшир. Их племенной столицей в римские времена был Viroconium Comoviorum, теперь известный

под названием Роксетер. Этот центр ранее, бесспорно, находился в большом форте на холме Рекин, на три с половиной мили восточнее, выполнявшем функции большой наблюдательной башни, часового уэльсских болот. Птолемей также включал в их границы Deva, легендарный замок Честер; королевство корновиев граничило с коританами [30] Линкольншира и Лестершира на востоке, крупным племенем бригантов на северо-востоке, деканглами [31] на северо-западе, ордовиками на западе и добуннами на юге.

Бриганты [32] занимали долины Пеннинских гор и Северо-Запад Англии до территории паризиев на востоке современного Йоркшира и до территории корновиев на юге и, возможно, доходили до Юго-Западной Шотландии. Они были воинственным народом и, по словам Тацита, самым крупным племенем в Британии. Их племенная столица, **[43]** Стенвик, в Северном Райдинге (Йоркшир)*, располагалась на площади в 850 акров, окруженной валом и рвом, и его обширность и диффузный характер сравнимы с ранними кельтскими племенными центрами Галлии, а также с Круаханом, столицей королевы Медб в древнем Коннахте (см. ниже с. 58).

На восток от бригантов обитали паризии, со своим оппидумом Petuaria [33]. Они пришли с равнин Северо-Восточной Галлии, возможно, в III-II веках до н. э., и богатые могильники их военной аристократии, напоминающие марнскую культуру (см. ниже с. 341), были идентифицированы по захоронениям с колесницами и богатой конской сбруей. К столь поздним группам переселенцев из Галлии относятся также важные королевства иценов [34] в Норфолке и Саффолке, тринованто в [35] в Эссексе и другие. Эти племена управлялись королями [36] и аристократическими военными родами. В центре их территорий находились сильные и большие цитадели, построенные на холмах, а сами эти племена не были лишены определенных претензий на благосостояние и культурность. Думнонии были богаты минералами; белги-добунны [37], ицены [38] и некоторые другие чеканили свою монету. Из королевств Южной Британии самым культурно развитым было племя кантиев, благодаря своему благоприятному расположению ведшее оживленную торговлю с континентом. Птолемей говорит об их оппидумах Londinium (Лондон) и Rutupiae (Рочестер) [39].

В Юго-Восточной и Южной Англии кельтские племена последних веков перед христианской эрой представляют модель, несколько отличающуюся от более древних и больших королевств раннего периода. Как в Галлии времен походов Цезаря, в кельтских королевствах, образовавшихся в Британии, отсутствовала политическая солидарность. Эта разъединенность, несомненно, внесла свой вклад в проникновение и захват главенствующего положения белгами, а позднее стала главной причиной римского завоевания. Когда Цезарь совершал два своих похода в Британию в 55 и 54 гг. до н. э., он обнаружил, что некоторые племена белгов уже мигрировали через Ла-Манш из Северной Галлии и постепенно установили свою верховную власть над большей частью кельтских прибрежных племен Южной Британии (см. ниже карту 2). Эти перемещения из Галлии в Британию носили характер скорее экспансии, чем нашествия, и сам Цезарь отмечал, что на памяти галлов его времени некоторые из иммигрантов вступали в Британию целыми **[44]** племенными единицами, и как грабители, и как колонисты, и что их британские поселения продолжали носить названия, идентичные тем, которые они оставили в Галлии.

Среди самых могущественных из новых королевств, которые основали поздние переселенцы по эту сторону Ла-Манша, было королевство катувеллаунов в Хертфордшире, с племенным центром[40] вблизи современного Сент-Олбэнса (римское Verulamium). Катувеллауны распространили свою власть на окружающие народы и полностью растворили тринованто в [41] в Эссексе, между Восточно-Английскими высотами и морем, с их оппидумом у Колчестера. В дополнение к могущественному племени катувеллаунов и подчинявшемуся им королевству триноватов на юге и западе быстро укрепились королевства белгов.

Первая экспедиция Цезаря в Британию в 55 г. до н. э. имела целью оценить общее положение. По его собственным словам (Книга IV, 20), он понимал, что почти во всех

---

* * До 1974 г. Йоркшир делился на три административные единицы. Северный, Восточный и Западный Райдинг. Слово "Райдинг" (Riding) происходит от древненорвежского слова со значением "треть".- Прим. пер.

галльских кампаниях помощь поступала к врагу именно из этой страны, и он считал, что для него было бы большим преимуществом вступить на этот остров и оценить характер его обитателей и природу страны, мало известную галлам. Он говорит нам, что как только бритты обнаружили его намерение высадиться, они выслали свою конницу и колесницы, которые "они обычно используют в бою", и следовали за ними с остальными войсками. Использование бриттами колесниц, очевидно, произвело на Цезаря глубокое впечатление, так как после описания трудной высадки и последующего поражения бриттских войск он прерывает свое повествование, чтобы дать довольно подробный отчет о их методах ведения боя на колесницах:

> "Своеобразное сражение с колесниц происходит так. Сначала их гонят кругом по всем направлениям и стреляют, причем большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и стуком колес, затем, пробравшись в промежутки между эскадронами, британцы соскакивают с колесниц и сражаются пешими. Тем временем возницы мало-помалу выходят из линии боя и ставят колесницы так, чтобы бойцы, в случае если их будет теснить своей многочисленностью неприятель, могли легко отступить к своим. Таким образом в подобном сражении достигается подвижность конницы в соединении с устойчивостью пехоты. И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро спрыгнуть в колесницу"[42].

Цезарь своими двумя походами в Британию в 55 и 54 гг. до н. э. произвел "разведку боем"[43]. Настоящее завоевание началось при Клавдии **[45]** в 43 г. н. э. и распространялось на север и на запад до тех пор, пока в течение трех лет кельтские племена равнинной Англии не оказались побежденными и не были подчинены территории до Северна и Хумбера. В 47 г. были завоеваны ицены, а более древние королевства, включая самих ицен, по большей части смирились с положением вассальных королевств. На севере Картимандуя, королева бригантов, вступила с Римом в союзные отношения и приняла положение вассала.

Древние кельтские королевства на периферии Нижней Британии тем не менее ни в коем случае не смирились с римским завоеванием. Движение сопротивления и восстания вспыхивали, когда бы и где бы ни представлялся малейший шанс, малейшая возможность на успех[44]. Проследить историю кельтских королевств во время римского завоевания тяжело, в частности, потому, что единственные наши материалы - это записки завоевателей, и мы не в состоянии получить общую картину почти повсеместного антиримского движения, так как у нас нет ключей, которые дали бы нам возможность составить о нем последовательное и ясное представление. Это выглядит таким образом, как если бы кто-то пытался проследить ход серии маленьких землетрясений без сейсмологических инструментов. Впрочем, мы в любом случае признательны римским историкам за те поверхностные записки, которые они нам оставили.

В Уэльсе наибольшее сопротивление[45] оказывали племена ордовиков[46] в Северном и Центральном Уэльсе и воинственные силуры [47] на юго-востоке. Недавнее исследование сэра Йена Ричмонда, посвященное корновиям [48], показало, что римские военные мероприятия, направленные на установление контроля над этим государством на западной окраине Британии, были продиктованы необходимостью активных действий по предотвращению беспокойства и даже грабительских походов местных горных кельтских племен на запад (см. ниже с. 77). В Южном Уэльсе Каратак поднял воинственное королевство силуров [49] и двинулся на север, чтобы соединиться с ордовиками, без сомнения, рассчитывая на союз с бригантами; однако он потерпел крупное поражение в битве в 51 г. и после бегства к бригантам был скован и передан римлянам их королевой Картимандуей.

Картимандуя [50] была поставлена Клавдием королевой бригантов. Она расторгла свой брак с Венуцием, который, по всей видимости, правил обширными территориями на севере, и римская защита была ее единственной надеждой. Ее брак со знаменосцем бывшего мужа Веллокатом, несомненно, был политическим шагом, так как Венуций,

ранее лояльный к Риму, как и она, теперь проявил недовольство и возглавил движение сопротивления. С высокой вероятностью можно предположить, **[46]** что если бы бриганты сумели сплотиться в сильное буферное государство, это могло бы предотвратить оккупацию римлянами Северной Британии. Однако этому не суждено было сбыться. Бригантов окончательно покорил Агрикола, который сделал своей базой Честер, ставший отныне крепостью легионеров, и оттуда завершил завоевание Уэльса вскоре после своего прибытия в Британию в 77 или 78 г.

Как бы то ни было, уже в 61 г. н. э. римский генерал Светоний Павлин нанес валлийским племенам - возможно, ордовикам - тяжелое локальное поражение на берегу пролива Менай Стрит, и Тацит оставил нам живой рассказ о столкновении между римскими солдатами и друидами Англси в одном из своих самых проработанных мелодраматических пассажей:

> "На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещеваниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого исступленного, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размещают гарнизон и вырубают их священные рощи, предназначенные для отправления свирепых суеверных обрядов..." [51]

Между тем Боудикка, королева иценов, возглавила мощное восстание в Восточной Англии, к которому присоединились тринованты, и Светоний был вынужден спешно вернуться, оставив окончательное завоевание Уэльса Агриколе [52]. Под руководством супруга Боудикки Пратугаса, и, вероятно, еще до этого, ицены по необходимости стали вассальным государством, принеся в жертву свою независимость в обмен на римскую защиту. В качестве короля-вассала Пратугас не мог назначить своего преемника, но завещал половину своего состояния Риму, а другую половину двум своим дочерям. С царской семьей и знатью обращались как с завоеванным королевством, и римляне не позволили Боудикке унаследовать власть над страной. Кроме того, они оттолкнули бриттскую знать, рассматривая дары, сделанные британской аристократии Клавдием как ссуды, и еще до превращения этого королевства в римскую провинцию приступив к разделу наследия Пратугаса между военными и финансовыми чиновниками. Несомненно, они и ранее наталкивались на какое-то сопротивление, но жестокость, с которой **[47]** обращались с Боудиккой и ее дочерьми, затронула честь всего племени, поднявшегося на восстание. К иценам присоединились тринованты, также имевшие поводы жаловаться на экономическую политику римлян.

Дион Кассий оставил нам портрет Боудикки, который справедливо был назван "самым драматическим изображением кельтской героини в классической литературе" [53]:

> "Она была широка костью, с устрашающей внешностью и грубым голосом. Огромная масса ярких рыжих волос ниспадала до колен; она носила большое золотое ожерелье и пеструю тунику, на которую надевала толстый плащ, заколотый брошью. Теперь она схватила длинное копье, чтобы навести страх на всех, кто видел ее..." [54]

Судя по Картимандуе и Боудикке, бриттские женщины едва ли уступали своим галльским сестрам в силе личности и политическом и военном престиже. Светонию благодаря быстроте его действий и знанию военной тактики удалось подавить восстание, впрочем, не без труда, и обращение с восставшими отличалось, как и следовало ожидать, чрезвычайной суровостью. Вскоре после этого Светоний был отозван, а римские власти получили возможность сосредоточиться на укреплении защиты границ.

Между тем волнения бригантов - крупнейшей конфедерации бриттских племен среди римских вассальных государств - вынудили Агриколу, назначенного правителем

Британии, отложить окончательное покорение Уэльса - фактически уже завоеванного Светонием - и обратить все свои силы на север. По пути на север он преодолел сложную местность Ланкашира, основав форт в Рибчестере, охраняющий устье реки Риббл, затем перевалил через Пеннинские горы до своего форта в Эдьслеке по пути на Илкли и Йорк, а также из своего форта в Манчестере, ведущего к сети дорог через Пеннинские горы на Йоркшир [55]. Это была прекрасно продуманная стратегия, одновременно затруднявшая сообщения бригантов внутри страны и создававшая отличные условия для отражения ирландских набегов из залива Моркам на римские форты в Йоркшире [56].

В 80 г. н. э. он начал свою знаменитую кампанию в Южной Шотландии, быстро дойдя до Тея и установив линию временных фортов вдоль водораздела Форта и Клайда, окружив кельтские (бриттские) королевства сельговов и вотадинов на юго-западе и юго-востоке соответственно, а также проникнув и укрепившись в Голлуэе и Эйршире. Ясно видя противоположный ирландский берег, он с неохотой отказался или, скорее, на время отложил мечту о продолжении завоеваний **[48]** в западном направлении. Как говорит Тацит, обладавший достоверной информацией, "он видел, что Иберию... легкодоступную также со стороны Галльского моря, можно было связать более тесными узами с этими важнейшими частями империи", и далее Тацит сообщает, что один из ирландских королей, вынужденный бежать из-за местных политических затруднений, был принят римским генералом и под видом дружеских отношений удерживался Агриколой, так как мог оказаться полезен в будущем [57].

> "Я не раз слышал от самого Агриколы,-добавляет Тацит,- что силами одного легиона с приданным ему относительно небольшим количеством вспомогательных войск можно овладеть Гибернией" [58].

Но мечте Агриколы не суждено было осуществиться. Вместо этого он предпринял меры предосторожности против ирландских набегов на Юго-Западную Шотландию.

Размеры римской оккупации Шотландии остаются предметом исследований, однако очевидно, что земли кланов Хайленда остались недоступны для римских легионов. Чтобы защитить Лоуленд от набегов или завоевания с севера, Агрикола двинулся в Пертшир и построил большую крепость у Инчтутхилла, в десяти милях от Перта,- сильная позиция в качестве постоянной базы для зимних квартир, но не для стратегических целей. За этой точкой, по всей видимости, его продвижение на север шло главным образом по большой равнине Стратмор северней нижнего течения реки Тей. На восточном побережье форты строились до Кинтора-на-Доне и даже далее [59]. Однако его продвижение на север было остановлено могучим племенем каледонов в знаменитой битве при горе Гравпий [60], неидентифицированной местности [61], очевидно, севернее пертширского Хайленда. Впрочем, почти наверняка римские войска продвинулись вдоль восточного побережья. Считается, что наиболее вероятным местом битвы был римский форт Рай-дайк близ Стоунхевена [62], а местные племена, собранные на битву каледонами, предположительно были пиктами. При первом столкновении каледоны совершили ночное нападение на римский лагерь, к которому девятый легион оказался не готов. Нападавшим удалось проникнуть в самый центр лагеря, и если бы Агрикола не прибыл со своевременной помощью, каледоны одержали бы победу. Как бы то ни было, Тацит говорит, что они были обращены в бегство, "и если бы болота и леса не укрыли бежавших, то этой победой война была бы завершена" [63].

Однако каледоны ни в коем случае не были обескуражены, и, судя по их тактике, они превосходили южных бриттов как в своих политических, так и военных методах. Тацит, отчет которого об этой кампании **[49]** в целом прискорбно туманен, тем не менее сообщает некоторые значимые подробности [64]. Он рассказывает, например, что каледоны отослали своих жен и детей в безопасное место, действие, как мы видели, противоположное древней кельтской традиции; и он подчеркивает появившееся у них понимание важности единства:

> "Они переписали юношей своего народа, и они собирались на общие собрания нескольких государств и ... образовали союз во имя свободы... Опыт научил их, что общее дело требует

яростного напряжения их единой силы. Ради этого, путем договоров и союзов, отправляя послов к некоторым племенам, они собрали вместе силу своего народа".

Тацит добавляет, что оружие подняло около 30 тысяч мужчин и что их сила прибывала с каждым днем. Их вождем, наиболее выдающимся по происхождению и значимости, был Калгак, перед битвой обратившийся к собранным войскам с речью, которую Тацит, по его собственным уверениям, передает дословно и которая, несомненно, отражает хорошо известное неотразимое кельтское красноречие:

"Живя на краю мира, не утратившие свободы, мы вплоть до последнего времени были защищаемы отдаленностью нашей родины и заслоном молвы; но теперь... за нами нет больше ни одного народа, ничего, кроме волн и скал... Надменность римлян не смягчить ни покорностью, ни уступчивостью. Расточители всего мира, им уже мало земли: опустошив ее, они теперь рыщут по морю... Создав пустыню, они говррят, что принесли мир" [65].

Между тем Агрикола занял позицию между холмами и морем и выстроил свои войска, пехоту, насчитывавшую, по Тациту, около 8 тысяч человек, в центре, три тысячи конных на флангах и легионы в тылу. Каледоны построились на возвышенной местности, а их колесницы разместились ниже на равнине. "Бритты,- пишет Тацит,- не были обделены ни искусством, ни решимостью. Со своими длинными мечами и cetrae (маленькими легкими щитами) они умудрялись уклоняться от тяжелого оружия римлян и в то же время часто наносить свои удары". Однако колесницы, по-видимому, мешали передвижениям своей пехоты на узком пространстве; армия сначала медленно спускалась с высот, надеясь зайти в тыл римлянам, затем бросилась вниз, но была отбита и спешно отступила:

"Но порою даже у побежденных вспыхивало ожесточение и к ним возвращалось мужество. Они бежали в леса и, объединив свои разрозненные силы, окружали тех римлян, которые преследовали их слишком **[50]** рьяно... Хорошо известно, что некоторые наложили свои руки на своих жен и детей, решив положить конец их страданиям".

Битва при горе Гравпий, имевшая место в 84 г. н.э., завершила седьмую, и последнюю, кампанию Агриколы в Шотландии. Она стала кульминацией его попыток завоевать эту страну, и вскоре после этого он был отозван.

Результатом всей северной кампании явилось установление римской власти над всем Лоулендом; однако племена Хайленда сохранили свою свободу, и туда никогда не заходили римские легионы. Шотландия так и осталась незавоеванной.

Итак, племена Хайленда не были покорены римлянами. И как только римская мощь проявила признаки ослабления, они оказались готовы полностью использовать эти перемены, совершив ряд враждебных действий и набегов, результатом которых стало постепенное отступление римской обороны на юг. Причина перемен не была, конечно, ни локальной, ни бриттской, а лежала в военном кризисе в сердце империи, обусловив вынужденный отвод войск с западных границ. В шотландском Лоуленде перемены начались вскоре после 100 г. н.э. Были ликвидированы передовые гарнизоны, а все форты к северу от нагорья Чевиот, а возможно, и к северу от прохода Тайн-Солуэй, были эвакуированы. В 117 г. в Шотландии и Северной Англии поднялось мощное восстание кельтских племен, оказавшееся достаточно серьезным для того, чтобы в Англию прибыл император Адриан, а между 122 и 128 или 129 гг. была построена большая каменная стена или, лучше, vallum от Тайна до залива Солуэй, которая должна была представлять собой непроницаемый барьер для северных бриттов [66]. Интересная надпись, очевидно, из восточного конца нового укрепления фиксирует завершение Адрианом этого масштабного строительства в качестве лима, "барьера", воздвигнутого из "необходимости" [67]. В 139-142 гг. наступление римлян возобновилось, и преемником Адриана, Антонином Пием, была построена торфяная насыпь от Форта до Клайда. Несмотря на это, вторая половина II века стала свидетелем активизации кельтских сил в шотландском Лоуленде и на севере Англии. Восстания в 155-158 И 181 гг. разрушили стены и почти все форты, и в 196 г. опустошениям подверглась значительная часть

Британии. В 208 г. в Британию со своим младшим сыном Гетой прибыл император Септимий Север, покоривший "каледониев" и пиктов Стратмора и Стратерна; но после смерти Севера в 211 г. Каракалла отвел все постоянные римские гарнизоны к валу Адриана [68]; были предприняты и другие оборонительные меры, главной из которых стало обустройство новых выдвинутых **[51]** форпостов, сформированных из нерегулярных частей, или пограничных дозоров, exploratores, например, в Хай Рочестере, Ризингеме, Бьюкасле и Незерби. Отныне основная тяжесть обороны римских границ с севера легла на северных бриттов, поддерживаемых римскими ресурсами. Успех этой меры можно оценить по тому факту, что на протяжении III и даже IV века римская Британия переживала самый благоприятный период своего существования, когда процветали виллы и развивались города.

Римскую оккупацию Британии лучше всего уподобить приливу, и конец ее наступил не в результате какого-то одного события и даже не в результате ряда событий, а, как отлив, явился итогом постепенного процесса. В известном смысле это было частью мирового кризиса, потрясения великой цивилизации нашествиями северных варваров. В 406 г. варвары перешли через Рейн, а в 410 г. Рим, "господин мира", пал под натиском готов. В том же году анонимный галльский хронист фиксирует особенно опустошительный набег на Британию.

В течение III и IV века pax Romana внушил Южной Британии, как и Галлии, чувство защищенности. Нет никаких сомнений в том, что в Нижней Британии кельтские и романские народы на протяжении веков оккупации до некоторой степени образовали сообщество, которое видело в единстве свою главную надежду на продолжительное мирное существование. На тот момент их интересы совпадали, а перспективы будущего благосостояния заключались в отражении набегов из-за границы и в предотвращении постоянного притока на острова и поселения здесь чуждых народов. Для кельтских народов севера и запада, однако, ситуация представлялась в совершенно ином свете. Ослабление римлян сказалось на Британии, а постепенный отвод римских войск подавал надежду на завоевание и оккупацию страны не только германским народам Северо-Западной Европы - англам и саксам, ютам и фризам,- но и непокоренным кельтским королевствам Северной Британии и Ирландии.

Варварские вторжения на континент, приведшие к крушению Римской державы, невозможно рассматривать в отрыве от набегов на римскую Британию. История флота этого периода крайне неясна [69], но римский адмирал Каравсий, командующий морскими силами в Ла-Манше, определенно обустроил флот, прежде чем был убит в 293 г. после провозглашения себя императором в Британии. Его преемник Констанций, прибывший в Британию в 296 г., отстроил новый флот. И либо он перед своей смертью [70] в 306 г., либо Каравсий отстроили и, сильно укрепили по крайней мере некоторые из двенадцати фортов вдоль "Саксонского Берега" [71] в Юго-Восточной Британии, простиравшегося **[52]** от Бранкастера на заливе Уош до Портчестера в Гемпшире, в то время как параллельная оборонительная линия была построена на французском берегу и на острове Олдерни.

Между тем пикты на крайнем севере и ирландцы на западе, не затронутые римским завоеванием, по мере ослабления римского могущества набирались силы и дерзости. Оба народа располагали флотом, более многочисленным и мощным, чем принято считать, и нападали в этот период на британские берега. Гильдас осознавал тяжесть пиктских морских атак "de curucis" (от их "куррахов", гэльское слово, обозначающее местные суда), а писатель IV века Вегеций оставил нам интересный раздел о новых британских прибрежных дозорах, приданных флоту, с их искусством маскировки и морской партизанской тактики [72].

В течение IV века набеги шотландских пиктов становились все более разрушительными, и в 367 г. разразилось величайшее бедствие, которое когда-либо случалось с римской Британией, когда было произведено одновременное нападение сразу на трех направлениях - ирландцами с запада, пиктами с севера и саксами с востока. Аммиан Мар-Целлин, современник событий, относит это событие за счет conspiratio **[53]** barbarica ("заговор варваров") [73]. Непосредственным итогом этой атаки было опустошение страны, хотя размеры разрушений и преувеличивались. Форты на северных

валах были заново отстроены императором Феодосием, но передовые посты за ними были оставлены навсегда, а морские набеги продолжались. Вдоль йоркширского берега, вероятно, также Феодосием были устроены сигнальные пункты; однако они были разрушены саксами в 390 г., а экспедиция Стилихона в 395 г. отодвинула границы обороны еще дальше на юг. Галло-римляне все еще с тревогой следили за новостями из Британии, ставшей теперь их главным оборонительным аванпостом против варваров, и в 399 или 400 г. поэт Клавдиан в своей поэме против Евтропия [74] заявляет, что

> Сакс покорен и моря спокойны,
> Пикт повержен и Британия в безопасности.

Какое заблуждение!

Главное имя, дошедшее до нас как в исторических записях, так и в традиции от этого периода кризиса в Британии - Магн Максим. Роль, которую он в действительности играл, остается предметом догадок и предположений [75]. Мы не можем опираться на позднюю валлийскую средневековую традицию, рассказывающую о его браке с валлийкой [76] или о его низком происхождении [77]. С другой стороны, весомо выглядит краткая заметка в почти современной событиям Анонимной Галльской Хронике под 392 годом: "Максим во всех отношениях победил пиктов и скоттов" [78]. Очевидно, он достиг больших успехов в противостоянии кельтским и пиктским нападениям, ибо в 383 г. британские войска провозгласили его императором и вместе с ним переправились в Галлию, где он учредил свой двор в Трире в 384 или 385 г. Его войска, несомненно, состояли из Seguntienses, "людей из Сегонция" (Карнарвон), названных в числе auxilia palatina (очевидно, его личная гвардия), которые несли службу в Иллирии [79], где он был убит (у Аквилеи) в 388 г. и где сохранилась одна надпись, несомненно, относящаяся к этому событию [80].

В Британии вскоре наступил конец. Губернатор Константин был принужден армией в 407 г. узурпировать титул императора и, очевидно, по мирному соглашению с императором Гонорием переправился в Галлию, взяв с собой какие-то британские войска. После этого Британия уже никогда не знала власти римских губернаторов. Прокопий говорит, что впоследствии он потерпел поражение и был убит вместе со своим сыном; и добавляет: "Но Британию римляне уже не могли впредь вернуть под свою власть; она так и осталась под властью тиранов" [81]. **[54]**

В целом казалось, что это было фактически концом римской военной оккупации[82]. Зосим, греческий писатель, который, как считается, опирался на Олимпиодора, очень надежный источник, говорит, что варвары из-за Рейна:

> "...неся всяческое разрушение, принудили народ Британии и некоторые из народов Галлии отделиться от Римской империи и действовать самостоятельно, более не подчиняясь законам римлян. Британцы подняли оружие и защищались и, храбро сражаясь, освободились и отразили натиск варваров. Жители Арморики, воодушевленные примером островных британцев, сбросили римское ярмо. Это британско-галльское отпадение случилось во времена императора Константина" [83].

В 410 г. вышел знаменитый рескрипт Гонория, извещавший "города" ("города-государства") Британии, что они могут заботиться о себе сами [84]. Этот рескрипт будет правильнее интерпретировать как формальную отмену римского запрета местным жителям носить оружие. Точный год эвакуации управленческих структур не имеет большого значения. К середине V века Британия стала независимой страной, вновь управляемой независимыми кельтскими вождями.

Вследствие своей изолированности и незатронутости римским завоеванием Ирландия в миниатюре сохранила экономику и институты древнего кельтского мира железного века. Она является микрокосмом древней кельтской расы. Искусство латенского стиля без перерыва продолжало оставаться органическим элементом средневекового ирландского искусства. Интеллектуальные классы Галлии вновь обнаруживаются в древней Ирландии, продолжая интеллектуальную жизнь и исторические традиции с помощью устной

передачи до тех пор, пока с введением христианства и латинской учености не появились первые письменные документы. В отсутствие римского проникновения в Ирландию ее политическая география не подверглась заметным изменениям, и мы не располагаем внешними свидетельствами ни современных латинских памятников, ни местных письменных источников, которые помогли бы нам проследить ранние этапы заселения и распределения популяционных групп.

С другой стороны, в Ирландии с первых столетий нашей эры существовал значительный объем тщательно сохраненной устной традиции, больший, чем у любого другого народа Европы к северу от Альп. По этой причине описание ее ранней истории в традиционных материалах представляет собой интерес, выходящий далеко за рамки географической и политической области, а ирландская традиция вторична **[55]** только по отношению к традиции античного греческого и римского мира. Кроме того, Ирландия является музеем древнего мира и в плане археологии. Индустриальная Революция, изменившая лицо Британии, не коснулась сельской Ирландии, рая для археологов и специалистов по топонимике. Отсутствие римского вмешательства и недавнего индустриального развития вместе с методами современной науки дает нам возможность предположительно реконструировать некоторые моменты раннего заселения Ирландии дописьменной эпохи. Процесс реконструкции идет своим ходом и вполне может добавить несколько веков к истории периферии Западной Европы.

В V веке, когда начинается ирландский исторический период, доминирующим народом острова были гойделы, владевшие крепостями Тара в Миде, Круахан в Коннахте и Кашель в Мунстере. Верховные ирландские роды претендовали на "гойдельское" происхождение и считались близко родственными друг с другом через общих предков. Это была группа ведущих родов, "верховных королей", земли которых были свободны от уплаты налогов или дани и которые **[56]** в то же время взыскивали дань с подчиненных провинциальных королевств.

Наша древнейшая подлинная традиция, однако, относится к более древнему периоду и на самом деле была не учеными спекуляциями, а подлинной устной традицией, рисующей надежную - в определенных четко очерченных границах - картину Ирландии, какой она была до введения письменности, европейской культуры и до установления господства династии Миде над севером. Историческая география и политические институты этой традиционной картины Ирландии представляют заметный контраст, с одной стороны, с картиной, искусственно составленной поздними "псевдоисториками", трудившимися в интересах исторической династии Тары, и столь же сильный контраст, с другой стороны, с обстановкой, известной нам из настоящих исторических записей, получивших распространение начиная с V века, как мы увидим далее. Эта традиционная картина изображает героическое общество позднего железного века, очень сходное с галльским обществом до римского завоевания. Она дошла до нас в неискаженном виде благодаря исключительно высокому уровню ирландской устной традиции. Эта фаза истории Ирландии, непосредственно предшествующая историческому периоду, заслуживает нашего глубокого интереса и внимания. Она предлагает нам уникальную для Европы картину кельтского общества.

Эта ранняя устная традиция отодвигает достоверную историю Ирландии до времен "Героического Века" и, как можно продемонстрировать, относится к периоду около IV века н. э. Многие предания могут быть достоверны и для конца III века, например, личность и некоторые рассказы о Кормаке мак Арте, который, согласно традиции, правил Ирландией с 227 по 266 г. Нашим самым полным и самым достоверным изображением Ирландии в ранний исторический период является, однако, большая прозаическая сага Tain Bo Cualnge, "Похищение Быка из Куальнге", дающая нам хорошее представление об европейском обществе в эпоху позднего железного века [85]. В этой саге, как показывают собственные имена героев, Ирландия предстает уже кельтской страной. И все же мы должны понимать, что эта сага дошла до нас через несколько веков устной передачи, в результате которой ранним версиям, первоначально составленным в "Героическом Веке", была придана окончательная художественная, сначала устная и наконец, вероятно в начале VIII века, письменная форма. Рассказчики понимали, что описываемый период относится к далекому прошлому, но аллюзии и традиции передавались с большой

точностью, как можно видеть по внутренней согласованности содержания самого эпоса и по сравнению с Другими ирландскими героическими сагами. **[57]**

В "Похищении" Ирландия разделена на четыре провинции, уже носящие название coiceda, "пятины"; но традиция столь консервативна, что пятая провинция, известная в исторические времена как Миде, и которая, по-видимому, на тот момент еще не существовала, не упоминается ни разу. Ирландия "Похищения" - это Ирландия эринов, первых кельтских жителей, и считается, что пятая провинция, Миде (ирл. Mide, "Срединная Провинция"), была добавлена позднее, уже после установления верховной власти Уи Нейллов ("потомки Ниалла Нойгиаллаха") в Центральной и Северной Ирландии в V веке [86]. Четыре провинции, известные нам по традиции "Похищения", были большими королевствами, как древнейшие кельтские провинции Галлии и Британии, и носили названия Улад, Коннахт, Лагин и Муму. Эти названия сохранились до сегодняшнего дня в форме Ульстер, Коннахт, Лейнстер и Мунстер. Провинция уладов ("народ Ульстера") в "Похищении" включала в себя всю Северную Ирландию, с Донегалом на крайнем западе и Дансевериком на берегу Антрима. Это была большая монархия с главным rath, или "двором", в Эмайн Махе, двумя милями западнее Армы, а ее королем был Конхобар мак Несса, вождь эринов.

Второй "пятиной" того периода был Коннахт, а центр этого обширного королевства находился на холме Круахан. В "Похищении" Коннахтом правит женщина, королева Медб, супругом которой является Айлиль. Провинция Коннахт - главный соперник и враг уладов. На юге от Улада лежал Лаген (современный Лейнстер) (см. выше с. 19). Coiced Муму (современный Мунстер) управляется мелкими королями, главным из которых был Курой мак Даре, земли которого находились в Уэст-Керри и который был тесно связан с героями Ульстерского цикла. К тому моменту еще не вступила в период своего подъема династия Эоганахтов великой горной цитадели Кашель.

Традиция "Похищения" и сформулированная там модель четырех крупных провинций дает нам первоначальное представление о ранней ирландской истории, сравнимое с нашей картиной Британии во времена римского завоевания. Христианство неизвестно. Тара не играет никакой роли. Гойделы не упоминаются ни разу. Все в "Похищении" предполагает, что политические и религиозные условия сохраняют непрерывную традицию, восходящую к эпохе до IV века, к "Героическому Веку" цивилизации сублатенского периода. По этим причинам можно сказать, что устная традиция, представленная в "Похищении", отражает самый ранний период ирландской истории, датируемый четвертым веком, когда Героический Век еще жил в памяти народа.

Более того, все симпатии в "Похищении" принадлежат уладам, и тем самым племени эринов, а не поздней династии Тары. Местность **[58]** Ульстера и ульстерские герои лучше знакомы рассказчику, чем места и герои Мунстера и Коннахта. Это предполагает, что "Похищение" было составлено в Ульстере, а так как центром исторических штудий в VII и VIII веках был монастырь Бангор в графстве Даун, вполне вероятно, что "Похищение" в своей окончательной форме было записано именно в этом монастыре. Каковы же были мотивы для компиляции этого великого эпоса? Можно предположить, что это горделивое утверждение бывшего величия эринов, древних кельтских правителей Ирландии, направленное против позднего выскочки, линии Уи Нейллов династии Тары и северных Уи Нейллов, разрушивших Эмайн Маху и низведших уладов до положения населения маленькой территории в Северном и Восточном Антриме. Можно предположить, что окончательная формулировка этой повести и ее фиксация в письменной форме были вдохновлены политическими мотивами. **[59]**

Вслед за периодом, описанным в "Похищении", возникла новая династия с королевским двором (rath) в доисторическом святилище Тары в Миде. Очевидно, именно с основанием этого королевства установилось разделение страны на пять "пятин" (coiceda). На самом деле оно просуществовало совсем недолго. Основателем новой династии был Ниалл Нойгиаллах, а его преемники впоследствии правили всей Центральной и Северной половиной Ирландии. Южная часть острова, состоящая из половины Лейнстера и всего Мунстера, никогда не подчинялась Уи Нейллам ("потомкам Ниалла"), но в более позднее время управлялась ветвью мунстерской династии из большой крепости Кашель. Считается, что новая династия Уи Нейллов и провинция Миде

достигли главенствующего положения в результате нашествия и что они были гойделами. Кем же были гойделы?

Происхождение этих "гойделов" Миде возводится в поздних псевдоисторических текстах к некоему вымышленному предку Милю Испанскому (Mil Espaine), который, как предполагалось, пришел из Испании. Отсюда название милезиане, под которым гойдельские завоеватели обычно упоминаются в новой истории. Имя Миль Эспане, очевидно, представляет собой перевод с латинского miles Hispaniae - "солдат из Испании", и в "Книге Захватов Ирландии" ему приписывается вымышленная генеалогия, восходящая к эпонимическому предку Goidel Glas. В действительности имя Гойдел заимствовано из валлийского Gwyddel - "ирландец". Оно, возможно, происходит от валлийского gwydd - "лес".

Профессор 0'Рахилли утверждал, что народ этого последнего вторжения в Ирландию и гойдельская форма кельтского языка появились в Ирландии одновременно в сравнительно позднее время; он использует термин "гойдельский" по отношению и к этому народу, и к его языку (см. выше с. 19). Эта точка зрения выражена им следующим образом: "Если о гойделах можно сказать что-либо определенное, то это то, что они пришли в Ирландию непосредственно с континента". Он считал, что они "должно быть, пришли в Ирландию из Галлии", и предположил, что гойделы мигрировали из Юго-Восточной Галлии, может быть, из Нарбоннской Галлии, откуда они продвинулись к западному берегу Аквитании не позднее 120 г. до н. э. и мигрировали в Ирландию к 50 г. до н. э. [87] Позднюю датировку и ход событий, предполагаемые 0'Рахилли, трудно принять ввиду молчания римских историков по поводу столь длительной и столь важной миграции в столь позднее время. Этот вопрос следует рассматривать как нерешенный на данный момент. Более приемлемой представляется точка зрения, по которой милезиане (гойделы) пришли из Испании, как говорит "Книга Захватов Ирландии". Открытие Q-кельтских надписей в Испании Товаром **[60]** показывает, что в этой удаленной стране сохранились более древние языковые формы [88].

Впрочем, если мы примем предварительную датировку распространения кельтских народов на Британских островах, предложенную в первой главе (см. выше с. 18), то есть начало второго тысячелетия до н. э., представляется осмысленным также сделать вывод, что дифференциация кельтских языков на две основные группы, известные как гойдельская (обычно называемая Q-кельтской) и бриттская (обычно называемая P-кельтской, см. ниже с. 252), первоначально имела место не только на континенте, как считалось ранее, но и на Британских островах в промежутке между приблизительно 2000 и 600 г. до н.э. Весьма вероятно, аналогичные изменения могли иметь место и по всему кельтскому миру, а племена, говорившие на Q-кельтских языках, возможно, представляли консервативный горный диалект. Однако, оставляя в стороне язык, кем же были народы, обычно известные как "гойделы Миде" и обычно рассматриваемые как последние переселенцы в Ирландию, достаточно многочисленные для формирования отдельной популяционной группы?

На данный момент на этот вопрос нельзя ответить с полной уверенностью; однако значимыми представляются следующие факты:

1. Хотя в самой ранней ирландской традиции "Героического Века" известны только четыре провинции, они фиксируются в наших первых письменных источниках как coic coiceda, "пять провинций". Следовательно, одна добавилась в самом начале исторического периода.

2. Политические институты начала исторического периода предполагают главенство династии Миде, с военными ответвлениями на севере и на западе. Следовательно, Миде, возможно, была "пятой" провинцией coiceda, с центром в Таре.

3. Либо в результате военного нашествия, либо за счет каких-то внутренних обстоятельств династия Тары приобрела главенствующее положение в Северной половине Ирландии, как династия Кашеля на юге. Тара была древним языческим святилищем. Последующая христианская история Кашеля предполагает, что Кашель позднее считался гораздо более святым местом, чем Тара.

4. Согласно длительной и непрерывной традиции, правящая династия Северной и Центральной Ирландии достигла власти путем военного завоевания в конце IV и начале V

века н. э. Это вовсе не обязательно свидетельствует о передвижении народов. Это было время варварских нашествий, и Миде, состоятельная агрикультурная **[61]** провинция с богатым святилищем, была соблазнительной добычей для вторжения военных групп. Однако нашествие могло иметь место и гораздо ранее, а приход гойделов к верховной власти мог быть, постепенным процессом. Мы не знаем.

В течение V века и ранее слабеющая мощь Римской империи дала серьезный толчок передвижениям и экспансии островных кельтских народов, всегда стремившихся к расширению своей территории. Ирландцы, в частности, воспользовались военной слабостью римской обороны в Западной Британии, чтобы проникнуть на западные мысы страны. Из заметок Аммиана Марцеллина мы видели, что уже на протяжении IV века ирландские набеги несли не меньшую опасность, чем набеги пиктов и саксов с севера и востока. Ирландское море всегда было и продолжало оставаться чисто кельтским районом, как в политическом, так и в культурном отношении. Римляне не играли здесь никакой роли, и не существовало единой кельтской силы, которая могла бы предотвратить свободные перемещения отдельных кельтских сообществ туда и обратно через этот кельтский водоем.

Одним из самых значительных результатов этой ирландской экспансии стала оккупация Юго-Западного Уэльса, позднее известного как королевство Дивед, территории современного Пемброкшира. Эти земли были оккупированы династией из Лейнстера, которая руководила миграцией, проходившей в размерах, достаточных для того, чтобы в V веке сделать население Диведа двуязычным и образовать в сущности маленькое ирландское королевство. Генеалогия и история этого государственного образования исключительно хорошо сохранились, так что они, как и другие данные, предоставляют нам возможность проследить ирландские переселения из той же стороны до южного берега Уэльса и Бристольского залива, и даже до маленького горного королевства Брекнок во внутреннем районе страны. В тот же период обильные следы в топонимике и в археологических данных по римским оборонительным сооружениям оставило ирландское проникновение на полуостров Карнарвоншира. Мы уже рассматривали некоторые из этих поздних римских оборонительных мероприятий на предыдущих страницах.

Полуостровом, на котором ирландское влияние достигло наивысшей силы, был Дивед. В самом деле, по всей видимости, население Диведа, а также, возможно, полуострова Ллейн в Карнарвоншире, было в этот период двуязычным, и, конечно, правящий класс в Диведе говорил на ирландском языке. Огамические надписи, характерные для Ирландии, здесь представлены многочисленней, чем где-либо еще в **[62]** Уэльсе. Их количество предполагает сильную местную ирландскую аристократию, которая распространила свое влияние и на соседние земли Кармартеншира, графства с наибольшим после Диведа числом огамических надписей.

Более того, ирландские поселенцы в Диведе, по-видимому, были хорошо обустроены и заселяли сплошные территории. В этом районе четырьмя каменными надписями запечатлен уникальный род, состоявший из трех поколений. Камень на погосте в Лландейло упоминает латинскими и огамическими буквами некоего Ангаделла, сына Кавета [89]. Другой надгробный камень на том же погосте с надписью на латыни поставлен в память Коймагна, сына Кавета [90]; другой в Маенхлохоге служит надгробием Куркагна, сына Андагелла [91].

Интересное подтверждение как интенсивного заселения в это время ирландцами Юго-Западного Уэльса, так и назначения римлянами варварских вождей для защиты отдаленных провинций представлено каменной надписью на надгробии, датируемом приблизительно 550 г. [92] Теперь оно находится в Музее Кармартеншира, но прежде стояло у входа на кладбище Кастелл Дуйран (Castell Dwyran). Надпись латинским алфавитом составляет три горизонтальные линии и читается:

M E M O R I A
VOTEPORIGIS
PROTICTORIS

Верхушка надгробия была закруглена с самого начала и не является результатом погодных явлений, так как на левом закруглении имеется огамическая надпись, переводящая бриттское (валлийское) имя на гой-дельский (ирландский) и гласящая:

VOTECORIGAS

Вспомним, что в ирландском с соответствует валлийскому p.

Считается, что Voteporigis на надписи соответствует Vorteporius, которого Гильдас в первой половине VI века называет "тираном" (tyrannus) деметов ("люди из Диведа" или Пемброкшира). Слово tyrannus в то время обычно служило для обозначения узурпаторов (см. ниже с. 70).

Эти памятные камни особенно распространены в районах, о которых известно, что в исторические времена они были оккупированы ирландцами, и поэтому интересно, что имя Voteporix (род. п. voteporigis) ирландского происхождения и эта надпись находится в землях деси (то есть ирландцев) и что ирландская форма Votecorigas записана огамом. Это предполагает, что как валлийцы, знавшие латынь, так и ирландцы были равным образом заинтересованы в этом раннем правителе, "защитнике". Для нашей непосредственной цели, то есть для наблюдения **[63]** за сменой римского правления в Британии на кельтское и за мероприятиями, предпринятыми римлянами на исходе их владычества островом и направленными на использование местного кельтского элемента, в этой надписи важным представляется слово protictor, "защитник". Это не торжественное прилагательное и не хвалебный эпитет, а римский титул. Это титул, который римляне давали варварским вождям, наделенным статусом федератов, то есть "защитников" границ в интересах римлян. Для Вотепорига в VI веке это, несомненно, было наследственным званием. Никто не мог столь успешно держать ирландцев вдали от Диведа, как ирландская династия с ирландскими подданными.

Полуостров Карнарвоншира, а также Англси и Западный Мерионет были заселены ирландцами приблизительно в то же время, что и Дивед, и на всей этой территории население говорило на ирландском языке, а в отдаленных частях, возможно, и до самого норманнского завоевания [93]. Ирландский язык запечатлен в местной топонимике. Выше Авон Лледра (Afon Lledr) в Карнарвоншире находится Ллин Иверддон (Llyn Iwerddon), "озеро Ирландии". Ниже, рядом с порогами реки Конуэй, лежит холм или место под названием Iwerddon, "Ирландия", а на полпути между ними Dolwyddelan, "луг Гвидделана", причем имя Гвидделан происходит от Gwyddel, "гэл", ирландец [94]. Даже в XIV веке один валлийский поэт еще мог сказать про другого, что его валлийский diseisnig и diwyddelig, "незагрязнен английским и ирландским". Прежняя точка зрения, согласно которой ирландский элемент в Западном Уэльсе является реликтом древнего идольского населения, теперь считается совершенно неверной. Впрочем, родина ирландцев Карнарвоншира, очевидно, находилась северней, чем ирландцев Диведа, ибо северный полуостров был известен и все еще известен сегодня под названием Lleyn, от ирландского Laigin, "лейнстерцы", в то время как маленькая деревушка на заливе Невин до сих пор носит имя Porth Dinllaen, "гавань форта лейнстерцев" [95]. Выбор Аберфрау на западном берегу Англси в качестве столицы Северного Уэльса позднее был, вероятно, продиктован страхом перед advenus Scotorum ("ирландской оккупацией"). Размеры этого страха ярко проявляются в хрониках, донесших до нас древневаллийские предания о Кунедде и его сыновьях.

По поздней валлийской традиции, сохранившейся в древнейшей, по общему мнению, части Historia Brittonum и датируемой, возможно, VII веком, хотя окончательно составленной Неннием в начале IX века, некий Кунедда пришел в Северный Уэльс со своими восемью сыновьями и внуками из Манау Гододдин, древней территории вотадинов, на юг от Ферт-оф-Форта, и "они выгнали с невероятным убийством ирландцев **[64]** из этих мест, которые больше никогда не возвращались, чтобы поселиться там". Этот отрывок - наше единственное свидетельство о подобной экспедиции. Традиция - если ей можно верить - предполагает военное передвижение, предположительно на 37 миль от вала Антонина, а затем на кораблях от Дамбартона до Англси. То, что ирландцы якобы были изгнаны из Уэльса, не соответствует действительности, а если предположить, что

эти северные бриттские вожди приходили с намерением поселиться на валлийских землях, то поздняя традиция приписывает Кунедде и его роду основание королевств в Северном и Западном Уэльсе. Возникновение этих государственных образований составило важный элемент в ранней истории Уэльса.

Отправной точкой гораздо более важной ирландской экспансии V века была Северо-Восточная Ирландия, откуда ирландцы переправлялись на острова и побережье Южной и Юго-Западной Шотландии. Берега обеих стран отчетливо видны один с другого, и мы видели (см, выше с. 48 и ел.) у Тацита, как римский генерал Агрикола смотрел на противоположный берег с берега Эйршира и размышлял о легкости, с которой можно было бы завоевать Ирландию. С другой стороны, поскольку мы рассматривали ирландское заселение западного берега Британии и оборонительные меры, предпринятые римлянами против ирландского проникновения, экспансия ирландцев с берегов Антрима в Западную Шотландию в V веке представляется естественным следствием этого процесса. Сколь-нибудь масштабная ирландская консолидация в Западной Британии была возможна лишь за римской границей по валу Антонина. Здесь в V веке было основано стабильное ирландское королевство, но неясно, произошло ли это путем военного или мирного проникновения, хотя до нас не дошло никакой традиции, говорящей о военном захвате. Экспансия и преобразование ирландских поселений под началом ирландской династии в королевство Дал Риада будут рассмотрены в следующих главах.

В Юго-Западной Британии наибольшее значение имела миграция бриттов девонско-корнуолльского полуострова и района реки Северн в Арморику, самый западный полуостров Галлии. До его завоевания Цезарем в 56 г. до н. э. могущественное морское племя венетов на юго-востоке имело тесные морские связи с Западной Британией. Мы видели, что, по словам Зосима, ослабление Римской империи подтолкнуло народы Арморики последовать примеру островных бриттов и сбросить римское ярмо. В течение этого периода, вероятно уже в IV веке или еще раньше, началась колонизация Западной Арморики из Юго-Западной Британии и продолжалась без явного сопротивления со стороны римлян до тех пор, пока бриттский язык не вытеснил язык **[65]** коренного галло-римского населения Арморики. Бриттскую эмиграцию обычно относили, на основании свидетельства бриттского историка VI века Гильдаса, за счет переселения и укрепления западных саксов в Восточной Англии. Более тщательное изучение давления и проникновения ирландцев на западные полуострова Британии, однако, не оставляет места сомнениям в том, что бриттское заселение Бретани было еще одним следствием ирландской экспансии в Западной Британии того времени, В одной из следующих глав мы проследим ход этой бриттской эмиграции и становление королевства Бретани. **[66]**

ГЛАВА 3.
Кельтское возрождение

Когда кельтские вожди оказались независимыми правителями Британии, главной задачей для них стало сохранение национального кельтского единства перед угрозой вторжения посторонних народов - германских племен с востока, пиктов и скоттов Дал Риады (ирландцев) с севера и ирландцев с запада. С прекращением существования римской организации и римской защиты остров Британия располагался как большой фарос у атлантического побережья Европы и, подобно кельтским народам Галлии, встал перед необходимостью борьбы за существование против ударов нахлынувших варварских волн. Эта проблема независимых кельтских вождей стала решающим фактором в истории Британии V века. Прежде всего мы займемся изучением ситуации в кельтских королевствах внутри Британии и рассмотрением того, какие меры они приняли для консолидации своего политического единства и поддержания безопасности своих границ. Нашей следующей задачей будет обзор истории кельтских народов на внешней периферии кельтской Британии.

Мы видели, что эти народы на западной окраине Европы, как германские племена на севере, всегда пребывали в беспокойстве и стремились к экспансии. История кельтских племен на периферии Британии и Европы в течение V и VI веков - история народов, ищущих новые страны для колонизации, новые королевства, в которых можно было бы

установить свою власть и добиться права на поселение. Впрочем, как показывает история Галлии, совершенно к таким же целям стремились и германские народы на востоке. Военный захват был в конечном итоге лишь средством. Кельтские народы, в сущности, не были захватчиками, и, как явствует из всей их истории, военные задачи для них **[67]** всегда были вторичны - к ним прибегали в основном, и может быть исключительно, лишь в тех случаях, когда мирное проникновение оказывалось невозможным. Естественно, римские записи искажают картину, ибо римляне почти всегда сталкивались с кельтами как с непреклонными военными противниками.

На тот момент весь север и запад Британии сохранил свое кельтское население без существенных изменений. Шотландия, Северо-Западная Англия, Уэльс и Корнуолл и все острова к западу были полностью кельтскими. Из этих районов шотландский Лоуленд, Северная Англия, Уэльс и полуостров Корнуолл говорили на бриттском языке, который к тому времени приобрел основные черты, характеризующие современный валлийский язык. На севере от этой бриттской периферии пикты были по меньшей мере наполовину кельтами, ирландцы на западе полностью кельтами. Если пиктам удалось прочно закрепиться в Южной Шотландии и даже проникнуть дальше на юг, если ирландцам удалось образовать свое королевство на западном берегу Шотландии и колонизировать менее значительные территории на западных полуостровах Уэльса, наши острова тем не менее оставались кельтскими. В конечном итоге в этой незавоеванной западной твердыне всех кельтских народов - на "краю обитаемого мира" - основная борьба должна была идти за сохранение единства перед лицом нового, германского этноса, проникшего в эту последнюю крепость кельтской цивилизации с востока.

В целом бриттские народы вели постоянную оборону на три фронта. Они растянулись непрерывной линией от залива Ферт-оф-Форт до мыса Лендс-Энд, не обладая ни центральной организацией, ни какой-либо координацией действий. Они должны были защищаться против саксонского проникновения с востока, пиктского с севера, ирландского с запада. В настоящей главе мы попытаемся показать, какие шаги они предприняли для поддержания своей вновь обретенной независимости и насколько были успешны эти шаги. Может быть, правомерно предварительно сказать, что в конечном итоге им удалось предотвратить широкомасштабную оккупацию ирландцами запада, на юг от границы Хайленда, даже основав между тем новую заморскую колонию в Арморике. На восточном фронте сначала бритты оказывали упорное сопротивление и даже, по крайней мере на севере, вели против саксов наступательные действия; однако отсутствие у кельтских народов централизации и единства и их неспособность договориться об общих действиях с могущественными северными пиктскими королевствами вместе с географическими трудностями сообщения в холмистой стране в результате привели к тому, что вся равнинная Британия попала в руки саксов. **[68]**

Первоочередной задачей кельтских независимых королевств в их борьбе за поддержание кельтского единства, лежавшей прежде всего на бриттских вождях, ныне независимых правителях Южной Британии, было установление определенной формы стабильного управления и центральной организации с целью защиты границ. Это, очевидно, им удалось, ибо традиция, повествующая об этом периоде, не донесла до нас ни единого намека на анархию, последовавшую после ухода римлян. В первую очередь мы должны рассмотреть природу новых мер, равно как и вопрос о том, в какой степени Британия сохранила преемственность от римских времен.

Одним из самых заметных достижений современных исследователей в области изучения римской оккупации Британии является осознание континуитета, существовавшего в течение всего периода между ранней кельтской племенной жизнью и тем состоянием, которое возникло, когда остров покинул последний римский военный конвой. В целом в стране, по всей видимости, не произошло никаких фундаментальных изменений. Мы видели, что на протяжении всей римской оккупации на севере и в Уэльсе сохранялись древние племенные районы, и мы можем проследить, например, как жизнестойкость и опыт борьбы бриттских племен шотландского Лоуленда уже в позднеримский период постепенно дали им возможность занять свое место в качестве наиболее эффективной оборонительной силы против могучего пиктского королевства Северной Шотландии.

По-видимому, римская цивилизация почти не затронула Британию вне пределов Центральной и Юго-Восточной Англии, обычно подразумеваемой под названием "Нижняя Англия". Это была основная область вилл и городов - Лондон, Кентербери, а также менее крупных городов, таких как Силчестер, Веруланиум, Бат, Сиренчестер, Глостер, Кервент. В целом традиционный кельтский образ жизни почти не был нарушен или даже трансформирован. Кажется, римляне мало что привнесли в религиозную, хозяйственную и гражданскую жизнь местных кельтских народов. Древние кельтские королевства, по всей видимости, продолжали свое существование как civitates, политические административные "кантоны", под управлением ordo, постоянного исполнительного "совета", функционировавшего в столице кантона и состоявшего из декурионов или экс-магистратов, избранных городом. Местная религия, очевидно, сосуществовала с римскими культами, не пересекаясь с ними; продолжали строиться местные храмы и святилища.

Несмотря на стремление Агриколы поощрять обучение, он не сумел привить кельтским народам письменность и тем самым дать им возможность записывать свои традиции или установления. В течение всего **[69]** римского периода они передавались и культивировались исключительно устным образом; и когда, несколькими веками позже, под опекой христианской церкви кельтские народы выучили римский алфавит и могли писать достаточно бегло, для того чтобы фиксировать на своих языках установления своей, исконно кельтской, цивилизации, они кодифицировали не римское право, а местные кельтские законы; они заносили в рукописи древнюю литературу своего народа, как поэзию, так и прозу; а после ухода римских правителей они записывали генеалогии своих собственных вождей и знатных родов. Весьма примечательно то, что латынь так никогда и не смогла приобрести широкого распространения в Британии и, в отличие от Галлии, не оказала почти никакого влияния на бриттский язык во времена римской оккупации. Сравнительно большой материал предоставляют граффити, нацарапанные на небольших предметах[1], такие как слово "satis" на одном кирпиче в Силчестере, которое, по мнению Хаверфилда, отражает утомление ремесленника-изготовителя кирпичей [2] и заманчиво переводится М. П. Чарлзвортом как "пора отдохнуть"; но не является ли этот слабый след ремесленной латыни скорее "exeat" римского бригадира, удовлетворенного выполненной работой?

Говоря о гражданском управлении Британией после ухода римлян, мы во многом оказываемся в области догадок и предположений. Письмо Гонория, отправленное в Британию в 410 г. (см. выше с. 55), адресовано британским "городам". Это слово, вероятно, означает civitates, или "города-государства", и относится к отдельным кельтским королевствам, сохранившим, как и племенные союзы в Галлии, свою идентичность и некоторую степень самоуправления на протяжении римского периода. Отрывок из Зосима, цитированный выше (см. с. 55), предполагает, что военная организация находилась в руках civitates. Но какова же была центральная власть, которая одна могла с их помощью эффективно поддерживать политическое единство Британии?

Прокопий, писавший около 550 г., говорит, сообщая о мятеже бриттов при Константине в 407 г.: "Но Британию римляне уже не могли впредь вернуть под свою власть; она так и осталась под властью тиранов". В латинских произведениях того периода это слово обычно означает "узурпаторов" или правителей, не имевших законных прав на занимаемое ими положение, и именно таков, по всей видимости, был тип местных государей, управлявших кельтскими провинциями Британии до и после римского периода.

В трактате того времени, носящем название De Excidio Britanniae ("О разорении Британии"), который обычно считается произведением церковного писателя начала VI века Гильдаса, говорится (гл. 23) о **[70]** могущественном бриттском правителе, superbus tyrannus, которого автор в гневных словах представляет нам ответственным за прибытие в Британию саксов. Однако Гильдас сам говорит, что в то время как бриттские земли разграблялись пиктами de curucis ("с их морских судов"), все советники вместе с верховным диктатором (omnes conciliarii cum superbo tyranno) пригласили в страну воинственных (ferocissimi) саксов. Ответственность за приглашение явственно возлагается на conciliarii -под которыми, вероятно, следует понимать civitates - с tyrannus во главе.

Приглашение носило официальный характер, и саксы были сначала приглашены, чтобы в качестве наемников действовать против пиктских набегов, получая свое содержание в фиксированных ежемесячных выплатах (annonas, epimenia). Процедура, как описывает ее Гильдас, была совершенно регулярной и полностью соответствовала римской практике в отношении франков и других варварских племен, а действия тирана носили абсолютно конституционный характер. Рассказ Гильдаса предполагает, что опустошения саксов начались только тогда, когда они перестали получать плату или она перестала удовлетворять их требованиям. Более того, в целом эта ситуация предполагает существование стабильного правительства, все что угодно, но не анархию. Superbus tyrannus, местный бриттский правитель, возглавляющий оборону, действуя в согласии со всеми своими советниками, предположительно членами ordo, принимал конституционные меры для устранения кризиса, доставшегося ему в наследство от предшествующего периода. Обозначение, используемое Гильдасом, не означает "гордого тирана" в том смысле, в котором оно обычно интерпретируется, но ведущего или важнейшего правителя, superbus tyrannus, "верховный диктатор" [3]. Его имя не называется, но Беда в своей "Церковной Истории" называет его Vurtigemus [4]; это имя обычно считается именем собственным, но на самом деле означает просто "верховный вождь".

О Вортигерне известно мало достоверных фактов; кажется, он был главной кельтской фигурой в Британии около 425 г., и очень вероятно, что он создал пограничное государство на границе с Уэльсом - возможно, в то время, когда крайние полуострова уже по большей части перешли в руки ирландцев (см. выше с. 62-64). Представляется очевидным то, что он был облечен полномочиями усилить местную военную оборону своей страны с помощью саксонских foederati. Он стал отрицательным героем многочисленных легенд, среди прочих фантастической истории его столкновений со св. Германом [5]; тем не менее мы можем с уверенностью утверждать, что он был могущественным римско-бриттским вождем римской Британии, игравшим во взаимодействии с правителями провинций официальную роль в призвании саксонских наемников **[71]** для защиты Британии от варварских набегов с севера после отвода римской оккупационной армии. Впрочем, нигде не содержится упоминаний о том, что его кельтские симпатии предполагают антиримскую политику и, скорее всего, он, занимая положение вождя civitates, действовал в качестве римского должностного лица.

Далее нам представляется чрезвычайно важным рассмотреть принципиальную проблему, вставшую перед другими независимыми бриттскими вождями, а именно проблему защиты их границ как единственного средства сохранения свободы страны и независимости ее кельтских правителей. Каковы же были природа и размеры этой угрозы границам кельтской Британии и какие шаги были предприняты для их обороны?

Возможно, наиболее значительные изменения в последние годы претерпели представления именно в отношении англосаксонской оккупации Восточной Англии. Уже на протяжении жизни нашего поколения археология дополнила данные наших письменных памятников, и возникшая в результате картина чрезвычайно отличается от ситуации, изображенной Гильдасом.

Данные, предоставленные археологией, говорят о том, что саксы приходили в первую очередь не в качестве агрессоров, а волнами гражданских поселенцев еще до конца II века и под римским покровительством. Можно ли говорить о том, что существовали также независимые частные или торговые поселения, на сегодняшний день под вопросом; но римское использование саксов в качестве федератов, "наемников", не подлежит сомнению и находится, конечно, в полном согласии с римской практикой на континенте. Римское использование саксонских федератов в военных целях имело место между 390 и 400 гг. Было отмечено, что восточное линии между Йорком и Бедфордом римским укрепленным городам, не говоря уже о фортах на Саксонском Берегу и сходных местах в низинах Линкольншира, всегда сопутствуют англосаксонские кладбища, в то время как керамика IV века, выполненная в римской технике и имеющая черты саксонского стиля, указывает на тесные связи римлян и саксов как в соседних с Саксонским Берегом районах, так и в Восточном Райдинге вблизи Йорка. У нас есть основания полагать, что к концу III века Саксонский Берег уже был частично заселен саксами или что из саксов частично были составлены гарнизоны фортов и что эти форты были центральными точками более ли

менее организованных торговых связей с германскими племенами через Северное море [6]. Мы не располагаем свидетельствами общего избиения местного населения, и возможность подобных событий можно отвергнуть на практических основаниях как наиболее невероятную. После **[72]** ухода римлян, однако, вторжения саксов приобрели захватнический характер. В Британии, как и в Галлии, то, что начиналось как много" численные относительно узкомасштабные германские предприятия и поселения, развивалось по мере ослабления римской власти в военное завоевание и выливалось в создание чужеродного варварского королевства, заменившего как римский, так и кельтский доминион.

После драматичного описания грабежей саксов Гильдас говорит (гл. 25f.), что остатки бриттов подняли оружие и вызвали своих победителей на битву под руководством некоего Амброзия Аврелиана, которого он восхваляет как "последнего из римлян", и что эти люди одержали победу.

По-видимому, Амброзии представлял арьергард отходящей римской армии; он изображается Гильдасом как vir modestus и dux. Из ранних источников о нем больше ничего не известно, но, вполне возможно, именно он появляется в "Истории бриттов" (Historia Brittonum) Ненния под именем Emreis Guletic, о котором Ненний говорит, что он побеждал в ряде военных действий против Вортигерна, в ходе которых Вортигерн был вынужден бежать в Сноудонию. Эти сведения носят легендарный характер и, несомненно, возникли в то время, когда возросшая ненависть к саксам взвалила на Вортигерна множество клеветнических обвинений.

В последнее время все большее число исследователей склоняется к рассмотрению короля Артура как исторического лица [7], и некоторые отождествляют его с Амброзием Аврелианом, хотя на самом деле это разные вопросы. У нас нет удовлетворительных сведений об историческом Артуре. Тем не менее привлекает внимание большое количество легендарных свидетельств, так что в конце V или VI века вполне мог существовать бриттский военачальник, носивший римское имя Артур (Artorius).

Переходя от саксонского продвижения на востоке к северным границам, мы напомним высказанное выше предположение, что главную тяжесть обороны против пиктских набегов с севера несли бриттские племена Южной Шотландии, которым, очевидно, уже в римский период была доверена защита северной границы и которые, возможно, были в определенной степени обучены для этой цели римским военным методам и снабжены римской экипировкой. Наши данные о бриттах Южной Шотландии [8], как мы увидим, в конечном итоге по большей части происходят из кельтской традиции. Впрочем, в дополнение к этому мы располагаем чрезвычайно важным современным латинским документом, который является нашим проводником - в той мере, в которой мы способны его интерпретировать, - через период смены римского **[73]** правления в Южной Британии на кельтское и значение которого в отношении пограничной обороны на севере и на западе определяется его негативными данными. Это Notitia Dignitatum [9], документ, который, как считается, был составлен в канцелярии Восточной Римской империи в конце IV или начале V века. В нем для каждой провинции империи приводится список отчетов, предоставляемых время от времени местными должностными лицами. Этот памятник, таким образом, представляет собой не обзор, отражающий гражданскую и военную обстановку в Римской империи на каждый данный момент, а нечто напоминающее картотеку, ведущуюся в течение определенного времени. Это динамический регистр и наш самый информативный памятник для завершающей фазы римского правления в Британии. Его пустые рубрики можно дополнить данными кельтских генеалогий вождей приграничных королевств на северных рубежах. Эти генеалогии демонстрируют значительные перемены в именах в течение IV и V веков, от имен пиктской формы к именам романизованных бриттов, а те, в свою очередь, уступают место именам кельтских вождей, гордо стоящих на пороге исторического периода в V веке по праву местных вождей и лидеров кельтской Британии. В Notitia Dignitatum отсутствует рубрика для dux, старой должности римского военачальника, руководившего северной обороной. Если его обязанности были делегированы северным бриттским федератам, вполне естественно, что от него не поступало никаких отчетов, а его место было занято каким-либо бриттским вождем.

В течение последних лет римской оккупации Британии, и особенно вследствие крупного набега 367 г., римляне стремились сдерживать независимые северные племена за пределами слабеющей римской власти и в этом случае следовали уже опробованной на континенте политике [10] обучения и использования местных войск для охраны своих северных границ, возможно, в каких-то размерах снабжая их римской экипировкой и награждая их римскими знаками отличия. На этот счет мы не располагаем авторитетными современными источниками, однако именно таковым представляется положение, описываемое в "Истории бриттов" Ненния и отраженное в валлийских генеалогиях. Хотя эти тексты датируются временем не ранее начала IX века, Ненний использовал записи, восходящие к VII веку или даже к более раннему периоду, а генеалогии происходят из консервативной и тщательно сохраняемой устной традиции.

Изучение этих текстов говорит о том, что римляне либо назначали местную династию, либо, по меньшей мере, оказывали ей поддержку, чтобы охранять каждый конец северного (Антонинова) вала - расстояние всего лишь в 37 миль. Генеалогии этих династий, к счастью, **[74]** сохранились [12]. В целом самой стабильной из этих династий, о которой до нас к тому же дошли наиболее достоверные сведения, является династия Стратклайда с центром в Дамбартоне. Самое выдающееся имя в дамбартонской династии конца римского периода - это некий Кередиг Гуледиг (Ceredig Gwledig), обычно отождествляемый с Коротиком (Coroticus), солдаты которого в знаменитом письме св. Патрика обвинялись в захвате только что крещенных членов его паствы из Ирландии, несомненно, с целью продажи в рабство. Дамбартон еще в начале VIII века описывается Бедой как munissima urbs, "очень укрепленное место". Ветви этой династии можно увидеть даже в Голуэе. Генеалогия ее, вероятно, сохранилась благодаря официальным заботам, ибо ее подлинность подтверждается объективными историческими источниками. Самый известный король дамбартонской династии, Риддерх Старый, фигурирует в поздних традициях как св. Кентигерна, так и прорицателя Мирддина (позднее Мерлин), а также в "Житии св. Колумбы", написанном Адамнаном. Имена непосредственных предшественников Кередига выглядят как искаженные римские имена, а до них идут три имени явно пиктского характера [13]. Это позволяет говорить о том, что эта династия возникла вскоре после набега 367 г. и что в результате этого набега первые пиктские вожди, а затем местные бриттские князья, были приняты римлянами на службу в качестве федератов для охраны западного конца Антонинова вала. Постоянный эпитет этой династии hael, "благородная", "преуспевающая", возможно, содержит намек на римскую оплату ее услуг золотом; а набеги Коротика в Ирландию за рабами в V веке можно истолковать как попытку добывания материальных ресурсов, когда иссякли римские финансовые поступления. Таково, по крайней мере, объяснение саксонских набегов на Британию, предлагаемое Гильдасом, когда прекратилась выплата содержания, которое они должны были получать как римские федераты. На самом деле, бриттские вожди Дамбартона на севере не менее опасались опустошений своей страны могущественными пиктами, чем романизированные бритты далее к югу.

На восточном конце вала Антонина находилось древнее королевство вотадинов, имя которых сохранилось в названии Манау Гуотодин (Manau Guotodin), первоначальной родины Кунедды [14] (см. выше с. 64 и ел.). Имя Кунедаг сбивает с толку, являясь ни римским, ни бриттским, и будучи неизвестным где-либо в Уэльсе. Может ли оно быть ирландским? Согласно валлийским генеалогиям, имени Кунедды, как и Кередига, предшествуют три римских имени, Aetern (лат. Etemus), Patem (лат. Paternus, к которому добавлен эпитет peis rut, "красный плащ") и третье Tacit[us]. До них идет ряд сдвоенных имен, напоминающий **[75]** любопытные списки из парных имен в генеалогиях пиктских королей [15]. Территория вотадинов простиралась от южного берега залива Ферт-оф-Форт до Бервикшира, в то время как к северу от залива располагалось сильное королевство Южных Пиктов.

Соблазнительно предположить, что крупный клад V века из Трап-рейн Лоу (Traprain Law) в Хеддингтоншире[16] представляет собой добычу пиратов и что римские федераты этой крупной крепости, как и их союзники-вожди Дамбартона, прибегли к пиратству, когда в это время прекратились римские субсидии. Эпитет peis rut с большой вероятностью можно отнести за счет красного плаща, являвшегося официальным знаком

отличия римского кавалерийского офицера. Кажется вероятным, что и Кередиг, и Кунедаг были романизированными бриттами, охранявшими против пиктов узкий перешеек с обоих концов вала Антонина между Фортом и Клайдом. Возможно, обе эти династии имеют пиктское происхождение. Вслед за тремя поколениями римских имен, идущими в этих списках вслед за пиктскими, имена приобретают уже бриттскую форму. Эти последовательные списки, по стандартным вычислениям, уведут нас в IV век, и наши данные позволяют предположить, что в результате пиктских набегов, в особенности большого пиктского набега 367 г., римляне "уполномочили" местных вождей - сначала пиктов, позже романизированных бриттов - охранять северные укрепления для империи в качестве федератов. Затем в V веке, во время так называемого "национального возрождения", местные бриттские имена сменили римские.

Какова была общая обстановка на западе, где кельтские народы никогда не подвергались сильной романизации? В данном случае Notitia Dignitatum вновь не могут служить нашей опорой, так как из валлийских болот и вообще из Западной Британии не посылалось никаких донесений. Это тем более удивительно, так как мы знаем, что римские войска все еще стояли в Карнарвоне (Сегонтиум) в 383 г., когда Магн Максим ушел оттуда со своими "Seguntienses" (люди из Сегонтиума); в Манчестере и Рибчестере обнаруживаются монеты того же периода. Честер был занят 20-м легионом, а Карлион - 2-м, и только часть последнего была переведена в Ричборо в более раннее время. Как же мы должны объяснять полное молчание Notitia в V веке в отношении римских должностных лиц на западной границе?

Частично объяснение, возможно, состоит в том, что когда Магн Максим отвел по крайней мере некоторые из регулярных частей с запада в Галлию, он оставил всю западную оборону в руках местных войск. Примерно в тот же период происходила передача власти и военных полномочий федератам на северной границе, и существуют свидетельства, **[76]** подтверждающие, что путем сходной передачи власти римляне возложили часть ответственности на местных князей и на западе, в особенности на западном побережье.

Точно так же, как на северных границах опасность исходила от двух различных народов, пиктов и ирландцев, так и на западе угрозу представляли два народа, валлийцы и ирландцы. Недавно сэр Иен Ричмонд [17] убедительно продемонстрировал, что корновии, крупнейшее древнее племя западных пограничных провинций, находились в крайне опасном положении из-за волнений и горных набегов ордовиков, граничивших с территорией корновиев с запада. Поэтому уже при римлянах они несли необычайную ответственность и приобрели исключительные привилегии. Они были единственным бриттским племенем, давшим свое имя единице имперских вспомогательных войск; и эта часть, также в противоположность обычному положению дел, несла службу в своей родной провинции.

От официальных римских сообщений о корновиях нам, возможно, следует перейти к поздней бриттской традиции того периода, сравнимой с традициями северных бриттских федератов. Мы видели, что Гильдас изображает могущественного местного вождя, superbus tyrannus, которого поздние авторы называют Вортигерном, контролирующим Нижнюю Британию и взаимодействующим с такими местными должностными лицами (omnes consiliarii), которые все еще продолжали выполнять свои функции после ухода римских властей. Это было в период нашего Кельтского Возрождения. Его бриттское имя и все наши традиции позволяют предположить, что он происходил из местного населения валлийской границы, а в его генеалогии ему предшествуют три поколения романизированных предков, в то время как его прадед носит имя Gloiu, очевидно, эпоним Глостера, к которому добавлен эпитет gwalltiu, "длинноволосый", возможно передающий воспоминания о длинных конских волосах на шлеме римского кавалерийского офицера. Традиция и генеалогия подразумевают, что он был важным романизированным бриттским князем, и по аналогии с севером можно предположить - это не может быть чем-либо большим, чем предположение, - что в поздний период римской оккупации ему был дарован статус федерата в качестве преемника корновиев, находившихся под контролем римлян. Отсутствие в Notitia Dignitatum сведений о западных , укреплениях в этом случае не является чем-то удивительным, но согласуется с отсутствием рубрики для dux на

северной границе.

Основная опасность для Южной Британии, однако, исходила от ирландцев, и таким образом, главной оборонительной задачей сначала для римлян, а затем для независимых бриттских вождей всегда была **[77]** оборона западного побережья. Мы уже видели, что число и сила ирландских поселений на западных полуостровах Уэльса возрастали уже течение римского периода. Мы видели, что данные ранней надписи из Диведа (Пемброкшир) фиксируют титул Protector, приписывая его местному вождю, и что это официальный римский титул, даруемый федерату, ответственному за оборону границ. Поздние генеалогии призывают этот же титул Магну Максиму, а также его сыну и внуку.

Римляне давно осознавали ирландскую опасность, и начиная с III века римлянам и бриттам Уэльса угрожал общий враг. В Юго-Восточном Уэльсе основные оборонительные сооружения больше не находились в Карлионе и Кервенте, чтобы служить против валлийцев, а были перенесены в Кардифф, где в III веке на месте форта II века был возведен большой форт для обороны против ирландцев. В Карнарвоншире был заброшен прежний форт Сегонтиум, построенный на холме над Карнарвоном, и построен новый в устье реки на берегу для защиты важных римских медных рудников на Англси от ирландских грабителей[18]; возможно, против ирландцев в этот период был возведен и поздний малый форт в Холихеде [19]. Далее линия обороны фортов Саксонского Берега востоке и валлийских фортов на западе продолжалась на севере - в Ланкашире, на заливе Моркам, и даже восточнее Пеннинских гор.

Ранняя традиция ирландских королевств на берегах Бристольского залива в Уэльсе и Юго-Западной Британии сохранилась в ирландском тексте, известном под названием Sanas Cormaic [20] (Глоссарий Кормака), представляющем собой нечто вроде энциклопедии и глоссария и датируемом, по общему мнению, IX веком. Здесь утверждается, что со времен св. Патрика ирландские королевства владели важными территориями в Британии и что они сохраняли эту власть еще долгое время после прихода св. Патрика:

> "Власть ирландцев над Британией была велика, и они разделили Британию между собой на имения... и ирландцы жили настолько же к востоку от моря, как и в Ирландии, и там были построены их жилища и их королевские замки. Отсюда Dind Tradui... то есть тройной оплот Кримтанна Мора [21], сына Фидаха, короля Ирландии и Британии до Ла-Манша... Из этого разделения произошел форт сыновей Лиатана в землях корнуолльских бриттов (Dind map Lethain, dun maic Liathain)... И они сохраняли свою власть долгое время, даже после прихода св. Патрика в Ирландию" [22].

Источник информации Кормака неизвестен, и хотя передаваемая традиция отстоит от его времени на несколько веков, утверждение, что ситуация, которую он описывает, сохранялась "долгое время после **[78]** прихода Патрика", предполагает, что его информация была относительно свежей и она определенно перекликается с другими данными, которыми мы располагаем. Замечание Кормака говорит о том, что Dind map Lethain находится на северном берегу полуострова Корнуолл или недалеко от него. Это племя, вероятно, следует отождествлять с ирландским племенем Уи Лиатайн из Мунстера, и Кормак, очевидно, использует какой-то валлийский источник, чувствуя необходимость перевести его для ирландских читателей: "Dun maic Liathain - ибо mac то же, что тар по-бриттски".

Ненний, писавший приблизительно в то же время, вероятно, опирается на тот же самый валлийский источник, когда говорит (История бриттов, гл. 14), что "сыновья Льетана захватили земли в стране деме-тов и в других областях, а именно Гухир и Цетгвели".

Таким образом, из традиции вытекает, что все побережье Южного Уэльса в V веке было занято мунстерским племенем [23], которое Кормак помещает на противоположных берегах Бристольского залива, и это племя или определенные ирландские королевства контролировали все подступы к юго-западу Британии - Южный и Юго-Западный Уэльс, Бристольский залив и Корнуолльский полуостров.

Именно пяти бриттским князьям этих беспокойных западных приморских королевств

бросает резкие упреки Гильдас (гл. 28) в начале VI века. Они, по всей видимости, были его старшими современниками, правителями обширных территорий на западном побережье, и он обращается к ним по именам, очевидно, в географическом порядке, начиная с Константина, "тирана" Думнонии (полуостров Девон-Корнуолл), и продолжая по берегам Уэльса до "островного дракона", Маглокуна. Всех трех западных князей можно идентифицировать, руководствуясь валлийскими генеалогиями,- Маглокуна с великим Маелгуном Гви-неддом, правнуком Кунедды и правителем северного Уэльса и Англси. Гильдас перечисляет крупные бриттские королевства от Девона до Ланкашира, которые, должно быть, представляли собой буферную зону, служившую препятствием для ирландского проникновения в глубь Британии. Археология, как и традиция, также отражает угрозу adventus Scotorum.

Именно в период отвода из Британии римских войск, восстановления власти над Британией независимых кельтских вождей и возрастания саксонской, пиктской и ирландской угрозы бриттской независимости началась широкомасштабная колонизация Бретани из Западной Британии [24]. Несомненно, она началась не позднее IV века и стремительно продолжалась в течение всего V века, достигнув своего пика в VI веке. Лингвистические данные говорят о том, что язык иммигрангов **[79]** был ближе всего к языку населения Корнуолла, но считается также, что значительная часть колонистов вышла из Девона, потому что скорость, с которой Девоншир приобрел английскую топонимику, предполагает, что бриттское население этих кельтских земель было уже весьма слабо, когда туда пришли англичане; и действительно, ирландские поселения на берегах Бристольского залива вполне могли сделать бриттскую эмиграцию из Девона более чем вероятной. Поздняя бретонская агиографическая традиция, однако, связывает знатных предводителей движения и духовных лиц с Центральным и даже Западным Уэльсом.

Общим местом является утверждение, что причиной этой миграции стало давление саксов, и именно такое представление о событиях передает Гильдас. Приписываемое ему сочинение De Excidio является нашим первым местным источником по переселению из Британии. В двадцать пятой главе он говорит о "части населения", со скорбью эмигрирующей через море и поющей "под высокими парусами" отрывок плача из Псалмов вместо матросских песен. Он не говорит прямо, что они отплывали в Арморику, но исторические данные заставляют нас сделать именно такой вывод. В свете сказанного выше об ирландской колонизации (см. выше с. 62-64), для жителей Корнуолла, Девона и Уэльса и для всего населения берегов Бристольского залива в особенности страх перед adventus Scotorum, должно быть, был даже больше, чем страх перед adventus Saxonum Гильдаса. Эти племена находились в клещах, но саксонская угроза пока еще коснулась их лишь отдаленно.

Немногим позже свидетельства Гильдаса мы располагаем утверждением Прокопия Кесарийского [25], что большое количество независимых бриттов и иных людей, под руководством своих собственных королей, ежегодно отправлялось в земли франков, расселявших их в качестве колонистов на малозаселенных территориях. Прокопий, очевидно, черпал свои сведения от франкских посланников при константинопольском дворе, где он служил в первой половине VI века, как раз во время кульминации колонизации Бретани. Крупные саксонские набеги на Галлию, естественно, побуждали франкских королей благосклонно отнестись к дружественным иммигрантам. Более того, было отмечено [26], что если мы можем доверять утверждению Прокопия и утверждению Гильдаса (гл. 26) о длительном мире, последовавшем за битвой при горе Бадон (гл. 26), то саксы вряд ли могли в течение этого периода отодвинуть свои границы далеко на запад, и мы не можем предполагать, что с этой стороны угроза для бриттов приобрела критический характер. Правда, франкские хронисты приписывали иммиграцию бриттов саксонским набегам, особенно Эйнгард, друг и биограф Карла Великого, и Эрмолд ле Нуар, сопровождавший Людовика **[80]** в экспедиции в Бретань в 824 г.; однако литературный характер и поздняя дата этих утверждений лишает их исторической ценности. Их источники в конечном итоге, весьма вероятно, восходили к самому Гильдасу, так как он был хорошо известен и пользовался большой популярностью в Бретани в IX веке.

Между тем ближайшим убежищем для бриттов, земли которых опустошались ирландцами на юго-западе Британских островов, была Западная Бретань. Однако в течение V века римляне в Бретани страдали от саксонских нападений не меньше, чем Британия, и для того чтобы справиться с этой чрезвычайной ситуацией, римская администрация внесла в свою оборонительную систему некоторые изменения, стремясь сосредоточить защитные сооружения как можно ближе к восточной границе, а также защитить прибрежные территории и устья рек [27]. Notitia Dignitatum (см. выше с. 74) показывает крупные перемены: военное командование перемещается из внутренних областей к побережью, с целью помешать саксонским высадкам реорганизуется оборона всего побережья. По-видимому, для обороны запада римлянами не предпринималось никаких значительных мер, и это, должно быть, облегчало немногочисленные высадки и поселения прибывающих кельтских колонизаторов. Саксам никогда не удавалось образовать здесь стабильного королевства, как в Британии, однако им удалось разрушить многое из достижений римской цивилизации, в особенности это относится к прибрежным территориям.

Однако тот факт, что саксам не удалось вытеснить бриттских иммигрантов, предполагает, что у них уже существовала какая-то внутренняя организация, о природе которой мы, к сожалению, не имеем сведений. В отсутствие какой-либо информации и учитывая ход событий в Британии, соблазнительно выдвинуть одно предположение. Может быть, галло-римляне действовали, как superbus tyrannus и его conciliarii в Британии, и поощряли бриттских иммигрантов поселяться на своих землях в качестве федератов для борьбы против общего врага? Мы видели свидетельства того, что бриттские вожди валлийских болот не могли жаловаться на отсутствие опыта и доблести в такой борьбе. А это именно та территория, которая, согласно бретонской традиции, была родиной предводителей бриттских колонистов.

Римляне быстро теряли контроль над Арморикой. Уже в 409 г. Арморика восстала, и Зосим рассказывает, что "воодушевленные примером островных бриттов, они сбросили римское ярмо" (см. выше с. 55). Из этого может показаться, что между Британией и Арморикой существовали тесные политические связи еще до начала V века, носившие, очевидно, организованный характер. Несомненно, это явилось подспудным **[81]** мотивом прибытия в Британию св. Германа в 429 г., ибо его биограф Констанций говорит [28], что до того как стать епископом Оксера, он занимал пост dux tractus Armoricani, а из данных Notitia Dignitatum мы знаем, что в качестве такового он должен был нести ответственность за litus tractus Armoricani [29], и основную его заботу должны были составлять опустошения, производимые саксами в Арморике. Мы знаем, что галло-римляне Арморики поднимали восстания не только в 409 и 429 гг., но в течение всего V века [30], а Констанций называет их "непостоянным и недисциплинированным народом", ведомым неким Тибатто, которого анонимная *Галльская Хроника* упоминает дважды, сначала под 435 г., где он называется предводителем движения за независимость в части "Gallia Ulterior" (то есть в Арморике), и снова в 437 г., где о нем говорится, что он был среди схваченных и убитых, когда восстание было подавлено. По всей видимости, это движение достигло своей высшей точки вслед за визитом Германа в Британию в 429 г.

В то же время, когда галло-римские центры Арморики передвигались на восток, в Арморику морем прибывало новое кельтское население, сосредоточившееся на прибрежных землях и захватившее большие территории во внутренних районах, особенно на западе. Главные римские центры Нант, Ванн и Ренн, то есть города восточной границы, переняли римские оборонительные меры и, оставшись римскими по своему характеру и институтам, были обнесены оборонительными стенами из страха перед саксами [31]; однако весь остальной полуостров постепенно изменил свой характер и свой язык с галло-римского на одну из форм кельтского, близкородственную корнскому и валлийскому, больше корнскому. Страна из Арморики, периферийной галло-римской провинции, захудалого аванпоста Империи, обращенного лицом на восток, превратилась в страну, обращенную спиной к Галлии, по своим контактам, культуре, политическим симпатиям, социальным отношениям, церкви и населению теснейшим образом связанную с кельтской Британией, особенно Западной Британией. Она еще раз стала кельтской землей.

Переход Ирландии от эпохи позднего железного века на заре истории к началу

исторического периода был полон драматических потрясений. Это превращение из страны, развивающейся в изоляции по своим традиционным законам, в страну, открытую для влияния чуждой и высшей цивилизации. Мы уже подчеркивали, что высокий уровень развития и профессиональные обязанности интеллектуальных классов древней Ирландии сохранили для нас ее устные предания, рисующие картину местной цивилизации на периферии античного мира, пока ее традиции не перешли в тигель латинских букв. Эта культурная революция **[82]** произошла благодаря установлению контактов с более развитой восточной цивилизацией. В Ирландии некоторые изолированные клады из римской Британии, как, например, серебряный клад из Бал-лина, представляют конкретные свидетельства непосредственных контактов через Ирландское море в IV или V веках [32]. Это другой и гораздо более непосредственный способ контактирования, чем прежние связи Ирландии с внешним миром, осуществлявшиеся в бронзовом веке через длинные средиземноморские маршруты. Отличается этот способ и от путей первых веков нашей эры, когда галльские воины, возможно изгнанники, прибывали в Южную Ирландию и поступали на службу к ирландским королям [33], и от культурных контактов, напрямую стимулированных варварскими нашествиями в Галлию.

Мы видели (см. выше с. 58), что с традициями "Похищения Быка из Куальнге" и другими сагами "Героического Века" мы оставляем Ирландию древнего мира и начиная с V века вступаем в новую фазу истории. Престиж письменных записей вытесняет устную традицию, и хотя теперь мы знаем, что наши письменные анналы и многие записи обычаев первого тысячелетия сами основываются на устной традиции, факт придания им письменной формы, когда они записываются в виде анналов, впервые дает им место в историографии Европы. Насколько можно полагаться на эти записи, это весьма сложный и на данный момент спорный вопрос.

Этот переход от традиционной устной саги, которую мы можем назвать формой фиксирования истории железного века, к стилю хроники, который достиг Ирландии по латинским каналам и укоренился там под церковным влиянием, поражает человека, изучающего ирландские исторические тексты. Записи кратки и лаконичны и по большей части написаны на латыни, хотя иногда перемежаются заметками на ирландском, как в Анналах Тигернаха. История теперь стала делом клириков, получивших континентальный тип образования, сведущих в латинской традиции и в хронологии - корне историографии [34].

Но клирики, как и их предшественники филиды, могли заниматься своим делом только при чьем-либо покровительстве, либо церковном, либо, более непосредственно, княжеском. В любом случае их труды безусловно писались для определенных целей, при прямом политическом влиянии. Всегда присутствовал элемент пропаганды, хотя открыто это и не признавалось. Этот принцип лежит в основе всех ранних ирландских анналов и наложил свой отпечаток на тексты нашего раннего исторического периода. То же самое влияние практически игнорирует провинцию Мунстер и отводит основное место освещению истории рода Ниалла Нойгиаллаха и его прихода к власти в Ульстере. **[83]** Это не означает, что в анналах не фиксируется подлинная история. Это означает, что ей сложно дать правильную оценку [35].

Ранняя традиция рода Ниалла Нойгиаллаха представляет собой связующее звено между древними устными преданиями доисторической Ирландии и поздними письменными текстами, а ирландская история начинается именно с достижения Ниаллом и его родом верховной власти в Центральной и Северной Ирландии. Годы правления Ниалла традиционно датируются с 379-го по 405-й, или, более вероятно, 428 г. [36] Генеалогия [37] Ниалла и его рода ненадежна; однако ирландская традиция, восходящая к ранним мунстерским поэмам, особенно элегиям, фрагменты которых сохранились [38], утверждает, что он был сыном Эохайда Мугмедона и "Кайренн, кудрявой черноволосой дочери Сахелла Балба из саксов" (см. ниже с. 85). Это, по всей видимости, единственное появление имени Кайренн, ирландской формы от лат. Carina. Слово balb, "заика", используется в других местах для обозначения людей, говорящих на других языках. Предположительно отец Ниалла женился на женщине из римской Британии. Считалось, что Ниалл встретил свою смерть на чужбине [39], и нельзя считать невозможным, что это могло произойти во время одного из набегов на Британию. Традиция приписывает

заморские поездки и смерть на чужбине и Дата [40], королю Коннахта, племяннику Ниалла и его непосредственному преемнику в качестве "короля Ирландии", согласно поздним генеалогиям. Контакты с другими странами были отличительным признаком этого рода и в последующих поколениях. По Additamenta писца Фердомнаха к Книге из Армы, внук Ниалла Федельмид женился на дочери бриттского короля, а она и ее сын могли говорить по-бриттски с племянником св. Патрика бриттом Ломманом. Мы увидим первые плоды этих заморских контактов в путешествии св. Колумбы, члена королевского рода северных Уи Нейллов, в шотландскую Дал Риаду в следующем веке.

Наши древнейшие традиции о Ниалле тесно связывают его с поэтами того времени, и именно от поэтов мы получаем о нем наиболее подробные сведения. Стихотворение VIII или IX века, элегия, сообщает, что Ниалл был приемным сыном знаменитого мунстерского поэта Торны Эйгеса, Торны Ученого. Поэт упоминает отца Ниалла Эохайда Мугмедона и его деда Муйредаха и говорит, что теперь, когда Ниалл мертв, враги Ирландии (то есть саксы) примутся за грабежи. В первых строках вспоминается бриттское имя его матери и подчеркивается светловолосость Ниалла. Туйрн, сын Торны, сокрушается:

> Когда мы ходили на собрания с сыном Эохайда,
> Рыжими, как яркий первоцвет, были волосы на голове сына Кайренн [41]. **[84]**

Одна сага [42] о смерти Ниалла добавляет:

> Кайренн, кудрявая черноволосая дочь Сахелла Балба [43] из саксов, была матерью Ниалла.

В той же саге его придворный поэт говорит о себе, что он был известным мунстерским поэтом Ладхенном мак Байрхедо, а его дошедшая до нас генеалогическая поэма относится Куно Майером к VII веку [44]. Эти стихотворения и поэты и их связь с Ниаллом очень хорошо иллюстрируют важность ранней ирландской поэзии для реконструкции ранней ирландской истории. Примечательно, что этот знаменитый глава гойдельской династии позднее упоминался как герой-воитель, а поэты восхваляли его и его предшественников; и, несомненно, именно деятельностью этих поэтов и их тесной связью с Ниаллом и его родом мы можем объяснить высокий и на самом деле даже преувеличенный престиж Уи Нейллов в поздних анналах. Это само по себе сыграло определенную роль в поддержке филидов со стороны Колумбы (см. ниже с. 227), который сам являлся членом рода северных Уи Нейллов. Как бы то ни было, нет сомнений в том, что стремительно возросшее значение Ниалла и его рода стало следствием фундаментальных изменений, которые в то время происходили в политическом разделении Ирландии и в которых эта династия сыграла главную роль. Мы говорим о процессе исчезновения политического разделения Ирландии на пятины (см. выше с. 58 -60).

Главным изменением в древней политической географии, происходившим в течение раннего исторического периода, было разрушение и расчленение около середины V века древней пятины Ульстер, которая включала в себя всю северную Ирландию от Донегала до Антрима. Традиция утверждает, что этот процесс начался по меньшей мере уже во время Кормака мак Арта [45]; однако широкий размах, согласно нашим так называемым историческим текстам, эти изменения приобрели в результате северной и восточной экспансии рода Ниалла и их союзников из Коннахта. Следствием этого явилось расчленение и в конечном итоге завоевание эринов на севере, осуществленное, по всей вероятности, тремя сыновьями самого Ниалла, Эоганом, Коналлом и Эндой, по указанию Ниалла [46].

Первым этапом этого расчленения стало завоевание Уи Нейллами и их коннахтскими союзниками группы народов между Восточным и Западным Ульстером, известной под названием Айргиалла ("Ориел", "подчиненные, дающие заложников") [47]. Их территория состояла из современных графств Арма, Монаган, Тирон и большей части графств Ферманаг и Дерри. Владение этими землями принесло Уи Нейллам **[85]** контроль над Эмайн Махой (в двух милях от Армы), древней столицей уладов. Завоевание Ориела поставило под власть Уи Нейллов большую часть Ульстера. Из древнего независимого

Ульстера незавоеванным новой "династией Тары" теперь оставался только Донегал и северо-восточная прибрежная полоса от Антрима до Дундалка - на севере и северо-востоке находились небольшие королевства Дал Риада и Дал Фиатах; к востоку от озера Лох-Ней располагалось королевство Дал Арайде [48].

Следующим шагом в процессе расчленения древнего Ульстера стало завоевание около 428 г. Донегала, земли на запад от Ориела, сохранявшей свою независимость, и образование на его месте нового королевства Айлех или Фохла (букв. "север") двумя сыновьями Ниалла, Эоганом (ум. 465) и Коналлом. Эта новая провинция позднее образовала ядро королевства северных Уи Нейллов. Эти два сына Ниалла теперь занимали территории, позднее известные соответственно как Tir Conaill в горах Донегала на западе и Тирон (Tir Eogain) на востоке. Их столицей был Айлех [илл. 23, 24] [49]. В 563 г. они нанесли сокрушительное поражение Дал Арайде, власть над которым, по-видимому, перешла к ветви Эогана, как можно понять из Анналов Ульстера (A. U. 562 (recte 563)).

Начиная с V века правящей династией Северной и Центральной Ирландии были Уи Нейллы [50], потомки Ниалла Нойгиаллаха. Преемником Ниалла в Таре стал его сын Лоэгайре, правивший в Таре во времена св. Патрика [51] и являющийся первым ирландским королем, даты правления которого можно считать более ли менее установленными (см. прим. 36 к этой главе). Согласно традиционной истории [52], преемственность в качестве главы династии с 506 по 734 г. чередовалась между потомками двух его сыновей, Эогана и Коналла, основавших на севере королевство Айлех, известными как северные Уи Нейллы, и потомками третьего сына, Кримтана, известными как южные Уи Нейллы и считавшими своей столицей Тару [53]. Две династии королевства Айлех изображаются образующими некое единство, чередуясь в качестве верховных королей с южными Уи Нейллами, до тех пор пока род Эогана (Cenel Eogain) не победил род Коналла (Cenel Conaill) в битве в 734 г. С 734 по 1036 г. верховную власть поочередно разделяют Кенел Эоган и южные Уи Нейллы из Миде. В соперничестве между Кенел Коналл и Кенел Эоган на стороне первого было преимущество естественных крепостей донегальских гор, в то время как Кенел Эоган могли распространять свою власть на восток и на юг, пока в 827 г. Ниаллом Кайлле, королем Айлеха, не было повержено королевство Ориел, их восточный сосед, и Ориел не был подчинен королям из Кенел Эоган, позднее известным как короли Тирона. Возможно, какая-то ранняя фаза этой восточной экспансии Уи Нейллов из Айлеха вызвала **[86]** движение членов династии Дал Риады с побережья Антрима через море в шотландский Аргайл (см. ниже с. 94).

Основными королевствами, образовавшими составляющие, но независимые части большого "сверхкоролевства" Ульстер, были (1) маленькое королевство Дал Риада на самом северном побережье графства Антрим, с династической цитаделью на скалистом мысе Дансеверика, конечном пункте Слиге Мидлуахра, древней королевской дороги, ведущей на север из Северного Лейнстера и Миде [54]. Правящая династия этого государства, как мы еще вспомним, считала себя потомками Эринов; (2) Дал Фиатах на восточном побережье графства Даун, также эрины и, возможно, истинные улады традиции "Героического Века", хотя это спорный вопрос; (3) Дал Арайде, остатки древних круитни, между Дал Риадой и Дал Фиатахом, занимавшие обширную территорию вокруг Позера Лох-Ней. Они были самым многочисленным и могущественным **[87]** народом в этих районах страны и составляли часть Восточного Ориела (Айргиаллы), завоеванного в V веке сыновьями Ниалла [55] и ставшего зависимым государством. В VI веке их самым значительным королем был Монган (ум. 624), прославленный в чрезвычайно обширном корпусе саг и поэм. Его резиденция находилась в Мойлинни, практически на месте современного города Антрим на восточных берегах озера Лох-Ней. Столица древнего Улада Эмайн Маха, на месте которой возникла Арма, после завоевания Ульстера перешла в руки Уи Нейллов [56].

Разрушение древней пятины Ульстера и захват ее центра династией Уи Нейллов является важнейшим фактом ранней ирландской истории. Отныне власть сосредоточивается в Центральной Ирландии, где на господство над доисторическим святилищем Тары притязала южная ветвь потомков Ниалла, обычно носящая название "династия Тары". С захватом древней столицы Ульстера Эмайн Махи в середине V века потомки Ниалла заняли крепость вблизи святилища св. Патрика в Арме и тем самым

приобрели покровительство главного святого побежденных уладов. Более того, так как это святилище было центром ранней учености и введения латинской письменности и культуры в Ирландии, овладение им могло предоставить Уи Нейллам не только политический, но и духовный и интеллектуальный престиж, а также контроль над преподаванием и написанием истории.

Наши литературные тексты говорят о двух больших частях Ирландии, известных как "половина Конна", включающая Северную Ирландию, и "половина Муга", включающая Мунстер и Лейнстер. Эти названия происходят из фантастического рассказа о том, что Кони Кетхатах ("Ста Битв"), предок Уи Нейллов (Коннахта), и Муг Нуадат ("раб Нуаду"), чье настоящее имя было Эоган (предок рода Эоганахт) разделили Ирландию между собой. Эта концепция, несомненно, являлась вымыслом историографов. Она содержится в анналах и генеалогиях, но не в "Книге Захватов Ирландии" [57].

Литературная традиция, несомненно, отражает историческое разделение между территорией, управляемой Уи Нейллами, и территорией, образовавшейся на месте прежних пятин Мунстер и Лейнстер с IV по X век. Наши традиции, относящиеся к этой "Южной половине" ("половине Муга") в целом менее полны, чем северные; однако в анналах и генеалогиях Мунстера мы можем обнаружить следы работы класса историографов, приверженных интересам правящего рода Эоганахтов из Кашеля, сходного с классом, работавшим на севере в интересах Уи Нейллов. Более того, литературные свидетельства в целом говорят о том, что начиная с V века развитие Мунстера происходило даже, может быть, больше в интеллектуальном отношении, чем за счет **[88]** военной и территориальной экспансии, и что его ориентиры находились скорее на континенте, чем в Ирландии. Вполне возможно, что в действительности на протяжении раннего исторического периода Мунстер был наиболее цивилизованной частью Ирландии.

Тогда как в "Героическом Веке" резиденция главного короля Курой мак Даре находилась в Западном Мунстере, мы обнаруживаем, что в ранний исторический период главной династией "половины Муга" являются Эоганахты со столицей в Кашеле, недалеко от границы с Лейнстером. Мунстерская династия Эоганахтов образовала консолидированное королевство, в основном мирное и процветающее, и вероятно, как предполагалось выше, всегда поддерживавшее тесные контакты с континентом. Уровень культуры как Мунстера, так и Лейнстера был высок. Считается, что письменность на местном языке началась в Мунстере уже к 600 г. и что панегирическая поэзия из Мунстера сохранилась в письменной форме из второй половины VI века58, а контакты между Юго-Восточной Ирландией и Галлией, очевидно, имели непрерывную историю начиная по меньшей мере с III века и активизировались между Аквитанией и Южной Ирландией во время варварских нашествий в Галлию[59].

Могущество Эоганахтов возрастало очень быстро. В самый ранний период они совершенно неизвестны. Ко времени св. Патрика их основная ветвь уже правит скалистым Кашелем, в то время как другие важные ветви находятся на западе в Корке и Лимерике. Кашель на самом деле представляет собой "Тиринф" Южной Ирландии, который контролировал дороги из Западного в Южный Мунстер и северную дорогу на Лейнстер. Возвышение Эоганахтов в Восточном Мунстере в определенной мере произошло за счет древнего королевства Лейнстер, которое чрезвычайно сократилось из-за экспансии Миде [60]. Завоевание Северного Лейнстера династией Тары сопровождалось наложением тяжелой ежегодной дани, которая, согласно длительной традиции [61], натолкнулась на ожесточенное сопротивление и послужила причиной многочисленных битв и противостояния, длившегося столетиями. Согласно традиции, король Тары Лоэгайре, сын Ниалла Нойгиаллаха, погиб в 462 или 463 г., пытаясь собрать эту дань, а последняя героическая сага о битве при Аллене [62] (около 722 г.) говорит о смерти Фергала, сына Маэл Дуйна, короля "половины Конна", погибшего во время нашествия на Лейнстер, предпринятого опять же для сбора дани.

Снижение мощи Лейнстера из-за возросшего влияния Миде в V веке, очевидно, облегчило усиление Эоганахтов из Кашеля. Истории некоторых племен и генеалогии позволяют нам определить те средства, с помощью которых Эоганахты к V веку получили контроль над провинциальными королевствами Мунстера. Это произошло прежде всего

[89] за счет эринов Западного Мунстера, до тех пор являвшихся верховными господами провинции. По-видимому, своего усиления Эоганахты достигли путем привлечения на свою сторону различных племен, включая как лагенов, так и некоторую часть самих эринов в качестве союзников при завоевании основной части эринов, создав против них сплоченную коалицию [63]. Этот принцип аналогичен римскому использованию федератов на границах империи. Из этих федератов-союзников Эоганахтов наибольший интерес представляют деси [64]. Соперничающие традиции приписывают заслугу возвышения Кашеля то восточному, то западному ответвлению Эоганахтов. Борьба между двумя ветвями продолжалась с V по IX век и может считаться основной чертой мунстерской внутренней политики в ранний исторический период. Обе ветви были сильны, и хотя Эоганахты Кашеля в Восточном Мунстере обычно располагали всеми возможностями притязать на королевскую власть над Мунстером [65], эти притязания иногда встречали отпор.

Согласно традиции, очевидно, поддерживаемой и поощряемой восточной ветвью, Эоганахты Кашеля пришли к власти с помощью деси, изгнанных из Тары в результате ссоры с Кормаком мак Артом. В то время как часть деси отправилась в Пемброкшир во главе со своим вождем Эохайдом Аллмуиром ("из-за моря"), другая часть поселилась в Южном Лейнстере на границе с Мунстером, где они стали известны под именем Deisi [66] (совр. ирл. Decies) по названию Deisi Breg, района, из которого они пришли. Внучка их вождя вышла замуж за короля Кашеля Энгуса мак Надфройха [67], и деси помогли ему завоевать Восточный Мунстер, где он поселил их в качестве федератов [68]. Включение территории деси в Южном Лейнстере в состав Мунстера, таким образом, тесно связано с возрастанием власти Мунстера и цитадели Кашеля [илл. 25]. Энгус мак Надфройх на самом деле является первым королем Кашеля, упомянутым в анналах [69]. Размеры Лейнстера все еще сокращались, но браки между этими правящими родами и размещение пограничных войск обеспечивали стабильный мир и были источниками силы для обеих провинций. Расширение на восток и консолидация сил Мунстера имело большое значение для дальнейшей истории Ирландии. В "Тройственном житии св. Патрика" утверждается, что Энгус мак Надфройх со своими сыновьями был крещен святым в Кашеле, причем Патрик предрек, что ни один из его потомков не умрет от раны, что было равносильно объявлению их клириками, и тот же источник добавляет, что никто не может стать королем Кашеля, пока его не поставит преемник Патрика и не возведет его в духовный сан [70].

Другая традиция приписывает первоначальное усиление Эоганахтов не Энгусу мак Надфройху, а легендарному предку Эоганахтов, **[90]** Коналлу Корку, сыну Лугайда, воспитаннику Кримтанна Мора мак Фидайга и его преемнику в качестве короля Мунстера. Согласно этой традиции, сохранившейся в Шотландии до сегодняшнего дня, Коналл Корк, предательски изгнанный своим дядей Кримтанном, со временем Прибыл во дворец пиктского короля Ферадаха Финдфехтнаха, короля племени круитни, находившийся на холме Турин над Форфаром [71], и женился на его дочери Монгфинд. В конечном итоге Корк вернулся в Мунстер с ней и своими сыновьями и наследовал трон. Этот рассказ дошел до нас в нескольких вариантах, и интересно отметить, что дядей Корка является Кримтанн Мор мак Фидайг, который в Глоссарии Кормака называется "королем Ирландии и Британии до Ла-Манша" в отрывке, цитированном выше на с. 78, где речь идет о двойных королевствах ирландских королей того периода и об их королевских резиденциях в Британии. Особо упоминается одна из них, Динд Традуи, **[91]** глоссируемая как "крепость Кримтанна Мора мак Фидайга, окруженная тремя рвами". История о Корке не может считаться исторической, но содержит интересные элементы традиции [72]. Брак пиктской принцессы с иностранным князем полностью согласуется с нашими сведениями о пиктской экзогамии, в то время как традиция шотландских кланов утверждает, что клан Эоганахтов из Маг Гергинн, а также ярлы Леннокса происходят от Корка и Монгфинн [73].

Самым могущественным из довикингских королей Кашеля был Катал мак Фингуини (около 721-42 гг.), которому, по утверждению Анналов Инисфаллена (s. a. 721), подчинился Фергал, сын Маэл Дуйна, король Тары. На самом деле эти анналы, имеющие, конечно же, мунстерское происхождение, говорят в его obit s. a. 742, что он был "королем

Ирландии", в то время как Анналы Ульстера, северного происхождения, упоминают его только как rex Caisil ("короля Кашеля"). Битва при Аллене имела место во времена Катала мак Фингуини. Это было нарушением перемирия, заключенного между Каталом и Фергалом [74]. Соответственно, связанный узами чести, Катал вернул голову Фергала, отрубленную в битве, Уи Нейллам, в качестве компенсации за нарушение договора.

Несмотря на это, утверждалось, что на протяжении первых веков после введения христианства, Мунстер в целом был, возможно, самым консолидированным государством в Западной Европе [75]. Политические изменения, миграции и династическая борьба протекали со сравнительно ограниченной интенсивностью, а тот факт, что только два или три из приблизительно дюжины королей, правивших Мунстером в тот период, умерли насильственной смертью, демонстрирует относительно мирные условия существования этой провинции [76]. Эту спокойную политическую историю Мунстера следует интерпретировать в прямой связи с историей культуры и церкви. Именно в Мунстере мы обнаруживаем наибольшее сосредоточение огамических надписей - явный признак культурной и состоятельной аристократии; наши первые памятники письменности; наши первые культурные монастырские контакты, как показывает "ирландский Августин" в монастыре Лисмор на Блэкуотере (см. ниже с. 213); и, наконец, церковные связи королей Кашеля, которые на протяжении исторического периода иногда становились епископами. Традиция утверждает, что это уникальное совмещение статуса короля и епископа идет еще от посвящения св. Патриком Энгуса мак Надфройха. Эта традиция носит поздний характер, однако сам факт этой тесной связи королевской и епископской власти Кашеля" несомненно, является ключом к истории Южной половины Ирландии в течение всего раннего исторического периода. **[92]**

ГЛАВА 4.
Формирование исторических кельтских королевств

В предыдущей главе мы проследили возникновение организованных кельтских государств на западной периферии Европы, последовавшее за ослаблением римской власти и отводом римских войск. Вся Южная Британия вновь оказалась под властью местных кельтских династий, осуществлявших внутреннее управление страной и защищавших границы, со всех сторон осаждаемые соседними народами, германцами, пиктами и ирландцами, стремящимися после ухода римлян к экспансии и постоянной колонизации Британии. На протяжении VI и последующих веков прежняя политическая раздробленность кельтских народов исчезла, чтобы сформировать более крупные и сплоченные сообщества. Мы видели, что в кельтских племенах на границе с Южной Шотландией и по всей Южной Британии к власти пришли уже местные династии, управлявшие обширными территориями; и также мы видели, что эти королевства говорили на едином бриттском языке, по всей Шотландии, на юг от линии Форт-Клайд, в Северо-Западной Англии, Уэльсе, Корнуолле, а теперь и в Бретани.

За пределами территории, находившейся когда-то под властью римлян, лежат два больших кельтских королевства, которые никогда не подчинялись Империи. Это были могущественные пикты Хайленда и северных островов, надежно защищенные своими горами; и кельтские народы Ирландии, незатронутые римским завоеванием благодаря своему изолированному положению за Ирландским морем. Мы видели, что появление и завоевания гойделов в течение V века сплотили королевства Ирландии под властью двух крупных династий - Северную Ирландию контролировали потомки Ниалла Нойгиаллаха, Южную - Эоганахты из Кашеля. В настоящей главе мы проследим историю **[93]** образования пиктами в течение VI и VII веков двух больших государств, названных Бедой "северными и южными пиктами, отделенными друг от друга крутыми и высокими горами". Также мы обратим наше внимание на развитие последней и самой крупной ирландской колонии в Западной Британии, на основе которой сформировалось важное королевство на западе Шотландии к северу от римской оборонительной линии. Взаимоотношения пиктских и ирландских поселенцев друг с другом, а также с бриттами к югу от них, а позднее и с англами, поселившимися к югу и востоку, являются ядром современного королевства Шотландии, в то время как бриттские династии Южной

Шотландии объединились с династиями Северо-Западной и Западной Британии, чтобы превратиться позднее в гораздо меньшее по размерам, но более консолидированное королевство Уэльс.

Наблюдая за завоеваниями Уи Нейллов в Северной Ирландии, мы увидели, что два небольших королевства, составлявших часть древней пятины Ульстер, сохранили свою независимость, чтобы сыграть в будущем гораздо большую роль в истории стран за Ирландским морем, чем в островной ирландской истории. Оба считали себя потомками эринов или догойдельского населения Ирландии. Первое из них - небольшое королевство Дал Риада, королевская династия которого считала себя потомками "семени Конайре Мора", их доисторического короля. Эти остатки уладов теперь расположились у Дансеверика на небольшой полосе, оставшейся под их властью на северном побережье графства Антрим. Мы мало знаем об этой династии до времен св. Патрика, но в тексте IX века "Тройственное житие св. Патрика" этим королевством правят Эрк и его сыновья Лоарн и Фергус, последний из которых получил благословение святого, предрекшего ему, что один из его потомков займет трон Дал Риады и Фортренна навечно. Фортренн - название одного из королевств южных пиктов в исторические времена, но здесь, по-видимому, используется для обозначения всей Шотландии. Мы также узнаем об экспансии Дал Риады при сыновьях Эрка из Анналов Тигернаха: "Фергус Мор мак Эрка (sic) с народом Дал Риады держал часть Британии и умер там"[1]. Здесь эта запись соответствует событию, зафиксированному в Анналах Ульстера под 502 г. Вероятно, оно имело место приблизительно в середине V века или, возможно, немногим позже. Между тем королевство Дал Риада в Ирландии, из которого вышли шотландские поселенцы, все еще продолжало свое существование; однако мы почти ничего не слышим о нем после Битвы при Маг Рат (Мойра) в 634 г. или около этого времени, когда в союзе с шотландской Дал Риадой оно безуспешно сражалось с Дом-наллом, сыном Аэда, короля Тары. С этих пор история Дал Риады и **[94]** "семени Конайре Мора", как называли себя ее правители, принадлежит Шотландии, где это название продолжало использоваться в отношении династии шотландской Дал Риады до XII века [2].

Другим потомком древнего Ульстера, сохранившим свою независимость, было королевство Дал Фиатах, традиционно связываемое с Дал Риадой и притязавшее на происхождение от тех же предков. Потеряв свою древнюю столицу Эмайн Маху, они захватили побережье графства Даун и часть графства Антрим. Название династии, Dal Fiatach, происходит от легендарного предка, Фиатаха Финда [3]. Их правящая династия продержалась до норманнского завоевания, но играла сравнительно незначительную роль в ирландских анналах и, как Дал Риада, более известна своими историческими связями с восточными и заморскими землями. Самым выдающимся королем Дал Фиатах был Баэтан мак Кайрилл (ум. 581 г.), который, как считается, вынудил Аэдана мак Габрана, тогдашнего короля шотландской Дал Риады, подчиниться ему в битве при Роснари на берегу Белфастского залива[4] и покорил Ману (остров Мэн) [5]. (См. ниже с. 104.)

Вкратце очерчивая зафиксированные в ранний исторический период связи маленьких королевств Северо-Восточной Ирландии, сохранившихся от расчлененного в доисторические времена Ульстера, мы на самом деле вступаем в новую область, на этот раз морскую. Их культурным центром был остров, остров Мэн, который мы до сих пор не включали в нашу картину, ибо о нем не дошло ранних записей, и мы можем выяснить что-либо по его ранней истории только из свидетельств позднего исторического периода. Ключ к этой утраченной истории частично содержится в языке, частично - в местных надписях на камнях и археологических данных, однако прежде всего в истории окружающих стран - Ирландии, Шотландии, Северной Англии и Уэльса - со всеми ними остров Мэн поддерживал тесные отношения. Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению Северной и Южной Британии в VI и VII веках, мы задержимся для того, чтобы дать краткий очерк острова Мэн, Эллан Ваннин по-мэнски.

В доисторические и ранние исторические времена, когда по морю передвигаться было гораздо быстрее и легче, чем сушей, остров Мэн занимал ключевую позицию. В ту эпоху постоянного сообщения между Ирландией, Шотландией и Уэльсом Ирландское море и воды на север от него были оживленным перекрестком морских путей, северным ответвлением маршрута доисторических времен по атлантическому побережью, а

кельтские народы были неплохими мореплавателями. В течение всего исторического периода узкие и бурные проливы между Ирландией и Гебридами и Юго-Западной Шотландией не служили **[95]** препятствием морским поездкам, а Ирландское море поддерживало тесные отношения, иногда дружественные, иногда враждебные, между всеми странами, располагавшимися на его берегах. Это было большое озеро - истинный фокус кельтской цивилизации еще до римского захвата Британии и важнейший распределительный центр близкородственных литературных и мифологических традиций.

Ввиду этого ключевого положения и, возможно, даже больше благодаря прекрасному климату и плодородной почве остров Мэн с доисторических времен был заселен колонистами, как из Ирландии, так и из Уэльса [6]. Мы не располагаем ранними текстами на местном языке[7], однако многое об его ранней истории можно извлечь из анналов кельтских стран на его орбите, ибо он, несомненно, играл чрезвычайно значительную роль в борьбе между ответвлениями Ульстера, то есть новым ирландским королевством Дал Риада в Западной Шотландии, крупным и важным королевством Дал Арайде вокруг озера Лох-Ней и опять же маленьким, но ни в коем случае не второстепенным королевством Дал Фиатах на северо-восточном побережье Ирландии. Кое-что из его истории и его отношений со всеми окружающими странами отражено также и в языке или, скорее, языках, которые мы можем наблюдать по надписям на камнях, огамическим, руническим, а также латинским, которые в большом количестве присутствуют на острове.

Предполагается, что колонизация из Ирландии вполне могла начаться в IV или V веках, то есть приблизительно в тот же период, когда своего пика достигла иммиграция в шотландскую Дал Риаду, и это предположение выглядит очень вероятным. В более раннюю эпоху, по-видимому, остров говорил на бриттском языке, однако по крайней мере к V веку здесь уже появились носители ирландского[8]. Язык, на котором говорят на острове сегодня, относится не к бриттской, а к гойдельской группе. Мы знаем, что на гэльском на Мэне говорили по меньшей мере уже в V веке н. э., так как несколько огамических надписей этого периода демонстрируют гэльские языковые черты, а сам язык появился на острове в IV веке, вероятно, в то же время, что и в Хайленде, на островах Шотландии и на западных полуостровах Уэльса (см. выше с. 62). Между тем имеются признаки того, что на бриттском (валлийском) на Мэне продолжали говорить и в период огамических надписей и оба языка использовались там в "темные века" [9].

Гэльский язык острова Мэн, однако, не является независимым потомком первоначального предка гойдельских языков, но тесно связан со средневековым ирландским и шотландским гэльским, ближе к шотландскому гэльскому, чем к ирландскому. Два последних языка не были сильно дифференцированы до XVI века, а со времен викингов и до **[96]** конца XIII века остров Мэн поддерживал тесные политические связи с Западной Шотландией. На шотландском гэльском говорило население Голуэя, меньше 20 миль от Мэна, еще в XVII веке, и как исторические, так и языковые данные свидетельствуют о частом сообщении между Мэном и Голуэем начиная по меньшей мере с начала IX века. Тесная связь, до сих пор существующая между мэнским и шотландским гэльским, отражает период, когда гэльский Голуэя составлял между ними связующее звено.

Мы увидим, что валлийские исторические тексты предполагают вторжения в Северный Уэльс из Голуэя через залив Моркам (см. ниже с. 143), а в начале IX века, прежде чем основать новую династию в Гвинедде, на острове Мэн утвердилась династия, почти наверняка происходящая из Голуэя.

До захвата Аргайла ирландской династией в V веке вся Шотландия к северу от вала Антонина, включая северные и западные острова, управлялась могущественными династиями пиктов, и эта территория, кроме Аргайла, оставалась под властью пиктов до IX века. Их язык, дошедший до нас только в именах собственных и надписях, до сих пор не получил научной интерпретации, но считается теперь амальгамой ранней формы кельтского, родственной бриттскому, с местным неиндоевропейским языком, возможно, потомком языка бронзового века". Мы уже видели, что в самый ранний период, от которого до нас дошли какие-то тексты, северо-западную и срединную территории Шотландии занимали группы или племена, известные соответственно как кор-новии и думнонии - названия которых знакомы нам и по Юго-Западной Британии.

Слово *пикт* является в некоторой степени общим понятием, служащим для обозначения ряда народов в Шотландии, известных латинским авторам как на континенте, так и в этой стране как Picti [12], а в наших ранних местных источниках как Cruithni. Однако для некоторых шотландских народов у античных авторов появляются отдельные названия. В римские времена двумя важными племенами, относительно которых мы можем определенно сказать, что они входили в пиктский народ, были вертурионы, обитавшие в верховьях Форта и на реке Эрн, позднее известные как "люди Фортренна" (см. выше с. 94), и каледоны в долине верхнего Тея со столицей в Данкелде, "dun (крепость) каледонов". Их центром активности была территория вокруг Маунт Шихаллион ("Shee-холм", или "священная гора каледонов").

Мы мало что знаем об организации пиктов в первые века их истории. Беда, писавший в начале VIII века, очевидно, представлял пиктов разделенными на два больших сообщества, которые он называл северными **[97]** и южными пиктами, так как он говорит, что "провинции первых отделены от провинций последних крутыми и высокими горами"; и далее он сообщает, что св. Колумба прибыл в Британию в девятый год правления Бридея, сына Мейлохона [13], rex potentissimus (могущественнейшего короля) северных пиктов и что он обратил их в христианство. Южные пикты, жившие "по эту сторону гор" (qui intra eosdem montes habent sedes), добавляет Беда, были обращены задолго до этого проповедью св. Ниниана. Горами, отделявшими северных пиктов от южных, были Друйм Альбан и Маунт. Разделение Беды, вероятно, соответствовало политической реальности. Сухопутное сообщение между северными и южными пиктами, должно быть, всегда представляло собой сложный и опасный путь, особенно после образования королевства Дал Риада.

В ранних анналах редки прямые подтверждения отношений между северными и южными пиктами. В течение всего исторического периода пикты фигурируют в наших текстах разделенными на четыре отдельные провинции или королевства, которые все находились вокруг реки Тей.

1. Атолл, в первом приближении пертширский Хайленд и пойма реки Гоури, древнее королевство каледонов, со столицей в Данкелде, с доминантой в виде горы Маунт Шихаллион, которая, возможно, была их святилищем. Это королевство контролировало долину верхнего течения реки Тей, и в течение исторического периода его столица пребывала в Сконе.

2. Киркинн или Гиргинн, то есть Форфар, ныне Ангус, и Кинкардайн или Мернс, то есть Стратмор, северный район долины нижнего течения реки Тей и восточное побережье бассейна реки Ди. Стратмор представляет собой очень богатую агрикультурную территорию, а его столица, должно быть, всегда находилась рядом с Форфаром, вблизи подножия холма Турин (см. выше с. 91), ныне известного как Дуннехан ("dun Нехтана").

3. Фортренн (род. п. от Фортринн (мн. ч.), позднее используемый как им. п.) [14], располагавшийся на юго-западе от Тея и включавший верхнее течение Эрна и Форта с его притоками.

4. Фиб (Файф), богатая земледельческая страна между Теем и Фортом. Традиция, представленная в житиях святых V века и ранних королей с их резиденцией в Сент-Эндрюс, указывает на ее прибрежное расположение. Первоначальным названием Сент-Эндрюса было Килримонт.

Пиктские королевства, или государства, или провинции, в целом были известны в позднелатинских текстах под общим названием Пиктавия; **[98]** в местном языке и местных текстах как Круитентуат (Cruithentuath), "народ круитни".

Пикты Атолла, как и Фортренна, располагались на пути к ирландскому королевству Дал Риада на западе и по этой причине играют большую роль в ирландских текстах, чем пикты Файфа или Киркинна. Однако богатое агрикультурное королевство Киркинн (Ангус), вероятно, всегда являлось важнейшим центром власти. Самые красивые и замечательные из знаменитых пиктских каменных изваяний разбросаны именно в этих местах; и если встать на большой форт железного века Касл Лоу над Абернети на южном берегу Тея и смотреть на линию фортов на холмах на севере, вся долина Тея предстает центральной территорией, конечно, всегда бывшей сердцем Пиктавии.

Мы ничего не знаем о действительных политических отношениях между северными и

южными пиктами того времени, о котором говорит Беда. Вполне возможно, что в VI веке центр пиктской власти находился вблизи Инвернесса в руках Бриде мак Маелхона, или иначе Бруде мак Маелхона, как его обычно называют в поздних текстах, rex potentissimus Беды. У него был флот, и он определенно контролировал северные острова и Гебриды. Адамнан в своей биографии св. Колумбы говорит о встрече святого с subregulus'ом Оркнейских островов при **[99]** дворе Бруде, и ввиду отношений с ним Колумбы представляется невероятным, чтобы святой смог организовать свое святилище на Ионе, если бы Бруде не контролировал Гебриды.

Однако все это не означает, что даже в конце VI века северные пикты обладали какой-либо властью над южными. Век спустя, когда Эгфрит Нортумбрийский пытался разрушить пиктскую власть в 685 г., он был убит в Форфаре в Киркинне (Ангус), хотя его противник, Бруде мак Биле, в анналах зовется королем Фортренна. Может быть, два королевства, Фортренн и Киркинн, к тому времени уже объединились; но, несомненно, именно Киркинн, как цель Эгфрита, был сердцем Пиктавии.

Королевства, носящие в совокупности название Круитентуат, были первой местной силой в Шотландии, сильной и, по крайней мере в некоторых отношениях, высокоразвитой цивилизацией, на западное побережье которой проникло королевство Дал Риада, превратившись со временем в могущественную державу, ведшую в Круитентуате даже агрессивные военные действия. Начиная с VI века борьба за главенство между пиктами, как северными, так и южными, с одной стороны, и ирландским королевством Дал Риада, позднее получившим название Аргайл, с другой, стала основной темой истории Шотландии до объединения двух народов в середине IX века, следствием которого и стало возникновение того, что мы сегодня называем Шотландией. Менее значимой, но тоже достаточно важной темой в течение всего этого периода оставались отношения, то дружественные, то враждебные, между ирландским королевством Дал Риада и бриттами Южной Шотландии. Между тем англская династия Берникии из Нортумбрии постепенно распространяла свою власть на север, производя опустошительные набеги на бриттские земли в Юго-Восточной Шотландии.

Хотя все данные подтверждают сведения нашей традиции о могуществе пиктов, мы почти ничего не знаем о их внутренней истории. Существует около двух дюжин пиктских надписей, разбросанных по северу и востоку Шотландии. Интересно, что их распределение хорошо соответствует распределению памятников пиктского искусства, известных как "символические камни", к описанию которых мы вернемся ниже. За исключением двух или трех случаев, когда надписи сделаны латинским алфавитом, пиктские надписи выполнены огамом в его поздней форме и не были переведены.

Неясно, в какой именно период пикты в целом стали грамотными, в обычном значении этого слова. Мы располагаем отдельными ссылками на "древние документы пиктов"[15], однако в данном случае речь скорее всего идет о кратких заметках в календарях, хранившихся в пиктских **[100]** церквах. До нас дошло некоторое количество версий документа, обычно называемого "Пиктской Хроникой" [16], однако они по большей части содержат только списки королей, иногда с краткими примечаниями. Начиная с приблизительно 550 г. эти списки становятся достаточно достоверными, так как мы можем проверить их историчность благодаря частым упоминаниям тех же королей в надежных ирландских, валлийских и английских источниках. Однако до 550 г. списки пиктских королей нельзя рассматривать как исторические.

Наследование среди пиктов шло по женской линии. Более того, традиция содержит сведения о том, что у пиктов отцы часто, если не регулярно, были членами чуждых кланов, иногда гостившими чужеземными князьями. Мы уже упоминали (см. выше с. 91) Корка, сына Лугайда, племянника Кримтанна мак Фидайга из мунстерских Эоганахтов, который, как рассказывается в одной саге, прибыл ко двору пиктского короля Ферадаха на холме Турин над Форфаром и женился на его дочери около 400 г., а впоследствии вернулся с ней и тремя сыновьями в Мунстер. Этот рассказ интересен тем, что отражает традиционные пиктские обычаи, тем более что к Корку и дочери Ферадаха возводили свое происхождение кланы Мар и Леннокс [17], а одна ветвь, Эоганахтов из Мунстера в ранние времена поселилась, как говорит традиция, в Маг Гергинн (то есть Ангус и Мернс Кинкардайншира) и стала кланом, из которого вышел Энгус, король Альбы, вероятнее

всего, Энгус мак Фергус, умерший в 761 г.

С гораздо большим успехом мы можем проследить основные моменты истории шотландского королевства Дал Риада[18]. В первую очередь гораздо полнее наши источники, происходящие из сопредельных государств. Ирландские анналы на протяжении всего этого периода и до приблизительно 750 г. служат хорошим подтверждением шотландских событий, особенно событий в Дал Риаде. Более того, шотландское королевство Дал Риада, ирландское по происхождению, вело краткую Хронику[19], вероятно на острове Иона, самое позднее с VII века.

Все наши источники, за исключением Беды (см. ниже с. 141), сходятся в том, что это королевство было основано Фергусом мак Эрком ("сыном Эрка") приблизительно в конце V века. Сохранился интересный документ, содержащий обзор или опись "домов" и общий осмотр моря и суши, принадлежащих Дал Риаде (см. ниже с. 105). Описи предпослан краткий рассказ, описывающий некоторые подробности нашествия и высадки, а сам документ, вполне возможно, основывался на каких-то поздних институтах - может быть, он служил основой для налогообложения или личной (?морской) службы - и, таким образом, вероятно, отражает раннюю традицию. Там говорится, что флот **[101]** состоял из 150 человек под предводительством трех братьев - Фергуса Мора, Лоарна и Энгуса Мора. О самом Лоарне известно немного, но его род, Cinel Loairn, занимал северную часть Аргайла с главным поселением на скалистом мысе, на котором ныне находятся руины Дунолли Касл в Обане. Расположение этого места как нельзя лучше благоприятствовало постоянному сообщению с Ирландией, и именно к Ирландии главным образом относятся внешние связи Кинел Лоарн. Соперничество Кинел Лоарн и Кинел Габран составляет основную внутреннюю линию истории Дал Риады.

О Фергусе Море ничего неизвестно, кроме того, что его род занимал остров Айлей. Внук Фергуса Габран, владевший Кинтайром и Нэпдейлом, главная крепость которого находилась на скале Дунадд в центре болотистой местности Кринан Мосс [илл. 27], был убит в 557 г. **[102]** в серьезном столкновении с пиктами, во главе которых стоял Бруде мак Маелхон. Его преемником стал его двоюродный брат Коналл. Именно во время правления Коналла на Ионе поселился св. Колумба, обративший пиктов в христианство в результате своего посещения двора Бруде, которое мы можем рассматривать как дипломатическую миссию.

Окончательный взлет Кинел Габран к главенствующему положению в Дал Риаде, несомненно, следует приписывать политической прозорливости св. Колумбы. Конечно, он сыграл выдающуюся роль в экспансии Дал Риады в течение VI века. Его биограф Адамнан изображает его святым отшельником; однако новая колония Дал Риада сохранила свои владения, должно быть, не в последнюю очередь именно благодаря особым отношениям святого с пиктами. Основание св. Колумбой монастыря на Ионе могло быть продиктовано современными ему религиозными привычками монахов кельтской церкви помещать свои святилища на уединенных островах; однако нельзя не удивляться великолепной стратегической позиции этого острова, облегчавшей его сообщения с северными и, возможно, восточными пиктами и всеми частями Дал Риады, как ирландской, так и шотландской. Несмотря на противоположное мнение поздней ирландской традиции, Колумба не раз возвращался в Ирландию, выполняя политические миссии, возложенные на него новым шотландским королевством. Из них самым известным было Собрание в Друйм-Кета (575 г.), под председательством короля Ирландии, Аэда, сына Айнмире, и в данном случае Колумбу сопровождал король Дал Риады Аэдан мак Габран.

Королевство в Аргайле прибавляло в территории и значимости, проникая все дальше на восток в древние земли каледонов в пертширском Хайленде. Истинным основателем этого расширяющегося ирландского государства был сам Аэдан мак Габран. Он до конца своей жизни оставался верным другом Колумбы, и не может быть никаких сомнений в том, что именно их совместное управление вершило судьбы маленького гэльского королевства Аргайл до тех пор, пока, частично путем захвата, а вероятно, прежде всего путем союзов, при преемниках Аэдана оно со временем окончательно не слилось с королевством пиктов, чтобы образовать единое королевство Шотландию.

По большей части нам известны его морские дела. В 575 г. он и св. Колумба вместе

присутствовали на Собрании в Друйм-Кета в Северной Ирландии, и Аэдан, очевидно, располагал союзным флотом или каким-то образом контролировал его, так как согласно *Анналам Ульстера* (s.a. 579 (recte 580)) он руководил экспедицией на Оркнейские острова, которые в то время находились во власти короля северных пиктов. **[103]** В 578 г.[20] ирландские анналы фиксируют битву у острова Мэн, в которой Аэдан одержал победу, и эта битва, скорее всего, получила широкую известность, раз она упоминается в ирландских анналах. Морская активность Аэдана вызывает удивление. Он определенно имел выход к морю из своей резиденции в Дунадде по реке Кринан; однако расположение этой крепости вряд ли было идеальным для морского флота. С другой стороны, наши тексты почти ничего не говорят нам об Энгусе мак Эрке после того, как он поселился на острове Айлей. Здесь, однако, флот был бы просто необходим, и вполне возможно, что он и Аэдан совершали совместные морские экспедиции и что барды Дал Риады, поэмы которых, скорее всего, были положены в основание всех поздних шотландских анналов того периода, приписали эти экспедиции одному лишь Аэдану. Вопрос о морской активности Аэдана в особенности интересен в связи с его враждебными действиями против Баэтана мак Кайрилла (ум. 581 или 582 г., см. выше с. 95), включая их соперничество из-за острова Мэн. В этот период Баэтан был самым значительным из королей Дал Фиатаха, потомков древних уладов на восточном побережье Антрима, и мы видели, что именно в этот период, в VI веке, остров Мэн начинает фигурировать в аутентичной истории Ирландского моря и окружающих стран и появляется под своим собственным именем Манау в ирландских и шотландских анналах и в *Анналах Камбрии*, и даже истории Нортумбрии, написанной Бедой. Все памятники довольно туманны, так что существуют различные варианты прочтения как племенных историй, так и анналов, однако вероятно, что Баэтан первым вынудил Аэдана подчиниться ему, должно быть, в знаменитой битве при Роснари на берегу Белфастского залива, и что Баэтан затем завоевал остров Мэн, который Аэдан отобрал через два года после смерти Баэтана, то есть в 582 или 583 г. Эти даты не вполне надежны и в данный момент подвергаются решительному пересмотру [21].

Очевидно, между шотландской Дал Риадой и королем Южного Ульстера велась ожесточенная борьба, сначала на берегах Белфастского залива, затем на острове Мэн - несомненно, это была борьба двух ветвей одного племени эринов за главенство в Северо-Восточной Ирландии, может быть, в противодействие Уи Нейллам. В этих неясных, но важных отношениях королей Дал Риады и Дал Фиатаха в этот период, вероятно, определенную роль играло королевство Дал Арайде вокруг озера Лох-Ней. Интересная ирландская сага рассказывает, что Аэдан получил военную помощь от их короля Монгана (ум. около 624 г.). Остров Мэн представлял собой важную точку как для Аэдана, так и для Баэтана, и Аэдан, по-видимому, располагал довольно значительными морскими силами. Это, несомненно, справедливо в отношении **[104]** Дал Риады и на самом деле подтверждается упоминавшимся выше ирландским документом, перечисляющим единицы флота [22].

Однако наиболее крупных успехов Аэдан достиг в своих действиях против пиктов, особенно на востоке своих владений, и хотя он потерпел несколько неудач, кажется, ему удалось установить контроль над некоторыми пиктскими землями.

Аэдан остался в истории величайшим королем Дал Риады. Уже в 628 г. *Анналы Улъстера* называют его потомка, Эохайда Буиде rex Pictorum (королем пиктов). Между тем растущая мощь королей Берникии и продвижение на север Этельфрита Нортумбрийского вынудили Аэдана выступить на юг против них с большим войском, несомненно, в союзе со своими южными соседями, бриттами; однако в 603 г. он потерпел крупное поражение от Этельфрита в местности, которую Беда (H. E. I. 34) называет Дегсастан; и, добавляет Беда, "с этого дня до сих пор ни один король скоттов в Британии не осмелился воевать с англами".

Дать набросок ранней истории Шотландии очень сложно в особенности потому, что на заре периода наших современных письменных текстов, где-то с начала VII века, Шотландия была разделена между четырьмя народами, сильно отличающимися друг от друга по своему происхождению и языку. Из этих народов самым древним были пикты севера и востока, как по языку, так и по организации, в то время как королевство Дал

Риада (Аргайл) на западе было сравнительно молодым. Бритты занимали весь юг между двумя римскими валами, по меньшей мере, с римских времен и, вероятно, ранее. К середине VI века на северо-восточной территории римской Британии на древнюю основу наложилась новая германская династия, основав королевство англов Берникию, и эта новая политическая сила стремительно распространила свою власть на Юго-Восточную Шотландию, присоединив бриттские земли Манау Гуотодин (Manau Guotodin) и всю древнюю территорию племени вотадинов.

Бриттские королевства, потесненные Берникией, возникли в результате отхода римских оборонительных войск с севера. Тем не менее в VI и следующих веках, когда они вступают в историю под управлением независимых местных вождей, территория этих бриттоязычных народов, кажется, совпадала в определенной степени с границами римских административных единиц, место которых они заняли и которым они, вероятно, предшествовали. По всей видимости, эти северные племена без династических перемен и без больших изменений в территориях или зонах влияния образовали группу независимых королевств, известных в поздних валлийских текстах как Gwyr y Gogledd, "люди севера".**[105]**

Эти бритты Южной Шотландии образовали несколько независимых королевств различной величины и значимости, каждое из которых управлялось своей исконной династией, но были способны вступать во временные союзы. Восточные земли были известны как Гододдин, сохранив свое старое название, происходящее от вотадинов, и именно из этой страны, как полагают, мигрировал Кунедда и его сыновья (см. выше с. 64 и сл.), хотя Кунедда нигде не называется королем, или даже dux. Западные королевства простирались от Клайда, скорее всего, до границ Мерсии. Самыми значительными из этих западных бриттских государств были королевства Стратклайд ("бассейн Клайда") и южнее него Кумбрия, раскинувшаяся от Клайда до Северо-Западной Англии и граничившая с Уэльсом. Вероятно, эти независимые западные династии изначально были ветвями крупных и важных бриттских родов, генеалогии которых в валлийских текстах возводятся к некоему Коэлю Старому на юге и Дивнуалу Старому на севере.

Возможно, и Стратклайд, и бриттские государства к югу от него следует объединять под общим названием Кумбрия, а их язык называть кумбрийским, ибо латинские авторы называют их кумбры и кумбрийцы, что является латинизацией местного слова Cymry, которое означает "соплеменники" и является по сей день самоназванием как для них, так и для валлийцев. Однако, несмотря на это, это были две отдельные, отличные друг от друга страны, как поясняют свидетельства ранней валлийской поэзии. Из валлийских королевств, составлявших кумбрийскую конфедерацию, вероятно, самым значительным в VI и VII веках было государство, известное ранним валлийским источникам под названием Регед. Его точная величина и пределы неизвестны, но его столицей почти наверное был Карлайл, его территория включала прибрежные земли залива Солуэй-Ферт и залива Моркам, а его политическое влияние, по-видимому, распространялось до границ Стратклайда на севере, Голуэя на западе, Гододдина и Ланкашира на востоке и, возможно, Северо-Западного Йоркшира на юге. По его огромному влиянию и исходя из того, что мы знаем о его территории и истории, мы можем предположить, что Регед представлял собой нечто вроде "сверхкоролевства", как ирландские пятины, и был, возможно, преемником древних крупных кельтских королевств Западной Британии, как Думнония, опять же сходных с королевствами доримской Галлии.

Эти северобриттские сообщества не оставили письменных записей, однако в какой-то период в каком-то северобриттском скриптории, по всей видимости, содержались анналы, относящиеся к VI и VII векам, которые и были инкорпорированы в наши валлийские анналы и в "Историю бриттов", написанную Неннием в начале IX века [23], а также в **[106]** памятник VIII века, включенный Симеоном Дюргемским в его Historia Regum [24]; однако не сохранилось ни одного полностью независимого текста, даже церковного, хотя поздняя традиция и ясные свидетельства надписей на могильных камнях подтверждают, что эти "люди севера" были христианами. В дополнение к ранним письменным текстам, инкорпорированным в поздние латинские труды, мы располагаем обширной местной традицией, существовавшей в форме устной поэзии, по большей части панегирического и элегического характера. Эти северобриттские поэмы не сохранились на севере [25], но

сохранялись и передавались изустно высокотренированным классом придворных бардов, о которых в "Истории бриттов" (гл. 62), описывающей тот период, говорится:

> "Тогда прославились своими стихами Тальгерн Татагвен, и Анейрин, и Таллиессин, и Блухбард, и Циан, который прозван Гвеинт Гваут; все они в одно время прославились своими стихами на языке бриттов"[*].

Эти барды или, вероятно, позднее, уже после захвата Кумбрии англами, их потомки стали исполнять свои произведения при дворах своих южных соседей, так что именно в Уэльсе эти поэмы были занесены в рукописи, четыре из которых дошли до нашего времени[26].

Картина, столь тщательно переданная нам высокоразвитой и ревностно сохраненной консервативной традицией [27], позволяет из первых рук узнать многие из правящих родов[28] севера и их историю и дает нам возможность заглянуть в королевские дворы, хотя часто их нелегко точно локализовать. У нас создается общее впечатление конфедерации местных князьков и общества, живущего в условиях, характерных для любого героического общества. Не существовало центрального правительства или организованного государства. Соответственно, не было ни развитой торговли и монетной системы, ни архитектуры, за исключением деревянного или земляного зодчества и грубых каменных фортов. Общество основывалось на военной аристократии с ее упором на принцип *noblesse oblige*. Престиж рождения и наследственности был велик, но выравнивался духом индивидуализма, пропитывавшим общество, и героической честью, требовавшей подвигов, и был неотделим от представлений о княжеском достоинстве. Князь и его окружение составляли teulu ("дружину"). В мирное время они жили друг подле друга, разделяя вечернюю трапезу в сопровождении музыки и песен. В военное время они шли как один под руководством вождя, полностью **[107]** повинуясь ему, к победе или смерти. Мы ничего не слышим о политике или каком-либо понятии государства. Самая знаменитая битва, записи о которой сохранились в валлийских анналах и широко прославленная поэзией, произошла не с внешним врагом, не с могущественными соседями, ирландской Дал Риадой или северными пиктами, не с захватчиками-англами на востоке и юге, а между самими бриттами. Это была битва при Артурете, зафиксированная в *Анналах Камбрии* (s. a. 573) как Bellum Armterid. Из валлийской традиции мы узнаем, что она состоялась между одним из бриттских князей, Гвенддолеу, и его двоюродными братьями Гурги и Передуром и что Гвенддолеу был убит. Говорится, что битва велась "из-за гнезда жаворонка", что может относиться к Каэрлавероку, стратегически важной гавани, в ранние времена контг ролировавшей подходы к заливу Солуэй-Ферт с северного берега. Эта местность, должно быть, находилась вблизи современной деревни Артурет в предместьях Лонгтауна, неподалеку от римской Castra Exploratorum, и если местный топоним Карвинли происходит от древнего Каер Гвенддолеу, что кажется вероятным, мы можем связать Гвенддолеу с этим римским фортом. Для большинства из нас эта битва имеет скорее романтический интерес, так как в валлийских поэмах говорится, что в битве при Артурете сражался и заслужил золотой браслет прорицатель Мирддин (Мерлин), что в бою был убит его господин, Гвенддолеу и что в результате битвы он потерял рассудок и остаток жизни провел безумцем в лесу Келиддон в Шотландии (см. ниже с. 322). Есть некоторые основания считать Мерлина придворным бардом Гвенддолеу.

Несмотря на это, северобриттские князья могли вступать друг с другом во временные союзы и при таких обстоятельствах были все еще достаточно сильны для ведения наступательных действий против анг-лов Берникии. В 63-й главе "Истории бриттов", очевидно, основанной на письменном материале VII века, записанном в каком-то северном скриптории, возможно в самом Карлайле, Ненний говорит, что Уриен из Регеда и его сын сражались против Теодрика, сына Иды, короля Берникии (572-579). Он также сообщает, что Уриен с тремя другими бриттскими князьями - Риддерхом (Rhydderch)

---

[*] Цитируется по: Ненний. История бриттов в Галифрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.-Прим. пер.

Хеном (Старым), неким Гваллауком и Моркантом - воевали с Гуссой, сыном Иды, и осаждали его на острове Меткауд (то есть Линдисфарн) три дня и три ночи; однако Уриен был предан Моркантом из зависти (invidia) и убит, ибо он был самым великим полководцем из них. Итак, в своем первом блестящем столкновении с англами бритты смогли взять инициативу в свои руки и вести против них агрессивные военные действия; но они никогда не умели взаимодействовать на протяжении длительного времени. **[108]** Мы располагаем прекрасным собранием поэтических произведений, появившимся спустя поколение после этих событий, известным под названием Гододдин (см. ниже с. 262 и сл.) и написанным в память о роковой экспедиции воинов Манау Гододдин в Нортумбрию и битве при Катраете, возможно близ Каттерика или Ричмонда в Йоркшире, в которой почти все они были уничтожены. Это было последним наступлением северных бриттов на англов. Если бы они сумели образовать на севере единое бриттское королевство и объединились с пиктами, никакая династия англов не смогла бы устоять против них.

С этих пор история северных бриттов - это история отступления. Англское королевство Берникия было основано в середине VI века. Вероятно, само название, как и его население, было бриттским, но династия, неизвестного происхождения, была англской. Первым известным нам правителем был Ида (около 547-559 гг.), а столица находилась в Бэмборо. После убийства Уриена и провала бриттского наступления под руководством четырех князей бриттские вожди Манау Гододдин покорились англам Берникии, и в VII веке Берникия уже владела всей страной между Тисом и Фортом, включая и Манау Гододдин. Беда сообщает (I, 34), что их король Этельфрит "завоевал больше земель у бриттов, чем любой другой король, либо налагая на них дань, либо изгоняя жителей и поселяя на их место англов". Экспансия англов на запад с постепенным уничтожением бриттских королевств к югу от Хайленда проходила более медленными темпами. В самом деле, экспансия в Регед, возможно, носила мирный характер, в результате династического брака между королем Освиу Нортумбрийским (642-671 гг.) иРиеммельт, возможно внучкой Уриена [29], короля Регеда. К этому времени из бриттских королевств остался один Стратклайд, который тем не менее сохранял свою независимость до начала XI века. Распространение англов на север было остановлено при жизни следующего поколения в Форфаре в 685 г., когда сын Освиу Эгфрит погиб при своей атаке на южных пиктов в битве при Дуннихен Мере и английская граница отодвинулась назад к Форту. Несмотря на это, именно постепенное расширение территории англов на север и запад в конечном итоге создало шотландский Лоуленд и явилось предпосылкой распространения англосаксонского языка.

Из-за скудности письменных данных о Северо-Западной Англии раннего периода мы располагаем незначительным количеством свидетельств об отношениях между северными бриттами и бриттами Уэльса, но представление о существовании определенного единства, по-видимому, лежит в основе двух валлийских терминов - Дехьюбарт (Deheubarth) (от лат. dextralis pars, букв. "правая рука" или "южная часть"), используемым **[109]** обычно для обозначения Южного Уэльса, и Gwyr y Gogledd (букв. "люди с левой стороны" или "с севера"), обозначающим северных бриттов. Этот термин можно иначе интерпретировать как "наша северная половина". Если взглянуть на карту королевств Уэльса в нашей ранней традиции и на династические генеалогии, списками которых мы располагаем, то мы увидим большое количество мелких королевств, каждое из которых было независимым и управлялось королевским домом, притязающим на преемственность от отца к сыну. Эта схема представляется очень сходной с моделью, преимущественно распространенной в Кумбрии и Стратклайде, а также ранее в Галлии - и в действительности восходящей к общекельтскому типу, который возник из расчленения крупных доримских королевств. Изучая истории каждого из этих отдельных маленьких королевств вплоть до постепенного объединения Уэльса под властью дома Мервина Вриха и его сына Родри Маура в IX веке, и в конце концов при Хьюэле Добром (Hywel Dda) в X веке, мы не можем не удивляться продолжительности истории большинства этих княжеств и длительности того периода, в течение которого они могли сохранять свою идентичность. Некоторые правящие династии считали, что их род имеет более чем пятисотлетнюю историю. Это является неоспоримым доказательством того, что валлийцы не были изначально воинственным народом, пока им не пришлось оборонять свою страну

от чужеземцев.

Районы, возникновение которых современные историки относят за счет деятельности сыновей и внуков Кунедды (см. выше с. 64 и ел.), продолжают носить имена своих основателей и в поздних письменных списках; впрочем, вполне вероятно, эти имена были образованы как эпонимы мелких валлийских королевств Северного и Западного Уэльса - Рувон от Рувониог, то есть Западный Конуэй; Дунод (лат. Donatus) от Дунодинг, вокруг Харлеха (где местная династия держалась до 900 г.); Кередиг от Кередигион; Эдейрн (лат. Aetemus) от Эдейрнион; Мейрион (лат. Marianus) от Мейрионидд и т. д. В течение IX века местные историки во всех кельтских землях создавали для правящих родов эпонимических предков V века, когда заканчивались подлинные традиционные генеалогии. Мы можем сравнить списки королевского дома Аргайла (Лоарн, Габран и т. д.), а также эпонимического Круитне и его сыновей, и некоторые данные о пиктах, чрезвычайно древние по своему характеру и происхождению. Валлийский список относится к более позднему времени, чем первоначальные заметки о Кунедде [30], и может, как список артуровских битв, основываться на мнемонике.

Более того, нельзя безоговорочно принять утверждение о полном и окончательном изгнании ирландцев (см. выше с. 65), заслугу которого **[110]** оригинальный источник приписывает Кунедде и его сыновьям, так как мы знаем, что ирландцы составляли постоянный элемент населения Северного Уэльса долгое время после V века. Действительно, можно добавить, что районы, в которых предположительно поселились сыновья Кунедды, не всегда совпадают с территориями, на которых находились поселения ирландцев. Тем не менее ортодоксальный взгляд состоит в том, что сыновья Кунедды дали начало первым правящим династиям главных королевств северного и западного побережья Уэльса и что они поселились там во второй половине V века.

Мы можем проследить историю многих валлийских династий и их потомков и вместе с тем политическую историю Уэльса начиная с VI века-периода вождей Гильдаса и ранней фазы образования саксонских династий в Британии - и заканчивая X веком, когда король Южного Уэльса Хьюэл Добрый подчинился Эдуарду Старшему. Из этих валлийских династий самой выдающейся была линия Маглокуна (Maglocunus), который, как говорит "История бриттов", правил бриттами в районе Гвинедда (apud Brittones regnabat, id est in regione Guinedotae) и предком (atavus) которого та же "История бриттов" называет Кунедду. Основатель этой династии, Эйнион Ирт (Einion Yrth) [Гирт (Girt)] правил в Росе. Ему, по-видимому, наследовал один из сыновей, отец Кинласа (Cynlas), отождествляемого с Кунегласом (Cuneglasus), который в числе других "злых" князей навлек на себя упреки Гильдаса. Другой сын Эйниона, Кадваллон Ллау Хир (Cadwallon Llaw Hir) ("Кадваллон Длинная Рука"), отец Маелгуна (Maelgwn) (Маглокун Гильдаса), правил на Моне (современный Англси). История этой ветви, с резиденцией в Аберфрау, насчитывает 800 лет, с V века по 1282 г., а при Маелгуне эта династия стала самой влиятельной в Уэльсе.

Маглокун Гильдаса является типичным вождем-героем, окруженным придворными бардами. Все представители династии были ревностными христианами, ибо в церквушке в Ллангадваладре, в двух милях от Аберфрау, королевской церкви этой небольшой столицы, до сих пор содержится латинская надпись в память о короле Кадване (Cadfan), к которому мы вернемся позднее. Эта надпись с ее амбициозной риторической фразеологией представляет собой свидетельство замечательной укорененности истории рода в этой местности, предполагая, что Аберфрау к тому времени уже стал главной резиденцией династии. Именно сын Кадвана, Кадваллон II, в союзе с королем Мерсии Пендой в 633 г. нанес поражение и убил Эдвина Нортумбрийского, первого английского короля, вторгшегося в Уэльс. Некоторое время казалось, что валлийцы смогут уничтожить королевство Нортумбрию; однако в ходе марша на север, предпринятого с этой целью, в 634 г. Кадваллон был убит. **[111]**

Многие из наиболее известных валлийских королевств не претендовали на происхождение от сыновей Кунедага, а развивались совершенно независимо. Важнейшим из них является Поуис, "Сад Уэльса", как называет его поэт Лливарх Старый (Llywarch Hen). Поуис считается преемником древнего королевства корновиев и в ранний исторический период включал территории долины Северна и Ди. В раннее Средневековье

южная часть Поуиса включала Буилт (Builth) и Гуртринион (Gwrthrynion) в верхнем течении реки Уай. Королевская династия Буилта вполне обоснованно возводила свой род к Вортигерну. У этого королевства была своя правящая линия, и около 830 г., когда Ненний писал свою "Историю", здесь еще правил король из местной династии, Фернмайл (Fernmail). Название Гуртринион образовано от Гуртейрн (Gwrtheirn), в свою очередь происходящего от Вортигерн. Романтическое маленькое королевство Брекнок на юге Центрального Уэльса никогда не покорялось захватчикам и сохраняло свою независимость с V по X век. Список его королей [31] начинается с местной принцессы Маркелл (лат. Марцелла), супруги какого-то ирландца. Имя их сына Брихана [32] является, очевидно, эпонимом. В этом списке появляются и другие ирландские имена [33].

Кроме Поуиса, Буилта и Брекнока до времен Хьюэла Доброго независимыми королями управлялся и весь Южный Уэльс. Королевство Дивед, как мы видели (см. выше с. 62), управлялось королевской династией, почти наверняка ирландской по происхождению, и эта династия существовала с V по X век. Существует три ее списка [34].

Юго-Восточный Уэльс всегда был независим и образовывал отдельное королевство Морганнуг. Это была наиболее романизированная часть Уэльса, с хорошим климатом и плодородной почвой, и включала Кардифф, Карлион и Кервент, а также раннехристианские монашеские центры Лланиллтуд, Лланкарван и Лландаф. История этого королевства представляет определенный интерес главным образом из-за своего раннего и значительного церковного влияния. Им управляли собственные князья вплоть до начала норманнского завоевания.

Уэльс является в сущности приморской страной. Большие горные массивы внутри страны затрудняли сообщение между Северной и Южной частями, и с ранних времен политическое разделение между севером и югом оказывало все большее влияние на историю страны. Связи и симпатии Северного Уэльса связывали его с бриттами Кумбрии и Голуэя; связь, нашедшая свое отражение в термине Gwyr y Gogledd, означающем "наш северный сосед". Связь с севером скорее усилилась, чем ослабла, когда мощь королевства Нортумбрии сделала его ценным союзником ввиду угрозы завоевания Северного Уэльса викингами. **[112]** С другой стороны, Дехьюбарт всегда поддерживал наиболее тесные отношения с Южной Англией, а в течение викингского периода королевства Южного Уэльса постепенно пришли к осознанию того, что их безопасность может обеспечить только союз с более сильными восточными соседями. В шестой главе мы проследим процесс постепенного объединения маленьких валлийских королевств в конструктивное политическое единство.

В заключение этого краткого очерка формирования кельтских королевств в исторический период можно добавить несколько слов о характере колонизации Бретани и образовании независимых бретонских королевств. Мы видели, что поселенцы принесли с собой бриттский язык, ближайшим родственником которого был язык Корнуолла, бедной страны, откуда, по всей видимости, прибыло большинство колонистов. С другой стороны, если следовать бретонской традиции - и в этом случае она носит в целом последовательный, совершенно правдоподобный характер,- предводители переселения, как светские, так и церковные, по большей части происходили из Восточного и Южного Уэльса.

Какова бы ни была цель поездки св. Германа в Британию (см. выше с. 71), если он питал какие-то политические надежды на разрыв ее связей с Арморикой, он не достиг успеха, ибо колонисты на протяжении V и VI веков продолжали прибывать в Бретань и к VI веку они образовали бриттские королевства по всему побережью Арморики, сменившей свое древнее название на Бретань, название, впервые появившееся в одном письме Сидония Аполлинария. В Британии она известна под названием Brittania Minor, "Малая Британия", у латинских авторов, а также как Лледау, Летавия-вероятно, местное название,-а ее население как лидвиккии [35].

Названия двух из трех крупных бриттских королевств в Арморике отражают их связь с Британией. На севере обширное королевство (позднее "герцогство", "графство") Домнония занимало почти всю Северную Бретань, включая, после 530 г., провинцию Леон на северо-западе, поначалу сохранявшую независимость. В первом из житий

бретонских святых, "Житии св. Самсона Долского", Домнония называется Prettonaland (то есть "Бретань") - дань важному значению этой территории в ранней истории. Согласно традиции, эта страна была основана королем Ривалом (Riwal) из королевского рода Гвента, в Юго-Восточном Уэльсе. Исторические свидетельства о заселении Корнуая на юге появляются лишь незадолго до IX века, а легенды, повествующие об этом, содержатся главным образом в житиях местных святых, **[113]** Гвеноле (Guenole), Корентина и Ронана, и в поддельных хартиях крупного аббатства Ландевеннек. Легенды говорят о ранних связях между Корнуаем и Западным Уэльсом. Можно добавить, что, по общему признанию, название Домнония принесли с собой колонисты с Корнуолль-ского полуострова; однако сами названия как британского Корнуолла, так и бретонского Корнуая появляются не раньше IX века. В действительности мы не знаем точно, откуда прибыли жители как Домнонии, так и Корнуая и как возникли эти названия.

Третьим крупным королевством был Бро Варох ("земля Вароха"), занимавший всю остальную Южную Бретань, включая западную часть ваннской области. Территория, лежавшая к востоку от этой границы, была все еще римской и называлась Романией. Это самая богатая часть Бретани, древнее королевство венетов, завоеванное Цезарем и имевшее давние связи с Британией, откуда они обычно получали припасы. Возможно, именно венеты дали свое имя Гвинедду. Наши традиции в большинстве своем указывают на Уэльс как на район, откуда в эти земли пришла основная масса поселенцев. Особенно разителен пример св. Гуртиерна (Gwrthiern), чье имя и история, несмотря на то что он являлся бретонским святым, близко соотносятся с бриттским "тираном" Вортигерном.

До нас не дошло аутентичных записей, рассказывающих о ходе колонизации; однако бретонские ученые пришли к мнению, что истинными организаторами экспедиций и поселений были "святые", то есть невоенные образованные члены общества. "Иммигранты были организованы, и все данные приводят нас к заключению, что основную роль в этой существенной задаче сыграли духовные лидеры" [36]. В самом деле, традиции, повествующие о переселении, указывают на тесные связи, существовавшие в течение всего этого периода между знатными вождями и клириками, зачастую являвшимися членами тех же династий. Эти два класса прибыли в Бретань вместе, причем князь и клирик составляли ядро миграционного движения.

Мы можем быть уверены в том, что галло-римляне не позволили бы бриттам захватить их земли и выжить их оттуда, если бы они не получили от иммигрантов достаточного возмещения. Поздние традиции, сохранившиеся в латинских житиях средневековых святых, таких как "Житие св. Леонора" и "Житие св. Меена" (Meen), сообщают, что бритты расчищали земли, которые до сих пор сохраняют признаки того, что когда-то на них росли леса и вереск. Эти традиции отражают их методы лесоводства, особенно "Житие св. Меена", святого из Архенфилда, в Юго-Восточном Уэльсе, который, возможно, научился лесоводству в таинственном Динском лесу и который основал большой **[114]** лесной монастырь Броселианд в Восточной Бретани. Он происходил из королевской династии Архенфилда и в течение всей своей жизни поддерживал тесные отношения с королем Домнонии Юдикаелем (Judicael), потомком легендарного короля Ривала. Юдикаель под конец своей жизни удалился в монастырь Меена в Броселиандском лесу, располагавшийся неподалеку от того источника, где, согласно легенде, Вивиен заколдовала Мерлина. Преимущество этого монастыря - самого крупного из многочисленных ранних небольших лесных монастырей в Бретани-заключается в том, что он был недоступен для нападений варваров. Его неприкосновенность сохранялась до времен викингов, ибо мы знаем, что именно туда в целях безопасности удалялся епископ Дола.

Эти жития свободно заимствовали друг у друга материал, и из "Жития св. Мало" мы узнаем, что в процессе расчищения земель св. Леонор нашел вырытого кротами золотого тельца, несомненно сделанного римлянами, и взял его с собой, выполняя дипломатическую миссию к королю Хильдеберту (ум. 558 г.), потребовав у того за тельца землю, а также гарантии безопасности. Он утверждал, что эти земли были пустошью до тех пор, пока они не расчистили и не распахали ее, и что будет вполне справедливо, если они беспрепятственно завладеют ей, и король выполнил это требование. Это предание интересно тем, что оно изображает клирика-дипломата и юриста, действующего в

интересах поселенцев; отражает природу отношений с франкским королем; шаги, предпринятые для обеспечения постоянного законного владения; факт того, что Леонор, в сущности, купил землю, посчитав, что телец является точным эквивалентом ее стоимости. Еще одним любопытным фактом в этой истории представляется то, что не только на родине в Уэльсе, но и после переселения князь и клирик - часто родственники - продолжали сотрудничать в Бретани. Все это предполагает тесное взаимодействие. Эмиграции не были случайны; и из наших преданий следует, что эти отношения королевской и церковной власти не ограничивались первыми поколениями.

Значение Бретани для кельтской церкви на наших островах, по-видимому, было в это время в особенности велико, так как Бретань облегчала сообщение с континентальной церковью и избавляла от опасной необходимости пересекать Дуврский пролив. Именно по этому пути через Бретань, конечно, проходил и маршрут св. Колумбана (см. ниже с. 234). Следует также помнить о том, что в целом сильным объединяющим фактором было море. Оно скорее соединяло, чем разделяло. Мы видели в *Глоссарии Кромака* утверждение, что в тот период некоторые ирландские королевства находились по обе стороны Ирландского **[115]** моря. В преданиях, повествующих о заселении Бретани, мы вновь сталкиваемся с подобными двойными королевствами. Традиция утверждает, что король Ривал, легендарный основатель королевства Домнонии, прибыл с большим флотом во времена короля франков Лотаря I из своего королевства в Восточном Уэльсе и "продолжал править как dux Brittonum на обоих берегах моря до своей смерти" [37]. Некоторые данные позволяют предполагать, что тиран Домнонии Куномор (Cunomorus), граф Поэра (Poher) и Каре (Carhaix), крупного римского центра в Западной Арморике, одновременно мог править и британской Домнонией.

Все материалы бретонской традиции говорят о том, что экспансия шла из западной Британии. Между переселившимися королевскими родами и их родиной поддерживались тесные связи. Так называемые миссионеры были образованными людьми, которые обустраивали поселения и организовывали общество колонистов в соответствии с его духовными и правовыми потребностями. Им оказывал помощь франкский двор, и в целом благодаря контактам с галло-римским населением интеллектуальная жизнь колонистов, должно быть, протекала на сравнительно высоком уровне. Мы располагаем большим числом бретонских житий, написанных на латыни и датируемых IX веком, в то время как первое валлийское житие-"Житие св. Давида" - датируется концом XI века.

Таким образом, перед нами вырисовывается картина, изображающая не толпу эмигрантов-беглецов под руководством духовного предводителя, а политическую экспансию народа, организованную знатными валлийскими княжескими домами, политические права, привилегии и духовное единство которого являлись заботой образованных клириков. Так как наши основные источники монашеского происхождения и позднего времени, неудивительно, что некоторые из первых вождей превратились в святых. Наиболее яркий пример - Вортигерн, который, как уже упоминалось, появляется в записях Кемперле как св. Гуртиерн [38].

Между тем в Бретани, как и на наших островах, VI и VII века были периодом подъема исторических королевств. Очень жаль, что современник этих событий Григорий Турский не уделил достаточного внимания двум бретонским государствам, Домнонии и Корнуаю, поскольку наши сведения о них по большей части основываются на записях церковных установлений и менее надежных житиях святых. В первом из них, "Житии св. Самсона Долского", Домнония именуется не королевством, а областью, герцогством или графством, а во франкских источниках ею правит "королевский граф", хотя власть над этой территорией, по всей видимости, переходила от отца к сыну. В этом житии **[116]** мы находим живой рассказ об отношениях князей Домнонии как с королем франков Хильдебертом, так и с регентом Куномором (Cunomorus), который, как сообщается, узурпировал власть над королевством - воспользовавшись малолетством принца Юдуала (Judual), умершего около 580 г. Св. Самсон показывает нам франкский двор VI века, где он просит Хильдеберта оказать помощь юному Юдуалу, и мы становимся свидетелями торжества истинного наследника - так нас уверяет "Житие" - и падения узурпатора [39].

Куномор является самой интересной фигурой ранней бретонской истории, которая, можно сказать, начинается с его отношений с королями франков. По своему

происхождению он был одним из незначительных бретонский князей; его резиденция находилась в Пу-Кастеле, ныне Каре, а его "графством", то есть маленьким городом-государством, были окружающие земли, ныне Поэр. Время его правления, сначала в качестве регента, а затем узурпатора Домнонии, традиционно датируется приблизительно 540-554 гг. Кажется, поначалу он был обычным христианином, однако, натолкнувшись на враждебность церкви, в преданиях он изображается как узурпатор, кровожадный тиран и Синяя Борода. Путем своей узурпации Домнонии и в качестве господина Поэра и Леона он уже владел половиной Бретани и, очевидно, стремился к созданию крупного независимого княжества. Однако, после торжества Юдуала, Домнония поднялась против "тирана", который потерпел поражение и был убит в своем родном Поэре, куда он удалился в надежде найти убежище и подкрепление.

В то время как бритты занимали полуостров, Галлию постепенно захватывали франки, и при Хлодвиге (около 481-511) галло-римские города Арморики формально признали франкскую власть. Франки считали себя истинными наследниками римских правителей и отказывались признать независимость остальной части полуострова Бретани, в то время как бретонцы, со своей стороны, отказывались признать притязания франков и, наоборот, стремились распространить свою независимость на восток [40]. Согласно современнику этого процесса Григорию Турскому [41], преемники Хлодвига лишили правителей Бретани титула короля, заменив его графским титулом, который носили франкские должностные лица, управлявшие разными городами-государствами от имени франкских королей. Несмотря на это, и в статусе графов бретонские вожди продолжали игнорировать власть меровингских королей. Это был период превращения галло-римской области Ванна в Бро Варох, "Земли Вароха", по имени бретонского вождя Вароха II (577-594), при котором этот город в 579 г. стал бретонским. Варох был действительно грозным противником франков, и Григорий живо **[117]** описывает сенсационную военную карьеру этого храброго князя и его политические отношения с франкскими королями. В 587 г. он совершил набег на Нант, а в следующем году напал на Ренн и вновь на Нант; и хотя в 590 г. на Ванн напала многочисленная франкская армия, это кончилось для франков катастрофой, ибо их армия потерпела поражение и была частично уничтожена сыном Вароха Канао (Canao) [42]. При этих обстоятельствах, которые выявляются из картины, нарисованной Григорием Турским, неудивительно, что вспыльчивые правители, как бретонские, так и франкские, находились в состоянии непрерывной войны друг с другом, причем франки пытались установить свой контроль, а бретонцы Броэрека (Broerech) - опустошить галло-римские пограничные города Ренн, Нант и восточные земли ваннской области [43].

Борьба между Бро Варохом и франкскими королями тянулась веками. Иногда армии франков терпели от бретонцев сокрушительные поражения; однако бретонские вожди были не в состоянии объединить свои усилия. Карл Великий организовал не менее трех экспедиций в Бретань, а Людовик Благочестивый лично совершил две. В конечном итоге Людовик Благочестивый назначил бретонца Номиное (Nominee) сначала графом, а затем бретонским герцогом; однако в 846 г. Номиное вынудил Карла Лысого признать независимость Бретани. Карл в действительности был рад помощи бретонцев в качестве союзников не меньше, чем в качестве подчиненных, ибо теперь он столкнулся с гораздо более серьезной проблемой - нашествиями викингов. В 849 г. Номиное поднял открытый мятеж, однако в 851 г. он умер под Шартром во время военной кампании [44]. Его сын и преемник Эриспое (Erispoë) был убит в 857 г. по приказу знаменитого Саломона (Salomon), который и наследовал ему. С 863 г. Саломон признал верховную власть франков и обещал выплачивать дань Карлу Лысому, хотя вскоре он отказался как от верности ему, так и от дани и в 874 г. заплатил за свои преступления и вероломство своей жизнью. С правлением Саломона Бретань вступила в эпоху средневекового феодализма. **[118]**

ГЛАВА 5.
Общественный строй: раннеирландское общество

Источники информации о светских институтах Ирландии многочисленны, но еще не

полностью изучены. Многое можно узнать из car, а еще больше из анналов, генеалогий и прежде всего древних юридических трактатов. Ирландские правовые трактаты являются, вероятно, важнейшими документами своего рода во всей западноевропейской традиции, хотя бы по своему объему и по архаичности сохраненной в них традиции. Их корни уходят не в римское право, а в древние индоевропейские обычаи.

Основной территориальной и административной единицей в Ирландии был туат (tuath), который по площади иногда соответствует современному баронству[1]. Это слово означает "племя, народ", а также употребляется для обозначения занимаемой племенем территории. Многие названия современных баронств являются древними названиями туатов; но *Книга Прав*, составленная в XI веке, перечисляет лишь 97 tuatha против 273 сегодняшних баронств.

Было бы ошибкой предполагать между туатом и баронством сколь-нибудь близкую связь. Баронство было норманнским владением, и когда Стронгбоу или Де Ласи даровали земли для баронства, они вполне могли воспользоваться уже существовавшими территориальными делениями в качестве ленных единиц, так что баронство могло состоять из одного или нескольких туатов. Но в землях, позднее разделенных на графства, территории баронств были, по всей видимости, разграничены заново и, таким образом, более не основывались ни на какой традиции.

Более крупной единицей была tricha cet "тридцать сотен", первоначально военный термин, обозначавший отряд из трех тысяч человек. **[119]** МакНейлл полагает, что в данном случае мы можем наблюдать весьма древнюю традицию, общего происхождения с римским легионом, в своей древнейшей форме также насчитывавшим три тысячи[2]. Позднее это обозначение использовалось в территориальном смысле, и мы располагаем названиями 29 tricha cet из различных источников[3]. Однако оно ни разу не появляется в правовых текстах и приравнивается глоссаторами к туату, из чего следует, что к их времени это слово вышло из употребления[4].

Каждый туат управлялся королем (ri), "первоначально священной фигурой, происходящей от того или иного божественного предка и мистически облеченной верховной властью посредством древних инаугурационных обрядов"[5]. Королевская инаугурация представляла собой символическое бракосочетание с Властью, обряд плодородия, обозначаемый техническим термином banais rigi, "королевская свадьба".

Власть представлялась в образе богини, на которой должен был жениться король для обеспечения благосостояния своего королевства. Это напоминает нам об индийской sakti (см. выше с. 28) и о спутницах некоторых галльских богов. Это представление, возможно, является развитием древней идеи брака бога племени с богиней земли или воды, выступающей в качестве источника плодородия.

Эта идея выражена во многих ирландских сагах и сохраняется по сей день. Возможно, самым ранним свидетельством является сага Baile in Scail "Безумие Призрака", в которой Конн, король Ирландии, оказывается в сиде, где призрак предрекает имена будущих королей Ирландии, а женщина, сидящая на кристальном троне, наливает чашу зля каждому поименованному королю (с. 192). В некоторых других сагах старуха в объятиях будущего короля превращается в прекрасную девушку. Такую историю рассказывают про Ниалла Девяти Заложников, а также про Лугайда Лайгде, отца Лугайда Мак Кона[6]. В одном варианте из Старины Мест девушка говорит Лугайду:

Я скажу тебе, благородный юноша,
Со мной спят верховные короли;
Я прекрасная стройная девушка,
Власть над Шотландией и Ирландией[7]

Atber-sa fritt, a meic min,
limsa foit na haridrig:
is me ind ingen seta seng,
flaithius Alban is Herenn.

Легендарная королева Медб, имя которой означает "опьянение", первоначально была

олицетворением власти, ибо мы узнаем, что она была женой девяти королей Ирландии, а в другом месте рассказывается, что королем мог стать только тот, кто становился ее супругом. О короле Кормаке говорится: nocor fai Medb lasin mac niba ri Erenn Cormac, "пока Медб не соединилась с юношей, Кормак не был королем **[120]** Ирландии"[8]. Младшие короли также вступали в брак со своими королевствами. Еще в 1310 г. анналы фиксируют свадьбу Федлимида 0'Конхобара (Фелим О'Коннор) с провинцией Коннахт. В XVII веке О'Бруадайр говорит о короле как о "супруге цитадели Кашель". Даже в XVIII веке поэты называли Ирландию супругой своих законных королей.

Геральд Камбрийский описывает ритуал, который, как ему сообщили, все еще практиковался в одном из северных королевств и включал в себя жертвоприношение кобылы. Выбранный король проходил через символическое соединение с жертвенным животным, а затем купался в похлебке из него и пил оттуда[9]. Некоторыми учеными этот рассказ считается вымышленным, однако, несомненно, он имеет под собой реальное основание. Он весьма напоминает индийский обряд ашвамедха (asvamedha), в ходе которого королева вступает в символическую связь с убитым жеребцом,- очевидно, обряд плодородия. В этом североирландском королевстве плодородия для себя и своего племени с помощью древнего ритуала добивался король. Кажется, в данном случае можно говорить о сохранении в Ирландии XII века культа богини Эпоны из галльского пантеона. Однако обычной формой королевской инаугурации было вручение королю белого жезла в знак его власти. Жезл вручался верховному королю его главным вассальным королем, а королю-вассалу-верховным королем.[10]

В ранние времена король был связан различными табу. Королем не мог быть избран человек, имевший физические недостатки. Король также был связан магической силой Правды (fir flatha); и если он был виновен в несправедливости, его народ могли постичь многочисленные несчастья, точно так же, как грехи Прометея пали на Фивы. О знаменитом короле Кормаке говорится, что когда он воспитывался в Таре, король Лугайд Мак Кон вынес приговор против человека, овцы которого паслись в угодьях королевы. За это Лугайд решил взять овец себе. И тут же та сторона дома, где он сидел, обрушилась. "Нет,- сказал Кормак,- постричь этих овец будет достаточным возмещением за то, что они паслись на этой траве, ибо и то, и другое вырастет вновь". Дом остался как был и больше не рушился. "Это справедливый приговор,- сказали все,- и вынес его сын настоящего короля". Еще год после этого Лугайд оставался королем Тары, и на земле не росла трава, на деревьях листья, а на полях зерно. Тогда мужи Ирландии лишили его королевского сана, так как он был неправедным королем; и королем стал Кормак.

Следует отметить два момента: во-первых, опустошение земель из-за несправедливости короля и, во-вторых, не разрушение дома праведным **[121]** суждением. Это понятие магической силы Правды появляется и в других ирландских сагах и составляет еще одну любопытную параллель с индийской традицией. Людерс в знаменитой статье показал, что индийцы верили в чудеса, которые могло производить одно лишь произнесение правдивого суждения; следы таких же представлений отчетливо обнаруживаются и в Ирландии[11].

Король был правителем своего народа в мирное время и военным вождем во время войны. Он председательствовал на ежегодном собрании (oenach), проходившем на священном кладбище, но не стоял выше закона. У него был особый судья (brithem rig), в обязанность которому вменялось разрешать случаи, в которых были затронуты королевские права. Этот судья мог также выступать в спорах между разными кланами одного туата, но прибегать к его помощи не было обязательно: стороны могли свободно выбрать любого другого квалифицированного судью.

Король (ri) туата был связан узами личной верности с верховным королем (ruiri), который в свою очередь был сходным образом связан с "королем верховных королей" (ri ruirech), королем провинции, высшим королем, известным Законам. Представление о короле Ирландии, верность которому должны были хранить короли провинций, появляется гораздо позже, возможно не ранее X века. Низший король выдавал своему господину заложников и в знак его доверия получал от него награды. Он был обязан выполнять определенные службы, в особенности выплачивать дань и выставлять людей в случае войны, а сюзерен был предположительно обязан помогать ему в его раздорах.

Однако связь между ними носила характер исключительно личной верности: теоретически, по крайней мере, верховный король не обладал властью над территорией и народом своего подчиненного. Мы располагаем, в Книге Прав XI века, подробным списком разных видов дани, выплачиваемых королями, и наград, получаемых ими, но они, вероятно, представляют собой лишь вымысел, попытку любителя древностей восстановить традиционные, частично давно забытые обычаи. Поздние источники упоминают дань съестными припасами, которая иногда заменялась унциями золота или серебра. Форма награды неопределенна[12].

Так как существовало три разряда королей, было и три вида собраний (oenach):

> "На собрании, созываемом верховным королем, верность которому должны были хранить правители нескольких туатов, могли присутствовать жители этих небольших королевств. Таковым, например, был Oenach Raigne для племен Оссори. Важнейшим из всех было провинциальное собрание, проводимое вблизи главной крепости, на котором **[122]** присутствовали все племена провинции; оно продолжалось несколько дней, и существовала разработанная программа публичных дел и развлечений".[13]

Такими собраниями были Oenach Tailten в большом королевстве Уи Нейллов, Oenach Emna в королевстве Ульстер, Oenach Carman в королевстве Лейнстер, Oenach Teite (Nenagh) в Мунстере (Кашель) и Oenach Cruachan в Коннахте.

После короля шли знатные люди (flaithi), представлявшие собой военную аристократию и бывшие покровителями "людей искусства" (oes dana), поэтов, историков, правоведов, врачевателей и ремесленников. Третьим сословием было grad fene, рядовые свободные люди, возделывавшие землю и платившие королю налоги пищей. Свободный человек обычно был cele, клиентом кого-либо из знати, "который, в обмен на фиксированные поставки провизии и определенное количество бесплатного труда, давал ему скот, который он пас на его земле, и гарантировал ему определенную защиту от насилия могучих соседей"[14].

Клиентела представляется основой преуспевания и социального положения знатного человека. Юридические трактаты различают два вида зависимости, по условиям договора, "свободную" зависимость и зависимость "крепостную". Отношения между патроном и клиентом состояли в выделении господином фьефа (rath) в виде скота в обмен на фиксированные выплаты, натурой или услугами, со стороны клиента. Плата рассчитывалась как ежегодная выплата в течение семи лет, равная одной трети стоимости фьефа. При "крепостной" зависимости, которое упоминается чаще всего, клиент получал в дополнение к rath оплату, равную цене чести патрона, и тем самым последний приобретал в отношении клиента дополнительные права - например, он получал право на треть виры, если клиент был убит. Однако "крепостной", как и "свободный", оставался свободным человеком. Отношения были договорными и могли быть расторгнуты любой из сторон при определенных условиях.

Большая часть трактата о "крепостной" зависимости посвящена деталям фьефа и выплат. Ежегодную выплату за шесть коров составляют один теленок стоимостью в три мешка пшеницы, засоленная свинья, три мешка солода, полмешка пшеницы и пригоршня тростниковых свечей. За 24 коровы выплата составляет откормленную корову, засоленную свинью, восемь мешков солода, мешок пшеницы и три пригоршни тростниковых свечей. Важное значение, придаваемое отношениям зависимости в ирландских правовых трактатах, напоминает нам то, что говорили о галлах Полибий и Цезарь. Нет **[123]** сомнений, что это был древний кельтский институт; однако он не упоминается в валлийских законах.

Существовали рабы (mug m., cumal f.), вероятно по большей части военнопленные; впрочем, по всей видимости, они составляли малую часть населения.

Слово aire означает "свободный человек" и включает в себя как flaith (знать), так и aithech (простолюдин)[15].

В Ирландии был особый класс, который можно рассматривать как. подкласс знати, oes dana, которые получали благородный статус благодаря своему искусству. Oes dana, или образованный класс, включал судью, врачевателя, столяра, обработчика металлов и

самого главного, поэта (fili), который, судя по всему, унаследовал многое от престижа друида языческих времен. В его обязанности входило прежде всего восхвалять своего господина, но также сохранять его генеалогию, быть сведущим в истории и литературе и быть мастером поэтического искусства. Существуют трактаты, перечисляющие метры, которые он должен знать, количество повестей, которые он должен уметь рассказывать, и другие ученые вещи, которые он должен изучать на протяжении курса в 12 лет. За свою службу он требовал богатое вознаграждение и мог сочинять сатиры на бережливых князей или знатных людей. Филид пользовался уважением и внушал страх, как индийский брахман. В этом христианском обществе он больше не был жрецом, но все еще обладал средствами прорицания, сходными с магией. Или, во всяком случае, он обладал ими в языческие времена, и традиция его магической силы сохранилась[16].

Именно трехчастную организацию общества, состоящего из жреца (fili), воина (ri) и земледельца (aire), с таким успехом возводил к индоевропейскому миру Дюмезиль. В Галлии Цезарем различались классы друидов, всадников и простолюдинов, так что ирландское общество унаследовало древнюю кельтскую и, очевидно, индоевропейскую структуру.

Единственным государственным должностным лицом, название которого нам известно, был rechtaire, контролировавший доходы короля.

В пределах туата важной единицей был род, а не отдельный человек. Для ирландского права род состоял из четырех поколений (derbfine), потомки общего прадеда; эта же группа первоначально была единицей и валлийского права[17]. Земля принадлежала всей группе, а в вопросах наследования и обязательств свою долю имели все члены derbfine. Это же было справедливо для порядка престолонаследования. Дядя или внучатый племянник могли наследовать с тем же успехом, что и сын или внук, так что теоретически существовало широкое поле, из которого можно было выбрать лучшего. На практике зачастую происходила **[124]** борьба нескольких беспринципных соперников, стремившихся изувечить или убить друг друга для того, чтобы обеспечить себе " беспрепятственное вступление на трон.

Над туатом стояло большее провинциальное королевство, управляемое ri ruirech или coicedach. В доисторические времена существовало пять таких провинций: Улад, Лаген, Муму, Коннахт и Миде[18], в общих чертах соответствующих современным провинциям Ольстеру, Лейнстеру, Мунстеру и Коннахту, но графства Мит и Уэстмит составляли отдельное центральное королевство со столицей в святилище Тары. Это разделение на пять королевств дало нам слово coiced "пятина" для обозначения "провинции". Впрочем, пятичастная система уже ушла в прошлое, когда в V веке начался собственно исторический период. К этому времени на севере находилось три королевства: Айлех, Айргиалла и Улад; на юго-востоке могущественным королевством было Осрайге (Оссори), иногда подпадавшее под верховную власть Кашеля (Мунстера), иногда Лейнстера, но всегда сохранявшее определенную независимость. Позднее, в VIII веке, центральное королевство Миде распалось, и образовалось отдельное королевство Брега, располагавшееся на территориях современных графств Мит, ЮжногоЛаута и Северного Дублина. Династия Бреги, по всей видимости, закончила свое существование к XI веку, и Брега вновь присоединилась к Миде[19].

Таково политическое положение Ирландии, выявляющееся из древних юридических трактатов, некоторые из которых датируются VII веком. Однако начиная с IX века некоторыми могущественными королями предпринимались попытки утвердить свое положение в качестве господина всей страны. При этом главную роль играла практика выдачи заложников королями других провинций. Эти амбиции были в Конечном итоге реализованы Брианом Боромой в 1002 г., и с этих пор до нашествия викингов можно говорить о существовании, по крайней мере умозрительно, единого королевства Ирландии.

В таком обществе торговля представляла собой бартер, обмен товарами и, вероятно, личными услугами, что не очень отличается от той практики, которая до сих пор существует среди ирландских фермеров. Самые благоприятные условия для такой торговли предоставляло ежегодное собрание (oenach), но отдельные частные сделки могли заключаться когда угодно. Единицей стоимости был set, полстоимости молочной

коровы, и на ней основывались все коммерческие дела, а также различные расценки, устанавливаемые законами в качестве штрафов, цены чести или компенсаций[20].

Так как не существовало городов, а общество носило исключительно сельский характер, и так как не существовало общественных, институтов, **[125]** следивших за исполнением законов, а деньги были практически неизвестны, обязанности государства были незначительны и просты. Главным источником богатства был скот, так как отсутствовала частная собственность на землю, принадлежавшую всему роду (derbfine).

Когда между членами туата возникали споры, то потерпевшая сторона имела различные возможности для разрешения конфликта, но дело велось частным образом. В обычном случае спорщики договаривались предстать перед судьей, обязанностью которого было разрешить спор, и за эту службу он брал определенную плату. Правовые трактаты предписывали процедуры, необходимые для наложения ареста на имущество обвиняемого: предупреждение, которое следовало сделать; предоставление свидетелей и так далее; существовала и разработанная система поручительства, дававшая потерпевшей стороне возможность обеспечить выполнение договора, если другая сторона не выполняла свои обязательства. Даже убийство рассматривалось как частное правонарушение.

В Ирландии большую роль в правовых делах играла опись имущества в обеспечение долга, опись была обычным способом принуждения соседа предстать перед судом. Если стороны соглашались прийти на суд, дело рассматривалось в доме судьи. Обе стороны назначали представителей для судебных прений. Оплата судьи составляла одну двенадцатую вовлеченной в дело ценности. Затем возникал сложный вопрос выбора процедуры, сложный, так как существовало пять типов процедур ("Пять Путей Суждения")[21], в соответствии с существом спора; и представитель истца должен был выбрать правильную. За изменение одного "пути" на другой налагался штраф.

Юридические трактаты также разъясняют правоспособность свидетелей и законы об уликах и доказательстве. В конечном итоге обе стороны должны были дать гарантии своего подчинения решению судьи.

Там, где исполнение закона не находилось в ведении государства, большое значение приобретал институт поручительства. Было три вида поручителей: naidm, aitire и rath. Naidm ручался только своей честью поддерживать кредитора, добиваясь выплаты. Aitire ручался своей честью и свободой, если должник не выполнял своих обязательств. Rath в случае неуплаты должником долга должен был заплатить долг сам. В некоторых случаях применялись все три вида поручительства[22].

Особое внимание в судебной процедуре привлекает использование поста как средства обеспечения возмещения. В определенных случаях, когда обвиняемый был лицом привилегированного ранга (nemed), истец обязан был поститься перед домом обвиняемого перед процедурой описи имущества в обеспечение долга, и это возлагало на обвиняемого **[126]** строгое обязательство подчиниться решению суда. Истец приходил на закате и постился до восхода солнца. Обвиняемый также был обязан поститься, и если он нарушал свой пост, то должен был выплатить долг в двойном размере. Если он хотел принять пищу, то обязан был сначала предложить ее истцу и поручиться, что заплатит или подчинится решению суда. Если обвиняемый не делал ни того ни другого в течение трех дней, на его имущество мог быть наложен арест, как на имущество простого человека.

Такой обвиняемый, если он просто пренебрегал постом и отказывался платить, лишался чести; он не мог предъявлять никаких требований: "Тот, кто не дает ручательства постящемуся, нарушает все. Тому, кто пренебрегает всем, не платит ни Бог, ни человек" (AL i 113).

Этот обычай находит параллели в индийском праве, где такая процедура носит название dharna (dharana). Кредитор мог сидеть и поститься перед дверью должника, пока должник не сдавался, чтобы не нести ответственности за смерть другого человека[23].

Возмещение ущерба оценивалось в соответствии с причиненным убытком, а также в соответствии с рангом потерпевшей стороны. Штраф (dire) измерялся в соответствии с ценой чести (1og n-enech, eneclann) потерпевшего[24].

Наряду с трактатами об отношениях зависимости, аресте имущества, поручительстве и "Пятью Путями Суждения", имеются трактаты о браке, о правах на воду и правах собственности на пчел, о "содержании больного" (обязанность того, кто нанес телесное

повреждение другому, вылечить потерпевшего за свой счет)[25] и о многом другом.

Закон о браке в ранней Ирландии представляет особый интерес, так как в значительной степени демонстрирует сохранение древних обычаев, несмотря на распространение христианского учения. Свободно разрешается развод. На самом деле, в данном случае мы видим пережитки годичного брака. Брак всегда может быть расторгнут по обоюдному согласию. Такая свобода действий может объяснить карьеру знаменитой Гормлайт, которая сначала была женой Олафа Куарана, норвежского короля Дублина, затем Малахи, короля Мита, затем Бриана Боромы, а позднее возможность брака с ней рассматривалась Сигурдом, ярлом Оркнеев[26]. Еще в 1339 г. *Анналы Ульстера* фиксируют, что Турлог О'Конор, король Коннахта, женился на супруге одного ульстерского князя и отослал свою жену, дочь О'Доннелла.

Более интересен факт, что внебрачное сожительство, как мы это называем, признается законом: мужчина может взять и содержать вторую жену на время жизни своей "главной жены". Целью такого установления предположительно было рождение сыновей, если первая жена **[127]** была бесплодна, но даже это не оговаривается в правовых трактатах. Закон регулирует отношения второй жены к главной жене и возмещение, выплачиваемое мужу за причиненный ей ущерб. Однако такое возмещение не выплачивалось главной женой, движимой законной ревностью, даже за пролитие крови. Это было одним из семи видов пролития крови, за которые виновный не нес никакой ответственности. Более того, ее называют грубым словом adaltrach, "прелюбодейка". Трактат различает девять видов союза, от постоянного брака до временных сексуальных связей. (Из них два вида представляются поздними, так что мы приближаемся к восьми формам брака законов Ману, см. выше с.26.) Насколько эти установления отражают действительную практику христианского периода, остается под сомнением. Однако у нас есть свидетельства разводов, а частое упоминание второй жены в комментариях может означать только то, что это было обычным положением вещей[27].

Практика воспитания детей в приемной семье была обычной чертой ирландского общества и не ограничивалась кругом знати. Иногда дети воспитывались бесплатно, но обычно за воспитание выплачивалась плата, варьировавшая, согласно одному раннему тексту, от трех сетов[28] за сына свободного человека низшего ранга до тридцати сетов за сына короля. Комментарий говорит, что детей учили верховой езде, плаванию, обращению с пращой и игре в настольные игры; девочек учили вышивке и шитью. Или, для детей низших сословий, скотоводству и земледелию - мальчиков; обращению с ручной мельницей, доской для замешивания теста и ситом - девочек. Однако, может быть, в данном случае комментатор дает волю своему воображению, как это вообще любили делать комментаторы. Он знал, что существовала точная программа обучения для мальчика, который должен был вступить в семью филида, и, возможно, пытался сымитировать ее. На деле, конечно, дети-воспитанники приобрели бы эти знания в любом случае. Время воспитания заканчивалось в 17 лет для юношей, в 14 - для девушек, и они возвращались домой. Однако узы воспитанничества сохранялись; на детей возлагалось обязательство поддерживать своих воспитателей в старости, а воспитывавшиеся вместе связывались близкой дружбой. Эти отношения между comaltae являются постоянно повторяющимся мотивом саг. Трагической кульминацией саги "Похищение Быка из Куальнге" становится бой Кухулина со своим молочным братом Фер Диадом. В "Разрушении Дома Да Дерга" ситуация еще более трагична, поскольку Конайре погибает от рук своих молочных братьев.

В Уэльсе практика воспитанничества также существовала и несколько паз мимоходом упоминается в законах, однако, по-видимому, ей не **[128]** было посвящено отдельной главы. Для знатного человека было обычным поступком послать своего сына на воспитание к taeog или рабу, и закон гласит, что воспитанник вступает в права наследования имущества этого раба, как один из его собственных сыновей[29]. Слово cyfaillt, ставшее значить "друг", тождественно ирландскому comaltae.

Особенно интересна другая глава ирландского закона, сохраняющая чрезвычайно древнюю традицию, а именно обязательства по содержанию больного. Имеется два трактата по этому вопросу, обнаруженные в рукописи XV века из Phillipps Collection, приобретенной Национальной Библиотекой в 1930 г., и оба относятся к очень древнему

периоду, не позже VIII века. Один озаглавлен "Суждения о лежании в крови", другой - "Суждения Диан Кехта". Во многих правовых системах существовало правило, в соответствии с которым тот, кто наносит своему соседу телесное повреждение, обязан выплатить не только установленный штраф, но и стоимость лечения пострадавшего, плату лекаря у англосаксов. В ранней Ирландии нарушитель был обязан сам обеспечить лечение своей жертвы. Через девять дней после нанесения раны врач выносил свой приговор. Если он говорил, что больной выздоровеет, обвиняемый должен был взять его к себе в дом или в дом своего родича и обеспечивать его всем необходимым для выздоровления. Подробнейшим образом расписываются диета и обращение с больным. Диета варьируется в зависимости от его социального положения. Наряду с базовым рационом, составлявшим два хлеба в день и неопределенное количество свежего мяса, на который имел право каждый больной, член "благородного дома" получает мед, чеснок и в особенности сельдерей из-за его особых целебных свойств, солонину каждый день с кануна Нового года до Великого поста и дважды в неделю с Пасхи до конца лета. Обычный свободный получает солонину только по воскресеньям до Великого поста и вообще не получает ее после Пасхи. Сельдерей предписывается всем.

Очень строгие предписания по режиму. Не допускаются дураки, лунатики и враги. Не играются игры. Нельзя бить детей и устраивать драки. Не должно быть ни собачьего лая, ни хрюканья свиней. Больного нельзя будить внезапно, а люди не должны разговаривать через него, когда он лежит в постели. Не должно быть ни воплей, ни криков. Но все это было лишь частью обязанностей преступника, поскольку он должен был также содержать свиту своего больного на протяжении всего периода его болезни. Каждый свободный человек имел право на компанию своих людей в соответствии со своим рангом в определенных случаях, и содержание больного было одним из них. Упоминается свита в четыре и более, до восьми, человек. И, в конце концов, нарушитель **[129]** должен был найти человека, который выполнял бы работу больного во время его отсутствия.

Диан Кехт был ирландским богом врачевания, и второй трактат благочестиво приписывается ему. По большей части он посвящен плате врачу, и она разнится в зависимости от тяжести раны или, по другой доктрине, от величины вергельда, то есть от статуса жертвы. Интересен способ измерения раны в зернах. Имеется и любопытный список двенадцати дверей души, частей тела, раны которых в особенности тяжелы.

Этот трактат, "Суждения Диан Кехта", один из самых ранних и содержит стихотворные отрывки, датируемые, вероятно, VI веком. Недавно он был издан пр. Бинчи[30]. Архаический обычай содержания больного устарел уже к VIII веку, ибо трактат Crith Gablach, который не мог быть написан позднее этого времени, сообщает, что теперь такой практики не существует, и продолжает описание древней процедуры в том виде, в котором мы обнаруживаем ее в Bretha Crolige ("Суждениях о лежании в крови")[31].

В Уэльсе мы наблюдаем совершенно иную картину, и только с помощью ирландских источников можно выявить в валлийских текстах следы древней кельтской системы. Ибо имеется валлийский сборник законов, который считается составленным и опубликованным в X веке при Хьюэле Добром, в то время как в Ирландии велась просто запись древних обычаев, восходящих частично к VI или VII векам, с глоссами и поясняющими комментариями. Валлийские повести, также сообщающие нам кое-что об общественных установлениях, датируются временем не ранее XII века.

Первые рукописи валлийских законов были написаны около 1200 г., много позже того, как началось норманнское вмешательство, и мы должны учитывать престиж норманнских институтов, когда сравниваем эти тексты с ирландскими трактатами[32]. Во времена Хьюэла существовали тесные контакты между главным королем Уэльса и королевским домом Уэссекса. Он был частым участником Уитенагемота*; и Ассер, биограф короля Альфреда, валлиец по происхождению, проводил свое время частью при уэссекском дворе, частью у себя на родине в Диведе. Поэтому мы должны считаться с сильным англосаксонским влиянием еще до времени Хьюэла, и оно тоже не могло не отразиться на валлийских законах. **[130]**

---

* Совет Мудрых - совет наиболее знатных и влиятельных людей Англии.-Прим. пер.

Валлийские правовые рукописи распадаются на три основные "семьи", или редакции, все они предположительно основаны на первоначальном сборнике законов, составленном при Хьюэле, но содержат многочисленный дополнительный материал, введенный поздними юристами и предоставляющий интересные данные о последовательном развитии валлийского права, включая адаптацию англо-норманнских институтов. Эти редакции известны как *Книга из Иорверта, Книга из Блегьюрида и Книга из Кивнерта*; причем ни одна из сохранившихся рукописей не древнее XIII века, а приводимая ими информация о прежнем состоянии не всегда достоверна. Таким образом, рассказ об обстоятельствах создания и обнародования "Законов Хьюэла", который приводится во всех трех, полон анахронизмов. Первый дошедший до нас манускрипт (конец XII века) написан на латыни, но, по-видимому, является переводом более раннего валлийского текста[33].

Раздробленность страны на многочисленные маленькие королевства, которую мы наблюдаем в постримском Уэльсе V и VI веков, представляет то же положение дел, что и в Ирландии. Эти части были постепенно объединены под властью одной династии, происходящей от Кунедды, и в IX веке Родри Великий стал королем почти всего Уэльса, остававшегося валлийским на протяжении норманнского периода. После его смерти в 877 г. королевство было разделено между тремя его сыновьями: Мервином, Анараудом и Каделлом. От Анарауда происходит род Гвинедда на севере, от Хьюэла Доброго, сына Каделла, - линии Поуиса и Дехьюбарта. Это разделение на три королевства и отражено в Законах.

Ллойд в начале своего обсуждения ранних валлийских институтов говорит, что основу составляют четыре института: cenedl, tref, cantref и brenin - род, община, племя и вождь (король). Этим терминам соответствуют ирландские fine, baile, tuath, ri. Однако если первые два вполне можно приравнять друг к другу, валлийский cantref (или gwlad, более Древнее название) во многом отличается от ирландского tuath. Король в Уэльсе держал двор со всем штатом придворных с четко определенными обязанностями и правами; он отправлял правосудие и получал с этого доход в штрафах. Сам cantref и общины (вал. cymwd), на которые он разделялся, по-видимому, был поздним административным делением, возникшим после того, как прежний gwlad прекратил свое существование в качестве отдельного королевства. Ллойд говорит, что "большие гвлады, такие как Мон, Кередигион, Брихейниог, Истрад Тиви, были разделены на кантревы, маленькие гвлады, такие как Мейрионидд, Дифрин Слуйд, Буеллт, сами стали кантревами, и, таким образом, кантрев везде занял место племени в качестве единицы **[131]** отправления правосудия и связи между народом и короной"[34]. Эта ситуация, вероятно, возникла после установления разделения на три королевства.

У каждого кантрева был свой суд, и на юге его составляло древнее собрание свободных. Это собрание могло даже осуждать действия короля и, по dedfryd gwlad, "суждению народа", объявлять его правление деспотическим. Оно также сохраняло обычную юридическую власть суда. Но в Гвинедде и Поуисе при каждой общине состоял профессиональный судья, а свободные, сидевшие по обе стороны короля в качестве консультантов суда, были простым пережитком и не носили судебных функций. Судя по всему, не было фиксированного места сбора, и таким образом, суд мог собираться там, где это было наиболее удобно.

Хотя обычное право, основанное на кровной мести, прослеживается в законе о galanas или возмещении за убийство, в Уэльсе понимание правонарушений как преступлений против государства имело весьма развитые формы. За тяжкие преступления обычным наказанием был штраф размером в 12 коров, dirwy (ирл. dire); за менее тяжкие преступления штраф составлял три коровы. Эти штрафы выплачивались королю, а не пострадавшей стороне. Свидетельскими показаниями по большей части служили, как и в Ирландии, клятвы, приносимые обеими сторонами в обвинение и в опровержение, причем обвиняемый должен был представить свидетелей, приносивших клятву в том, что обвиняемый невиновен. Наряду с судом общины, или кантрева, существовал верховный суд, разбиравший дела, касавшиеся короля и его дома. Младшие суды также были при maer, или сенешале, и при canghellor. Более того, отдельные суды были у епископа и аббата. Закон и процедура разбирательства были одинаковы для всех этих судов.

Три главы Книги из Иорверта посвящены убийству, поджогу и воровству соответственно, и они сохраняют некоторые черты прежнего обычного права. Наказание за убийство, galanas, варьируется в зависимости от статуса жертвы и выплачивается роду (или отцу и матери). Также выплачивалась цена чести (gwynebwerth), и если штраф не выплачивался полностью, убийца мог быть безнаказанно убит. В этом сохраняется что-то от древней кровной мести. Выплата цены чести в дополнение к штрафу согласуется с ирландским обычаем и должна быть одного с ним происхождения. Различия степеней ответственности в случаях воровства или поджога сходны с ирландским правом, однако эти вопросы выходят за рамки нашей компетенции и должны освещаться экспертами истории права.

Королевская власть сохранялась в Уэльсе до конца его независимости. К X веку существовало три королевства: Гвинедд на севере с королевской **[132]** резиденцией в Аберфрау на острове Англси, Дехьюбарт на юге со столицей в Диневуре и Поуис на востоке со столицей в Пенгверне (Шрусбери)[35]. У короля, согласно сводам законов, был большой двор и многочисленные служащие. Он назначал судей, и правосудие отправлялось от его имени. Однако все это, по-видимому, было заимствовано из англосаксонской Англии. В Мабиногион и из некоторых технических терминов в сводах законов можно увидеть следы древней кельтской системы. Например, слово alltud, "чужестранец" (букв. "из другого племени"), показывает, что до образования системы трех королевств первоначальной единицей населения был tud (ирл. tuath), как и в Ирландии. Как в Ирландии, зафиксированы род из четырех поколений и родовая собственность на землю. Также из одного источника, вероятно, происходят и обычай воспитанничества (cyfaillt "друг".= ирл. comaltae "молочный брат"), и система поручительства.

Можно привести одну любопытную иллюстрацию того, как в валлийских текстах в скрытом виде сохраняется древний обычай. Мы уже обсуждали ирландский закон о наложении ареста на имущество, и этот арест обычно налагался на движимое имущество, то есть скот. Земля не могла быть затронута, так как она принадлежала всему роду. Однако если человек выдвигал притязания на землю - если он был несправедливо лишен своей доли,- тогда он мог формально вступить во владение ею с помощью архаической процедуры (tellach). Было три "вступления" с фиксированными интервалами: в каждом из трех случаев претендент приходил с все возрастающим количеством свидетелей и скота. На третий раз они оставались на земле всю ночь, а истец зажигал костер. Затем, если владелец земли все еще отказывался участвовать в судебном разбирательстве, собственность на землю переходила истцу[36].

Действие по вступлению в собственность на землю в валлийском праве представляет собой совершенно иную картину. Истец предстает перед судом, который назначает дату слушания дела. Извещается фактический владелец. Обе стороны представлены адвокатами, и существует регулярная судебная процедура. В этом случае перед нами сравнительно современный процесс судебного разбирательства, в то время как ирландская форма является конвенциализованным методом насильственного захвата.

Однако валлийские тексты фиксируют другой легальный способ заявления своих прав на землю, а именно разожжение огня в очаге предков (dadannudd). Очевидно, это был устаревший обычай, не ясный для самих правоведов; но он служит свидетельством использования в прошлом древнего кельтского обычного права[37]. **[133]**

Ирландские саги больше рассказывают о жизни простого народа, чем валлийские Мабиногион. Среди свободных людей наиболее ревностно охраняемой собственностью была честь, которая ценилась больше жизни.

В саге об "Изгнании сыновей Уснеха" Дейрдре взывает к чести Найси, и он не может отказать ей в просьбе похитить ее. Его братья пытаются отговорить Найси, но когда они узнают, что это дело чести, они обещают его поддержать. Точно так же в саге "Пир в Дун-на-Гед" оскорбление, нанесенное Конгалу на пиру, привело к битве при Мойре. Самым важным пунктом в правовом статусе каждого свободного человека является его "цена чести"[38], и от нее зависит размер возмещений за причиненный ему ущерб.

Честь знатного человека, даже короля, находилась под угрозой сатиры (аег) поэта, которой чрезвычайно боялись. Отказ выполнить просьбу поэта или соответствующим образом вознаградить его за поэму мог повлечь за собой сочинение сатиры, и в сагах

поэтическая сатира могла даже лишить человека человеческого облика. Требования поэтов и готовность остальных согласиться с ними, какова бы ни была цена, являются навязчиво повторяющейся темой.

Слово, обозначающее формальную просьбу поэта,- ailges (ail, "упрек", ges, "просьба"). Слово ges, geis (мн. ч. gessa) приобрело особое значение "табу, запрета" и выражает идею, знакомую всем нам в простой форме суеверного избегания определенных действий или обстоятельств. Однако в раннем ирландском обществе гейс обладал огромным значением, хотя его сложно определить. Он мог налагаться на звание, например на короля, или на место, или на вещь: гейсом для каждого было повернуться к Эмайн Махе левой стороной колесницы; свои гейсы могут быть у копья или меча[39]. Однако в обычном случае это были ограничения, налагаемые на отдельного индивида. Для Фотада Канайнне был гейс пить эль, если при нем не было голов убитых. Для Кухулина ("Пса Куланна") есть собачье мясо, а для Конайре, отцом которого была птица, охотиться на птиц; однако у Конайре было много других гейсов, и он погиб, нарушив их[40]. Древний трактат о гейсах королей Ирландии содержит некоторые любопытные условия. Для короля Тары гейс был находиться в постели на восходе на равнине Тары, или отправляться в среду на Маг Брег, или путешествовать по Маг Куилинн после захода солнца. Король Лейнстера не мог находиться девять дней на Маг Куаланн, ехать через Белах Дуйблинне в понедельник или спать между Дублином и рекой Доддер. Король Коннахта не мог объезжать кругом Круахана в праздник Самайн. Король Ульстера не мог есть мясо быка Дайре мак Дайре, он не мог пить воду **[134]** из реки Бо Немид между зарей и сумерками. Это только некоторые из гейсов, так как их семь для королей Тары и пять для всех остальных королей[41].

Короли и знать жили в обнесенных оградой земляных укреплениях (dun или raith), внутри которых находилось несколько деревянных строений. Возле укрепления находилась лужайка (faithche), вероятно, служившая домашним выгоном. Многочисленные саги описывают пиры ирландцев. "Повесть о кабане Мак-Дато", "Пир у Брикрена", "Пир в Дун-на-Гед"; а в Лейнстерской Книге мы находим описание и даже план пиршественного зала в Таре, в котором расписаны места, закрепленные за гостями, и части туши, подаваемые им. Хотя эти источники и не историчны в строгом смысле, они говорят о том, что воспринималось средневековой ирландской аудиторией как традиция.

В обычный рацион входили хлеб и каша, но на пирах подавались телятина и свинина, а также пиво (coirm). Также подавался мед (mid), а в особых случаях и вино. Главная трапеза проходила вечером. В центре королевского пиршественного зала горел очаг, а над ним находился котел. Рога для питья наполнялись пивом из бочонков. Гости располагались на ложах (imdae), расставленных рядами от стены к очагу. Почетные места рядом с королем распределялись в соответствии со статусом пирующих.

В саге "Пир в Дун-на-Гед" (XI век ?) говорится, что, когда верховным королем был король из южных Уи Нейллов, король Коннахта находился по его правую руку, а когда верховным королем был король из северных Уи Нейллов, по его правую руку располагался король Ульстера, а король Коннахта - по левую. В "Битве при Маг Рат", более ранней саге, приводится несколько иное и более подробное описание: Верховный король сидит в середине зала, король Мунстера справа от него в южном конце, король Ульстера слева в северном конце, король Коннахта за ним на запад и король Лейнстера перед ним на восток. В этом случае короли занимают места в соответствии с их географическим расположением, однако мы сомневаемся, имело ли когда-либо место такое собрание гостей.

Мужчины и женщины носили leine, льняную нательную рубашку, шаг, короткую тунику, а на них надевался шерстяной плащ (brat), закреплявшийся брошью (deig), зачастую служившей драгоценным украшением. Кольца и браслеты изготовлялись из золота, серебра и электрума (finnruine).

Вооружение воина составляли щит (sciath), меч (claideb) и копье (gae, sleg); упоминаются и другие виды оружия, такие как bir, foga, копья **[135]** меньших размеров, и manafs, тяжелое, по словам 0'Курри, колющее оружие.

В том что касается способов ведения войны, саги Ульстерского цикла сохраняют традицию, хорошо соответствующую описаниям галльских обычаев, которые приводятся

античными авторами. Воины выезжают в бой на колесницах. Часто упоминаются вызовы на поединок и обезглавливание убитого противника. Тогда, как и позже, самым распространенным поводом для сражения служили угоны скота.

В исторические времена, если древние героические обычаи уже и устарели, вооружение и доспехи во многом оставались теми же до нашествия викингов, которое предъявило к ним новые требования и ввело новые его виды. Однако со времен О'Курри и Джойса не было проведено всестороннего изучения этого вопроса.

Основными занятиями знати были охота и угон скота. Дома они слушали поэмы филидов и бардов и повести рассказчиков. Обычным развлечением были настольные игры. Чаще всего упоминается игра фидхелл (валл. gwyddbwyll), "знание дерева", а другими играми были brandub, "черный ворон", и buanfach, "длительный бой". О фидхелле нам известно только то, что играющие делали ставки и что на доске, разделенной на белые и черные квадраты, было два набора фигур.

Дети играли в мяч; игра иногда называется ain phuill - "загнать в яму". В "Похищении Быка из Куальнге" говорится, что у каждого игрока был мяч, и одна сторона нападала, а другая защищала ворота попеременно.

Год разделялся на два периода по шесть месяцев праздниками Бельтан или Кетхамайн (1 мая) и Самайн (1 ноября), и оба эти периода равным образом разделялись праздниками Лугназад (1 августа) и Оймелк или Имболг (1 февраля). Первое название содержит слово, обозначающее "огонь" (tene, то есть "огонь Бела" ?), и существует традиция, согласно которой в этот день друиды прогоняли скот меж двух костров для защиты от болезней[42]. Второй праздник, Самайн, был самым крупным праздником в году, вероятно праздником урожая. Это слово может означать "конец лета", но это не точно[43]. Лугназад означает "праздник Луга", а Оймелк, скорее всего, "овечье молоко", то есть название сезона ягнения.

Основной чертой как валлийского, так и ирландского общества является его сельскохозяйственный характер. Не было городов и даже деревень в английском смысле слова. Городская цивилизация оставалась чуждой островным кельтам, пока она не была навязана им завоевателями. После отвода римских легионов из Британии бритты покинули города и лагеря и вернулись к своему сельскому образу жизни. **[136]** В Ирландии, даже после норманнского нашествия, города были норманнскими крепостями, в которые не допускались ирландцы. Древние города, Дублин, Уотерфорд и Лимерик, были построены викингами; более поздние, такие как Трим, Килкенни и Клонмел,- норманнами. Город, с его рынком, с корпоративными правами и обязанностями, был чужд кельтскому обществу. Первые ирландские монеты были отчеканены для Сихтрика III Дублинского в конце X века. Хьюэл Добрый первым из королей начал чеканить монету в Уэльсе. До норманнского нашествия в Ирландии не было своей монеты. Торговля осуществлялась путем обмена, стоимость определялась количеством голов скота, а главным местом торговли были народные собрания, в Ирландии oenach, давшие свое имя современной ирландской скотоводческой ярмарке. Валлийские законы определяют сумму штрафа в деньгах, так как они относятся к позднему времени, но сохраняют и воспоминания о прежней практике. Закон гласит: ar warthec y telyt pob tal gynt, "прежде все выплачивали скотом"[44]. В Ирландии даже поздние комментаторы продолжали вести счет в головах скота долгое время после норманнского вторжения, когда уже были введены деньги. Но в действительности ирландцы не без труда перешли к денежной системе, поскольку сделки иногда заключались не в деньгах, а в унциях золота и серебра даже в XVI веке[45].

Этот консервативный характер островного кельтского общества вызывает особый интерес, а кое-что от него сохраняется и до сих пор, Сельская местность Уэльса и Ирландии с ее разбросанными фермами и чересполосицей даже сегодня отражает древнее деревенское установление, когда владельцем земли был весь клан. Эванс в своем "Наследии Ирландцев" и Аренсберг в "Ирландском Крестьянине" показали, по крайней мере для Ирландии, сколь медленно проникают перемены в эту среду. **[137]**

ГЛАВА 6.
Ранняя история современных кельтских королевств

Союз между правящими домами Дамбартона и Дал Риады (см. выше с. 105), по-видимому, распался после смерти Аэдана. В 642 г. его внук Домналл Брек предпринял крайне неудачную экспедицию против бриттов в верховьях Каррона, над которыми предводительствовал их король Оуэн Дамбартонский, побочный потомок Риддерха Старого и торжествующие бриттские барды сложили песнь о том, как "вороны оторвали голову Домналла Брека"[1] - интересный намек бриттской панегирической поэмы на победоносного бриттского вождя. После этого мы больше ничего не слышим об агрессии Дал Риады. Приблизительно на протяжении столетия история шотландского королевства по большей части представляет собой сообщения о внутренней борьбе за верховенство между Кинел Лоарн и Кинел Габран.

Тем не менее продолжалось постепенное проникновение скоттов на восток, на территорию пиктов. Уже в 628 г. Анналы Ульстера называют сына Аэдана, Эохайда Буиде, rex Pictorum, так что вполне возможно, что династия Дал Риады на протяжении нескольких поколений усиливала свое влияние среди пиктов на востоке, если не прибегала к прямому захвату. Название Атолл (Atholl), происходящее от Ath-Fotla, "вторая Ирландия" или "новая Ирландия"[2], скорее всего, было дано этой области самими скоттами уже к началу VIII века[3]. Первоначально это было одно из королевств южных пиктов со столицей в Сконе.

К середине VIII века Дал Риада пришла в столкновение с Энгусом мак Форгусом, самым могущественным из всех королей южных пиктов. Его точное происхождение неизвестно, но, по всей видимости, он представлял новую династию. В течение века, предшествовавшего **[138]**объединению пиктов и скоттов (см. ниже), четыре королевства южных пиктов с различным успехом боролись за первенство между собой, однако итогом этой борьбы стало воцарение Энгуса мак Форгуса[4], основная резиденция которого традиционно находилась в фортевиоте в Фортреине, но с которым, очевидно, были связаны и пикты Файфа с их столицей в Килримонте или Сент-Эндрюсе. В действительности, вполне возможно, название Фортренн включало в себя также современное графство Ангус, как и Файф, и пиктское королевство Ангус со столицей в Форфаре сохранило это название. Уже между 706 и 717 гг. его король Нехтан IV смог вести независимые переговоры с Кеолфритом, епископом Ярроу в Нортумбрии о заключении, в сущности, политического союза.

В 741 г. ирландские анналы отмечают percussio Dal Riatai ("опустошительное нападение") Энгуса на Дал Риаду. Несмотря на это, в том же году началось долгое и блестящее правление в Дал Риаде Аэда Финна, и в 749 г. мы узнаем об "ослаблении" власти Энгуса, а в 768 г. о вторжении в Фортренн Аэда, которого Фланн Майнистрех[5] называет "Аэд Опустошитель", а Дуан Альбанах[6] ("Шотландская поэма") именует Aed ard-flaith, "Аэд Верховный Господин". Таким образом, из Дал Риады против пиктов велось серьезное наступление, и представляется вероятным, что именно в этот период скотты Дал Риады глубоко проникли в Атолл и Файф.

Период между 765 и 973 гг. очень туманен, поскольку здесь нам не могут помочь ирландские анналы, до сих пор бывшие нашим главным проводником в истории Дал Риады. Тем не менее этот период должен был обладать важным значением, так как мы находимся накануне объединения пиктов и скоттов; к сожалению, пикты оставили очень мало достоверных текстов даже в это позднее время. Объединение, скорее всего, протекало как постепенный процесс, большей частью путем смешанных браков, и через некоторое время после 781 г. королевские династии Дал Риады и пиктов оказались до некоторой степени едины, ибо после смерти Фергуса, преемника Аэда Финна, четверо из девяти королей Дал Риады между ним и Кеннетом мак Альпином (см. ниже) носят пиктские имена, и это не могло быть результатом завоевания, поскольку эти пиктские имена появляются только после 781 г. (года смерти Фергуса), когда в анналах нет ни единого намека на завоевание, которое могло бы их вызвать. Более того, все пиктские короли, правившие в Дал Риаде, носят далриадические имена, за исключением Константина (ум. 820 г.). Нет сомнений, что пиктский порядок наследования по женской линии вместе с наследованием по отцу в соответствии с институтом танистри в королевском доме Дал Риады во **[139]**многом облегчили объединение двух народов путем

смешанных браков. Действительное объединение пиктов и скоттов, давшее современную Шотландию, произошло, по-видимому, где-то около середины IX века при Кеннете мак Альпине (ум. 858 г.), возможно, в результате постепенного процесса; но теперь в полном разгаре были нападения викингов. Английский хронист XII века Генрих Хантингдонский, вероятно, в качестве материалов пользовавшийся документами правления Давида I, определенно приписывает первоначальный успех Кеннета в борьбе с пиктами тому, что он напал на них непосредственно после их тяжелого боя с датскими пиратами.

О приходе к власти рода Кеннета известно немногое. Отец Альпина принадлежал к королевскому роду Габрана, однако его имя говорит о пиктском происхождении его матери. Он правил в Дал Риаде на протяжении первой половины IX века, однако мы ничего не знаем о его родине и происхождении. Генрих Хантингдонский сообщает, что в 834 г. "Альпин, король скоттов, успешно сразился с пиктами, и многие знатные пикты были убиты"; но что спустя три месяца он был убит в другой битве, "будучи окрылен успехом", и что пикты отрубили ему голову[7].

По словам Генриха Хантингдонского, Кеннет напал на пиктов и достиг королевской власти в Альбе в 834 г., и успешно сражался с пиктами "семь раз в один день". Ясно, что как Альпин, так и его сын Кеннет восхвалялись в элегической поэзии, наложившей свой отпечаток на наши тексты. Этого и следовало ожидать от ирландского королевства, каким являлась Дал Риада, и в связи с этим к ним следует относиться с большой осторожностью. Хроника объединенных пиктов и скоттов, датируемая X веком, говорит, что Кеннет счастливо правил пиктами 16 лет и что он уничтожил их (delevit); другие тексты также сообщают о destructio пиктов. Что примечательно, ни одного намека на такое завоевание не содержится в памятниках ирланского, бриттского или английского происхождения. Анналы Ульстера, фиксируя смерти Кеннета в 857 г. (recte 858), называют его королем пиктов, и этот титул употребляется ирландскими и даже валлийскими хронистами до времени его внука. Однако настоящие подданные самого Кеннета и его преемников именуются "скоттами", и вскоре о пиктах остались одни воспоминания.

Ирландское королевство Аргайл также постепенно распространило на север и запад Шотландии свой язык, ставший с XVII века известным под названием гэльский[8]. После IX века пиктский язык исчез, а языком Южной Шотландии оставался бриттский, на котором там говорили с доисторических времен. Английский язык еще не вытеснил **[140]** бриттский в восточном Лоуленде. Происходило ли широкомасштабное распространение гэльского между V и IX веками? Это возможно; но соблазнительно предположить, что новое ирландское влияние появилось раньше иммиграции сыновей Эрка в V веке н. э. На самом деле мы можем даже предположить, что ирландцы пересекли море в более ранний период и что сведения о сыновьях Эрка в действительности фиксируют не начало иммиграции, а ее последнюю стадию. Не вдаваясь в обсуждение сложностей, которые, как считается, вытекают из такой точки зрения, мы можем вспомнить, что Беда, описывая ранних обитателей этого острова (H. E. I, V), упоминает, что "скотты" из Ирландии переселились сюда под руководством своего вождя Реуды и "либо честными средствами, либо силой оружия утвердили для себя те поселения среди пиктов, которыми они до сих пор владеют. По имени их предводителя,- добавляет он,- они до сего дня зовутся далреудины; ибо на их языке Dal означает часть". Был ли Беда прав, прибыла ли ирландская династия в Аргайл ранее V века? Беда не называет время, но этот отрывок представляет особенный интерес, потому что некоторые имена, приводимые им, имеют архаическую форму приблизительно 700 г., которую Беда должен был извлечь из современных ему источников.

Каким бы образом и когда бы ни пришли ирландцы, скоттский "ирландский" элемент, хотя в количественном отношении значительно уступающий пиктскому, теперь становится главенствующим во всей Шотландии, а сама Дал Риада теряет свою значимость. С IX века западное приморское королевство Дал Риада играет в истории незначительную роль. Центр власти смещается с запада на восток, а гэльский элемент в аристократии Шотландии превалирует, несмотря на свою малочисленность. Церковная столица уже располагалась в Данкелде у подножия Маунт Шихаллион на берегу Тея несколькими милями севернее Перта, куда она была перенесена Константином, королем пиктов (ум. 820 г.)[9]. Короли Дал Риады теперь живут и правят в древних пиктских

королевствах. Фланн из Монастербойса говорит, что Кеннет мак Альпин "был первым королем гэлов (то есть ирландцев), который владел королевством Сконе (то есть Атолл)", которое уже в сущности было ирландским. Может показаться тем не менее, что, как и короли Берникии, шотландская королевская семья находилась в постоянном движении, так как мы обнаруживаем ее представителей также в Абернети, Фортевиоте и Розмарки - в Южной Пиктавии - и, очевидно, члены семьи не всегда находились в одном месте. Сам Кеннет умер в своем дворце в Фортевиоте в Фортренне. С тех пор, однако, главной королевской резиденцией стал Скон, неподалеку от римского лагеря **[141]**Грасси Уоллс (Grassy Walls) в Парке Скон в Атолле на живописном берегу Тея вблизи Перта. Холм сразу же за дворцом в Сконе до сих пор служит напоминанием о традиционном жилище пиктских королей - королей племени круитни.

Теперь мы обратимся к одной из самых интересных страниц истории Уэльса, приведшей к захвату власти над Северным Уэльсом Родри Великим (ум. 878 г.), внук которого Хьюэл Добрый (ум. 950 г.) первым подчинился английскому королю. Важнейшими чертами этой стадии являются, во-первых, постепенный процесс унификации отдельных валлийских королевств за счет ряда династических браков в течение нескольких поколений; во-вторых, поражение датской армии и смерть, короля датчан Горма от рук Родри Великого; и в-третьих, конец валлийской изоляции, отправная точка развития интеллектуальной жизни Уэльса и начало тесных контактов с Уэссексом, а затем и с континентом. Чрезвычайно важной представляется также роль, которую в валлийской политике играл уэссекский дом, особенно Альфред Великий. Значимость кельтских симпатий и влияние Альфреда на валлийскую политику представляют собой одну из самых важных ненаписанных глав в ранней истории нашей страны. Кельтские политические заботы Альфреда не нашли своего полного отражения в Англо-Саксонской Хронике, поскольку у хрониста были совершенно иные ориентиры; однако мы обнаружим их в "Житии короля Альфреда", написанном Ассером, основном источнике по этому вопросу, в особенности в отношении Южного Уэльса.

В начале IX века, либо в 816-м, либо в 828 г.[10], в порядке наследования престола Гвинедда по отцовской линии произошли некоторые изменения[11]. Мервин Врих (Merfyn Vrych) (ум. 844 г.) был сыном Этилльт (Ethyllt), прямой наследницы "островного дракона" Маелгуна, Катаманна знаменитой надписи с острова Англси (см. выше с. 111), а также великого Кадваллона, убившего Эдвина Нортумбрийского. Его материнская линия была самой известной в Уэльсе. Валлийские исторические тексты не позволяют с полной уверенностью проследить род отца Мервина, но валлийская поэзия и генеалогии полагают, что он происходил из "людей севера", являясь потомком как знаменитого рода Коэля Старого, так и династии Дивнуала Старого (Dyfnwal Hen) из Дамбартона, преемники которых успешно защищали наши северные границы на протяжении позднеримского периода. Этот род возводит свое происхождение к Лливарху Старому, двоюродному брату великого Уриена Регедского, и к другим, чьи имена появляются среди ближайших родственников Мервина, но непривычны для остального Уэльса, **[142]** хотя засвидетельствованы у "людей севера". Вероятно, экспансия на запад Нортумбрии вытеснила ветви древней династии с их наследственных земель, особенно из Голуэя, вынудив их отправиться через море в Ирландию и на остров Мэн[12]. Ирландские Анналы Улъстера s. a. 657 (recte 658) фиксируют смерть "Гурета (Гуриада)[13], короля Алклуате" (Дамбартон), в то время как знаменитый Мэнский Крест, с надписью Crux Guriat[14], приблизительно времен Мервина, предполагает, что его род скорее всего мог прибыть в Гвинедд непосредственно с острова Мэн.

В поэме, известной под названием *Cyfoesi*, мы находим упоминание о "Мервине Врихе из земли Манау"[15], а в Триаде № 68 мы читаем о "Гуриаде, сыне Гуриана на севере", что, вероятно, указывает на Гуриата современного Мэнского Креста. Это имя является также именем отца Мервина Гуриата и именем его сына или внука[16]. Представляется очевидным, что предки самого Мервина были среди вождей "людей с севера" и что имена их ближайших родственников в Уэльсе были среди имен его предков по отцовской линии. Какими бы ни были его непосредственная родина и происхождение, Мервин утвердился в Гвинедде и вошел в королевский дом Поуиса, женившись на Нест, сестре Конкенна или

Кингена (Concenn, Cyngen) (ум. 854 г.), последнего короля из древней династии Поуиса. После этого королевство Поуис, очевидно, перешло к династии Мервина Вриха, а после его смерти к его сыну Родри Великому.

Мервин был выдающимся королем. Из рукописи, сохранившейся в Бамберге в Баварии, основывающейся на оригинале IX века, мы знаем начальные строки письма - возможно первого дошедшего до нас валлийского письма - Мервина Гвинеддского к Конкенну или Кингену, королю Поуиса, его шурину: Mermin rex Conchen salutem, "Мервин король приветствует Конхена". Письмо содержит ученую криптограмму[17], а в самом письме Мервин обращается к своему соседу в изысканных выражениях, из чего становится ясно, что его двор (названный arx) был высокообразован и что служить при нем могли лишь люди, достигшие определенного интеллектуального уровня - там говорили на латыни, вероятно, немного на греческом и по крайней мере на двух кельтских языках. Через arx Мервина, несомненно, пролегал самый короткий и наиболее привычный путь из Ирландии на континент, так как в письме предполагается, что за подателем письма последуют другие путешественники. И действительно, именно на этот период приходится всплеск активности ирландских ученых в скрипториях континентальных библиотек, и мы понимаем, что на их пути существовали особые заезжие дома для ирландских, а также британских peregrini. **[143]** Поэтому, читая о том, что шурин Мервина Конкенн, король Поуиса, которому и написано это письмо, умер в Риме в 855 г., мы знаем, что а то время он был лишь одним из представителей движения пилигримов из Британии и Ирландии. Альфред Великий дважды совершал путешед ствия из Уэссекса в Рим.

В интеллектуальном отношении правление Мервина[18] было, суда по всему, в высшей степени значимо. Именно в этот период в их настоящей форме были составлены *Анналы Камбрии*[19], а также важнейший текст "Истории бриттов". По всей видимости, в тот же период и в той же обстановке впервые были записаны генеалогии северобританских князей[20]. В целом наши данные позволяют говорить о том, что в Уэльсе, в Гвинедде, приблизительно в начале IX века расцвела школа изучения древности и что на протяжении этого столетия она пользовалась уважением и поддержкой при дворах Мервина и его сына Родри, начиная с IX века валлийские ученые, очевидно, достигли определеной известности и на континенте.

Именно этому периоду мы обязаны также нашими знаниями о ранней валлийской поэзии. Мы видели в 62-й главе "Истории бриттов" что "прославились своми стихами Тальгерн Татагвен, и Анейрин, Таллиессин, и Блухбард, и Циан, который прозван Гвеинт Гваут; в они в одно время прославились своими стихами на языке бриттов). Название большого собрания ранней валлийской поэзии в нашей единственной сохранившейся рукописи утверждает, что этот сборник был составлен самим Анейрином. Другой дошедший до нас сборник поэзии считается произведением Талиесина, однако они едва ли мог; датироваться этим периодом. Содержание поэм приводит нас к заключению, что Анейрин и Талиесин были придворными бардами двора Манау Гуотодин и двора Уриена Регедского соответственно. Мы не знаем, где впервые были записаны эти произведени. но на основании лингвистических данных это произошло.ю скорее всего, где-то на территории Уэльса в IX веке. Мы даже не знаем, где были написаны дошедшие до нас рукописи, но опять-таки это было почти наверняка в Уэльсе или, менее вероятно, в Кумбрии. Содержание поэмы по-видимому, было хорошо известно литературному кругу Гвинедда; и, по всей вероятности, они были впервые записаны в той же сред что и сказания, хроники и генеалогии северных князей, то есть в Северном Уэльсе в IX веке. Как и в Ирландии, латинская ученость использовалась для записи устных преданий прошлого, вероятно, в интересах правящих династий. Центром культуры и местной устной традиции был Гвинедд, а ответственность за запись этих текстов, очевидно, в основном несет двор, сначала Мервина, а позднее его сына **[144]** Родри. Здесь острее, чем где-либо еще, чувствовалась необходимость восхваления северных предков, великолепных северных преданий и устной литературы ранних представителей рода Мервина. Эти произведения представляли собой бесценный вклад в престиж новой династии, притязавшей на происхождение от северного короля Лливарха Старого.

Мы можем считать, хотя и не можем этого доказать, что большим интеллектуальным достижением правления Мервина и его сына Родри явилась письменная фиксация

древних северных эпических преданий, традиций "Героического Века" Северной Британии. Сказания героического прошлого их династии на севере должны были сыграть значительную роль для обоснования антианглийской политики, а также для приобретения поддержки непосредственных последователей и широких кругов населения в принявшей их стране, поскольку, возможно, они продолжали считаться в Северном Уэльсе недавними пришельцами.

Важная роль двора Северного Уэльса того периода едва ли получила должную оценку. Сначала Мервин, а затем его сын Родри вывели Уэльс из его изоляции, познакомив его с интеллектуальной жизнью Европы. Мервин и Родри внесли значительный вклад не только в литературную, но и в политическую историю Уэльса, целенаправленно стремясь к объединению страны, не с помощью насилия, а исключительно политическими методами, путем ряда дипломатических браков. Мы видели, что Мервин взошел на трон благодаря браку его отца Гуриада с Этилльт, дочерью Кинана, последнего короля островной линии Гвинедда, и что Мервин женился на Нест[21], сестре последнего короля древней династии Поуиса.

Отпрыском этого союза стал Родри Маур (Rhodri Mawr), Родри Великий. Поэтому по материнской линии он был наследником Поуиса точно так же, как Мервин унаследовал Гвинедд от Этилльт, и после смерти Кингена в Риме в 855 г.[22] Родри стал королем Поуиса[23] вдобавок к Гвинедду. Вскоре после 872 г. Родри сам женился на Ангарад (Angharad), сестре Гугона (Gwgon), короля Кередигиона, и тем самым завладел большим королевством Сейссиллуг, которое образовалось веком раньше после объединения Кередигиона с Истрад Тиви, отрезав маленькое "ирландское" королевство Дивед или Пемброк от остального Уэльса. Дивед не ожидало ничего, кроме медленного удушения от рук сыновей Родри. Он был взят в клещи. Как бы то ни было, внук Родри Хьюэл Добрый, сын Каделла, сына Родри и Ангарад, рассеял опасения Хивайдда (Хемейда) (Hyfaidd, Hemeid), короля Диведа, и обратил врага в друга, женившись на его внучке Элен, **[145]** так что после смерти сына Хивайдда Лливарха в 892 г.[24] Хьюэл присоединил Дивед к Сейссиллугу, отныне части своего домена, а в конечном итоге, став наследником сыновей Родри Великого, присоединил и Поуис.

Это был поистине замечательный род. Путем ряда дипломатических браков и, очевидно, без единого выстрела за четыре поколения он стал господином большей части Уэльса. Уже к середине IX века Родри был величайшим человеком Уэльса и основателем могущественной династии. Однако почву для него подготовил уже Мервин. Его брак с Нест из Поуиса, должно быть, состоялся именно в тот момент, когда и Поуис, и Гвинедд страдали от опустошительных нападений мерсийцев; а Мерсия получала помощь от Уэссекса. И несомненно, Мервин вступил в союз со своим соседом в этой самой богатой и самой уязвимой части Уэльса именно с целью создания единого фронта против английской агрессии. История этих браков, возможно, предполагает, что в прежние времена в Уэльсе, как и у пиктов, наследование могло происходить по женской линии, а некоторые отрывки литературного повествования в Мабиногион также придают этому предположению некоторое правдоподобие. История постепенного объединения Уэльса, как и долгая жизнь многих валлийских династий, показывает ошибочность представления о воинственности кельтских народов.

И все же военные достижения Родри едва ли менее важны, чем его политика консолидации. В 855 г. (recte 856) *Анналы Ульстера* фиксируют смерть "Хорма" (норв. Горм), вождя датчан, от рук Руадрайга, сына Мейрминна, "короля бриттов". Слух об этом выдающемся успехе, вероятно, дошел до двора Карла Лысого в Льеже, который приблизительно в это же время был настолько запуган викингами, что Седулий Скотт ("ирландец"), придворный Карла, написал оду на победу Родри над датчанами[25]. В 876 г. *Анналы Камбрии* сообщают о "воскресной битве" на Англси, без сомнения, против датчан, и это, конечно, служит объяснением записи 876 г. (recte 877) в *Анналах Ульстера*, которые сообщают, как Руайдри, сын Муирминна, король бриттов, прибыл в Ирландию, спасаясь от Черных Чужеземцев (то есть датчан); а в следующем году в *Анналах Камбрии* фиксируется смерть Родри и его сына[26] Гуриада от рук саксов. Его держава была разделена между его сыновьями: Анарауд, вероятно, старший, взял себе Гвинедд и Англси, Каделл, видимо, завладел Сейссиллугом, где его потомки правили много

поколений. Доли, доставшиеся четырем другим сыновьям, неизвестны[27].

Родри, как и "люди севера", был вынужден сражаться на два фронта. Его внезапная смерть стала тяжелейшим ударом для валлийцев. На **[146]**западе все возрастала сила датчан; на востоке все большую опасность представляли англичане как Мерсии, так и Уэссекса. Когда Родри унаследовал Поуис, он стал наследником не только богатейшей части Уэльса, но и древней вражды на ее границах, свидетельством которой служит ров Оффы, сооруженный в конце VIII века. Незадолго до этого во время правления Элиседда, короля Поуиса (память о котором запечатлена на кресте неподалеку от Лланголлена, обычно называемом столб Элисега), валлийцы были достаточно сильны для того, чтобы захватить некоторые земли; однако в 822 г. Анналы Камбрии сообщают о разрушении Деганнви саксами, которые "взяли земли Поуиса в свою власть" (in sua potestate). В 828 г. Англо-Саксонская Хроника сообщает о том, что Эгбрихт, король Западной Саксонии, завоевал Мерсию и принудил Уэльс к повиновению, тем самым в первый раз приведя Уэссекс к прямому конфликту с Уэльсом.

Поколение спустя в 853 г. Англо-Саксонская Хроника говорит, что мерсийцы под руководством своего короля Бургреда получили помощь от Этельвульфа, отца Альфреда Великого, и совершили поход на Уэльс, покорив эту страну. Именно этот период покорения Поуиса Бургредом Мерсийским с помощью Уэссекса сэр Ивор Уиллмс считал исторической основой печальных стихотворений, приписываемых Лливарху Старому. Вряд ли можно сомневаться, что этот острый момент высшего политического напряжения послужил причиной паломничества Кингена в Рим.

Смертью Родри от рук саксов завершилась долгая борьба за власть не только между Поуисом и Мерсией, но и на ее поздней стадии между Гвинеддом и Уэссексом. Ассер полностью осознавал вклад династии Гвинедда в создание объединенного Уэльса, выразившийся в том, что именно она объединила скопление маленьких государств в сплоченную державу. Аннексия Поуиса Хьюэлом Добрым, внуком Родри, явилась лишь завершающей фазой этого процесса. Ассер говорит, что после смерти Родри его сыновья в согласии действовали против других южных государств, и именно Уэльс сыновей Родри, Гвинедд на севере и Дехьюбарт на юге, Ассер имеет в виду, когда дает Уэльсу напыщенный эпитет Brittania. В годы правления Мервина и Родри блеску "людей севера" было суждено расцвести вновь и обрести свое наивысшее выражение как в политическом, так и в интеллектуальном отношении. Мы обнаруживаем у Родри эпитет Великий в самой первой генеалогии этой династии[28]. "История бриттов", составленная в этом столетии, постоянно подчеркивает сохранение в Уэльсе римских традиций. В годы правления Альфреда Ассер из Сент-Дэвида подчеркивает упорное стремление Родри и его преемника Анарауда к заключению **[147]** договора с нортумбрийцами. Не может быть никаких сомнений, что за всеми действиями Родри и его сыновей лежало стремление к объединению бриттской нации и в конечном итоге к завоеванию саксов, чего желал и их предок Кадваллон. И частично в свете именно этих идеалов, помня также об общности происхождения и языка, мы должны рассматривать важность, приданную традициям и поэзии Кумбрии и северных бриттов в Гвинедде IX века. Все воспоминания о героическом прошлом были призваны на службу этой великой цели, которая даже после смерти Родри вдохновляла последнюю великую валлийскую героическую поэму Armes Prydein[29] ("Судьба Британии"), сочиненную не ранее 900 г. и не позднее 930 г.

Было бы интересно узнать, каким образом Ассер впервые встретился с Альфредом. С его собственных слов можно понять, что он прибыл как беглец, так как он говорит о своем короле Хивайдде Диведском, который часто разграблял монастырь св. Давида и изгонял его обитателей; также он говорит о своем родственнике, епископе Нобисе и о себе самом как об изгнанниках[30]. И все-таки поразительно, что и Альфред, и Вильгельм Завоеватель считали необходимым устанавливать постоянные отношения с Диведом и церковью св. Давида. Была ли причиной этого ирландская угроза? Мы, конечно, должны связывать интерес Альфреда к Сент-Дэвиду - церкви и монастырю, полностью ирландским по своему характеру - с его пожертвованиями ирландской церкви, о которых мы узнаем от Ассера (гл. 39), а также с другими указаниями Ассера (гл. 76, 91) на интерес Альфреда к Ирландии. В дополнение мы располагаем уникальным описанием посещения его двора тремя ирландцами и заметкой о смерти ирландского писца Свифнеха (из

Клонмакнойса), о которых говорится в 891 г. в Паркеровском тексте Англо-Саксонской Хроники[31]. Живя на валлийской границе, Альфред понимал, что Уэссекс и Мерсия не могут рассчитывать на безопасность своих западных границ, имея в тылу постоянного и непримиримого противника.

Хьюэл Добрый начал свою карьеру как сонаследник Сейссиллуга, разделив власть со своим братом Клидогом, но, вероятно, правил один после смерти своего брата, случившейся через два года после их подчинения Эдуарду Старшему. Хьюэл, несомненно, приобрел Дивед путем брака с Элен, внучкой Хивайдда Старого. Еще ранее он посетил Рим и после своего возвращения в течение всей своей жизни оставался тесно связанным с английским двором. В Англо-Саксонской Хронике, MS D., s. a. 926, мы читаем, что Хьюэл из "западных валлийцев"[32] и Оуэн из Гвента, в сущности весь Южный Уэльс, покорились Ательстану. Когда десять лет спустя князья-данники объединились **[148]**против Уэссекса, только Южный Уэльс остался в стороне, несомненно, под влиянием Хьюэла.

Хьюэл долгое время не претендовал на Северный Уэльс, о чем свидетельствуют хартии, так как он и его двоюродный брат Идвал Воел ап Анарауд (Idwal Foel ap Anarawd) при Ательстане самостоятельно правили Северным и Южным Уэльсом. Но когда в 942 г. Идвал и его брат или, возможно, сын Кинген были убиты в бою с саксами, Хьюэл присоединил к своим владениям Гвинедд и Поуис, тем самым постепенно став на правах наследника и с помощью династического брака единственным правителем Уэльса при Ательстане.

Английские симпатии Хьюэла в полной мере проявляются как в участии, которое он принимал в английской правовой процедуре, так и в английском влиянии на его собственные валлийские установления (см. выше с. 130). Ательстан часто созывал subreguli на встречи, когда они подтверждали дарования земель, и время от времени среди свидетелей появляются имена валлийских князей; а в 928-949 гг. на каждой хартии, содержащей валлийские подписи, появляется имя Хьюэла, причем всегда первым. Одна из таких дарственных, совершенная в Лутоне в 931 г., содержит запись: † Ego Howael subregulus eonsensi et subscripsi ("Я, Ховаэл, вассальный правитель, согласился и подписал").

Крест, несомненно, является отметкой Хьюэла, заменяя его подпись. Английское влияние вновь проявляется в серебряном пенни, хранящемся в Британском музее, отчеканенном валлийским королем. На лицевой стороне монеты находится легенда "Howael Rex".

Интересно представить себе, какой могла бы быть история Уэльса, если бы Родри не был убит на войне с саксами. Ему не удалось захватить Дивед, хотя он и окружил его; и именно отсюда Альфред с помощью Ассера проводил проанглийскую политику среди князей Южного Уэльса, политику, которая принесла свои плоды в виде союза между внуком Родри Хьюэлом Добрым и внуком Альфреда Ательстаном в следующем столетии. Когда Альфред смог противопоставить поддержку Ассера и присягу южноваллийских князей амбициям сыновей Родри, война между противоположными политическими направлениями северо- и южноваллийских князей - между кельтским политическим сепаратизмом и надеждой на освобождение от саксов, с одной стороны, и союзом с Англией ввиду общей датской опасности, с другой,- в сущности завершилась. Присоединение Поуиса Хьюэлом Добрым, его подчинение сыну Альфреда Эдуарду Старшему в 918 г. и его позднейшее подчинение Ательстану были только завершающими стадиями этого процесса. **[149]**

В целях и достижениях Родри Маура и Альфреда Великого существует определенное сходство. В результате давления викингов оба преуспели в создании из группы небольших единиц относительно консолидированных государств, каждый из них вел борьбу за выживание с внешними врагами. Каждый из них был первым в истории своей страны, получившим эпитет "Великий", вероятно по примеру западного императора Карла Великого. Каждый имел определенное представление о состоянии дел на континенте. Смерть Родри и быстрое возвышение Альфреда, несомненно, облегчили задачу объединения при Альфреде и Ательстане сначала князей Южного, а в конечном итоге и всего Уэльса, под верховной властью английского короля. В традициях Северного и

ЮжногоУэльса того периода мы наблюдаем переход от героических северных идеалов к южному политическому реализму. Но одновременно мы переходим от древнего мира к новой эпохе.

Мы видели, как в конце классического периода и после того, как варварские нашествия трансформировали Римскую империю, два народа Северо-Западной Европы продолжали развиваться без заметных изменений, следуя своим традициям. Германские народы Скандинавии и кельтские народы Британских островов, хотя никогда и не были полностью изолированы от континента и новых условий, возникших в результате падения Римской империи, не были напрямую затронуты этими событиями прежде всего в политическом отношении. Они продолжали следовать своими путями развития в относительной изоляции. Здесь усиление королевской власти происходило скорее по внутренним, чем по внешним причинам, не коснувшись целостности кельтских земель, исключая их окраины.

В течение VIII века из Северной Европы началось новое варварское нашествие, распространившееся на восток до России и на запад до Британских островов и периферийных стран Западной Европы. Благодаря своему размаху и опустошительному воздействию это движение получило среди историков название "эпоха викингов". Восточные или шведские действия скандинавских викингов сосредоточивались главным образом на Финляндии и в особенности на России, где великие реки Днепр, Дон и Волга служили для них путями в более богатые южные и восточные страны для экспансии, колонизации и образования городов-государств. Западные викинги в ранний период отправлялись в море большей частью из Норвегии, а их родину можно узнать по именам, под которыми они были известны в ирландских текстах того времени,- Lochlannach, народ Лохланна (Рогаланд), земли вокруг Ставангер-**[150]**Фьорда в Юго-Западной Норвегии; и, возможно, Hiruath, народ Херталанда, сразу на север от Рогаланда[33].

Причиной викингской эпохи, как и всех подобных варварских нашествий, была нехватка пищи. Норвегия в особенности, со своими длинными узкими горными хребтами и узкой прибрежной полосой, не могла прокормить быстро увеличивающееся население. Эмиграция в какой-либо форме стала неизбежной. Более точная датировка приписывалась различным причинам, одной из которых, как предполагалось, было изобретение около 600 г. киля[34], которое должно было оказать большое воздействие на морские суда, ходившие на запад в океан. Скандинавская традиция подчеркивает влияние политики короля Харальда Прекрасноволосого (ум. около 945 г.)[35], который стремился из своего первоначального королевства Вестфолда на юго-востоке Норвегии к объединению под своей властью всей страны. В результате этого эмигрировали многие независимые правители, чтобы добыть для себя другие земли, особенно в Исландии, на Фарерах и северных островах Британии.

Кельты сами были отважными мореплавателями, поскольку, как мы увидим, ирландский монах и ученый Дикуйл, около 825 г. написавший, вероятно, в монастыре Иона трактат De Mensura Orbis, говорит об островах, по всей видимости Фарерах, в океане к северу от Британии, на которых приблизительно в течение столетия обитали ирландские отшельники и которые подверглись опустошениям из-за набегов викингов. Он также говорит об острове Thile (очевидно, Thule, Исландия)[36], который ему описали тридцатью годами ранее священники, проведшие там несколько месяцев. Позднее, когда в конце IX века в Исландии поселились норвежцы, они обнаружили там каких-то ирландских отшельников, которых они называли papar (букв. "священники")[37].

По всей вероятности, непосредственные причины лавины, обрушившейся на Британские острова с севера, носили внешний характер. Из них первоочередной можно считать исчезновение из северных морей пиктского флота. Гильдас говорил о нападениях пиктов на Южную Британию в римские времена. Мы знаем от Адамнана, что в VI веке Оркнеи управлялись subregulus'ом (вассальным правителем) под верховной властью Бруде, могущественного короля северных пиктов, который, очевидно, владел всеми Гебридами - такую власть мог обеспечить только сильный флот. На западе пиктам могли угрожать новые кельтские флотилии, так как мы видели, что уже к V веку мореплаватели основали королевство Дал Риада в Западной Шотландии, приплыв туда из Северной

Ирландии, и мы имели возможность **[151]**оценить силу их флота после образования государства в Шотландии. Анналы Улъстера фиксируют экспедицию (fecht) Аэдана мак Габрана на Оркнеи около 580 г. из шотландского Аргайла. Пиктскому господству на западе был брошен вызов. На востоке моря в VII и VIII веках охранялись фризами, которые, несомненно, ограничили морские походы пиктов северными водами и тем самым уменьшили их власть. Можно считать определенным, что уничтожение сил фризов Карлом Мартеллом в 734 г. и их окончательное подчинение Карлом Великим предоставили викингам свободу передвижений в южных морях.

Но еще задолго до эпохи викингов[38] имела место широкомасштабная колонизация шотландских островов, частично совершавшаяся, по-видимому, мирным путем. Семья Регнвальда, ярла Мера, большой провинции в Западной Норвегии к югу от Трондхейма, поселилась в Northreyjar, "северных островах", то есть на Оркнейских и Шетландских островах, вероятно, не позднее 860 г., а Оркнеи и Northreyjar стали их наследственными землями[39]. Отсюда власть нового королевства распространилась по всей Северной Шотландии, а силу и богатство его двора можно оценить по числу скальдов или "поэтов", во множестве находившихся при дворе, панегирические и элегические поэмы которых сформировали основу исторических саг об оркнейских ярлах - jarlasaga, включенных в Orkneyinga Saga[40]. Это крупное государство являлось ключом к норманнскому миру на западе, и вскоре викинги сосредоточили свои усилия на завоевании Ирландии, стремясь превратить ее в полностью викингское государство. Именно эти мечты могут объяснить саги и поэмы и всю картину битвы при Клонтарфе[41] как крушение надежд викингов в Ирландии. Впрочем, мы говорим о конечной победе кельтов, еще не начав самого рассказа. Этому событию предшествовала долгая и тяжелая агония.

Самое первое королевство норвежцев на Британских островах датируется еще более ранним периодом. Оно включало в себя Гебриды, известные как Suthreyjar, "южные острова" (позднее Sodor), в отличие от Northreyjar, а также остров Мэн. Точная дата возникновения и происхождения Гебридского королевства неизвестны[42], но по большому количеству норвежской топонимики представляется вероятным, что норвежцы постепенно проникали в основное кельтское население уже в ранние времена[43]. Кельтские народы и норвержцы жили бок о бок на Гебридах на протяжении многих столетий. Гэльские диалекты Северных Гебрид включают норвежские элементы примерно с 800 г. н. э.[44], а население Гебрид на протяжении эпохи викингов считалось отдельным народом и получило особое название Gall-Ghaedhil (букв. "иноземные **[152]**ирландцы"), чтобы отличить их от первоначального гэльского населения.

Мы знаем, что это не защитило церкви - Иону и, вероятно, остров Эгг[45] и Фареры[46] от первых викингских походов; и в IX веке наши сведения о внутренней истории Гебридского королевства ограничиваются сообщениями о семьях, переехавших в Исландию[47]. Из промежуточного положения Внутренних Гебрид - между ярлством Оркнеев и Ирландией - мы можем предположить, что Гебридское королевство, вероятно, находилось в определенной зависимости от оркнейских ярлов. Этим, скорее всего, и объясняется скудность гебридских текстов и очевидное отсутствие центрального двора с поэтами-панегириками. С другой стороны, мы не располагаем данными о гебридском контингенте среди войск ярла Сигурда Оркнейского в битве при Клонтарфе в 1014 г., в то время как Гебридское королевство, центр которого находился на острове Льюис, действовало в Западной Ирландии на острие викингского нашествия. Остров Льюис был более норвежским, чем какая-либо другая часть Гебрид или гэльской Шотландии, и плотность норвежской топонимики здесь гораздо выше, чем в любой другой части кельтоязычной Шотландии[48].

Самый яростный удар викингов был нанесен по Ирландии. В начале IX века он привел к концу века святых, так как викинги первым делом предприняли широкомасштабное разрушение островных святилищ, особенно Инишмеррей у берегов Слайго, Скеллиг Михаел у побережья Керри и островов в устье Уэксфордской гавани, а также прибрежных монашеских поселений и мысов, таких как знаменитый монастырь св. Комгалла в Бангоре, графство Даун. Сразу же за этими внезапными и опустошительными грабительскими набегами в том же столетии последовали походы во внутренние области Ирландии, где были основаны базы для совершения дальнейших набегов внутри страны.

В этот ранний период ударную силу викингских нападений составляли норвежцы: дверью в Ирландию был Лимерик, а Шэннон - главным водным путем на север и восток. Флотилии базировались на озерах Лох-Ней и Лох-Ри. Именно с этих баз совершались нападения, В ходе которых был осквернен крупный религиозный центр Арма и были сожжены западные монастыри Клонмакнойс, Клонферт и Терриглас. Именно с запада были произведены первые значительные набеги на Лейнстер, и представляется, что именно Гебридское королевство, а точнее, королевство Льюис, было непосредственной базой для этого удара, нанесенного по сердцу Ирландии с запада в первой половине IX века. Во второй половине X века, когда викинги Лимерика образовали государство, **[153]**полностью независимое от Дублина, и сосредоточили усилия на формировании колоний в Мунстере, их непосредственная связь с Внешними Гебридами демонстрируется, по крайней мере в ирландской традиции, указанием на некоего Моранна, сына "морского короля острова Льюис", о котором говорится, что он был убит в Лимерике в бою против ирландцев. Между тем повторяемость имен Манус (др.-норв. Магнус) и Сомарлид (др.-норв. Сумарлиди) в обоих королевских родах предполагает тесную связь, может быть, смешанные браки, а возможно, даже совместное правление.

В течение всего IX и X века продолжалась широкомасштабная норвежская колонизация, распространяясь по восточному и южному побережью Ирландии. Дублин был укреплен в 841 г., а в Уиклоу, Уэксфорде, Уотерфорде и Корке были основаны норвежские порты. В X веке у каждого из них был свой независимый король, готовый к заключению сепаратных союзов, либо в форме брака, либо для совместных грабительских походов; причем было совершенно безразлично, с кем вступать в подобный союз - со своим ли народом или с ирландскими вождями. Ни у ирландцев, ни у норвежцев не существовало центрального правительства; однако около середины IX века движение сопротивления привело к ряду ирландских побед, и норвежское господство рухнуло. Одновременно на восток, вероятно из Англии, прибыл большой датский флот, захвативший Дублин, в то время как его предводитель победил норвежцев в крупном сражении, последовавшем за высадкой датчан на берегу Карлингфордского залива. На протяжении третьей фазы викингской оккупации, последовавшей за этим, центр господства викингов находился на востоке, а нападения совершались со стороны Ирландского моря.

Дальнейший ход событий предполагает, что основной целью датчан было разрушение норвежской власти в Ирландии; было даже выдвинуто предположение, что они были наняты ирландцами в качестве наемников для выполнения этой задачи. Для подобного вывода сложно найти какую-то экономическую основу, но несомненно, Лейнстер теперь объединил свои силы с датчанами, а позднее при Клонтарфе с норвежцами, следуя своей древней вражде с Митом. У датчан, очевидно, был превосходный флот, однако в 852 г. (recte 853) *Анналы Ульстера* фиксируют прибытие Амлайма (норв. Олаф), сына короля Лохланна[49] (возможно, Олафа Белого), восстановившего норвежскую власть над Дублином. В 870 г. (recte 871) те же анналы вновь сообщают, что Олаф и Имар (норв. Ивар) вернулись в Дублин из "Альбы". Эти два предводителя норвежцев сделали Дублин главным центром викингов в Ирландии и базой их флота, совершавшего постоянные нападения на **[154]**берега окружающих стран. Прибытие Олафа из Лохланна почти сразу же после победы датчан в 854 г. является одним из множества признаков того, что норвежские поселения в Ирландии были частью целенаправленной политики экспансии и колонизации из Юго-Западной Норвегии.

Прибытие Олафа и Ивара и образование их базы примерно в середине IX века вновь нарушило баланс сил, и на протяжении приблизительно сорока лет Ирландия не подвергалась новым нашествиям, хотя два норвежских предводителя грабили могильники и святилища, иногда с помощью местных ирландских вождей. Эта помощь оказывалась ирландцами, возможно, по принуждению, а норвежские правители, скорее всего, были вынуждены искать и находить золото, чтобы платить своим сторонникам, если они хотели удержать новозавоеванные земли на Британских островах. Как раз в самом конце IX и начале X века датчане образовали свое королевство в Нортумбрии и Восточной Англии. Восточная опасность для норвежского дублинского королевства стала в высшей степени реальной.

Олаф пытался противостоять этой угрозе нападениями из Шотландии. В 866 г. он напал на Фортренн и разорил эту самую южную пиктскую провинцию. *Анналы Ульстера* сообщают, что в 869 г. (recte 870) два короля норвежцев (duo reges Normannorum), то есть два короля Дублина, захватили крупную горную крепость Дамбартон и тем самым взяли в свои руки контроль над подходами к Клайду и Стратклайду и над Кумбрией на юге. Разрушение Дамбартона зафиксировано и в *Анналах Камбрии* s. a. 870. Это вполне могло быть лишь мерой предосторожности, так как монастырь Ходдом в Дамфрисшире, по-видимому, не подвергся осквернению, в то время как в 875 г. норвежцы опустошили и Стратклайд, и Голуэй со стороны реки Тайн.

В целом бедность Уэльса и его гористых областей предоставила ему определенный иммунитет от какой-либо длительной оккупации викингами, хотя в Южном Уэльсе существовали небольшие скандинавские колонии[50]. Несмотря на это, было неизбежным опустошение Англси, "житницы Уэльса", "черными язычниками", как сообщают *Анналы Камбрии* в 853 г. (recte 855), несомненно, во главе с их вождем Гормом, который, как полагают, привел датский флот к победе над норвежскими войсками в Ирландии в Карлингфордском заливе и, вероятно, руководил датским войском, разграбившим Париж и державшим в страхе Карла Лысого и его франкское государство. Впрочем, на следующий год после разорения Англси Горм был убит, и чувство облегчения слышится не только в ирландских хрониках, но и на континенте, судя по восхвалениям некоего Рорика - по всей вероятности **[155]**Родри Великого-сочиненным при дворе самого Карла Лысого.

Остров Мэн необыкновенно богат находками из викингских времен, включая множество рунических надписей, а первые постоянные норвежские поселения, по всей видимости, образовались там как раз в период норвежского господства в Ирландии - в середине IX века. Считается, что экспансия, результатом которой явилась колонизация острова Мэн, была осуществлена из Дублина, в особенности после изгнания большого количества норвежцев, о котором сообщают Анналы Ульстера в 901 г. (recte 902); однако свой вклад в этот процесс, вероятно, внесли Гебриды и Голуэй, так как мы вновь видим сильную руку Оркнейского ярлства, когда остров Мэн был окончательно завоеван Сигурдом Сильным, ярлом Оркнеев, погибшим в битве при Клонтарфе в 1014 г., романтическим владельцем знаменитого флага с вороном. Завоевание Мэна было, несомненно, одной из частей его амбициозного проекта создания южного королевства, западной параллели Нормандии. Можно сказать, что начало исторического периода на острове Мэн совпадает с викингским завоеванием, ибо позднее этот остров переходит во владение Годреда Крована, гебридца (король Горри или "Орри" мэнской традиции), а его преемники были известны как короли "Мэна и Островов" до их ухода с острова в 1266 г. Тем не менее, несмотря на норвежское правление и большое число норвежских поселенцев, он до наших дней остался, как и Ирландия, кельтской страной и кельтоязычным островом. В действительности это было последнее сохранившееся викингское королевство с кельтоязычным населением на наших островах.

В 902 г. Дублин вернулся под власть ирландцев, и многие gennti (чужеземцы, викинги) были изгнаны. Результатом этого движения сопротивления могла явиться незафиксированная в хрониках широкомасштабная колонизация Камберленда, начавшаяся приблизительно в то же время и, возможно, при тех же обстоятельствах[51], и Ланкашира[52], сравнимая с нашествием, хотя в наших анналах не сохранилось никаких данных о возможном конфликте. Наши данные по большей части предоставлены топонимикой, предполагающей норвежское население с сильным кельтским языковым элементом. Колонисты практиковали интенсивную систему земледелия и оставили обильную норвежскую топонимику, почти исключающую любую другую, вдоль побережья Ланкашира, между морем и подножием Пеннинских гор на север от реки Ди. Деревни в этой области, по-видимому, были построены незаконными поселенцами, осушавшими и обрабатывавшими клочки невостребованной земли, впоследствии ставшей черноземной и плодородной, **[156]**и эти деревни располагались так близко друг к другу, что за день пути - даже сегодня - можно обойти область деревень с исключительно норвежскими названиями, без единой примеси саксонского элемента - Эйнсдейл, Беркдейл, Меолс Коп, Бловик, Скарисбрик, Бескар, Ормскерк, Берскау, Хоскар,

Скелмерсдейл. Саксы, по-видимому, селились по берегам рек и еще чаще на более высокой и сухой земле между викингскими поселениями и холмами, и здесь выявить план расселения снова помогает топонимика - Престон, Раффорд, Уэлли, Черчтаун, Кростон, Эккльстон, Райтингтон, Уортингтон, Шевингтон, Парболд, Эппли Бридж. Саксонские молочные фермы оставили следы летних выгонов и сезонных перегонов скота в холмистой местности солнечных западных склонов подножия Пеннинских гор. Отсутствие письменных свидетельств в хрониках или анналах, вероятно, объясняется тем, что в Северо-Западной Англии не существовало богатых монастырей со скрипториями. Приорат Берскау у Вигана был основан не ранее 1190 г. и представлял собой незначительный монастырь.

Молчание наших источников по поводу столь крупной норвежской колонизации на восток от Ирландского моря помогает отчетливо осознать, что картина эпохи викингов в Ирландии полностью основывается на монашеских свидетельствах. Монастыри, из-за своей концентрации и богатства, стали основными жертвами вооруженных грабителей. Описания, оставленные монахами, к сожалению, слишком правдивы. На ранних стадиях нашествия они могли почти полностью соответствовать действительности. Мы знаем, что в Бретани наивысшего процветания и развития достиг монастырь Сен-Меен в Броселиандском лесу, служивший убежищем для епископов Дола, спасающихся от нападений викингов.

В 919 г. Дублин вновь попал в руки викингов, погиб и Ниалл Глундуб с двенадцатью другими королями и людьми, составлявшими ядро движения сопротивления, хотя северные Уи Нейллы продолжали оказывать стойкое сопротивление. В последовавший непосредственно за этим событием период викинги укрепили и обустроили портовые города. Особую значимость приобрел Дублин, усилившийся благодаря тесным отношениям с датским королевством в Йорке. Лимерик, враждебный к Дублину и независимо управляемый, вероятно, своей первоначальной династией, сосредоточил свои колонии в Мунстере. Однако к концу столетия некий Келлахан (ум. 954 г.), правитель из кашельской династии Эоганахтов, вдохнул в ирландское сопротивление новую жизнь, в то время как в Западном Мунстере Дал Кайш на границе графства Клэйр смогли заручиться помощью Коннахта против лимерикских **[157]** викингов. К середине X века господство перешло от кашельских Эоганахтов к Кеннетигу, правителю Дал Кайш, а два его сына, Матгамайн и Бриан Борома, собрали достаточно сил для того, чтобы вести против викингов наступательные действия, кульминацией которых стала великая битва при Клонтарфе в 1014 г. и конец викингского господства в Ирландии.

Важность битвы при Клонтарфе иногда оспаривается. Речь ни в коем случае не идет об однозначном противостоянии ирландцев и норвежцев. Сихтрик, норвежский король Дублина, не принимал участия в конфликте. Следуя своей традиционной вражде с Митом, Лейнстер поддерживал дублинских викингов, а викинги Лимерика, всегда враждебно относившиеся к дублинской династии, по-видимому, были на стороне Бриана. Даже сама победа ирландцев была омрачена гибелью Бриана; и хотя битва завершилась полной победой ирландцев, внезапного и полного перелома не наступило. Норвежские поселения продолжали жить по своим законам и даже продолжали торговлю с английскими портами на Бристольском заливе. Более того, два столетия взаимного приспособления в маленькой стране сблизили два народа. Частые смешанные браки и обращение многих предводителей норвежцев в Дублине в христианство, включая Олафа Куарана и его сына Сихтрика Шелковую Бороду, указывают на возраставшую обоюдную симпатию. Бриан женился на матери Сихтрика и, возможно, отдал Сихтрику в жены свою дочь. Братались ведущие барды ирландских и норвежских дворов. Фундаментальное значение битвы при Клонтарфе заключалось в смерти Сигурда Сильного, Оркнейского ярла, шедшего в битву со "своим дьяволом" - зловещим знаменем с вороном; ибо его смерть привела к концу последних попыток норвежцев присоединить к своим владениям Ирландию и использовать ее как новую Нормандию.

Именно этот в конечном итоге скорее духовный, чем непосредственно политический результат битвы в свое время придал ей несравненную важность. В обществах, где наибольшим влиянием обладает устное слово, а не письменная пропаганда, барды и рассказчики саг являются самыми надежными свидетелями воздействия современных

событий на живших в те времена людей. Для ученых, рассматривающих эти данные спустя тысячелетие, тогдашние эмоции затуманены, а впечатления стерты. Битва при Клонтарфе вызвала к жизни как ирландские, так и норвежские поэтические произведения и саги. В частности, для норвежских поэтов и рассказчиков саг битва велась не только между ирландцами и норвежцами, но и между сверхъестественными силами воздуха. Здесь отражается схема древней саги Битва при Аллене, в которой **[158]**разрешается спор между св. Бригитой и Колумкилле. Тогда по всему кельтскому миру люди видели сны и знамения, а одному человеку в Кейтнессе явилось ужасное видение сверхъестественных женщин, ткущих большую сеть битвы на станке убийств, где головы людей были грузилом, а кишки основой и утком[53]. В Ирландии прозаическая повесть "Война ирландцев и чужеземцев"[54] проникнута эмоциональностью и отличается искусством повествования, сравнимым разве что с сагой Битва при Аллене, а поток ее риторики даже еще более сбивчив и накален. Вероятно, ни одна битва, происходившая в Северо-Западной Европе, не породила таких ярких описаний в современной ей поэзии и прозе.

Пути назад уже не было. Викингский режим внес фундаментальные изменения в экономическую жизнь и институты страны. Колонисты мечтали поселиться в пастушеской стране с богатой внутренней пищевой промышленностью, самостоятельной и свободной от внешних обязательств, с древней, неоспариваемой системой наследия и управлением более практическим и зависимым, чем любая теоретическая законодательная система. Норвежское господство оказалось ненадежным, а их мечты ошибочными. Раздробленная, простая и консервативная жизнь древнего кельтского железного века, все еще составлявшая экономическую основу ирландской жизни, нанесла поражение централизованным методам пришельцев, для которых единственным шансом на выживание в новой стране была концентрация.

В Ирландии не было городов в нашем понимании этого слова. Ее королевские raths - Тара, Круахан, Эмайн - были скорее постоянными лагерями, чем королевскими городами и центрами бюрократического правления. У нее не было своих портов. Викинги обустроили ее прибрежную линию, с развитыми портами и городской жизнью, особенно в таких городах, как Лимерик, Дублин, Уотерфорд, Уэксфорд и Корк. Общеизвестно, что ирландская терминология кораблестроения и торговли и сопутствующих им мер и весов состоит по большей части из скандинавских заимствований. Первая отчеканенная монета в Ирландии появилась в викингском Дублине. Не по вине викингов Ирландия не стала торговой нацией. Они по крайней мере ввели ее в орбиту известного им торгового мира. И там ее оставили.

Влияние викингского режима на внутреннюю экономику Ирландии еще сложнее определить из-за крайнего консерватизма ирландской традиции, воплощенной в дошедших до нас письменных текстах. Этот консерватизм особенно заметен в ирландских правовых трактатах, которые рассматривались юристами как нерушимые и сохранялись с такой верностью, что возможно проследить не только первоначальное **[159]**влияние устной традиции, из которой происходят письменные тексты но даже, местами, устную поэтическую форму, в которой они передавались веками. В отличие от валлийских законов, претерпевших определенные модификации благодаря влиянию их англосаксонских соседей, ирландские законы никогда не подвергались серьезным изменениям под воздействием соседних народов. Естественно, к неизбежным переменам привела иностранная оккупация, и уже в X веке они приобрели радикальный характер. В действительности вызов, предъявленный норвежской оккупацией традиционному устройств) ирландского общества, можно назвать "водоразделом в истории ирландских установлений".

Тем не менее косвенным образом викинги стали причиной того, что ирландские короли последовали примеру тех личностей, гений которых позволил им, одному за другим, сплотить свои народы в нации - Карлу Великому в 800 г.; Родри Великому около 850 г.; Кеннету мак Альпину около середины IX века; Альфреду Великому незадолго до 900 г.; и, последнему в этом списке, Бриану. Таким образом, медленно и под викингским давлением маленький остров вступил в общее русле политического развития западного континентального мира.

Ущерб, нанесенный художественной и интеллектуальной жизни Ирландии, был велик.

Оба эти аспекта развивались в тесной зависимости от монастырских центров, поддерживавших, вдохновлявших и стимулировавших их. Было сожжено и разграблено множество монастырей, а их сокровища рассеяны; было разрушено множество скрипториев со всеми их унаследованными традициями и техникой, всем их художественным мастерством великолепной отделки рукописей. Потери были неисчислимы и во многом невосполнимы. Высокое художественное искусство, как и высокие интеллектуальные достижения могли процветать только в атмосфере безопасности. Монастыри всегда полагались на поддержку светских правителей. Однако сами вожди подвергались грабежам в гораздо меньшей степени, чем богатые монастырские образования. Они были в большой мере необходимы для самого существования захватчиков, которые сами по себе ничего не производили и зависели от традиционной местной ирландской скотоводческой экономики и организованных пищепроизводительных сил, находившихся под управлением этих вождей. Они и их наследники выжили, а вследствие этого в конечном итоге возродились и начали новую жизнь большие монастыри. Примечательно, что период, непосредственно последовавший за викингской оккупацией, был столь богат на художественные изделия, особенно из металла, что его считают чем-то вроде ирландского Ренессанса[55]. И в этом случае викингское **[160]**влияние также внесло свой определенный вклад, не только стимулируя и возрождая художественное искусство, но и подарив новые художественные мотивы.

Разрушение монастырей привело к отъезду многих монахов за море; и их большой вклад в европейскую науку, ставший результатом их поступления в континентальные монастыри[56], и их влияние на европейскую науку широко признаны[57]. Это движение ирландских, а на самом деле, и валлийских ученых[58] на континент не было чем-то новым. Вероятно, оно было известно уже Ноткеру Заике во времена Карла Великого. Gesta Caroli Magni говорят о прибытии чрезвычайно ученых ирландских монахов, приехавших с какими-то "британскими торговцами" в Галлию. Их приветствовал сам Карл Великий, поручивший им заняться образованием детей аристократии. Один из этих ученых остался в Галлии, а другой поселился в монастыре св. Августина в Павии, в Италии[59]. Англо-Саксонская Хроника фиксирует (в 891 г.) прибытие в куррахе на побережье Корнуолла трех ирландских монахов, немедленно прибывших ко двору короля Альфреда. Этельверд добавляет[60], что затем они отправились в Рим с намерением увидеть Иерусалим. Заметка в Англо-Саксонской Хронике не позволяет говорить о том, что они были учеными, однако позднее дополнение сообщает, что "умер Свифнех, величайший ученый Ирландии". Его отождествляли[61] с Суибне мак Майле Умай, анахоретом и писцом аббатства Клонмакнойс на реке Шэннон, известие о смерти которого в том же году появляется в Анналах Ульстера (890, recte 891 г.). Его надгробие, ныне утерянное[62], все еще находилось в Клонмакнойсе во времена Петри[63], а воспроизведение его имени в Англо-Саксонской Хронике показывает, что это имя дошло до хрониста в устной форме. Известие о смерти Суибне было, скорее всего, принесено тремя пилигримами.

Конечно, ошибкой было бы предположить, как это обычно делают, что ирландские монахи, убегая из Ирландии в период викингских набегов, забрали с собой свои книги. Несомненно, в некоторых случаях так и происходило, однако условия путешествий в то время, конечно же, препятствовали какому-либо широкомасштабному перемещению монастырских библиотек на континент. Монахи принесли в дар континентальным центрам, как явствует из многочисленных свидетельств, свой интеллектуальный капитал, который они приобрели в ирландских монастырских центрах, из которых самыми замечательными примерами были Клонмакнойс на западе и Бангор в графстве Даун на востоке. Огромных размеров достигло бурное разрушение монастырских библиотек в огне или из-за неблагоприятных погодных условий; однако, должно быть, иногда предпринимались эффективные попытки **[161]**спасти их, укрыв в пределах досягаемости. И при таких обстоятельствах вовсе не удивительно обнаружить небольшое стихотворение, порожденное страхом перед викингами, в котором описывается любовь автора к штормовой погоде, препятствующей набегам викингов с моря:

Резок сегодня вечером ветер,
Он вздымает белые волосы океана:

Сегодня я не боюсь страшных воинов Норвегии,
Плывущих по Ирландскому морю[64]. **[162]**

ГЛАВА 7.
Кельтская религия, мифология и литература о потустороннем мире

Кельтский мир исключительно богат воспоминаниями о религии, мифологии и сверхъестественном. В Галлии религиозная жизнь была, очевидно, чрезвычайно интенсивной. Ирландия сохранила богатейший запас мифологических традиций, с которым не может сравниться ни одна другая страна к северу от Альп, не исключая и Исландию. Однако свидетельства представлений о сверхъестественном, бытовавших в этих двух кельтских странах, носят несколько парадоксальный и несопоставимый характер. Галлия может многое рассказать нам о религии кельтов. В первой главе мы уже видели, что память о древних галльских богах и духах сохранилась в бесчисленных посвящениях в местных святилищах рек и источников, священных озер и лесов. Многое дошло до нас в произведениях античных авторов, в топонимике и материальных изделиях из металла, в монетах и надписях. Были раскопаны местные кельтские храмы позднеклассического периода, а скульптура, как деревянная, так и каменная, говорит о галльском восприятии богов в человеческой форме по крайней мере с начала нашей эры. Поэтому наши знания о религии в Галлии как о живой и практикуемой вере весьма значительны.

С другой стороны, в Галлии, как и в античной Греции и в германском мире, не существует тесной связи между религией и мифологией, так как мифология дошла до нас на поздних и более развитых стадиях. Мифология всегда в определенной мере является искусственным образованием, художественным выражением религиозных чувств или верований, бесформенных по своей природе. Мифология, в действительности,- это попытка определить бесконечное и неопределимое, а то, что она предлагает, является не определением, а символом. Мифология **[163] [164]**галлов или, точнее, художественный символизм их религии не сохранилась из-за того, что не сохранилась галльская литература. Их устная традиция, включая их мифологию, никогда не была запечатлена в письменной форме. В результате римского завоевания Галлия быстро приняла римскую культуру, включая письменность, и вскоре устная традиция умерла.

В противоположность этому устная литература древней Ирландии, включая мифологическую традицию, сохранилась, как мы видели, до гораздо более позднего времени. Архаизм ирландской культуры, в сущности вступившей в соприкосновение с римской культурой приблизительно спустя полтысячелетия после Галлии, сохранял в целости ее устные традиции, включая мифологические, пока в христианских монастырских скрипториях начиная с VI века не начала распространяться письменность. Языческая религия к тому времени осталась далеко в прошлом, и у христианских монахов не было никакого желания сообщать о ней подробные сведения. В Галлии мы располагаем многочисленными данными о кельтской религии, но не развитой мифологической системой. В Ирландии у нас есть богатая мифологическая традиция, сохранившаяся в высокоразвитой литературной форме, но практически никаких сведений, напрямую относящихся к языческой религии.

Однако этот разрыв скорее мнимый, чем реальный. Кельтская Британия представляет собой мост между двумя кельтскими странами, Галлией и Ирландией. По материальным свидетельствам она гораздо' ближе к Галлии, которая оказала на нее непосредственное влияние; в мифологической традиции она сохраняет элементы, по происхождению тождественные ирландской традиции. По причине римского завоевания Британии как материальные остатки, так и мифологические традиции относительно скудны; однако они чрезвычайно важны, и мы кратко поговорим о них в этой главе, чтобы продемонстрировать как фундаментальное единство кельтской религии и мифологии, так и сущностное единство кельтских земель в их языческой духовной жизни.

Прослеживая единство между континентальной религией и мифологией Галлии и ее остатками в островных кельтских странах на западе, мы обнаруживаем связи в традициях, повествующих о существовании священных островов неподалеку от атлантического

побережья Британии и Ирландии,- связи, напоминающие ранние греческие предания об "Островах Блаженных", расположенных на запад от Геркулесовых столбов, и о магическом острове Цирцеи в западных морях. Эти священные острова обладают непрерывной историей от времен Гомера до "Века Святых", когда они использовались как святилища христианскими **[165]**отшельниками. Страбон (IV. IV. 6), писавший в I веке н. э., сообщает, опираясь на Посидония, что маленький остров неподалеку от устья Луары занимала женская община, в которую не допускались мужчины, хотя женщины переплывали через море, чтобы время от времени соединиться со своими супругами, а затем вернуться обратно. У них был обычай раз в год снимать крышу с храма их бога и вновь покрывать его в тот же день. Стоило только одной из них уронить строительные материалы, которые она несла, как ее тут же разрывали на куски ее подруги. Ирландские immrama, некоторые из которых описывают острова, на которых жили только женщины, едва ли более примечательны, чем это древнее галльское предание.

В I веке н. э. римский географ Помпоний Мела сообщает о девяти жрицах, называемых Gallizenae[1], соблюдавших обет вечной девственности на острове Сена (ныне Ile de Sein), находившийся в пределах видимости с Юго-Западной оконечности Британии. Они обладали магической властью, по желанию принимали формы разных зверей, лечили больных и предсказывали будущее мореплавателям, приезжавшим к ним за помощью. Мы обнаружим и метеорологическую станцию, сходным образом приписываемую в ирландской мифологической традиции богу Мананнану мак Лиру на острове Мэн. Плутарх, писавший около 83 г. н. э., говорит о некоем Деметрии, сообщившем ему, что среди островов близ Британии многие были изолированы и совершенно или почти необитаемы, а некоторые из них носили имена богов или героев. Он совершил путешествие на ближайший такой остров, на котором жило только несколько человек, святых людей, покой которых не нарушался бриттами. Вскоре после его прибытия разразился ужасный шторм, и обитатели острова сообщили ему, что он означает прохождение могучих[2]. Плутарх также сообщает, что в той части света - "в пяти днях пути от Британии" - лежит остров, на котором заточен Крон, чей сон охраняет Бриарей; ибо его погрузили в сон, чтобы он не мог действовать, а вокруг него находится множество полубогов-служителей[3]. Личность Деметрия неустановлена, но он считается уроженцем Тарса, образованным человеком, посланным императором Домицианом с каким-то поручением в Британию,- вероятно, это тот самый Деметрии, которому принадлежат посвящения на двух бронзовых табличках с греческими надписями, находящихся теперь в Йоркском музее[4].

Еще в VI веке н. э. византийский писатель Прокопий Кесарийский оставил нам примечательные отголоски представлений западного мира о последней твердыне кельтских традиций на континенте. Он говорит, что на обитателей Арморики возложена задача провожать на острова души мертвых. Посреди ночи они слышали стук в дверь и звавший их **[166]**тихий голос. Затем они шли к берегу моря, не зная, что за сила влечет их туда. Там они находили лодки, казавшиеся пустыми, но которые на самом деле были столь перегружены душами мертвых, что их планширы едва поднимались над водой. Менее чем за час они достигали конца своей поездки, и там, на острове Британии, они вновь никого не видели, но слышали голос, считавший пассажиров, называя каждого по имени. Бретонский фольклор считает местом отбытия Baie de Depasses на Юго-Западной оконечности Бретани[5].

Основные факты религии континентальных кельтов уже рассматривались в первой главе и не нуждаются в повторении. Этот раздел мы посвятим краткому обзору соответствующих черт кельтской религии в Британии, а также попытаемся нарисовать несколько более полную картину одного или двух галльских культов, достаточно подробно зафиксированных античными авторами. Мы надеемся, что таким образом мы сможем выявить сущностное единство галльской и бриттской религий и определить основу для развития кельтской мифологической литературы, дошедшей от западных кельтов, особенно из Ирландии.

В первой главе мы видели, что одной из самых фундаментальных черт галльской религии является широкое распространение святилищ, связанных с чертами естественного ландшафта, особенно с источниками, реками, озерами и лесами. Галлы не

обитали в городах, и их местные святилища были природными. Страбон (IV. I. 13) говорит- опять опираясь на Посидония - об огромных жертвенных сокровищах племени вольков-тектосагов, скрытых в священных местах и частью в священных озерах. Он добавляет, что в Кельтике было много мест, в которых были укрыты золотые сокровища, и что тяжелые слитки золота и серебра были затоплены в озерах, так как там они находились в полной безопасности. Очевидно, в окрестностях Тулузы располагалось крупное святилище ("храм"), в котором хранились величайшие сокровища, ибо очень многие жертвовали их и никто не осмеливался к ним прикоснуться. Вспоминается клад из Ллин Керриг Баха на Англси, обнаруженный в 1943 г. Это место когда-то было частью озера, в которое бросали большое количество оружия, деталей колесниц, инструменты, рабские цепи, трубы, котлы и бронзовые фрагменты, украшенные в латенском стиле. Считается, что это было местом жертвоприношений, совершавшихся между серединой II века до н. э. и II веком н. э.[6]

С галльских времен в устье Сены существовало важное святилище богини Секваны, и здесь в болотистой местности недавно были обнаружены многочисленные остатки деревянных скульптур, включая большое число статуй II века до н. э. Мы подробнее поговорим об этом **[167]**святилище в двенадцатой главе, однако здесь мы можем сравнить с этим открытием святилище у источника местной бриттской богини Ковентины у римского форта (форт VII) Броколития (Карраубороо)[7] на Южной стороне вала Адриана. Здесь вокруг бьющего до сего дня ключа был выстроен храм кельтского типа, внутри которого находился колодец или водоем, куда верующие бросали большое количество денежных приношений. А уже в V веке туда были сброшены алтари и резные таблички из храма - возможно христианами[8]. Среди этих табличек выделяется мраморная плита с надписью "богине Ковентине" и барельеф с изображением самой Ковентины, возлежащей на листе [илл. 32], с водяным растением в правой руке и с кубком, из которого течет вода, - в левой. Один из скульптурных барельефов изображает трех нимф; каждая из них держит в руках вазу, из которой извергается мощный поток воды [илл. 33]. **[168] [169]**

Самый впечатляющий отрывок о галльских лесных святилищах содержится в "Фарсалии" Лукана. В 1. 452 он говорит о галльских друидах, "обитающих в сокровенных рощах (nemora alta) и уединяющихся в необитаемых лесах" и "исполняющих варварские обряды и темное почитание", к чему схолиаст добавляет:

> "Они почитают богов в лесах, не используя храмов"[9].

Это указание в "Фарсалии" на священные леса напоминает другой отрывок в той же поэме (1. 399ff.), где Лукан рассказывает, как Цезарь вырубил священный лес под Марселем, в котором из стволов деревьев грубо вырезаны фигуры, представляющие богов (simulacra maesta deorum). Здесь, говорит Лукан, в честь богов совершались варварские обряды, а алтари были завалены ужасными жертвами, и каждое дерево окроплено человеческой кровью; он говорит о воде, в изобилии проистекавшей из темных источников, и о чащах, в которых не лег бы дикий зверь. Священник (sacerdos) совершает богослужение для духа места (dominus loci).

Это мрачное место:

> "Люди никогда не подходят близко к почитаемому месту, но оставляют его богам... Сам жрец боится приближаться к нему, из страха натолкнуться на господина рощи".

Даже делая скидку на прекрасную риторику Лукана в этом отрывке, мы не можем сомневаться в существовании священного леса под Марселем, вырубленного Цезарем, и в суеверном страхе местных жителей, созванных валить деревья, "которых с древних времен не касалась рука человека".

Мы не располагаем столь многочисленными данными о лесных святилищах в Британии, но Дион Кассий утверждает, что при Боудикке у бриттов были святилища и что они совершали человеческие жертвоприношения богине победы Андрасте или Андате в священном лесу[10]. Мы можем также указать на рощи на острове Англси, которые, по словам Тацита[11], были посвящены варварским суевериям и которые были уничтожены

Светонием Паулином незадолго до 61 г. н. э. Присутствие элемента nemet в британских топонимах также связывает эти бриттские святилища с галльскими. Одной из наиболее интересных связей является позднее название, появляющееся в бретонском картулярии Кемперле XI века, где об одном лесе в Финистере говорится: "Quam vocant nemet"[12].

Мы не знаем, когда в Галлии впервые появились местные храмовые постройки, хотя новая техника раскопок деревянных остатков[13] может пролить свет на этот вопрос. Был выявлен единственный деревянный **[170]**прототип доримских храмов железного века типичной формы, но не в Галлии, а в Хитроу, в Миддлсексе, в Британии[14]. Цезарь ни разу не упоминает галльские храмы, хотя Светоний в туманных словах обвиняет его в разграблении галльских fana и templa[15]. Греческие и римские авторы не употребляют термин aedes для обозначения галльских храмов, и мы не располагаем описаниями галльских алтарей, для которых латинские авторы используют термины arae, altaria. На протяжении галло-римского периода, однако, святилища в виде архитектурных сооружений получили широкое распространение как в Галлии, так и в Британии, и в обеих странах, в особенности в Британии, многочисленные следы оставили местные придорожные святилища. Были раскопаны некоторые кельтские храмы в эстуарии Роны. Эти храмы более подробно будут описаны в двенадцатой главе. Здесь мы скажем лишь, что портики крупных храмов представляют собой монументальные постройки, "настоящие пропилеи в эллинском понимании", а претенциозная архитектура в соединении с местными кельтскими чертами, а именно культом головы, предполагает адаптацию классических архитектурных традиций к кельто-лигурийскому религиозному культу.

Строительный план многих местных кельтских каменных храмов римского периода остается неизменным как в Галлии, так и в Британии, хотя и с некоторыми изменениями формы. Обычной формой было квадратное здание, напоминающее коробку и состоящее из небольшого помещения (cella) или святилища, иногда поднятого над землей и окруженного портиком или верандой, которая могла быть закрытой или с низкими стенами, предназначенными для несения колонн. Cella была мала, с дверью, и освещалась через небольшие окна над портиком. Очевидно, публика в нее не допускалась. Все сооружение в целом иногда заключалось в квадратную ограду. И в Галлии, и в Британии, однако, существовали также и круглые, и многоугольные храмы, сохранявшие все ту же схему cell'ы, окруженной перистилем[16].

Многие из придорожных святилищ в Британии, обычно располагавшиеся вблизи римских дорог, связаны с римскими богами; однако часто встречаются и посвящения местным богам, особенно на севере. В нескольких случаях римские сооружения были надстроены на ранние кельтские святилища. Знаменитым примером живучести местных посвящений в Британии является Госбекс Фарм под Колчестером, где римский храм кельтской модели был сооружен на месте первоначального большого рва, окружавшего тот же прямоугольный участок и содержавшего доримский мусор. Кому был посвящен поздний римский храм, позволяет угадать бронзовая статуя Меркурия[17]. В Фрилфорде, на северо-восток от Эбингдона, два романизированных святилища оказались **[171]**надстройками на месте прежнего деревянного здания, состоявшего из круглого огороженного рвом участка, на котором находился открытый деревянный сарай. В римский период его сровняли с землей и заменили круглой оградой, а рядом с ним был построен новый храм обычного кельтского коробочного типа[18]. Святилище продолжало использоваться до V века.

Наиболее важным посвящением римско-бриттского храма в Британии является посвящение Лидни на крутом западном берегу Северна в Глостершире. По происхождению этот храм был лесным святилищем, располагавшимся в Динском лесу. Его богом был Nodons или Nodens, без сомнения тождественный Нуаду или Nuada Argetlam, "Нуаду Серебряной Руке"[19]. Лидни был терапевтическим храмом асклепианского типа и святилищем странников, а важнейший период его существования приходится на время позже 364 г. Это большой комплекс сооружений типа античных святилищ исцеления, включавший длинный портик типа крытой аркады, разделенный на два отделения для размещения больных; здание во дворе с помещениями для жилья и приемной; и просторные ванны. Интересно, что ирландская мифологическая традиция

объясняет эпитет Ноденса тем, что у него была искусственная рука из серебра. Связь с терапевтическим храмом в Лидни очевидна; однако Лидни был богатым храмом, и вполне возможно, что "серебряная рука" обязана своим происхождением богатым приношениям этому богу. Имя Nuadu Argetlam известно валлийской традиции как Llud Llaw Ereint ("Ллуд Серебряная Рука"), дочь которого Крейддилад стала прототипом шекспировской Корделии и сыном которого был Гвин (Gwynn ap Nudd) (ирл. Финн).

Местоположение большинства бриттских святилищ и распределение посвящений показывают, что религия доримской Британии, как и доримской Галлии, в сущности, представляла собой религию природы.

Широкое распространение как скульптуры, так и рельефов указывает, что галлы иногда изображали своих богов в человеческом обличье, хотя это, возможно, является результатом позднейшего развития. Среди статуй галльских богов многие появляются группами по три, так сказать, триадами богов, часто встречаются трехглавые и даже двуглавые статуи местных божеств, а следы сверхъестественных триад иногда обнаруживаются и в Британии, например в Броколитии. Мы видели, что Цезарь привел имена четырех римских богов, которых он отождествил с кельтскими богами, не называя, однако, ни одного кельтского имени; также мы видели, что Лукан, с другой стороны, называет трех кельтских богов их настоящими именами. Эти списки ппепполагают. что данные боги почитались в **[172]**антропоморфной форме; однако ни в Галлии, ни в Британии мы не находим никаких представлений о всемогущем верховном боге или, с другой стороны, чего-либо вроде пантеона. В Галлии тем не менее имели широкое распространение определенные культы, а о двух богах, Белене и Огмиосе, римские авторы оставили заметки, из которых следует, что в галло-римских кругах имела хождение богатая религиозная литература, наложившая даже свой отпечаток на местное искусство, Например фрески и монеты.

Греческий писатель Лукиан, родившийся в Самостате на Евфрате во II веке н. э., рассказывает, что, когда он путешествовал в Галлии, очевидно, вблизи Атлантики, он увидел изображение старика, одетого в львиную шкуру, ведущего своих последователей, уши которых были соединены с его языком тонкими золотыми и янтарными цепочками необыкновенной красоты и великолепной отделки. Люди охотно следовали за ним и восхваляли его, и, очевидно, пожалели бы, будь они свободны. Грекоязычный галл, стоявший рядом, объяснил Лукиану, что старик - это аллегория красноречия и что он изображен в образе Геракла, одетого в львиную шкуру, поскольку кельты считали, что красноречие обладает большей силой, чем физическая мощь, и достигает своей вершины в старости. Звали старика Огмиос[20]. Говорится, что храм Геракла и Муз был воздвигнут в Отене М. Фульвием Нобилиором после захвата Амбрасии в 189 г. до н. э., потому что в Греции он узнал, что Геракл был мусагетом[21]. Следы этой традиции изображения красноречия проявляются и в ирландской мифологии и сагах. Можно указать на "котел жадности" в *Глоссарии Кормака*, s. v. Boige[22], а отрывок в "Похищении Быка из Куальнге"[23] описывает темного человека, по всей видимости принадлежащего к сверхъестественным силам, несущим семь цепей вокруг шеи, к концам которых привязано семь голов. Было бы интересно узнать, какова взаимосвязь между этими традициями и украшениями на некоторых бретонских золотых монетах, на которых изображены человеческие головы, привязанные к веревке вокруг большой головы в центре монет [илл. 15, II и III].

Мы располагаем ценным свидетельством о другом местном галльском боге, Белене, от галло-римского поэта Авсония из Бордо, жившего во второй половине IV века. Авсоний говорит, что некий Фебиций, Дед его современника Дельфидия, знаменитого преподавателя университета в Бордо, был aedituus, или "храмовым жрецом", бога Белена. Белен засвидетельствован как главный бог Норика и высоко чтился в Аквилее, где его отождествяли с Аполлоном[24]. Его имя обнаружено на надписях в Восточных Альпах, в Северной Италии и Южной Галлии, а также среди лигурийцев. Выдвигалось предположение - по-видимому **[173]**ничем не обоснованное,-что в данном случае Авсоний ввел в свое повествование экзотическое имя, не имеющее местных корней. Против этой точки зрения говорит широкое распространение этого имени в районах со значительным греческим влиянием; отождествление Белена с Аполлоном в Аквилее; и греческие

ассоциации имен сына Фебиция, Аттия Патеры, и его внука Дельфидия, знаменитых своим красноречием. Этот род считал себя потомками друидов Арморики, и следует напомнить сообщение Цезаря о том, что хотя друиды передавали свое учение только в устной форме, они все же использовали греческий алфавит для других своих записей. Вся эта картина, на которой вместе появляются галльский бог Белен, отождествленный с Аполлоном, жрец его храма и два последующих поколения жреческого рода, все представители которого носили имена, связанные с Дельфами, были знамениты своим красноречием и притязали на происхождение от друидов дальней западной окраины Галлии, представляется столь же убедительной, сколь и живописной. Мы видим мимолетное появление галльского бога и его жреца на закате галльского язычества. И культ Белена, и описание Огмиоса у Лукиана являются самыми интересными и необычными свидетельствами греческого влияния среди богов, известных в Южной Галлии.

Ирландская мифология гораздо древнее, чем наши первые мифологические тексты. Со времен Вергилия до V века н. э. гордые римляне обычно называли кельтские народы живущими "за пределами нашего мира", "на краю обитаемого мира". Они имели в виду, что кельтские народы находились за пределами греческой и римской цивилизаций. Классическая цивилизация была миром в себе, который взлетел на необыкновенную высоту за невероятно короткое время благодаря введению и распространению письменности. Уже к V веку н. э. римская образовательная система распространилась на Британию, и детей посылали в школу для обучения письму как нечто само собой разумеющееся. Однако под этой классической цивилизацией с ее письменными текстами лежала другая богатая и блестящая культура. Ее повести и поэмы и вся ее накопленная веками традиция передавались из поколения в поколение изустно. Это была интеллектуальная жизнь железного века, берущая свое начало в VII веке до н. э. или даже ранее. В средиземноморских странах она уступила классической культуре; но в Галлии эта ранняя местная кельтская культура продолжала существовать на протяжении всего римского периода и стала составной частью в высшей степени интересного сочетания - галло-римской культуры.

За пределами римской Галлии, однако, древняя кельтская культура железного века осталась законсервированной и, в сущности, незатронутой **[174]**римским влиянием. Мы говорим о древней цивилизации Ирландии с ее традициями, в неприкосновенности сохранившимися с железного века, как ненаписанная рукопись древнего кельтского мира. Ирландия - единственная кельтская страна, в которой сохранилось такое богатство древних мифологических историй.

Ирландская мифология представляет сильный контраст с греческой, поскольку в ранний период боги не были организованы поэтами в большое небесное сообщество, как боги Олимпа. Они никогда не жили на небе или на горных вершинах. Они обитали либо под землей, либо на земле, часто за морями или на дальних островах.

Древние ирландские мифологические повести можно разделить на четыре основные группы. Мы не включаем сюда рассказы о местных культах источников, рек и озер, столь важных для галльской религии. Они не выделяются как независимые культы в Ирландии и появляются по большей части - и даже не очень часто - в связи с важными богами, такими как Дагда, который обитал в Бруге-на-Бойн, на реке Бойн.

1-я группа древнейшие кельтские боги, известные с ранних времен в Галлии, а также, возможно позднее, в Британии.

2-я группа гораздо более многочисленная - местные ирландские подземные боги, жившие в холмах-сидах, больших могильных холмах. Именно об этой группе рассказываются самые живописные повести. Они больше всех известны современным ученым.

3-я группа боги Возрождения, известные также из неирландских источников и изначально, по-видимому, связанные не с сидами, а с морем.

4-я группа повести о сверхъестественном мире - Tir Tairngiri, "Земле Обетованной"; Tir na nOc, "Земле Юных"; Mag Mell; и повести о посетивших эти страны смертных. Они обычно называются echtrai, "приключения", и baili, "видения".

Естественно предположить, что древнейшими богами являются те, которые первоначально почитались древними кельтами или галлами. Возможно, главным из них был бог Луг, о котором мы уже говорили. Его имя, как мы видели, сохранилось в обширной топонимике в Галлии и, возможно, в Британии. До нас дошли различные версии истории о том, как он пришел в Ирландию; однако его чужеземное происхождение, очевидно, из ранних аллюзий, так как одна повесть сообщает, что он прибыл из-за моря, и в ней он называется seal balb, "дух-заика" (несомненно, указание на то, что он говорил на другом **[175]**языке). В Уэльсе его имени родственно имя Ллеу Ллау Гифеса, главного героя ветви Мабиногион Мат уаб Матонви. Однако он был интегрирован в ирландский пантеон, считаясь родоначальником *Праздника Телтауна*, напоминающего Олимпийские игры и проводимого две недели до и две недели после Лугназада (1 августа). Он воспитывался и обучался у жены одного из Племен Богини Дану, пока не смог носить оружие. Это военное обучение у женщины является интересной аллюзией на ранний кельтский традиционный обычай, о котором мы поговорим ниже.

Триада древних галльских божеств, matronae (лат. matres), также сохранилась в образе трех матерей-богинь войны в Ирландии - Морриган ("великая богиня"), Маха и Бодб, изначальная богиня битвы. Возможно, эта триада отражена также в трех Бригитах. Морриган - одно из древних общекельтских божеств, а также, очевидно, предшественница феи Морганы из цикла короля Артура. О ней говорится, что за год до битвы при Маг Туиред она вступила в брак с Дагдой. Это очень неприятная личность. Анналы Тигернаха сохранили s. a. 622 фрагмент древней элегии о лейнстерском принце, утонувшем в своем маленьком курахе:

> "Глубокие ясные пучины моря и песок на морской постели покрыли их. Они бросились на Конаинга в его хрупком маленьком курахе. Женщина набросила свою белую гриву на Конаинга в его курах. Злобен смех, которым она смеется сегодня".

Беловолосая женщина со злобным смехом и есть Морриган[26], утопившая принца в белых бурунах. Мы можем вспомнить о Coire Brecain, упоминаемом в *Глоссарии Кормака*, "Котле Старухи", известном водовороте, Corry-vreckan, между северным концом острова Джура и островом Скарба во Внутренних Гебридах.

Другая богиня, известная по надписям как в Галлии, так и в Британии,- Бригита (ср. название племени бригантов в Северной Англии). Поздний ирландский текст, Lebor Gabala, представляет ее дочерью Дагды, величайшего ирландского бога. Согласно рассказу в *Глоссарии Кормака*, она является покровительницей поэтов, в то время как две ее сестры являются богинями кузнецов и правоведов. Она подверглась христианизации в образе св. Бригиты. В Килдэре находилось ее святилище, где поддерживался ее священный огонь[27].

Древнейшие местные ирландские боги, включенные во вторую группу, живут под землей, иногда в пещерах, чаще в доисторических могильниках древних вождей. Самым известным из них является Бруг-на-Бойн, один из трех больших ульевидных могильников, **[176] [177] [178]**сходный с так называемой "Сокровищницей Атрея" в Греции. Сегодня он носит имя Нью Грейндж и освещен электричеством, так что обозрению изнутри стал доступен впечатляющий свод [илл. 35]. Эти подземные боги назывались aes side (ед. ч. sid), а их жилища, могильники,- сидами. Наиболее интересен из них Бри Лейт, неподалеку от Арды в графстве Лонгфорд, жилище бога Мидира (см. ниже с.184 и сл.), воспитателя бога Энгуса мак Ока, сына Дагды и Боанн.

Дагда является самым важным из древних хтонических богов. Его имя буквально означает "хороший бог", однако этот эпитет не означает, что он "хорош" в прямом смысле. "Хороший бог" - это не имя, а апелляция, эпитет. Когда на военном совете перед битвой при Маг Туиред приходит очередь Дагды рассказать о своих способностях, он заявляет:

> "- Все, что вы обещаете сделать, совершу я один.
>
> - Воистину ты хороший бог,- сказали они. И с того дня зовется он Дагда, то есть „хороший во всем" - первый волшебник, храбрый воин, ремесленник - всемогущий, всеведущий. Он Ruad

Ro-fhessa, „Господин Великого Знания"[28].

Одна из наших древнейших ирландских повестей рассказывает о Дагде, его сыне мак Оке и его матери Боанн, богине реки Бойн. Соединившись с Дагдой, Боанн родила Энгуса из Бруга. Традиция считает общим источником рек Бойн и Шэннон источник Сегайс, сверхъестественный источник любого знания, находящийся в Земле Обетованной. Над ним рос орешник, орехи которого падали в колодец, где от этого образовывались пузыри вдохновения или, согласно другой традиции, где их проглатывал лосось знания, живший в колодце. Обе версии постоянно упоминаются в ирландской литературе в качестве источника мудрости[29].

Энгус мак Ок живет в великом сиде Бруге-на-Бойн. Ночью во сне его посещают видения прекрасной девушки, и от любви к ней он тяжело заболевает. Посылают за его родителями, и после продолжительных поисков они выясняют, что эта девушка Каэр из сида Уман в Коннахте, провинции, управляемой Айлилем и Медб. Мак Ок отправляется туда и находит Каэр и ее служанок в облике белых лебедей серебряными цепочками на озере Лох Бел Драгон у Крот Клиах на Равнине Маг Фемин. Он подзывает ее, и они отправляются к нему в Бруг. Текст этой истории датируется, скорее всего, VIII веком[30].

Одной из самых увлекательных повестей о подземном мире является другой коннахтский рассказ, Echtra Nerai ("Приключение Неры"). Здесь вход в Подземный Мир находится в "пещере" (uaim), в скале недалеко **[179]**от двора Айлиля и Медб в Круахане в Коннахте. Когда двор празднует Самайн (см. выше с. 136), Нера выходит и снимает с виселицы тело, жалующееся на жажду. Напоив его, Нера возвращает его на виселицу. Вернувшись ко двору, он обнаруживает, что пришло войско из сида и сожгло двор, оставив кучи отрубленных голов,- в действительности типичная черта кельтских набегов.

Нера тут же бросается в погоню и следует за отступающим шествием сидов, очевидно мертвецов, так как каждый говорит своему соседу, что в шествии должен быть живой человек, потому что оно стало тяжелее. Когда они вступают в сид (пещеру) Круахана, отрубленные головы в качестве трофеев показывают королю; и король находит для Неры дом и жену и назначает ему ежедневную работу - приносить королю дрова.

Затем жена предупреждает его, что на следующий Самайн сиды вновь разрушат двор, если он не пойдет и не предупредит короля Айлиля. Нера берет с собой дикий чеснок, примулу и папоротник, **[180]**чтобы доказать, что он вышел из Подземного Мира, идет ко двору Айлиля и Медб и предупреждает их об опасности. Они разрушают сид, однако Нера остается "внутри и не выйдет ни теперь, ни до Страшного Суда". С того времени как он присоединился к шествию сидов и вошел в Подземный Мир, он стал одним из мертвых.

Рассказчики повестей в древней Ирландии, благодаря которым эти повести дошли до нас, называли богов и представителей мира духов aes side или sluag side, "народ сидов". Однако к моменту письменной фиксации эти саги уже давно не имели никакого религиозного или культового значения. Богов больше не считали духами, незримо живущими среди нас, но существами из далекого прошлого. Писцы, записывавшие эти истории, были христианскими монахами. К одной версии текста "Похищения Быка из Куальнге" монахом добавлен следующий колофон: "Я же, который записал эту повесть, или, вернее, вымысел, не беру на веру рассказанных тут историй. Ибо многое здесь наущение лукавого, иное причуда поэзии. Одно возможно, другое нет. Иное назначено быть развлечением глупцам". Хотя писцы тщательно сохраняли эти стародавние традиции, они придавали богам человеческие черты, даже усложняли их. Они лишали их изначального поклонения и **[181]**низводили до искусственного статуса, вписывающего их в псевдоисторические схемы, совершенно чуждые истинному происхождению этих персонажей. Мы можем сравнить это с тем, как в наших ранних текстах германский бог Отинн (Водан) предстает предком первых англосак, сонских королей.

Составители поздних легенд в Ирландии не проводили различия между местными ирландскими богами Подземного Мира, древними кельтскими богами галлов, продолжавшими существовать в ирландской мифологии, и богами сверхъестественного мира - Tir Tairngiri, "Земли Обетованной"; Tir na nOc, "Земли Юных"; Mag Mell, "Прекрасной Долины". Они объединяют всех богов общим названием Tuatha De Danann, "Племена Богини Дану", или просто Tuatha De, "Племена Богини". Племена Богини

предполагают существование богини Дану[31], однако, кроме ее имени, о ней почти ничего не известно. В некоторых текстах она называется матерью трех мифических братьев Бриана, Иухарбы и Иухара. Она, несомненно, соотносится с Дон валлийской Мабиноги ветви Мата ап Матонви (см. ниже с. 333 и сл.). Дон - сестра Мата, мать его племянников Гилвайтви и Гвидиона. В валлийской традиции брат и племянники Дон - люди, а не боги; но они великие волшебники, а их магическое искусство кажется пережитком их прежнего божественного статуса. В самом деле, в Уэльсе боги Племен Богини Дану превратились в героев средневековых повестей Мабино-гион, а ученая и усложненная переработка традиции, вписавшая богов в хронологические средневековые схемы, обнаруживается в Уэльсе в первых главах "Истории бриттов", написанной Неннием еще в начале IX века[32].

У поздних ирландских авторов составилось представление о том, что в доисторические времена Ирландия заселялась несколькими волнами переселенцев; они считали, что гойделы стали доминирующим населением Ирландии в начале исторического периода. Поэтому боги должны быть древнее. Составители изображали их прибывающими в Ирландию из-за моря, точно так же, как и поздних людей-завоевателей. Рассказ о заселении в "Книге Захватов Ирландии" (см. выше с. 18) относит всех богов к Племенам Богини Дану. Обитателями Ирландии, которых они обнаружили правящими этой страной, были Фир Болг, которые изображаются земледельцами в отличие от Племен Богини, обладавших магией и всеми видами искусства, знания и ремесел. Древнейшая форма этого предания приведена Неннием в "Истории бриттов" (гл. 3).

В традиционном ирландском предании о вторжении в Ирландию богов-завоевателей они прибывают из северных морей через Норвегию **[182]**и Северную Шотландию, ведомые в магическом тумане друидами. Их королем был Нуаду, и они победили Фир Болг, прежних обитателей острова, с помощью магического искусства в первой битве при Маг Туиред, произошедшей вблизи Лох-Арроу, графства Слайго, но в этой битве Нуаду потерял руку. Фир Болг бежали к фоморам (букв. "призраки из-под (моря)"[33]) на Гебридские острова и на остров Мэн. Племена Богини Дану теперь поселились в Ирландии как завоеватели и заключили союз с фоморами. Фоморы изображаются в виде полулюдей, получудовищ, с одной ногой, одной рукой и тремя рядами зубов. У их предводителя Балора был один глаз посередине лба. Балор был дедом Луга. Их король, Брес, был родственником Племен Богини и правил Ирландией как регент, после того как Нуаду потерял руку в битве при Маг Туиред. Однако вымогательства фоморов вскоре стали невыносимы для людей Ирландии. Более того, фоморы были жадны до пищи, и когда вожди Племен Богини пришли на пир к Бресу, королю фоморов и регенту Ирландии, "ножи их не покрывались жиром", и сколько бы они ни приходили, "изо ртов уж не пахло хмельным", и он не содержал их бардов и волынщиков и вообще вел себя крайне грубо. Наконец они изгнали его. Нуаду вновь стал королем, так как божественный лекарь Диан Кехт и божественный кузнец Кредне сделали ему новую, серебряную, руку.

Теперь мы подходим к величайшей из всех повестей об ирландских богах. Она чрезвычайно синтетична. Фоморы, в свою очередь, организовали крупное вторжение и были побеждены ирландскими богами во второй битве при Маг Туиред. Рассказчик собрал вместе всех ирландских богов, как местных, так и заморских. Все это выглядит наподобие божественных Соединенных Штатов и божественной войны за независимость против тиранов и поработителей-фоморов. А искусное описание военного совета перед битвой оставило нам подробный перечень и портреты всех богов, так же как и возможность увидеть их в действии.

Когда Нуаду теряет руку, он лишается права вести битву. Когда боги готовятся в своей крепости к бою, из-за моря прибывает Луг и предлагает свою помощь. Он не принадлежит к Племенам Богини. Привратник не пускает его в крепость, требуя от него объявить, в чем его искусство; однако на каждое заявление Луга привратник называет одного из Племен Богини, лучшего в этом искусстве. Здесь и врачеватель Диан Кехт, исцеляющий раненых, погружая их в магическую ванну) и приставивший Нуаду серебряную руку, когда тот потерял свою в оитве с Фир Болг. Более того, Диан Кехт был столь искусен, как мы узнаем из другой повести, что, когда человек терял глаз, он мог заменить его кошачьим. Однако, как замечает рассказчик, "в этом было **[183]**преимущество и неудобство для него, ибо днем он [глаз] всегда спал, когда должен был быть настороже, а ночью он открывался

на каждый шорох в камышах и мышиный писк".

Одним из наиболее важных богов, собравшихся на битву, является кузнец Гоибниу, изготавливающий и чинящий оружие. Другой - плотник Лухта, делающий древки для копий; а также Кредне, делающий гвозди. Их искусство таково, что, когда Гоибниу метал наконечники копий, так что они втыкались в дверной косяк, Лухта бросал вслед за ними древки, и этого хватало, чтобы закрепить их, а Кредне бросал щипцами гвозди, и этого хватало, чтобы вогнать их. Гоибниу появляется в облике кузнеца Гованнона в средневековой валлийской повести "Килох и Олвен" (см. ниже с. 335).

Наконец Луг заявляет, что он один искусен во всех искусствах (samildanach), и тут же допускается в крепость; ему вручается и руководство битвой. Он вооружен своим знаменитым оружием из *Земли Обетованной*, где он воспитывался, и выигрывает для богов этот бой[34].

Впрочем, в этом ему помогают все боги. Его главным воителем был Огма, бог красноречия, вероятно, идентичный галльскому богу Огмиосу (см. выше с. 28).

Во время боя Луг подбодряет мужей Ирландии, "дабы без страха сражались ирландцы и уж вовеки не знали кабалы. И вправду легче им было проститься с жизнью, защищая край своих предков, чем вновь узнать рабство и дань". Слова Луга все еще звучат через века. Они могли быть произнесены и вчера. Затем пришла Морриган и призвала Племена Богини сражаться яростно и пылко, и фоморы были сброшены в море.

Теперь Луг, Дагда и Огма пустились преследовать фоморов, так как они похитили арфиста Дагды. Когда они пришли в пиршественный зал короля фоморов Бреса, на стене висела арфа. Это та самая арфа, на которой Дагда играл разные мелодии, так что они игрались только по его приказу. Арфа сошла со стены и пришла к нему. И он сыграл им три мелодии - грустную песнь, так что зарыдали женщины; песнь смеха, так что веселились женщины и дети; и сонную песнь - и все кругом заснули. И таким образом три бога ушли от фоморов без потерь. После того как битва была выиграна, Морриган и Бодб провозгласили о победе в этой битве величайшим вершинам Ирландии и ее волшебным холмам, могучим водам и устьям рек; и Бодб описала совершенные деяния и предсказала упадок грядущих времен.

Повесть о боге Мидире из Бри Лейт связывает богов из сидов с другой группой богов - богами возрождения, которые, по-видимому, изначально ассоциировались не с доисторическими могильниками, **[184]**а с заморскими путешествиями. Как бы то ни было, обе группы богов обитают в потусторонних странах.

Дом Мидира находится в Земле Обетованной в сиде Бри Лейт, К западу от Арды в графстве Лонгфорд. Он утверждает, что в прежней жизни Этайн была его женой, но что она была разлучена с ним чарами ревнивой соперницы. Когда в своей новой жизни Этайн становится женой Эохайда, короля Тары, Мидир приходит забрать ее. Мидир и Эохайд играют в фидхелл на большие ставки. Поначалу Мидир позволяет Эохайду выигрывать, и Эохайд возлагает на Мидира задание замостить болота посреди Мита. Выполнив это задание, Мидир вновь приходит к Эохайду и на этот раз выигрывает, после чего в награду требует поцелуя Этайн. Спустя месяц он возвращается за обещанным вознаграждением. Когда король и его двор пируют, а все входы закрыты, Мидир появляется среди них во всем великолепии и уносит Этайн через дымовое отверстие в крыше, и они в виде двух птиц кружат в небе над пиршественным залом.

В этой повести, или, скорее, цикле повестей, Этайн живет по крайней мере в трех поколениях, может, и больше, каждый раз рождаясь вновь. В каждом перерождении она сохраняет свое имя, хотя в каждом случае меняется имя ее супруга. Сначала она - Этайн, жена бога Мидира из сида. Затем она - Этайн, жена Эохайда, короля Тары. Затем она перерождается как Этайн, ее собственная дочь, неотличимая от нее; ибо именно через ирландских женщин мертвые возрождались к жизни поколение за поколением. Мужчины-супруги не играли никакой духовной роли.

Мы увидим, что близкую параллель к этой повести о Мидире и Этайн составляет история о боге Мананнане мак Лире, божественном отце исторического короля VII века Монгана. Единственным значительным отличием является то, что Мидир обитает в сидах, могильных курганах, в то время как Мананнан живет на море.

Ирландские мифологические традиции, по происхождению отличные от преданий о

богах подземного мира,- это традиции Луга и Мананнана. Оба этих бога напрямую связаны с перерождением. Мы видели на континенте следы древнего кельтского культа Луга, но не Мананнана. В ирландской мифологии Мананнан - бог Земли Обетованной или Маг Мелл. Согласно ирландской традиции, там он воспитал Луга и даровал ему знаменитое оружие - шлем невидимости и Щит, позднее принадлежавший Финну мак Кумалу. Валлийская повествовательная традиция (ветвь Манавидан) сохранила его родственные связи лучше ирландской. Здесь он Манавидан, сын Ллира и брат Рана Благословенного. Одна из древнейших ирландских саг, "Плавание **[185]**Брана", повествует о их встрече посреди океана, когда Мананнан направляется в Ирландию из Земли Обетованной; а своими чарами он превращает море и рыбу в цветущую равнину со стадами из Земли Обетованной. Стихи, которые Мананнан поет об этой Земле, являются одним из прекраснейших примеров образности в ирландской мифологии. Здесь следует подчеркнуть, что Земля Обетованная иногда отождествляется с волшебными холмами, большими могильниками; а иногда считается лежащей за морем или озером. Это страна, в которой нет ничего, кроме правды; без смерти и разрушения, без печали, зависти, ревности, ненависти, тьмы, гордости; страна изобилия, полная стад; страна вечной молодости, цветов и плодов. Это Mag Mell, "Прекрасная Равнина", Tir na nOc, "Страна Юных"; Tir Tairngire, "Земля Обетованная".

Естественно, Мананнан и Бран должны были встретиться посреди океана, так как их род тесно связан с морем. В валлийской повести о Брануев, дочери Ллира, их семья живет на скале Харлех в заливе Кар-диган. В Глоссарии Кормака Мананнан называется знаменитым мореплавателем и предсказателем погоды с острова Мэн. Вот отрывок из глоссария, из которого мы видим, как происходит евгемеристическое переосмысление этого божества; "Мананнан мак Лир, прославленный купец, живший на острове Мэн. Он был лучшим мореплавателем в западном мире. По своему знакомству с небом он знал, как долго будет хорошая погода и плохая погода и когда сменится каждая из них. Потому скотты и бритты называли его богом моря, и потому они говорили, что он сын моря, то есть mac lir („сын моря")[35].

Род, к которому относился Мананнан, не принадлежал какой-либо одной кельтской стране, его родиной было Ирландское море и все окружающие его берега с центром на острове Мэн. Именно поэтому, несомненно, в ирландских сагах Мананнан, как и его воспитанник Луг, обычно приезжает из-за моря.

Наиболее интересной чертой Мананнана была его магическая способность создавать иллюзии и его связь с верованиями в перерождение. На самом деле его власть над иллюзиями безгранична. Он сам может менять свой облик и тем самым способен контролировать реинкарнации, перерождения. Он сам оказывается аватаром Луга. Мананнан великий отец, проводник душ, psychopompos. У него нет ни семьи, ни постоянного места пребывания, ни прямых связей с древними культовыми центрами; но своими внезапными появлениями и исчезновениями и с помощью своей способности менять облик он может стать отцом детей, рожденных им от чужих жен. Они не являются его собственными детьми. Он сверхъестественный отец. **[186]**

Самая поразительная история об отцовстве Мананнана - рождение исторического короля Монгана (ум. 615 г.), правившего в Мойлинни на озере Лох-Ней на севере Ирландии, в королевстве круитни (см. выше с. 19). В повести рассказывается, что король, Фиахна Лурган, отправился в Альбу (Шотландию), чтобы оказать помощь своему союзнику Аэдану мак Габрану (королю св. Колумбы) против саксов. Он оставляет свою жену в королевских покоях в Мойлинни. И там перед ней появляется человек благородного вида и говорит ей, что ее муж будет убит в битве на следующий день, если она не согласится зачать от него сына, который будет знаменитым Монганом. Чтобы спасти жизнь своего супруга, она соглашается, и на следующий день незнакомец появляется в Альбе перед армиями Аэдана и Фиахны и побеждает противника Фиахны. Когда Фиахна возвращается домой и жена рассказывает ему о случившемся, Фиахна благодарит ее за то, что она сделала. Сага завершается такими словами:

> "Таким образом, этот Монган - сын Мананнана мак Лира, хотя и зовется Монган сын Фиахны. Ибо когда он [Мананнан] ушел от нее наутро, он сказал матери Монгана:

Я иду домой,
Бледное чистое утро близится:
Мананнан, сын Лира,
Имя того, кто приходил к тебе".

Этот ребенок был необычен тем, что унаследовал способности Мананнана. Это случилось потому, что на третью ночь после его рождения Мананнан пришел за Монганом и воспитывал его в Земле Обетованной, пока ему не исполнилось 12 или, может быть, 16 лет. В другой саге говорится иное: что Монган был перерождением Финна мак Кумала, но он не хотел, чтобы об этом узнали. Однако об этом было объявлено всему народу в Мойлинни Кайльте, воспитанником Финна, пришедшим из страны мертвых. Так как Монган обычно считался сыном Фиахны, возможно, представление о том, что он был перерождением Финна, носит вторичный характер.

Самое странное во всех этих повестях о Монгане то, что он жил в христианский период. В поэме, приписываемой поэту Маэлу Муру из Фахана в Донегале говорится, что Монган пришел из "богатой стадами Обетованной Земли", чтобы встретиться с Колумкилле, и что он попал на небо, укрыв голову под рясой Колумкилле. Возможно ли, что при Фиахне среди круитни произошла реставрация язычества и что они вновь были обращены при Монгане, может быть, под влиянием Колумкилле? Хорошие отношения между Фиахной, королем круитни, **[187]**и Аэданом мак Габраном, королем Колумбы в ирландской Дал Риаде, ясно прослеживаемые в истории о зачатии Монгана, придают этому предположению некоторое правдоподобие.

Ирландские традиционные верования о перерождении вновь отсылают нас к континентальным свидетельствам. Некоторые античные авторы сообщают, что, согласно учению друидов, душа не умирает, но живет in alio orbe. Галльские традиции сохранили определенные следы веры в перерождение, а также представлений о том, что боги выступают в роли psychopompos, божественных отцов человеческих отпрысков, как в случае Монгана. У св. Августина, однако, мы находим интересный отрывок, в котором Августин утверждает "на бесспорных основаниях", что "нечистые духи - сильваны и паны, в народе называемые инкубами,- часто дерзко нападают на женщин; а некоторые демоны, которых галлы называют дусии, обычно и пытаются, и совершают это отвратительное действие". Может быть, св. Августин знал и, конечно, неправильно истолковал истории, подобные тем, которые мы ассоциируем с Мананнаном, рассматривая их сквозь искажающую призму христианских взглядов?

Было бы опрометчиво предполагать, что культ Мананнана мак Лира всегда ограничивался Ирландским морем или даже что он происходил из этого района. Ранняя исландская и норвежская литература зафиксировала предания, демонстрирующие близкое сходство с Мананнаном, культом перерождения и Земли Обетованной. Мифологические традиции рассказывают о некоем Гутмунде из Гласисвеллира, правившем в чудесной стране, напоминающей Tir Tairngire; его подданные не умирают, а живут из поколения в поколение, и его держава называется Odainsakr, "поле немертвых", и Land lifanda manna, "земля живых людей". В этих рассказах подразумевается, что это была страна перерождения, страна молодости и бессмертия. Вероятным центром распространения подобных историй в северных морях были Гебриды. Ранняя норвежская поэма "Ригстула", несомненно, происходит из ирландской среды, и здесь норвежский герой Риг (ирл. ri, "король") является отцом чужого ребенка и, может быть, ассоциируется с морем[37]. В норвежских сагах, а также в норвежских поэмах о Хельги из Старшей Эдды перерождение мертвых происходит в результате посещения страны мертвых и могильников, в которых они похоронены, смертным человеком.

Духовная роль, приписываемая женщинам в этом культе перерождения, очень высока. В этот период развития ирландской мифологии женщина, а не мужчина является духовным посредником, ведущим душу умершего к перерождению в следующем поколении. В действительности **[188]**можно сказать, что в целом высокий престиж женщин - это черта, свойственная ранней кельтской цивилизации и особенно кельтской мифологии. Мы видели матрон (матерей) среди древнейших персонажей галльской

мифологии. В Ирландии местные боги, Tuatha De Danann, считаются "Племенами Богини Дану". Морриган - это "великая королева".

И история, и предания несут отголоски высокого статуса женщин в кельтской мифологии. Римская историография не зафиксировала в кельтской Британии противников-мужчин, равных по значимости Бо-удикке и Картимандуе. В "Героическом Веке" Ирландии Медб, королева Коннахта, является правящей государыней. Айлиль, ее муж, остается лишь ее супругом. И именно Медб является самой замечательной личностью во всех королевских династиях "Героического Века".

В ирландских и валлийских повестях кельтской Британии великие Герои обучаются у женщин не только мудрости, но и боевым приемам. В ирландской саге "Сватовство к Эмер" Кухулин обучается всем боевым приемам у двух воинственных королев - у Скатах, которая одновременно является faith, то есть "прорицательницей", мастером магической мудрости,-- и у Айфэ. В валлийской повести о Передуре (позднее Персивале) герой обучается у девяти gwiddonod из Глостера, которые, по всей видимости, также занимаются военным делом. Они носят шлемы и оружие, наставляют Передура в рыцарстве и боевых приемах, дают ему коня и доспехи. Эти женщины обучают и других молодых людей, которые живут со своими родителями в отдельном доме, "llys", или дворе. Подобное обучение напоминает школу военного мастерства.

Высокий престиж женщин - очень древнее явление на Британских островах. Среди древних пиктов до IX века законом было установлено наследование по материнской линии. Беда говорит, что даже в его дни, когда бы ни возникал вопрос о наследовании королевского трона у пиктов, их правитель выбирался по женской линии. Происходит ли этот обычай от континентальных галлов? По крайней мере, галльские женщины, по-видимому, не были обделены боевым искусством. Аммиан Марцеллин (XV, XII), писавший в IV веке н. э., оставил незабываемое описание галльских женщин-воительниц:

> "Почти все галлы высоки ростом, белы телом, русоволосы; взгляд у них живой и угрожающий; они страшно сварливы и чрезвычайно заносчивы. Когда один из них поссорится с другим и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, **[189]**скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов катапульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил"[*].

Выше мы выдвинули предположение, что ирландские боги по своей природе делятся на три основные группы. Древнейшие из них, вероятно, боги, принадлежащие к первой группе, следы почитания которых мы видели в Галлии. Вторая группа ассоциируется с доисторическими могильниками и носит хтонический характер. Третья группа - боги "перерождения". Среди ведущих современных ученых превалирует тенденция к вычленению четвертого класса, состоящего из мужских и женских образов, героев и героинь, выступающих в ирландской литературной и исторической традиции в антропоморфной форме, но которые, как считается теперь, первоначально были богами и богинями. Этот взгляд, возникший относительно недавно, разделяется не только ирландскими учеными. Он появился среди немецких исследователей фольклора и мифологии в начале прошлого века и оказал значительное влияние на мифологические исследования, посвященные древней Греции и современным славянским народам не меньше, чем германским и кельтским. Мы не можем вдаваться здесь в детальное обсуждение вопроса, но упомянем о некоторых примерах этой новой категории ирландских "богов". Недавняя тенденция представляет любопытный контраст евгемеризму ранних средневековых историков, низводивших ирландских богов до положения людей-захватчиков, овладевавших Ирландией силой оружия (см. выше с. 183).

Божественный статус приписывался Курои мак Даре, правителю Мунстера в "Похищении Быка из Куальнге", на основании определенных магических свойств, которыми он обладал, и некоторых исполняемых им ритуальных функций. Однако в героических повестях он всегда выступает в качестве смертного героя. В тщательном и

---

[*] Перевод по изданию. *Аммиан Марцеллин*. Римская история. СПб., 1994. – *Прим. пер.*

весьма подробном исследовании пр. Джерард Мерфи выдвинул ряд аргументов в пользу божественного происхождения Финна мак Кумала, обитавшего в Лейнстере и Коннахте и выступающего в дошедших до нас сагах в качестве смертного героя. Пр. О'Рахилли заявил, что Кормак мак Арт (см. выше с.57) в действительности был не королем, а богом. Большинство современных ирландских ученых настаивает, что Медб, королева Коннахта в "Похищении Быка из Куальнге", была богиней. Об этом свидетельствуют данные филологии (ее имя обозначало **[190]**"опьянение"), а также длинный список королей, вступавших с ней в ритуальный брак (см. выше с. 120). Тем не менее в ирландской традиции, как и в греческой, персонажи "Героического Века" никогда не изображаются богами, а литературная традиция последовательно представляет их людьми. Эту традицию можно принять такой, как она есть.

В своей блестящей статье профессор Бинчи описал церемониал, с которым традиционно ассоциируется образ королевы Медб, продемонстрировав архаический характер этого образа, установив связь с ритуалом королевской инаугурации как в Ирландии, так и в других странах и доказав на примере аналогичных обрядов, что ритуальный брак с королевой Медб наделял королей божественной властью[38]. Здесь можно добавить, что церемониальный брак правящей королевы можно сравнить с древними брачными обычаями пиктов. Что касается участия мужчины-правителя в церемониале, наделяющем его божественными силами, можно сослаться на определенные церемонии "перерождения" на острове Бали в Индонезии, благодаря которым прошедшие такую церемонию становятся dvija, "дважды рожденными", как высшие касты Индии, и, как эти касты, становятся "богами". Можно вспомнить и про обычай, в прошлом существовавший в Траванкоре в Юго-Западной Индии, где правители выходят из касты кшатриев, а наследование идет по женской линии. Тем не менее, прежде чем раджа сможет вступить на престол, он должен пройти через ритуал, в котором он меняет свою касту кшатриев на касту брахманов, касту "бога", одного из "людей-богов". Этот церемониал символизирует двойное рождение dvija, как человека и как бога. В действительности перед нами обряд перерождения кшатрия.

Ирландские боги всегда изображаются прекрасными обликом и великолепно одетыми. У Луга золотой шлем, золотые доспехи и, кроме того, его знаменитый щит. Ранняя поэма использует фигуру "Луг щита, светлый scal", то есть светлый призрак или дух (см. ниже с. 274), а в поздней саге "Судьба сыновей Туренн" он появляется с магическим оружием своего воспитателя Мананнана из Земли Обетованной. Самого Мананнана при его первой встрече с Фиахной Финдом сага описывает так:

> "На нем был зеленый одноцветный плащ, и заколка из белого серебра в плаще на его груди, и сатиновая рубашка на его белой коже. Золотой обруч на его волосах и две золотые сандалии на его ногах".

И снова мы вспоминаем галлов, описанных Аммианом Марцеллином (XV, XII): **[191]**

> "...все они вообще опрятны и чистоплотны, и в тех областях, а особенно у аквитанов, редко можно встретить даже самую бедную женщину в лохмотьях..."*

Мы никогда не встречали, чтобы боги собирались в Тир Тайрнгире или Тир-на-нОк; но посещали эти страны вместе с королем Тары, наносящим туда временный визит. Эти посещения представляют собой нечто вроде мистерии. Одна из ранних ирландских повестей под названием Baile in Scail рассказывает, как легендарный король Конн Ста Битв был внезапно охвачен магическим туманом, когда он был на королевском валу Тары с тремя друидами и тремя поэтами. Сквозь туман к нему подъехал всадник, который взял его с собой в свой дом в крепости с золотым деревом у двери. В доме был бог Луг, необычайно высокий и прекрасный, а рядом с серебряным чаном, наполненным элем сидела прекрасная девушка, носящая имя "Власть над Ирландией". Из золотой чаши она разливает для Конна разные напитки; и когда Конн делает глоток, Луг, стоящий рядом,

---

* Перевод по изданию: Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб, 1994.-- Прим. пер.

поочередно называет одного из потомков Конна, который будет править Ирландией, и Конн записывает их имена огамом на деревянных табличках. Наконец туман рассеивается, и Конн со своими спутниками оказываются в Таре[39]. Эта повесть символизирует притязания гойдельских правителей Тары на свое божественное право на власть - вероятно, здесь же содержится указание на то, что это божественное право происходит от культа, принесенного из-за моря и заменившего древних местных богов. Сходное приключение - мистерия, как мы можем его назвать,- случилось с внуком Конна, Кормаком мак Артом, однако в данном случае вместо Луга крепостью в Земле Обетованной правит Мананнан мак Лир. В этой повести Мананнан похитил жену, сына и дочь Кормака и отвез их в свой чудесный дом; однако когда он возвращает их Кормаку, он заявляет:

> "Я говорю тебе, о Кормак, что до сего дня ни твоя жена, ни твоя дочь не видели лица мужчины с тех пор, как они были взяты от тебя из Тары, и что твой сын не видел лица женщины. Забери свою семью,- говорит воин.- Я Мананнан мак Лир, король Земли Обетованной, и для того чтобы ты увидел Землю Обетованную, я привел тебя сюда"[40].

Это мистерия в греческом смысле - провидение Земли Обетованной. В некотором роде это и речь в защиту своего образа жизни (apologia pro vita sua) Мананнана, однако в ней остается недосказанным все **[192]**самое важное. Мананнан - единственный ирландский бог, который никогда не приобретал в литературной традиции полностью человеческого облика. Он всегда оставался духовной сущностью.

Это необычная история или ряд историй. Для разума современного человека из всех ирландских богов Мананнан наиболее далеко отстоит от представлений нашего мира. Не последний ли это след пифагорейской концепции самотождественности личности, занесенный в Ирландию из позднего средиземноморского мира через Галлию? Мы знаем, что друиды исповедовали такую философию в Галлии; и мы видели, что ирландская мифология тесно связана не только с мифологией галлов, но и с мифологией Уэльса и даже Шотландии. Это не изолированная мифология, а прекрасный цветок всего древнего кельтского мира.

Ирландская мифология, так же как и греческая, демонстрирует четкий водораздел между мифологией и религией. И в греческой, и в ирландской цивилизации религиозные культы в какой-то отдаленный период, должно быть, дали толчок развитию мифологии; но мифы совершили далекое путешествие во времени и иногда в пространстве от своих первоначальных культовых истоков. Они дошли до нас не как религия, а как литературные сюжеты. Уже не существует ни страха, ни почтения к древнейшим богам, и постепенно, по мере расширения этой пропасти и ослабления религии и веры, изображения этих богов окрашиваются легким юмором и даже грубыми шутками. Во второй битве при Маг Туиред Дагда, когда-то считавшийся "Господином Великого Знания" (см. выше с. 179), становится гротескным и нескладным стариком, "столь толстым и неуклюжим, что люди смеялись, когда он пытался двигаться". Он обладает котлом, в который входит 80 галлонов молока и столько же мяса и жира - целиком козьи, овечьи и свиные туши. Из всего этого для Дагды готовится каша. Его ковш велик настолько, что на нем могут поместиться мужчина и женщина. Однако, и это выглядит достаточно странным, подобные насмешки не затрагивают Луга и Мананнана. Они выделены в особый класс. Почему? Их красота и достоинство никогда не меркнут, как и великолепие их облика.

В великой битве, установившей независимость богов от фоморов, именно Луг, заморский пришелец, Луг Всех Ремесел (Samildanach), ведет богов к победе; и это несмотря на то, что тут же присутствует Дагда, представитель более древних местных богов, также владевший всеми ремеслами и всем знанием. Можем ли мы предположить, что культ перерождения вытеснил древний культ мертвых из холмов-сидов и даже более древний и более распространенный культ природы - рек **[193]**и источников, столь хорошо засвидетельствованный в Галлии? Возможно, широкая пропасть, отделившая ирландскую мифологию от религиозного культа, является единственной причиной того, что христианские монахи не ощущали ничего недозволенного в том, чтобы записывать в

своих книгах мифологические повести. С другой стороны никакие сомнения не мешали им записывать содержащиеся в мифологических историях магические действия. Так, постоянно упоминается таинственная практика наложения магических запретов, известных как гейсы (gessa), и именно нарушение личных гейсов Конайре Мором, легендарным королем Ирландии, привело его к гибели в повести "Разрушении Дома Да Дер га". Широко известно ясновидение, а его проявления часто вводятся глаголом adciu, "видеть",- то есть видеть внутренним зрением: "Вижу красное, вижу очень красное"[41]. Свободно используются чары и заклинания. Техника достижения чудесного видения дословно приводится в одном ирландском тексте и известна как Imbas forosnai, "озаряющее знание", названия других заклинаний записаны вместе со свойственными им поэтическими формулами.

Ирландская мифология - это загадочный мир воображения. Древние народы Средиземноморья имели полное право говорить про кельтские народы, даже про галлов, что они живут "за закатом солнца, вдали от нашего мира". Однако, пожалуй, еще больше кельты были удалены от мира Средних веков. Ирландские боги - не "маленький народец" и не "феи", но высокие, прекрасные и светлые; во всей своей физической силе, власти и чистоте облика и даже одежды они превосходят смертных. Они напоминают описания галлов, которые мы находим у античных писателей. Они не ведьмы и не демоны, не детские выдумки и уж тем более не вульгарное изображение магической власти. Сверхъестественное и непостижимое наделено сдержанностью и достоинством. Никакие вопросы вины, наказания или суда в загробной жизни не тревожат безмятежность того, что Джерард Мерфи назвал "странной красотой" кельтской мифологии. Именно эта странная красота потусторонней атмосферы придает особую притягательность ирландскому мифологическому циклу. **[194]**

ГЛАВА 8
Кельтское христианство и его литература

Принятие христианства Галлией было медленным и постепенным процессом. Мы не располагаем никакими сведениями о начальных этапах обращения, но уже во II веке нам известны свидетельства современников о христианах в Лионе и Вьенне. Общиной Лиона руководил епископ Потин и священник Ириней, в конце концов унаследовавший его кафедру. В 177 г. на маленькую общину обрушились невероятно суровые преследования, многие верующие были брошены в темницу и обречены на жестокие пытки и смерть. Среди мучеников был и епископ Потин. Так как в это время ему было 90 лет, вряд ли он мог вступить на епископскую кафедру незадолго до этих событий, и, таким образом, мы имеем право предположить, что христианская община в Лионе к тому времени существовала уже достаточно давно, несмотря на отсылку Евсевия (Церковная история V, 13) к «тем, через кого были установлены наши дела», и утверждение Сульпиция Севера, что Евангелие задержалось на пути в Галлию, пересекая Альпы.

Наши сведения об этих преследованиях и их последствиях происходят из Послания, написанного галликанскими церквами церквам Азии и Фригии, извлечения из которого приводятся Евсевием, епископом Кесарийским (около 260 — около 340), и из какого-то числа рассказов о галликанских мучениках и их писем. Это Послание является «первым документом галльской церкви и в сущности достоверно»[1]. Оно было включено Евсевием в его *Собрание о Мучениках.* Ныне оно утеряно, но некоторые выдержки из него сохранились в Церковной истории (V. 1-3)[2], являющейся нашим самым полным и самым надежным источником информации об общей ситуации в Лионе и об отдельных мучениках и их страстях. Дополнительная информация приводится Григорием Турским **[195]** (около 540-594), имевшим доступ к некоторым не дошедшим дс нас источникам, возможно лионским, и записавшим их главным образом в своем труде «О славе мучеников» (De Gloria Martyrum, cap. 48' Само послание было написано «слугами Христа в Вьенне и Лионе братьям в Азии и Фригии», а также Элевтерию, епископу Рима. Евсевий, по-видимому, имевший перед глазами их письмо, говорит (V. 3, 4) что оно было отвезено в Рим священником Иринеем:

«Мы попросили доставить тебе это письмо нашего брата и сообщника Иринея,— писали они

папе,— и мы просим тебя, будь к нему расположен: он ревностен к завету Христову». (V. 4)

Согласно свидетельству св. Иеронима[3], Ириней выполнил свок миссию, и у нас нет оснований сомневаться в этом. Его отсутствие в Лионе является достаточной причиной того, что он не подвергся преследованиям. Позднее свидетельство говорит о его мученичестве, не оно довольно туманно, а время и причина его смерти неизвестны.

Согласно Григорию Турскому[4], Потин был, вероятно, первым епископом Лиона. О судьбе самого Иринея (около 130 — около 200) известно немногое. Григорий Турский утверждает, что он был «направлен» (directus) в Лион св. Поликарпом, епископом Смирны. Евсевий цитирует письмо, якобы написанное Иринеем другу, в котором Ириней говорит, что мальчиком слушал в Смирне св. Поликарпа (около 69 — около 155), епископа-мученика, и внимал его рассказам о его общении ее св. Иоанном и другими учениками, видевшими Господа[5]. Ириней вполне возможно, находился в Риме, когда св. Поликарп прибыл туда для обсуждения с Аникетом вопроса о Пасхе, и Евсевий сообщает о дружеских отношениях между двумя епископами[6].

У нас нет оснований сомневаться в том, что Ириней действительно учился у греческих учителей в Малой Азии и Риме, и в самом деле его высокая репутация ученого человека полностью согласуется с такой подготовкой. Очевидно, он много писал, и хотя многое из его трудов исчезло, сохранилось достаточно латинских, сирийских и армянских переводов, чтобы показать, что он сделал многое для придания лионской церкви характера важного связующего звена между церквами Востока и Запада. Он был в действительности первым великим православным теологом, и, за исключением недавно открытого армянского перевода «Демонстрации Апостольского Учения», его теологические труды посвящены апологетике христианства и защите православие. Главной его работой была книга Adversus Omnes Haereses, представлявшая собой прямую атаку на гностицизм и сохранившаяся целиком г раннем латинском переводе, хотя и была написана и частично дошла **[197]**до нас на греческом. Греческий все еще оставался основным языком церкви, но Лион был латинским городом, и Ириней извиняется за осознаваемые им недостатки своего греческого стиля на основании того, что он живет среди кельтов и по большей части говорит на «варварском диалекте»[7].

Самым интересным достоверным фактом, известным о его деятельности в качестве епископа, является его вмешательство около 190 г. в знаменитую дискуссию о Пасхе, столь популярную в следующие века. Между различными европейскими и азиатскими церквами с апостольских времен существовали расхождения как относительно даты, так и способов празднования Пасхи. Азиаты, полагаясь на древнюю местную традицию, рассматривали Пасху как годовщину смерти Спасителя и соблюдали строгий пост, на какой бы день недели она ни выпала, даже на воскресенье; и даже в Риме они продолжали следовать своим традиционным обычаям, заявляя, что они не могут отречься от обычая, происходящего от великих светил церкви, умерших в Азии, в особенности от апостола Иоанна. В 189 г. папа Виктор был склонен исключить азиатов из общения; однако епископы настаивали на мире, а среди них был и Ириней. От имени братьев, руководимых им в Галлии, он написал послание, подчеркивая, что спорным вопросом является не только вопрос о дате, но и о том, как поститься, и что эти различия возникали постепенно в течение долгого периода времени; он напомнил Виктору о более миролюбивом отношении к азиатским братьям его предшественника Аникета и его преемников. Виктор благоразумно согласился с советом Иринея примириться.

Ириней упоминает церкви в Германии[8] и в кельтских странах, и, по-видимому, к тому времени христианство уже получило достаточно широкое распространение в Галлии, возможно, с Лионом в качестве материнской церкви, центра[9]. Во II веке в Галлии больше неизвестно ни одной другой епископской кафедры. После смерти Иринея первым упомянутым в документах галльским епископом был Сатурнин Тулузский, на основании текста «Страстей» которого начало его епископского служения можно отнести к 250 г.; а современные документы показывают, что к этому времени Галлия имела признанную епископскую организацию, особенно на юге, в городских районах. Прогресс христианизации в Северной Галлии был менее заметен, так как здесь древние галльские пахотные земли, в отличие от долины Роны, предоставляли меньше естественных возможностей для развития организации новой религии.

Четвертый век стал новой эпохой для галльского и в целом западного христианства, которая наступила с правлением Константина Великого (274-337), ставшего верховным Августом в 313 г. и в тот же год вместе со своим зятем Лицинием выпустившего знаменитый

Миланский эдикт, который давал христианам большие преимущества. В 323 г он стал единственным императором Запада и Востока, и, хотя Константин официально не принадлежал к христианскому вероисповеданию до своего крещения на смертном одре, он помогал церкви, поощряя ее как в правовом, так и в политическом отношении. Преследования ушли в прошлое. По всей империи установилась полная свобода совести.

Поставив христианство на место официального культа императора в качестве государственной религии, Константин создал объединяющий принцип управления, руководствующегося в своих действиях поддержкой народной религии. В надежде содействовать единству церкви, он с особой ревностью стремился к подавлению схизмы и ереси. Его внимание привлекла донатистская схизма, особенно сильная в африканской церкви, и в 314 г. он созвал в Арле собор епископов западных провинций, на котором присутствовали епископы Испании, Италии. Африки и даже Британии[10], чтобы обсудить различные вопросы христианского учения, среди них вопрос Пасхи.

Донатистская схизма в рамках западной церкви имела местное, лекальное значение. Гораздо более важным был арианский вопрос, разделивший весь христианский мир. Конфликт начался в Александрии в начале IV века. Его непосредственным инициатором стал священник Арий, который, следуя учению Лукиана Антиохийского, отрицал истинную божественность Христа. Поднятый вопрос был, конечно, фундаментальным и возбудил яростные споры по всей ойкумене. В надежде поддержать единство между двумя частями своей империи, а также церквами Востока и Запада Константин созвал в 325 г. Никейский собор. На соборе присутствовало более трехсот епископов, большинство из них представляло церкви, связанные с Александрией и Антиохией; Британия представлена не была, а Галлия насчитывает одну скромную подпись

В самой Галлии самой выдающейся церковной силой и протагонистом в арианском споре был св. Иларий, ставший епископом Пуатье вскоре после 350 г. Его блестящие писания явились главным вкладе у Галлии в вопросы, разрывавшие в то время церковь, и вместе с произведениями св. Афанасия заложили основу православия западной церкви. В течение изгнания во Фригию примерно с 356 по 360 г., куда Иларий был сослан вследствие своей несгибаемой позиции по отношению к арианству, он стал мощнейшим столпом Западной Церкви, тем более влиятельным из-за своего близкого знакомства с Восточной Церковью, к которому его вынудило изгнание. В свободное время, появившееся у него в результате запрета на епископское служение, он написал свое **[198]**величайшее произведение, «О Троице» (De Trinitate). Между тем вскоре после возвращения Илария в Галлию в 360 г. галльские епископы послали письмо, в котором они свидетельствовали ему свое почтение и подтвердили свою приверженность Никейскому Символу Веры. Это письмо является знаком окончания арианского кризиса в галльской церкви, и Сульпиций Север утверждает, что Илария повсюду признавали человеком, вернувшим церковь к ее прежнему состоянию[11]. И его красноречие, и его ученость были высоко оценены его современниками [12]. Он умер около 367 г. В истории галльской церкви его имя является первым великим именем, которое мы встречаем среди мыслителей после Иринея. Его главным достижением была консолидация западного православия. На фундаменте, заложенном в течение IV века, христианство постепенно укрепилось в качестве национальной галльской церкви и создало систему церковной организации, естественно образовавшей составную часть римской гражданской администрации, внутри которой она и появилась и благодаря которой она приобрела финансовую стабильность.

В течение правления Константина многие церкви получили широкие полномочия для обустройства в городских пределах. Епископ, теперь ставший должностным лицом, естественно, сам обосновался в городе, а церковная организация повсюду следовала моделям гражданских служб империи. К концу IV века почти в каждом городе был свой епископ. К моменту смерти Феодосия в 395 г. церковь Галлии была уже организована в структуру диоцезов с четкой епископской иерархией. На протяжении этого периода христианство широко распространилось в Галлии. Знать присоединялась к церкви не только в городах, но и пригородах (vici), которые сформировали ядро «прихода» с церковью и священником, такие как церковь вблизи Бордо, упомянутая св. Паулином Ноланским[13]. Такие городские приходы посещались епископом во время его епископских поездок и описаны Сульпицием Севером в его «Житии св. Мартина», гл. 11 и сл. С распространением зеры среди христианской землевладельческой аристократии возникли частные церкви, строившиеся на

средства землевладельцев на их собственных землях. Одним из самых интересных мест в личной переписке между Сульпицием Севером и св. Паулином является повторяющаяся тема гордости и удовольствия от строительства и украшения их собственных церквей.

Термин «Галльская Церковь» носит слишком общий характер и точнее обозначает церкви галльских провинций. Не существовало единого церковного центра, галльского архиепископства. Церковь была организована в соответствии с границами провинций, которые обладали **[199]**преимуществом перед епископами в решении важных дел, таких как назначение епископов и возведение новых церквей. Постепенно возникли провинциальные соборы, на которых председательствовал епископ гражданской метрополии. В 392 г. св. Амвросий говорит о многочисленных соборах галльских епископов. Уже в 404 г. папа Иннокентий I в письме Витрицию, епископу Руана, запретил епископам выносить свои разногласия на суд епископов из других провинций, призывая их устраивать свои дела, прибегая разве только к помощи Апостолического Престола [14].

Традиционная римская политическая система, в рамках которой развивалась церковь, оказала определенное влияние на природу христианского богослужения. Поэт Авсоний из Бордо, сам исповедовавший христианство, очевидно, рассматривал свое присутствие на утренней молитве в своей личной церкви как обязанность; но религиозные обязанности занимают в его «ежедневных делах» определенное место. и когда ему кажется, что, как он наивно говорит, «Богу было принесено достаточно молитв», он как ни в чем не бывало начинает отдавать рутинные приказания повару Сосии. Даже в конце V века письма и поэмы Сидония Аполлинария, епископа Оверни, будучи и изящными. и личными, и интимными, производят скорее впечатление произведений церковного служащего, чем человека с внутренней глубоко религиозной жизнью и представлениями. Однако мы не должны вслед за Сальвианом считать, что галльские епископы не заботились о своей пастве должным образом. Во время голода епископы щедро выдавали зерно из своих собственных амбаров, отправляя свои запасы за свой счет в самые нуждающиеся районы, выходя далеко за рамки своих должностных обязанностей. В действительности наши данные говорят о тщании, с которым они выполняли свой долг.

В этот период становления официальной христианской организации, гражданского мира и православия в Галлию из Восточного Средиземноморья проник новый свет, вдохнувший в новую религию стремление к более интенсивной духовной жизни. С III века н. э. среди христианских общин в Сирии и Месопотамии распространился египетский аскетизм, побуждавший верующих оставить суету мира и удалиться в пустыню, где они могли бы посвятить себя жизни в одиночестве и духовному созерцанию. В Египте начиная с III века ревностным претворением в жизнь религиозных принципов отличались два района. В пустынях Нитрии, Скета и Климакса на запад от дельты Нила жило множество христианских аскетов, некоторые из них пребывали в полном одиночестве и вели простую и строгую жизнь, соблюдая свои собственные правила, без общей дисциплины, и только по субботам и воскресеньям **[200]**собираясь вместе на евхаристию. В Верхнем Египте принципы общежития были разработаны в начале IV века Пахомием, военная выучка которого в прежней светской жизни, вероятно, отчасти помогла ему успешно организовать киновийную жизнь и установить общие правила в его монастыре Табеннеси.

Обе эти формы аскетизма в IV веке проникли в Западную Европу и, можно сказать, трансформировали официальную религию. Известия об интенсивной религиозной жизни отцов-пустынников впервые, должно быть, достигли Галлии через св. Афанасия, изгнанного из Александрии, где он был епископом, и проведшего 336 г. в Трире. Между 356 и 362 гг. он написал «Житие св. Антония», который прожил 35 лет в одиночестве в заброшенном римском форте в горах Писпира между Нилом и Мертвым морем, и эта блестяще написанная биография не могла не оказать своего воздействия на религиозное рвение западных христиан. Постепенно идеал отшельничества, исходящий от отшельников Нижнего Египта, распространился и достиг Галлии, отчасти благодаря рассказам путешественников, побывавших там, как мы узнаем из «Диалогов» Сульпиция Севера; отчасти из сведений о небольших общинах, подобных тем, что существовали на островах неподалеку от итальянского побережья, о которых мы читаем в поэме «О своем возвращении» *(De Redito Suo)* Рутилия Намациана, описывающей возвращение автора из

Италии в Галлию и мимоходом упоминающей о маленьких общинах на островах Горгон и Капрария.

В начале V века идеал отшельничества вдохновил св. Онората, получившего образование в Греции, основать монашескую общину на острове Лерин у берегов Прованса. Ученость и усердие в вере ее монахов быстро завоевали этой маленькой общине престиж, почти равный авторитету западного университета поздних эпох. Вскоре после основания островной общины в Южном Провансе возникли киновийные монастыри, из них самым известным был монастырь Сен-Виктор под Марселем. Влияние этих двух монастырей было обширным, в первую очередь благодаря их интеллектуальной активности. Из будущих епископов, воспитанных в Лерине, сам Онорат, Евхерий Лионский, Фауст Ризский, Цезарий Арльский входят в список самых знаменитых церковных имен V века в Галлии, а «Уложения» *(Institutes)* и «Собеседования» *(Conferences),* написанные Иоанном Кассианом, аббатом соседнего киновийного монастыря Сен-Виктор под Марселем, являются важнейшими произведениями, посвященными монашеской дисциплине в Западной Церкви до введения Устава св. Бенедикта.

Одновременно с этими знаменитыми монастырскими организациями в Галлии успешно развивались и более скромные, не столь строгие **[201]**монашеские общины, возможно, возникшие в результате распространения практики частных церквей. Св. Иероним говорит о домашнем монастыре, «Хоре благословенных»[15] в Аквилее, в котором он встречался с Руфином. Св. Августин сообщает об общине за городскими стенами Милана во главе со св. Амвросием и о другой общине в Трире, в которой он нашел книгу с «Житием св. Антония»[16], и, вероятно, следует добавить сюда общину, описанную св. Витрицием, епископом Руана, в его «О восхвалении святых» *(De Laude Sanctorum)*[17]. Мы видели, как Сульпиций Север в Галлии, а его старый друг и корреспондент св. Паулин в Ноле, в Италии, соперничали друг с другом в строительстве и украшении своих частных церквей, предназначенных для использования их общиной. Сульпиций Север говорит, что он был окружен «толпой монахов» *(turba monachorum),* а в своих «Диалогах» он изображает сцену, в которой его друг Постуманий, недавно вернувшийся после своей жизни с одним отшельником в североафриканской пустыне, рассказывает о своих впечатлених внимательным слушателям. Новое видение христианства, порожденное восточным мистицизмом и аскетизмом, пришло к св. Паулину как откровение ослепительной славы, властный зов оставить мир и передать свое достояние и все свое имущество — свои *regna,* как называет их Августин,— Христу. Следуя этому зову, Паулин основал частный монастырь в Ноле, в Кампании, где он жил со своей женой-испанкой Тсрасией отныне как брат и сестра. Он называет свою общину *monasterium* [18], а о его немногих избранных насельниках говорит как о «монашеском братстве» *(fraternitas monacha)*[19]. Его переписка со старым другом и наставником Авсонием является красноречивеишим свидетельством той непреодолимой силы, с которой новый аскетический идеал взорвал спокойную официальность галльского христианства.

Великим зачинателем монашеского движения на Западе был св. Мартин, епископ Тура[20]. Он родился скрее всего в 316 г., а умер в 397-м. В прежней жизни он был солдатом римской армии в Паннонии — современной Венгрии — вблизи Дуная, однако, обратившись в христианство, он искал и обрел освобождение от военных властей, когда войско находилось в Вормсе; но точная дата неизвестна. Он провел некоторое время в отшельнической келье в Милане; однако все это происходило именно в тот период, когда достиг своей кульминации арианский спор, и Мартин, очевидно, уже тогда глубоко восхищался Иларием Пуатьеским, духовная жизнь которого, как и его собственная, большей частью сформировалась под влиянием греческой церкви. После возвращения Илария в Рим из изгнания Мартин искал встречи с ним, а затем последовал за ним в Галлию. Там он поселился под покровительством **[202]**Илария, начав жизнь аскета с несколькими монахами в пещерах и деревянных кельях в Лигюже, а позднее основав свой magnum monasterium, «большой монастырь», Мармутье в окрестностях Тура. Лигюже был первым монастырем в Галлии, а Мартин — первым епископом-монахом. Эта фигура была характерна исключительно для «кельтской церкви», что стало ее отличительной чертой на протяжении нескольких последующих столетий.

В своей деятельности Мартин предстает перед нами одновременно организатором и мистиком, и эти качества в соединении с епископским патронажем великого Илария дали ему возможность стать основателем традиционного западного монашества. Иларий, конечно же, оказал на его жизнь огромное влияние, и не подлежит сомнению, что труды Мартина на протяжении всей его жизни вдохновлялись и направлялись самим Иларием. Сложно сказать, до какой степени Мартин обязан столь быстрым ростом своего авторитета, сначала в Галлии, а затем и в Британии, своему ученику Сульпицию Северу, посвятившему значительную часть своей жизни и литературной деятельности созданию образа учителя. Мартин не оставил после себя собственных произведений, но привлекательность сочинений Севера и непосредственность нарисованной им картины неотделимы от вдохновлявшего их святого.

Примечательно, что западное монашество, вдохновляемое и поддерживаемое Иларием, столпом западного православия, стало предметом активного осуждения со стороны галльских епископов. Это может показаться странным, но таковы факты. Об этом постоянно говорится в переписке между Сульпицием Севером и св. Паулином Ноланским. Демократическая система, всегда преобладавшая в монашеских общинах, была совершенно чужда церковной иерархии, основанной на системе римской гражданской администрации. Растущая вражда между епископами и монахами в Галлии стала особенно очевидной в начале V века, а епископское осуждение в особенности относилось к назначениям монахов на вакантные епископские кафедры. Недовольство этой практикой недвусмысленно выражалось и папским престолом и было озвучено в знаменитом письме *Cuperemus quidem*, обращенном в 428 г. Целестином, епископом Римским, к епископам Вьенна и Нарбонна по случаю епископских выборов на Арльскую кафедру. Папа протестует против избрания «странников и чужестранцев» (peregrini et extranei) на епископские кресла через голову местного клира, известного своей пастве и имеющему право на продвижение по службе в тех районах, где они трудились. Он открыто выражает свою неприязнь к епископам-монахам. **[203]**

> Те, кто не возрос в Церкви, поступают противоположно обычаям Церкви, ...придя от других обычаев, они принесли с собой свои традиционные способы... одетые в плащи и препоясав чресла... Такое обыкновение, может быть, и могут соблюдать... те, кто обитает в отдаленных местах и ведут свою жизнь вдали от других людей. Но почему должны они одеваться так в церквах Божиих, изменяя обыкновения стольких лет, таких великих прелатов, на другие обычаи?»[21]

Мы остановились на раннем христианстве Галлии, поскольку современные тексты являются относительно полными и аутентичными. У нас нет современных местных свидетельств об истории ранней церкви в Британии, за исключением нескольких надписей на камнях, найденных в западной части острова[22]. Местные литературные тексты в Британии появляются не ранее VI века, а в Ирландии, где письменность была введена, по всей вероятности, в V веке, во времена св. Патрика, нашими единственными подлинными документами столь раннего времени являются его собственные произведения. Поэтому в наших сведениях о начальном этапе христианства в Британии мы главным образом основываемся на современных континентальных авторах, а наши самые полные источники информации по этому вопросу происходят из Галлии.

Наши первые непосредственные данные о христианстве в Британии тем не менее исходят из двух африканских источников. Тертуллиан. писавший около 200 г., говорит, что Евангелие уже достигло нероманизированных областей Британии (недоступные римлянам земли бриттов подчинились Христу — Britannorum inaccessa Romanis loca Christo vero subdita)[23]; а Ориген, писавший около 240 г., говорит о христианстве как о силе, объединяющей бриттов (quando enim terra Britanniae ante adventum Christi in unius dei concensit religionem?)[24]. Широко известное предание говорит о трех первых мучениках в Британии — св. Альбане в Веруланиуме[25] и Аароне и Юлии в Карлайле или Честере, или, возможно, в Карлионе. Акростих, нацарапанный на красной штукатурке римского дома в Сирениестере, который с высокой степенью достоверности может быть интерпретирован как крест, составленный из слов Pater noster вместе с alpha и omega, и в целом представляет собой христианскую криптограмму, что предполагает использование креста в качестве христианского символа в Британии еще до Церковного Мира при Константине в 312 г.

У нас нет сведений об обращении Британии или об источнике введения христианства; но очевидно, оно уже было достаточно распространено в ранний период римского владычества, а судя по присутствию трех британских епископов на Арльском соборе в 314 г.[26] и в Римини[27] **[204]**в 359 г., можно сделать вывод, что Британия уже имела церковную организацию[28]. Очевидно, в IV веке она находилась в мире и согласии с галльской церковью, так как св. Афанасий говорит, что британская церковь приняла определения, утвержденные Никейским собором в 325 г.[29], а Иларий Пуатьеский[30], как и Афанасий[31], упоминают британских епископов, как и епископов Галлии, в числе своих последователей. В циркуляре Константина, обращенном ко всем провинциям империи и имевшим своей целью введение единого образца празднования Пасхи, в число стран, к которым было отослано это письмо, включены британцы[32]. Письма св. Иеронима постоянно причисляют британцев к народам, чтящим Христа.

За последние годы к нашим знаниям о христианстве в Британии римского периода многое добавила археология. Небольшое здание, раскопанное в Силчестере, с 1893 г. считается христианской церковью на основании своей планировки, однако, хотя недавно оно было исследовано вновь, результаты исследования еще не были опубликованы и христианское назначение этого здания не вполне доказано. В римском городе Кервенте в развалины римских публичных бань было встроено небольшое здание, план и ориентация которого позволяют с уверенностью говорить о христианской церкви[33]. Это строение может служить свидетельством континуитета римско-британского христианства в пострimский период; однако и в данном случае мы не располагаем неопровержимыми доказательствами. Беда, рассказывая о мученичестве св. Альбана, говорит о церкви в Веруланиуме как все еще существующей в его дни и о других церквах в Кентербери, восстановленных саксонским королем Этельбертом Кентским, из которых одна, расположенная непосредственно за чертой города, была предназначена для его королевы Берты и ее франкского капеллана Лиудхарда, а остальные использовались Августином, его монахами и новообращенными.

Самыми важными раскопками материальных свидетельств римского христианства в Британии являются раскопки виллы Лаллинстоун в Кенте в 1949 г.[34] Между 364 и 370 гг. владелец этой виллы и его семья стали христианами. По меньшей мере две из ее верхних комнат, по всей видимости, были переоборудованы для использования в качестве христианской часовни, а на одной из стен были восстановлены фрагменты крашеной штукатурки, представляющие шесть человеческих фигур, простерших руки в стороны, в соответствии с обрядом ранней христианской молитвы; и вдобавок к этому на стене передней комнаты была нарисована большая монограмма Chi-Pho, заключенная в венок. Очевидно, на этой вилле в течение второй половины IV века жили христиане, и вполне вероятно, хотя опять же не доказано, что они обустроили **[205]**эту часть дома как домашнюю часовню или домашнюю церковь, наподобие тех, что предшествовали независимым базиликам, и христианские богослужения здесь продолжались, очевидно, и в V веке. Уже перед самым окончанием римского владычества и, несомненно, в результате Церковного Мира при Константине христианство стало официальной религией в Британии.

Сообщение между британской и континентальными церквами не прерывалось даже после ухода римлян. Варвары-пираты, уже сделавшие опасными и труднопроходимыми Северное море и Ла-Манш, не устрашали церковных и даже частных путешественников в их поездках на континент и обратно. Довольно странно, что это происходило именно в тот период, когда Рим впервые начал выказывать активный интерес к британским делам. В это время некий Пелагий, монах кельтского происхождения, вероятно, бритт, сыграл важную роль в распространении на континенте определенных взглядов, сочтенных еретическими, и мы узнаем от Проспера Аквитанского, авторитет которого по этому вопросу несомненен, что Британия рассматривалась как цитадель этой ереси[35].

Взгляды Пелагия[36] нигде не выражены им самим развернуто, и мы вынуждены по большей части опираться на сообщения его противников. Ересь, приписываемая ему, отрицала первородный грех и считала, что человек способен избежать греха своими собственными усилиями, не прибегая к помощи божьей милости. Придерживался ли Пелагий таких взглядов еще до того, как он покинул Британию и уехал в Галлию, неизвестно, но

последовавшие за этим длительные и жаркие споры, известные под названием «Милость и Свободная Воля», в результате привели Британию, вероятно, в более тесное соприкосновение с континентальной церковью, чем когда-либо.

Соответственно, в 429 г. папа Целестин послал Германа, епископа Оксерского, в качестве своего представителя (vice sua) в Британию для искоренения зла[37]. Мы располагаем подробным рассказом об этой поездке в изложении Констанция[38], очевидно, лионского священника, писавшего в конце V века, вероятно, по заданию епископа Лиона. Констанций также фиксирует второй визит св. Германа, который скорее всего происходил около 445 г., однако у нас нет данных, подтверждающих этот факт. Из характера повествования Констанция явствует, что оно было составлено прежде всего для назидания и не замышлялось как исторический документ, и сам автор старается снять с себя ответственность за достоверность приводимых им фактов. Он все еще придерживается литературных стандартов, привитых в римских школах Галлии[39]. **[205]**

Даже Британия все еще извлекала выгоду из школьного образования, введенного в этой стране римлянами, принимая активное участие в интеллектуальной жизни континента, а британцы до сих пор могли свободно переезжать на континент и обратно. Это мы узнаем из собрания датируемых этим периодом анонимных писем[40], возможно, пелаги-анских по тону, определенно либеральных по духу и даже демократичных по своим взглядам. Одно из этих писем, по-видимому, было написано британцем, путешествующим за границей, своему отцу, вероятно епископу, так как сын обращается к нему «honorificentia tua» и «parens delectissime». Автор этого письма берет с собой свою маленькую дочку для религиозного обучения на Сицилии и просит своего отца не печалиться по поводу нее, но думать о ней, как если бы она была сыном, «который для своего образования должен быть на время отделен от любящих его»[41].

По всей вероятности, христианство в Британии имело непрерывную историю. В Восточной Британии нашествия язычников-саксов все сильнее затрудняли сообщение с континентальной церковью, и начиная с V века наши континентальные источники прерываются. После этого мы оказываемся в зависимости от британских материалов, археологических, эпиграфических и литературных, дополненных ирландскими (латинскими) источниками по всем этим дисциплинам. Картина, вырисовывающаяся из них, показывает постоянное распространение христианства на запад наших островов за пределы Римской империи.

В бриттском (кельтском) королевстве Стратклайд обнаружены останки двух христианских кладбищ. Эти открытия были сделаны благодаря надписям на знаменитом Кэтстоуне в Керклистоне в 6 милях к западу от Эдинбурга[42], стоящем посреди могил; и по еще более знаменитому могильному камню из Йерроукерка близ Селкерка, который также когда-то стоял на большом христианском кладбище[43]. На юго-западе полуострова Голуэй располагается большое количество ранних камней с надписями[44]. Древнейшим из них считается *камень Latinus* на острове Уитхорне, датируемый V или VI веком. Самый любопытный из Керкмадрайнских камней, поставленных в память о трех священниках, вероятно, также датируется V веком[45]. Три Керкмадрайнских камня и два камня в Уитхорне поставлены в память христиан и, должно быть, находятся на месте древних церквей. В ходе раскопок поблизости были обнаружены ранние церкви, в частности церкви на традиционном месте часовни св. Ниниана на острове Уитхорне, в одноименном поселке[46] и на острове Ардуэлл[47]. Предание VIII века, записанное Бедой (H. E. III. 4), утверждает, что св. Ниниан[48] обратил южных пиктов «задолго до того», как св. Колумба обратил северных. Св. Колумба **[207]**умер в 597 г. Беда добавляет, что locus (место монастыря) Ниниана был известен как Candida Casa («белый дом»), «ибо там он построил церковь из камня, необычного среди бриттов»[49].

У нас нет данных о христианизации острова Мэн, Уэльса или Корнуолла. Тем не менее предполагается, что в Уэльсе христианство без перерывов существовало с римских времен, хотя это и не подтверждено. Один камень из Пентревойласа в Денбигшире, V или начала VI века, весьма вероятно был частью раннехристианского кладбища, располагавшегося на том же месте, где был найден камень[50]. Возможно, самым убедительным свидетельством ранней датировки христианской церкви в Уэльсе является существование в Ирландии ряда христианских латинских заимствований, по-видимому, занесенных в Ирландию британскими миссионерами еще до прибытия в 431 г. Палладия (см. ниже с. 211). Этого запаса религиозных понятий, с некоторыми ирландскими

дополнениями, было вполне достаточно, чтобы создать каркас христианской терминологии для общины с еще очень простой организацией[51]. Первым валлийским святым в местной традиции является св. Дубриций (валл. Диврик), однако первое житие валлийского святого — вероятно, «Житие св. Самсона» из Дола в Бретани — датируется периодом не ранее VII века.

Представляется вероятным, что во времена ранней церкви между землями по берегам залива Солуэй-Ферт, залива Моркам и Ирландского моря поддерживались тесные контакты, благодаря которым они представляли собой общее культурное пространство. Считается, что мэнский язык ближе всего к гэльскому, на котором говорили в то время в Голуэе[52], и вполне возможно, что источником мэнского христианства[53] в ранний период стала процветающая христианская церковь этого региона. Как бы то ни было, и традиция, и археология предполагают, что обращение в христианство жителей острова Мэн восходит к V веку, к деятельности святого, которому посвящена кафедральная церковь св. Германа на острове Пил. Посвящения св. Патрику, по всей видимости, появляются позднее, а ранние доскандинавские кресты не демонстрируют особых ирландских черт. Из шести раннехристианских памятных камней один из Кнок-и-Дуна в Андреасе с надписями как огамом, так и латинским алфавитом относят к V веку. Из трех наиболее интересных памятников с надписями древнейшим является так называемый «ноготковый» столб с надписью, упоминающей епископа Инрейта, датируемый VII веком.

Мы не располагаем никакими письменными свидетельствами в отношении ранней мэнской церкви, но, судя по археологическим материалам, мы можем предположить, что ее структура в целом совпадает **[208]**с ранними учреждениями кельтской церкви на Британских островах. Эта церковь была монастырской по своей организации и состояла из крупных монастырских образований, соответствующих валлийским церквам (clas), с определенным количеством подчиненных церквей, известных в Уэльсе как Пап. Единственное довикингское монастырское образование на острове Мэн, соответствующее валлийскому clas, располагалось в Моголде, где сохранилось богатое собрание крестов, а каменная стела Инрейта предполагает, что Моголд был резиденцией первых епископов. Здесь, как и кое-где в Ирландии и Шотландии, мы обнаруживаем в уединенных местах небольшие жилища отшельников, либо единичные, либо о нескольких хижин, окруженных оградой и содержащих небольшую молельню, такие как Cronk na Irree Laa в нескольких милях к югу от Пила. Особой чертой Мэна является большое число маленьких часовен, окруженных земляной насыпью, часто воздвигнутых над ранними могилами. Они широко распространены по всему острову, четыре из них располагались на церковном погосте в одном лишь Моголде. В ограде обычно находятся также маленькие каменные святилища, более ли менее прямоугольные, известные как кеШз. Точная датировка на данный момент невозможна, однако это скопление часовен вокруг церкви в Моголде сравнимо с многочисленными часовнями, связанными с важнейшими ирландскими монастырями, такими как Клонмакнойс, где их можно видеть до сих пор.

В Корнуолле, как и в Уэльсе, христианство, вероятно, вело непрерывную историю с римских времен, ибо, хотя у нас и нет свидетельств раннего периода, мы видели (см. выше с. 79 и ел.), что Бристольский залив объединял Южный Уэльс и Корнуолл в единую культуру. У нас есть девять памятных камней, которые по своей римской эпиграфике могут датироваться V или VI веками, и два из них демонстрируют раннюю форму монограммы Chi-Rho[54].

Именно римляне первыми научили бриттов резьбе по камню, и несомненно, в конечном итоге именно этой римской технике британы обязаны многочисленностью своих ранних каменных надписей. Кроме того, перед глазами бриттов постоянно находились римские каменные надписи, разбросанные по всей стране. С другой стороны, все бритт-ские (латинские) надписи были сделаны на надгробных памятниках, в то время как римские надгробия носили сугубо официальный и военный характер. Более того, почти все бриттские надписи V века являются личными и христианскими. Подобные прецеденты не были характерны для среды ранних христиан римской Британии, которые, по-видимому, не воздвигали надгробий. Бриттские надписи с V по VII век **[209]**очень напоминают надписи христианской Галлии не только по обычаю именно таким образом чтить память умерших, но и по используемым формулам и типу написания. Хотя в целом фразеология и эпиграфика Британии

сформировались в небольшой временной промежуток, стилистика надписей первых британских надгробных камней была заимствована из Галлии в первой половине V века. Эти характерные черты галльского христианства, очевидно, появились на западных берегах Британии благодаря постоянному морскому сообщению[55].

Особый интерес в этом отношении представляет одна важная надпись с острова Англси. Мы уже упоминали мемориальную табличку в церкви Ллангадваладра в память «славного короля Катамана», то есть короля Кадвана из Северного Уэльса, умершего в 625 г. Эта надпись выполнена почти чистым рукописным полуунциалом и представляет позднейшее континентальное рукописное написание того времени. Две другие надписи с Англси (CIIC nos. 968, 971) выполнены тем же стилем. Сыном Кадвана был великий Кадваллон, убивший короля Эдвина Нортумбрийского, а церковь была, очевидно, основана его внуком Кадваладром, умершим в 664 г. У этой династии были все причины чтить память своего основателя в хвалебных тонах, напоминающих панегирики бардов, и под их же покровительством двор Англси и Северного Уэльса вполне мог начать культурное общение с некоторыми галльскими дворами, отголоски которого мы обнаруживаем в начале IX века.

Мы видели, что саксонские набеги на Восточную и Юго-Восточную Британию не смогли прервать сообщение Британских островов с континентом, и хотя они должны были служить серьезной помехой церковным контактам, они, несомненно, не могли полностью их исключить. В документах зафиксировано, что св. Витриций[56], епископ Руана приблизительно с 380 по 408 г., с которым были знакомы св. Мартин и св. Паулин Ноланский, посетил Британию около 395 г.; история пелагианства, анонимные письма, упоминавшиеся выше, и поездка св. Германа в Британию в 429 г. также предполагают непрерывные связи с Британией в течение всего V века. Это подтверждает и история колонизации Бретани, а в VI веке мы видели, что страны по берегам Ирландского моря объединяли с Галлией постоянные морские пути. И на самом деле именно в этот период в Ирландии появилось христианство.

Как христианство впервые попало в Ирландию? Обычно считается, что обращение произошло в V веке, вероятно в самом его начале, и, возможно, шло по двум направлениям. Наши первые достоверные заметки содержатся в «Хронике» Проспера s. a. 431, согласно которым **[210]**папа Целестин рукоположил некоего Палладия и послал его в качестве первого епископа к ирландцам, «верующим в Христа» (in Christum credentes). Надежность свидетельства Проспера несомненна и предполагает, что еще до 431 г. в Ирландии существовали христианские общины, уже обладавшие достаточно серьезной организацией для того, чтобы Рим послал епископа для обслуживания их потребностей и для включения их в сферу римской церкви. Прямые континентальные свидетельства, доступные нам, не дают указания на первоначальный источник обращения, однако поясняют, что древнейшая христианская организация на острове имела римское происхождение.

С этих пор мы должны опираться на латинские тексты, записанные в Ирландии. Ранняя и непрерывная ирландская традиция (в латинских произведениях) говорит, что христианство было принесено в Ирландию св. Патриком[57] примерно в то же время, когда проходила миссия Палладия, или же вскоре после этого. *Анналы Ульстера* (s.a. 431), несомненно, опираясь на Проспера, сообщают, что Палладий был послан римским епископом Целестином в качестве первого епископа скоттов (ирландцев). В следующем году те же хроники фиксируют (s. a. 432) прибытие в Ирландию Патрика. На самом деле о миссии Палладия нам больше ничего не известно. *Анналы Ульстера* содержат некоторое количество упоминаний о смерти Патрика под разными датами, например, 457 г., где он называется senex Patricius (Quies senis Patricii ut alii libri dicunt); 461 г. (Hic alii quietem Patrici dicunt), и вновь в 492 г. Эти расхождения находили самые разные объяснения[58] и, возможно, частично обязаны своим возникновением компилятивному характеру хроник; однако для наших целей важен тот факт, что в соответствии с древнейшей ирландской исторической традицией христианство было принесено в Ирландию в V веке.

Нашими первыми и в действительности единственными надежными историческими документами о миссии Патрика и основании его церкви являются два латинских письма, на основании внутренних данных датируемые этим периодом и, по-видимому, написанные самим святым. Это «Исповедь» и Письмо солдатам Коротика. Оба лаконичны, но оба чрезвычайно важны. В первом говорится, что Патрик происходил из романизированной

бриттской семьи и что в возрасте 16 лет он был увезен в рабство в Ирландию, что там он провел 6 лет, а затем бежал и что, получив чудесное видение, он вернулся в Ирландию и основал церковь «на краю земли», «ad exteras partes ubi nemo ultra erat (Confessio, 51), «in ultimis terrae» (ibid, 58). Эти выражения не имеют географического значения, но являются традиционной античной формой обозначения Британских островов, все еще использовавшейся, но уже **[211]**не воспринимавшейся буквально. Именно таким образом св. Колумбан уже в начале VII века называет Ирландию в письме папе Бонифацию IV (AD 612-613): «Мы, все ирландцы, обитатели края земли»[59].

Не сохранилось никаких «Деяний» этого святого; не дошло до нас и раннее «Житие». Мы располагаем лишь очень немногими преданиями о его учениках. Было доказано, что почти все документы, якобы написанные им самим или его учениками, являются подделкой[60]. Биографические сочинения Муирху и Тирехана, составленные в конце VII века, утверждают, по всей видимости справедливо, что авторы включили в них предания по крайней мере предшествующего поколения, и соответствуют другим легендам, сохранившимся в более поздних трудах. Эти ранние памятники рисуют нам цельную картину церкви, основанной Патриком в V веке, совершенно римской по происхождению, традиции, характеру и епископской организации. В этом отношении они согласуются с «Исповедью», в которой святой рассматривал себя и своих соотечественников в Британии как римских граждан.

Мы можем отбросить сложный и спорный вопрос об аутентичности и тенденциозности свидетельств о Патрике в целом, ибо его собственные произведения дают нам ясное представление о его миссии и об основанной им церкви, и эти писания V века, конечно, представляют собой первые подлинные свидетельства о христианстве на наших островах с тех пор, как этот вопрос перестают освещать континентальные источники. В действительности общепринятым является мнение, что все эти ранние тексты свидетельствуют о существовании церкви в Ирландии с V века, по всем существенным параметрам организованной подобно современной епископской церкви в Галлии. Мы уже видели, что галльская церковь была по преимуществу городской церковью, отражающей официальную юридическую и административную систему римского гражданского устройства. Вероятно, такова же была организация ранней церкви в Британии, с которой был знаком Патрик. Поздняя легенда о его пребывании в Лерине и о его контактах со св. Мартином Турским, и вообще с любой континентальной церковью, лишена какого бы то ни было основания.

Однако, признавая Патрика родоначальником ирландской епископской церкви, мы сталкиваемся с серьезным затруднением. В наших традиционных представлениях об ирландской церкви VI века церковь Патрика играет сравнительно маленькую роль. Организация частично епископальная, но большей частью монашеская. У нас нет никаких аутентичных сведений о непосредственных преемниках Патрика, а крупные епархии, которые, согласно традиции, возникли по всей Ирландии в этот период, никогда не считались установленными ни им, ни **[212]**Палладием, ни кем-либо из их учеников. Эта ирландская церковь в VI веке предстает перед нами организованной и управляемой по монашескому образцу. Как бы то ни было, не существовало центральной организации, располагавшей властью над всеми монастырями. Каждый большой монастырь был независим и управлялся аббатом, обладавшим полными правами и обязанностями по отношению к его землям и финансам, хотя часто и находившимся в более или менее тесном родстве с крупными светскими владельцами, от покровительства которых, по-видимому, в определенной степени зависело само возникновение и благосостояние монастырей.

Каждый из этих больших независимых монастырей обладал полным самоуправлением. В каждом из них были свои правила и свои аскетические установления. По организационной структуре и по тому влиянию, которое они имели, монастыри соответствуют валлийским церквам (*clas*), «материнским» церквам Уэльса, которые иногда формировали центры подчиненных им церковных общин, а время от времени даже основывали или предоставляли свое покровительство и благословение и распространяли свои преимущества и свои правила на отшельнические убежища (см. ниже с. 215). Среди крупных ирландских монастырей, притязающих на основание святыми и традиционно отно-

симых к VI веку, были Клонмакнойс на западе, основанный св. Киераном, ставший важным религиозным и образовательным центром; Бангор в графстве Даун на северо-востоке, основанный св. Комгаллом и превратившийся в крупнейший центр исторических изысканий; Клонард на востоке, обязанный своим возникновением св. Финниану и вошедший в пословицы из-за количества святых, согласно традиции, вышедших из этого монастыря; Лисмор на юге, основанный Мо-Хутой, развивший интересные интеллектуальные контакты с континентом. Другими важными монастырями были Ардмор в графстве Уотерфорд, основание которого традиция приписывает св. Деклану, главному святому деси, и который до сих пор остается тихой обителью, вряд ли испытавшей какие-либо перемены со времен возведения ее круглой башни; и Имблех Ибайр (Эмли), главная церковь Эоганахтов древнего Мунстера, находящаяся на расстоянии около 50 миль от Ардмора и основанная св. Айлбе. Согласно традиции, эти мунстерские церкви были основаны до прибытия св. Патрика, и это вполне может соответствовать действительности.

Мы не знаем точно, как или когда в Ирландии появилась монастырская система. В некоторых отношениях она сопоставима с системой, введенной св. Мартином в Галлии, и она стремительно распространилась по всему острову, а с ней пришли новый дух мистицизма, **[213]** новый и более строгий образ жизни, большая религиозная ревность и аскетическая дисциплина. Как мы уже видели, это движение происходит от аскетов восточных пустынь, Египта, Сирии и Месопотамии. В своем бегстве от суетного мира эти отшельники отвергали мирскую жизнь и отказывались от родственников и даже от собственных имен. Евгиппий в своем «Житии св. Северина», апостола дунайских племен в Норике (современная Австрия), сообщает, что до конца своих дней святой ни разу не раскрыл своего имени. Эта демократическая открытость, всегда бывшая и все еще остающаяся главным принципом монашества, несомненно, составляла один из решающих факторов его быстрого успеха на западе. Мы также видели, что именно эта черта в новом монашеском движении в Галлии оскорбила папу Целестина (см. выше с. 204).

В действительности это новое движение в Галлии было вынуждено вести суровую борьбу там, где епископальная система церковного управления была глубоко укоренена в системе римского местного управления. В Ирландии не существовало изначальных трудностей организации. Это была пастушеская страна, без городов, никогда не знавшая римской администрации. Монастыри служили превосходными центрами для обслуживания религиозных потребностей и цивилизующего влияния на окружающие племена. Поэтому не возникало конфликта епископских и монастырских прав, который разразился в Галлии. Основные споры время от времени происходили между самими крупными независимыми монастырями. Хроники сообщают несколько случаев, когда такая враждебность даже приводила в поздние времена к вооруженным столкновениям. В целом, однако, Ирландия VII века представляет собой карту крупных монастырских формирований, независимых, глубоко религиозных, охотно культивирующих ученость, образование и цивилизацию.

Важно подчеркнуть, что здесь, как и в Галлии, различие между ди-оцезными и монастырскими церквами является просто различием между церковным управлением и церковной практикой, а не различием в доктринах. Монашеская церковь никогда не была еретической или схизматической. Она во всех отношениях была привержена установленной иерархии католической церкви с епископом во главе и пресвитером, дьяконом и низшим клиром в его подчинении. Епископ освящал церкви и рукополагал других епископов. Он часто жил в монастыре и иногда совмещал обязанности епископа и аббата. Это не противоречило никаким правилам, и хотя это явление монастырского уклада обычно называется «кельтской церковью», этот термин не вполне точен, ибо эта церковь во всех своих существенных проявлениях оставалась **[214]**ортодоксальной. Тем не менее в период, когда варварские нашествия сделали затруднительными заморские путешествия, а церковь в кельтских странах была лишена возможности принимать постоянное участие в деятельности континентальной церкви, церковь в Ирландии стала чрезвычайно консервативной и до некоторой степени устаревшей даже в своих обрядах, и термин «кельтская церковь» стал обозначать именно эту консервативную форму церковной практики. В самой Ирландии монастыри были столь могущественны и многочисленны, что «кельтская» и «ирландская церковь» стали практически взаимозаменяемыми

терминами.

Мы не знаем, какими путями монашеское движение проникло на Британские острова. Некоторые данные указывают на то, что проникновение монашества шло через юг Ирландии, возможно через Ардмор; однако напрямую из Галлии, через Аквитанию, или из Северной Испании, или из Восточного Средиземноморья, неизвестно. Может быть, были задействованы все эти пути. Более того, в тесной связи с развитием монашества во всех западных кельтских церквах возникло движение, исповедующее истовый аскетизм и получившее название *«отшельнической реформы»,* однако следует учитывать, что этот термин не вполне адекватен и может создать неверное представление, так как «отшельники» нередко составляли определенную общность внутри монастыря или же находились в пределах сто юрисдикции, а приверженцы более жесткого аскетизма жили в одиночестве или небольшими группами на удаленных морских островах или в уединенных местах. Шотландский топоним Dysert, ирл. disert (лат. desertum) до сих пор напоминает об этих ранних убежищах, а развалины этих ульевидных строений (clochan) [илл. 39] все еще сохраняются на острове Инишмеррей недалеко от побережья Слайго (см. илл. 40). Небольшое поселение, похожее на орлиное гнездо, было найдено на вершине скалы Скеллиг Михаел в 8 милях от побережья Керри (см. илл. 41); подобные общины располагались на островах группы Внутренних Гебрид и на острове Рона[61], с молельней и кладбищем в 60 милях к северу от мыса Батт-оф-Льюис, а также на острове Сула-Скер[62], в десяти милях от Роны, с часовней и ульевидиыми хижинами. Именно в поиске подобной уединенной земли в океане Кормак уа Лиатан, аббат Дарроу, одновременно епископ и отшельник, оказался в арктических районах и в конце концов прибыл на остров Иона[63]. Самым интересным из этих путешествий представляется историческое путешествие св. Колмана, который, по сообщению Беды (H. E. IV, 4), удалился со своими последователями после синода в Уитби в 662 г. на остров Инишбофин неподалеку от западного побережья Мэйо. **[215] [216]**

Изоляция отшельнических убежищ обеспечила их сохранность, а простота архитектуры может легко ввести в заблуждение относительно строительной техники ранней ирландской церкви. На более удаленных островах мог использоваться только местный камень, и притом такой, который легко отслаивался, так как находившиеся в распоряжении отшельников инструменты исключали возможность настоящей камнедобычи. В целом эта техника на удивление искусна: необработанные каменные плиты аккуратно выкладывались на кронштейне, образуя свод, с таким расчетом, что верхняя часть выдавалась немного наружу, чтобы предохранять от дождя. *Clochain,* раскопанные Ф. Анри на острове Северный Инишкей[64] в стороне от западного побережья графства Мэйо, являются небольшими искусными сооружениями, а на примере хижин на Скеллиг Михаел мы видим, что в качестве лесов здесь использовались камни, выступающие на фасаде clochan и составляющие подобие винтообразной лестницы[65]. Все clochain внутри совершенно сухие, а самые большие из них могли спокойно вмещать более двенадцати человек. **[217]**

С другой стороны, профессор О'Келли недавно блестяще показал[6]-, что наиболее доступный Черч Айлснд у берега Керри неподалеку от Валенции, где местное братство могло рассчитывать на помощь монахов с другого берега, подходящие строительные камни привозились морем, и в результате воздвигались более сложные сооружения. В самой Ирландии сохранилось лишь несколько ранних церквей, но среди них — небольшая церковь Килмакедара и так называемая молельня Галларус, находящаяся до сих пор в превосходном состоянии (см. илл. 42). По ним мы можем судить об искусстве строителей и их умении возводить более сложные конструкции[67]. Эти церкви в плане не круглые, а четырехугольные, только с закругленными углами. Внутренний свод Галларуса сконструирован таким образом, чтобы уменьшить расстояние между опорами сводчатой крыши. Дверные проемы и внутренний скос крошечных окон также служат для архитектурных целей. Камин уложены так, что дождевая вода стекала снаружи, а внутри было сухо. **[218] [219]**

Технология возведения всех ранних ирландских церковных сооружений исключала возможность больших построек. Эти ирландские церкви, маленькие, либо стоящие отдельно, либо представляющие собой комплекс зданий, находят ближайшие аналоги в

традиции ранних армянских церквей, являвшихся скоплением небольших построек. В Ирландии этот тип построек можно проследить на примере монастырских поселений на острове Инишмеррей у побережья Слайго, поселения на Скеллиг Михаел; группы более поздних строений, известных под названием «Семь Церквей» на острове Аранмор в заливе Голуэй [илл. 44], а также церквей в Ардморе (см. илл. 45) и Клонмакной-се. С норманнским завоеванием и появлением в Ирландии цистерианского ордена (см. ниже с. 250) все изменилось. Архаические архитектурные ирландские традиции почти полностью ушли в тень, уступив новым архитектурным стилям, примером которых могут служить **[220]** впечатляющая норманнская церковь Кашеля и аббатства Меллифонт, Джерпойнт и Бойл (см. илл. 25, 46, 47, 48).

Отшельников[68] часто отождествляли с калди[*], с которыми у них было много общего; однако истинное происхождение калди до сих пор неизвестно. Их название, по всей видимости, первоначально означало «товарищ Бога» (ср. лат. соте») и стало употребляться в смысле «клиент», «зависимый человек», возможно, по аналогии с юридическими отношениями[69]. Такая организация, как предполагает термин, не обладала четкой структурой и, вероятно, варьировала в зависимости от местных условий. Так, по крайней мере, в Шотландии она представляет собой сравнительно позднее явление. Ранний «Устав Отшельников», **[221] [222] [223] [224]**известный как «Устав Колумкилле», предписывает им жить в одиночестве в пустынных местах вблизи главного монастыря; тем не менее термин «Отшельническая реформа» не заключает в себе специального значения. Некоторые документы, такие как «Устав Таллахта»[70], свидетельствуют лишь о том, что уставы некоторых монастырей иногда формулировались аббатами чрезмерно строгого нрава[71].

Ирландский документ, известный как Catalogus Sanctorum, якобы современный аскетам V века, но на самом деле составленный в IX или даже X веке[72], разделяет святых Ирландии на три класса, помещая св. Патрика в первый разряд, основателей крупных монастырей — во второй, а третий разряд, как сообщается, составляют «те, кто обитают в пустынях и живут травами, и водой, и подаянием, и не имеют ничего своего». В действительности это не отражает хронологический порядок. Эти аскеты и отшельники были современниками великих святых VI века[73], а термин «отшельническая реформа» несколько некорректен. Это движение отражает мощное влияние восточного аскетизма, обнаруживаемое в Галлии, где Григорию Турскому были известны отшельники в лесу Ла Перш и в других местах; и в Бретани на маленьком архипелаге у берега Пемпольского полуострова на севере[74] и даже в провинции Галисия в Северной Испании; однако тихий созерцательный образ жизни был наиболее характерен именно для западной кельтской церкви, и в конечном итоге послужил толчком к развитию особого жанра отшельнической поэзии, уникальной по чистоте и простоте личной преданности Богу и любви ко всем проявлениям природы (см. ниже с. 279).

Была неизбежна борьба за первенство между епархиальной церковной системой традиции Патрика[75] и «федерацией монашеских общин»[76], монастырской системой так называемой «кельтской церкви» — где первая опиралась на освященный временем порядок и высочайший престиж, которым она пользовалась в континентальной церкви, а вторая представляла собой инновацию, твердо укрепившуюся в Ирландии. Мы мало что знаем о начале этой борьбы, большей частью из-за того, что о св. Патрике не упоминает ни один сторонний автор. О нем не говорят ни Гильдас, ни Беда. У Адамнана нет ни слова про Патрика или его церковь, то же и у Колумбана. Однако в VII веке у нас появляется «Житие Патрика», написанное Муирху, подчеркивающее ведущую роль святого в возникновении церкви Армы; а *Memoir* Тирехана, определяя размеры его епархии (paruchia), в действительности отождествляет ее со всей Ирландией. Борьба за верховенство в ирландской церкви шла полным ходом, и к IX веку престиж Патрика и церкви Армы чрезвычайно повысился. «Век Святых» все еще жил в памяти и был **[225]**бесценен как для духовной истории ирландского народа на родине, так и для его интеллектуального влияния за границей. Но он больше не обладал первостепенным значением в официальных кругах.

Результат этой борьбы зависел от принципа единства. Отсутствие какой-либо формы

[*] Калди, англ. Culdee – происходит от ирл. Cele Da, раб Божий. – *Прим.пер.*

централизованной организации в кельтской церкви, как и в раннеирландской политической системе, сделало ее уязвимой и, конечно, подготовило ее вытеснение сильной централизованной властью. Это и произошло после завоевания Ульстера, могущественнейшего королевства Ирландии того периода, династиями Уи Нейл-лов (см. выше с. 85 и ел.), причем все они номинально подчинялись [77] своему верховному королю в Таре. До этих пор в Ирландии не было центральной доминирующей династии. Из ирландских законов можно сделать вывод, что высшей инстанцией королевской власти в Ирландии в ранний период был король провинции[78]. Так называемый «верховный король» (ard-ri Ирландии — чистый вымысел, созданный позднее в пропагандистских целях в поддержку династии Тары. Эта задача оказалась не такой уж сложной, так как с завоеванием Ульстера Уи Нейллы также завладели Эмайн Махой, древней столицей уладов в двух милях от Армы. С этих пор целиком к услугам Уи Нейллов были как древняя унаследованная устная культура Эмайн, так и новая письменная латинская культура, усердно культивируемая в Арме. Их культурная политика базировалась на почитании св. Патрика и первых памятниках письменности, создавших древнюю вымышленную верховную королевскую власть в Ирландии и поддержавших эту иллюзию всей мощью могущественной церкви.

Между тем мы видели (см. выше с. 86), что северная ветвь династии Уи Нейллов, обосновавшаяся на Северо-Западе Ирландии, продвигаясь на восток, завоевала Ориел и угрожала маленькому северному королевству Дал Риада. Мы также видели, что в V веке ветвь династии Дал Риады пересекла море и основала династию в Юго-Западной Шотландии и шотландское королевство Дал Риада, позднее известное как королевство Аргайл. До того времени эти земли, по-видимому, находились под властью пиктов, но традиция не фиксирует никаких столкновений между ними, и судя по всему, напротив, новое королевство могло стать результатом мирной колонизации, проходившей с согласия пиктов. Северные Уи Нейллы, поочередно с династией Тары занимавшие положение главы всего рода Уи Нейллов, должно быть, осознавали, что завоевание Ульстера и возникновение церкви Армы неизбежно повлечет за собой образование ветви южных Уи Нейллов с центром в Таре и закрепление за этой ветвью статуса верховных правителей всей Северной и Центральной Ирландии. Соответственно, они стремились **[226]**к экспансии за море, объединившись с династией Дал Риады в Аргайле (Airer Goidel, «страна ирландцев»).

Членом рода северных Уи Нейллов, представлявшим эту династию в Аргайле, был св. Колумба. В качестве потенциального наследника королевской власти Тары он обладал высочайшим авторитетом. Он использовал самый надежный способ укрепить мощь нового королевства, объединив свое политическое влияние с престижем Дал Риады и основав новый центр для кельтской формы ирландской церкви на Ионе, находившийся, как сама Арма, под королевским покровительством. Именно здесь он короновал Аэдана короной шатландской Дал Риады. Именно отсюда он договорился о мирной колонизации шотландских земель с Бруде, сыном Маелхона, королем северных пиктов, которого Беда называет «могущественным королем» *(rex potentissimus),* и, заручившись поддержкой этих двух королевств, сделал свой монастырь на Ионе главой кельтской церкви. Конструктивная государстве-ная деятельность, а также духовные и интеллектуальные качества Колумбы способствовали мирному возникновению того образования, которому в политическом отношении позднее суждено было стать королевством Шотландия, а в религиозном — главой кельтской церкви в Ирландии, Шотландии и Англии.

О духовной жизни Колумбы мы узнаем большей частью из сочинений бардов и из его биографии, написанной Адамнаном. Все поэмы и литературные произведения, приписываемые ему и его современникам, были написаны позднее, возможно, за исключением «Чуда св. Колумбы из Килле» *(Amra Choluimb Chille)* (см. илл. 49). Эта поэма написана чрезвычайно искусным аллитерационным стихом[79], приписывается ирландскому барду Даллану Форгайллу и, как считается теперь, действительно была создана в VI веке. *Amra* («чудо») представляет собой панегирик святому, а причиной ее написания, согласно традиции, стала благодарность Даллана за поддержку Колумбой поэтов Ирландии, которым угрожало изгнание за их чрезмерные требования по оплате своих трудов. Большое количество разрозненных остатков поздней поэзии бардов, якобы написанных при жизни святого, а также литературная деятельность, которую традиция приписывала самому Колумбе, отражает признательность потомков самому

замечательному члену династии, прославившейся своим покровительством как поэтам, так и латинской учености.

Уклад монастыря на Ионе был типичен для монашеской кельтской церкви. Колумба был священником и аббатом, но не епископом, и всегда уступал епископу проведение обедни. Беда (H. E. III, 4) сообщает как о характерной черте церкви Колумбы, что ее главой всегда был **[227]** священник. Аббаты-преемники Колумбы всегда следовали традиционной ирландской модели «сонаследования», когда аббат обычно являлся членом (com-orba «сонаследник») рода первооснователя монастыря. Церковь Колумбы была ирландской по сути. Самый знаменитый аббат Ионы, биограф святого Адамнан был правнуком двоюродного брата Колумбы и представителем Cenel Conaill северных Уи Нейллов. Выразительным свидетельством высокого статуса, коим обладала Иона в ранний период истории, является тот факт, что эта островная обитель быстро стала верховным монастырем «кельтской» церковной конфедерации, то есть так называемых «колумбовских» общин в Ирландии, и почти добилась той степени единства, которая могла бы придать им характер устойчивой организации. Силу Ионы подорвали набеги викингов. Монастырь подвергался разграблению в 795, 802 и 806 гг., а в 825 г. все население было перебито. Реликвии Колумбы и юрисдикция над его церквами приблизительно в это время были, по-видимому, разделены между Данкелдом, находившимся в безопасных внутренних районах верхнего Тея, и Келлсом в Ирландии. С этих пор центром «кельтской церкви» стал Келлс.

Как мы увидим, были и другие, более существенные причины снижения авторитета церкви Колумбы. На протяжении VI века с усилением и консолидацией власти королей Тары главенствующее положение в Ирландии занял культ св. Патрика, и как результат значение Армы — **[228]**его главного святилища — необычайно возросло. Биография святого, вышедшая из-под пера Муирху, и *Memoir* Тирехана, написанные в интересах Армы, способствовали укреплению культа св. Патрика, а настойчивость, с которой Муирху подчеркивает соблюдение этим святым обряда празднования Пасхи в Таре, говорит о стремлении к церковному единству, полностью согласующемся с политикой Рима. Многочисленные произведения, сегодня рассматриваемые как постпат-рикианские подделки, но выдававшиеся за современные св. Патрику документы, говорят о существовании мощного движения, опиравшегося на монастырские скриптории, главной целью которого было возвеличивание святого, прибывшего в Ирландию не в качестве основателя монастырей, а как непосредственный посланник епископальной церкви, поддерживаемой Римом и Галлией и уже укоренившейся в Британии.

Разногласия по поводу принципов организации и управления, которые были характерны для ранней церкви как в Галлии, так и в Ирландии, наблюдались не только в этих странах. Они существовали во всех кельтских странах, островных и континентальных. Эти расхождения в VI веке привели к спору, обычно называемому «спором о Пасхе», так как предмет его составляла дата празднования Пасхи. Ортодоксальная церковь официально приняла практику датировки Пасхи, установленную в 457 г. Викторием Аквитанским. Кельтская церковь, с другой стороны, справедливо гордясь своей длительной историей и авторитетными памятниками, предпочитала придерживаться традиций, переданных ее учителями. В действительности получившийся в результате долгий и жаркий спор касался отнюдь не поверхностных деталей, как могло бы показаться. Суть его лежала гораздо глубже, и речь шла о борьбе римской церкви, с одной стороны, за установление церковного единства под своим верховенством, которое одно могло обеспечить сохранение ортодоксального христианства на Западе; и о борьбе кельтской церкви, с другой стороны, за сохранение своей духовной независимости и права придерживаться своих древних и освященных традицией обычаев.

На нашем острове этот предмет обсуждался в разных землях независимо друг от друга. В высшей степени значимо, что юг Ирландии, всегда поддерживавший прямые контакты с континентом, первым принял римское уложение. Письмо Куммиана, вероятно бывшего аббатом Дарроу, Сегену, епископу Ионы (623-652 гг.), подразумевает, что уже к 629 г. большая часть Юго-Восточной Ирландии празновала Пасху в соответствии с римским обычаем. Письмо сохранилось до наших дней[80], хотя текст сильно поврежден, и это единственный дошедший до **[229]**нас документ о споре о Пасхе, написанный в Ирландии. Чтобы нанести своим противникам окончательное поражение, проримская партия послала

своих представителей за инструкциями в Рим — что говорит о постоянном сообщении с континентом,— и в 636 г. юг Ирландии присоединился к «новому уложению, недавно присланному из Рима». Интересно отметить, что в этом они опередили кельтскую церковь в Британии. Более того, прошло около шестидесяти лет до принятия этого обычая Северной Ирландией.

История нортумбрийской церкви пестрит разнообразными событиями. Эдвин, английский король объединенной Берникии и Дейры, был обращен св. Паулином из Кентербери в 627 г. После его смерти трон унаследовал Освальд, в правление Эдвина находившийся в изгнании в Шотландии. После своего восшествия на престол он пригласил святого Айдана из Ионы и возродил в Нортумбрии церковь Колумбы. Освальду наследовал его брат Освиу, разделявший его северное изгнание; но Освиу женился на дочери Эдвина, приверженице римской формы христианства, в которой ее наставлял Паулин. Сосуществование двух укладов при нортумбрийском дворе создало невозможное положение и было разрешено на синоде в Уитби в 663 г. королем Освиу в пользу Рима.

Св. Паулин был направлен в Кентербери непосредственно из Рима, и после синода в Уитби следовало ожидать, что нортумбрийская церковь предпримет попытку привести в подчинение Риму все церкви Колумбы. Беда сообщает, что нортумбрийский монах Эгберт долго и безуспешно стремился к этому в Ирландии, и вероятно, восстановление в конце VII века епископской кафедры в Уитхорне в Голуэе, ставшего к этому времени англосаксонской территорией, задумывалось как основание центра давления на Ирландию. Его первым епископом был Пектельм, ученик Альдхельма из Малмсбери, состоявший в переписке с Бедой. Начиная с 686 года и в течение двух последующих лет аббат Ионы Адамнан гостил при дворе короля Альфреда, своего друга (amicus) и воспитанника (alumnus), на тот момент правившего Нортумбрией; видимо, по этой причине его симпатии оказались на стороне римского уложения. В результате он присоединил свои усилия к стараниям монаха Эгберта в Ирландии, и, как говорит Беда, «он привел почти всех, кто не был под верховенством Ионы, к кафолическому единству». Победа римской партии в Ирландии была, вероятно, закреплена на синоде в Берре около 697 г., на котором председательствовал сам Адамнан. Адамнан и Эгберт затем отправились на Иону, где вскоре после этого Адамнан скончался (704 г.), но в 716 г. остров Иона праздновал Пасху по римскому образцу. В том же году король южных **[230]**пиктов после переговоров с нортумбрийским аббатом Кеолфритом из Ярроу изгнал из своего королевства клир «церкви Колумбы». Статус главы ирландской церкви теперь перешел от Ионы к Арме. Победа церкви св. Патрика и аббатства Армы была полной.

В Уэльс и континентальные кельтские церкви ортодоксальный обычай пришел позже. Беда ничего не говорит об обращении Уэльса в христианство, но посвящает длительное повествование попыткам св. Августина Кентерберийского добиться подчинения Уэльса. Беда говорит, что Августин совершил две поездки на запад, чтобы побеседовать с британскими епископами и умолить их сохранить кафолическое единство «с собой» и «вместе с ним», чтобы проповедовать Евангелие язычникам (gentibus), то есть саксам. После их отказа он уехал, предсказав, что было равносильно проклятию, что им воздается от рук их врагов,— предсказание, которое, как считает Беда, сбылось в битве при Честере в 616 г. Беда — наш единственный источник в этой истории, которую он рассказывает в стиле саг, разделив на три эпизода и, очевидно, позаимствовав все это повествование из устной традиции. В действительности валлийцы не принимали римской власти в лице архиепископа Кентерберийского по крайней мере на протяжении жизни еще целого поколения и после смерти Беды, а в Корнуолле вплоть до X века. Континент, естественно, принял реформированную Пасху раньше Британии — испанская Галисия уже в 633 г., а в кельтских монастырях Центральной Европы реформа была по большей части принята к VIII веку; однако перемены проходили очень медленно, а древние обычаи умирали с трудом. В 818 г. крупное аббатство Ландевеннек в Бретани при своем аббате Матмоноке подчинилось приказанию Людовика Благочестивого оставить кельтские обычаи и принять римскую тонзуру и Устав св. Бенедикта, а за ним последовали остальные бретонские монастыри.

Одним из самых впечатляющих обстоятельств в истории кельтской церкви является отсутствие в ней мучеников. Даже спор о Пасхе протекал достойно и не нанес морального урона ни одной из сторон. Более того, он породил целый свод сочинений приверженцев обеих

партий, ставший для нас основой для изучения духовной истории этого периода. В документах, созданных представителями так называемой «римской» партии, мы обнаруживаем первые следы влияния континентальной литературной традиции той эпохи — появление хронологии и исторических произведений в виде местных хроник и осознание важности точности в документации. Важнейшей ирландской компиляцией соборных уложений и канонического права было «Собрание гиберний-ских канонов» *(Collecnio Canonum Giberniensis),* появившееся в Галлии в **[231]** VIII веке. Впрочем, еще до того эта книга была известна и переписывалась в Бретани. Компендиум был составлен в Ирландии, а копии и версии размножались в начале VIII века членами «римской» партии[81]. Создатели письменных памятников «ирландской церкви», несомненно, вдохновлялись желанием сформулировать традиции, правила и идеалы, переданные от учителей, верность которым они и пытались сохранить. Литература ирландской церкви не представляет собой произведений опытных теологов и не является образцом схоластики; но в Уставах, таких как Устав Таллахта, так называемом Уставе Колумкилле, составленном Колумбаном из Боббио, и в Пенитенциалиях явственно ощущается дух религиозности ранней кельтской церкви, который диктует суровый распорядок монашеской жизни.

Наиболее значительным результатом этого спора в литературе стало создание житий кельтских святых, их деяний, обстоятельств их рождения и смерти, их чудес — без которых в тот некритический век не мог быть установлен ни один культ, не мог завоевать популярность ни один святой или святилище. История житийной литературы на континенте началась одновременно с самим христианством. Самой ранней формой были, возможно, «Деяния апостолов» в Новом Завете. Позднее из этого жанра развилась поминальная служба, естественное приспособление к христианским потребностям панегирических и элегических речей языческих времен. Знаменитые христианские примеры — погребальная речь (поминальное слово) христианского ритора Паката, посвященная св. Паулину Ноланскому (ум. 431 г.), а на западе поминальная служба св. Илария Арльского по св. Онорату, основавшему в начале V века монастырь Лерин[82]. Уже между 356 и 362 гг. св. Афанасий использовал форму повествования, ставшую популярной со времен греческих романов, и блестяще применил ее в своем «Житии св. Антония», а постоянное место житий в агиографии было закреплено «Житием св. Мартина», принадлежащим перу Сульпиция Севера.

Древнейшее дошедшее до нас «Житие св. Патрика» было написано Муирху (см. выше с. 229), который во Введении говорит, что пишет в новой форме, преподанной его «отцом» Когитосом. Вероятно, это ссылка на «Житие св. Бригиты», написанное Когитосом ранее в VII веке[83]. Ввиду повествовательной формы «Жития св. Патрика» Муирху ссылка автора на «новый стиль» предполагает, что подобный нарративный жанр уже достиг Ирландии и вытеснил более древнюю форму деяний. Школа Армы, приверженцем которой был Муирху, уже испытывала влияние новейших литературных веяний.

Классическое произведение житийной литературы «кельтской» партии — «Житие св. Колумбы»[84], написанное Адамнаном, его дальним **[232]**родственником и преемником на посту аббата. Строго говоря, это сочинение сложно назвать биографией; оно не представляет собой единого повествования, разделяясь на три части. Первая состоит из пророчеств святого, вторая — из его чудес, а третья — из откровений. Ко времени его написания, вероятно, между 685 и 689 гг.[85], эта литературная форма уже устарела, уступив место нарративным моделям, ставшим популярными благодаря Афанасию и Сульпицию Северу. Впрочем, Адамнан был знаком с поздней нарративной формой агиографии, поскольку «Житие св. Германа», написанное Констанцием, было уже известно в Ирландии и цитируется в «Житии» самим Адамнаном (II, 34). По стандартам того времени Адамнан был высокообразован и мог считаться интеллектуалом. Он был хорошо знаком с литературой, популярной на континенте[86]. В другом своем сочинении, «О святых местах» (*De Locis sanctis*)[87], он рассказывает о том, что узнал от галльского епископа Аркульфа, который был вынужден высадиться на Ионе, сбившись с курса во время своей поездки из Восточного Средиземноморья после посещения Иерусалима и многих других «святых мест». Беда знал это произведение, которое Адамнан подарил королю Альдфриту Нор-тумбрийскому, и очевидно, высоко его ценил, поскольку он рассказывает об

обстоятельствах его написания (H. E. v 15) и приводит некоторые детали его содержания, добавляя, что король приказал сделать с этой книги множество списков, а ее автор был отпущен с богатыми подарками. Весь этот рассказ свидетельствует о пробудившемся в кельтских странах интересе к географии современного мира, в который большой вклад, должно быть, внесли путешествия peregrini («странников»), как доказывают повести Адамнана об Аркульфе и Дикуйла о Фиделисе (см. ниже с. 236).

«Житие св. Колумбы», написанное Адамнаном, представляет собой ценное историческое произведение. Как все агиографы того времени, он писал преимущественно в назидательных, чем в исторических целях. Однако его упоминания исторических личностей и событий обладают редкой для своего времени точностью и актуальностью, и несмотря на то что многие из них туманны и невероятны, в целом он дает нам самую достоверную картину жизни ранней церкви в Британии до появления произведений Беды[88]. Несомненно, это самый замечательный текст, дошедший до нас от древней кельтской монастырской церкви Ирландии.

Самым известным и влиятельным приверженцем кельтского уклада был св. Колумбан. Он первым вынес спор о Пасхе за пределы Британских островов и защищал кельтские порядки перед Святым Престолом в ряде писем к папам Григорию I и Бонифацию IV[89]. Эти письма остаются **[233]**уникальным источником по ирландской позиции в споре о Пасхе. Св. Колумбан был также самым знаменитым из ранних реге§пш, людей, которые, как св. Колман из Линдисфарна, покидали свою родину с группой сторонников в поисках религиозного идеала и основывали религизные общины со строгой дисциплиной в отдаленных землях. Св. Колумбан был по рождению лейнстерцем, членом братства св. Комгалла в Бангоре в графстве Даун, но около 590 г. он с двенадцатью учениками отправился на континент в качестве peregrini, пройдя через Западную Галлию в Бургундию. Там он поселился уединенно в лесу Аннегрей, а позднее основал два других религиозных сообщества в Люксее и Фонтене, первое из которых стало знаменитым центром учености; но отношение св. Колумбана к спору о Пасхе и его прямо высказанные взгляды о необходимости более строгой дисциплины сделали его непопулярным как при дворе, так и среди бургундских епископов, и он был вынужден оставить эту страну, отправившись к дворам Нейстрии и Австразии, а затем в Швейцарию.

Некоторое время он жил неподалеку от Брегенца в обществе своего ирландского друга и ученика, св. Галла, который следовал за ним во всех его странствиях из Бангорского монастыря. В конце концов св. Галл решил поселиться в Швейцарии, а на его могиле был основан монастырь, ставший знаменитым центром учености, до сих пор носящий его имя и обладающий одной из самых ценных библиотек в Европе[90]. Сам Колумбан пересек Альпы и прибыл в Ломбардию, куда он был приглашен королем и королевой, подарившими ему для поселения долину в Апеннинах. Здесь его долгая Одиссея завершилась основанием монастыря Боббио, не менее знаменитого своей ученостью, чем Санкт-Галлен. Оба монастыря стали важными сборными пунктами ирландских peregrini, державших путь в Рим. Интересное «Житие св. Колумбана» было написано Ионой, ставшим монахом Боббио в 618 г. и, должно быть, лично знавшим многих сподвижников святого[91].

Влияние св. Колумбана на цивилизацию Западной Европы сравнимо с влиянием св. Колумбы[92]. В частности, его влияние, сказывавшееся на континенте через основанные им монастыри, стало главным фактором в развитии интеллектуальной жизни раннего Средневековья. Более того, толчок, который эти монастыри дали к развитию учености, книжности и реализации того интеллектуального потенциала, который несет с собой революция, производимая письменным словом, выходит далеко за пределы собственных литературных достижений св. Колумбана. Он был последним и величайшим представителем кельтского монашества в его самой строгой форме, включавшей требование аббатского контроля над монашеской администрацией. **[234]**

Колумбан не был оригинальным мыслителем или глубоким ученым, но его влияние, как и влияние его великого тезки Колумбы, следует оценивать скорее по его практическим достижениям, чем по литературным трудам. И все же он вовсе не отставал от стандартов латинской образованности того времени, а его стиль все еще сохраняет свою силу, впечатляя энергичной и прямой риторикой. Устав св. Колумбана[93], несомненно, по большей части составлен им самим, являясь первым дошедшим до нас уставом ирландского происхождения. Хотя он и был написан на континенте, но отражает уклад ирландской церкви и, вероятно, воспроизводит «Устав» знаменитого монастыря Бангора, основанного св. Комгаллом, в

котором Колумбан проходил свое обучение. Он используется для руководства духовной жизнью киновийных общин, вводя принцип абсолютного повиновения, постоянный труд, непрерывный аскетизм и благочестивые упражнения. Свод исповедальных правил, приписываемый св. Колумбу, также в основном опирается на предшествующую традицию ирландских пенитенциалиев[94], но придает особое значение частоте личной исповеди.

Древний исхоженный путь в Рим через Альпы, древняя римская дорога, позднее известная как «варварский путь» (*via barbaresca),* стала главной дорогой пилигримов в «Век Святых»; а на ее обочине располагались специальные странноприимные дома для пилигримов[95]. Аббатство Санкт-Галлен находилось вблизи этого пути, и «Житие св. Галла» и другие документы сохранили детали характерных обычаев и поведения пилигримов. Как во всех караванных поездках, древних и современных, путешественники двигались большими группами, и Валафрид Страбон, писавший в начале IX века, говорит, что привычка путешествовать стала второй натурой скоттов (то есть ирландцев). Хотя они, по-видимому, не могли нести с собой хоть какое-то количество книг, но представляется важным, что таблички для письма назывались в Германии «таблички скоттов» *(pugilares Scotorum).*

Преданность ирландских монахов учености уже хорошо была известна за пределами Ирландии в VIII веке. В одном из самых примечательных своих отрывков Беда говорит (Н. Е., III 27) о ревности ирландских монастырей к преумножению знаний и об их щедрости по отношению к английским ученикам, «знатным и простым», приходившим к ним либо для религиозных штудий, либо для жизни по более строгому уставу. Некоторые из них избирали монашескую жизнь, в то время как другие предпочитали продолжать свое обучение, посещая кельи разных учителей. Ирландцы приветствовали их, проявляя чрезвычайное гостеприимство, бесплатно снабжая их книгами и наставлениями. Даже на континенте от Ноткера Заики (около 840-912)[96] мы узнаем, что **[235]**в Галлию прибыли два ирландца, сведущие в сакральной и профанной учености, которой они предлагали поделиться столь же громогласно, как иные предлагают свои товары. Они были с честью приняты Карлом Великим, от которого они не спросили никакой платы за свое преподавание, кроме жилья, одежды и пропитания. Для одного из них Карл устроил в Галлии школу для знатных и бедных, а другой стал учителем в Павии на столь же великодушных условиях[97].

Одним из первых ирландских ученых, часто посещавших каролингский двор, был Дикуйл, ставший учителем в дворцовой школе[98]. Его научные и литературные труды представляют большой интерес и замечательны для своего времени. Вероятно, он был монахом на Ионе и, может быть, учеником Суибне, аббата, умершего в 772 г. По крайней мере, он находился в Ионе во время посещения монастыря одним паломником, возвратившимся из Святой Земли до 767 г., и он знал ирландских отшельников на северных островах, очевидно, *papar* (ирландские отшельники) на *Thile* (Исландия) и на Фарерских островах, вынужденных покинуть свои обители из-за викингов (см. выше с. 151). Представляется вероятным, что он сам посещал Фареры, выдвигались также предположения, что его переселение на континент произошло в результате разграбления Ионы в 806 г. Его основные литературные произведения посвящены астрономии и статистике, написаны вперемешку прозой и ритмическим стихом. Им же написано сочинение «Об измерении земли» (*De Mensura Orbis),* являющееся первым географическим обзором подобного рода во Франкской империи. И хотя автор в основном опирается на римскую географию, особенно на труды Плиния, он обладает слишком живым умом, чтобы удержаться от вставки собственных реминисценций — упоминаний о слоне, посланном Харуном аль-Рашидом Карлу Великому в 804 г.; рассказа, который он слышал, о паломничестве монаха Фиделиса в Святую Землю; а также рассказа об Исландии и Фарерах. Его географический труд в части привлечения современного материала предвосхищает перевод Орозия, сделанный королем Альфредом, что свидетельствует о растущем интересе к географии на Западе в IX веке.

К середине IX века, когда варварские нашествия угрожали традиционной классической учености на континенте, новую жизнь как в науку, так и в схоластическую мысль Западной Европы вдохнули ученые с Британских островов, англосаксы и кельты, в частности ирландские ученые. Ирландцы в особенности оказали глубокое и неизгладимое влияние на европейскую культуру IX и последующих веков. Особенно интересны кружки ученых ирландцев в Лаоне, на северо-восток от Парижа, и в Льеже, к востоку от Брюсселя, обосновавшиеся в этих городских **[236]** центрах примерно в середине IX века и существовавшие там по меньшей мере десятилетие. Приблизительно в это время

появляются сообщения о нескольких ирландцах, прибывших с миссией ко двору короля Карла Лысого в Льеже от Маэла Сехлайнна, ирландского короля, с известием о победе над норвежцами и просящих свободного проезда для паломничества в Рим. Примерно в то же время, и, может быть, в качестве члена той же миссии, мы обнаруживаем в Льеже Седулия Скотта или Скоттигену, поэта, ученого, писца, теолога и придворного, одного из ученейших людей своего времени. Он был тесно связан с небольшой группой ученых, которые, как и он сам, вероятно, по пути в Льеж на некоторое время задержались при дворе Мервина Вриха, короля Северного Уэльса, который, по всей видимости, был достаточно культурным человеком (см. выше с. 143). Наши данные на самом деле подразумевают, что двор Мервина в Северном Уэльсе был в то время общепризнанным перевалочным пунктом и культурным центром на привычном пути паломников из Ирландии ко двору Карла Лысого в Льеже и что ирландские, а, может быть, также и валлийские ученые почитались в Льеже за свою образованность и придворный лоск.

Среди ирландских ученых, объединившихся вокруг льежского двора, центральной фигурой, несомненно, был Седулий Скотт[99]. Точные места его рождения и его обучения неизвестны, хотя определенные указания в его сочинениях предполагают, что по крайней мере часть его литературных источников была ирландского происхождения. По словам Лейстнера, «как неизвестная доселе комета, ирландец Седулий появился в Льеже в середине IX века (845-858 гг.), чтобы исчезнуть столь же таинственно, как и появился»[100]. Его труды в равной мере примечательны как своей разнонаправленностью, так и точностью, и утонченной латинской ученостью; особенное внимание привлекает его безупречное владение широким спектром латинских метров. Его хороший вкус в латинской стилистике явствует из высокой оценки, которую он давал Цицерону. Среди отрывков из латинских авторов, которые Седулий включил в *Collectaneum*[101], он использует не менее семи произведений Цицерона, в то время как его современники ограничивались одним или двумя. Общепризнанно и то, что он обладал какими-то познаниями в греческом, хотя и не слишком глубокими. Колофон греческими буквами на рукописи греческого Псалтыря, хранящейся ныне в Париже, гласит: «Я, Седулий Скотт, написал» (Sidulos Scottos ego egrapsa) [102].

Сочинения Седулия сами собой свидетельствуют о его владении всеми литературными жанрами того времени. В *Collectaneum* он собрал извлечения из самых известных произведений античных авторов, а в то **[237]**время, когда книги и библиотеки были сравнительно редки, такие сборники имели практическое значение. Эта форма достигла своего классического развития в Adages Эразма. «Книга о христианских правителях» *(Liber de Rectoribus Christians)*[103], написанная прозой со стихотворными вкраплениями, которые в основном подытоживают предшествующие прозаические отрывки, представляет собой ранний пример исследования в области политической теории и главным образом посвящена обязанностям правителей. Эта книга получила признание во всей Европе от России до Исландии и известна под названием «Зерцало Князей». Важно отметить, что в этой работе Седулий, очевидно, испытал влияние главы о «Неправедном царе» из анонимного ирландского трактата De Duodecim abusivis saeculi, написанного в начале VIII в. Он разделял живой интерес своего времени к грамматическим изысканиям и написал комментарии к Евтихию, Присциану и Донату, а также внес свой вклад в современную литературу по библейской экзегезе своим «Собранием комментариев к Евангелию от Матфея» *(Collectaneum in Matthaeum)* и «Собранием комментариев ко всем Посланиям апостола Павла» *(Collectaneum in omnes beati Pauli Epistolas).* Последнее произведение представляет для нас особый интерес, поскольку оно принадлежит к числу комментариев на послания апостола Павла, которые почти все напрямую происходят из Ирландии. На этом основании, как отмечает Кении[104], можно предположить, что Седулий либо написал свой *Collectaneum* в Ирландии, либо использовал книги, привезенные оттуда.

Сегодня с наибольшим удовольствием мы вспоминаем Седулия за его стихотворения[105], всего их дошло 83; ибо при всей своей учености он сохранил живость ума и богатство воображения, свойственные его землякам, и хотя для своего времени Седулий был уникальным человеком по разнообразию и правильности своих лирических метров, он обладал легкостью пера, что доказывает его талант. Именно с этой яркостью написаны стихотворения, обращенные к Хартгару, епископу Льежа (840-854 гг.), с просьбой о принятии в его школу и с просьбой, одновременно серьезной и шутливой, о помощи себе и своим товарищам-ученым — о предоставлении вина, мяса, меда и лучшего жилища. Та же легкость и такт, с

которыми он обращается к Хартгару, не нанеся ему обиды, позволили Седулию обратиться с приветствием к преемнику Хартгара, епископу Франко. Подобно современному поэту-лауреату, Седулий был мастером торжественного стихосложения, значительная часть его поэм, написанных в величавом стиле, посвящена общественным событиям современной ему эпохи, будь то смерть епископа Хартгара (no. XVII) или вступление на кафедру его преемника **[238]**Франко (XVIII, XIX, LXVI). Многие поэмы адресованы членам королевской семьи — самому королю Карлу Лысому, императору Лотарю, его супруге Эрменгарде и их сыновьям Людовику и Карлу (XII-XXVII et alia). Три стихотворения на современные ему события, по всей вероятности, опять связывают его с двором Северного Уэльса. Одно из них, носящее название «О поражении норманнов» *(De Strage Normannorum)* (XLV), на самом деле представляет собой благодарственный гимн в честь победы над норвежцами — этим «враждебным родом» *(gens inimica),* этими «презренными людьми» *(homines viles)* — и, вероятно, было вдохновлено битвой, в которой был убит предводитель викингов Горм (см. выше с. 146). Другое стихотворение (XLVП), по всей видимости, посвящено «алтарю», воздвигнутому королем Рориком, несомненно, Родри Великим, королем Северного Уэльса. Вполне возможно, что эти три стихотворения были сочинены до прибытия Седулия на континент; впрочем, в это время Карл был так напуган набегами норвежцев, что смерть их предводителя, конечно, могла стать поводом для веселья в Льеже, и для Седулия было бы вполне естественно запечатлеть это великое событие.

Может быть, именно юмор Седулия в шуточных стихотворениях выделяет его среди современников, отличавшихся более мрачным взглядом на мир, столь свойственным для Средневековья. Так, он обращается к своему другу Роберту, склоняя по падежам его имя (LУШ).

> Славный муж Роберт,
> Возрастают хвалы Роберта.
> Христос, будь милостив к Роберту,
> Продли годы жизни Роберта...

Его дар утонченного юмора наиболее полно проявился в пародийной героической поэме из 140 строк на смерть барана, разорванного на куски собакой (XLI). Эта поэма завершается эпитафией. Баран, находясь в безвыходном положении, устрашает собак — всех, кроме одной,— героической речью в десять строк, составленной в традиционно высоком ключе, а после героической смерти барана Седулий с дерзким легкомыслием произносит хвалебную речь в возвышенном стиле античного эпоса:

> «Был он лишен недостатков и не говорил пустых слов, Баа и Бее были таинственные звуки, которые он произносил. Когда агнец воцарился высоко, чтобы спасти грешников, Сын самого Господа испытал горькую смерть. Идя по пути смерти, разорван жестокими псами, так, славный баран, ты погиб за непокаявшегося вора. Как овен был принесен в жертву вместо Исаака, так и ты — жертва вместо бедняги»[106]. **[239]**

Поэтический талант Седулия более всего виден в его произведениях, посвященных религиозным праздникам, национальным бедствиям, красоте природы, символизируемой весной. В отрывке из «Книги о правителях» *(Liber de Rectoribus)* он плавно переходит от ужасов войны к впечатляющему описанию шторма:

> «Когда неистово бушует буря и порывистый восточный ветер низвергается с высоких гор, белый град падает из облаков и качаются леса, и вздымается морская волна, и ветер бросает угрозы звездам, когда сверкает молния, тогда страх сжимает сердце дрожащего смертного, не погубит ли гнев небесный род человеческий»[107].

По контрасту с яростью стихии он со смирением вспоминает мягкость природы весной в стихотворении на Пасху, когда «земля позволяет расцвести луковицам, таящим в себе цветы, и радуется, одетая в разноцветное платье цветов. Теперь яркоперые птицы смягчают воздух песней, из своих молодых клювов они изливают торжественную песню. Небеса

ликуют, земля рада и стократно возглашает аллилуйю. Теперь церковный хор, поющий песнь Сиона, поднимает свою осанну ввысь к небесам»[108].

Среди самых очаровательных поэм Седулия, посвященных менее серьезным темам,— небольшая эклога «О состязании розы и лилии» *(De Rosae Lilique Certamine)* (LXXXI), идиллический диалог, в котором лилия и роза оспаривают друг у друга превосходство — роза хвалится своим ярким цветом и называет себя сестрой зари, любимой Фебом; лилия за свою бледность считает себя символом девственности, любимой Аполлоном. Спор разрешается Весной, предстающей в виде юноши, раскинувшегося на траве, который напоминает им, что обе они сестры-близнецы, дочери земли, их матери.

Одновременно с узким кругом ученых и поэтов, собравшихся вокруг Седулия в Льеже, свои произведения создавал самый выдающийся ирландец на континенте в IX веке, Иоанн Скотт Эриугена, Иоанн Ирландец[109], о котором справедливо говорится, что он был ярчайшей индивидуальностью, которую Ирландия дала континенту в Средние века, не считая Колумбана [110]. Тем не менее эти два человека были чрезвычайно далеки друг от друга. Колумбан в сущности был практиком, активнейшим участником борьбы за сохранение особенностей ирландской церкви, защитником ее идеалов и фактическим руководителем. Иоанн был прежде всего ученым и мыслителем, одновременно теологом и философом; впрочем, его независимость и оригинальность мышления не дают возможности однозначно отнести его к какой-то определенной **[240]**категории. Мы ничего не знаем о его происхождении и жизни до 850 г.; но около 850 г. Иоанн появляется в среде ирландских ученых, трудившейся под покровительством Карла Лысого в Лаоне и Реймсе, сразу же проявив себя как выдающаяся личность. По-видимому, он был членом дворцовой школы, по крайней мере с 845 по 870 г., и хотя его знания как латыни, так и греческого поразительны, у нас нет оснований полагать, что он был клириком; нет у нас сведений и о его личной жизни.

Оценивая уровень ирландской учености, можно сказать, что настоящим критерием для ирландских ученых в этих центрах к западу от Рейна было знание греческого языка. В самом деле, создается впечатление, будто греческий при франках того периода стал ирландской монополией. Естественно, ирландцы владели этим языком в различной степени, среди знатоков можно назвать Мартина Лаонского и самого Седулия. Мы располагаем греческим Псалтырем, в конце которого находится греческий колофон: «Я, Седулий Скотт, написал». Однако познания в греческом у Иоанна были уникальны для его ученых современников и достигали такого уровня, что позволяли ему правильно интерпретировать даже сложные греческие тексты, что по справедливости было оценено Карлом Лысым, который поручил ему переводить Псевдо-Дионисия, особенно трудного для перевода автора, и Ambigua Максима Исповедника (ум. 662 г.). Он также переводил и другие тексты греческих отцов церкви. Тем не менее его главным трудом стал в высшей степени оригинальный трактат, заключавший в себе его философские и теологические взгляды на Создателя и Вселенную, написанный на латыни между 862 и 866 гг. с греческим названием и латинским подзаголовком, «О Разделении Природы». Иоанн на столетия опередил свое время, и его оригинальное произведение уносит нас за пределы кельтского мира в средневековую Европу.

Ученость ирландского духовенства в этот период достигла поразительных высот. Впрочем, в этом не было чего-то нового. Мы уже встречали в текстах Беды искреннее признание достижений Ирландии в делах ученых, что в эту эпоху вовсе не было новостью. Тем не менее едва ли даже сегодня мы в полной мере можем осознать то, насколько не-связан был этот интеллектуальный подъем с развитием письменности. Письменность играла лишь второстепенную роль в долгой истории ирландской, как, впрочем, и всей кельтской, учености. История кельтской литературы — литературы, которая дошла до нас со времен языческой Ирландии и лишь в сравнительно поздний период была включена в фонд письменных текстов,— не оставляет никаких сомнений в том, что христианская литература и латинские научные трактаты, принадлежащие **[241]**перу ирландских ученых, были обязаны своим появлением на свет веками культивирующейся устной традиции,

появившейся первоначально в Галлии, а затем в других западных кельских странах. Это стало возможным благодаря высокому и почетному статусу фили-дов, класса образованных людей, ответственных за ее сохранение и верную передачу.

Идеализм и аскетизм, присущий «Веку Святых», получил наиболее полное выражение в практике странствий так называемых *peregrini*. искавших уединенной жизни на островах в океане. Эти сюжеты стали основой для целой группы ирландских повестей, известных под названием *Immrama* (ед. ч. immran), о которых подробнее мы поговорим в десятой главе (см. ниже с. 289). Они имеют вполне реальную подоплеку. Частью они являются отголосками реальных путешествий, таких как плавание Кормака уа Лиатана, о котором рассказывает Адамнан (см. выше с. 215), и странствие трех ирландцев, посетивших короля Альфреда в 891 г., как говорится в *Англо-Саксонской Хронике.* Однако мы видели (см. выше с. 166 и ел.; с. 185), что истории о подобных путешествиях уже достигли своего полного развития в ирландской литературной традиции языческого периода и тесно связаны с жанром «приключений» *(echtrai).* Два рассказа о путешествиях св. Брендана, которые будут рассмотрены позже, в действительности представляют собой непосредственное описание peregrinatio, добровольного изгнания, которое было одним из характерных аскетических испытаний «Века Святых». Может быть, главное различие между «приключениями» и «плаваниями» заключается в том, что в «приключениях» на передний план выходят сцены Потустороннего Мира, а описания путешествий, совершаемых под землей или в лодке по морю, выполняют подчиненную функцию. В immrama Потусторонний Мир помещается на островах в Западном море, а история представляет собой повествование о путешествии и приключениях, выпавших на долю путешественников в их поисках Земли Обетованной со времени их отправления до их возвращения.

Из христианских штгата древнейшее — «Плавание лодки Майль-Дуйна» *(Immram Curaig Maile Duin),* которое в дошедшей до нас форме датируется X веком, но, вероятно, основывается на оригинале VIII века [111]. Мы подробнее остановимся на этой саге (см. ниже с. 317). Здесь кратко можно сказать, что в истории о Майль-Дуйне и его молочных братьях рассказывается о их путешествии по безбрежному океану, посещении фантастических островов и о чудовищах, будто сошедших со страниц средневековых бестиариев и поздних античных романов. Два других христианских Immrama, перечисленных в *Лейнстерской* **[242]***Книге,* также сохранились. Одно из них — это «Путешествие Снедгуса и Мак Риаглы» *(Immram Snedgosa ocus Maic Riagla),* сага IX или X века, оригинальной версией которой является поэма в 76 станцах[112]. Интересное упоминание в поэме норвежских набегов, введенное как предупреждающий элемент, подразумевает в качестве наиболее вероятного времени написания X век. Это рассказ о двух регедпш с Ионы, совершающих плавание на запад. Во время своего плавания они посещают восемь островов. Некоторые эпизоды позаимствованы из «Плавания Майль-Дуйна» *(Immram Mae1e Duin)* и из визионерской литературы, обсуждаемой ниже. Можно отметить и многочисленные библейские реминисценции. Третье «Плавание», упоминаемое в списке *Лейнстерской Книги,*— «Плавание лодки О'Хорра» (*Immram Curaig Ua Corra),* сохранившееся в поздних рукописях. Текст в дошедшем до нас виде тоже поздний, но содержит более древний материал, обнаруживаемый уже в «Плавании Майль-Дуйна» и в «Плавании Брендана» (см. ниже), так что эта сага, скорее всего, основывается на раннем оригинале, возможно даже VIII века[113].

Рассказы о паломничествах ирландских святых через море имели хождение в ирландских монашеских кругах уже примерно к 800 г. Из них самой большой популярностью пользовались повести о путешествиях св. Брендана из Клонферта"[4],— как повествование, содержащееся в «Житии Брендана» *(Vita Brendani),* которое дошло до нас в двух версиях и многочисленных вариантах, так и более знаменитый рассказ, представленный в «Плавании Брендана» *(Navigatio Brendani).* Наши данные говорят о том, что морское плавание, занимающее столь важное место в «Житии», не было составной частью его прототипа, который включал, возможно, лишь путешествие святого в Британию. С другой стороны, плавание по океану составляет сюжет гораздо более знаменитой повести о Брендане, «Плавание Брендана» *(Navigatio Brendani),* которая, по всей видимости, представляет собой сочинение X века, весьма вероятно, первой его половины[115]. Аллюзии на эту повесть в первых версиях «Жития св. Мало» предполагают, что если они были частью оригинальных текстов, легенда о Брендане

может датироваться началом IX века[116].

Взаимосвязи различных легенд о Брендане в действительности представляются чрезвычайно запутанными, и у нас есть все основания полагать, что большое плавание Брендана из Клонферта первоначально приписывалось его старшему современнику, св. Брендану из Берра. *Мартиролог Таллахта,* вероятно, IX века, 22 марта поминает «отъезд семьи Брендана»[117], где упоминается именно Брендан из Берра. «Плавание Майль-Дуйна», которое считается древнее легенды о плавании **[243]**Брендана, говорит о единственном выжившем из пятнадцати учеников Брендана из Берра, нашедшем прибежище на острове в западной части Океана[118], а в *Мартирологе Эпгуса* (29 ноября), который считается написанным ранее 800 г., в связи с его именем появляется туманная аллюзия на море. *Литания святых пилигримов*[119], содержащаяся в *Лейнстерской Книге,* говорит о паломничестве Брендана, не раскрывая этой темы.

Повесть «Плавание Брендана» была составлена в конце IX или начале X века по образцу таких сочинений, как «Плавание Майль-Дуйна». Это прозаическое латинское произведение, дошедшее до нас практически в своем первоначальном виде, а данные рукописей показывают, что оно не может датироваться временем позднее первой половины X века и списано с ранней копии. Герой его — св. Брендан Мореплаватель, о котором в *Анналах Улъстера* s. a. 557 (recte 558) или 563 (recte 564) говорится, что он основал монастырь Клонферт в графстве Голуэй и умер в 564 г. (recte 565). Однако первое упоминание об этом святом содержится в «Житии св. Колумбы», написанном Адамнаном (I, 26; III, 19), а слова Адамнана и само «Житие» предполагают, что он был родом из Керри. «Плавание», как явствует из самого его названия, рассказывает не о жизни святого, но только о его плавании, сюжет которого представляет собой завуалированную картину идеальной монашеской жизни, заключенную в рамки чудесной саги. Большое внимание уделяется наставлениям Брендана и соблюдению монашеского уклада, это свидетельствует о том, что автор был, несомненно, монахом.

«Плавание»[120] открывается приходом к Брендану однажды вечером некоего отца Баринта, который только что вернулся после посещения Мернока. Мернок когда-то был членом его общины, но бежал, избрав жизнь отшельника, и теперь возглавляет большую монашескую общину на Острове Радости. Община Мернока очень напоминает общины египетских пустынь, где каждый монах живет в отдельной келье, а все они встречаются в церкви на богослужениях и питаются только овощами и плодами. Баринт рассказывает, что он и Мернок вместе сели в маленькую лодку и поплыли на запад к острову, который они называли «Обетованной Землей Святых», где и провели 15 дней, наслаждаясь цветами и плодами этого чудесного острова, после чего они вернулись к общине Мернока на Острове Радости. Через 40 дней Баринт уехал. На обратном пути он провел ночь со св. Бренданом и его братьями.

После 40-дневного поста Брендан и 14 монахов отправились в лодке на запад в поисках «Обетованной Земли Святых», о которой говорил **[244]**Баринт. Повествование с живописными подробностями рассказывает об их посещениях многочисленных островов и их чудесных приключениях. Сначала они посетили монастырь св. Энды на Аранморе, после чего рассказывается об их чудесных приключениях на западных островах. На одном острове были стада овец величиной больше быков; на другом был «Птичий Рай». Описание острова св. Айльбе представляет подробную картину повседневной жизни общины христианских монахов, давших обет молчания, а затем в «Плавании» описываются чудеса, сходные с теми, которые мы находим в *Liber monastrorum.* Брендана и его братьев чудесным образом кормит, защищает и наставляет юноша, говорящий, куда им плыть, и в качестве духовного наставника следящий за тем, чтобы они исправно выполняли свои религиозные обязанности. Монахи празднуют каждую Пасху, высаживаясь на землю, которую они принимают за большой остров, но которая оказывается на самом деле китом Иасконием (ирл. iasc, «рыба»). Они питаются чудесными рыбами и плодами и избегают опасности на острове-вулкане. Они посещают Иуду Искариота, сидящего на скале во время короткой передышки между адскими мучениями. Они также посещают пещеру, в которой обитает отшельник Павел; и наконец, они прибывают на «Обетованную Землю Святых». Они не допускаются внутрь острова и, получив благословение от своего ангела-хранителя,

отправляются на Остров Радости, а через три дня возвращаются в монастырь Брендана.

«Плавание Брендана» является образцом произведений этого жанра, и даже сегодня эта повесть не потеряла своей привлекательности, отчасти благодаря простоте стиля, а еще больше благодаря описанию добросердечных отношений между Бренданом и его монахами. Структура повести также интересна и необычна, так как перед нами в действительности три «плавания» в одном — краткий вводный рассказ о плавании Баринта для посещения монастыря его бывшего монаха Мернока на Острове Радости; более подробный, но все же схематичный рассказ о совместном последующем плавании Баринта и Мернока на «Обетованную Землю Святых», и заключительное плавание св. Брендана и его спутников к «Земле Обетованной», и их окончательное возвращение в монастырь Брендана, рассказанное со всеми подробностями. Два предыдущих путешествия служат введением к нему, представляя собой в определенном смысле remsela, «предварительные саги». Это прекрасное литературное произведение; оно заслуженно приобрело большую популярность в средневековой Европе и было переведено на многие языки[121].

На протяжении всего повествования большое внимание уделяется наставлениям Брендана, которые он произносит перед своими монахами, **[245]**и тщательному соблюдению ими монашеского устава. Несмотря на это, повесть написана не с точки зрения общины Брендана и даже не с точки зрения ирландской церкви. «Ее тон более космополитичен, чем тон любого другого ирландского агиографического памятника»[122]. Целью плавания Брендана в «Плавании» является не уединенный остров, на котором он мог бы жить отшельником, а Tir Tairngiri, «Земля Обетованная» в христианском понимании слова, духовная «обетованная земля» святых, отражающая ранние представления о рае — мирном, радушном, беззаботном, изобильном, которого можно достичь после множества опасностей и соблазнов. Отсутствуют упоминания о чистилище и ужасные картины ада, типичные для средневековой литературы. «Плавание» справедливо называли эпосом, «Одиссеей ранней ирландской церкви»[123].

«Житие Брендана», возможно, испытало на себе влияние *Navigatio.* В «Житие» включен краткий рассказ о плавании Брендана, неизвестно, из какого источника, и таким образом мы располагаем двумя независимыми рассказами о плавании святого. Впрочем, в отличие от «Плавания» «Житие» дошло до нас в искаженном виде, и у нас есть лишь ряд разрозненных версий. Существуют два латинских «Жития», оба опубликованы Пламмером[124], в множестве латинских вариантов. Первое житие — *Vita Sanctis Abbatis de Cluainferta I,* а второе— *Vita Brendani Secunda,* сохранившееся в единственной рукописи, датируемой концом XII века. Это «Житие» II описывается Пламмером как отдельная редакция «Плавания» и не должна привлекать наше внимание. Существуют также три ирландские версии[125] «Жития», из которых одна содержится в *Книге из Лисмора* [126], рукописи второй половины XV века[127], и, вероятно, основывается на какой-то латинской версии, хотя некоторые содержащиеся в нем элементы не обнаруживаются ни в одном из дошедших до нас латинских текстов. Таким образом, эта ирландская версия не происходит напрямую ни от одного латинского жития и не объединяется с «Плаванием», хотя и не избежала его влияния[128]. Как в латинских, так и в ирландских версиях «Жития» Брендану приписываются два плавания, первое неудачное, второе удачное. Говорится, что он родился в Мунстере во времена Энгуса мак Надфройха и был сыном некоего Финнлуга, а затем был отвезен епископом Эйрком к св. Ите. которая воспитывала его пять лет. Наконец, после того как он принял духовный сан от епископа Эйрка, он получил повеление небесного ангела: «Восстань, о Брендан, ибо Господь дал тебе то, что ты ищешь. Землю Обетованную».

Соответственно, Брендан и его спутники, числом 90 человек, отправились через западные моря в трех лодках, встречая по пути разные **[246]**чудесные острова. Путешествие длилось несколько лет, пять или семь по разным версиям. Монахи каждый год праздновали Пасху на спине кита. После многочисленных приключений, неожиданных встреч с дьяволом и видений Ада они достигли прекрасного острова с церковью. Там они услышали человеческие голоса, восхваляющие Господа, и получили божественное послание, начертанное на деревянной табличке, приказывающее им вернуться домой:

> «Остров, который вы ищете, найдете, но это не он».

По возвращении домой Брендан рассказал св. Ите о своем путешествии, и она объяснила

его неудачу тем, что он плавал на лодках, покрытых шкурами убитых животных, после чего он и его монахи построили в Коннахте большие деревянные суда и, посетив сначала Аранмор, отправились на запад через океан. Они посетили на своем пути многочисленные заколдованные острова — включая остров мышей величиной с морских котов; другой остров, на котором жил чудовищный морской кот, а также старый отшельник, направивший их к острову, который они искали. Ирландская версия обрывается на их приеме святым стариком с голосом, как у ангела. На нем не было одежды, но все тело его было покрыто белыми перьями, как у голубя. От него они получили духовное наставление. На этом месте заканчивается ирландское «Житие», но латинские версии рассказывают о возвращении Брендана; о последующем путешествии в Британию и его посещении Гильдаса; о многих монастырях, основанных им в Ирландии, включая самый знаменитый из них, Клонферт, и, наконец, о его смерти — случившейся, как считается, в 577 г.,— и о его похоронах в Клонферте.

В «Житии» наибольшее внимание уделяется скорее странствиям святого, чем его плаванию. Он отправился в паломничество в ответ на небесное видение, чтобы найти убежище в океане, это — духовная цель его видения; но ему не было дозволено остаться, и он вернулся, чтобы проповедовать спасительный путь ирландцам. Примечателен рассказ о его смерти на руках его сестры Бриг:

> «В воскресенье, принеся на алтарь святые дары, Брендан сказал собравшимся вокруг него:
> — Восхвалите перед Господом в ваших молитвах мой уход из жизни. На что его сестра Бриг сказала ему:
> — Отче, чего тебе бояться?
> — Я боюсь — сказал он — что я умру в одиночестве и что путешествие будет темным; я боюсь незнакомых земель, присутствия Царя, приговора Судьи»[129]. **[247]**

Но составитель *Мартиролога Энгуса* не разделяет опасений Брендана. Он отмечает день 16 мая словами:

> «Призвание Брендана из Клуайна (то есть Клонферта)
> В победную вечную жизнь».

С «приключениями» и «плаваниями» тесно связан жанр «видений», являющийся естественным развитием тенденций, заложенных в этих двух сюжетных категориях. В совокупности они составляют нечто вроде духовной трилогии. «Видение», как «приключения» и «плавания», было представлено еще в языческой литературе, где оно называлось baile (см. выше с. 175). В своем христианском варианте оно стало известно как visio (лат.), а в Ирландии по производному от этого слова fis, или чаще aislinge; но термины baile и aislinge не всегда строго различаются. Жанр aislinge был литературной формой, широко распространенной в интернациональной литературе Средних веков, и является одной из обычных составляющих в житиях святых. В VII веке «Видения св. Колумбы» составляют один из трех разделов, на которые Адам-нан разбил написанное им «Житие» (см. выше с. 233). Этот литературный жанр мимоходом вводится у Беды в описании видения Дрихтхельма (Eccles. Hist. V. 12). Кульминацией этого жанра стала «Божественная комедия» Данте.

Ирландские видения многое говорят нам о том, что читали и изучали в первые века христианства в ирландском мире. Первый наш рассказ — рассказ о Фурсе[130]. Ирландская версия сохранилась в рукописи XVII века, хотя ее текст может датироваться XIII или XIV веками, и довольно близка к версии Беды (H. E., III, 19). Сохранились две латинские версии «Жития Фурсы», из которых первая, *Vita Prima,* датируемая, вероятно, VII веком, очень близка повествованию Беды и, возможно, происходит из «книжки», которую Беда три раза называет своим источником[131].

Согласно рассказу Беды (H. E., III, 19), Фурса был ирландским монахом, желавшим провести свою жизнь в странствиях из любви к Господу. Поэтому он переправился в Британию и поселился на земле короля Восточной Англии Сигеберта, где основал монастырь Кнобхересбург. идентифицируемый с Бург Каслом[132]. Очевидно, еще до того, как он покинул Ирландию, его поразила болезнь, одним из проявлений которой было

состояние близкое к трансу, когда ему являлись небесные видения и призывы следовать святой жизни[133]. Когда он находился в своем английском монастыре, с ним случился один из приступов его заболевания, и однажды ночью, когда он впал в транс, его душа покинула тело, и ему было открыто чудесное видение хора ангелов, **[248]**поющих на небесах. На рассвете его душа вернулась, но три дня спустя вновь оставила тело и созерцала блаженство. Хотя злые духи своими нападками усердно старались помешать его вознесениям, они были изгнаны его ангелами-хранителями. В данном случае, в отличие от фантастического характера ужасных испытаний, описанных в «Видении Тундала», о чем речь пойдет позже, все испытания носят исключительно духовный характер. Более того, когда Фурса оказался на большой высоте, он увидел мир внизу в виде темной долины меж огромных костров; впрочем, и на сей раз его испытания имели аналогичную природу. Он был спасен от огня и нападений демонов сонмом ангелов и святыми людьми его народа, которые оказали ему духовную помощь. В конце концов его душа вернулась в тело.

Беда сообщает далее, что впоследствии Фурса доверил заботу о монастыре другим людям и решил вступить на стезю отшельника; но в конце концов под угрозой языческих (то есть саксонских) набегов он переправился во Францию, где был хорошо принят при дворе франкского короля Хлодвига «или же патрицием Эрконвальдом», и, основав вблизи Парижа монастырь, умер и был похоронен в Перонне. Повести о жизни Фурсы представляют особый интерес ввиду реальности многих исторических деталей.

На ирландском языке составлено одно из первых и лучших видений, известное как «Видение Адамнана» *(Fis Adamnan)* [134]. Это произведение будет подробнее обсуждаться ниже (см. ниже с. 312 и ел.). Здесь достаточно упомянуть, что оно относится к рассматриваемому литературному жанру и является якобы видением аббата Ионы, но, вероятно, написано в X веке. Тема повести, как и большей части латинской визионерской литературы,— видение, явившееся святому, когда его душа отделилась от тела и под водительством ангела-хранителя совершила путешествие на Небеса и в Чистилище, а также в Ад[135].

«Видение Тундала»[136] — латинское сочинение, по тематике близкое ирландскому «Видению Адамнана» и латинскому «Видению Фурсы». Но герой его — не церковник, а грешник и мирянин, рыцарь из Кашеля, который был ярым врагом церкви до того, как впал в транс, и его душа покинула тело и не могла вернуться, приветствуемая сонмом демонов-мучителей. После того как Тундал впервые в своей жизни воззвал к Богу, его ангел-хранитель отогнал демонов и обещал ему милость, но прежде рыцарь должен был пройти суровое испытание. Сцены, через которые затем проходит Тундал, особенно картины Чистилища и Ада, составлены в ярких красках и изображают ужасы, характерные для космополитического учения того времени и смягченные лишь подлинной симпатией к бедным и уважением к церкви, особенно **[249]**к отшельникам и святым, чей «облик был как полуденное солнце». Милосердные и благочестивые обитают во внешних Небесах, окруженных серебряной стеной, а святые, ангелы и сам Господь — за золотой стеной, а вся обстановка напоминает «Землю Обетованную».

Автор был монахом по имени Марк, вероятно, из ирландского монастыря в Ратисбоне в Южной Германии. Аллюзии в повествовании указывают на то, что «Видение» было сочинено в 1148 г. и записано в 1149. Автор был, очевидно, родом из Мунстера и сторонником реформы св. Малахии, аббата Бангора (ум. 1148 г.) в графстве Даун, который ввел в Ирландии цистерианские правила и которого Тундал в своем откровении видел рядом со св. Патриком. С ним было еще несколько епископов, четверых из них Тундал знал лично. На самом деле, на протяжении всего фантастического повествования автор, как Данте, откликается на злободневные события, сообщая о встречах Тундала во время его видений с многими хорошо известными историческими лицами.

Обстановка и окружение, описанные в произведении, носят исключительно местный ирландский колорит, а эсхатология напоминает эсхатологию более ранней ирландской визионерской литературы; однако обнаруживаются и многочисленные следы влияния апокрифической литературы, все еще обращавшейся в Ирландии в XII веке. Добросердечность и духовность ирландской визионерской литературы в местной традиции, будь то ирландский или латинский языки, исчезла, и на смену ей пришел грубый символизм средневековых ужасов

Ада и Чистилища, смягчаемые лишь музыкой и сиянием света в видении Небес. Образы детализованы и весьма конкретны, испытания носят физический характер, а сам текст «Видения», судя по всему, подвержен влиянию эстетики искусства восточной церкви, но лишен присущей ему величественности и экзальтированности. Духовный климат, характерный для эпохи «Века Святых», уступал постепенно место новой атмосфере средневековой церкви. Этот процесс нашел свое выражение, по всей видимости, и в том, что за исключением, пожалуй, «Плавания Брендана» (*Navigatio Brendani)* «Видение Тундала» стало самым популярным из всех повестей средневековой Ирландии и было переведено на все европейские языки. **[250]**

ГЛАВА 9
Кельтские языки и истоки литературы

I

Прослеживая истоки кельтской цивилизации и рассматривая ранние миграции кельтов, мы руководствуемся названиями основанных ими поселений, именами их предводителей, почитаемых ими богов, то есть языковыми данными. Кельтские языки заслуживают особого упоминания в любом обсуждении прошлого кельтов, так как они относятся к одной из наименее известных и во многих отношениях одной из самых интересных групп индоевропейской семьи. Сохранившись в исторический период только на Северо-Западных окраинах Европы, они демонстрируют архаический характер, чего и следовало ожидать на основании данных лингвистической географии. В грамматике и синтаксисе, в подчиненном положении слова по отношению к высказыванию и даже по некоторым деталям лексики древнеирландский напоминает санскрит.

Мы говорили (см. выше с. 15 и сл.) о дошедших до нас памятниках на галльском языке, о топонимике, об именах собственных и надписях. Эти древние источники мало что говорят нам о галльской грамматике, но дают нам определенное представление о галльской фонетической системе, отличающейся от латинской, греческой, готской или санскритской систем. Так, если в латыни или санскрите стоит *p,* в кельтских языках ничего нет; если в латыни или греческом мы видим *e,* в кельтском языке будет *i*; если в латыни или греческом *o,* в кельтском будет *a.* Например, *uer* в галльском имени Uercingetorix родственно латинскому предлогу super и греческому υπέρ, а *rix* родственно латинскому rex; в имени Eposognatus, которое означает «знакомый с лошадьми», **[251]** галльском эквиваленте ιπποδαμος, -gnatus родственно латинскому gnotus, греческому γνωτος.

Поздние формы кельтского языка имеют длительную историю и богатую литературную традицию, так что мы можем изучать их непрерывное развитие на протяжении двенадцати веков. Они разделяются на две группы — бриттскую и гойдельскую, которые иногда называются P-кельтскими и Q-кельтскими языками, потому что в бриттском первоначальное q^u перешло в *p,* а в гойдельском сохранилось как *q* на ранних этапах, а позднее перешло в *k* (пишется «c»)[1]. Обычными примерами являются числительное «четыре» (латинское quattor) и местоимение «кто» (латинское qui[2]), которым в валлийском соответствуют pedwar и pwy, а в ирландском cethir и cia[3].

Первые ирландские памятники, которыми мы располагаем,— надписи, выполненные любопытным алфавитом, который называется *огам;* ключ к нему дается в трактате из *Книги из Баллимота*[4]. Древнейшая форма *огама* состоит из пятнадцати согласных, разделенных на три группы — по пять в каждой, и пяти гласных. Согласные обозначаются штрихами слева или справа от центральной линии или диагонально к ней, а гласные — зарубками на самой линии; линию обычно представляет угол или ребро каменного столба. Этот алфавит основан на латинском алфавите; буква получает название по начальной букве названия дерева или растения. Так, *B* называется beith, «береза», *C* — coll, «падуб», *D* — daur, «дуб» и так далее. Эта номенклатура и разделение на группы породило идею о древнем родстве с руническим алфавитом; но, вероятнее всего, *огам* был изобретен в Ирландии в те времена, когда из Британии пришли первые знания о письменности, но, возможно, еще до распространения христианства. Любопытный факт, что среднеирландское название буквы p. quert, соотносится с

древнеанглийским cweord. Это заимствование могло произойти как в одну, так и в другую сторону. Таким образом, происхождение *огама* неизвестно, а само название алфавита туманно. Едва ли его можно отделить от галльского Огмиоса (см. выше с. 173). ирландского Огмы, но эта связь неясна. Очевидно, это **[252]**было официальным письмом, так как мы находим его только на могильных камнях, а в сагах оно ассоциируется либо с погребальными обрядами, либо с загадочными посланиями[5].

Некоторые из этих надписей датируются, скорее всего, дохристианской эпохой, то есть временем не позднее IV века. Мы не можем датировать их более точно, так что вынуждены довольствоваться приблизительной датировкой; язык огамических надписей все еще довольно близок к латыни и сильно отличается от формы языка первых рукописей, в которой были утрачены или редуцированы последние слоги. Так как эта письменная форма восходит к VI веку, следует допустить временной разрыв между огамическими надписями и первыми памятниками письменности. Известно около трехсот надписей, большинство из них в Западном Мунстере, на территории эринов, и сорок в Уэльсе. Немногочисленные надписи обнаружены в Шотландии и на острове Мэн.

Представление о форме ирландского языка этого периода можно получить из следующих трех примеров, приведенных здесь в транскрипции: CUNAGUSOS MAQI MUCOI VIRAGNI «[Камень] Кунагуссуса, потомка Вирагноса», CIIC по. 70; DALAGNI MAQI DALI «[Камень] Далагноса, сына Далоса» ib. по. 119; DUMELI MAQI GLASICONAS NIOTTA COBRANOR[IGAS] «[Камень] Думелоса, сына Гласику, племянника Кобранорикса» ib. по. 252.

В привычном древнеирландском VIII века последнее имело бы следующую форму: Dumil maicc Glaschin niad Cobarnrig.

Гойдельскимн диалектами являются ирландский, шотландский гэльский и мэнский. Впрочем, отдельная история двух последних начинается лишь с XVI века. Бриттские диалекты — валлийский, корнский и бретонский. Корнский и бретонский демонстрируют черты, позволяющие отличить их от валлийского, уже в немногочисленных памятниках, сохранившихся с раннего периода (с VIII по XI век)[6]; но большие связные тексты на бретонском и корнском появляются много позже, и для наших непосредственных целей ирландский можно приравнять к гойдельскому, а валлийский с бриттским. Более того, валлийский язык, даже в самых ранних текстах, зашел в своем развитии как на уровне грамматики, так и на уровне синтаксиса гораздо дальше, чем древне-ирландский, так что древнеирландский остается нашим древнейшим источником для характеристики кельтских языков.

Как в Ирландии, так и в Уэльсе литература находилась в руках профессиональных поэтов, использовавших нормированный литературный язык, и для раннего периода мы не располагаем данными о существовании различных диалектов. В Ирландии мы обнаруживаем **[253]**краткие стихотворения, восхваляющие знаменитых людей, датируемые VI веком, и одно произведение большего объема, очень известный панегирик св. Колумбе, дату написания которого принято относить ко времени сразу после его смерти (597 г.)[7]. VI веком, вероятно, также датируются древнейшие отрывки правоведческих трактатов, составленные в архаической стихотворной форме. Эти древние трактаты являются первыми крупномасштабными источниками в истории любого кельтского языка, поскольку огамические надписи почти целиком состоят из имен собственных. Вероятно, они столетиями передавались изустно, прежде чем были впервые записаны, и представляют собой чрезвычайно древнее наследие интеллектуальной традиции. Содержание этих правовых трактатов состоит в описании по большей части общих для всех индоевропейцев институтов, а составившие их правоведы были наследниками ученых галлов, о которых сообщают Посидоний и Юлий Цезарь. Само за себя говорит сравнение с индийскими «Законами Ману» *(Manavadhamasastra),* с которыми обнаруживаются **[254]** весьма примечательные точки соприкосновения (см. выше с. *25* и сл., 120 и сл.)[8].

В древнеирландском, как и в санскрите, глаголы обычно формируют различные темпоральные и модальные основы независимо друг от друга, так что они не могут быть объединены в «спряжения», как в латыни. В этом отношении ирландский сохранил индоевропейскую систему почти в первозданном состоянии, в отличие от любого другого

западного диалекта. Тем не менее существуют два класса «слабых» глаголов, на -a и на -i, которые соответствуют латинским I и IV спряжениям (amare, finire). Впрочем, в позднем языке они достигли такого развития, что к тому моменту, когда ирландский язык приблизился к своему нынешнему состоянию (XIII век), архаические формы «сильных» глаголов исчезли, оставив по себе немногочисленные пережитки, получившие название «иррегулярных» глаголов.

Другой архаической чертой глагола является сочетание глаголов с префиксальными элементами: у глагола может быть две, три или даже четыре приставки, из которых первая отделяема и к ней может присоединяться местоимение, как в латинском ob vos sacro («умоляю вас»)*. В древнейший период первая приставка, с местоимением или без него, могла даже находиться в начале предложения, а глагол в его конце, как в ведийском языке; или же весь глагольный комплекс (без инфигированного местоимения) мог стоять в конце предложения, чему соответствует другая структура, устойчиво повторяющаяся в текстах вед. Так:

а) Ведийский: pra tam mahya rasanaya nayant, «они ведут его на большой узде».
Ирландский: ath marchathae fri cricha comnamat cuiretar, «большие силы ведутся на земли врагов» (ad-cuirethar); for-don itge Brigte bet, «Да защитят нас молитвы Бригиты!» (for-bet).
б) Ведийский: ma no yajnad antargata, «Не исключай нас из жертвоприношения».
Ирландский: oen-chairde fon Elig n-aragar, «один мир установился в Ирландии» (ad-regar)[9].

В классический древнеирландский период (VIII и IX века) глагол обрел фиксированную позицию в начале предложения, и это можно объяснить развитием типа (а), когда главный глагол перетягивался в начальную позицию первой приставкой, что повлекло за собой и перестановку **[255]**простого, бесприставочного глагола. Глагол в начальной позиции часто встречается и в ранневаллийском, а в современном валлийском это является общим правилом. Мало кто сомневается, что изначально валлийская глагольная система была подобна ирландской и что начальная позиция в валлийском объясняется теми же причинами; но к тому времени, когда мы располагаем уже изобилием валлийских текстов, этот язык достиг стадии современного ирландского, а раннюю систему можно проследить только по редким архаическим формам[10].

С древних времен поэты понимали, что язык следует культивировать и сохранять. В монастырях это стремление воспитывалось изучением грамматики Присциана, а одно из наших основных собраний древнеирландских глосс происходит именно из рукописи этой грамматики. В светских школах это привело к формированию целой грамматической доктрины, значительно отличающейся от латинской традиции и не имеющей аналогов в Европе. Древнейшая форма этой местной традиции представлена в трактате «Руководство для мудрецов» *(Auraicept na nEces),* который, хотя частично и опирается на Доната и Исидора, содержит материал чисто ирландского происхождения[11]. Впрочем, и столетия спустя, возможно, в XV или XIV веках, та или иная школа бардов составляла грамматические трактаты для обучения начинающих поэтов, которые предписывали литературные стандарты для современного ирландского стиха и прозы[12]. Эти трактаты являются новоирландскими и выходят за установленные нами рамки данного исследования, но нельзя не отметить оригинальность и языковую интуицию, направлявшую неизвестных авторов. Эти работы еще не получили от лингвистов того внимания, которого они заслуживают.

В рамках индоевропейской языковой семьи кельтский ближе всего к италийским языкам, и, как не трудно предположить, исходя из того, какие территории занимали кельты после своего первого появления в Европе, существует ряд грамматических и лексических элементов, связывающих кельтские и германские языки. В самом деле, эти три группы формируют общность западных европейских языков, в противоположность греческому и славянским.

---

* Явление, известное как «тмесис», засвидетельствовано в раннелатинских текстах. Подробнее о тмесисе в латыни и других индоевропейских языках см. C. Watkins, Celtica VI, pp. 1-49.— *Прим. пер.*

Черты, общие для трех западных языков,— это прежде всего большое количество общих слов, не встречающихся в других группах, а во-вторых, слияние перфектных и аористных временных форм глагола в простом прошедшем времени.

Латинское uerus, «истинный», в германском отражается как war, ирландском fir, валлийском gwir. Латинское caecus, «слепой»,— готское «hains» и ирландское «caech». Имеются названия деревьев, животных[13] **[256]** и орудий[14], наряду с некоторыми более важными словами, такими как ирл. treb (валл. tref), «дом, жилище», которое появляется в английской топонимике в форме -thorp, а в оскском (диалект самнитского) как triibum, «здание», и слово, означающее «племя», сохранившееся не в латыни, а в оскском touto и в ирландском tuath (валл. tud), а также в готском þiuda. Латинское слово, обозначающее вдохновенного поэта, uates, появляется в ирландском как faith (валл. gwawd, «поэма») и в германском — в готском wods, «безумный, одержимый».

В этих трех языках рано исчезло древнее различие между временными формами глагола — аористом и перфектом, а образования прошедшего времени, появившиеся в каждом из них, представляют собой смесь аористных и перфектных форм. Впрочем, позднее перфект исчез как особое время в греческом и санскрите. Характерной чертой западных диалектов является также утрата желательного наклонения (optativus), в результате чего система наклонений сократилась до изъявительного (indicativus) и сослагательного (subjunctivus).

Существуют некоторые слова, общие только для кельтского и германского, которые указывают на особые связи между двумя этими языковыми группами. Нам известен ряд заимствований из кельтских языков в германские, кельтское происхождение этих слов можно продемонстрировать, проследив в них фонетические изменения, характерные именно для кельтских языков. Другую группу слов можно также отнести к заимствованиям, хотя это и недоказуемо. Остальные представляют собой общее наследие.

Ярким примером заимствования является слово «королевство». Мы знаем, что в тех случаях, когда в латыни мы видим ё, а в кельтском i, в германском регулярно появляется a. Готское слово, обозначающее королевство, — reiki, в точности соответствует древнеирландскому rige и является заимствованием.

Имеются и другие слова, общие как для кельтских, так и для германских языков, обладающие правовым или ритуальным значением: ирл. giall, «заложник», др.-в.-н. gisal; ирл. run, «тайна», гот. runa; ирл. dun, «замок», «огороженное поселение», др. -англ, tun; ирл. dligid, «он должен», гот. dulgs, «долг»; и.-е. leig^{и}- в смысле «занимать» (герм. leihen, ирл. airliciud). Было выдвинуто предположение, что они тоже являются заимствованием из кельтского и свидетельствуют о периоде кельтского верховенства над германскими соседями; однако это мнение остается лишь мнением и, по всей видимости, недоказуемо. Кельты в начале железного века, несомненно, находились на более высоком уровне культурного развития благодаря своим контактам со средиземноморскими цивилизациями и, должно быть, пользовались престижем, которым **[257]**могли бы объясняться эти заимствования; но эти слова могут принадлежать и к той же категории, что и слово «топор» (ирл. biail, др.-в.-н. bihal), «дубина» (ирл. lorg, др.-норв. lurkr); «свинец» (ирл. luaide, ср.-в.-нем. lot); «дерево» (ирл. fid, др.-в.-н. witu); «трава» (ирл. luib, гот. lubja-); «штаны» (галл. braca[15], др.-англ. broc); «лошадь» (ирл. marc, др.-в.-н. marah). Эти слова появляются только в германском и кельтском и могут принадлежать некоему северному европейскому языку доиндоевропейского периода.

Родство между кельтским и италийским гораздо ближе. Многие черты фонетики, морфологии и лексики свидетельствуют о тесных связях кельтских и италийских племен в доисторическую эпоху, возможно, в начале II тысячелетия до н. э. Обе группы сохранили трехгласную систему, *e, o, a,* в то время как в германском произошел переход *e* > *i*. В обеих группах индоевропейское q^{u} сохраняется в одном ареале и переходит в *p* — в другом; и в обеих происходит ассимиляция начального *p* последующему q^{u}: лат. quinque, ирл. coic < quonque; оскское pempe, валл. pump. Санскритское panca и греческое πενιε показывают, что изначальной индоевропейской формой было *penq^{u}e. Также лат. социо, «я готовлю» (греч. πεσσω), соответствует валлийскому pobaf. Долгая гласная в латинском granum, ирл. gran; лат. natus, галл. gnatos; лат. planus, ирл. lan показывает аналогичное развитие r, n, l.

Но именно в формах, в морфологии имен и глаголов обнаруживаются самые поразительные параллели. Так же как в латыни родительный падеж второго склонения будет domini, в галльском

мы видим родительный падеж Segomari, Dannotali, Equi (название месяца в *Календаре из Колипъи);* и в ирландском на огамических надписях мы все еще встречаем форму MAQI. Между тем германский, греческий и санскрит имеют сильно отличающиеся окончания родительного падежа основ на *-о.*

Для превосходной степени имен прилагательных италийский и кельтский используют суффикс -smmo-, позаимствовав -s- у таких прилагательных в сравнительной степени, как plus, magis в отличие от optimus, summus, сохранивших более древнюю форму. Так, латинским maximus, facillimus (<*faclissmos) соответствуют ирландские nessam, «ближайший», валл. nessaf (оскский именительный падеж множественного числа женского рода nessimas), и сходным образом ирландское messam, «худший», оскский винительный падеж множественного числа женского рода messimas.

Еще одной отличительной чертой глагольной системы является образование основы субъюнктива. Здесь ирландский архаичнее латыни, в котором развились регулярные «спряжения». В ирландском существуют два возможных способа образования сослагательного наклонения **[258]** (subjunctivus), путем добавления к корню долгого а или s: berid, «он несет», основа субъюнктива bera- (лат. ferat); rethid, «бежит», основа субъюнктива ress- (< ret-s-) (ср. валл. gwares, «что он мог бы помочь»). Хотя субъюнктив на -а- появляется в трех из четырех латинских спряжений, он образуется от основы настоящего времени, а не от корня, и лишь несколько изолированных примеров, advenat (advenio), tagat (tango), сохраняют более древние формы. Субъюнктив на -s- появляется в dixo, dixim, aspexo, aspexim, faxo, faxim и сходных формах. Ясно, что в этом случае в ирландском и латыни проявляются черты индоевропейского протоязыка.

Наиболее интересным соответствием представляется образование пассива и отложительных глаголов на *-r-*. Умбрское ferar и ирландское berir, «его несут» (буквально: «несом»), латинское sequitir и ирландское sechithir, «следует», латинское loquitur, ирландское -tluchethar являются яркими примерами, хотя отложительные формы и не вполне сопоставимы. Эти формы на -r- появляются также в валлийском и бретонском, а также обнаруживаются в противоположном, восточном ареале распространения индоевропейских языков, в тохарском[16] и хеттском. Поэтому их можно считать крайне архаичными, а их сохранение в кельтском и италийском говорит о тесной связи между двумя этими группами[17]. Более того, раз пассив на *-г* был настоящим временем, прошедшее время страдательного залога должно было образовываться по-другому, и в обеих группах эта форма образуется с помощью причастия на -to-: actus (est) в латыни, ro archt — в ирландском.

Есть также группа слов, общих только для кельтских и италийских языков; причем эти слова не несут никаких признаков заимствования в том или другом направлении: ирл. fota, «длинный», лат. uastus; ирл. moeth, «мягкий», лат. mitis; ирл. bras, «сильный, яростный», лат. grossus. Слово со значением «земля», ирл. tir, основа на -s- среднего рода (< tersros?) родственно с tirim, «сухой», от того же корня образованы и оскское teerum, и латинское terra. Есть и несколько общих слов, обозначающих разные части тела: ирл. cul, «затылок», лат. culus; ирл. druim, «спина», лат. dorsum; ирл. sal, «пятка», лат. talus; ирл. ucht, «грудь», лат. hoedl. Другие примеры — culpa, ирл. col; saeculum, валл. hoedl; scutum, ирл. sciath, валл. ysgwyd, хотя в последнем случае в италийских и кельтских формах выступают различные ступени корня. Предлоги cum и de, ирл. con- и di, обнаруживаются только в италийских и кельтских языках.

Вандриес также заметил, что как италийский, так и кельтский утратили индоевропейские слова со значением «сын», «дочь», и хотя появившиеся в них слова с аналогичным значением не сходны между **[259]**собой[18], эта утрата указывает на определенные общие изменения в структуре семейных отношений.

В последние годы общая тенденция заключалась в отрицании того, что когда-либо существовал период итало-кельтского единства, или же термин «итало-кельтский» использовался просто в отношении общих фонологических и морфологических черт. Очевидно, архаизмы, общие для ирландского и санскрита, не могут означать близкого родства, потому что эти языки находятся в противоположных ареалах распространения индоевропейских языков; но если два или три соседних диалекта демонстрируют общие пережитки, определенную степень родства все же нельзя не признать. В этом случае на передний план выходят общие инновации. В фонологии это ассимиляция *p* последующему q^u, как в яшпщие; в морфологии родительный падеж единственного числа мужского рода на -i, суффикс

превосходной степени имен прилагательных, образование субъюнктива, прошедшего времени (общая черта с германскими языками) и пассивного залога прошедшего времени. В лексике собственно инновациями являются только новые слова для обозначения «сына» и «дочери», и они не согласуются между собой. Общие слова предположительно являются независимыми заимствованиями из какого-то соседнего языка. В дополнение к этому можно принять в расчет сохранение пассивного залога и отложительных глаголов на -r[19], и я предполагаю, что Педерсен был прав, настаивая на том, что следует допустить период итало-кельтского единства, который прекратил свое существование за несколько тысяч лет до распада индо-иранского диалекта (Groupement 8; Linguistic Science 313, 318).

Некоторые лингвисты предпочитают говорить лишь, что италийские и кельтские языки близкородственны. Те, кто считает, что общие черты оскско-умбрского и бриттского ($p< q^u$,$i<u$) являются общим наследием, а не случайным совпадением, говорят о первоначальном «общем» периоде. Лингвистическая география научила нас всегда говорить о группах диалектов, в которых друг с другом пересекаются многочисленные и разнообразные изоглоссы. Итало-кельтский, если его можно так назвать, будет тогда группой диалектов, на которых говорили к северу от Альп около 2000 г. до н. э., обладавших достаточным количеством общих черт, отделяющих их от греческого, с одной стороны, и от германских диалектов, с другой, чтобы считать их одной группой. Впрочем, в этом вопросе нет стопроцентной уверенности, и в определенной мере это лишь вопрос терминологии. Профессор Уоткинс недавно выдвинул убедительные аргументы против представлений о существовании когда-либо периода итало-кельтской общности, признавая при этом, что италийский и кельтский языки близкородственны[20]. **[260]** Педерсен настаивал, что итало-кельтский как единый язык существовал в доисторическую эпоху, а сравнительно недавно Курилович обсуждал «итало-кельтские» глагольные окончания на -r и «итало-кельтскую» превосходную степень прилагательных на -is-amo-[21]. И италийский, и кельтский — архаические диалекты индоевропейского, демонстрирующие некоторые общие инновации и интересные архаизмы, а носители этих языков занимали к началу исторического периода соседние территории. По нашему мнению, термин итало-кельтский жизнеспособен и соответствует действительности, не в том смысле, что когда-либо существовал единый итало-кельтский народ, но в том, что существовала группа диалектов, достаточно близких друг другу, чтобы получить такое название.

Если мы предположим, что кельты как отдельный народ появились около 2000 г. до н.э., гойдельский следует считать, видимо, ранней формой кельтского, а галльский (с бриттским) поздней формой[22]; а первые кельтские поселения на Британских островах можно датировать началом бронзового века (около 1800 г. до н. э.), и даже идентифицировать с появлением на этой территории народа культуры колоколо-видных кубков в первой половине второго тысячелетия. Это предположение уже давно выдвигалось Эберкромби[*], а впоследствии было поддержано Кроуфордом, Лотом и Юбером. Это означает, что между первым заселением кельтами Британии и упоминаемыми Цезарем вторжениями белгов лежал промежуток времени в тысячу лет, достаточно длительный период, чтобы объяснить отсутствие каких-либо следов гой-дельского языка в Британии за пределами территорий поздних ирландских поселений. Это хорошо согласуется и с архаичностью ирландской традиции, и с сохранением в Ирландии индоевропейских языковых и культурных черт, наблюдаемых лишь в Индии и Персии, и в том, что касается языка, в хеттском или в тохарских языках Центральной Азии.

Данные исследований, в ходе которых выяснилось, что фрагменты рукописей, найденные в Восточном Туркестане, были написаны на индоевропейском языке, были опубликованы Зигом и Зиглингом в 1908 г. Это было поразительно, но еще более замечательным было открытие, что тохарский язык ближе всего кельтскому и италийскому[23]. Затем в 1915 г. Грозный показал, что глиняные таблички с клинописью, найденные в Богазкее, в Малой Азии, содержат язык хеттов и что этот язык также относится к индоевропейской семье. Вновь отмечалась особая близость с кельтским и италийским языками. С тех пор особый интерес вызывала его связь с ирландским языком[24].

---

[*] Bronze Age Pottery II, p. 99.

[261]

Если первые кельтские поселения в Британии датируются бронзовым веком, то вопрос, были захватчики гойделами или бриттами, снимается. Лингвистические образования, ставшие отличительными чертами бриттского языка, могли появиться много позже; к тому же некоторые из них — инновации (u<i; q^{u}>p), распространившиеся из центральной части континента и никогда не доходившие до «окраин», таких как Ирландия или Испания. Эта точка зрения давно была сформулирована Рисом[25].

II

Когда бы ни пришли кельты, они принесли с собой древние индоевропейские традиции, особенно традицию поэзии бардов, по всей видимости, соответствовавшей стиху, лирическому по форме и героическому по содержанию, восхвалявшему знаменитых людей (κλεα ανδρων) и восходящему к общеиндоевропейскому периоду[26].

Образованный класс, если принимать классификацию Цезаря, состоял из жрецов, прорицателей и поэтов; впрочем, наверное, существовали также союзы правоведов, историков и врачевателей. Ибо ко времени появления ирландских и валлийских письменных памятников именно этим трем видам учености придается наибольшое значение, в то время как языческие жрецы и прорицатели ушли в прошлое. Традиционная ученость передавалась устно, в форме правовых трактатов и генеалогий, а литература — в поэмах и сагах, демонстрирующих архаичные литературные формы.

В Уэльсе *Четыре Древние Книги*[21] содержат большое собрание лирических произведений героической тематики, хвалебной поэзии, которая, по словам Посидония и Диодора, была характерна для галлов; однако самые ранние из этих поэм датируются, по-видимому, периодом не ранее IX века. По большей части в них рассказывается о «людях севера» *(Gwyr y Gogledd).* Урбген (Уриен) Регедский, Риддерх Страт-клайдский, Гваллаук и Моркант — четыре северных короля VI века, восхваляемых в поэмах, приписывамых Талиесину или Анейрину, которые, как считается, были их современниками.

Наиболее патетической из ранних валлийских поэм является «Гододдин»; во многих отношениях она же представляется и самой интересной. На самом деле в данном случае возникает проблема отождествления, поскольку то, что известно как «Гододдин», оказывается механическим соединением коротких стихотворений с неопределенной датировкой. Поэма сохранилась в *Книге Анейрина* (XIII век), а основной ее темой служит битва между Манаддаугом, королем Манау **[262]**Гододдин, и королем Дейры. Гододдин — территория между реками Форт и Тайн, к западу от Берникии, а Катрает — валлийская форма Каттерика в Йоркшире[28]. Заглавие рукописи гласит: «Hwn yw e Gododdin. Aneirin ae cant». «Это Гододдин. Анейрин сочинил его». Таким образом, поэма названа по местности. Она состоит из 103 строф (awdlau)[29] различной длины: в самой короткой — три строки, в самой длинной — 28. Весь текст содержит более 1200 строк, и такой объем делает ее уникальной в своем роде; впрочем, «Гододдин» представляется компиляцией из отрывков героической поэзии, посвященной «людям севера». Иногда несколько строф (awdlau) начинаются одними и теми же словами, что столь типично для валлийской гномической поэзии, и тогда составляют единый отрывок. Иногда темой служит восхваление одного героя или нескольких героев, не называемых по имени. Одна часть текста, примерно одна пятая, по мнению сэра Ивора Уилльямса, демонстрирует следы произношения IX века, что указывает на существование списка того времени. Вполне могло существовать ядро IX века, вокруг которого собирались остальные стихотворения. Можно вспомнить ирландское сказание о Бороме, в котором описывается долгая борьба между Лейнстером и Севером и которое включает большое число стихотворных вставок. Однако мы не располагаем достоверными данными, которые позволили бы датировать «Гододдин» более ранним периодом. Сэр Ивор Уилльямс выдвинул предположение, что некоторые стихотворения «Гододдина» были сочинены в VI веке, как и некоторые из произведений, приписываемых Талиесину. За исключением стихотворений, авторами которых считаются Талиесин и Анейрин, у нас отсутствуют другие валлийские тексты VI века, и мы можем судить о состоянии языка в то время только по данным бриттских имен на латинских надписях. Джексон скрупулезно изучил эти данные

и пришел к заключению, что «валлийский язык, в форме ранневаллийского (Primitive Welsh), возник не к первой, но по меньшей мере ко второй половине VI века, и что поэмы Талиесина и Анейрина могли быть написаны на валлийском, а не на бриттском, к концу этого века»*. Однако его заключение частью основано на принятии аргументов Морриса Джоунза и сэра Ивора Уилльямса**, а эта аргументация кажется нам недостаточно полной. Не вполне установлена метрическая система этих ранних поэм. Она кажется силлабической, но отмечается и употребление рифмы. Из-за того что сохранилась только одна рукопись, текстологическая процедура сопоставления оказалась затруднена, и сэр Ивор **[263]** Уильямс часто вынужден был признаваться в сомнениях по поводу правильного прочтения текста. Типична строка из семи слогов, которая могла заканчиваться словом в один, два или три слога. Конечная рифма обязательна почти без исключений. Строка может содержать только пять слогов, как в первой строфе, но часто появляются также строки из восьми, девяти или десяти слогов. Не фиксированы ни число слогов, ни каденция строки. Возможно, мы имеем дело с очень искаженным текстом или с нарушением традиционной метрики. Очень важно общее использование рифмы. Однако Турнайзен показал, что сходный тип стиха, с рифмой, но без фиксированного количества слогов, в VI веке появляется в ирландской поэзии (ZCP XIL 206), так что в отношении «Гододдина» употребление рифмы не является аргументом против ранней датировки. Колебания вызывают, скорее, языковые причины. Джексон предполагает, что синкопа и утрата конечных слогов произошли не ранее первой половины VI века, и данные надписей согласуются с этой датировкой. Можем ли мы предположить, что к концу VI века возник валлийский язык, не претерпевший почти никаких изменений с этого времени и до IX века? Уже разрушено склонение прилагательных во множественном числе, а глагол в единственном числе может согласовываться с существительным во множественном: trychan meirch (мн. ч.) godrud | a grassyws (ед. ч.) ganthud, «триста неистовых лошадей спешили вместе с ними» (CA 45 1136). Этот вопрос, как мы увидим, вызывает еще больше сомнений в отношении Талиесина.

Наиболее правдоподобным выглядит предположение, что ранние песни собрания «Гододдин» были написаны в IX веке на традиционные сюжеты, которые мог использовать и Анейрин, так же как многие ирландские поэмы, которые приписывались св. Колумбе, хотя, судя по языку, не могли датироваться его временем.

Эта ранняя героическая поэзия Уэльса представляет собой придворную поэзию, плач по храбрецам, павшим в битве, хвалу знаменитым князьям, а не повествование о событиях. В ранних валлийских поэмах военные действия занимают гораздо большее место, чем в ирландских, так как бритты воевали с англосаксами уже в V веке, в то время как Ирландия не подвергалась чужеземным нашествиям до прихода викингов. Хотя эти стихотворения зачастую трудно понять и они, очевидно, пострадали при переписывании, все же они сохранились лучше, чем древнейшие фрагменты ирландской героической поэзии. И мы склонны считать, что они были написаны позднее.

«Гододдин», считающийся древнейшим произведением этого рода, открывается плачем по молодому воину, имя которого даже не упоминается: **[264]**

Мужчина по храбрости, но мальчик годами,
Смелый в грохоте битвы.
Быстрые кони с длинными гривами
Под прекрасным юношей.
Светлый широкий щит
На крупе быстрого коня.
Чистые сверкающие мечи —
Ножны из чистого золота.
До свадебного праздника
Стекла на землю кровь его.
До того, как мы смогли похоронить его,

---

* LHEB, p. 693.
** ibid.,p. 651.

Он стал добычей воронов.

Некоторые строфы (awdlau) начинаются формулой: «Мужи шли в Катрает»; «Он ринулся в бой»; «Никогда не был сделан чертог»; «Это следует спеть». Для некоторых строф в рукописи появляется два текста, и они столь отличаются друг от друга, что мы должны предположить длительный период устной передачи. Иногда восхваляются триста мужей, из которых лишь один вернулся из боя. Чаще темой является восхваление одного воина, и не всегда ясно, что под описываемыми событиями подразумевается битва при Катраете.

ГОДОДДИН

(отрывки)

Мужи шли в Катрает; они были готовы к битве.
Свежий мед был их пиром, но это был яд.
Триста их в боевом порядке —
И после стонов наступила тишина.
Хотя они ходили в церкви на покаяние,
Правдива повесть, смерть нашла их.

Триста с золотыми браслетами отправилось
Защищать свою страну, печальна была их судьба.
Хотя они были убиты, но и они убивали.
Они будут чтимы до конца мира.
Из тех наших родичей, что отправились,
Увы! только один вернулся.

Как мы видели, в рукописи поэмы «Гододцина» озаглавлены: «Hwn yw e Gododdin. Aneirin ae cant».— «Это Гододдин. Анейрин сочинил его». Заглавие это относится, по-видимому, к 1257 следующим строкам, **[265]** так как затем следует другой заголовок: «Eman a dechreu Gorchan Tutvwlch».— «Здесь начинается Песнь Тидвулха». Впрочем, вероятно, приписывание авторства «Гододдина» Анейрину не более чем вымысел. Т. Гвинн Джоунз в свое время сказал: «Гододдин, по крайней мере, в том виде, в котором он дошел до нас, не является связной поэмой. Это скорее ряд отдельных баллад или строф» (Cymrodor XXXII 4)[30].

Двумя другими знаменитыми поэтами VII века были Талиесин и Лливарх Старый (Llywarch Hen). Моррис Джоунз в своем прекрасном исследовании «Книги Талиесина»[31] изложил аргументы, на основании которых можно сделать вывод о подлинности некоторых произведений, и предпринял перевод семи из них. Сэр Ивор Уилльямс пришел к выводу, что Талиесину можно смело приписать двенадцать исторических поэм, и издал их в своих «Песнях Талиесина» *(Canu Taliesin).* Подлинность девяти из них уже предполагалась Моррисом Джоунзом, а аргументация, позволяющая считать язык этих поэм языком VI века, была изложена им с большой тщательностью. Впрочем, она выглядит не вполне убедительно. Он цитирует Риса, который сказал, что этот язык «не намного, если вообще древнее языка дошедшей до нас рукописи»[32]; а рукопись была написана в конце XIII века. Ученые ныне пришли к общему мнению, что бриттский трансформировался в валлийский к концу VI века[33], однако сложно поверить, что за семь столетий он почти не изменился. Сохранившиеся фрагменты древневаллий-ского слишком скудны, чтобы предоставить в наше распоряжение удовлетворительный критерий[34].

Герои, восхваляемые в этих поэмах, все еще герои северных бриттов. Главный герой — Уриен, владыка Регеда, а Оуэн был его сыном. Регед отождествлялся с территорией

вокруг Карлайла. Поэмы написаны по большей части в форме аудл *(awdl),* от *25* до 50 строк длиной, в строке в основном по 9 слогов (cyhydedd naw ban); но появляются и строки в 10 слогов, а также короткие строки в 5, 6 или 7 слогов. Рифма обязательна. «Плач по Оуэну» — аудл из семисложных строк с рифмовкой ирландского типа *rannaigecht,* конечной рифмой между четными строками и внутренней рифмой между концом нечетных строк и словом в середине четных (ирландское aicill). Кажется совершенно невероятным, чтобы столь разработанная система рифмовки могла датироваться VI веком[35].

Здесь приводятся два стихотворения, которые, по утверждению Морриса Джоунза и сэра Ивора Уилльямса, были написаны самим Талиесином. Оба они были переведены этими двумя учеными[36], и я полагаюсь на этот перевод. **[266]**

БИТВА ПРИ АРГОЙД ЛЛУЙВАЙН

В субботнее утро была большая битва
От восхода до заката.
Фламддуйн наступал с четырьмя отрядами;
Между тем собиралось войско Годдау и Регеда.
Созванное из Аргойда и даже из Арвинидда.
Воины не задержатся и на день.
Фламддуйн воскликнул, похваляясь:
«Дадут ли они мне заложников? Готовы ли они?»
Оуэн отвечал, опустошитель востока:
«Они не дадут их. Они не были готовы, не готовы и сейчас;
И храбрый щенок породы Коэля был бы тяжело огорчен,
Прежде чем он дал бы хоть одного заложника».
Уриен, владыка Ир Эхвидда, воскликнул:
«Если говорить о мире,
Давайте укрепимся на горе.
Давайте поднимем наши лица над вершиной.
Давайте поднимем наши копья над головами, мужи,
И атакуем Фламддуйна посреди его войска
И убьем его и его соратников».
Окрест Вязового Леса лежали горы трупов.
Вороны были окровавлены кровью воинов,
И люди бросились вперед с их вождем.
Год я буду петь песнь их победе!

ПЛАЧ ПО ОУЭНУ

Душа Оуэна ап Уриена,
Да призрит ее Господь!
Принц Регеда, лежащий под тяжелой землей,
Достойное дело восхвалить его!
Могила знаменитого человека, прославленного в песне,
Его острые копья как лучи зари,
Ибо равного не найти
Из славных принцев Ллуйвенидда.
Жнец врагов, берущий в плен,
Как его отец и дед.
Когда Оуэн убил Фламддуйна,
Исполнив свой долг, он опочил
И мощное войско Англии спит
С открытыми глазами.
И те, кто не хотел бежать,
Были смелее, чем следовало.
Оуэн жестоко наказал их,
Как стая волков, преследующая овец. **[267]**
Прекрасный воин в ярких доспехах,
Дающий коней.

Хотя он всю жизнь копил как скупец,
Он был готов все отдать ради своей души.
Душа Оуэна ап Уриена,
Да призрит ее Господь!

Что до Лливарха Старого, то ни одно из стихотворений, ранее приписываемых ему, теперь не считается подлинным. Скорее следует предположить, что существовала сага или цикл саг о Лливархе Старом и его 24 сыновьях, из полного текста которой сохранились только речи персонажей, написанные в стихотворной форме, и они могут относиться к IX веку. Эта теория, выдвинутая сэром Ивором Уилльямсом, тем более привлекательна, что она приводит валлийскую традицию в соответствие с ирландской. Типичной формой ирландской саги является прозаическое повествование с диалогом в стихах, и такова же древнеиндийская и, вероятно, древнейшая индоевропейская повествовательная форма[37]. Теперь предполагается, что она была характерна и для Уэльса. Но валлийские тексты соответствуют samvada или диалогическим гимнам Ригведы, стихотворным диалогам без обрамляющих прозаических отрывков; и мы можем предположить, что повествование в прозе стало исключительной прерогативой рассказчиков (cyfarwydd). Стихотворения, связанные метрическими правилами, были, так сказать, каноническими и были записаны, когда монахи начали фиксировать местную традицию, осознав ее отличие от латинской.

Лливарх Старый был князем в Северной Британии в VI веке и двоюродным братом Уриена, князя Регеда. Все его сыновья были убиты в битве еще при его жизни, и легенда изображает его одиноким стариком, погруженным в воспоминания. Приписывание ему стихотворений соответствует приписыванию баллад Ойсину, сыну Финна. Впрочем, Лливарх был историческим лицом. Дошедшие до нас поэтические отрывки, лишенные прозаического контекста, даже в тех случаях, когда текст хорошо понятен, не составляют единого целого. Чаще всего цитируются энглины из плача о старости. Как часто бывает в ранней валлийской и ирландской поэзии, строфы связываются между собой повторяющейся начальной формулой.

ПЛАЧ О СТАРОСТИ

(отрывок)

До того, как согнулась моя спина, я был храбр.
Меня приветствовали в пиршественном зале
Поуиса, райского сада Уэльса. **[268]**
До того, как согнулась моя спина, я был красив.
Мое копье было первым в атаке.
Моя спина согнута. Я угнетен и печален.
Деревянный костыль, это осень.
Папоротник сер, колосья желты.
Я презирал то, что ныне люблю.
Деревянный костыль, это зима.
Люди много говорят над своим питьем.
Никто не подходит к моему ложу.
Деревянный костыль, это весна.
Кукушки серы. На пиру свет.
Ни одна девушка не любит меня.

Плач продолжается: то, что больше всего он любил, теперь ненавистно: женщина, незнакомец, молодой конь; то, что он больше всего ненавидел, теперь навалилось на него: кашель, старость, болезнь и печаль. В конце этой мрачной жалобы он даже желает смерти.

Другая группа энглинов, прежде связывавшихся с именем Лливарха Старого, как показал сэр Ивор Уилльямс, относится к утерянной саге о Киндцилане, владыке Пенгверна под Шрусбери, который жил в начале VII века и погиб в бою с англичанами. В самом деле в этих поэмах нет упоминания о Лливархе. Это речи, вложенные в уста Хеледд, сестры Киндцилана, которая оплакивает смерть своего брата. Один отрывок широко известен и

заслуживает цитирования. Он начинается с плача по чертогу Киндилана:

ЧЕРТОГ КИНДДИЛАНА

Чертог Киндилана темен сегодня,
Без огня, без ложа.
Я немного поплачу, а затем замолчу.
Чертог Киндилана темен сегодня,
Без огня, без свечи.
Кто, кроме Бога, сохраняет мой разум?
Чертог Киндилана, ты утратил свою красоту.
Твой щит в могиле;
Пока он был жив, не было здесь плетня в проломе.
Чертог Киндилана темен сегодня,
Без огня, без музыкантов;
Слезы бороздят мои щеки.
Чертог Киндилана, мне больно видеть его,
Без крыши, без огня;
Мой господин мертв, а я все живу.
Чертог Киндилана печалит меня,
После столь многих дружеских встреч,
Что я видела у твоего очага. **[269]**

Затем Хеледд описывает орлов, кричащих над телами павших:

ОРЕЛ ЭЛИ

Орел Эли кричит сегодня.
Он пировал на крови,
Крови из сердца Киндилана Прекрасного.
Орел Эли, я слышу его сегодня.
Запятнан кровью он. Я не осмеливаюсь к нему подойти.
Он в лесу. Тяжела моя скорбь.
Хохлатый серый орел Пенгверна, сегодня
Громок его крик,
Жадный до плоти того, кого я любила.
Хохлатый серый орел Пенгверна, сегодня
Громок его шум,
Жадный до плоти Киндилана.
Хохлатый серый орел Пенгверна, сегодня
Его коготь поднят,
Жадный до плоти того, кого я люблю.
Орел Пенгверна будет кричать вдали сегодня,
Он будет пировать (?) на людской крови.
Трен назовут несчастный город.
Орел Пенгверна кричит вдали сегодня,
Он пирует (?) на людской крови.
Трен назовут знаменитый город.

Есть и другая замечательная поэма, вводящая стиль прорицания, пользовавшийся столь большой популярностью в поздней поэзии — «Судьба Британии» *(Armes Prydein)*. Поэма была написана в первой половине X века и представляет собой призыв к бриттам подняться и изгнать саксов из своей страны. Кадваладр, последний суверенный король Британии, умерший в 682 году, и Кинан поднимут восстание и поведут победоносную армию, и чужеземцы будут сброшены в море и отданы на волю волн, и, не имея возможности пристать к берегу, они будут скитаться по океану. Люди Дублина и гэлы Ирландии, вместе с Корнуоллом и Стратклайдом, присоединятся к бриттам под знаменем св. Давида, чтобы изгнать захватчиков.

Эта поэма сохранилась в *Книге Талиесина* (XIII век) и содержит девять строф (awdlau) общим объемом сто девяносто девять строк. Это древнейшая и, возможно, лучшая пророческая поэма. Сэр Ивор Уиллъямс в предисловии к своему изданию со всей наглядностью

показал, что дату написания «Судьбы Британии» можно отнести к эпохе до норманнского нашествия, поскольку под врагами в тексте подразумеваются еще саксы, и ко времени, предшествующему битве при Брананбурге **[270]** (то есть до 937 г.), в которой Ательстан уничтожил последние надежды, вдохновлявшие поэта при создании этого произведения. С другой стороны, упоминаются люди Дублина, который выступает в поэме как самостоятельное королевство, что было бы невозможным до второй половины IX века. Английским королем, о котором говорится в «Судьбе», по-видимому, был Ательстан, вступивший на престол в 925 г. Таким образом, наиболее вероятной представляется дата около 930 г., возможно, после унизительного собора в Херефорде, когда Ательстан заставил валлийских князей подчиниться и выплачивать ему ежегодную дань, так как в поэме несколько раз встречаются упоминания о дани[38].

Ниже приведен отрывок, иллюстрирующий форму и содержание поэмы. Метр силлабический, строка из 9 слогов (иногда 10) с конечной рифмой по всей строфе. Свободно используются аллитерация и внутренняя рифма, но единственным обязательным элементом остается конечная рифма.

СУДЬБА БРИТАНИИ

(отрывки)

Валлийцы были вынуждены биться,
и они соберут войско королевства
и поднимут сияющее знамя Давида,
чтобы вести ирландцев под его льняным окоемом,
и язычники Дублина станут рядом с нами.
Когда они пойдут на битву, они не дрогнут.
Они спросят у саксов то, что они хотели,
какое право у них на землю, которой они владеют,
где земли, откуда они вышли,
где их род, из какой страны они пришли.
Со времен Гуртейрна они — среди нас!
По какому праву они захватили земли наших предков?
По какому праву они растоптали святилища наших святых?
По какому праву они нарушили законы Давида?
Валлийцы позаботятся, когда они встретятся,
чтобы чужеземцы не ушли оттуда, где они стоят,
пока не заплатят семь раз за то, что они сделали,
даже до смертного приговора за их преступление.
Силой рода Гармона
они будут платить четыре и четыреста лет!

Легенда о возвращении Кадваладра для освобождения Уэльса от его угнетателей вновь появляется в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского и часто используется в пророческих поэмах. Здесь говорится: **[271]**

СУДЬБА БРИТАНИИ

(отрывки, продолжение)

По лесу, и по равнине, и по холму, и по долине,
как факел во тьме,
Кинан пойдет с нами впереди любой битвы.
Англичане будут стенать, когда побегут от бриттов.
Кадваладр со своими вождями будет столпом нашей надежды,
гоня их с хитростью и упорством.
Когда их войска нападут на спящих врагов,
чужеземцы будут страдать
и омоют кровью свои щеки.
После каждого боя будет большая добыча.
Англичане стремглав побегут к Винчестеру быстро, как только смогут.
Бритты возрадуются, когда нам возвестят,

что Троица избавила нас от наших печалей.

В упомянутых нами поэмах нет и намека на легенды об Артуре. Король Артур рыцарских романов гораздо более знаменит, нежели его валлийский прототип. Артур упоминается в нескольких ранних поэмах, а в двух — занимает главенствующее положение[39]. Одна поэма представляет собой диалог между королем Артуром и его привратником, в ходе которого Артур называет своих спутников и перечисляет их подвиги. Это стихотворное произведение № XXXI в *Черной книге из Кармартена* неожиданно прерывается и кажется незаконченным. В нем содержится множество отсылок к эпизодам, которые, должно быть, содержались в утраченной героической литературе, и мы вынуждены признать, что дошедшее до нас лишь тень исчезнувшей традиции. Другая поэма — «Добыча Аннувна» *(Preideu Annwfn),* № XXX в *Книге Талиесина,* повествующая о путешествии в Потусторонний Мир в поисках чудесного котла. Поэма туманна и мало говорит об Артуре, кроме того, что он был предводителем экспедиции. Из трех корабельных команд, отправившихся в путешествие, вернулось лишь семь человек.

Эта ранняя валлийская поэзия не приобрела широкой известности из-за сложности языка. Однако она представляет огромный интерес, частью по этой самой причине, а также из-за фрагментов сохранившейся в ней древней традиции.

Древнейшие дошедшие до нас фрагменты ирландской поэзии датируются VI веком. Это аллитерирующий силлабический стих, лирический по форме и героический по содержанию, восхваляющий знаменитых людей или оплакивающий смерть героя. Древняя просодия была силлабической и нерифмованной. Она основывалась на длинной строке **[272]**из семи слогов с трехсложной каденцией и цезурой после четвертого и на короткой строке в пять слогов. Появились также строки и в восемь слогов, и в три слога, что было обусловлено разрешенным дополнительным слогом в начальной позиции, а также использованием акефалии и каталексиса. В древнейший период встречаются как четверостишия, так и строфы необычной длины, но позднее обычной формой становится четверостишие. В своей книге «Раннеирландская Метрика» *(Early Irish Metrics)* Мерфи анализирует 84 метра, и 80 из них — четверостишия.

Недавно профессор Калверт Уоткинс успешно показал, что этот ирландский героический стих имеет общее происхождение с греческими и ведийскими метрами и является древним индоевропейским наследием[40]. К VI веку появляется конечная рифма. Позднее количество слогов для каждого метра упорядочивается и вводится внутренняя рифма, что приводит к трансформации всей системы. Однако древний героический метр, основанный на семисложной строке с трехсложным окончанием и без рифмы, сохраняется в виде эпической формы в сагах до начала новоирландского периода[41].

Мы располагаем рядом примеров подобной формы древнего стихосложения. К таким примерам можно отнести несколько стихотворений, восхваляющих королей Лейнстера, Лабрайда Лоингсеха, Катайра Мора, Энна Кеннселаха и других королей и воинов, легендарных или исторических, а также текст знаменитого «Чуда св. Колумбы из Килле» *(Amra Choluim Chille).* И по форме, и по содержанию они вполне соответствуют поэзии бардов, которую описывают Посидоний и Диодор в своих рассказах о культуре галлов.

Среди ранних поэтов, имена которых дошли до нас,— Луккрет моку Иайр (Хиара), Финд Филид, Ферхертне Филид, Лугайр Ланфилид, Лайдкенн мак Байрхедо, Торна Эйгес, Сейхан Торпейст и Даллан Форгайлл. Также нам известно творчество Колмана мак Ленени, основателя аббатства Клойн, умершего в 604 г., который оставил несколько стихотворных фрагментов. Как правило, до нас дошли лишь отдельные четверостишия, тем не менее «Чудо св. Колумбы», приписываемая Даллану,— поэма из 150 строк; а четыре поэмы типа *fursundud* («освещение») включают 22, 54, 52 и 35 четверостиший соответственно. Последние не содержат ничего, кроме имен, для лучшего запоминания облеченных в стихи; едва ли это можно назвать поэзией. Они приписываются Луккрету моку Хиаре, Финду Филиду и Лайдкенну. Впрочем, справедливым может считаться лишь приписывание «Чуда» Даллану Форгайллу; и это произведение более интересно своим стилем и языком, чем своими поэтическими достоинствами. **[273]**

Лабрайд Лоингсех, легендарный король Лейнстера, предположительно правивший в IV веке до н. э., является героем саги «Разрушение Динн Риг», повести о происхождении лейнстерцев (см. ниже с. 300). Лабрайд, по всей видимости, был очень любим поэтами, так как до нас дошло несколько хвалебных отрывков[42]:

«Луг щита, светлый призрак[43], никого не было под небесами столь ужасного, как сын Айне. Человек, стоящий выше богов, твердый дубовый желудь, сверкающий, богатый (букв, „ветвистый") наследниками, внук Лойгаре Лорка»[*].

И другое стихотворение, приписываемое Ферхертне Филиду:

«Динн Риг, что был Туайм Тенбас, тридцать вождей в горе погибли, разбил, истомил их свирепый Лабрайд, Элги герой, внук Лорка»[**].

Имеется множество подобных риторических хвалебных стихотворений или отрывков, возвращающих нас в «Героический Век». Здесь приводится одно из них, посвященное Месс-Делманну, легендарному королю домнаинн Лейнстера, жившему, согласно традиции, в I веке:

МЕСС-ДЕЛМАНН

Князь ушел в земли мертвых,
благородный сын Сетне;
он опустошил долины Фомойре,
над мирами людей.

С вершины Айленн
он разбил сильных земли,
сильный вождь великих племен,
Месс-Делманн из домнаинн.

В отношении этих стихотворений существует одна проблема. Считается, что они возникли не ранее VII века, хотя некоторые из них приписываются поэтам, которые были предположительно современниками восхваляемых королей. Почему бы придворные поэты стали воспевать королей столь отдаленного прошлого? Являются ли эти стихотворения пробными отрывками, написанными начинающими поэтами на заданные темы, или же культ предков был столь силен, а эти предки столь знамениты, что поэты находили их достойными многократного **[274]**восхваления? И действительно, чрезвычайно знаменит, по-видимому, был король Лабрайд Лоингсех из Лейнстера. То же можно сказать и о короле Конне Ста Битв и его брате Катайре Море и его внуке Кормаке мак Арте; то же можно сказать о Ниалле Девяти Заложников на севере и Коналле Корке на юге. Может быть, немногие сохранившиеся повести об этих королях представляют лишь отрывки из утраченной литературы.

Ниже приводятся два четверостишия, демонстрирующие и рифму, и аллитерацию, с разными числом слогов в строке. Стиль и настроение те же, что и раньше:

ЧЕТВЕРО СЫНОВЕЙ КУ ХОРБА, КОРОЛЯ ЛЕЙНСТЕРА

Ниа Корб, Кормак, Кайрпре,
прекрасный воин, правящий колесницей, убивший сотни,
и Мессин Корб, статный колесничий,
боец, отражающий боевые колесницы.
Четверо могучих воинственных братьев,
воинство, привыкшее преодолевать превосходство,
никакое равное число не могло устоять

---

[*] Перевод последнего четверостишия по: *В. П. Калыгин.* Язык древнейшей ирландской поэзии, с. 69-70.— *Прим. пер.*

[**] Перевод дается по: Предания и мифы средневековой Ирландии, М., 1991. с. 144 (далее— Предания и мифы).— *Прим. пер.*

против сыновей Ку Хорба.

В следующих примерах также обнаруживается рифма с фиксированным числом слогов в строке:

ЛАБРАЙД ЛОИНГСЕХ

Лабрайд, кормчий поля битвы,
опустошитель там, где ревет море,
сверкающий мощный гром против язычников,
всегда сладость для песни барда.

БРАН БЕРБА
(ум. 795 г.)

Бран Серый, защита войска, ужасный опустошитель;
суровое копье, славный, сильный наследством;
наследник мудрости, солнце воинов, полный прилив;
кровавый волк, пес из своры, который не делает неправильного. **[275]**

ФЕДЛИМИД МАК КРИМТАНН
(ум. 847 г.)

Федлимид король,
для которого было делом одного дня
оставить Коннахт без короля без боя
и разрушить Миде.

Поэзия такого рода привлекает лишь своим героическим настроем и тем, что в ней отражается очень древняя традиция. Вероятно, такова была древнейшая форма поэзии в индоевропейской традиции, представлявшая собой просто последовательность имен с хвалебными эпитетами, организованную в метрической форме. Мы не знаем, были ли дошедшие до нас четверостишия лишь частью более длинных поэм. Впрочем, такое предположение вполне правдоподобно. Поэмы сочинялись для развлечения королей и в их честь и должны были читаться достаточно долго. Поздние бардические поэмы классического периода редко насчитывают менее двадцати четверостиший, а часто более сорока. Тем не менее эти ранние стихи сохраняют более древнюю традицию, чем греческая или латинская литература, и сопоставимы поэтическими произведениями, известными нам по некоторым надписям Индии династии Гупта. Подобная поэзия, с богатым орнаментом внутренней рифмы, все еще сочинялась в XI веке, и мы располагаем двумя отрывками, восхваляющими Маэла Сехлайнна, короля Ирландии, который умер в 1022 г.

МАЭЛ СЕХЛАЙНН

Маэл Сехлайнн,
ты не плод мертвого дерева,
ты опустошишь Рехранн,
этот веселый крепкий остров.

Отряд из острых копий,
тяжелых и отборных,
яростный дротик,
разрушитель из Тары на севере.

Маэл Сехлайнн, сын светлого Домналла,

сильная рука над Тайльтиу плетеных стен.
Мой друг — огонь, который пострадает от жребия,
буря над богатым лососем морем. **[276]**

Существовала также традиция сатиры, вот несколько примеров:

Я слышал,
что он не дает лошадей за стихи:
он дает в соответствии со своей природой
корову!

У него нет ни здоровья,
ни красоты:
его разум слаб,
пустословие — все, что он умеет.

Наряду с хвалебными стихотворениями и сатирами, у нас есть от¬рывки плачей. Королева оплакивает своего мужа, Аэда мак Айнмиреха (ум. 598 г.):

Любимы были три места,
которые я больше никогда не увижу:
сторона Тары, сторона Тайльтиу
и сторона Аэда мак Айнмиреха.

К VIII веку древняя метрическая система, унаследованная от доисторических времен, была вытеснена новой формой, основанной на рифме с обязательным разбиением на четверостишия. Новый изысканный элемент, рифма, распространялось и развивалось очень быстро, между тем как сохранялся и совершенствовался древний аллитерационный орнамент. Рифма впервые появляется в латинских гимнах III и IV веков. Первым ее использовал Коммодий[44]. У Августина она употребляется в его Псалме против донатистов. «Но Седулий, в V веке, был первым автором гимнов, который часто использовал рифму»,— говорит Рейби[45]. Употребление рифмы рекомендовалось Вергилием Мароном Грамматиком, труд которого был хорошо известен в Ирландии; рифмованы и некоторые древнейшие ирландские латинские гимны. «Великий Творец» *(Altus Prosator)* св. Колумбы (ум. 597 г.) составлен из рифмованных двустиший, а св. Колумбан (ум. 615 г.) использует двусложную и даже трехсложную рифму в «Песни о преходящем мире» *(Carmen de Mundi Transitu).* Ирландским монахам рифма пришлась по душе, и они стали постоянно использовать ее для украшения своей поэзии задолго до того, как она прочно вошла в художественный арсенал поэтов других стран.

Мерфи[46] отмечает разработанность рифмы, неизвестную континентальным гимнам, в ирландском гимне св. Мартину, написанном Энгусом мак Типрайти (ум. 745 г.): **[277]**

Мартин, дивный нравом,
Хвалил устами Господа,
Чистым сердцем воспевал
И славословил Его.

Здесь наряду с конечной рифмой между четными строками используется внутренняя рифма между концом нечетной строки и словом в следующей строке. Эффектно употребляется и местная ирландская аллитерация. Это сочетание конечной рифмы, внутренней рифмы и аллитерации, архаические примеры которых мы только что видели, образует «новую форму» (nua-chruth), как ее обозначают ирландские трактаты по метрике. Несомненно, ее разработали монахи, являвшиеся наследниками древней метрической традиции и приобретшие знание рифмы благодаря своей латинской учености; это же сочетание стало основой ирландской

системы *Dan Direch*[*] и валлийской системы *Cyng-Hanedd*[**]. Ирландская поэтическая школа успешно использовала консонанс, ассонанс и аллитерацию, создав блестящие образцы этой новой поэтической формы.

В дополнение к новой форме монахи привнесли в поэзию и свежие темы; начиная с VIII века мы видим лирические поэмы, в которых источником вдохновения становится любовь к природе, любовь к уединению и любовь к святости, любовь к Богу. Старая тематика, восхваление знаменитых людей, все еще культивировалась профессиональными поэтами. Это была их обязанность и их способ зарабатывания на жизнь. Но лучшие образцы поэзии последующих веков, вплоть до разрушения древнего колумбановского монашества, спровоцированного цистерианской реформой XII века, создавались в монастырях так называемыми «новыми писателями» *(nua-litridi)*.

Новыми метрами, приобретшими наибольшую популярность и ставшими равнозначными по своей ритуальной ценности с более архаичными размерами, были dian и setnad. Их стоимость приравнивалась правоведами к стоимости стихотворений, написанных древними метрами[47]: оба основываются на семи- или восьмисложной строке. Амвросианские гимны и гимны Пруденция и Венанция Фортуната, ямбические или трохеические тетраметры, обладали тем же числом слогов, и представляется вероятным, что популярность этих метров у монахов была вызвана не в последнюю очередь именно этими ассоциациями. Однако было бы слишком смело говорить, что новые метры построены по латинским **[278]**моделям, как полагал Мерфи вслед за Турнайзеном[48] Уоткинс показал, что семисложная строка лежала в основе местной поэтической традиции, восходящей к индоевропейской эпохе[49].

Чтобы проиллюстрировать амвросианский метр, приведем два знаменитых гимна. Первый написан самим св. Амвросием:

Блеск Отчей славы,
Производящий из света свет,
Свет света, источник сияния,
День, освещающий день.

Второй до сих пор исполняется в вечерней службе:

От Тебя, до конца света,
Творец вещей, мы просим:
При постоянном милосердии
Следи за нашим обретением.

Здесь же можно привести стихи из *Vexilla Regis* Венанция Фортуната с частым использованием рифмы:

Рука, протягивающая
Пригвожденную плоть,—
Он принесен в жертву
Искупления нашего ради...

Славься, алтарь, славься, жертва,
Из-за славы Страстей,
Каковыми жизнь смерть отменила,
Породив из смерти жизнь.

Таковы были некоторые модели, на которые ориентировались ирландские поэты, писавшие четверостишиями, основанными на семи-или восьмисложной строке. Именно на

---

[*] Сложная система стихосложения, основывающаяся на богатом использовании внутренней и конечной рифмы, а также аллитерации.— *Прим. ред.*

[**] Утонченная схема аллитераций и рифм.— *Прим. ред.*

основе этих рифмованных метров возникла новая форма ирландской поэзии.

Кроме того, в монастырях родилась новая лирическая поэзия, лиричная как по тематике, так и по форме. «Эти стихотворения,— говорит Куно Майер,— занимают уникальное место в мировой литературе. Отыскивать, наблюдать и любить природу в ее мельчайших и величайших проявлениях не было дано никакому другому народу на столь раннем этапе и в столь полном объеме, как кельтам»[50].

Далее следуют два четверостишия, обнаруженные на полях рукописи Присциана IX века, сохранившейся в Санкт-Галленском монастыре в Швейцарии. Аллитерация и рифма, как и прежде, выделяются курсивом[51]: **[279]**

РАД ОГРАДЕ Я ЛЕСНОЙ

(па полях латинской грамматики)

Рад ограде я лесной
за листвой свищет дрозд;
над тетрадкою моей
шум ветвей и гомон гнезд.

И кукушка за кустом
распевает на весь лес;
боже, что за благодать
здесь писать в тени древес![*]

Другие четверостишия написаны по тому же образцу и столь же богаты рифмой:

О, дрозд, ты рад,
где бы в чаще ни было твое гнездо:
отшельник, который не звонит в колокол,
сладко, мягко, мирно твое пение.

ПРОВОРНАЯ ПЧЕЛА

Проворна желтая пчела с цветка на цветок,
она путешествует на солнце,
смело летая по большой равнине,
затем в безопасности присоединяется к братьям в улье.

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Холодна ночь в Мойн Море.
Дождь льет потоками:
глубокий рев, от которого высоко смеется ветер,
звучит над укрывающим лесом.

Здесь нет внутренней рифмы, но в каждой строке присутствует аллитерация. Конечные рифмы не совпадают по позиции ударного слога, и именно эта форма становится самой распространенной в поздней ирландской и валлийской поэзии. Уоткинс показал, что этот процесс мог начаться в ирландском языке, когда рифма была введена в те древние метры, где последний слог мог быть как ударным, так и безударным[52]. **[280]**

Можно привести еще один пример стихотворения, написанного в том же метре и том же стиле. Оно не может датироваться временем ранее IX века, так как в нем упоминаются норвежские воины:

---

[*] Перевод дается по: «Поэзия Ирландии», пер. Г. Кружкова, с. 43.— *Прим. ред.*

Резок сегодня вечером ветер,
Он вздымает белые волосы океана:
Сегодня я не боюсь страшных воинов Норвегии,
Плывущих по Ирландскому морю.

Эта внезапно проснувшаяся любовь и внимание к природе приятно удивляет; несомненно, становление подобной поэзии явилось заслугой монахов, учившихся любить Тварный мир как дар Божий и искать счастья в отшельнической жизни. Робин Флауэр объяснял возникновение этой интимной поэзии в Ирландии как результат движения калди в VIII веке, которое особенно процветало в Таллахте и Фингласе и дало новый толчок религии и литературе. «Они, первыми в Европе, обладали этим странным видением естества в почти неестественной чистоте не только по причине того, что эти писцы и отшельники по природе своего призвания жили в окружении леса и моря; но и потому, что они принесли в эту среду свое мировоззрение, чудесно омытое и очищенное непрерывными духовными упражнениями»[53].

И действительно, часто отчетливо ощущается почти благоговейное отношение к природе, которое наполняет нас уверенностью, что поэт-монах воспринимает ее как отражение божественной красоты:

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Я желаю, о Сын живого Бога,
вечный древний Король,
уединенной хижины в чаще,
чтобы она была моим жилищем.
Мелкие зеленые воды
вокруг него,
чистая заводь, чтобы смыть грехи
милостью Святого Духа.
Прекрасный лес рядом,
вокруг него во все стороны,
чтобы кормить певчих птиц,
укрытие, скрывающее ее.
Южная сторона для тепла,
поток чрез ее землю,
избранная, богатая страна,
хорошая для любого растения. **[281]**
***
Прекрасная церковь, с льняной тканью,
жилище Бога с небес,
и сияющие свечи
над чистым белым Писанием.
***
Достаточно пищи и одежды
от Короля светлой славы,
и посидеть немного,
молясь Богу в любом месте[54].

Может быть, первый толчок исходил от гимна «Восхвалите дела Царя Царей» *(Benedecite opera Domini Dominum),* который входил в обеденную службу в Ирландии и в этом качестве появляется в *Антифонарии из Баигора?*[55]

Одно из лучших стихотворений подобного рода вложено в уста отшельника Марбана, брата Гуайре, короля Коннахта. Гуайре правил в VII веке, но стихотворение датируется гораздо более поздним периодом, возможно, X веком. Марбан избрал простую и уединенную отшельническую жизнь, а король пришел уговаривать своего брата оставить келью и вернуться к жизни воина. Вот ответ Марбана:

ОТВЕТ МАРБАНА

(отрывки)

Тис нетленный —
мой моленный
дом лесной;
дуб ветвистый,
многолистый —
сторож мой.

* * *

Яблок добрых,
алых, облых —
в куще рай;
мних безгрешен,
рву с орешин
урожай.

Из криницы
ток струится
(свеж, студен!); **[282]**
вишней дикой,
земляникой
красен склон.

* * *

Реют чайки,
кличут цапли
над водой;
ночью в чаще
шорох мчащий —
козодой.

* * *

Ветер веет,
листья плещут,
шелестят;
струйным звоном
вторит в тон им
водопад![*]

Эта хвалебная песнь состоит из 32 четверостиший, и Гуайре отвечает, что он отдал бы королевство и все свое наследство, чтобы разделить с Марбаном это счастье.

Вниманием к форме, цвету, звуку, подчеркиванием нюансов отличаются «Песни о лете», получившие известность благодаря Куно Майери[56].

МАЙСКИЙ ДЕНЬ

Майский дивный день,
лета лучший дар,
на рассвете — звень
первых птичьих пар.

Праздник трав и древ
славит славок хор,
стихли вихри вьюг,
когда бел был бор. **[283]**

---

[*] Перевод дается по: «Поэзия Ирландии», М., Художественная литература, 1988. Пер. Г. Кружкова, с. 40-43.— *Прим. ред.*

Высоко в скалах
водный гром гремит,
трости ив трещат,
коростель скрипит.

В слабом сердце — дрожь,
в сильном — славы звон:
«Майский дивный день!» —
распевает он*.

Песни были написаны в IX веке. Нам показалось уместным привести эти отрывки, так как ирландская поэзия о природе занимает уникальное место в европейской литературе и недостаточно хорошо известна широкому читателю.

Этот же мотив слышится и в валлийской поэзии, но время ее создания невозможно определить из-за отсутствия грамматических критериев, и ученые вынуждены опираться на орфографию и рифму. Валлийские стихотворения о природе, по нашему мнению, были вдохновлены ирландской поэзией, но постепенно тема природы перешла в гномическую поэзию, где утратила свое своеобразие и превратилась в набор стандартных формул. Один отрывок из *Черной Книги из Кармартена* (XIII век) поражает своим сходством с ирландским стихотворением о мае и кажется заимствованием:

МАЙСКАЯ ПОРА

Май, лучшая пора,
громко поют птицы, свежа молодая трава,
плуги в пашне, быки под ярмом,
море зелено, поля пестры.
Когда кукушки поют в прекрасных деревьях,
я становлюсь печальнее;
дым кусает, моя печаль понятна,
ибо мои родичи умерли.
На холме, на равнине и на островах в море,
какому пути ни пойдешь,
все равно не минуешь благословенного Христа. **[284]**

Другая последовательность энглинов начинается строками, описывающими зиму:

ЗИМА

Резок ветер, гол холм, нелегко найти убежище;
грязен брод, замерзло озеро;
человек может стоять на замерзшем стебле тростника.
Волна за волной накрывают берег;
громко завывает ветер на горных вершинах;
едва ли возможно выйти из дома.
На озере холодно в зимнюю бурю,
сух тростник, стебли сломаны,
ужасен ветер, дрова заготовлены.
Ложе рыб холодно подо льдом,
олень отощал, тростник остист;
вечер короток, деревья склонились.

В следующий период стихи становятся довольно мрачными и претенциозными, из них начинает исчезать сама поэзия. Написание подобных энглинов, должно быть, вошло в моду, так как некоторые из них объединяются по преимуществу начальной формулой («Падает

---

* Перевод дается по: «Поэзия Ирландии», М., Художественная литература. 1988. Пер. Г. Кружкова, с. 43-44.— *Прим. ред.*

снег», «Горный снег»), что является несомненным признаком упадка. Отрывок, процитированный нами, возможно, восходит к X веку, в дальнейшем поэты, скорее всего, добавляли все новые и новые энгли-ны, что привело к образованию той бессвязной последовательности, которую мы наблюдаем в рукописи. Однако Глин Дэвис предполагает, возможно справедливо, что на эти страницы, как и на многие другие в *Черной Книге* была занесена беспорядочная мешанина из строф, обломки поэзии, пересказанные писцу тем, кто смог вспомнить лишь фрагменты цельных стихотворений[57].

Ко времени древнейших сохранившихся валлийских поэтических текстов система рифмовки полностью сформировалась, и в валлийском стихе мы не находим ничего, что можно было бы сопоставить с древними ирландскими нерифмованными силлабическими метрами. Однако происхождение englyn* и позднее cywydd**, вероятно, следует **[285]** искать в древней индоевропейской просодии, строке с фиксированным количеством слогов, подверженной акефалии и каталексису, свободной в отношении расстановки ударений в первой части и с фиксированной каденцией после цезуры. Такая структура стиха была свойственна древним ирландским метрам, а Ирландия и Уэльс были наследниками общекельтского достояния. **[286]**

Глава 10
Ирландская литература

Когда мы думаем об ирландской или валлийской литературе, наше внимание прежде всего привлекают поэзия и легенды. Из греческой и римской традиции нам известно множество имен знаменитых драматургов, риторов, философов и историков, выдающиеся драматурги и философы были и в древней Индии; но из Ирландии и Уэльса, как и из англосаксонской Англии, до нас дошла только развлекательная литература и древние предания. Неверно было бы говорить, что история оставалась в тени. Это далеко не так. Ирландцы с удовольствием предавались воспоминаниям о прошлом. Впрочем, передача знания вменялась в обязанность филидам и по большей части заключалась в заучивании мифов, дополненных собственными вымыслами, а также в каталогизации имен королей и их битв в исторический период, выполненной обычно в стихотворной форме, причем этот материал становится все более достоверным по мере сокращения временного разрыва с описываемыми событиями. Большое место в обязанностях историка занимало сохранение генеалогий правящих родов, при этом он вдохновлялся стремлением скорее к преумножению чести рода покровителя, чем к исторической правде. Эти историки не учились в школе Геродота; их главной целью было восхваление князей и прославление своего племени, а не раскрытие хода событий, разыскание исторической правды и объяснение исторических фактов[1].

Более того, предания Ирландии и Уэльса происходят из устной традиции и по своей природе анонимны. Мы не знаем автора «Похищения Быка из Куальнге» или «Килоха и Олвен». Поэзия, как мы уже видели, также по большей части носит анонимный характер, хотя в данном случае мы располагаем сочинениями отдельных неизвестных авторов, **[287]**иногда приписываемыми выдающимся личностям прошлого, св. Колумбе или Финну мак Кумалу в Ирландии, Анейрину или Талиесину в Уэльсе. Своеобразная черта ранней ирландской традиции — полное отсутствие повествовательной поэзии, то же можно сказать и об Уэльсе. Древнейшая ирландская поэзия представляет собой произведения придворных поэтов: хвалу, сатиру или плач, а повествование ведется в прозе.

Ирландские повести по своей форме и содержанию очаровывают и восхищают, но в то же

---

* Энглин — одна из двух (наряду с awdl) разновидностей валлийских размеров. Состоит из рифмованных четверостиший с семисложными строками.— *Прим. ред.*

** Валлийские барды разделяли метры на группы, одну из которых составляли cywydd. Впрочем, один из этих размеров, cywydd deauir hirion, используется настолько чаще остальных, что обычно называется просто cywydd без дальнейших пояснений. Единицу размера составляет рифмованное двустишие из семи-сложных строк. Одна строка имеет женское, другая мужское окончание. Иными словами, рифмуются всегда ударный и безударный слоги.— *Прим. ред.*

время разочаровывают и зачастую даже нагоняют скуку. В больших рукописных сводах, сохранившихся в *Книге Бурой Коровы,* рукописи *Rawlinson B 502* или *Желтой Книге из Лекапа* (назовем три самых известных источника) мы обнаруживаем чрезвычайно искаженную фиксацию устной традиции. Мы можем быть благодарны писцам (ранние писцы были монахами) за то, что они вообще записали эти тексты, но, как хорошо сказал Джерард Мерфи, когда нам кажется, что устная повесть была неизмеримо лучше дошедшего до нас монастырского текста, мы не столько тешим себя фантазиями, сколько вдыхаем душу в тело, погребенное в рукописи[2].

Ирландская литература в интересующий нас период, с VIII по XII век, отражает героическую и мифологическую традицию, свободную от греческого или римского влияния. Героические повести описывают варварский мир, в котором мы все еще находим некоторые обычаи, о которых сообщают античные авторы в своих заметках о галлах. Самыми высокими добродетелями считаются верность, смелость, честь и гостеприимство. Это аристократическое общество. Боги иногда вмешиваются в людские дела, а в мифологических рассказах общим местом являются представления о магии, о незримом потустороннем мире.

Великий сюжет, ставший огромным вкладом ирландцев в европейскую литературу,— это сюжет о любви, внезапной, ошеломляющей, длящейся до смерти и приносящей горе влюбленным. Лучше всего известна история о Тристане и Изольде, берущая начало из ирландских источников[3].

Повести разделяются на циклы: мифологический, ульстерский, королевский и цикл Финна. К мифологическому циклу можно отнести и повести о Потустороннем Мире (echtrai, «приключения», и immrama, «плавания»), в которых герой отправляется в путешествие и оказывается в чудесной стране. Эти последние представляют особый интерес как возможный источник сюжетов о короле Артуре. В *Лейнстерской Книге* сохранился древний список саг, в котором они объединены не по циклам, а по сюжетным типам: *разрушения, похищения скота, сватовства, битвы, укрытия, плавания, насильственные смерти, приключения,* **[288]** *пиры, осады, набеги, бегства, резни, видения, любовные истории, военные походы* и *вторжения.* Многие названия относятся к уже утраченным повестям. И наоборот, в этот список включены названия не всех дошедших до нас саг. Но по крайней мере, мы можем оценить, как велик был объем этой литературы.

От мифологического цикла сохранилось лишь несколько саг, но в литературе имеются упоминания о многих утраченных. Лучшая из них — «Сватовство к Этайн», дошедшая до нас в виде текста IX века. Это три истории, образующие связную последовательность. В первой Этайн становится женой короля сида, Мидира из Бри Лейт. Затем, через тысячу лет, она возрождается в человеческом облике и становится женой Эохайда Айрема, короля Тары; в третьей истории она возвращается к Мидиру в Иной Мир. Мы видим здесь странную красоту, с которой, возможно, не сравнится никакая другая ирландская сага, страсть любви, магические силы и счастливый конец. Уникальна и ее форма, так как это единый рассказ в трех эпизодах, сходный с трехактовыми комедиями (см. выше с. 185 и ел.).

Сага «Битва при Маг Туиред» — наш главный источник по ирландской, а в действительности и по всей кельтской мифологии, поскольку в ней фигурируют почти все ирландские боги. Боги называются «Племена Богини Дану» (Tuatha De Danann) и сражаются против племени великанов-фоморов. Это рассказ о битве. Королем является Нуаду, а в бою участвуют Дагда («Хороший Бог»), также называемый Оллатар («Отец Всех»), Луг Длинная Рука, кузнец Гоибниу, врачеватель Диан Кехт, бронзовых дел мастер Кредне, плотник Лухта, герой Огма и Морриган. Но повествование ведется бессвязно и бесформенно и представляет собой ценность скорее мифологическую, чем литературную (см. выше с. 183 и ел.).

Чудеса Потустороннего Мира являются темой повествования в Приключениях и Плаваниях. Считается, что Потусторонний Мир находится в западных морях. Он называется «Страной Живых», «Прекрасной Долиной», «Страной Юных» или «Землей Обетованной», последнее название представляет собой буквальный перевод латинского *Terra Repromissionis.* В этой земле нет болезней, старости и смерти, это земля вечного счастья, здесь пожелать чего-либо — значит получить это, здесь сотни лет пролетают как один день. Подобные описания находят близкие параллели в рассказах о греческом элизиуме, норвежской «Земле Живых Людей» (Jord Lifanda Manna) и восходят, возможно, к общей индоевропейской традиции.

Прекрасная дева приходит к герою и поет ему об этой счастливой стране. Он следует за

ней, они уплывают в стеклянной лодке, и больше [289]их никто не видит. Или же он возвращается и узнает, что все его товарищи мертвы, так как он отсутствовал сотни лет. В некоторых сагах героя во время поездки окутывает волшебный туман. Он оказывается перед чудесным дворцом, в котором с ним происходят странные приключения; и он возвращается, успешно справившись со своей задачей. Одна из древнейших саг о приключениях — сага о Бране, сыне Фебала, которого завлек в Страну Женщин чудесный посланец. Она описывает красоту и удовольствия Иного Мира в замечательной поэме из 28 строф, которая задает тон многим другим подобным описаниям. Этот остров стоит на четырех золотых столбах. На серебряной равнине ведутся игры, скачки на колесницах и состязания на лодках. Повсюду играют яркие краски. Радость непреходяща. Нет ни грусти, ни злобы, ни печали, ни болезни, ни смерти. Всегда звучит музыка. Море омывает землю, так что хрустальные волны падают на берег. Колесницы там из золота, серебра и бронзы, лошади гнедые, чалые, даже голубые, как небо. Вот описание бога Солнца:

> «Светловолосый человек приходит с восходом, чтобы осветить равнинные земли. Он едет над белой равниной, вокруг которой шумит океан. Он пробуждает море».

Бран отправляется в море с 27 спутниками. Через два дня и две ночн он видит приближающегося человека, правящего своей колесницей. скользящей по волнам. Это бог Мананнан, он поет песню, проникнутую особой магией. Мананнан рассказывает об Ином Мире. Бран думает, что он плывет по морю, но для Мананнана это цветущая равнина. Волны, которые видит Бран, — цветущие кусты. Выпрыгивающие лососи — телята и резвые ягнята. Его лодка плывет по саду плодовых деревьев.

После некоторых приключений Бран достигает Острова Женщин. но боится высаживаться. Предводительница женщин бросает ему клубок ниток, который пристает к его руке, и вытаскивает лодку на берег [4]. Они идут в большой зал, где каждому предоставили постель и жену. Еда, которую они ели, не убывала. Они думали, что пробыли там год. но на самом деле прошло много лет.

Когда Бран вернулся в Ирландию, люди, собравшиеся на берегу. спросили его, кто он такой, и он ответил: «Я Бран, сын Фебала». — «Мы не знаем его, — сказали они, — но Плавание Брана — одна из наших древнейших повестей». Одного человека вынесло на берег, и он тут же превратился в прах, как если бы пробыл в могиле сотни лет. Бран поведал о своих приключениях людям и попрощался с ними: и с этого времени о его приключениях ничего не известно. [290]

Эта повесть следует языческой традиции, и счастье представляется состоящим из удовольствия в еде и любви, которые они нашли в Потустороннем Мире. То же справедливо и для нескольких других Приключений, и следует только восхититься верности, с которой христианские монахи сохранили их для нас. Можно назвать «Приключение Конлы», «Приключение Лоэгайре», «Приключение Кормака», «Приключение Арта мак Конна» и «Болезнь Кухулина», и все они пронизаны одними и теми же волшебными мотивами, перешедшими четыреста лет спустя в Артуровский цикл.

В «Приключении Лоэгайре», когда герой возвращается из сида, выполнив задание, коннахтцы выходят приветствовать его. «Не подходите к нам близко,— говорит Лоэгайре,— ибо мы пришли проститься». Его отец Кримтанн Касс, король Коннахта, умоляет его остаться: «Не покидай меня! Я отдам тебе королевство Трех Коннахтов, со всем их золотом и серебром, их конями и сбруей и их прекрасными женщинами; но не покидай меня!» Лоэгайре отвечает стихами, восхваляющими блаженства Потустороннего Мира. Они путешествуют в тумане, ведя могучую армию. Вокруг звучит великолепная музыка и повсюду счастье любви:

> «Прекрасная чудесная музыка, путешествия из одного королевства в другое, мед льется из ярких сосудов, разговор с тем, кого любишь.
>
> Мы играем фигурами желтого золота на золотой доске; мы пьем чистый мед в компании вместе с благородным воином.
>
> Дер Грейне, дочь Фиахны, моя жена; и, говоря по правде, есть жена у каждого из моих пятидесяти людей.
>
> После этого он вновь уходит от них, возвращаясь в чудесный холм, и разделяет управление королевством сидов с Фиахной мак Ретахом в крепости Маг Мелл, и дочь Фиахны при нем, и

он так и не вышел оттуда».

Здесь Потусторонний Мир отождествляется с чудесным холмом (си-дом). Действительно, существуют два представления о Потустороннем Мире. В него можно попасть либо плывя по западному морю, либо войдя в один из холмов, куда, как считалось, бежали Племена Богини Дану после поражения от Сыновей Миля. В Бруг-на-Бойн (ныне отождествляется с большим могильником бронзового века Ныо-Грейндж в графстве Лаут) жил Энгус, хитростью заполучивший его от Дагды. Это было чудесное место, где деревья всегда приносили плоды. Здесь были жареная свинья и чан с вином, от которых не убывало. Бри Лейт, холм недалеко от Арды, графство Лонгфорд, был жилищем Ми-дира; Бодб Дерг, сын Дагды, был господином Сид-ар-Фемен, ныне Сливнамон, графство Типперери; Сид Клеттиг на Бойн был жилищем **[291]**Элкмара, а в Сиде Финнахайд обитал Айллен мак Мидгна или Лир. Нуаду жил в Сиде Алман, Холме Аллена, графство Килдэр. Сиугмалл, брат Элкмара, был владыкой Сид Нента на Лох-Ри. Потусторонними жилищами были и пять (иногда шесть) Ьгшёпе («постоялых дворов») Ирландии, у которых не было постоянного места. В каждом из них, как говорится, был неисчерпаемый котел, как котел Дагды, от которого никто не уходил недовольным.

Но были также и потусторонние острова, и боги, связанные с ними, по всей видимости, не принадлежали к Племенам Богини Дану. Среди этих богов главной фигурой является Мананнан мак Лир. Он правит своей колесницей по морю и, по словам Кормака мак Куленана, составителя глоссария IX века, живет на острове Мэн; но его настоящая родина — Эмайн Аблах, Авалон артуровской традиции. С ним связаны другие божества, не встречающиеся среди Племен Богини Дану: Лабрайд Быстрая-Рука-на-Мече и его жена Ли Бан; Эоган Инбир и его жена Бе Кума; Эохайд Иуйл и его жена Фанд, уговорившая Кухулина стать ее любовником, и некоторые другие. Эти «благородные Земли Обетованной», возможно, изначально относились к другому культу, так как среди кельтских доисторических завоевателей находились разные этнические группы: круитни, эрины, гойделы (фении) и, может быть, некоторые другие (см. выше с. 175-185).

Повести, объединяемые в рамках Ульстерского цикла, получили такое название потому, что в большинстве из них рассказывается о воинах уладов, главного населения провинции Ульстер (Coiced Ulad) в доисторическую эпоху. Но в этих сагах часто появляются Айлиль и Медб, король и королева Коннахта, и некоторые знаменитые коннахтские воины. Здесь уже исчезает «кельтская магия» Потустороннего Мира и, по определению Чедвик, мы вступаем в «Героический Век». Это не загадочные и таинственные повести о приключениях и плаваниях, но рассказы, считавшиеся историческими и имевшие под собой какую-то историческую основу. Оружие и боевые колесницы, пиры и собрания, общественный строй, изображенный в Ульстерском цикле, находит близкие соответствия в сообщениях античных авторов о кельтах Галлии и Британии[5].

Центральная повесть этого цикла — «Похищение Быка из Куальн-ге»; а герой этого эпоса и всего цикла — Кухулин («Пес Куланна»). храбрый, благородный, красивый, любимый женщинами, избравший славу и раннюю смерть вместо долгой жизни без чести. В «Похищении Быка из Куальнге» Кухулин в одиночку всю зиму защищает уладов от целой армии, между тем как улады лежат, пораженные таинственной **[293]**болезнью. Кульминацией ряда поединков стал бой Кухулина с Фер Диадом, его другом и молочным братом, которого он убивает на третий день битвы. Повесть заканчивается подходом уладов и отступлением коннахтской армии.

С «Похищением» связано множество небольших саг, выступающих в качестве предваряющих повестей (гет-зсё1а) и объясняющих отдельные эпизоды этой великой битвы, и самой знаменитой из них по справедливости является «Изгнание сыновей Успеха» *(Longes Mac nUislenn)*[6]. Оно объясняет, почему Фер Диад и другие воины уладов были в лагере коннахтцев, сражаясь против Ульстера; но это не главный мотив повести. Эта сага — древнейший пример в европейской литературе мотива трагической любви.

ИЗГНАНИЕ СЫНОВЕЙ УСНЕХА

Однажды улады пировали в доме Федельмида, рассказчика при дворе короля Конхобара. И в это же время у жены Федельмида родилась девочка, и друид Катбад предсказал в стихах ее будущее. Девочку следовало назвать Дейрдре, и она станет женщиной чудесной красоты и принесет вражду и горе и уйдет из королевства. Многие погибнут из-за нее.

Улады хотели сразу же убить ребенка и избежать проклятия. Но Конхобар приказал пощадить ее и воспитывать в уединении, вдали от людских глаз; он сказал, что сам возьмет ее в жены. Таким образом, Дейрдре была отдана приемным родителям и воспитывалась у них. Единственным человеком, которому было дозволено видеть ее, была мудрая женщина Леборхам.

«Как-то зимним днем названый отец девушки обдирал на дворе теленка, чтобы приготовить для нее еду. Прилетел тут ворон и стал пить пролитую на снег кровь. И тогда сказала Дейрдре Леборхам:

— Смогу я полюбить только такого человека, у которого будут эти цвета: щеки, как кровь, волосы, как ворон, тело, как снег.

— Счастье и удача тебе! — сказала Леборхам,— ибо близко от тебя этот человек, это Найси, сын Успеха.

— Не буду я здорова,— сказала девушка,— пока не увижу его.

Как-то однажды гулял Найси один возле королевского замка в Эмайн и пел. Чудесным было пение сыновей Успеха. Каждая корова и каждая пчела, слыша его, давала в три раза больше молока и меда. Сладко было слышать его и людям, впадали они от него в сон, как от чудесной музыки. Умели они и владеть оружием: если становились они спинами друг к другу, не могли одолеть их и все ирландские воины. Таким было их воинское искусство и выручка в бою. Быстры, как псы, были они на охоте и поражали зверя на бегу.

И вот, когда гулял Найси так один и пел, выскользнула она наружу и стала прохаживаться мимо него и не признала его. **[293]**

— Красива,— сказал он,— телочка, что прохаживается возле нас.

— Телочки хороши, коли есть на них быки,— сказала она.

— Рядом с тобой есть могучий бык,— сказал он,— король уладов.

— Из вас двоих больше мне по душе,— сказала она,— молодой бычок вроде тебя.

— Не бывать этому! — сказал он ей.— Известно мне предсказание Катбада.

— Ты отказываешься от меня?

— Да,— сказал он.

Тогда бросилась она к нему и схватила его за оба уха.

— Да будут на них срам и стыд,— сказала она,— коли не уведешь ты меня с собой»*.

«Найси издал клич, и улады сбежались, услышав его, и сыновья Успеха, два его брата, тоже пришли предостеречь его. Но под угрозой была его честь. „Мы уйдем в другую страну,— сказал он.— Нет короля в Ирландии, который не впустил бы нас в свою крепость". Той ночью они отправились в путь, и трижды пятьдесят воинов было с ними, и трижды пятьдесят женщин, и трижды пятьдесят псов, и трижды пятьдесят слуг, и Дейрдре.

Они бежали в Шотландию и поступили на службу к шотландскому королю. Но красота Дейрдре возбудила в нем зависть, и сыновья Успеха были вынуждены бежать и скрыться на морских островах.

Затем Конхобар пригласил их вернуться и послал Фергуса, Дубтаха и своего сына Кормака в качестве поручителей; но Найси и его спутники были убиты, когда они пришли в Эмайн, а Дейрдре привели к Конхоба-ру со связанными руками.

Когда поручители узнали об этом вероломстве, они пришли мстить за преступление: убили триста уладов, уладских девушек, а Фергус поджег Эмайн. Затем Фергус, Дубтах и Кормак ушли ко двору Айлиля и Медб, и 16 лет в Ульстере не было мира.

Дейрдре год была с Конхобаром и ни разу за это время не улыбнулась и не подняла головы от колен.

И когда приводили к ней музыкантов, она так говорила:

„Смелых воинов светел облик, рати ряды радуют взоры, но мне милее легкая поступь храброго Найси братьев гордых...

Нежным Конхобару кажется пение всех этих труб и свирелей, мне же знакома нежнее музыка: пение трех сыновей Успеха...

Мил мне был его взгляд зеленый, для женщин — нежный, для недругов — грозный, и после долгой лесной охоты мил мне был голос его далекий.

---

* Перевод отрывка по: «Похищение Быка из Куальнге», М., 1985, с. 18-19 (далее — «Похищение»).— *Прим. пер.*

Не сплю я ночью и в пурпур не крашу ногти. Кому скажу приветное слово, коль сына Успеха нет со мною?.. **[294]**

Не несут мне утехи в моем уделе средь крепких стен прекрасной Эмайн тихий покой и смех веселый, убранство дома и облик светлый воинов смелых".

Когда подступал к ней Конхобар, так она говорила:

„О, Конхобар, чего ты хочешь? Ведь ты — причина моего горя! И клянусь, что пока жива я, ты любви моей не узнаешь.

То, что всего прекраснее было, то, что я когда-то любила, все ты отнял, о горе злое, я не увижу милого больше!..

Были красны и нежны его щеки, алыми — губы, черными — брови, были зубы его как жемчуг, светлым сверканьем снега белее...

Не разбивай мне сердце, уж близок час моей смерти. Горе сильнее моря, помни об этом, Конхобар!"

— Кого в моем доме ненавидишь ты больше всех? — сказал Конхобар.

— Тебя самого,— сказала она,— и Эогана, сына Дуртахта.

— Тогда проживешь ты год с Эоганом,— сказал Конхобар.

И он отдал ее в руки Эогана. На другой день Эоган поехал с нею в Маху. Она сидела позади него на колеснице. Поклялась она, что не будет у нее двоих мужей на земле в одно время.

— Добро тебе, Дейрдре,— сказал Конхобар,— как овца поводит глазами между двух баранов, так и ты между мною и Эоганом.

В то время проезжали они мимо большой скалы. Бросилась на нее Дейрдре головой. Ударилась ее голова о камни и разбилась. И она умерла.

Вот повесть об изгнании сыновей Уснеха, и об изгнании Фергуса, и о смерти сына Уснеха и Дейрдре»[*].

Эта повесть дошла до нас в нескольких рукописях и современном фольклоре. Здесь приводится древнейшая версия *Лейпстерской Книги.* датируемая, возможно, VIII веком.

Следующей за «Похищением Быка из Куальнге» по объему и по значимости является сага «Пир у Брикрена» *(Fled Bricrenn).* Основным мотивом саги является так называемая *доля героя (curad-mir),* из-за которой соревнуются Кухулин и два других воина, точно так же, как галльские воины в описании Посидония. Второй мотив — испытание героя, когда Кухулин и два его соперника должны отрубить голову великану, при условии, что на следующий день великан вернется, чтобы отрубить головы им самим. Этот мотив затем был использован автором «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря».

Первая из этих тем лучше всего представлена в одной из самых живых и увлекательных ирландских саг «Повести о кабане Мак-Дато». Здесь воины один за другим предъявляют свои права на разделку туши **[295]**кабана на пиру, и каждый по очереди вынужден уступить сопернику, предъявившему более обоснованные притязания. Похвальба каждого притязающего и презрительное унижение, которому он затем подвергается, составляют прекрасный диалог. В конце концов, когда коннахт-ский герой, Кет, сын Матаха, опозорил нескольких уладов и уже был готов разделывать кабана, в пиршественный зал вошел Копал Кернах.

«Великим приветом встретили его улады. Сам Конхобар снял венец со своей головы и взмахнул им.

— Хотел бы и я получить свою долю! — воскликнул Конал.— Кто производит дележ?

— Пришлось уступить тому, кто делит сейчас,— сказал Конхобар,— Кету, сыну Матаха.

— Правда ли,— воскликнул Конал,— что ты, Кет, делишь кабана? Запел Кет:

Привет тебе, Конал! Сердце из камня,
Дикое пламя! Сверканье кристалла!
Ярая кровь кипит в груди героя,
Покрытого ранами, победоносного!
Ты можешь, сын Финдхойм, состязаться со мной!

В ответ запел Конал:

Привет тебе, Кет, первенец Матаха! Облик героя! Сердце из

---

[*] Перевод по: «Похищение», с. 23--27.— *Прим. пер.*

кристалла! Лебединые перья! Воитель в битве! Бурное море! Ярый бык прекрасный! Все увидят, как мы сойдемся, Все увидят, как разойдемся...

— Эй, отойди от кабана! — воскликнул Конал.

— А у тебя какое право на него? — спросил Кет.

— У тебя есть право вызвать меня на поединок,— сказал Конал.— Я готов сразиться с тобой, Кет! Клянусь клятвой моего народа, с тех пор как я взял копье в свою руку, не проходило дня, чтобы я не убил хоть одного из коннахтов, не проходило ночи, чтобы я не сделал набега на землю их, и ни разу не спал я, не подложив под колено головы коннахта.

— Это правда,— сказал Кет.— Ты лучший боец, чем я. Будь Анлуан здесь, он вызвал бы тебя на единоборство. Жаль, что его нет в доме.

— Он здесь, вот он! — воскликнул Конал, вынимая голову Анлуана из-за своего пояса.

И он метнул ее в грудь Кета с такой силой, что у того кровь хлынула горлом. Отступил Кет от кабана, и Конал занял его место»*. **[296]**

Конал берет себе лучшую часть, а коннахтцам оставляет только передние ноги. Разгневанные этим, они вскакивают со своих мест, а улады со своих, так что вскоре весь пол оказывается усеян трупами, а кровь течет через порог.

Эта великолепная сага IX века описывает ту самую сцену, очевидцем которой был Посидоний в Галлии за тысячу лет до этого. Вряд ли можно представить себе лучшее свидетельство архаизма ирландской традиции.

Когда Кухулин был на востоке, обучаясь боевым приемам у Скатах, чтобы получить в жены Эмер, он сражался против другой женщины-воительницы, Айфэ, соперницы Скатах; он победил ее, и она родила от него сына. Обо всем этом рассказывается в большой саге «Сватовство к Эмер». Сын Кухулина, когда станет мужчиной, должен прибыть в Ирландию и не должен называть своего имени по требованию одного воина. «Смерть единственного сына Айфэ» рассказывает о прибытии мальчика в Ирландию и его гибели от руки собственного отца. Этот сюжет используется в «Повести о Сохрабе и Рустаме». Это также тема «Песни о Хильдебранте» — очевидно, древний индоевропейский мотив. По своей форме сага относится к IX веку. Она запоминается прежде всего благодаря простоте и сдержанной эмоциональности повествования.

СМЕРТЬ ЕДИНСТВЕННОГО СЫНА АЙФЭ

«Улады собрались в Трахт Эйси, когда они увидели мальчика, плывущего по морю в бронзовой лодке с золочеными веслами. Он проделывал необычные боевые приемы, сбивая птиц на лету из своей пращи, а затем отпуская их. Он бросал их в воздух, а затем пел им, так что они возвращались. Улады встревожились и послали воина встретить его и не дать ему высадиться или узнать его имя. Первым пошел Кондере, но мальчик победил его. Затем к нему спустился могучий Конал Кернах. Мальчик метнул камень из пращи, и Конал упал наземь. Мальчик связал ему руки ремнем от его же щита. „Пусть кто-нибудь еще выйдет против него!" — говорит Конал Кернах.

Кухулин выполнял свои боевые приемы, когда он шел к юноше, и рука Эмер, дочери Форгала, обвивалась вокруг его шеи. „Не спускайся к нему! — сказала она.— Это твой сын там внизу. Не убивай своего единственного сына! Сдержись, о горячий сын Суалтайма. Не будет смело или мудро выступить против твоего храброго сына. ...Повернись ко мне. Послушай моего доброго совета. Да услышит меня Кухулин! Я знаю, какое имя он назовет, если мальчик там внизу — это Конлуи, сын Айфэ".

И ответил тогда Кухулин: „Отойди, женщина! Я не слушаю женских советов... Не смущай меня своими женскими речами... Доброе копье **[297]**пьет добрый напиток. Хотя бы это был на самом деле он, женщина, я убил бы его во имя Ульстера".

Затем он спустился к мальчику сам. „Ты хорошо играешь, мальчик",— сказал Кухулин. „Но жестока твоя игра,— ответил мальчик,— почему не выходите вы вдвоем, чтобы я мог назвать мое имя".— „Должен ли я был захватить с собой ребенка? — сказал Кухулин.— Ты умрешь, если не назовешь своего имени".— „Пусть будет так",— сказал мальчик.

Юноша выступил против него. Они начали наносить друг другу удары. Юноше удалось нанести

---

* Перевод по: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 582 (далее — ИЭ).— *Прим. пер.*

удар в голову Кухулина. „Довольно снисхождения,— сказал Кухулин.— Давай поборемся!" — „Я не дотянусь до твоего пояса",— сказал мальчик. Мальчик взобрался на два камня, и он трижды столкнул Кухулина с места. И мальчик не сдвинул ни одной ноги с камней, и его ноги вошли в камни по лодыжку. Следы его ног до сих пор видны там. Отюда название Берег Следа в Ульстере.

Затем они вошли в море, пытаясь утопить друг друга, и мальчик дважды поверг Кухулина. Он вышел против мальчика на мелководье и нанес ему обманный удар га болга *(§ae Ьо1$а).* Ибо Скатах научила использовать га болга* одного лишь Кухулина. Он так ударил мальчика, что его кишки вылезли наружу. „Вот чему не научила меня Скатах! — сказал мальчик.— Будь проклят ты, ранивший меня!"

„Это правда,— сказал Кухулин. Он поднял мальчика на руки и унес его, и бросил его перед уладами.— Вот вам мой сын, улады!" — сказал он».

В другой саге рассказывается, почему в событиях, описываемых в «Похищении», принял участие Фроэх, сын Фидаха. Это повесть о любви, о сватовстве героя к Финдабайр, дочери Айлиля и Медб. В одном отрывке с особенной яркостью проявляется чувство формы и цвета, столь часто восхищающее нас в ирландской поэзии и прозе. Фроэха послали через реку за ветвью рябины:

«Снова вошел в реку Фроэх, сорвал на другом берегу ветку рябины и, держа ее над собой, воротился обратно. С той поры и говорила всегда Финдабайр, что ни одно из чудес света не сравнится с обликом Фроэха, переплывающего реку Дублинд,— с белизной его тела, красотою волос, прелестью лица, цветом серо-голубых глаз, безупречностью юного стана, широким сверху и узким внизу лицом, когда он, стройный и прекрасный, переплывал реку Дублинд с алой ветвью рябины между горлом и белым лицом. И всякий раз говорила Финдабайр, что хоть наполовину или на треть не сравниться ничему с обликом Фроэха»**. **[298]**

Те же черты мы видим и в описании Этайн, моющейся у ручья. Этайн была внучкой Этайн, жены Мидира (см. выше с. 289), и была смертной женщиной. В начале саги «Разрушение дома Да Дерга» ее видит король:

«Как-то однажды отправился он на луг у Бри Лейт и увидел там у источника женщину с серебряным гребнем, украшенным золотом, что умывалась водой из серебряного сосуда, на котором были четыре птицы из чистого золота и по краю маленькие красные самоцветы.

Красный волнистый плащ с серебряной бахромой был на той женщине и чудесное платье, а в плаще золотая заколка. Белая рубаха с длинным капюшоном была на ней, гладкая и прочная, с узорами красного золота. На груди и плечах с каждой стороны скрепляли рубаху золотые и серебряные пряжки с диковинными ликами зверей. Солнце освещало женщину, и всякий мог видеть блеск золота на зеленом шелке. Две косы цвета золота лежали на ее голове, и в каждой было по четыре пряди с бусинами на концах. Цвета ириса в летнюю пору или красного золота были ее волосы.

Так стояла она, распустив волосы для мытья и продев руки в вырезы платья. Белее снега, выпавшего в одну ночь, мягкими и гладкими были ее руки, а щеки женщины краснели ярче наперстянки. Чернее спинки жука были ее брови, белыми, словно жемчужный поток, были ее гладкие зубы, голубыми, словно колокольчики, были ее глаза. Краснее красного были ее губы. Высоки были ровные, нежные, белые плечи той женщины. Были бока ее как пена волны, длинные, стройные, нежные и мягкие, будто шерсть. Теплыми и нежными были ее белые бедра. Маленькими и белоснежными были ее прямые голени. Гладкими были прекрасные пятки. Случись смерить ее ступни, ни одна не была бы длиннее другой, если б не раздалась на них кожа. Блеском ясной луны светилось лицо женщины. Гордый изгиб был у тонких ее бровей, свет невесты излучали ее королевские очи. Ямочки были на ее щеках с пятнышками цвета оленьей крови и снежной белизны. Мягким и женственным был ее голос, величавой и твердой ее королевская поступь. Воистину была она желанней, милей и прекрасней всех прочих женщин, сколько ни искать по всему свету. Сразу подумалось им, что вышла она из сидов. Отсюда повелось говорить: „Каждая хороша, пока не сравнишь с Этайн, каждая мила, пока не сравнишь с Этайн"»*.

---

* *Га болга* — чудесное копье, подаренное Кухулину Скатах. Возможно, оно было снабжено каким-то карманом или сумкой, позволявшей метать его ногой из-под воды.— *Прим. ред.*

** Перевод отрывка по: «Похищение», с. 92-93.— *Прим. пер.*

* Перевод по: «Предания и мифы», с. 102.— *Прим, пер.*

Королевский цикл начинается с повестей, которые представляют весьма древнюю традицию. Они принадлежат к тому же жанру, что и римские истории о Ромуле и Реме или греческие предания об Афине и Посейдоне при основании Афин. Одна из них заслуживает особого упоминания, так как в ней присутствует мотив Железного Дома, который, **[299]**как мы увидим, был позднее заимствован в валлийской повести о Бранвен (см. ниже с. 330). Она называется «Разрушение Динн Риг» и повествует о Лабрайде Лоингсехе, боге — предке лейнстерцев. Это повесть о мести; датируется IX веком.

Кобтах Коэл, король Бреги, убил своего брата, Лоэгайре Лорка, короля Ирландии, и его сына Айлиля Айне, короля Лейнстера. Сын Айлиля, Лабрайд, был отправлен в изгнание. Позднее он вернулся с войском мунстерцев, захватил Динн Риг и стал королем Лейнстера.

Лабрайд был в мире с Кобтахом. Он пригласил Кобтаха навестить его и построил для него дом. Этот дом был очень крепок, ибо его стены, и пол, и двери были сделаны из железа. Лейнстерцы строили его целый год, и отец не говорил со своим сыном, а мать с дочерью; отсюда и пошла поговорка: «У каждого лейнстерца есть своя тайна». Кобтах прибыл с тридцатью королями, и всех их сожгли в железном доме.

Многие саги рассказывают о королях исторического периода, и одна из них называется «Убийство Ронаном родича». В дошедшем до нас виде этот текст датируется X веком. Это история о Федре и Ипполите в ирландском варианте. Трагическая тема звучит в первом же диалоге и повторяется, когда юноша встречает королеву. Напряжение не ослабевает на всем протяжении повествования.

Ронан был королем Лейнстера в VII веке и умер около 624 г. В саге его сын Маэл Фотартайг — самый знаменитый юноша Лейнстера. Вокруг него всегда толпились люди во время любых сборищ и игр. Не чаяли в нем души все девушки, и все женщины пылали страстью к Маэлу Фотартайгу. Его мать умерла, и Ронан долгое время оставался без жены.

«Почему не возьмешь ты себе жену? — спросил его сын.— Лучше стало бы тебе подле женщины».— «Говорили мне,— отвечал король,— что есть у Эохайда, правителя Дун Собайрхе, что на севере, прекрасная собой дочь».— «Не пара тебе юная девушка,— сказал юноша,— почему не возьмешь ты женщину? Неужто пристало тебе жить со смешливой девицей?»

Но старик женился на этой девушке, и она сразу же влюбилась в его сына и послала служанку, чтобы та рассказала ему о ее любви. Когда юноша отказался от нее, она ложно обвинила его. «Проклятие губам твоим, низкая женщина! — сказал Ронан,— ибо ты говоришь ложь!»

Вернулся домой Маэл Фотартайг и стал греть ноги у очага. Он произнес две строки в стихах, и королева сумела подобрать вторую половину четверостишия. «На сей раз все правда»,— сказал Ронан И он приказал одному из своих людей убить юношу копьем. Когда **[300]** Маэл Фотартайг умирал, он сказал отцу всю правду. Сагу завершает возвышенный плач старого короля над телом своего сына. Он восхваляет Маэла Фотартайга и его спутников и приказывает слугам накормить двух псов, тоскующих по своему господину:

Дойлин,
голову всем он кладет на колени,
ищет того, кого уж не найти.

Сын мой, Маэл Фотартайг,
лучшим был псом ты из своры,
лосось белый, высокий, блестящий,
теперь ты в холодном жилище. Холодно*.

Другая важная сага из этого цикла — «Повесть о Кано, сыне Гартнана». Она замечательна скорее своим сюжетом, чем формой, так как в единственной содержащей эту сагу рукописи, *Желтой Книге из Лекана,* она выглядит несколько бессвязной и содержит туманные отрывки. Эта повесть — чистый вымысел, так как хотя персонажи и являются историческими фигурами, они жили в разное время, а кроме того, отчетливо видно, что она соткана из нескольких древних

* При переводе использован текст: «Предания и мифы», с. 198-204.— *Прим. пер.*

мотивов. Одним из них является мотив о Тристане, так что эта сага может наряду с историей Дейрдре считаться одним из ранних кельтских источников легенды о Тристане. В данном случае параллель заключается в любовной теме, в том, что Кред является молодой женой старого короля Маркана (уменьшительное от Марк), и в финальной сцене, когда Кано приближается к берегу на корабле, Кред умирает до того, как он достигает земли, а вскоре умирает и он сам[7]. Другой мотив повести — любовь к незнакомцу, adrstakana в санскритской традиции, в Ирландии известная как grad ecmaise, «любовь к человеку, известному только понаслышке»; также здесь присутствует мотив души, заключенной в иной предмет.

Кано был сыном шотландского короля. Его смерть зафиксирована в хрониках в 688 г. В повести он прибывает в Ирландию в качестве изгнанника и с честью принимается при дворе короля Диармайта, дочь которого уже любила его до встречи с ним. Она спасает его от опасности, и Кано удаляется, чтобы посетить Гуайре, короля Коннахта. Сначала он приходит в дом Маркана, жена которого, Кред, была дочерью Гуайре. Она также уже была влюблена в Кано. У Маркана был сын, Колку, очевидно, пасынок Кред. Позднее, когда Кано был у Гуайре, Кред, Маркаи и Колку приехали на пир. Кред попросила дозволения **[301]**разливать вечером вино и налила сонного напитка всем, кроме себя и Кано. Затем она открылась ему, но он отказался быть ее любовником, так как был лишь искателем приключений, и пообещал сделать ее королевой, когда станет королем Шотландии. В залог он дал ей камень, в котором находилась его жизнь.

Кано был вызван в Шотландию и стал королем, и каждый год он пытается встретится с Кред в Инбер Колпта (устье Войн), но там всегда стоял Колку с сотней человек, чтобы помешать их встрече. В конце концов они встретились у Лох-Креде на севере. Кред пришла с волшебным камнем. Кано шел с востока, так что они уже видели друг друга, когда вновь появился Колку и отогнал его. Кред бросилась головой на скалу, и, когда она упала, камень с душой Кано разбился. Кано умер три дня спустя после возвращения в Шотландию.

Даже этот краткий обзор показывает особую ценность этой повести, в которой исторический персонаж становится героем тристанов-ского романа, а своеобразие ей придает мотив души, заключенный в другой предмет. Рукописный текст не отличается изяществом стиля, но мы видели, что в данном случае, как и во многих других, следует предполагать существование более разработанной устной формы (см. выше с. 288).

В последнюю очередь в литературную традицию был включен цикл Финна. Недавние исследования Джерарда Мерфи и О'Рахилли показали, что Финн, главный герой этого цикла, по происхождению тождествен великому кельтскому богу Лугу Длинной Руке. Финн — богвоитель и охотник, убивший одноглазого бога огня. Имеются ранние упоминания о Финне, но они носят крайне фрагментарный характер; и древний список саг (см. выше с. 288 и ел.) содержит лишь незначительное число финнианских названий. Ясно, что даже к XII веку Финн и фении только начинали приобретать литературную известность. Одно из названий в этом списке саг — «Бегство Диармайда и Грайне» *(Aithed Grainne re Diarmait),* а из других источников мы знаем, что знаменитая история любви Диармайда и Грайне была известна уже в X веке, хотя единственный дошедший до нас текст сохранился в рукописи новоирландского периода (XV век?). Это — вариант истории Дейрдре (см. выше с. 293). Гертруда Шепперле уже давно показала, что две эти повести представляют собой кельтский источник романа о Тристане и Изольде.

XII век был периодом восстановления и реформ в Ирландии, как и в некоторых других районах Европы, когда активно возрождалась литература и ученость. *Книга Бурой Коровы,* так называемая *Лейнстерская* **[302]***Книга,* и знаменитая рукопись *Rawlinson* — все были написаны в то время; именно тогда в Ирландию проникли великие классические темы Осады Трои, Энеиды и Разрушения Фив. Именно в этот переходный период неожиданно огромную популярность приобрел цикл Финна. Расцвет этого цикла совпал с первым появлением в Ирландии балладной поэзии, и баллады о Финне приобрели характер новой литературной формы.

Одна из древнейших подобных баллад — колыбельная для Диармайда, которую пела Грайне над спящим возлюбленным:

Поспи немного, совсем немного,

ибо нет опасности в кратком сне,
юноша, которому я отдала мою любовь,
Диармайд, сын О'Дуйвне.
Спи крепко здесь,
благородный Диармайд О'Дуйвне;
я буду сторожить тебя,
прекрасный сын О'Дуйвне.

Она думает о других влюбленных, которые смогли спастись и которым ничего не угрожало, а затем вспоминает о нависшей угрозе и о лесных зверях, которые кажутся ей испуганными:

Олень на востоке не спит; он не перестает кричать:
даже хотя он в лесу, он не думает о сне.
Веселая музыка не смолкает в изогнутых ветвях деревьев;
там шумят, даже дрозд не спит.
Сегодня не спит куропатка в высоком вереске;
пронзителен ее чистый голос; среди потоков она не спит.

Эти баллады приобрели огромную популярность; большой сборник, известный под названием «Поэмы о Финне» *(Duanaire Finn),* стал предметом специального исследования Джерарда Мерфи[8]. Многие из них написаны в форме диалогов между Ойсином, сыном Финна (Оссиан поэта МакФерсона) и св. Патриком, в которых Ойсин рассказывает святому повести о приключениях фениев. Большинство этих баллад относится к новоирландскому периоду, но традиция диалога восходит к знаменитому прозаическому тексту, положившему начало циклу Финна в XII веке, «Беседе Старцев» *(Acallam na Senorach).* Это история, в которой рассказывается, как св. Патрик встречает воинов-фениев Ойсина и Кайльте и путешествует по Ирландии с одним или другим из них. Воины рассказывают святому более двухсот историй, многие из которых касаются тех мест, которые они посещают по пути. **[303]**

Один разговор между св. Патриком и Кайльте начинается так:

«„Разве не был он хорошим господином, тот, с кем вы были, Финн мак Кумал?" На что Кайльте ответил, воздав ему хвалу:

„Был бы лишь коричневый лист, который лес роняет, золотом, была бы лишь белая волна серебром, Финн подарил бы это все".

„Кто или что поддерживало вас в вашей жизни?" — спросил Патрик. И Кайльте отвечал: „Правда, что была в наших сердцах, и сила в наших руках, и исполнение в наших устах"».

Когда они идут через Мунстер, они приходят на место, откуда однажды фении отправились на битву при Вентри. Кайльте рассказывает историю о Каэле, который увидел во сне прекрасную девушку по имени Кред, посватался к ней и завоевал ее в ходе битвы. Каэл утонул при Вентри, и его тело было вынесено на берег. Кред лежала у его тела и оплакивала его смерть:

«Гавань грохочет над яростным прибоем Ринн Да Барк: волна, накатываясь иа берег, оплакивает гибель воина Лох Да Хонн.

Горестна цапля с болота Друим Да Трен: она не может защитить своих любимых, лиса Да Ли гонит ее птенцов.

Печален голос дрозда в Дромкине, и печально пение дрозда в Леттерли.

Печален крик оленя в Друим Да Лейс: олениха Друим Силеанн мертва, и олень Дилеанн оплакивает ее...»

«Беседа старцев» — одно из самых удачных произведений средне-ирландской литературы, послужившее превосходным мостиком к новоирландскому периоду. Джерард Мерфи предположил, что оно могло быть оригинальным литературным сочинением, автором которого был человек, впервые записавший его, в отличие от героических саг, очевидно происходящих из устной традиции[9]. В этом случае было бы интересно сопоставить его с валлийскими Мабиногион.

Прослеживая истоки ирландской литературы, мы видели «новые формы» поэзии, разработанные монахами. Их особым вкладом стала поэзия о природе и отшельническая поэзия. Эти новые формы вскоре распространились и на светскую поэзию, дав начало с IX по XII век богатой традиции. Голос отшельника еще звучит, но уже проглядывают и юмор, и страсть.

Одна знаменитая рукопись, написанная, вероятно, в ирландском аббатстве Райхенау на озере Констанц, оказалась в австрийском аббатстве Санкт-Пауль в Каринтии, где она известна как «ирландская школьная тетрадь» *(das irische Schulfelt).* И в самом деле, она представляет **[304]**собой ученические записи, заметки о Вергилии и греческих склонениях, цитаты из Горация, св. Иеронима и св. Августина; среди них находятся и четыре ирландских стихотворения. Одно — героическая поэма, восхваляющая Аэда, сына Диармайда, написанная в новой форме, что говорит о принятии профессиональными поэтами рифмованного четверостишия для своих панегириков:

Аэд, великий в разжигании блеска,
Аэд, радушный, неисчерпаемо его гостеприимство,
тверд и непоколебим, прекраснейший из вождей Роериу.
Сын Диармайда, милый мне,
если спросят, нетрудно сказать;
его хвала превыше всех богатств.
Я воспою его в моих песнях.

В этом стихотворении восемь четверостиший, в которых свободно используется конечная и внутренняя рифма, так же как и древняя аллитерация.

Другие три стихотворения рассказывают о монашеской жизни, а в одном из них поэт с изысканным юмором сравнивает страсть его кота к ловле мышей со своими учеными занятиями:

МОНАХ И ЕГО КОТ

С белым Пангуром моим
вместе в келье мы сидим;
не докучно нам вдвоем:
всяк при деле при своем.

Я прилежен к чтению,
книжному учению;
Пангур иначе учен,
он мышами увлечен.

Слаще в мире нет утех:
без печали, без помех
упражняться не спеша
в том, к чему лежит душа.

Всяк из нас в одном горазд:
зорок он — и я глазаст;
мудрено и мышь споймать,
мудрено и мысль понять. **[305]**

Видит он, сощуря глаз,
под стеной мышиный лаз;
взгляд мой видит в глубь строки:
бездны знаний глубоки.

Весел он, когда в прыжке
мышь настигнет в уголке;
весел я, как в сеть свою

суть премудру уловлю.

Можно днями напролет
жить без распрей и забот,
коли есть полезное
ремесло любезное.

Кот привык — и я привык
враждовать с врагами книг;
всяк из нас своим путем:
он — охотой, я — письмом*.

Это стихотворение было написано в начале IX века. Тем же периодом датируется другое стихотворение, описывающее невзгоды старости и воспоминания о юности, красоте и любви.

ПЛАЧ СТАРУХИ ИЗ БЕРРИ

Как море в отлив, мелею;
меня изжелтила старость;
что погибающей — горе,
то пожирающей — сладость.

Мне имя — Буи из Берри;
прискорбны мои потери,
убоги мои лохмотья,
стара я душой и плотью.

А было —
до пят я наряд носила,
вкушала от явств обильных,
любила щедрых и сильных.

Вы, нынешние,— сребролюбы,
живете вы для наживы;
зато вы сердцами скупы
и языками болтливы. **[306]**

А те, кого мы любили,
любовью нас оделяли,
они дарами дарили,
деяньями удивляли.

Скакали по полю кони,
как вихрь, неслись колесницы;
король отличал наградой
того, кто первым примчится!..

Уж тело мое иного
устало взыскует крова;
по знаку Божьего Сына
в дорогу оно готово.

Взгляните на эти руки,
корявые, словно сучья:
нехудо они умели
ласкать героев могучих.

Корявые, словно сучья, —

---

* Перевод дается по: «Поэзия Ирландии», пер. Г. Кружкова, с. 39-40.— *Прим. пер.*

увы! им теперь негоже
по-прежнему обвиваться
вокруг молодцов пригожих.

Осталась от пива горечь,
от пира — одни объедки,
уныл мой охрипший голос,
и космы седые редки.

Пристало
им нищее покрывало —
взамен цветного убора
в иную, лучшую пору.

Я слышу, море бушует,
холодная буря дует;
ни знатного,ни бродягу
сегодня к себе не жду я.

За волнами всплески весел,
плывут они мимо, мимо…
Шумят камыши Атх-Альма
сурово и нелюдимо.

Увы мне! —
дрожу я в гавани зимней;
не плыть мне по теплым волнам,
в край юности нет пути мне. **[307]**

О, время люто и злобно! —
в одежде и тоознобно;
такая стужа на сердце —
и в полдень не обогреться.

Такая на сердце холодь!
я словно гниющий желудь;
о, после утехи брачной
очнуться в часовне мрачной!

Ценою правого ока
я вечный надел купила;
ценою левого ока
я свой договор скрепила.

Бывало, я мед пивала
в пиру королей прекрасных;
пью ныне пустую пахту
среди старух безобразных.

Взгляните, на что похожа:
парша, лишаи по коже,
волосья седые — вроде
как мох на сухой колоде.

Прихлынет
прибой — и назад уйдет;
так все, что прилив приносит,
отлив с собой унесет.

Прихлынет
прибой — и отхлынет вспять;
я все повидала в мире,
мне нечего больше ждать.

Прихлынет
прибой — и вновь тишина;

я жажду тьмы и покоя,
насытилась всем сполна.

Когда бы знал сын Марии,
где ложе ему готовлю! —
немало гостей входило
под эту щедрую кровлю.

Сколь жалок
тварь бедная — человек!
он зрит лишь волну прилива,
отлива не зрит вовек. **[308]**

Блаженна скала морская:
прилив ее приласкает,
отлив, обнажив, покинет —
и снова прилив прихлынет.

Лишь мне не дождаться, сирой,
большой воды — после малой;
что прежде приливом было,
отливом навеки стало*.

Существует древняя история, рассказывающая о печальной любви и напоминающая трагическую историю Абеляра и Элоизы. Она также датируется IX веком. Лидан и Куритир были любовниками, и Лидан ушла в монастырь. Ее любимый последовал за ней, и их наставником стал св. Куммине Высокий. Сначала он позволил им общаться, но не глядеть друг на друга. Позднее он разрешил им спать вместе, с ребенком между ними, чтобы они не совершили дурного. Это пример mulieris consortium, являвшегося известной формой аскезы в ранней Ирландии и Европе. Они не выдержали этого испытания, и Куритир был отправлен в другой монастырь, а позже отправился в изгнание за море. Вот:

ПЛАЧ ЛИДАН

Дурное
содеяно это дело:
любимый обижен мною.

Дороже
он был мне всего на свете:
о, если бы не страх божий!

Мытарства
решил он избыть земные,
стяжать небесное царство.

Не знала
о том я, любя нелживо,
как жалит малое жало.

Я — Лидан;
любим был Куритир мною
и мною печали выдан. **[309]**

Была я
недолгой ему утехой:
промчалась радость былая.

---

* Перевод дается по: «Поэзия Ирландии», пер. Г. Кружкова, с. 36-39.— *Прим. пер.*

Со мною
он слушал пение леса,
воинственный шум прибоя.

Досады,
казалось, ждать невозможно
от той, что дарит услады.

Доселе,
не скрою, он мне желанней
всех в мире благ и веселий.

Пылает,
как в пламени лютом, сердце;
житья без него не чает*.

Можно процитировать еще один пример интимной поэзии за его ироническое и трогательное описание человеческих страстей. Монах жалуется на вещи, отвлекающие от молитвы:

О МЫСЛЯХ БЛУЖДАЮЩИХ

Мысли неподобные,
горе мне от вас;
где вас ветры злобные
носят всякий час?

От молитв бежите вы,
аки от ловца;
скачете, блажите вы
пред очьми Отца.

Сквозь леса пустынные,
стогны городов,
в сборища бесчинные,
в суету торгов;

В зрелища соблазные
(льстя себе утех),
в пропасти ужасные,
им же имя — грех; **[310]**

Над морями реющи,
там, где нет стези,
ово на земле еще,
ово в небеси,—

Мечетесь, блуждаете
вдоль мирских дорог;
редко забредаете
на родной порог.

Хоть для удержания
сотвори тюрьму,
нет в вас прилежания
долгу своему.

Хоть вяжи вас вервием,
хоть бичом грози,

* Перевод дается по: «Поэзия Ирландии», пер. Г. Кружкова, с. 46-47.— *Прим. пер.*

не сойдете, скверные,
с пагубной стези.

Не унять вас бранями,
не в подмогу пост:
скользки вы под дланями,
аки рыбий хвост*.

Первоначальным языком, на котором писали монахи, была, конечно, латынь, и наши древнейшие сочинения написаны на латыни, начиная с произведений самого св. Патрика, произведений св. Колумбана и «Жития Колумбы» Адамнана, которые мы уже обсуждали (см. выше с. 211, 232 и ел.). Постепенно в прозе, как и в стихах, стал использоваться ирландский, поначалу, возможно, лишь для записи глосс на латинских рукописях, как в знаменитых Вюрцбургских, Миланских и Санкт-Галленских кодексах; но с начала VIII века появляются прозаические трактаты на ирландском[10]. Первый из подобных текстов — проповедь для богослужения, сохранившаяся в рукописи из Камбре и написанная в конце VII века. *Книга из Армы* содержит длинные комментарии на ирландском начала VIII века, и автор извиняется, что использует в этом случае ирландский язык: «Finiunt haec pauca per scotticam inperfecte scripta non quod ego non potuissem romana condere lingua sed quod uix in sua scotica hae fabulae agnosci possunt. Sin autem alias per latinam degestae fuissent non tarn incertus fuisset aliquis in eis quam imperitus quid legisset aut quam linguam sonasset pro habundantia scotaicorum nominum non **[311]**habentium qualitatem»*. В «Тройственном житии св. Патрика» (около 900 г.) мы имеем продолжительное повествование на ирландском языке.

Прекрасный пример монашеской прозы на ирландском языке — «Видение Адамнана» (№ *Айатпспп).* Оно относится к группе текстов, восходящих к иудейским и христианским источникам и описывающих видения Неба и Ада, испытанные святыми. Эти видения предоставляют интересные сведения о том, что читали и изучали в Ирландии в VIII и IX веках, и оказывается, что осужденные повсюду апокрифические произведения продолжали пользоваться у ирландцев большой популярностью.

Св. Адамнан, автор превосходного латинского «Жития св. Колумбы», был аббатом Ионы (679-704 гг.), десятым преемником Колумкил-ле (Колумбы), основателя этого монастыря. Ему приписывается видение Неба и Ада, повесть о котором в дошедшей до нас форме восходит к X веку. Босуелл даже говорит, что анонимный автор «Видения» превосходит всех остальных предшественников Данте, и Сеймур присоединяется к этому мнению". «Видение Адамнана» красноречиво и просто: по стилю и структуре это, вероятно, лучшее произведение ирландской прозы до XII века.

Душа Адамнана выходит из его тела и уносится ее ангелом-хранителем на Небеса и в Ад. Описывается небесное воинство: вокруг Христа апостолы и Святая Дева. По правую руку Марии находятся святые девы «и небольшое расстояние между ними».

> «Хотя велики и чудесны сияние и свет в земле святых, как мы сказали, в тысячу раз чудесней сияние на равнине небесных сил вокруг престола Самого Господа. Этот престол — искусно сделанный трон, поддерживаемый четырьмя столпами из драгоценных камней. Хотя бы не слышать другой музыки, кроме прекрасной гармонии этих четырех столпов, этого было бы достаточно для счастья. Три величавые птицы сидят на престоле перед Ликом Царя, и их дело — постоянно размышлять о Творце. Они поют восемь Часов, восхваляя и прославляя Господа, и хор архангелов сопровождает их. Птицы и ангелы начинают музыку, и все силы небесные отвечают, и святые мужи, и святые девы.
>
> Над Славным, сидящим на Своем престоле, высится могучий свод, как прекрасный шлем или королевская диадема. Если б увидели этот свод человеческие глаза, они бы тут же растаяли. Вокруг него три Пояса, и что это такое, недоступно человеческому разумению. Шесть **[312]**тысяч тысяч ангелов в облике коней и птиц окружают огненный престол, сияющий

---

* Перевод дается по: «Поэзия Ирландии», пер. Г. Кружкова, с. 47-48.— *Прим. пер.*

* Заканчивается то немногое, что было несовершенно написано на языке скоттов, не потому, что я не мог бы сочинять на латыни, но потому, что эти рассказы с трудом могут быть поняты и на своем скоттском наречии. Если же в ином случае они были бы написаны на латыни, иной был бы в недоумении, что он читает и на каком языке из-за обилия имен скоттов, не сопровождаемых пояснениями.

вечно.

Описать великого Господа, сидящего на этом престоле, не может никто, кроме Него одного, если Он Сам не скажет этого небесным чинам; ибо никто не выразит Его пламени и энергии, Его блеска и сияния, Его величия и красоты, Его постоянства и твердости, числа ангелов и архангелов, поющих хвалу пред Ним... Куда ни посмотреть, на восток и на запад, на север и на юг, везде сияет благородный лик в семь раз ярче солнца. Не видно никакой человеческой формы, ни головы, ни ног, только море пламени, пылающее по всему миру, и все в страхе и трепете в Его присутствии».

После описания небесной твердыни рассказывается о тех, кто находится за воротами в ожидании последнего суда. Завесь огня и завесь льда висит на воротах, и они ударяются друг о друга со звуком, ужасающим уши грешников. Для небесных сил по ту сторону этот звук звучит как сладкая музыка.

Душа должна пройти через семь небес и шесть врат. Когда Адам-нан осмотрел все это, он был отнесен в Ад через мост, ведущий по долине огня в Землю Мучений. Описываются различные муки, испытываемые грешниками, подобные мукам, описанным в Аду «Божественной комедии» Данте. После того как они были показаны Адамнану, его душа относится назад на Небеса в мгновение ока; но когда она собирается остаться там, глас ангела-хранителя приказывает ей вернуться в тело, которое она оставила, и рассказать на собраниях и встречах, мирянам и клирикам о наградах Небес и муках Ада, которые открыл ему ангел.

Мотив Иного Мира и христианские видения пародируются в великолепной сатире под названием «Видение Мак Кон Глинне»[12], написанной в XII веке каким-то разочарованным ученым, чье остроумие и энергия позволяют сравнить его с «Полночным Судом» Брайана Мерримена. Генеалогические предания филидов, поэтические описания Маг Мелл, посещения смертных героев чудесными девами, даже сама Библия высмеиваются этим безымянным сатириком, напоминая чем-то произведения трубадуров.

Катал, король Мунстера, одержим демоном чревоугодия, он поглощает огромное количество пищи. В это время жил ученый по имени Айниер Мак Кон Глинне, известный своим даром сатиры и хвалы. Однажды субботним вечером, когда он был занят чтением в Роскоммоне, к нему пришло желание оставить ученость ради поэзии. Он решил пойти как поэт ко двору Катала в надежде найти там много еды, так как любил хорошо поесть. Утром он отправился в Корк и к наступлению **[313]**ночи пришел в странноприимный дом в монастыре. Он нашел дверь открытой, несмотря на ветер и дождь, и никого в доме. Одеяло кишело вшами и блохами. Купальня не была опустошена с предыдущего вечера, даже не были вынуты камни для нагрева.

Так как никто не пришел омыть ему ноги, ученый вымыл их сам в грязной ванне и лег спать. Но вшей и блох было столь же много, сколь песка в море, или искр огня, или росы майским утром, или звезд в небе, и он не мог заснуть. Он вытащил свой псалтырь и начал петь псалмы, «и ученые люди и книги Корка говорят, что чудесным образом звук его голоса был слышен за тысячу шагов от города, когда он пел эти псалмы».

Аббат, Манхин, посылает слугу с пищей для гостя, которая состоит из чашки похлебки. Мак Кон Глинне высмеивает это скудное угощение и отсылает слугу. О его поведении сообщают аббату, который приказывает раздеть его, избить, окунуть в реку Ли и оставить спать голым в странноприимном доме. Утром его будут судить аббат и монахи Корка и распнут его за ущерб, нанесенный чести самого аббата, св. Финн-барра и церкви. Первая часть этого плана приводится в исполнение, и на следующее утро монахи собираются в странноприимном доме. Аббат хотел бы тут же распять его, но Мак Кон Глинне просит суда; и хотя монахи выступают против него с большой мудростью и ученостью, они не могут найти в его словах ничего, за что он заслуживал бы распятия. Его выводят на казнь без законного приговора, но он просит дать ему причаститься перед смертью и связывает аббата поруками и обещаниями.

Мак Кон Глинне приносят его сумку, и он вынимает два пшеничных хлеба и кусок свинины. Он берет десятую часть хлеба и мяса и решает заплатить ее клиру или отдать их на милостыню, но приходит к выводу, что никто не находится в большей нужде, чем он сам, а что касается монахов Корка, то они грубияны, воры и навозные собаки, и он не позволит дьяволу обвинить себя, когда он пересечет черту, в том, что заплатил им десятину. Так что первой он съедает эту десятую часть. Он заканчивает есть и его уводят, но он оттягивает свою казнь, прося дать ему напиться воды каплю за каплей с заколки его броши. В конце концов он

соглашается идти. Ему дают топор, заставляют срубить себе крест и нести его на спине на луг.

Когда монахи уже готовы распять его, Мак Кон Глинне просит Манхина исполнить его последнюю просьбу, а именно — дать ему последний пир и хорошую одежду перед смертью. Манхин отказывает ему и говорит, что так как уже давно наступил вечер, с него совлекут и ту скудную одежду, что он носит, и привяжут к столбу в качестве первого **[314]**наказания до великой казни, которая последует завтра утром. Монахи привязывают его к столбу и уходят ужинать, оставив его поститься. В полночь ему является ангел и открывает ему видение.

Утром, когда приходят Манхин и его монахи, Мак Кон Глинне умоляет позволить ему рассказать видение. Манхин отказывает, но монахи хотят услышать, и он рассказывает его. Прелюдией служит рифмованная генеалогия Манхина, составленная в терминах съестных припасов:

> «Благослови нас, о клирик, знаменитый столп учености,
> Сын меда, сына сока, сына сала,
> Сына каши, сына похлебки, сына прекрасного блестящего плода,
> Сына приятных, отборных сливок, сына пахты, сына творога,
> Сына пива, славы наливок, сына приятной браги,
> Сына лука, сына свинины, сына масла,
> Сына толстой колбасы... *и так далее».*

Последующее видение — стихотворная пародия на жанр Плаваний. Он отправляется на лодке из сала по озеру парного молока.

> «Прекрасен был замок, к которому мы приплыли, с укреплениями из толстого крема, за озером. Мост его был из масла, стены из пшеницы, палисад из свинины...
>
> Гладкие колонны из сыра, балки из сочной свинины, в должном порядке, прекрасные стропила из сливок с планками из творога поддерживали дом...
>
> Позади был источник вина, реки пива и меда, у каждого озера свой вкус. Поток вкусного солода над бурлящим источником...
>
> Я видел короля в плаще из говядины с его прекрасной благородной женой. Я видел слугу у котла с вилкой на плече...»

В повести говорится, что кроме рассказанного в тексте в видении было еще много всего; и когда Мак Кон Глинне закончил, Манхин объявил, что ему было открыто, что это видение исцелит короля от его болезни и что ученый должен немедленно отправиться к королю Каталу. Мак Кон Глинне требует награду. «Разве твое тело и душа недостаточная награда?» — говорит Манхин. И ученый отвечает, что он не заботится о своей жизни, ибо Небеса со своими девятью чинами, херувимами и серафимами ждут его, и все верующие поют псалмы в ожидании его души. В качестве награды ему причитается плащ аббата. Манхин отказывается, но монахи настаивают, и плащ отдается на хранение епископу Корка, до излечения Катала.

У нас отнял бы слишком много времени подробный пересказ проникнутой тонким юмором истории излечения. Мак Кон Глинне ухитряется заставить несчастного короля поститься две ночи. Затем он назначает **[315]** праздник и привязывает Катала к стене, в то время как мимо проносят сладкие блюда. Когда он начинает есть их сам, король кричит и вопит, приказывая убить его. Теперь Мак Кон Глинне пересказывает свое видение в двух стихотворениях, очередных пародиях на тему Приключений. К ним он добавляет сказку, вновь пародийную, о посещениях смертных богами Племен Богини Дану; главной темой здесь также является пища. Эта сказка являет прекрасный пример красноречия и остроумия. В прозе и стихах автор смеется над героическими и мифологическими сагами, чудесами Потустороннего Мира и чудесными девами, анатомию которых подробно излагает. Сатирически изображаются даже писцы, записывавшие эти повести, так как автор торжественно пересказывает противоречивые версии различных эпизодов (ученые люди приводят одну, книги Корка — другую), насмехаясь над вариантами, зачастую приводимыми в сагах. Сатира на всем протяжении изобилует весельем и превосходными описаниями рая чревоугодников, в который совершил путешествие ученый. Между тем нам остается только вообразить страдания голодного короля.

> «От удовольствия при пересказе и перечислении многих и различных изысканных блюд в

присутствии короля необузданный зверь, сидевший в кишках Катала, сына Фингуине, поднялся, так что облизывал свои губы за его ртом. Ученый теперь подносил все соблазнительные куски к губам Катала, и в конце концов демон чревоугодия выскочил изо рта короля, ухватил кусок и скрылся под кухонным горшком. Горшок перевернулся и накрыл его. „Слава Богу и святой Бригите!" — сказал Мак Кон Глинне, положив свою правую руку на свой рот, а левую на рот Катала. Вокруг головы Катала обмотали льняное полотенце и унесли его. Затем дом очистили и сожгли дотла, но демон бежал и уселся на соседнем доме. Мак Кон Глинне призвал его проявить почтение. Демон ответил, что он должен сделать это, хотя и не хотел бы. Если бы он пробыл еще полтора года во рту Катала, он разрушил бы всю Ирландию. Если бы не мудрость монахов Корка и многочисленность их епископов и исповедников (это последний выпад), если бы не справедливость и честь короля и не добродетель, мудрость и ученость самого Мак Кон Глинне, он впрыгнул бы в глотку этого ученого и гнал бы его через всю Ирландию плетью и бичом, пока он не умер бы от голода. Мак Кон Глинне сотворил крестное знамение против демона своим Евангелием, и демон улетел, чтобы присоединиться к адским полчищам. Катал наградил Мак Кон Глинне коровами, плащами, кольцами, конями и овцами и аббатским плашом в придачу».

Мотив Иного Мира, вдохновлявший жанр Приключений (см. выше с. 175), является также основной темой Плаваний, из которых наиболее удачным нам кажется «Плавание Майль-Дуйна», послужившее, как **[316]**считается, основой знаменитого «Плавания Брендана». В одной рукописи авторство этой саги приписывается Аэду Финну, «главному ученому Ирландии»; но личность автора не поддается идентификации. Сага датируется временем не позднее X века.

Майль-Дуйн был внебрачным ребенком и воспитывался королевой, подругой его матери, как один из ее собственных детей. Как Энгус в «Сватовстве к Этайн», из насмешек своего товарища он узнает, что он не ее сын; а затем он узнал, что его отец, Айлиль Охайр Ага, был убит разбойниками из Лайгиса. Он спрашивает, как добраться дотуда, и мудрый человек говорит ему, что он должен отправиться морем, так что он идет в Коркомруад (в графстве Клэйр), чтобы посоветоваться с друидом, который назначает день, когда он должен приступить к постройке корабля, и число людей, которых он должен взять с собой, то есть 17 человек. Тем не менее, когда он уже поднял парус, три его молочных брата поплыли за кораблем и были взяты на борт в нарушение совета друида.

Они плыли весь день до полуночи и приплыли к двум маленьким островам, с которых доносились звуки попойки и похвальбы; и они услышали, как один воин кричал, что он лучший воин, ибо он убил Айлиля Охайра Агу, и никто из рода Айлиля не отомстил ему. Люди Майль-Дуйна обрадовались, что они так быстро нашли убийцу; но, когда они обсуждали это, поднялся ветер и их корабль унесло в море. Когда наступило утро, они не увидели земли. Майль-Дуйн стал упрекать своих молочных братьев за то, что они принесли им несчастье, вынудив нарушить наставления друида. Они положились на волю Господа, и так началось их удивительное плавание.

Корабль плывет по безбрежному океану и привозит их ко многим (точнее, 31) волшебным островам. На островах и в открытом море они сталкиваются с чудесами, рассказ о которых поражает великолепным воображением и прекрасным чувством юмора.

На первом острове путешественники увидели скопище муравьев, каждый из которых был ростом с жеребенка, которые хотели сожрать их; так что они бежали. На другом острове они нашли больших птиц и взяли нескольких, чтобы съесть их; на третьем они увидели дикого зверя, подобного коню, но с острыми когтями на копытах, и в ужасе бежали. На другом острове обитали демоны, занимавшиеся лошадиными скачками. Иногда на островах они находили еду и питье. На ветке, сорванной Майль-Дуйном, каждый день вырастали три яблока, и они ели эти яблоки сорок дней и были сыты.

Майл-Дуйн и его спутники нашли остров, окруженный каменной стеной. Когда они приблизились к нему, показался громадный зверь, **[317]**который побежал вокруг острова. Майль-Дуйн подумал, что он бежит быстрее ветра. Зверь побежал на вершину острова и растянулся на земле, подняв ноги. Он вращался внутри своей кожи, так что мясо и кости вертелись, а кожа не двигалась; или наоборот, кожа вращалась как мельница, а кости и мясо оставались на месте.

Они в страхе бежали, а зверь спустился к берегу и стал бросать камни им вслед. Один

из камней пробил щит Майль-Дуйна, а затем пробил лодку и засел в киле.

На одном острове росли яблони с золотыми яблоками. Эти яблоки днем поедали красные свиньи, ночью скрывавшиеся под землей. Прилетали морские птицы и тоже ели яблоки. Майль-Дуйн сказал, что с ними ничего не может случиться более страшного, чем случилось с птицами, и они высадились на берег. Земля была так горяча, что они едва могли стоять, такой ужасный жар исходил от свиней. Путешественники наполнили корабль яблоками и уплыли.

На следующем острове они нашли приготовленный для них стол, наелись и напились. Там было много сокровищ, которые охранял кот. Один из молочных братьев Майль-Дуйна взял золотое ожерелье, и кот испепелил его. Поздее они прибыли на остров, на котором жил огромный мельник, рассказавший им, что на его мельнице обмолачивается половина зерна Ирландии, все, что приносит людям горе. На другом острове путешественники видят людей с черными телами и в черных одеяниях. Они непрестанно плакали. Жребий пал на одного из двух оставшихся молочных братьев, он сошел на берег и сразу же почернел и стал плакать, как остальные на острове. Майль-Дуйн послал двух человек, чтобы спасти его, но их постигла та же участь. На остров сошли еще четверо, и им удалось вернуть последних двух человек, но не молочного брата.

После многих приключений Майль-Дуйн и его спутники добрались до острова, на котором они встретили старика, прикрытого лишь своими волосами. Старик рассказал им, что он из Ирландии, паломник, и что он отправился в плавание на куске дерна, который Господь остановил на этом месте. Каждый год этот кусок дерна чудесным образом увеличивался и в конце концов превратился в остров. На деревьях здесь поселились души его детей и его родичей в облике птиц. Всех их питают ангелы. Он предсказал, что Майль-Дуйн и его спутники вернутся домой целыми и невредимыми, кроме одного. Через три дня они уплыли.

Однажды море стало как стекло, прозрачное и прекрасное; в другой раз оно было как облако, так что они даже испугались, что оно не выдержит корабль. Под ними лежала чудесная страна с огромными **[318]**крепостями. Ужасный зверь на дереве схватил быка и сожрал его. В ужасе они проплыли над этой страной и покинули ее. Поток воды течет по воздуху, как радуга. Они проплывают под ним и пронзают острогой лосося, плывущего над ними. С воскресного вечера до утра понедельника поток этот замирает и не течет. Они наполняют свой корабль лососями и продолжают путешествие. Они видят серебряный столб, поднимающийся над морем, к которому прикреплена большая серебряная сеть. Корабль проплыл сквозь ячейку в этой сети. Диуран захватил с собой ее кусок и поклялся принести его на алтарь в Арме.

В конце концов они прибывают на остров, который представляет собой Остров Женщин, знакомый нам по Приключениям. Семнадцать девушек приготовили им ванну. Одна из девушек приветствует их и объявляет, что королева приглашает их в замок. Устраивается пир, и, когда они напились и наелись, каждому спутнику Майль-Дуйна предоставили жену, а сам он провел ночь с королевой. Утром она попросила их остаться на острове. Время не коснется их, и они будут жить вечно, наслаждаясь радостями, которые они узнали здесь, каждый вечер без всякого труда. Одному спутнику Майль-Дуйна все это прискучило, и он пожелал отправиться домой (как в «Плавании Брана»), но Майль-Дуйн захотел остаться. Однако остальные уговорили его уехать, и однажды, когда королева куда-то отлучилась, они подняли парус. Она приехала на берег и кинула Майль-Дуйну клубок нитей. Он схватил его, и она притянула корабль назад к берегу (как в «Плавании Брана»). Она повторила это трижды, и в конце концов Майль-Дуйн сказал, что кто-то другой должен схватить этот клубок. Они вновь отправляются в море, и когда королева бросает свой клубок, его ловит один из спутников Майль-Дуйна, и он прилипает к его руке, но Диуран отрубает руку мечом[13], и они уплывают.

Затем следует эпизод, который, как справедливо заметил Циммер, представляет собой случай более поздней вставки в текст упоминания о чудесном плавании св. Брендана из Клонферта[14]. Они высаживаются на большом острове, на одной половине которого росли тисы и дубы, а другую половину занимала равнина с огромными стадами овец. Они увидели маленькую церковь и форт, а в церкви они встретили старого монаха. Он весь был покрыт волосами. Он был одним из пятнадцати учеников св. Брендана из Берра, отправившихся в плавание и высадившихся здесь. Все умерли, кроме него. Он просит их поесть, и Майль-Дуйн и его спутники остаются там ненадолго. (Св. Брендан из Берра умер в 565 г., св. Брендан из

Клонферта — в 576 г. В саге здесь не говорится, что св. Брендан из Берра сам предпринял путешествие, упоминается лишь, что в плавание отправились пятнадцать его монахов. **[319]**Брендан из Клонферта, как известно, предпринимал разные путешествия и вполне обоснованно мог быть представлен как герой «плавания».)

На том же острове они увидели огромную птицу, которая поедала плоды с ветви, которую она принесла в своем клюве. К ней прилетели два орла, которые вычесывали вшей у нее с головы и тела и выдергивали старые перья. Затем они взяли несколько плодов и бросили их в озеро, так что на нем поднялась красная пена. Большая птица спустилась и омылась в этом озере. После этого она стала летать быстрее, чем прежде. Они поняли, что у птицы произошло возвращение молодости по слову пророка: renovabitur ut aquilae iuventus tua («Обновится, как у орла, юность твоя») (Пс. CIII 5). Диуран искупался в озере и с тех пор не потерял ни одного зуба, ни одного волоса и никогда не знал ни хвори, ни болезни.

На следующем острове свою судьбу встречает третий молочный брат. Остров населен людьми, беспрерывно играющими и смеющимися. Ему выпал жребий сойти на берег, и он сразу же присоединился к смеющимся. Товарищи долго ждали его, а затем уплыли.

> «Вскоре они увидели другой небольшой остров, окруженный огненной стеной, подвижной и вращающейся вокруг острова. В одном месте этой стены была открытая дверь. Каждый раз, как она, при вращении стены, открывалась против путников, они могли видеть через нее весь остров и все, что на нем было, со всеми его обитателями: там было множество людей, прекрасных обликом, в роскошных одеждах, пировавших с золотыми чашами в руках. Были даже слышны их застольные песни.
>
> Долго взирали путники на чудесное зрелище, открывшееся им: оно казалось им пленительным»[*].

Они посещают еще два острова, на одном из которых они встречают отшельника, приказавшего им возвращаться домой и предсказавшего, что они найдут убийцу отца Майль-Дуйна, но должны пощадить его, ибо Господь спас их от многих опасностей. Наконец они увидели ирландского сокола, летящего на юго-восток. Они последовали за ним и к ночи прибыли на первый остров, от которого когда-то ветер отнес их в открытое море. Их приветствуют, и они рассказывают обо всех чудесах, которые показал им Господь Бог, согласно слову пророка: heac olim memenisse iuvabit («Некогда ему будет радостно вспомнить и это»). **[320]**

Майль-Дуйн возвращается на родину. Диуран приносит серебро на алтарь в Арме. Они рассказывают о своих приключениях от начала до конца и об опасностях и ужасах, которые они пережили на море и на суше.

Приключения и Плавания связаны с Иным Миром, и таким образом мы возвращаемся к тому, с чего начинали. Цикл Финна также уходит своими корнями в миф. Ульстерский цикл и королевский цикл носят героический характер. Если бы кто-либо попытался написать историю ранней ирландской литературы, в ней бы не оказалось ни истории идей, ни рассказов о великих писателях, так как повести анонимны, а из поэтов, чьи имена нам известны, никто не отличался какими-то выдающимися чертами. Лучшие поэтические произведения также анонимны. В действительности в ней бы вообще не оказалось истории как таковой в смысле эволюции или прогресса, а лишь последовательность литературных явлений в более или менее точном хронологическом порядке. Диапазон ирландской литературы не очень широк: яркая фантазия при описании Этайн, моющейся в ручье, или Фроэха, плывущего через реку, или звука и движения моря в некоторых стихотворениях; мотив обреченных влюбленных, героическая фигура Кухулина, трагическая повесть о сыне, гибнущем от руки отца, живое изображение пиров героев в «Пире у Брикрена» и «Повести о кабане Мак-Дато», чудесная поэзия, посвященная природе, и отшельническая поэзия — таковы элементы, составляющие право ирландской литературы на широкое признание. **[321]**

---

[*] Перевод по ИЭ, с. 713.— *Прим. пер.*

ГЛАВА 11
Валлийская литература

Рассказывая в одной из предыдущих глав о валлийской поэзии, мы в полной мере отдавали себе отчет в том, что от нее сохранились лишь отрывки, полузабытые предания Гододдина, стихотворения, приписываемые Талиесину, среди них прекрасный плач по Оуэну ап Уриену. диалогические стихотворения из утраченных саг о Лливархе Старом и Киндилане, а также некоторые стихотворения о природе и гномические стихи. Великий период валлийской литературы еще не наступил, это время придет позднее, с подъемом придворных поэтов (Gogyn-feirdd) в XII веке и славой Давидда ап Гвилима. До этого времени мы располагаем значительно более скромным фондом сведений о поэтическом искусстве в Уэльсе, нежели в Ирландии, хотя между двумя странами поддерживались тесные контакты.

Легендарная фигура Мирддина появляется в преданиях, связывающих его с ирландским королем Суибне Гельтом, Суибне Безумным. Суибне, король Дал Арайде, сражался в битве при Мойре в 637 г. и, как считается, потерял рассудок в пылу битвы. «Безумие Суибне» *(Buile Suibne)* — это повесть о его лесной жизни, содержащая прекрасные стихи, в которых безумный король оплакивает свое несчастье и описывает лес и обитающих там животных.

Мирддин, согласно легенде, жил в VI веке и сражался на стороне проигравших в битве при Арвдеридде (Артурет, вблизи Карлайла) в 573 г. Мирддин также сошел с ума и бежал в лес Келиддон (Каледония). «Там он жил полвека, и спутниками его были лишь деревья и дикие звери, и оплакивал убийство Гвенддолеу в страхе, что за ним придет Риддерх. В своем безумии Мирддин обрел дар прорицателя» **[322]**

В действительности имя Мирддина возникло в результате неверного переосмысления названия Каервирддин (Кармартен), в котором второй элемент происходит от moridunon, «морская крепость». В одной поэме он зовется Ллаллаук и Ллаллоган Вирдин, в «Житии св. Кенти-герна» его имя — Лалойкен, и Лайлокен в двух других повестях[*2]. И история Мирддина, и история Суибне представляют кельтский вариант мотива Дикого Человека[3]. Древнейшее упоминание о Мирддине содержится в поэме X века («Судьба Британии»), и некоторые стихи, приписываемые ему, могут относиться к тому же периоду, хотя анонимная валлийская поэзия с трудом поддается точной датировке. «Безумие Суибне», с другой стороны, едва ли может датироваться временем ранее XII века. Заимствования могли идти как в одну, так и в другую сторону, а территория Дал Риады, которая частью располагалась в Восточном Ульстере, а частью в Шотландии, должно быть, была центром обмена. В обоих случаях она была географически близка к месту событий.

Как у ирландского отшельника Марбана в «Бардах Гуайре» *(Tromdam Guaire),* у Мирддина был ручной кабан, и в одной из приписываемых ему поэм он обращается к нему:

ПРОРОЧЕСТВА МИРДДИНА

(отрывок)

Прекрасная желтая яблоня
растет па голом краю поля.
И я предрекаю битву в Британии
в защиту ее земель от людей из Дублина.
На семи кораблях они придут через широкие воды,
семьсот человек из-за моря для завоевания.
Из тех, кто придет, лишь семеро сбегут от нас,
с пустыми руками после поражения.
Прекрасная яблоня растет за Рином.

---

[*] Эти формы имени северного происхождения стали употребляться в Уэльсе как эпитет со стертым, очень неясным значением.

Я стремился под нее, чтобы порадовать девушку,
со щитом на плече и мечом на боку,
и в Койд Келиддон я спал.
Слушай, поросенок! Почему ты думал о сне?
Слушай водяных птиц в брачный сезон!
Владыки из-за моря придут в понедельник.
Да возрадуются валлийцы их плану![4] **[323]**

Это туманный материал, частью напоминающий сагу о Мирддине, частью пророческий; и профессор Пэрри полагает, что пророчествами были уснащены уже первоначальные варианты стихов о Мирддине. В Уэльсе пророчество до XV века было литературным стилем, в духе якобитских видений в Ирландии. Это были предсказания, порожденные поражением и возвещающие пришествие героя: Артура, Кадвалад-ра, Оуэна, который освободит свой народ; многие из этих пророческих поэм приписывались Талиесину или легендарному Мирддину[5]. Его обращение к ручному кабану, цитированное выше, могло способствовать позднейшему включению строф, начинающихся формулой: «Слушай, поросенок», так как в одной строфе содержится упоминание о норманнском нашествии в Ирландию:

ПРОРОЧЕСТВА МИРДДИНА

(отрывок, продолжение)

Слушай, поросенок! Мы должны молиться
из страха перед пятью князьями из Нормандии.
И один из пяти пересечет соленое море,
чтобы завоевать богатый ирландский край.
Он сотворит войну и мятеж,
и будет там окровавленное оружие и плач.
И они придут оттуда
и почтят могилу св. Давида.
И я предрекаю, что будет смятение,
сын будет биться с отцом — вся страна узнает это.
И они пойдут в пустынную Англию.
Да не будет помощи для Нормандии вовеки![6]

Пророчества Мирддина представляют исторический интерес, так как этот вид предсказаний достаточно типичен; стихотворная форма также важна для истории валлийской поэзии. Конечная рифма все еще остается единственным обязательным элементом[7]. Она разделяет поэму на строфы по 8 или 12 строк. Часто встречаются аллитерация и внутренняя рифма, но они необязательны, так что эти размеры еще далеки от системы cynghanedd.

С XII века начинается золотой период валлийской поэзии. Представляется значимым тот факт, что его начало совпадает с подъемом поэтических школ в Ирландии и следует за правлением Гриффидда ап Кинана, короля Гвинедда, мать которого была дочерью норвежского короля Дублина. Он провел свою юность в Ирландии, и можно предположить, что именно он вернул в Уэльс поэтов и музыкантов[8]. Мы ничего не знаем о том, что послужило толчком для этих событий в Ирландии, **[324]**но факт состоит в том, что с начала XII века искусство поэзии изучалось и практиковалось в более строгой форме, чем ранее, и что появились великие семьи наследственных бардов: О'Дэли, О'Хиггинс, О'Хасси, Макауорд и другие, культивировавшие классическую форму языка и стиля, остававшихся неизменными на протяжении пяти столетий. Возможно, это стало результатом возрождения учености при Бриане Бороме. В Уэльсе подъем периода «придворных поэтов» *(Gogynfeirdd),* вероятно, стал следствием национального возрождения в правление Гриффидда. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что существует связь между появлением примерно в это же время поэтических школ в обеих странах и строгой формой cynghanedd в Уэльсе и dan direch в Ирландии[9].

Местные школы существовали в Ирландии с древних времен. Метрические трактаты X века предписывают метры и героическую литературу для изучения на каждый год двенадцатилетнего цикла ученичества, и естественно предположить, что за ними стоит долгая традиция[10]. Однако, очевидно, это были новые школы, руководимые новыми людьми,

принявшими искусство поэзии после того, как исчез древний класс филидов. Нечто подобное, должно быть, произошло и в Уэльсе.

Поэзия бардов в Уэльсе и Ирландии была высоко профессиональным искусством, предъявлявшим строгие метрические правила, а также общепринятые условности формы и стиля. Как говорит Пэрри, звук так же важен, как и смысл. Обычной темой и главной целью подобной поэзии было восхваление покровителя: его смелости в битве, его щедрости, славы его предков; при таком количестве обязательных условий поэтическое искусство становится ремеслом.

Первым придворным поэтом, произведения которого дошли до нас, является Мейлир (П. 1100-1137), сочинивший хвалу Гриффидду ап Ки-нану. Его сын Гвалхмай прославлял Оуэна Гвинедда, сына Гриффидда, за его доблесть в сражениях с норманнами:

> За битву битва еще кровавее, за ужас больший ужас
> и тысяча знамен вокруг Тал Мойлвре;
> сверкающее копье против каждого копья, пика на пику,
> свирепая ярость на ярость, утоплен тот, кто хотел утопить.
> И Менай полноводен во время отлива от потока крови,
> и цвета людской крови было море. **[325]**

Здесь уже количество аллитерации и рифмы приближается к классическому типу cynghanedd, хотя следование строгим правилам пока еще не является определяющим.

Иногда поэзией занимались и князья, например, существуют стихотворения Хыоэла аб Оуэна Гвинедда, внука Гриффидда ап Кинана, более живые и притягательные, чем произведения профессиональных бардов. В одном из них «Восторг Хыоэла аб Оуэна» *(Gorhoffedd Hywel ab Owain)* он прославляет Гвинедд, королевство своего отца:

ВОСТОРГ ХЬЮЭЛА АБ ОУЭНА

> Пенистая белая волна омывает могилу, могилу Ривауна Певра, князя правителей.
> Я люблю сегодня то, что ненавидят англичане, светлую страну севера,
> и теснящийся у Ллиу тростник.
> Я люблю тех, кто дал мне в изобилии мед, где моря простираются в долгом споре.
> Я люблю его домашних и его сильное жилище, и идти на войну на радость
> королю.
> Я люблю его болота и его горы, его крепость вблизи леса и его прекрасные стада,
> его речные луга и его долины, его белых чаек и его прекрасных женщин.
> Я люблю его солдат и их обученных коней, его лес, его прочность и его пастбища.
> Я люблю его поля с их клевером,
> Где я нашел господина, буйного в торжестве.
> Я люблю его земли, право первородства храброго, его широкие чащи и его
> богатство.

Другая поэма посвящена девушке:

МОЙ ВЫБОР

> Мой выбор, стройная прекрасная девушка,
> высокая, красивая в своем пестром платье;
> Моя излюбленная радость наблюдать за девой,
> когда она шепчет нежные слова.
> Моя избранная доля быть с девушкой,
> быть одним с ее тайной и ее даром.
> Мой выбор, пена морская, мудрая среди женщин
> Прекрасна твоя валлийская речь. **[326]**
> Ты мой выбор. Достоин ли я тебя?
> Почему ты молчишь, милое молчание?
> Я выбрал девушку и не жалею;
> рад я выбрать прекрасную деву.

В этих стихотворениях звучит радость и простота, отличающая их от хвалебной поэзии профессиональных бардов, культивировавших темный стиль и архаическую лексику. В метрическом отношении они вполне строги: девять слогов в строке, в первой строке двустишия иногда десять или одиннадцать; конечная рифма, кроме некоторых строк, в которых она замещается внутренней рифмой в следующей строке. Метр — *awdl* из *cyhydedd naw ban* (двустишие с девятью слогами в каждой строке), *cyhydedd hir* (двустишие со строками в десять и девять слогов) и *toddaid* (одиннадцать и девять слогов, с внутренней рифмой), богато украшенный аллитерацией и внутренней рифмой, уже приближающийся к полностью разработанной системе cynghanedd [11].

Другим князем-бардом был Оуэн Кивейлиог, князь Поуиса с 1149 по 1195 г., из произведений которого сохранилось лишь одно стихотворение. Оно называется «Высокий синий рог Оуэна» *(Hirlas Owain),* и темой его является пир при дворе, где он приказывает виночерпию наполнять рог для воинов по очереди:

ВЫСОКИЙ СИНИЙ РОГ ОУЭНА

Наполни, виночерпий, как ты жил,
рог, несомый с честью на пиру,
большой синий рог, многославный,
окованный богатым серебром,
и поднеси Тидиру, орлу битвы,
первый глоток красного вина.
Если не будет глотка лучшего меда
из чаши, твоя голова заплатит за это!
Поднеси Морейддигу, защитнику поэтов,
чью хвалу поют менестрели, перед хладной могилой.
Два бесстрашных брата они, возвышенные умом,
силой, которая не знает страха, и благородные ликом,
воины, служившие мне...
Слава — их доля, о них я говорю —
нет, посмертная песнь их доля; оба они мертвы!
О Христос, печален я и горестна утрата,
Морейддиг, сколь велика нужда в нем[12].

Возможно, величайшей поэмой периода «придворных поэтов» (*Gogynfeirdd)* является стихотворение, знаменующее его завершение, знаменитый **[327]**плач по Лльюэлину ап Гриффидду (Llywelyn ap Gruffudd), последнему валлийскому королю, написанный Гриффиддом ап ир Инад Кохом (Gruffudd ap yr Ynad Coch). Лльюэлин был убит при нападении на замок Буилт в 1282 г., и его смерть положила конец надеждам на свободу Уэльса. То же несчастье ожидало Ирландию после бегства ярлов в 1607 г. В Уэльсе, как позднее и в Ирландии, поэты отчетливо осознавали катастрофу, постигшую их страну и традиции придворной жизни, от которых они были столь зависимы; и они выражали свою печаль в стихах. В этом стихотворении грусть в какой-то мере окрыляет поэта, и он воспаряет над рамками профессиональной хвалебной поэзии. Здесь об Уэльсе говорится то, что было столь хорошо сказано позднее об Ирландии Оуэном Роем Макауордом (Owen Roe Macaward) в его плаче по ярлам Тирона и Тирконнелла.

ПЛАЧ ПО ЛЛЬЮЭЛИНУ АП ГРИФФИДДУ

(отрывки)

Мое сердце похолодело в груди от страха
и жалости по королю Аберфрау.
Он давал ясное золото щедрой рукой;
золотой венок был его заслугой...
Увы моему господину, непревзойденному ястребу!
Увы печали его падения!
Увы утрате, увы судьбе,
Увы новости, что он повержен!

Плач достигает кульминации в строках, приобретших особую известность среди валлийцев и в самом деле представляющих собой величественное выражение печали. Музыка стиха с его богатым орнаментом здесь не только замещает поэзию. Звук и смысл сливаются в красноречивом потоке, вдохновленном гневом и печалью:

Разве вы не видите порывов ветра и дождя?
Разве вы не видите, как сталкиваются дубы?
Разве вы не видите, как море кидается на землю?
Разве вы не видите истины в его трудах?
Разве вы не видите солнце, как оно спешит по небу?
Разве вы не видите звезды, как они падают?
Разве вы не поверите в Бога, доверчивые люди?
Разве вы не видите мир в опасности?
О, ради тебя, Господи, да не набросится море на сушу!
Что осталось нам такого, из-за чего мы остаемся здесь? **[328]**
Некуда бежать от темницы страха, негде переждать.
Томительное ожидание!
Нет ни совета, ни ключа, ни пути изгнать из наших душ смятение страха[13].

Богатая схема аллитерации и рифмы, известная как cynghanedd, еще не достигла своего полного развития к моменту написания этой поэмы, но в данном случае создается такое впечатление, как будто это уже произошло [14]. Читателю следовало бы услышать этот отрывок по-валлийски, чтобы получить подлинное впечатление о его красоте.

Поэмы придворных поэтов читались при дворах придворными бардами, другой вид развлечения находился в ведении рассказчика (cyfarwydd). До нас дошло немногое из репертуара их повестей, известных как «Мабиногион» с тех пор, как стал популярным знаменитый перевод леди Шарлотты Гест. Но это название относится собственно к четырем повестям, которые описываются в рукописи как «ветви Мабиногион», так что обычно мы говорим о «четырех ветвях».

«Четыре ветви Мабиногион» — своего рода чудо. Они появились в XI веке, написанные анонимным автором, причем мы не можем привести для них никаких параллелей из прозы раннего периода, и все же их автор был мастером прозы, писавший простым, красноречивым и прекрасным стилем. Стиль намного превосходит содержание повестей, так как повествование не всегда последовательно или ясно мотивировано, а между четырьмя историями отсутствуют содержательные связи. История о Манавидане — продолжение истории о Бранвен, а Придери появляется во всех четырех; женитьба Пуйлла и Рианнон упоминается в повести о Мате. Однако все четыре повести независимы друг от друга. Тем не менее «Четыре ветви Мабиногион», очевидно, являются произведением одного редактора, человека, собравшего вместе отрывки исчезающей традиции и обладавшего даром композиции и чувством стиля. Самыми интересными кажутся повести о Бранвен и Мате.

Мэтью Арнольд сказал о «Мабиногион»: «Средневековый рассказчик выступил в роли грабителя древности, тайной которой он не обладал полностью». Гриффидд в своем исследовании Мата аб Матонви показал, как много может дать современный ирландский и шотландский фольклор, чтобы пролить свет на композицию «Мабиногион», и вместе с тем установил в ирландской мифологии общность происхождения бога Лугом и героя Финна мак Кумала. Впрочем, его предположение, что «Четыре ветви» изначально были последовательностью историй, главным героем которых был Придери, не выглядит убедительным. Джексон[15] более тщательно исследовал этот вопрос и убедительно **[329]**доказал, что эти повести были скомпилированы образованными собирателями древностей уже после того, как исчез институт профессиональных рассказчиков (cyfarwydd), и что они происходят из разных источников, интернациональных фольклорных мотивов, древней кельтской мифологии и заимствований из ирландских саг. Редакция «Мабиногион» в том виде, в каком мы ею располагаем, является произведением одного исключительно одаренного автора.

Повесть о Бранвен, дочери Ллира, во многом связана с Ирландией. Матолх, король Ирландии, приезжает просить руки Бранвен, сестры Брана Благословенного, короля Британии. Когда она прибыла в Ирландию, на нее наложили жестокое наказание в отмщение за оскорбле-

ние, нанесенное Матолху во время его пребывания в Британии. Бран узнает об этом и приходит с войском, чтобы спасти ее. Воины с обеих сторон гибнут в битве. Семеро выживших валлийцев приносят голову Брана и хоронят ее в Лондоне.

Некоторые эпизоды этой истории вводят мотивы, знакомые нам по ирландским сагам. Профессор Мак Кана провел тщательное исследование этой повести, в котором он указывает, что некоторые эпизоды, похоже, были просто заимствованы[16]. Один из этих эпизодов, ирландское происхождение которого было признано уже давно,— мотив Железного Дома[17].

В повести о Бранвен Бран Благословенный дал Матолху чудесный котел, возвращающий мертвых к жизни. Вот отрывок, рассказывающий о том, как он получил его:

> «Однажды я охотился в Ирландии на холме над озером, что называлось Озером Котла. И я увидел высокого рыжеволосого мужчину, идущего от озера с котлом на спине. Он имел свирепый и отталкивающий вид, и с ним была женщина. И хотя он был высок, она была выше его вдвое. И они подошли ко мне и приветствовали меня. „Что вы тут делаете?" — спросил я у них. „Вот, господин, наше дело,— ответил он,— эта женщина вскоре должна зачать, и я хочу, чтобы ее ребенок стал самым защищенным из воинов". Я предложил им свое покровительство, и они прожили у меня год. И этот год я щедро содержал их, но неприязнь к ним росла, и к концу четвертого месяца они стали ненавидимы всеми в моей стране, ибо угнетали и оскорбляли придворных и народ. И наконец мои люди потребовали, чтобы я выбирал между ними и этими пришельцами. Я попросил совета, что с ними делать, ибо их не удавалось ни упросить, ни заставить уйти из-за их силы и воинственности. И мне дали совет изготовить дом из железа. И когда он был готов, собрались вес кузнецы Ирландии, кто имел клещи и молот. И они обложили дом древесным углем, когда пришельцы собрались там. И мужчины, женщины и дети принесли им еду и питье, и, когда они захмелели, **[330]**кузнецы принялись разжигать уголь и раздувать мехи, пока дом не раскалился добела. Тогда пришельцы собрались в середине дома, пока жар не стал невыносимым, потом же он нажал на стену плечом и вырвался наружу. И то же сделала его жена, но, кроме них, оттуда никто не спасся. „После этого, я думаю,— сказал Матолх Браиу,— они и бежали к тебе".— „Да,— сказал тот,— они пришли и отдали мне котел"»[*].

В некоторых ирландских сагах для опознания приближающегося незнакомца используется прием тейхоскопии. Наблюдатель описывает то, что он видит, и по этому описанию кто-нибудь говорит, что за человек перед ним. Часто при таком способе описания наблюдатель рассказывает спутникам о нескольких группах незнакомцев, причем напряжение все более возрастает, достигая кульминации при прибытии самого Кухулина, как в «Пире у Брикрена», или в описании Мак Ротом приходящих воинов для Фергуса в «Похищении Быка из Куальнге»[18]. В «Разрушении Дома Да Дерга» этот мотив вводится для описания собравшихся в Доме. Ингкел говорит, что он видит, а Фер Рогайн узнает по этому описанию знакомых ему воинов. В этом рассказе один отрывок чрезвычайно напоминает эпизод из повести о Бранвен:

> «— ...Воистину грозен был облик, открывшийся мне. Едва не испустил я дух, глядя на этих троих. Ничего не бывает чудесней: две горы обок от волосатого человека, два озера с голубой гладью у горы, две шкуры у дуба, два кораблика, полные колючек на круглом щите подле них. Мнилось мне, будто вижу поток воды, где отражается солнце, и стекающие с него капли, а за ним огромную шкуру и столб королевского дворца, что будто могучее копье. Весом в пару запряженных быков было его древко. Что это было, о Фер Рогайн?
>
> — Легко мне узнать его,— ответил Фер Рогайн,— ибо это сам Мак Кехт, сын Снайде Техсд, воин Конайре, сына Этерскела. Воистину, славный боец он! В сон погружен был Мак Кехт, когда ты взглянул на него. Две горы обок от волосатого человека — два колена у его головы. Два озера у горы — два его глаза у носа. Две шкуры у дерева — два его уха у головы. Два корабля с пятью скамьями на круглом щите — два его башмака. Поток, с которого капли стекают и где отражается солнце,— сияние его меча. Столб же дворцовый — копье. Потрясает он им, так что сходятся два конца, и метает, когда пожелает. Две голубые волны — его равнопрекрасные брови на дивноцветном румяном лице»[**].

В Бранвен королевские свинопасы видят людей с Острова Могущества, пришедших отомстить за зло, причиненное королеве. Свинопасы идут к королю, чтобы рассказать ему об

---

[*] Перевод по: Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса, М., 1995, перевод Эрлихмапа, с. 26-27 (далее — Мабиногион).—*Прим. пер.*

[**] Перевод по: Предания и мифы, с. 116-117.— *Прим. пер.*

увиденном: **[331]**

> «„Господин,— сказали они,— здравствуй!" — „Храни вас Бог,— сказал он,— какие у вас новости?" — „Господин,— сказали они,— у нас удивительные новости. Мы видели лес в волнах, где никогда не росло ни единого дерева".— „Поистине это удивительно, сказал он,— и что же вы видели еще?" — „Мы видели, господин,— сказали они,— высокий холм над водой, и он двигался. И на вершине его была скала и два озера по ее сторонам. И лес, и холм, и все эти предметы тоже двигались".— „Наверное,— сказал он,— никто не сможет растолковать все эти чудеса, кроме Бранвен. Пошлите за ней". И люди отправились к Бранвен. „Госпожа,— спросили они,— что ты думаешь об этом?" — „Хотя я давно уже не госпожа,— ответила она,— я могу сказать, что это. Это пришли люди Острова Могущества, узнав о дурном обращении со мной".— „А что за лес виден в море?" — спросили они. „Это мачты кораблей",— ответила она. „А что же,— спросили они,— за холм в стороне от кораблей?" — „Это Бран, мой брат.— ответила она,— идет по мелководью, ибо нет корабля, способного его выдержать".— „А что за скала и озера по ее сторонам?" — спросили они. „Он,— ответила она,— смотрит на этот остров в гневе, и его два глаза по сторонам его носа подобны озерам"»*.

Мак Кана показал, что автор Бранвен заимствовал это описание из ирландской саги, а также из некоторых других ирландских повестей; и что он соткал из старых тем новое полотно, не совсем связное, но вес равно возмещающее этот недостаток своим превосходным стилем и наполняющим его духом магии.

Эти качества проявляются и в завершающем эпизоде повести, когда выжившие в великой битве в Ирландии возвращаются в Уэльс с отрубленной головой Брана и останавливаются на острове Гвалес[19] в Пенвро. По своему происхождению это рассказ о блаженстве языческого Потустороннего Мира, но автор-монах, по всей видимости, уже не осознавал этого. Буйная фантазия ирландских описаний Потустороннего Мира в «Плавании Брана» и «Болезни Кухулина» сменяется здесь спокойной простотой. Героям говорят, что они будут наслаждаться этим счастьем восемьдесят лет, когда они откроют дверь, ведущую через Абер Хенвелен в Корнуолл:

> «Там было красивое место высоко над морем, и для них приготовлен был большой зал. И, войдя в него, они увидели две двери открытыми, а третья, что вела в Корнуолл, была закрыта. „Смотрите,— сказал Манавидан,— вот дверь, что мы не должны открывать". И эту ночь они пировали и веселились. И из всего их горя они не помнили ничего, ни того, что случилось с ними, ни прочих печалей. **[332]**
>
> И они оставались там четыре по двадцать лет, но так, что не замечали времени и не делались старше, чем были, когда пришли туда, и не было для них времени более приятного и веселого. И голова была с ними, будто живой Бран. И поэтому их пребывание там названо Гостеприимством Достопочтенной Головы»*.

Читателя «Мабиногион» прежде всего очаровывают изящество и спокойная радость этой повести. И действительно, ветвь Бранвен очень удачное произведение; в отличие от нее повесть о Мате ап Матонви — это переплетение сюжетов, которое чрезвычайно сложно распутать, но, как показал Гриффидд, отсутствие цельности и связности до некоторой степени возмещается формальными достоинствами.

Мат — господин Гвинедда. Гвидион, сын Дона, говорит ему, что Придери, король юга, владеет чудесными свиньями, и обещает завладеть ими. Он делает это с помощью магии, превратив поганки в коней, псов и щиты, которые он обменивает на свиней. Чары действуют лишь один день, и Гвидион бежит со своим приобретением. Придери бросается в погоню и погибает в битве с Матом.

Во время отсутствия Мата, Гвидион и его брат силой берут девушку, держательницу ног

---

* Перевод по: Мабиногион, с. 28.— *Прим. пер.*

* Перевод по: Мабиногион, с. 31-32.— *Прим. пер.*

Мата[20]. В наказание Мат превращает их в оленей, свиней, волков на то время, пока они не искупят свое преступление.

Гвидион уговаривает Мата взять в качестве держательницы ног Арианрод, дочь Дон, дочь его сестры, ибо это место должна занимать девственница. Однако она оказывается беременной. Ребенок, которого она носит, воспитывается Гвидионом, и в четыре года ее сын уже ростом с восьмилетнего.

Однажды Гвидион привел мальчика к матери. Она разгневалась напоминанию о ее позоре и наложила на ребенка проклятие, что он не получит имени до тех пор, пока она сама не наречет его. Гвидион с мальчиком прикидываются башмачниками и хитростью вынуждают Арианрод дать мальчику имя Ллеу Ллау Гиффес (Светлый Ловкая Рука)[21]. Затем мать наложила на сына проклятие, что он не получит оружия, пока она сама не даст его. Гвидион волшебством сотворил вражеский флот и в чужом обличье вместе с Ллеу пришел защищать Каэр Арианрод. Арианрод дала им оружие, чтобы они могли защищать ее, после чего корабли исчезли. Обманутая вновь, она наложила на сына проклятие, что у него никогда не будет жены, пока она сама не даст ее. **[333]**

Мат и Гвидион делают для Ллеу жену из цветов и называют ее Блодьюведд (Лицо-Цветок). Однажды, когда Ллеу был при дворе, в Ардудви пришел поохотиться Грону Пебир. Он и Блодьюведд полюбили друг друга и спали вместе три ночи. Он попросил ее узнать, как можно убить Ллеу.

Как библейская Далила, Блодьюведд уговорила Ллеу раскрыть ей свою тайну. Он обладал даром волшебной неуязвимости: его нельзя было убить ни в доме, ни на улице, ни пешим, ни конным. Его можно было убить только ударом копья, которое следует закаливать целый год, и только во время воскресной мессы. И убить его можно было лишь тогда, когда он стоял бы одной ногой на спине козла, а другой на краю чана для мытья. Здесь переплетаются три фольклорных мотива: неверная жена узнает тайну своего мужа (ST. K 2213.4.1); трудновыполнимые задачи (ST. H 1050); уникальная неуязвимость (ST. 2 310). Джексон замечает, что сочетание двух последних выглядит архаическим, и указывает на параллель с Вритрой из Махабхараты, которого нельзя убить ни днем, ни ночью, ни камнем, ни деревом и так далее[22].

Через год Блодыоведд добивается выполнения необходимых условий, и Грону Пебир ранит Ллеу отравленным копьем. Превратившись в орла, Ллеу улетает.

Гвидион отправляется на поиски Ллеу, идя за свиньей, поедающей червей, падающих с умирающего орла и находит Ллеу сидящим на дереве. Гвидион возвращает ему человеческий облик и исцеляет его от ран. Блодыоведд была превращена в сову, а Ллеу убивает Грону Пебира.

Мат — не очень удачная история. В ней нет главного героя, если не считать Ллеу Ллау Гиффеса. Его приключения составляют основной сюжет, но на роль главного героя больше подходит Гвидион, чем он. Ллеу можно убить определенным способом, но, по-видимому, автор забывает об этом, так как Ллеу не убивают, а лишь превращают в орла; позднее он исцеляется и мстит за себя. Впрочем, и Гвидион сначала выглядит злодеем и несет позорное наказание. Меньше всего заслуживает звания героя Придери. У Придери лишь похитили свиней, а затем убили его самого, когда он попытался вернуть их себе. Рождение и ранние подвиги Ллеу заставляют нас ожидать героического продолжения, но мы находим обычную волшебную сказку. Имя великого бога кельтов кажется в данном случае простым заимствованием.

Тем не менее эта повесть увлекательна и волшебна, в ней люди превращаются в зверей, с помощью волшебства создаются корабли или жена, преступления наказаны, а добродетели вознаграждены. **[334]**

КИЛОХ И ОЛВЕН

Килох и Олвен — в некотором смысле самая интересная из валлийских саг. В ней содержится много легенд и преданий о персонажах, когда-то хорошо знакомых валлийским слушателям, а в число арту-ровских воинов включены и некоторые знаменитые фигуры ирландской мифологии и героических легенд — Книхур, сын Неса, Куберт (= Ку Руи?), сын Даэре, и Феркос, сын Роха. В список имен входит и Манавидан, сын Ллира,— ирландский

Мананнан. Более того, в центре повествования находятся Артур и его двор, а между тем в «Четырех ветвях» о них пет ни одного упоминания.

Эта повесть — скорее сказка, чем героическая сага, и на самом деле в общем напоминает современные ирландские сказки о сыне короля Ирландии: овдовевший король, вновь берущий себе жену, ревнивая мачеха, требующая от королевского сына найти замок великана, помощники, испытания, успешное завершение поиска и счастливый конец, без определенной географической локализации.

Голеуддидд, жена Килидда, вынашивает сына в безлюдных местах, так как на время лишилась рассудка. Ребенок родился в свином загоне[23] и был отдан на воспитание.

Мать мальчика вскоре умерла, и через семь лет король женился вновь. Когда королева узнала, что у короля есть сын, она попросила его больше не прятать, и его призвали ко двору. Королева предрекла ему, что он не женится, пока не завоюет Олвен, дочь Исбаддадена, Повелителя Великанов; и королевский сын тут же почувствовал любовь к Олвен, «хотя он никогда не видел ее»[24]. Его отец послал Килоха ко двору Артура просить помощи в завоевании Олвен, ибо Артур был его родичем.

Прибытие Килоха ко двору короля Артура напоминает прибытие Луга ко двору Нуаду в ирландском сказании «Битва при Маг Туиред». Сначала ему было отказано в допуске, а затем Артур приказывает его пропустить и приветствует его. Килох требует, чтобы Артур помог ему найти Олвен, и называет имена воинов Артура. Список более чем в 250 имен включает и такие, как Манавидан, сын Ллира, который никак не мог считаться воином при артуровском дворе, и заканчивается двадцатью женскими именами. Это просто каталог имен, к некоторым из которых добавлены краткие пояснения.

Затем начинаются великие поиски. Когда воины прибывают в крепость Исбаддадена, пастух предупреждает их, что никто из тех, кто раньше приезжал сюда с этой целью, не возвращался живым. Они прорываются в крепость и приветствуют великана. Его веки поднимают **[335]**вилами, чтобы он мог разглядеть их, и он бросает в них отравленным копьем[25]. Бедуир ловит копье и бросает его назад, раня великана в бедро.

После того как великан напрасно метнул три отравленных копья и сам получил три раны, он обратился к Килоху и возложил на него ряд невыполнимых заданий, которые он должен был выполнить, чтобы завоевать его дочь Олвен. Этот список заданий представляет собой опять же перечень фольклорных мотивов, в котором, по всей видимости, отражено многое из утраченной традиции. Перечисление их довольно утомительно для чтения, хотя может быть и увлекательно в передаче искусного рассказчика. Перечисляются сорок заданий, на каждое из которых Килох отвечает: «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». Двадцать первое задание — достать гребень и ножницы, спрятанные между ушей Турха Труйта, сына Тареда Вледи-га, чтобы расчесать волосы гиганта; и почти все последующие задания носят второстепенный характер по отношению к этому — пес, чтобы загнать кабана, свора для собаки, ошейник для своры, охотник, способный удержать свору, конь для охотника и так далее.

Предыдущие задания содержат упоминания легендарных или мифологических фигур: Аметона, сына Дон, Мабона, сына Модрон, птиц Рианнон, котел Дуирнаха Ирландца, указывая на утерянные мифы.

Теперь начинаются великие поиски под руководством самого Артура. Впоследствии выполняется много заданий, а многие из них просто забываются в ходе повествования. Интересен рассказ о поиске Мабона, сына Модрон. Воины идут за советом к Дрозду из Килгори, который посылает их к Оленю, который посылает их к Сове, которая посылает их к Орлу, который посылает их к Лососю, а Лосось отводит их к Каэр-Лои (Глостеру), где в плену удерживается Мабон. (Здесь безыскусно воспроизводится мотив обращения к «старейшим животным».)

Между некоторыми отрывками этой повести отсутствует очевидная связь, как в том случае, когда Гуитир спасает от огня муравейник и благодарные муравьи приносят семена льна во исполнение одного из заданий. Но о таком задании не было речи. Позднее в истории появляется отступление о соперничестве Гуитира, сына Грейдаула, и Гвина, сына Нудда, из-за руки Крейддилад, дочери Ллуда, и говорится, что когда их примирили, Артур получил коня и свору, которых требовал великан.

Выполнив различные задания, Артур собрал воинов Британии и трех прилегающих островов, а также Франции, Бретани, Нормандии и Летней страны, и отправился в Ирландию охотиться на Турха Труйта. **[336]**Остаток саги представляет собой рассказ об этой охоте. Волшебный кабан переправляется в Британию, и его гонят через Северн в Корнуолл. Ножницы и гребень достались воинам, а кабан бежал в море.

После этого выполняется еще одно задание, и Килох с торжеством возвращается ко двору великана со всеми трофеями. Великана обезглавили, «и той ночью Килох спал вместе с Олвен, и она оставалась его единственной женой, пока он был жив. А воины Артура разошлись, каждый в свою страну».

Из пяти валлийских повестей, главным героем которых является Артур, «Килох и Олвен» — самая интересная. Здесь именно Артур принимает героя и ведет охоту на Турха Труйта. Воины, выполняющие другие задания, находятся на его службе. Он оказывается не только королем Британии, но и правителем Франции, Бретани и Нормандии; а одним из главных отрывков в повести является длинный и утомительный список его воинов. Но он не стоит в центре действия. Центральными фигурами являются Килох и Исбаддаден, и о самом Артуре мы узнаем совсем немного. Уже знамениты его меч Каледвулх, его щит и копье, и его корабль, Придвен (который также упоминается в древней поэме «Добыча Аннувна» *(Preideu Annwfn).*

Другая артуровская повесть — «Видение Ронабви», странная и непоследовательная история, в которой Артур оказывается довольно блеклой фигурой. Его обрызгивает лошадь, скачущая через брод, и один из его людей бьет лошадь ножнами. Затем он увлечен игрой с Оуэном, который отказывается выполнить его требование, и обращается с ним как с равным. Но и здесь он великий император, и на службе у него армия норвежцев. Когда Ронабви спрашивает, не побежит ли это войско, ему говорят: «Император Артур никогда не бежал, и если услышат, как ты говоришь такое, ты пропал». Кроме того, все это происходит во сне, когда Ронабви спит на своей желтой телячьей шкуре.

Три другие артуровские повести, «Герайнт», «Оуэн» и «Передур», испытали сильнейшее влияние норманно-французской литературной традиции. Отношения между ними и французскими романами, «Эреком», «Ивеином» и «Персевалем» Кретьена де Труа, еще не до конца прояснены. Они не представляют собой прямого перевода с французского, но считаются адаптацией французских романов, которые сами происходят из ранних валлийских источников[26]. Обсуждение этих вопросов выходит за рамки этой книги.

Эти романы в прозе завершают традицию и не имеют продолжения в литературе. В Уэльсе, как и в Ирландии, изначально они представляли устную традицию и читались при дворе короля или в домах знати **[337]**рассказчиками (cyfarwydd) и в более грубой форме, несомненно, рассказывались у любого очага. В обеих странах под норманнским влиянием возникли новые литературные стили и жанры, и будущее принадлежало переводам, сначала с латыни, а позже с французского. «Осада Трои», «Энеида», «Фиваида» и истории Александра, Карла Великого. Марко Поло и сэра Джона Мандевилля приобрели популярность в высших кругах, а местные легенды сохранились прежде всего в сказках, рассказываемых в сельских хижинах, как они и существуют до сих пор в некоторых частях Ирландии. Позднее в Уэльсе пышным цветом расцвела поэзия. **[338]**

ГЛАВА 12
Кельтское искусство

Из предшествующих глав явствует, что с середины первого тысячелетия до н. э. кельты были самым могучим и самым самобытным народом Европы за пределами стран Средиземноморья. Эти кельтские племена, первоначально широко рассеявшиеся по Центральной Европе, постепенно сконцентрировались на западе, образовав более однородный в политическом отношении народ галлов. Хотя они оставили после себя лишь скудные записи, по большей части в форме надписей (см. выше с. 15-16, 252), мы располагаем обширным материалом об их истории и их институтах из произведений античных авторов. Все более важным источником сведений об их материальной культуре и образе жизни становится археология. Мы кое-что знаем о том, как они жили и умирали; как они сражались и какое оружие использовали; у нас есть сведения

об их религии и мифологии, но из-за низкого уровня письменной культуры в то время у нас нет письменных свидетельств самих галлов об их духовной и повседневной жизни.

Тем не менее ключом к пониманию этих сторон жизни кельтов может служить их искусство. С древнейших времен до последнего подъема в окраинных островных государствах Запада в первые века христианства кельтское искусство предстает перед нами как в высшей степени самобытное явление, испытывавшее различные влияния и изменявшееся под воздействием восточных и западных культур, но так никогда до конца не растворившееся в них и даже не подвергшееся сколь-нибудь серьезной трансформации. Его отличала фундаментальная и ни на что не похожая кельтская своеобычность, сохраняющая свой характер на протяжении всей истории кельтских народов, где бы они ни находились. Своими корнями искусство кельтов глубоко уходит в гальштаттскую **[339]**культуру первой половины первого тысячелетия до н. э. Однако искусство, которое мы определили бы как безусловно кельтское, совпадает со «вторым» железным веком, латенским периодом приблизительно с 500 г. до н. э. по 100 г. н. э. Это искусство Галлии до римского завоевания, находящееся на вершине своего развития. Впрочем, это искусство продолжало процветать в островных кельтских странах Е течение первых веков христианской эры. На периферии кельтского мира оно пережило римское завоевание, а в Ирландии, куда не добрались римские легионы, это первоначальное кельтское искусство жило и развивалось до Средних веков, лишь незначительно видоизменившись под влиянием новых мотивов эпохи викингов. Выдающийся исследователь искусства континентальных кельтов, ныне покойный профессор Якобсталь, обобщил свои впечатления, подытоживая свою книгу «Раннекельтское искусство»: «По моему мнению, все кельтское искусство представляет собой единство. Это — творение одного народа, кельтов»'.

Кельтское искусство справедливо названо первым крупным вкладом варваров в европейское искусство (Jacobsthal, p. 163). Истоки кельтского искусства неизвестны, хотя до недавнего времени господствовало представление, согласно которому оно в древнейший период развилось из одной школы; но где, когда и как? Что послужило причиной его возникновения? Ответ на эти вопросы скрыт от нас. Высказанная недавно точка зрения[2] избегает прямого ответа, представляя развитие кельтского искусства постепенным и весьма сложным процессом, протекавшим под воздействием различных условий и различных мест. И все же это — особое национальное искусство. В своих самых ярких чертах кельтское искусство отличается от искусств других народов: финикийцев и иберов, этрусков и греков. Тем не менее кельтское искусство не было изолированным явлением, а его история свидетельствует о многочисленных контактах с некельтскими народами. Они сыграли большую роль в его развитии в разных аспектах и в разные периоды и позволяют нам составить какое-то представление о его хронологии.

Каковы же основные черты кельтского искусства, благодаря которым мы можем безошибочно идентифицировать его образцы, где бы они ни были обнаружены? Возможно, самым показательным является его оригинальность, выбор и сочетание мотивов, берущих начало из мира природы, мира животных и растений, с небольшими вкраплениями антропоморфных элементов,— а все эти мотивы вместе образуют фантастическое творение воображения, чрезвычайно далекое от действительности. Неизменной остается утонченность композиции. Эта утонченность выражается в изысканности линий, безошибочном художественном **[340]**вкусе в применении данного орнамента к данному изделию.

Художественным результатом становится достижение совершенства и изящества в разработке орнаментальных мотивов. Кельтские художники интуитивно осознавали важность плавной линии и обладали твердой рукой при ее начертании. Они любили схематизм. Для них природа была источником вдохновения, источником орнаментальных мотивов, которые воспринимались не как отражение предметной реальности, не как символ (мы настаиваем на этом), но как нечто, подвластное лишь чутью и умению самого художника. У кельтских мастеров было врожденное чувство орнамента, сочетавшееся с безошибочным чувством формы, особенно заметным в их монетах (см. илл. 15; Уага§пас, pp. 193-208). Их богатый и даже избыточный запас орнаментов,

создающий впечатление почти что ужаса перед пустотой *(horror vacui*), щедро использовался при создании произведений искусства из любого материала. Кельтское искусство по своей сути скорее образное, чем репрезентативное. В кельтском растительном орнаменте едва ли возможно идентифицировать виды листьев. Когда кельтские художники используют образы из растительного или животного мира, то это скорее стилизация, чем прямое воспроизведение, а их смешение приводит к появлению фантастических образов, напоминающих поздне-античные бестиарии. Эти достижения кельтского искусства наложили свой отпечаток и придали характерные черты всей его долгой истории. Они не были утеряны во время миграций и войн кельтских народов, и в период существования великой галльской нации до римского завоевания. Мы прослеживаем черты кельтского орнамента в прекрасных изгибах стилизованного растительного орнамента на керамике Марны, сохранившейся, например, в Музее Сен-Брие (St Brieuc) в Бретани, и в искусстве орнаментальных рисунков на полях ирландских манускриптов, появившемся несколькими веками позднее, и, возможно,— хотя в данном случае сложнее определить промежуточные этапы развития — в пиктских надгробных плитах.

Эта основная форма кельтского искусства достигла пика своего развития в период владычества Римской империи. Кельтское искусство, укорененное в гальштаттском периоде в первой половине первого тысячелетия до н. э., было не узко национальным явлением, а частью интернационального искусства Евразии, отразившегося в соответствующем стиле греческого «геометрического периода». Его общие черты — стилизация всех природных объектов в линейных, в особенности ломаных, геометрических формах и бесконечные повторения полученных таким образом мотивов. Типичные мотивы — наложенные друг **[341]**на друга ряды лошадей и водяных птиц. Это — массовое искусство, так как подобные орнаменты могли с равным успехом воспроизводиться и на металлических изделиях, и на керамике.

К VIII веку до н. э. искусство Греции и Италии стало испытывать воздействие более богатой и более разнообразной восточной культуры. Этот период известен античным археологам как период ориента-лизации. Три столетия спустя сходный стиль появился в Галлии, что повлекло за собой трансформацию старого геометрического стиля. Игра творческого воображения стала более богатой, полной и свободной. Появился насыщенный и по своей сути фантастический стиль, что в сочетании с прежними традициями привело к возникновению совершенно нового и своеобразного искусства. Культурное развитие Галлии, вместе с развитием Северной Европы в целом, отставало от стран Восточного Средиземноморья, и свежие веяния нового искусства пришли в Галлию не напрямую с Востока, но с запозданием, обходными путями, через Грецию в Италию, а из Италии в Центральную Европу, а также, возможно, через Кавказ, хотя источником вдохновения в конечном итоге все же был Восток.

Этот период искусства, который мы определяем как подлинно кельтский, воплощается в своем высшем проявлении в фантастических сочетаниях животных и растительных мотивов, причудливых и неестественных образах природных объектов, восточной флоры и фауны, лотосов, пальм, львов и диких зверей пустыни; отделившихся от своих реальных прототипов и подвергшихся трансформации в чуждом окружении, иногда полностью, иногда лишь частично. Самой поразительной чертой этого нового стиля латенского периода, пришедшего на смену гальштаттскому, было то, что у него не было ни очевидного начала, ни постепенной эволюции. Как пиктское искусство в Шотландии, кельтское искусство уже при первом появлении предстает зрелым и законченным. Объяснить это можно только действием каких-то новых и мощных внешних стимулов, принесших в кельтские мастерские такие иноземные мотивы, как образы населявших пустыни животных и тропической растительности. Однако как именно эти восточные элементы попали к северным кельтам, остается загадкой. Прямые контакты исключаются из-за отсутствия данных о прямых политических или торговых отношениях, ни через степи, ни морским путем через Грецию. По всей видимости, промежуточным звеном при проникновении этих мотивов послужило искусство Этрурии.

Многие наиболее фантастические мотивы, характеризующие кельтское искусство,

запечатлены на рельефе его величайшего произведения, большого серебряного котла, обычно называемого Котлом из Гундеструпа. **[342]**Его части были найдены в 1891 г. в торфяном болоте в Дании. Котел явно кельтского производства и обычно датируется I или II веком до н. э. Присутствие в его орнаменте восточных элементов, таких как изображение слона, и некоторые другие черты предполагают в качестве вероятного места изготовления среднее течение Дуная. Племена скордисков, обитавшие в этом районе, по сообщению Афинея, ценили серебро выше золота[3]. Благодаря своим впечатляющим размерам — 42 см в высоту, 69 см в диаметре — и весу — почти 9 кг[4] — котел занимает уникальное место среди серебряных кельтских предметов. Интересны живые и захватывающие сцены, изображенные как на внутренней, так и на внешней стороне котла,— рогатый бог Цернуннос и другие божественные существа; человеческие маски; змеи; животные, реальные и фантастические; птицы; вооруженные воины; и ритуальные сцены, такие как погружение за ноги в чан человека головой вниз [илл. 5].

Хотя мы и не можем определить истоки кельтского искусства в том виде, в котором мы характеризовали его выше, его духовное становление следует отнести к латенскому периоду европейской культуры. Хотя оно в последующие периоды своего развития и приобрело больше выразительности и яркости, в своих основных чертах оно оставалось ла-тенским. Кельтское искусство называли искусством орнамента, масок, листьев и зверей, соединяющихся в совершенно невообразимых сочетаниях, и конечно, именно эти элементы составляют его отличительные черты, отделяющие его от греческого искусства, воспевающего человека. Это искусство людей, полностью осознающих свою неотделимость от природы. Первых элементов научной классификации еще не существует. Если этому искусству недостает антропоцентризма греческого мира, то оно лишено и надменности, преобладавшей в европейском искусстве с античных времен — с тех пор, как греческая краснофигур-ная керамика и греческие шедевры скульптуры впервые открыли человеку его достоинство и превосходство в тварном мире.

Галльский художник умножал свои узоры, стремясь произвести эффект скорее богатством фантазии, чем выразительной экономией средств. Он так и не осознал истинной ценности пустого пространства, подчеркивающего глубину предмета и составляющего большую часть художественной композиции. Это было великим открытием греков периода краснофигурной керамики, которое никогда не было принято галльскими художниками. Впрочем, позднее мы обнаружим использование пустого пространства в искусстве островных кельтов Ирландии. Галльские художники оставались близки кикладским, которые любили заполнять пространство вокруг главных фигур на своей керамике **[343]**розетками, раковинами, завитками, отдаленно напоминающими сцены подводной жизни. Характерные черты ранних этапов становления греческого изобразительного искусства, в несколько избыточном и обогащенном варианте, сохранились в кельтских произведениях, особенно в ирландских рукописях. Мы можем с особенной отчетливостью проследить их в иллюстрациях к Евангелию в *Книге из Келлса.* Изображенные здесь угловатые ломаные человеческие фигуры, подобные фигурам на ранних славянских иконах, напоминают скорее изображения людей на греческой чернофигурной керамике, чем реалистичные формы человеческого тела на краснофигурных изделиях.

Одна из самых поразительных и, возможно, самых революционных черт латенского искусства — введение полихромии. Она пришла в Галлию одновременно с другими восточными веяниями. На раннем этапе полихромии цвет главным образом вводился коралловой инкрустацией; однако на второй стадии коралл уступает место красной эмали. использовавшейся более богато и щедро. Происхождение этого приема неизвестно, но, скорее всего, его родиной была Центральная Азия — возможно, Персия. В Британии красная эмаль использовалась для того. чтобы подчеркнуть красоту драгоценных камней, для создания орнамента на конской сбруе, деталях колесницы и оружии. Один из самых интересных примеров — щит из Баттерси второго латенского периода [илл. 51]. С размерами этого щита любопытно сравнить каменную скульптуру галльского воина эпохи Августа из Мондрагона, теперь находящуюся в Авиньоне [илл. 52]. Эта статуя является ярким свидетельством того, что щит второго латенского периода все еще использовался во времена римского завоевания, и на самом деле, большинстве щитовых шишек, найденных

у Алезии, характерны именно для этого типа щитов. Наша иллюстрация позволяет нам представить себе «князя эдуев» Дивикиака, прибывшего в Рим просить помощи против нападения Ариовиста и о котором в Панегирике VIII (57), принадлежащем перу анонимного автора, говорится, что он обращался к императору Константину в 310 г., «держа речь перед сенатом, опершись на свой щит».

Каковы были технические достижения того периода, можно проследить на примере керамики и изделий из металла, в первую очередь потому, что обычно лучше всего сохраняются именно эти предметы. Керамика Ла Тена искусно изготовлена и отличается симметричностью. Ее черная поверхность обычно прекрасно отполирована, а основанием посуды служит маленькая и изящная ножка. Для украшении чаще всего использовалась бронза, с большим мастерством вставленная в детали упряжи, конской сбруи и колесниц, так же как в оружие. **[344]** **[345]**Великолепной отделкой отличаются ножны. Бронзовые предметы оживляются свободным использованием выемчатой эмали и красной эмали

Кельтское искусство достигло своей вершины в эпоху расцвета галльских племен. В периферийных странах, в особенности на Британских островах, которые испытали сильнейшее воздействие латенскон культуры, основные его черты продолжали развиваться и совершенствоваться и в эстетическом, и в техническом отношении. Однакс творческие силы, силы, которые могли бы привнести новое видение Б изобразительное искусство, в самой Галлии исчезли после римского завоевания. Достижения скульпторов греческого античного мира превосходили и обгоняли кельтское искусство даже во времена его наивысшего подъема. Мы увидим, что галлы косвенно подверглись влиянию реалистической греческой скульптуры, но этот процесс проходил в более поздний период и в качестве вторичного явления.

Раннее кельтское искусство не знает объема, по своей сути оно скорее двухмерно, чем трехмерно. Оно в большей мере направлено на визуальное, нежели на осязательное восприятие. То ли как причина, то ли как результат этого плоскостного характера галльская каменная скульптура раннего периода относительно примитива, судя по скудным находкам. Эта традиция все еще сохраняется в отдельных чертах, особенно в прорисовке рта, что видно по каменному изваянию из Гольцгерлингена, Вюртемберг (*Jacobsthal*. Imagery, Pl.1b), и даже по каменным головам из Энтремона. Местная скульптура из камня довольно груба и предполагает, что кельтские ремесленники плохо представляли технику изготовления художественных произведений из камня, а каменная скульптура не получила развития в качестве местного искусства до тех пор, пока на север не проникло влияние средиземноморской скульптуры. Это в особенности верно для ранних антропоморфных изображений, напоминающих стелу в вертикальном положении и статичных в сидячем. Даже скульптурное изображение человеческого лица, обладающее, как правило, наиболее сильным эмоциональным воздействием на зрителя, является в данном случае лишь стереотипным каноническим образом, зачастую добротно и весьма искусно выполненным, но не отмеченным стремлением передать индивидуальные черты и изяществом деталей.

В целом кельтские изображения живых существ, сделанные в металле, превосходят свои скульптурные аналоги. Отличительной чертой этих изделий можно назвать их размер и сферу применения — это бронзовые миниатюрные фигурки, в большинстве случаев служащие ручками или другими деталями больших по размерам и обычно бытовых примеров. Головы и бюсты стилизованы и напоминают типично кельтские **[346]**черты, сходные с каменными скульптурами. Яркий пример — бронзовый рельеф из Вальдалесгейма (*Jacobsthal*. Pl.8, fig. 156) с типично кельтской головой, «широкой сверху, узкой снизу», выпуклыми глазами, треугольным носом, подчеркнутыми бровями, узкой прорезью рта, отсутствием четко выраженных ушей, обрамлением из двух листьев, направленных вниз, и завитком на макушке, что могло быть стилизованной формой волос, хотя обычно этот прием характеризует изображения кельтских божеств.

Кельтские каменные скульптуры зверей исключительно редки [илл. 53]. Впрочем, редки и бронзовые изображения животных, выполненных в реалистической манере. Наиболее интересные примеры — бронзовая лошадь 12 см высотой из погребения с колесницей под Триром, представляющая собой неловкую попытку передать внешний вид реальной

[347]лошади, и кабан из Будапешта, который был бы вполне убедителен, если бы щетина на загривке не была заменена кельтскими спиралями и полукругами. Небольшой бронзовый олень (10 см в высоту) искусно сделан, но схематичен по форме *(Jacobsthal,* p1. 372). Назначение этой вещи неизвестно, но определенные детали напоминают скифскую технику. Использование птиц в качестве орнамента, одиночных, в геральдических парах или в рядах, слишком широко распространено в искусстве евразийского мира начиная с гальштаттского периода, чтобы считать его чисто кельтским, но было важным мотивом и в кельтском искусстве. Наиболее эффектным примером латенского звериного стиля может служить обнаруженное на сосуде из Лоррена схематичное изображение лис (?), подкрадывающихся к утке [илл. 10], представляющее собой редкий пример предметного искусства. Художник в совершенстве сумел передать беспечность утки и ловкость хищного зверя, обучающего охоте своих детенышей. Детали демонстрируют черты восточного стиля, используется как коралл, так и эмаль, ножные суставы обозначают обычные спирали, а мех — штрихи; однако эта сценка на предмете, найденном на Мозеле, дает нам редкую возможность представить себе, как галльское искусство могло бы быть использовано для иллюстрации поэмы Авсония «Моселла» (древнее название реки Мозель).

Типичные ручки в виде зверей есть и на кувшине из Зальцбурга *(Jacobsthal,* p1. 382), и на кувшине из Боршер Ауэ под Гейзой *(Jacobsthal.* p1. 382, 383). В последнем случае зверь изображен стоящим на плече кувшина и тянущимся к горлышку, чтобы выпить из него. Несмотря на **[348]**отличие мотивов, нельзя не вспомнить пса, составляющего часть ручки ложки в кладе из Сент-Ниниана с Шетландских островов, жадно тянущегося высунутым языком к пище[5].

Именно мастерство греков в обработке камня, который в их стране был естественным материалом, впервые в Европе послужило толчком к развитию искусства организации пространства и создания из камня как бытовых, так и культовых сооружений. В кельто-лигурийских оп-пидумах первоначальная простая кельтская традиция фортификации развилась в строительство городов с регулярными улицами и храмами. Впрочем, со времен открытия деревянной скульптуры в Галлии, о которой мы поговорим позднее, мы можем ожидать новых находок, которые представляли бы собой образцы более совершенной галльской деревянной архитектуры, чем считалось ранее. И на территории Галлии, и на территории Британии умение обнаружить следы ранних деревянных останков принадлежит к относительно недавней археологической технике. Мы должны быть готовы к сюрпризам.

Кельтская каменная скульптура в конечном счете развилась в двух регионах — (1) в Германии, где это искусство достигло наибольшей самобытности и где достаточно скудны признаки чуждого влияния; и (2) в Провансе, где обнаруживаются следы влияния чуждых культур, в первую очередь культуры Марселя, не последнюю роль в этом ансамбле играла и древняя Лигурийская культура. Не может быть сомнений в том, что движущим мотивом возникновения и распространения каменной скульптуры, особенно на юге, был ее функциональный характер, который к тому же, как мы увидим позже, был тесно связан с развитием крупных святилищ. На севере архитектурная функциональность каменных изваяний из Гольцгерлингена в Вюртемберге (см. выше) свидетельствуется наличием специальных шипов, закреплявших изваяние прямо в стене, и наличием у этих скульптур основания, являвшегося частью фундамента. По мнению Якобсталя, эти фигуры были неотъемлемой частью стены.

Известны некоторые примеры каменной скульптуры из Рейнской области и Вюртемберга. Главный центр — Пфальцфельд в Гунсрюке в землях треверов, где обильно представлены кельтские курганы. В их числе знаменитый обелиск из известняка [илл. 14], со всех четырех сторон украшенный кельтскими рельефными узорами, а человеческую голову венчают рыбьи пузыри, над которыми находятся 5-образные узоры, напоминающие лиру. Этот столб, вероятно, первоначально заканчивался еще одной человеческой головой. Он чрезвычайно архаичен и может датироваться IV или III веками до н. э. (Filip, p. 161). Мотив человеческой маски получил широкое распространение, и его можно **[349]**сравнить с изображением на бронзовой пластине из Тал-и-Ллина в Мерионетшире (Уэльс) [илл. 56] раниелатенского периода[6]. Первоначальный галльский прототип, возможно, восходит к этрусским украшениям V века до н. э.

Скульптура на юге опять-таки разделяется на две группы. Первая, не столь многочисленная и менее значимая, тесно связана с Марселем и испытала прямое влияние греческой скульптуры. Вторую группу составляют произведения местных художников, выполненные в так называемой кельто-лигурийской традиции, которая представляет собой сочетание древнейшей местной культуры средиземноморского побережья к востоку от нижнего течения Роны и наложившихся на нее **[350]**позднейших кельтских черт III века до н. э. Эта группа скульптур найдена на небольшом пространстве и очень сильно отличается от греческой и римской скульптуры. Все работы в этом стиле выполнены из местного камня местными художниками. Наиболее многочисленные и впечатляющие находки были сделаны в религиозных святилищах Энтремона и Рокепертуса к северу от Марселя; их архитектурные особенности разбираются ниже. Другие святилища в том же районе, например Гланум (греч. Гланон), имеют ряд общих черт. В первую очередь их объединяет то, что все эти культовые сооружения использовались в хтонических культах, по существу являясь святилищами мертвых и входом в Потусторонний Мир. Подобное святилище сохранилось в Гла-нуме до эпохи Августа. История этих древних кельто-лигурийских святилищ восходит к гальштаттскому периоду, а сами они представляют большой архитектурный интерес. Их дверные перемычки обильно украшены геометрическими фигурами и схематичными изображениями всадников. Во всех этих городищах есть монументальные портики, пропилеи, с рисунками и скульптурами, а также примитивные балочные надстройки, характерные для архитектуры этого региона. Городские ворота Гланума, древнейшие в Галлии, датируются IV веком до н. э. и украшены рельефами на боковых стенах, изображающими военнопленных, захваченных галлами.

В Рокепертусе скульптурными головами снабжены каменные столбы, все еще сохраняющие следы полихромией раскраски геометрического стиля, а также изображений рыб, птиц, лошадей и антропоморфных существ, как нарисованных, так и вырезанных [илл. 57]. В Энтре-моне у основания стены святилища было откопано пятнадцать черепов, когда-то выставленных там на обозрение. Фрагмент дверной перемычки украшен двумя нишами, повторяющими форму человеческого черепа, с изваяниями отрезанной головы, являющейся типичной чертой кельтского искусства, но в данном случае без характерного изображения рта. Один из столбов декорирован 12 головами, выполненными в той же манере [илл. 58]. Позднее в Энтремоне были воздвигнуты закругленные столбы, украшенные по сторонам рельефом из отрезанных голов. На лицевой стороне столбов изображены всадники, вооруженные длинными мечами латенского типа. Это сооружение получило название «Зал Голов». Подобные дверные перемычки и столбы, оборудованные нишами со скульптурными и натуральными человеческими черепами, обнаруживаются также в Глануме и крупном святилище в Рокепертусе.

Энтремон датируется III веком до н. э. и был религиозной столицей кельто-лигурийских народов, составлявших часть конфедерации **[352]**салиенов (саллювиев)[7]. В самом деле, расположение оппидума и качество скульптуры выделяют его как важнейший центр политической и религиозной жизни кельто-лигурийских народов и демонстрируют тесную связь их местной скульптуры с религией и архитектурой[8]. Святилище в Рокепертусе относится к периоду Ла-Тен II. Прямая связь с галльской цивилизацией подтверждается обилием в обоих этих святилищах отрубленных человеческих голов (tete coupee, если использовать французский термин). В этих святилищах иногда обнаруживаются подлинные человеческие черепа, укрепленные в дверных перемычках или на столбах или их замены в виде масок с закрытыми глазами.

Многочисленные отрубленные головы в кельто-лигурийских святилищах подразумевают культ отрубленных голов и подтверждают сообщения Диодора и Страбона о древнем галльском обычае обезглавливания врагов и сохранения их черепов. Особенно интересно отметить, что отрубленные головы обнаруживаются не во всех святилищах, их нет, например, в Мури, и что столбы в Рокепертусе и оформление дверных проемов в Глануме показывают, что ниши с черепами были добавлены после постройки портиков, а в Энтремоне «Зал Голов» относится **[353]**к последней фазе существования оппидума, незадолго до его разрушения в 123 г. до н. э. Исходя из этого, мы могли бы сделать вывод, что этот обычай не очень древний; но значительное количество черепов, сохранивших признаки того, что они прежде висели на виду, было обнаружено на дороге, вымощенной обломками зданий,

принадлежавших, возможно, прежнему населению. Некоторые из голов, вероятно, мумифицированные, по всей видимости, были отделены от туловища и пробиты для того, чтобы их подвесить, сразу после смерти. Культ головы был широко распространен по всей этой территории, а в кельтском оппидуме Пюиг Кастелар были найдены человеческие черепа с гвоздями, на которых они висели ранее. Этот культ ассоциируется со вторым латенским периодом и, по-видимому, связан с подобными культами в других регионах. Скульптурные изображения человеческих голов обнаруживаются в развалинах циклопических сооружений у Тар-рагоны и некоторых испанских оппидумов, а отрубленные головы были найдены на этрусских воротах Перуджи и Вольтерры. Вряд ли их можно рассматривать в отрыве от орнаментальной традиции, использующей мотив человеческой маски, чрезвычайно популярный в галльском искусстве того же периода.

Отрубленные головы считались «первым выражением реалистичного искусства, развившегося в латенской культуре под влиянием греко-римской скульптуры»[9]. Именно в этом кельто-лигурийском ареале кельты позднелатенского периода познакомились с искусством каменной скульптуры. Отнюдь не все изваяния носят натуралистический характер. Наиболее впечатляющий памятник, «Тараске» из Новэ [илл. 60], в высшей степени фантастическая скульптурная группа, обычно считается символом смерти. Композиция в целом — творение мастера. Скульптура изображает чудовище с львиноподобным телом, ужасной головой и зияющей пастью, откуда торчит человеческая нога. Передние лапы чудовища покоятся на двух реалистичных каменных отрубленных головах. Мы знакомы с чудовищами, пожирающими людей, по произведениям искусства из Эсте и Вача и по иным находкам гальштат-тского периода, где это был излюбленный мотив, и мы можем искать общий центр происхождения — но где? Скульптор «Тараске» не был любителем и знал о технике групповой скульптуры практически все. Ее можно рассматривать со всех сторон, а по своей троичной композиции она сравнима с греческой скульптурной группой Лаокоона.

В прошлом считалось, что галлы впервые познакомились с искусством антропоморфной каменной скульптуры в позднелатенский период, столкнувшись с изобилием статуй в крупных южных святилищах в устье Роны. Энтремон, в частности, был богат изваяниями не только **[354]** **[355]**человеческих голов (Benoit, pl. 35), но и целых человеческих фигур. Головы демонстрируют типично кельтские черты, знакомые нам по ирландским сагам,— лицо «широкое сверху, узкое снизу» — и типичные выпученные глаза, прямой треугольный нос и широкую прорезь рта. характерные для галльских голов на всех скульптурах и воспроизведенные на кельтской каменной голове из Глостера [илл. 61]. Бюсты напоминают греческие гермы. Тем не менее в Энтремоне мы находим реалистичные статуи, сделанные из местного камня, изображающие в натуральную величину племенных героев, вождей и королев, держащих различное оружие и одетых в различные галльские одежды того времени и кожаные доспехи в зависимости от статуса изображаемого,— возможно, мы имеем дело с настоящими портретами.

Святилище в Рокепертусе богато антропоморфными статуями, непосредственно связанными с религиозным культом. Внутри святилища были обнаружены фрагменты четырех или пяти человеческих фигур, сидящих со скрещенными ногами в позе Будды, хорошо знакомой нам по позе бога Цернуннуса на Котле из Гундеструпа [илл. 5]. Их руки и ноги обнажены, но торсы облачены в короткую тунику, украшенную рельефными или же вырезанными и раскрашенными ленточными геометрическими узорами, состоящими из прямых линий. Они находятся в вертикальном положении, фигуры стройны и пропорциональны, но **[356]**холодны и безжизненны, хотя руки по крайней мере у двух фигур отведены в сторону от туловища. Скованная ритуальная поза может быть отчасти объяснена функциональными соображениями, их расположением в самом святилище. Предположительно они не должны были рассматриваться с близкого расстояния; их назначение состояло в том, чтобы воздействовать на воображение адептов во время коллективных действий, и, соответственно, они должны были восприниматься издалека.

В последние годы были сделаны открытия, которые в корне изменили наши представления о кельтской фигурной скульптуре и вынуждают нас пересмотреть вопросы о ее происхождении и влиянии на нее других культур. Хотя остается справедливым, что наиболее заметное воздействие на каменные фигурные скульптуры Галлии оказали большие кельто-лигурийские святилища в устье Роны, ныне нам ясно, что Центральная Галлия

располагала местной деревянной скульптурой, которая к I веку до н. э. достигла сравнительно высокого уровня развития и которая также размещалась в религиозных святилищах. Господ-ствующее мнение о связи деревянной скульптуры с культовой практикой может объясняться случайным характером наших данных. Находки плохо сохраняющейся деревянной скульптуры носят случайный характер, и наши образцы ограничены местами, которые требовали раскопок сами по себе. Древнейшие деревянные скульптуры часто напоминают изваяния из Энтремона и Рокепертуса [ш]. Деревянная грубо вырубленная голова и с весьма схематично прорезанными чертами лица была обнаружена в священном для галлов месте близ Монбуи (Луара). А в священном колодце там же была найдена целая деревянная фигура столь же примитивного вида. Статуя с капюшоном, вырезанная из дуба, более трех метров в высоту, считающаяся доримской, была найдена при раскопках на берегу Женевского озера [11]. Все деревянные фигуры, найденные до сих пор, напоминают стволы деревьев и вызывают в памяти *simulacra, о* которых говорит Лукан.

Наиболее значительное собрание галльской деревянной скульптуры, открытое до сих пор, происходит из хорошо известного галло-римского святилища Секвана у истоков Сены, широкомасштабные раскопки которого ведутся с 1953 г. и продолжаются до сего дня[12]. В ходе раскопок 1956-1957 гг. в болотистых окрестностях святилища было извлечено 190 фрагментов деревянных скульптур, которые, как уверяет нас профессор Мартен (р. 2), по своему разнообразию, по своей оригинальности и по своей сохранности составляют одно из самых поразительных открытий галло-римской археологии [илл. 62-67]. Первая находка составляла 27 статуй или статуэток от 50 см до 1,25 м в высоту; **[357] [358]**40 голов в натуральную или вполовину натуральной величины; 16 фрагментов с 2 или 3 головами, вырезанными на одном стволе; 14 торсов, реалистичных (обнаженных или в одежде) или схематичных; около 30 конечностей и некоторые изображения человеческих внутренних органов; 12 изображений животных, включая превосходно вырезанного быка и другие предметы. Представлены изображения как мужчин, так и женщин. Скульптуры путешественников (возможно, пилигримов) узнаваемы по своим плащам и капюшонам [илл. 64]. Головы — шедевр этого собрания — представляют собой как куски дерева с примитивным рисунком и грубо вырезанными чертами и волосами [илл. 65], так и реалистичные изображения, весьма точно передающие подробности строения лица и с волосами, выполненный в форме рельефа [илл. 66], все изображения в целом, несмотря на типично кельтский рот в виде прорези, представляют вполне правдоподобное изображение человеческой головы. **[359]**

Голова женщины [илл. 67] по исполнению, проработке черт и деталей прически являет собой пример совершенного мастерства. Характер скульптур и другие детали, обнаруженные на месте раскопок, в особенности скульптурные изображения отдельных человеческих органов и конечностей, не оставляют никаких сомнений в том, что мы имеем дело со школой скульпторов, сформировавшейся вокруг храма врачевате-лей. Впрочем, до сих пор неизвестно, какие функции при храме выполнял художник и каким статусом обладала его школа. Имел ли художник официальный статус внутри иерархии или выполнял чей-то заказ? Некоторые фрагменты скульптур, например, ряды голов, вырезанных на стволе дерева [илл. 63], позволяют провести сравнение с подобными изображениями, найденными в Энтремоне. А исходя из анализа всей совокупности художественных направлений в галльской скульптуре, мы можем сделать вывод о тесной взаимосвязи предметной скульптуры и культовой практики.

Понять, какое значение имела для культуры Галлии скульптура из дерева, возможно, только установив отсутствие взаимовлияний между различными локальными стилями и полную их зависимость от используемого местного материала. Камень, придававший прочность скульптуре средиземноморских стран, естественно, был заменен деревом в странах Центральной Европы, более богатых лесами. Тем самым наши знания о кельтской скульптуре и ее истории были обеднены и даже искажены недолговечностью такого материала, как дерево.

Для нашей попытки оценить подлинное значение галльской деревянной скульптуры важно помнить:

1) что пока мы находимся лишь в самом начале процесса. Раскопки в Секване все еще

продолжаются, и мы располагаем лишь предварительными результатами;

2) что наши образцы датируются галло-римским периодом, очевидно, первой половиной I века н. э. Нам неизвестны более ранние образцы галльской деревянной скульптуры;
3) что наши образцы говорят о примитивной трактовке человеческого тела. Руки не отведены от туловища. Фигура на иллюстрации 64 еще напоминает древесный ствол, хотя плащ и положение правой руки характерны для римских и греческих статуй;
4) описываемая нами школа кельтской деревянной скульптуры процветала в Галлии в I веке н. э.; каково бы ни было ее происхождение, она не находит параллелей в островном кельтском искусстве, в остальном идентичном галльскому искусству соответствующего периода. По всей видимости, этот факт подкрепляет традиционную **[360]**точку зрения, согласно которой галльская скульптура подверглась значительным изменениям в позднелатенский и галло-римский период, испытывая косвенное влияние греческих колоний в Марселе и кельто-лигурийского искусства устья Роны. Однако в целом искусство островных кельтских стран сформировалось под воздействием раннего кельтского искусства Галлии, предшествовавшего искусству галло-римского периода. К этому периоду мы и обратимся.

В эпоху наивысшего подъема раннего кельтского искусства в Галлии оно проникло к кельтским народам Британии, где достигло процветания и начало свое независимое существование, оставаясь легко узнаваемым как латенское по своему происхождению и основным чертам, но способное воспринимать оригинальный стиль и местные черты. Эти стили были выработаны школами, процветавшими в различных частях Британии, в ответ на местные запросы, на нужды различных классов населения, и в зависимости от природы отношений данного племени с континентом. Мы можем отличить северную школу, работавшую, несомненно, под покровительством паризиев и бригантов; восточную школу на территории иценов и южную школу, находившуюся под более непосредственным влиянием художественных центров на континенте, особенно белгов. Это кельтское искусство, в целом называемое латенским по его континентальным связям, обычно называется «позднекельтским» в Британии из-за того, что оно продолжало существовать здесь на протяжении всего римского периода и возродилось, чтобы расцвести вновь, в странах Северной и Западной Британии после окончания римского господства. Кельтское искусство было занесено в Британию главным образом в виде ввозимых товаров, в раннем железном веке гальштаттского периода, но все богатство кельтского искусства появилось на Британских островах лишь с наступлением в Галлии периода позднего железного века.

Считается, что континентальное латенское искусство в его лучших проявлениях было завезено в Британию в III веке до н. э., но со II века до н. э. британские школы кельтского искусства стали создавать самобытные произведения, которые, по крайней мере до периода римского завоевания, были по качеству абсолютно равны континентальным. В Ирландии, на землю которой никогда не ступали римские войска, латенское искусство непрерывно развивалось с момента своего возникновения вплоть до норманнского завоевания, пережив и ассимилировав даже влияние викингов, в искусство которых кельты внесли огромный вклад. После норманнского завоевания Ирландии древние традиционные **[361]**художественные формы продолжали воздействовать на новые формы, принесенные с континента орденом цистерианцев.

Латенское искусство Британии идентично и совершенно равно галльскому в лучший его период. Уже подчеркивалось (см. выше с. 344) высокое качество произведений из металла и великолепное использование полихромии, в особенности это относится к конской сбруе и деталям колесницы, оружию и доспехам, выдающимися примерами которых служат щиты из Темзы у Баттерси и из Уитхэма под Линкольном[13]. Щит из Баттерси [илл. 51] датируется, как полагают, приблизительно 75 г. до н. э. Щит из Уитхэма предположительно древнее и даже лучше по исполнению — он считается превосходящим по технике любое современное ему произведение континентального кельтского искусства. Шишка щита из Темзы под Уондсвортом, хотя и не столь эффектна, как у щитов из Баттерси и Уитхэма, но даже превосходит их по красоте и изяществу. Кельтские вожди на севере носили столь же прекрасные доспехи, что и кельтские военные предводители на юге. Один из пре-

краснейших образцов латенских бронзовых доспехов в Британии — бронзовый шлем для лошади из Торрса, Керкудбрайтшир, датируемый второй половиной III века до н. э.[14] Неподалеку от укреплений Стенви-ка в Северном Райдинге (Йоркшир) было найдено более 90 изделий из металла, по большей части конская сбруя и детали колесниц, на некоторых из них сохранились следы эмали, а присутствие железных обручей предполагает, что они представляли элемент погребения с колесницей, как и знаменитая группа в Восточном Райдинге[15].

Несколько позднее появляются более искусно отделанные предметы, такие как мечи и кинжалы с ручкой, выполненной в виде небольшого человечка. Этот случай оживляет в памяти в высшей степени оригинальную натуралистичную человеческую фигурку, бывшую частью утерянного кинжала, обнаруженную также в Уитхэме (Fox, P. and P., p1. 10, e). Великолепны кружка из Траусвинидда (Мерионет) с прекрасно выполненной ручкой (Pox, p1. 64), золотая изогнутая шейная гривна из Медвуд Фореста, Стаффордшир (Fox, p1. 25), а также золотой браслет с литьем и электровая шейная гривна из клада из Снеттишема, в Северо-Западном Норфолке (Fox, p1. 32, fig. 33). Территория иценов, хотя и предоставляет многочисленные останки, удостоверяющие сохранение традиции боя с колесниц, относительно бедна оружием, но необыкновенно богата украшениями. В Снеттишеме обнаружено самое большое количество предметов из драгоценных металлов, до сих пор зарегистрированное для Британии железного века [илл. 13]. Считается, что некоторые предметы из этой находки происходят из местности между Южным Саффолком и Темзой. Другие шейные гривны из **[362]**золота, сплавленного с серебром и медью, также обнаруженные в Северо-Западном Норфолке, указывают на благосостояние правящей династии и на использование подобных личных украшений в I веке до н. э. И в самом деле, эта группа находок состоит более чем из 50 предметов — что больше, чем было найдено во всей остальной Британии[16]. Более утонченны по отделке и, возможно, более тесно связаны с ранней классической континентальной традицией бронзовые зеркала с прекрасной гравировкой, изготовленные в последней четверти I века до н. э. и широко распространенные в Южной Британии. На них нанесены латенские узоры, прекрасно сочетающиеся с круглой формой зеркала и состоящие из переплетающихся спиралей с расширяющимися концами. Рыбьи пузыри и расширяющиеся листообразные узоры доминируют над всей структурой рисунка благодаря тому, что свободное пространство между линиями заштриховано. Эти мотивы иногда носят симметричный характер, как на зеркалах из Бердлипа, Глостершир [илл. 68], и из Десборо, Нортентс (Fox, p1. 57, c); но чаще иллюзия симметричности достигается скоплением асимметричных завитков, как на превосходном зеркале, хранящемся в Мейеровском музее в Ливерпуле (Fox, p1. 55). Гармония поддерживается строгостью вкуса и линии. Как замечает Франсуаза Анри, мы знакомы с этой гармонией, достигаемой асимметричностью линий в латенском искусстве, например, по ножнам из Кернон-сюр-Коль, Марна[17], «но на Островах эта игра воображения, **[363]**кажется, была возведена в закон»[18]. Эти бронзовые зеркала и многие другие предметы, украшенные латенским типом орнамента, не имеют параллелей на континенте и не обнаруживаются у паризиев и бриган-тов на севере. Естественно, вспоминаются этрусские бронзовые зеркала прежних эпох, хотя очевидной связи с ними, по всей видимости, не существует.

Примерно серединой I века до н. э. датируются два самых известных бронзовых рельефных изделия в Британии, так называемые ведра из Эйлсфорда в Кенте и Марльборо в Уилтшире. Первое считается несколько старше второго и, несомненно, сделано с большим мастерством [илл. 69]. Ведро лишь 10 см в высоту и состоит из деревянных досок, скрепленных бронзовыми обручами, самый верхний из которых украшен изысканными завитками в форме листьев и запятых, а также прекрасными маленькими лошадьми, с рогами, клювами и раздвоенными хвостами. Места соединения ручки выполнены в форме двух человеческих масок. Этот сосуд был найден в захоронении белгов и содержал останки праха; в той же могиле была найдена бутыль античного — итало-греческого происхождения и другие предметы, как античного, так и белгского производства, включая погребальные урны. Все вместе является по сути погребальной утварью. Незавершенное ведро из Марльборо относится к тому же типу, что и ведро из Эйлсфорда и, по-видимому, использовалось, как и последнее, для хранения кремированных останков. Оно вдвое выше ведра из Эйлсфорда. Орнаментом украшены все три его металлических

обруча, но в прорисовке **[364]**деталей он уступает эйлсфордскому орнаменту. Перед нами снова появляются стилизованные удлиненные животные, включая «водяных коней», и реалистичная человеческая голова с усами, а также несколько масок, которые можно сравнить с изображением головы на Котле из Гундеструпа. Детали на обоих ведрах напоминают узоры на монетах Арморики. Считается, что ведро из Марльборо могло быть завезено в Британию из Арморики.

В этот период в Арморике процветало искусство, идентичное раннему кельтскому искусству Галлии. Оно в определенной степени могло служить связующим звеном между латенским искусством континента и Британии. В Бретани ломаные узоры, типичные для латенского искусства и керамики, характерной для марнских захоронений, также обнаруживаются на раскрашенной керамике[19], и хотя из Арморики, по причине ее бедности, до нас дошло сравнительно немного примеров латенского искусства на предметах хорошего качества, керамика этого полуострова повторяет как узоры, так и формы, характерные для галльского латенского периода, типы II и III. В кельтских кранногах* из Гластонбери и Мера (Meare) в Сомерсете было найдено большое количество керамики и деревянных сосудов с типичными латенскими узорами (Fox, fig. 76), характерными также для изделий, обнаруженных в захоронениях и оппидумах Финистера, которые в свою очередь тесно связаны с керамикой из Гансбери в Нортгемптоншире[20] и Хенгистбери Хед, где были обнаружены монеты кориосолитов и андекавов из Арморики[21].

Любопытно отметить, что в Арморике, как и в Ирландии, распространение получил редкий тип памятника, украшенного орнаментом латенской традиции, сходным с орнаментом на бронзовых зеркалах и с узорами на керамике, которая только что обсуждалась, но предположительно более раннего периода. Это отдельно стоящие орнаментированные камни; наиболее известные ирландские образцы — камень из Туро (Turoe), представляющий собой почти что полусферический блок, который Франсуаза Анри (S. I., p. 35f.) называет дуайеном каменной скульптуры [илл. 70], и камень из Касл Стрейнджа. С ними мы можем сравнить камень из Кермарии из Пон л'Аббе, Финистер в Арморике, ныне хранящийся в музее Сен-Жермен[22]. Камень из Туро, как и многие поздние кельтские скульптуры, украшен резьбой, выполненной только в двух плоскостях. Рельеф рисунка очень неглубок, а по исполнению он чрезвычайно напоминает столб из Пфальцфельда[23] (см. выше с. 349). Сам рисунок, несомненно, относится к латенской традиции, а утонченность и совершенство техники типичны для лучших произведений кельтского **[365]**искусства и говорят о высоком исполнительском мастерстве, которое — в отношении рельефной скульптуры — вовсе не обязательно предполагает предшествовавшее длительное существование местной художественной школы. Техника исполнения рисунка на камне из Касл Стрейнджа отличается от орнаментов камня из Туро, представляя собой резные узоры, состоящие из пересекающихся спиралей, и, скорее всего, относится к более позднему времени. Другой, гораздо более крупный монумент того же типа был недавно открыт в Килликлуггинс **[366]** (Каван). Его весьма изящный рисунок состоит из прекрасно вырезанных завитков и спиралей.

Самые ранние дошедшие до нас памятники ирландского искусства — каменные скульптуры. Человеческие фигуры, как отдельные изваяния, так и вырезанные на плитах, прослеживаются до неолитического периода. Древнейшие ирландские христианские каменные кресты представляют собой узкие гравированные плиты из Карндонаха и Фахана вблизи Инишоуэна на севере и датируются, вероятно, второй половиной VII века. По всей видимости, они ведут свое происхождение от резных камней эпохи неолита. В целом, однако, между мегалитическим искусством и искусством позднейших эпох лежал по крайней мере не очень продолжительный временной разрыв, который мог естественным образом возникнуть из-за появления на острове привозных изделий как с континента, так и из Британии; но временной разрыв между художественными традициями вовсе не обязательно предполагает полное исчезновение древних орнаментальных мотивов, а техника резьбы по камню определенно имела непрерывную историю, о чем свидетельствует камень из Туро и другие резные камни с латенскими узорами.

На холме Тары были найдены останки жилищ со следами работы кузнецов и эмалировщиков,

---

* Crannog, дом на искусственном острове на озере.— *Прим пер.*

а также останки римских привозных изделий с I по III век н. э., демонстрирующие контакты как с Британией, так и с Галлией. Лишь в нескольких ярдах от этого места после дальнейших раскопок обнаружилось, что Холм Заложников был построен на месте мегалитического могильника, позднее покрытого многочисленными захоронениями бронзового века, что говорит о древнейшем статусе Тары как некрополиса и доисторического святилища, позднее превращенного кельтами в королевскую резиденцию. Ирландия — это настоящий музей прошедших эпох, наслаивавшихся друг на друга без очевидных разрывов во времени.

Считается, что латенское искусство континентальных кельтов второго железного века было занесено в Ирландию во II веке до н. э. В этот период существовали тесные контакты с Британией, из которой в Ирландию шел богатый экспорт изделий. Однако наиболее важные ирландские контакты были связаны с континентом. Контакты с Британией осуществлялись путем торговли и набегов; но древнейшие ирландские каменные изваяния родственны хорошо известной континентальной кельтской каменной скульптуре. Камень из Туро по своей технике очень близок камню из Пфальцфельда [илл. 14, 70]. Две грубые, но все же впечатляющие скульптуры человеческих фигур с острова Боа, Ферманаг (A. I., p. 50) и кричащая фигура из Тандераги, Арма (A. I., p. 51), с усами и рогатым шлемом, имеют больше общего с континентальной **[367]**кельтской статуей из Гольцгерлингена или фрагментом из Эхтердингс-на, чем с более развитым типом кельто-лигурийской скульптуры из устья Роны. Было выдвинуто предположение, что эти ирландские разные камни и статуи подразумевают наличие культа, принесенного из Галлии галльскими беженцами, спасавшимися от римского нашествия *(Henry.* A. I., p. 18). Ранние скульптурные головы из Ирландии представляют разительный контраст с известняковой головой молодого кельта римского периода из Глостера[24] [илл. 61], где черты и форма лица, как и изображение волос носят типично кельтский характер, но пластическая форма напоминает классическую греко-римскую скульптуру южных галльских святилищ в устье Роны.

Хронология протоисторических фаз раннего кельтского искусства в Ирландии на данный момент неточна и может быть определена лишь в сравнении с более или менее параллельными британскими и континентальными стилями. Отсутствие предметов римского производства, а также римских и континентальных монет в Ирландии в данном случае чрезвычайно затрудняет исследование, а длительная традиция кельтского искусства в Ирландии со II века до н. э. до норманнского нашествия, не подвергшаяся римскому влиянию, не предоставляет в руки исследователей материал, способный прояснить относительную хронологию ирландского искусства. Превосходные узоры из ломаных линий с бронзовых ножен из развалин краннога (Лиснакрогеры, графство Антрим) *(Fox, P.* and P., p1. 73, Ь) и другие похожие на них ножны из Колрейна — все они являются вариациями континентальных стилей Ла Тена II и III. Их близкое родство со стилем изображений на ведре из Эйлсфорда [илл. 69] и деревянной чаши из Гластонбери (оба изделия относятся к дорийскому периоду в Британии) позволяет отнести начальную фазу латенского искусства в Ирландии на металлических предметах ко времени около 175 г. до н. э. *(Fox, P.* and P., figs. 26 and p1. 73, b). Хотя эти предметы, вероятно, моложе своих континентальных аналогов, все же они не моложе начала нашей эры. Все эти ирландские ножны могут быть отнесены к изделиям одной и той же школы и, скорее всего, изготовлены в мастерской, существовавшей в относительно поздний период, так как они не обнаруживаются больше нигде в Ирландии. Это может говорить о том, что раннелатенское искусство Ульстера было особенно близко континентальному. Узор на этих ирландских ножнах очень напоминает узор на созданных немного позже ножнах из Бугторпа из Восточного Райдинга (Йоркшир), которые являются древнейшим примером применения в Британии «штриховой» техники, названной так по штриховке свободного пространства рисунка (см. выше с. 363). Тем не менее следует отметить, что эта же техника характерна **[368]**для украшений щита из Длин Керриг Баха на острове Англси (Fox, P. and P., fig. 28).

Мы можем только предполагать, каким образом попали в Ирландию лучшие образцы латенского искусства столь раннего периода. Фоке считает, что объяснить столь потрясающее сходство между предметами, возникшими в разное время и на удаленных друг от друга территориях, между ножнами, найденными в Бугторпе и Гансбери, и ножнами, обнаруженными в Лиснакрогере, с одной стороны, можно тем, что уже в то время

осуществлялась постоянная навигация через Ла-Манш, а с другой стороны, наличием «процветающих бриттских поселений в Голуэе, сохранивших архаические традиции, о которых мы можем судить лишь по незначительному числу дошедших до нас предметов — это шлем для лошади и рог, найденные в Торрсе» (P. and P., p. 43). Куно Майер задолго до этого на основании анализа литературной традиции сделал предположение[25], что в первые века нашей эры на службу к ирландским королям поступали галльские наемники, но его выводы указывают скорее на Южную Ирландию. Возможно, использовались оба пути.

Среди древнейших привозных товаров из Британии мы находим бронзовые заколки и дугообразные броши, первые немного старше, а вторые сделаны по римским образцам. Оба типа имеют долгую историю, и уже в начале нашей эры часто искусно украшались вставками из эмали. Бронзовые заколки столь же распространены в Шотландии, как и в Англии, а дугообразные броши широко распространены по всем Британским островам. В Южном Уэльсе была найдена бронзовая дугообразная брошь, а в хижине под Пант-и-Сайром, Англси, серебряная, завершающаяся длинной булавкой на свободном шарнире[26] [илл. 71]. **[369]** Ее ближайшие параллели обнаруживаются в прибрежных районах Шотландии и датируются 1У-У1 веками.

Многие из этих заколок и брошей богато украшены эмалью. Особенно интересная эмалированная заколка происходит из клада в Норрис Лоу в Файфе. Кроме эмали она украшена кельтскими и пиктскими узорами, увенчанными маленьким крестом, и может датироваться концом VII века по византийским монетам, составляющим часть того же клада. В том же кладе найдена большая серебряная дугообразная брошь[27].

Со II века н. э. кельтское возрождение, последовавшее за упадком Римской империи, привело к более тесному единству между Ирландией и Шотландией и последующему единому художественному развитию, а с образования ирландского королевства в Аргайле можно говорить о перерастании этого тесного единства в общую культуру. На протяжении этого периода и в особенности на протяжении последующих столетий под влиянием и покровительством христианской церкви орнаментация металлических изделий и драгоценностей обогатилась большим количеством новых приемов. Не только намного возросло употребление красной эмали, но поверхность предметов стала инкрустироваться цветным стеклом, полудрагоценными камнями, гранатами и даже янтарем. Из галло-римского ювелирного искусства была принесена техника миллефиори. Вероятно, именно в этот период ирландские художники научились паять и вставлять в оправу прекрасные золотые изделия — техника, превосходно подходящая для традиционного кельтского орнамента из ломаных линий.

Два главных сокровища, выделяющихся из общего ряда великолепных произведений местного кельтского ювелирного искусства,— брошь из Хантерстона (Шотландия) [илл. 72] и брошь из Тары (Ирландия) [илл. 73]. Первая[28] 41/2 х 43/4 дюйма в диаметре, ее заколка 5 1/2 дюйма в длину. По своей форме брошь из Хантерстона представляет собой замкнутое серебряное кольцо, разделенное рубчиками на сегменты. Большие по размеру сегменты заполнены зооморфными переплетающимися узорами и кельтскими спиралями расширяющимися концами, а угловое пространство и меньшие сегменты усеяны янтарными вставками. Изящество и прекрасные пропорции изделия демонстрируют безошибочное чувство композиции, характерное для всего кельтского искусства и которое мы вновь обнаружим в иллюминировании рукописей. Интересная подробность — два имени, нацарапанные на плоской задней поверхности броши руническими буквами скандинавского типа, характерного для Гебрид, и датируемые приблизительно X веком, указывают на то, кто был владельцем этой вещи. Надписи **[370]**сделаны на скандинавском языке; их можно перевести так: «Олфрити владеет этой брошью» и «Маелбрита владеет этой брошью». Имена, первое скандинавское и второе ирландское, тоже указывает на культуру смешанного норвежско-ирландского королевства на Гебридских островах.

Великолепным образцом, поистине жемчужиной всего ирландского ювелирного искусства является брошь из Тары. Как и брошь из Хантерстона, эта кольцеобразная брошь с длинной заколкой, прикрепленной **[371]**к маленькому кольцу, датируется началом VIII века[29]. Она сравнительно невелика по размерам, одна из самых маленьких орнаментированных брошей, только 3 1/2 дюйма в диаметре и первоначально составляла пару с другой брошью,

соединенной с ней толстой проволокой. Вероятно, обе они носились на плечах и были застежкой платья. Брошь из Тары сделана из бронзы и украшена и с лицевой, и с задней стороны. Поверхность броши разделена на отделения рельефной отливкой и украшена декоративным изящным и элегантным рисунком. Узоры на небольших сегментах представляют собой орнамент из завитков, выложенных проволокой из чистого золота, перемежающейся мельчайшими золотыми выпуклостями. На крупных сегментах изображены переплетающиеся удлиненные фигуры птиц, выполненные в сходной технике. По краям броши выступают птичьи и звериные головы. Изображения птиц уникальны для ювелирных изделий подобного рода и весьма напоминают фигуры на полях Евангелий из Линдисфарна. Красная эмаль и янтарь, маленькие кружки из синего и красного стекла и крошечные человеческие головы, вырезанные на аметисте, добавляют новые краски к изяществу этой жемчужины искусства и ремесла.

В нашем кратком обзоре мы можем лишь упомянуть о великолепии и разнообразии металлических изделий раннехристианского искусства VIII и IX веков в Ирландии. В частности, церковь обогатила свое убранство предметами, которые пробуждали воображение неграмотной паствы и связывали церковь в сознании людей с красотой и блеском, отсутствующим в их повседневной жизни. Все блестело и сияло. Чаши на алтарях были усыпаны драгоценными камнями и украшены серебром и золотом. Евангелия были заключены в богатый переплет и вставлены в обильно орнаментированные футляры (cumdach), представляя собой желанную добычу для воров и грабителей. В ковчегах хранились церковные реликвии. В раках мощи святых. Упомянем ковчег, найденный в могиле викинга под Копенгагеном и, несомненно, привезенный в качестве трофея из Ирландии *(Henry. I.* A. C. P., p1. 27Ь), и раку из Мони-маска (Абердиншир), украшенную вставками из красной и желтой эмали и искусным узором. К подобным реликвиям, несомненно, можно отнести и *Brechbrennoch,* которым, согласно традиции, владел св. Колумба и считавшийся чудотворным, так же как *Cathach* (знаменитый Псалтырь) в Ирландии. Искусными бронзовыми украшениями отличались епископские посохи [илл. 74]. Особую гордость вызывает посох из Келлса, ныне находящийся в Британском музее[30]. Тесная связь между бронзовым и эмальерным производством и церковью прослеживается в складах литейщиков, с тиглями, щипцами и иным инструментом, найденными в монастырских окрестностях, например, в монастыре **[372]**Нендрум на острове Махи, на Стренгфордском озере. Маленький размер предметов и фрагменты красной эмали, все еще обнаруживаемые в тиглях, доказывают, что здесь изготавливались только такие небольшие предметы, как те, что мы обсуждали выше.

Чаша из Арды [илл. 75, 76] заслуженно считается самым знаменитым произведением раннехристианского ирландского литейного мастерства и была, очевидно, самым драгоценным предметом на церковном алтаре. Это большая чаша с двумя ручками, изготовленная из кованого серебра. Ее серебряная ножка была украшена золотом, позолоченной бронзой и эмалью *(Henry.* A. I., p1. 120г., pls. 107, 108). Она могла бы показаться массивной, если бы не симметричность и пропорциональность чаши и ножки, соединенных золотым обручем, простота полированной серебряной поверхности и ослепительные вставки из золота, красной и синей эмали на единственной ленте узора у верхушки чаши, а также форма ручек и места их прикрепления. Все это подчеркнуто изящно выгравированными парными широкими линиями, разделенными слегка вдавленными точками, выделяющими части присоединения ручек на плоской поверхности чаши. Сходной изящной гравировкой на поверхности чаши написаны имена апостолов и выполнен звериный орнамент. Контрастные детали и осознание ценности свободного пространства в композиции сочетаются с совершенным художественным вкусом. **[373] [374]**

Нам сложно представить себе общество, в котором такой шедевр церковного искусства, как Чаша из Арды и прекрасные иллюминированные рукописи, могли быть адекватно оценены и вознаграждены аристократией, образ жизни которой определялся столь древними институтами, как Законы Брегонов, и которая стремилась сохранить идеалы общества «Героического Века». Чаша из Арды принадлежит миру отшельнической поэзии. Введение христианства привело к возникновению дихотомии в идеалах

раннехристианской Ирландии. И все же оба идеала сохраняют абсолютно ирландский характер, а вливание в искусство и поэзию церковной культуры наряду с сохранением героических стандартов и устных литературных форм древнего кельтского мира порождает в первом тысячелетии нашей эры особую форму идеализма и приводит к возникновению новой культуры, которая стала величайшим даром этого дальнего западного острова европейскому обществу.

Ювелирное искусство и искусно сделанная бронзовая церковная утварь постоянно напоминают нам о великих иллюминированных рукописях VII-IX веков. Неоднократно подчеркивались параллели между определенными деталями Броши из Тары и Евангелий из Линдисфарна (последние, возможно, следует относить к 710-720 гг. н. э.). Сходство в начертании букв на Чаше из Арды с заглавными буквами Евангелий из Линдисфарна не только подтверждает тесную хронологическую связь между ними, но и говорит о том, что оба предмета являются произведениями одного художественного периода. С другой стороны, некоторые предметы, а именно ременные пряжки в корабельном погребении Саттон-Ху, теперь датируемые примерно 625 г.[31], демонстрируют сходные мотивы, поэтому становится все яснее, что с середины VII века художественная жизнь всех Британских островов развивается в неразрывном единстве.

Тому же периоду и художественной фазе мы обязаны подъемом великой школы иллюминирования рукописей в Ирландии, прекраснейшего цветка кельтского искусства[32]. Местный кельтский стиль достиг своего высшего развития в период с VII до конца VIII или начала IX века, то есть до первых набегов викингов. Именно к этому периоду местного кельтского художественного искусства относится появление таких шедевров, как Книга из Дарроу и Книга из Келлса. С конца VIII века начался постепенный упадок, продолжавшийся приблизительно до 850 г.

Кельтские рукописи этого периода распадаются на два типа: (1) большие Евангелия, написанные унциалом или полуунциалом и хранившиеся на алтаре; и (2) маленькие переносные книги, написанные курсивом, **[375]**всегда находившиеся под рукой, так сказать, «карманные издания». Почти все иллюминированные рукописи — Евангелия; особенно впечатляют первые страницы каждого Евангелия, составленные главным образом из огромных начальных монограмм, украшенных великолепным орнаментом. Левая страница, лежащая рядом с началом текста, почти всегда целиком покрыта удивительными и чрезвычайно разнообразными узорами и известна под названием «ковровая страница». В дополнение к этой странице или же вместо нее в начале каждого Евангелия находится символ евангелиста или его портрет. Ковровые страницы и страницы с символами часто обрамляются плавными узорами из переплетающихся лент традиционного коптского типа (Henry, A. I., p1. 31, 60), в то время как в монограммах используются исключительно спирали и завитки (ibid., p1. 61).

Древнейшая иллюминированная рукопись, создание которой относят примерно к 650 г. или немногим позже,— небольшое Евангелие, известное как Книга из Дарроу [илл. 77, 78][33]. По своей сдержанности и совершенному мастерству композиции и рисунка она, возможно, представляет вершину ирландского искусства иллюминирования. Эти качества в Книге из Дарроу обозначают кульминацию традиции, каковы бы ни были ее истоки. Создатель Книги из Дарроу использует в больших заглавных буквах в начале Евангелия традиционный линейный спиральный орнамент. Узоры ковровых страниц и страниц с символами евангелистов окаймлены более древними переплетающимися ленточными узорами, сравнимыми с узорами на крестах из Карн-донаха и Фахана. Использованные цвета сводятся к четырем: коричневому, красному, желтому и зеленому, которые вместе дают впечатление мягкой красоты осенних листьев, контрастируя с блестящей полихромией поздних рукописей, особенно Книги из Келлса, с ее щедрым использованием синего цвета. Ни в одной из этих книг не используется сусальное золото. Это дело будущего. Интересно отметить, что цвета Книги из Дарроу идентичны цветам более поздних сирийских рукописей, представляющих, вероятно, архаическую традицию; сходство отмечается и в использовании этих цветов для широкого ленточного орнамента. Рукопись содержит несколько листов, полностью покрытых орнаментом, напоминающих один из прекрасных восточных ковров, которые и на самом деле благодаря легкости транспортировки могли оказать непосредственное влияние на творчество ирландского

художника.

Самую характерную черту этого Евангелия составляют страницы с символами евангелистов — как страницы с их изображениями, так и страницы, разделенные на части, содержащие символы. В данном **[376] [377] [378]**случае рукопись из Дарроу объединяет с Чашей из Арды относительно отчетливое осознание важности пустого фона, который художник использовал для придания основному рисунку большей рельефности. Особенно поразительно изображение человеческих фигур, создатель которых сознательно избегал реализма и которые в результате стали чрезвычайно напоминать иконы. Фигура св. Матфея [илл. 78, см. также илл. 79], без рук и с двумя параллельно поставленными ногами, повернутыми ступнями в правую сторону от оси тела, одетая в пестрое платье, напоминает скорее мозаику, чем рисунок, но на чистом белом пергаментном фоне, окаймленная лентообразным узором, эта фигура предстает произведением зрелого искусства, не столько началом традиции, сколько ее кульминацией. Эти фигурные панели, как мы можем назвать их, и Конкордансы к Евангелиям, окаймленные сводчатыми узорами, находят свои ближайшие аналогии в сирийских Евангелиях, написанных монахом Рабуллой в VI веке[34], и, как многие черты в ранне-кельтской церкви, несомненно, обязаны своим возникновением влиянию Восточного Средиземноморья.

Из всех ирландских произведений искусства главным сокровищем, по общему мнению, является Книга из Келлса [илл. 79, 80], она занимает среди больших Евангелий положение, равное Книге из Дарроу. Ее точное происхождение неизвестно, она была создана то ли в ирландском монастыре Колумбы на Ионе, то ли в самой Ирландии; датировка тоже неясна, но наиболее вероятным представляется начало IX века. Келлс начиная с конца IX и на протяжении всего X века неоднократно подвергался опустошительным набегам и грабежам, но первое историческое упоминание о самой рукописи сообщает нам, что она хранится в церкви Келлса, так как в *Анналах Ульстера* под рубрикой, относящейся к 1006 г., мы читаем: «великое Евангелие Колумкилле было нечестиво похищено ночью из западной ризницы большой каменной церкви Келлса — главная реликвия западного мира по своим украшениям», и что она была найдена позже, уже без золотых украшений и спрятанная под дерном. В 1661 г. рукопись попала в Тринити Колледж, Дублин, где и хранится до сих пор.

Этот кодекс[35] относительно большого размера и состоит из толстых гладких пергаментных страниц, на которых текст написан прекрасным полуунциалом, характерным для большего числа ирландских рукописей. Содержание очень разнообразно. Первая страница содержит некоторые слова из иврита и их латинские эквиваленты, а также символы евангелистов — человек или ангел для св. Матфея, лев — для св. Марка, телец — для св. Луки, орел—для св. Иоанна. Следующие восемь иллюминированных страниц заполнены Каноном Евсевия и написаны **[379] [380]**узкими колонками, окаймленными декорированными столбцами. Folio 7v содержит иллюстрацию, занимающую весь лист и изображающую Деву Марию с Младенцем и прислуживающими ангелами в богато декорированном обрамлении. Изображения фигур, и здесь, и в портретах евангелистов св. Матфея и св. Марка, хотя гораздо более приближенные к реальности, чем рисунки в Книге из Дарроу, осознанно стилизованы. Мы вновь вспоминаем об эмалированных и металлических иконах или монашеских работах; это искусство столь же далеко от античных идеалов, как змеи, рыбы и птицы в переплетающихся на краях страницы узорах отдалены от своих зоологических прототипов. Это — искусство намека, а не ясного очертания, а намек — творение кельтского воображения, недоступное научному анализу.

Эта иконографическая трактовка крупных человеческих фигур, конечно же, не является случайной. Парадоксально, что многие фигуры ангелов и людей меньшего размера, введенные в орнамент, вполне реалистичны. Маленькая человеческая фигурка, нарисованная выше начальных слов Евангелия от Матфея, и великолепная голова, которой заканчивается завиток буквы P на странице с монограммой [илл. 80], прекрасно вписываются в богатые и разнообразные узоры на этих чисто декоративных страницах, нисколько не нарушая общее впечатление. Возможно, именно на этом листе с монограммой художник демонстрирует свое мастерство композиции, удачно уравновешивая в своем рисунке самые разнородные элементы. На маленьком участке у основания большой инициали Chi находится маленькая миниатюра, изображающая двух крыс, грызущих

церковную облатку, за которыми наблюдают две кошки, одна черепахового цвета, другая пятнистая, а еще две крысы сидят на их спинах. Может быть, это символ мира, когда лев и агнец будут лежать рядом? Или это прихоть художника, как заметки писцов на полях?

Именно на этих орнаментальных страницах с особенной яркостью проявляется сочетание изобретательности и художественного чутья ирландских мастеров. Заключено ли изображение в жесткую рамку, как в большом восьмикружном кресте (fo. 33v), или же извивается и загибается маленькими кружками, заполняя великолепную большую страницу с монограммой в Евангелии от Матфея (fo. 34r); или же ограничивается более геометрическим окаймлением, как в первых словах Евангелия от Марка, богатые свитки, трубообразные мотивы и лентообразные изгибы соединяются и расходятся, перетекают друг в друга, переплетаются и свиваются только для того, чтобы разойтись опять в бесконечном разнообразии, контролируемом лишь интуицией и замыслом художника. Линии орнамента постоянно вызывают в памяти прекрасные **[381] [382]** изделия из проволоки, а также богатую полихромию и ювелирные изделия. Далеко в прошлом остались мрачное достоинство, строгость, темные осенние цвета Книги из Дарроу. В Книге из Келлса мы видим безграничную изобретательность и блестящую игру воображения совсем другого времени. Это изобилие узоров, эта щедрость орнамента рассеяны по всей рукописи и вызывают непрестанный восторг, когда яркий, фантастичный, изящный рисунок появляется, часто без очевидного мотива, на полях, между строк, по всему тексту.

Начиная с VII и VIII века знаменитые ирландские монастыри, источник наших сокровищ раннеирландского искусства, становятся объектами опустошительных грабежей викингов, и монахи, вынужденные уходить в более безопасные места, иногда забирали с собой книги, так что становится все сложнее точно указать место написания той или другой рукописи. Монахи из Линдисфарна, разграбленного викингами в IX веке, в конце концов поселились в Дареме, где фрагментарное Даремское Евангелие сочетает в себе подражание Книге из Дарроу и тесно связанный с ней линдисфарнский стиль оформления книги. Знаменитая Книга св. Чада, ныне хранящаяся в Личфилде (Moreau, p1. 103; Henry, A. I., p1. 98), но о которой известно, что перед концом VIII века она находилась в Уэльсе, близкородственна этим древнейшим ирландским рукописям[36]. Рашвортские Евангелия или Евангелия Мак Регола *(Henry.* A. I., pls. 110, 287), в X веке находившиеся на севере Англии, вероятно, происходят из аббатства Берр в графстве Оффали. Стиль прекрасных Евангелий из Эхтернаха столь тесно связан с Книгой из Линдисфарна и Даремским Евангелием, что обычно считается, что Кодекс из Эхтернаха был написан и украшен в Нортумбрии в начале VIII века и перевезен на континент. Однако в отдельных деталях проявляется влияние ирландского искусства — Книги из Дарроу. Как отмечает Ф. Анри, большой лев, символ св. Марка, «прыгающий, подобно пламени, вздымая пучок золотых завитков, через панель из прямых линий», ведет себя как «можно было бы ожидать от звериных символов Дарроу, раз уж они достаточно осмелели для того, чтобы начать двигаться» (I. A. E. C. P., p. 129).

Влияние искусства своей страны этого периода было принесено ирландскими монахами в континентальные монастыри, некоторые из которых поддерживали тесные контакты с Ирландией в VIII и IX веках. Другие монастыри, такие как Люксей, Санкт-Галлен и Боббио, были основаны ирландцами в VII веке. Обычно считается, что монахи, бежавшие на континент от викингов, привезли с собой свои книги, и несомненно, в некоторых случаях так оно и было; но ирландское влияние на континентальную книгу, вероятнее всего, объясняется тем **[383]**фактом, что под воздействием монашества в Ирландии в предшествующий период искусство, ученость, письменность и производство книг стали национальным достижением и предметом торговли. В этих же областях ирландские монахи продолжали проявлять себя и на континенте.

С конца VIII века церковный кельтский стиль, с его изобилием спиралей, трубообразных мотивов и чисто геометрических переплетений, начал приходить в упадок, все больше смешиваясь с переплетающимися зверями и птицами, которые были общим достоянием исконного кельтского и германского искусства того периода. Около 850 г. ирландский стиль начал испытывать влияние искусства викингов, принесших с собой так называемый йеллингский стиль из Норвегии, который сам возник в результате имитации ирландского орнамента. Появившийся в итоге гиберно-викингский стиль успешно развивался в

Ирландии и на острове Мэн, а после победы ирландцев при Клонтарфе в 1014г. возрождение церкви вызвало восстановление и создание новых шедевров церковной утвари. В течение периода приблизительно с 1000 по 1125 г. были восстановлены и украшены большинство футляров для Евангелий и епископских посохов. В конце этого периода появляются самые богатые и искусно украшенные образцы церковной утвари, рака колокольчика св. Патрика [илл. 81], крест из Конга [илл. 82], рака руки св. Лахтина и епископский посох из Лисмора [илл. 74].

В действительности, начиная с середины X века ирландское искусство почти полностью перешло в церковное русло, и к моменту начала англо-норманнского завоевания появление иностранных монашеских орденов и роль, которую играло Кентербери в «гиберно-датской» епархии, уже проложили путь для проникновения нового стиля в искусстве и архитектуре, происходящего из континентальных источников. В новых норманнских стилях мы можем заметить лишь редкие следы древних кельтских традиций. Примером могут служить каменные головы на Часовне Кормака в Кашеле [илл. 83], где кельтские отрубленные головы наложились на поздние норманнские и средневековые черты.

Устойчивость ирландской традиции, а на самом деле жизнеспособность кельтской традиции в целом на всех Британских островах, наиболее полно проявляется в скульптурных каменных крестах. Мы уже видели, что искусство и техника каменной скульптуры, которые развились в латенский период, продолжает свое существование в тесном единстве с искусством последующих периодов, образуя непрерывную традицию до Средних веков. Большое количество крестов и богатство их узоров являются ценным дополнением к нашим знаниям об искусстве, запечатленном в более редких и более подверженных исчезновению **[384]** **[385]**изделиях из металла и пергамента. Некоторые примеры, такие как кресты из Фахана и Крест Муйредаха из Монастербойса, дают нам возможность составить определенное представление об их хронологии по нанесенным на них надписям. Еще чаще их можно классифицировать на школы и периоды по количеству и точному месту расположения. Тем самым путем сопоставления мы можем установить их близость с переносными предметами меньших размеров, происхождение которых неизвестно.

Древнейший тип ирландских скульптурных крестов — кресты, вырезанные на плоской каменной поверхности вертикальных плит, подталкивающие нас к сравнению их с рисунками на странице рукописи. Основу скульптур составляют вертикальные плиты или стелы, на которых либо высечен, либо неглубоко вырезан простой крест или сцена распятия и другие фигуры, по большей части человеческие *(Henry.* A. I., pls. 49-56). Ввиду очевидного влияния христианской церкви Восточного Средиземноморья на раннеирландское христианство естественно **[386]** **[387]**предположить, что в конечном итоге эти раннеирландские памятники восходят к коптским стелам. В Ирландии кресты такого типа не редки и создавались на протяжении нескольких периодов, иногда соседствуя с крестами поздних типов. Наиболее интересны и искусны по исполнению кресты из Фахана [илл. 88, 89] и Карндонаха, оба находятся неподалеку от Инишоуэна в Донегале. **[388]**

Кресты составляют единую группу, взаимосвязи внутри которой определяются как особенностями изображения фигур, так и присутствием широких лентообразных узоров, занимающих все внутреннее пространство креста из Фахана и с восточной, и с западной стороны. Восточная сторона более строга по своему стилю и в определенных деталях напоминает коптские стелы; западная гораздо свободнее, ленточные переплетения вторгаются на ребристый окоем, а по бокам основания креста находятся две маленькие фигуры, напоминающие по своим негнущимся одеяниям и отсутствию прорисовки рук фигуру св. Матфея в Книге из Дарроу. Крест из Фахана необычайно интересен и тем, что на нем четкими греческими буквами высечена надпись, являющаяся греческой версией формулы Gloria Patri: «Слава и честь Отцу и Сыну и Святому Духу». Именно эта формула, воспроизведенная на кресте из Фахана, упоминается в канонах 13 и 15 четвертого Толедского собора, состоявшегося в 633 г., и была заменена примерно в это время более современной формой «Слава Отцу», но продолжала употребляться в **[389]**мосарабской литургии и широко использовалась в греческих литургиях по меньшей мере до IX века.

Вероятно, она была скопирована в Фахане со страницы какой-то греческой рукописи в VII веке — эта датировка подтверждается и другими данными *(Henry.* A. I., p. 162f.).

Фахан в VII веке был важнейшим монастырем колумбовской традиции и находился под покровительством ветви северных Уи Нейллов, одна из резиденций которых располагалась неподалеку в замке Айлех [илл. 23, 24]. Крест из Карндонаха, с другой стороны, расположенный лишь несколькими милями к северу, производит гораздо более грубое впечатление, как по исполнению, так и по рисунку. Его можно считать провинциальным бедным родственником изящного и искусно выполненного креста из Фахана, хотя он, очевидно, относится к той же школе и тому же периоду. Это высокий узкий столб из песчаника, одна сторона которого полностью покрыта двуконтурными лентами, а другая отчетливо вырезанными фигурами, составляющими непрерывный рисунок, в центре которого находится овал с головой Христа во Славе. Другие стилизованные фигуры, без прорисовки рук, сгруппированы на той же (восточной) стороне креста, и крест связан с двумя небольшими столбами (A. I., p1. 59), на которых вырезаны разные слегка схематизированные фигуры: воин, клирик, арфист и Иона, вылезающий из кита. Мы стоим на пороге сюжетных сцен поздних больших крестов, а на близлежащем кладбище находится другой крест той же школы. Между тем донегальская школа не ограничивается Фаханом и Карндонахом. но оставила свои следы на острове Инишкил, на Кэр и островах Тори.

Теперь мы покидаем кресты, вырезанные на плитах, и оказываемся в ином, исконно кельтском мире. Высокие кресты характерны исключительно для Британских островов. Они не имеют параллелей в континентальной скульптуре того периода, но в изобилии распространяются с VIII по XII век по всем Британским островам, не только в Ирландии (в особенности в центре и на юге), но и по всей Англии, в Корнуолле, Уэльсе, на острове Мэн и в Западной Шотландии. Местный характер этого явления не подразумевает единого характера. Искусство кор-нуолльских[37] и валлийских крестов[38], а также крестов Юго-Западной Шотландии [илл. 90] представляет собой по большей части геометрические переплетающиеся лентообразные и узловидные мотивы, и в художественном отношении беднее ирландских и в высшей степени оригинальных пиктских крестов; но в общем все они отличаются безупречной техникой исполнения, что еще более заметно, так как эти геометрические узоры, особенно углевидного типа (см. Крест из Кэрыо, илл. 91), поражают скорее искусством резьбы, чем своей красотой. Небольшой сдвиг резца может испортить всю панель. Столь широкое **[390] [391]** распространение высоких крестов и великолепная техника их выполнения оставляет исследователей в недоумении, так как мы не располагаем данными, которые говорили бы о существовании каких-либо предварительных стадий или о постепенной эволюции этих крестов. Даже если мы постулируем предварительное существование этих узоров на металлических изделиях, их безупречное перенесение на камень выглядит не менее загадочным. Вероятно, прообразы высокого креста, как и стелы, следует искать в христианских странах Средиземноморья, в Армении или где-то в Византийской империи, где политические потрясения, такие как арабское завоевание и иконоборческое движение, конечно же, стали причиной отъезда многих превосходных художников.

Ирландские высокие кресты представляют собой тяжелые каменные сооружения, обычно помещенные на массивные, иногда высокие ступенчатые постаменты. Они распадаются на несколько больших групп. Первая группа лучше всего представлена двумя крестами из Ахенни в Типперери, датируемыми приблизительно 750 г. *(Henry.* A. I., p. 170). Кресты из Лоррхи и два южных креста из Клонмакнойса [илл. 92, 93] датируются концом того же столетия. Крест из Муна [илл. 94] также относится к VIII веку, судя по сходству с крестами первой группы. Все кресты этой группы тесно связаны по стилю с металлическими изделиями начала VIII века, а иногда могут датироваться по своему сходству с металлическими изделиями, обнаруживаемыми в могилах викингов начала IX века[39]. Вся поверхность камня обычно покрыта непрерывным орнаментом, напоминающим вышивку, каждый орнамент заключен в окаймленную панель. В орнаменте часто сочетаются спирали с плетеночными мотивами и звериными головами, появляются и греческие меандры. На крестах из Ахенни, Килкиерана и Лоррхи вся поверхность камня покрыта спиралями и плетенкой, а сцены с человеческими фигурами располагаются только на

постаментах. На кресте из Ахенни мы видим всадников и процессии. В других случаях, как на крестах из Килрея и Килламери, сюжетные сцены размещаются на самом кресте и даже на его перекладине. На Южном кресте из Клонмакнойса сцена распятия изображена чуть ниже верхушки. Все эти сцены, как и фигуры на кресте из Муна, вырезаны очень неглубоким рельефом. Крест из Муна замечателен по своему стилю, с маленькой верхушкой и тонким стволом, поднимающимся из высокого, но узкого пирамидального основания. На нем почти нет орнамента, а поверхность по большей части разделена на панели, содержащие геометрические фигуры и животных. По своей экономии деталей и подчеркнуто строгой простоте фигур это один из самых оригинальных и впечатляющих памятников. **[392] [393] [394]**

Ко второй группе относятся кресты школы Клонмакнойса. Эта школа датируется приблизительно концом VIII или началом IX века по надписи на кресте из Белина, который был перенесен с места первоначального размещения в Белин под Атлоном[40]. Эта датировка подтверждается сходством в деталях орнамента и изображений зверей с орнаментом Книги из Келлса и Книги из Армы. Резьба все еще очень неглубока, а изобильный орнамент состоит из переплетающихся и сложных спиралей и зверей. К этим мотивам добавляются нарративные охотничьи сцены, размещаемые большей частью на панелях. Прекрасные примеры подобных сцен можно увидеть на кресте из Банахера. Эти поразительные кавалькады всадников и охотников иногда почти идентичны процессиям воинов и охотников на пиктских крестах, уникальных для западного искусства того периода. Они бесконечно повторяются в различных вариациях на пиктских скульптурах [илл. 95, 96]. Их непосредственный источник неизвестен, но изображения всадников продолжают появляться на ирландских крестах до XI и XII веков. **[395]**

С другой стороны, более оригинальную форму и рисунок демонстрируют кресты Ионы и ирландского королевства Аргайл, что видно уже по кресту из Белина. В этой группе крестов пересечение вертикального столба и перекладины заключается в круг, который может составлять часть массивной верхушки или может быть перфорирован. Резьба выполнена более рельефно; очень интересно появление крупных шишек, выступающих из центрального диска и на оконечностях поперечной перекладины. Они отчетливо напоминают металлические изделия, на которых шишки из коралла или эмали использовались для маскировки металлических гвоздей, как можно видеть по кладу из Снетти-шема в Норфолке, пряжке из Саттон Ху и некоторым другим изделиям.

Кроме искусно выполненных конных процессий и сцен охоты, подавляющее большинство фигур и сюжетных сцен на крестах носят библейский характер. Центральная тема — Распятие, но большинство изображений как в Ирландии, так и в Шотландии иллюстрирует сцены из Ветхого Завета, как будто подготавливая зрителя к восприятию Распятия. Основными сюжетами являются Грехопадение, Даниил в яме со львами, Иона и кит, три юноши в Огненной Пещи (из апокрифов), жертвоприношение Авеля, Давид в облике арфиста и воина и некоторые эпизоды из «Жития св. Антония».

Этот нарративный репертуар, который мадемуазель Анри удачно назвала «теологией в камне» (S. I., p. 160), воспроизводится на ирландских крестах на протяжении IX и X веков, после чего бесследно исчезает. Он совершенно отсутствует на крестах XI и XII веков, а создатели таких крестов, как крест из Дисерт О'Ди, возвращаются к прежним орнаментам — уже не к спиралям, но к изображениям зверей — следуя в русле национального возрождения, отраженного в литературе и деятельности писцов того периода, и воссоздавая художественную традицию довикингской Ирландии.

Примечательно, что в первой половине IX века вторжения викингов достигли своего пика, и это привело к широкомасштабному разрушению ирландских монастырей; однако, что кажется нам необъяснимым, некоторые из них были оставлены в неприкосновенности, а промежуточный относительно мирный период в конце IX и начале X века подарил нам ряд прекраснейших крестов. Это относится к крестам из Келлса и Монастербойса. Кресты этой группы, по всей видимости, образовывали однородную лейнстерскую традицию с центральной школой скульптуры в Монастербойсе, продолжавшую непрерывное существование до XII века.

Стиль изображения Распятия чрезвычайно разнообразен в зависимости от времени и

места создания крестов, но неизменной чертой **[396]**ирландских крестов является присутствие по бокам ножки креста двух маленьких фигур, одна из которых поднимает губку, а другая держит копье, как на незаконченном кресте из Келлса. Мы уже видели их на стелах из Фахана и Карндонаха (см. выше с. 389), и они же появляются на позолоченном бронзовом диске VIII века из Атлона [илл. 97]. Они еще раз подтверждают тесную взаимосвязь между изображениями на металлических и каменных изделиях. На ирландских крестах в сцене Распятия ни разу не фигурируют св. Иоанн и Дева Мария. На ранних крестах Распятие обычно вырезано неглубоким рельефом на небольшом пространстве и иногда размещается относительно невысоко, увенчиваясь изображением Христа во Славе, как на крестах из Муна и Карндонаха. В этой и в некоторых других деталях, например встрече св. Павла и св. Антония и «Бегстве в Египет», иконография ирландских крестов демонстрирует определенные черты сходства с Рутвелльским крестом из Дамфрисшира [илл. 98]. **[397] [398]**

На ирландских крестах редко можно увидеть растительный орнамент, и мы не сможем обнаружить ничего, что напомнило бы нам растительные панели больших английских и шотландских крестов — из Рутвелла, Быокасла, Джедборо и Акки. Среди сцен на ирландских крестах наряду с сюжетами, заимствованными из каролингской и византийской иконографии, мы находим реалистичные сцены охоты, возможно обладавшие символическим значением, но, несомненно, принадлежавшие к традиционному репертуару скульптора. Каков был прямой источник сюжетов, в которых чудовища ведут постоянную борьбу друг с другом, со змеями, пожирают человеческие головы, даже людей, напоминая древнее кельтское искусство Вача и Эсте и кельтиберскую статую Тараске [илл. 60]? Как мы можем интерпретировать сочетание панели на кресте из Ахенни, изображающей всадников и людей на колесницах, отправляющихся со своими собаками на охоту, с соседней панелью, изображающей похоронную процессию, в которой обезглавленное тело везут на лошади, за которой следует человек, несущий голову, а перед процессией идут люди с крестами?

Форма креста и трактовка Распятия с течением времен подверглись полной трансформации. Мы видели, что древнейший образец креста представлял собой лишь неглубоко вырезанный символ на плоской каменной плите, напоминающей страницу рукописи. Постепенно развивается техника рельефа, гравировка становится все отчетливей, исчезает эффект страницы, как это происходит, например на пиктских крестах из Глэмиса [илл. 96] и Аберлемно [илл. 95]. Основной становится архитектурная структура креста. В Ирландии верхушка высоких крестов обычно окружена и усилена кругом или «колесом». Этот тип креста распространен в Шотландии только в ирландских районах — в Аргайле и на Гебридах, и относится к IX и X векам[41]. Из поперечной перекладины и верхушки колесных крестов выступают тяжелые шишки, например на крестах св. Мартина [илл. 86] и св. Иоанна с острова Иона, и из центра Килдалтонского креста на острове Айлей. В большинстве этих больших колесных крестов главное положение занимает фигура Христа, располагаясь в центре пересечения перекладин, даже вторгаясь на оконечности и на перекладины, например в Каслдермоте *(Henry.* I. H. C., p1. 23) и на рыночном кресте из Келлса (ib., p1. 31), Кресте Муйредаха в Монастербойсе [илл. 85] и Кресте Писания в Клонмакнойсе [илл. 93]. В Ирландии крест становится распятием, на котором фигура Христа иногда изображается рельефно, в сущности представляя собой независимую статую, как на кресте из Дисерт О'Ди (I. H. C., p1. 62) и на испорченном кресте со Скалы Кашеля (ib., p. 64). **[399]**

Рассматривая островное кельтское искусство, мы наиболее подробно остановились на искусстве Ирландии, так как традиционное кельтское искусство, как и кельтская традиционная литература, сохраняется в своей богатейшей и наиболее консервативной форме именно на этом западном острове. В Великобритании эти типичные кельтские каменные сооружения распространены на гораздо более ограниченном пространстве. В Уэльсе находится множество каменных крестов, как рельефных, так и в виде отдельных изваяний, датируемых УП-1Х веками. Большинство из них плоские, но наиболее знаменит каменный столб в аббатстве Балле Крусис под Лланголленом, на котором начертана надпись в память о некоем Элисеге, жившем, вероятно, в VIII веке. Высокий крест на ступенчатом

постаменте характерен и для Уэльса, и для Корнуолла, но здесь не получили распространения сюжетные сцены, а изобразительное искусство обычно ограничивается геометрическими мотивами, покрывающими всю поверхность креста. Мастерство художника проявляется прежде всего в точном приложении узора к материалу и в безупречном его исполнении. Камни из Уитхорна и Кер-кмадрайна демонстрируют единство с этой традицией стратклайдской школы. И только с возникновением крупной иортумбрийской школы в начале IX века мы замечаем новый толчок, исходящий от континентальных мотивов, как от листообразных узоров меровингского искусства, так и от величественного достоинства и безмятежности Христа в сценах Распятия на крестах из Рутвелла и Быокасла.

Эти гравированные надгробные камни Западной Британии обладают для нас особой ценностью, так как, в отличие от ирландских скульптур, они богато испещрены надписями. В Уэльсе некоторые из этих надписей рассказывали о профессии и официальном статусе усопшего: доктор (medicus), магистрат (magistratus) или, как на погребальной табличке с неглубоко вырезанным крестом в Лланга́двваладре на острове Англси, установленной в начале VII века Кадван «самый мудрый и знаменитый из всех королей» (Catamanus, sapientia(s)imus opinatis(s)imus omnium regum). В Корнуолле обнаружено девять каменных надписей, по большей части сделанных латинским алфавитом, и лишь два — огамом. Одна надпись под Фаун (Fowey) особенно интересна, так как она, возможно, составлена в память о Тристане, герое ранней корнской романтической легенды. Корнские кресты, увенчанные колесом, датируются периодом начиная с X века и приписываются прямому ирландскому влиянию; но в целом изобразительное искусство сохраняет геометрический характер, как и в Уэльсе.

На острове Мэн находится более 90 гравированных камней[42], это по большей части недекорированные памятные плиты с вырезанными **[400]**на них крестами. Особенно интересна одна из них, с пятью выступающими шишками, в память о некоем Гуриате, по всей вероятности, представителе рода, из которого вышел Родри Маур (Великий), король Северного Уэльса (ум. 878 г.). Плита редкой формы, датируемая VIII веком, из Моголда, древнейшей и важнейшей мэнской церкви, украшена двумя маленькими архаическими крестами с кругом над ними, в который вписан ноготкообразный узор средиземноморского происхождения. Этот остров во все времена был центром пересечения культур окружавших его стран, и на нем обнаруживается множество каменных скульптур, иллюстрирующих скандинавскую мифологию и датируемых временами викингов. Контраст этому языческому репертуару представляет уникальная плита с изображением Распятия [илл. 99], относимая к VIII или IX веку, обнаруженная в Каф-оф-Мэн **[401]**на месте ранней кельтской часовни, несомненно принадлежавшей когда-то маленькому кельтскому монастырю. Человек, держащий в руке копье, стоит у основания креста, а на отпавшей стороне был, без сомнения, изображен человек с губкой. Одна деталь изображения не имеет известных иконографических параллелей. Это живой Христос, с открытыми глазами, аккуратно подстриженными волосами и раздвоенной бородой, полностью одетый, но не в один кусок ткани вроде савана, а в разнообразные вышитые и иным образом украшенные одеяния. В его ногах и руках отчетливо видны вбитые гвозди, но фигура производит впечатление не мертвого Спасителя, а скорее живого Царя, лишь недавно взошедшего на крест.

Рассмотрев художественную традицию Южной и Западной Британии, мы оставляем позади традиционное кельтское искусство. На самом деле мы уже покинули его с мэнским распятием. Северная и Восточная Шотландия располагает богатым «каменным альбомом», не имеющим ни предшественников, ни близких параллелей. Мы говорим об искусстве пиктов. Его древнейшая форма — цепочка символов, главным образом геометрических, а также схематично изображенные звери и птицы, великолепно вырезанные на необработанной поверхности валунов. Эти символы широко распространены, но до сих пор не получили интерпретации. До нас дошло около сотни примеров, датируемых периодом с VI по VIII век, а зоной их распространения является территория от Шетландских островов и Гебрид до залива Ферт-оф-Форт. С ними можно сравнить узоры, вырезанные на стенах некоторых файф-ширских пещер и обнаруживаемые на небольших предметах, таких как бронзовая тарелка из Лоуса, Ангус[43]; и серебряная листообразная тарелка из Ларго, Файф[44] (оба предмета теперь находятся в

Национальном музее Шотландии).

Пиктские резные работы позднего периода, датируемые VII-IX веками, представляют собой вертикальные обработанные плиты с рельефной скульптурой, отличающейся большим разнообразием и отражающей чуждое влияние — кельтский орнамент и изображение креста, хотя мы не находим среди них сцены Распятия. Здесь на передний план выходят реалистичные рисунки зверей и нарративные сцены из человеческой жизни. Хотя все еще продолжают изображаться символы, они уже сильно отличаются от символов предыдущего класса. В самом деле, стереотипная форма символов первого класса, характерная для северных пиктов, среди южных пиктов долины Тея на протяжении VIII века уступила место преимущественно реалистичному искусству. Вторжение плетеночных узоров, завитков и узлов предполагает возрастающее влияние кельтских государств. Более поздним периодом датируются **[402]**сходные скульптурные плиты большего размера, на которых мы уже не видим символов, но которые теперь сочетают с реалистичными мотивами камней второго класса черты, более характерные для искусства Нортумбрии и Ирландии. В действительности искусство пиктских народов представляет тесную параллель с их историей, которая для нас начинается в VI веке на пике их могущества при великом короле Бруде мак Маелхоне, rex potentissimus «Церковной Истории» Беды. Могущественная и высокоорганизованная держава могла поддерживать единство, широту распространения и высокое качество раннего пиктского искусства. Только таким образом мог возникнуть единый стандарт строгого, возможно, иератического искусства пиктского государства. Происхождение этого искусства, как и происхождение докельтского языка древнейших пиктов, остается совершенно неясным. Ранние пикт-ские скульптуры уводят нас за пределы кельтских королевств. **[403]**

Эпилог

Мы обнаружили, что кельты жили на юге Центральной Европы уже в 2000 г. до н. э., и видели, как позднее кельтские племена на западе дошли до побережья Атлантического океана и заняли Британские острова, а на востоке до Малой Азии. К IV веку до н. э. кельты стали, по численности и по обширности занимаемой территории, крупнейшим народом Европы. Затем наступил период упадка. Галлы Северной Италии были завоеваны римлянами, а племена к северу от Альп покорены или изгнаны со своих земель германцами. Галльская война Юлия Цезаря завершилась героической обороной Алезии Верцингеторигом. Его поражение и пленение в 52 г. до н. э. означали конец галльской независимости. Впрочем, галлы быстро воспользовались преимуществами римского гражданства и римского образования, и к концу IV века Галлия стала главным интеллектуальным центром Западной Римской империи. Галлы приобрели большую известность своим красноречием в публичных выступлениях и своим поэтическим искусством: хорошо известны имена поэта Авсония и епископа и писателя Сидония Аполлинария. Св. Иероним говорил о «богатстве и блеске галльской риторики»[1]. Это вполне согласуется с замечанием Катона Старшего, что древние галлы высоко ценили умение хорошо говорить (см. выше с. 37).

В доисторический период кельты внесли огромный вклад в область декоративного искусства в сфере изготовления каменных и металлических изделий. Стиль, известный под названиям латенского, характерный для кельтского изобразительного искусства, в сущности представляет собой набор абстрактных орнаментов и крайне схематичных изображений, в отличие от более возвышенного искусства Греции и **[404]**Рима, в центре которого стоял Человек. В этом можно видеть сознательный отказ от непосредственного отражения окружающего мира: когда художник изображает зверей, они предстают в самом фантастическом виде и являются лишь составляющими элементами в орнаменте их завитков, спиралей и плетенок, рисованию которых с таким удовольствием предавались кельты. Обычно считается, что конец латен-ского искусства наступил вскоре после того, как на кельтских землях доминирующим стало римское влияние, то есть около 100 г. н. э., но богатство воображения и чувство орнамента, отличавшие его, не исчезли без следа; а изделия и памятники римской Галлии многим обязаны древней традиции.

В Ирландии римское влияние никогда не получало большого распространения, и здесь сохранился древний стиль, достигший наивысшего расцвета в Средние века. Из латенской традиции вышли превосходные металлические изделия, такие как Чаша из Арды и Брошь из Тары, иллюминирование таких рукописей, как Книги из Дарроу и Книги из Келлса, декоративные панели Креста Муйредаха в Монастербойсе.

Кельтскими державами в исторический период являются Ирландия и Уэльс с соответствующими ответвлениями в Шотландии и на острове Мэн, в Корнуолле и Бретани. Именно на Британских островах под воздействием христианства кельтский гений нашел свое наиболее полное выражение и достиг наивысших успехов. В Ирландию христианство пришло из Британии, и «к VI веку ирландское христианство превзошло христианство любой другой страны Западной Европы не только по силе и святости, но и по ревностной преданности учению и миссионерскому энтузиазму... Страстный энтузиазм, с которым ирландцы предавались изучению сакральной учености и гуманитарных наук начиная с VII века, ие имеет параллелей в остальной Европе... До VIII века существовало по меньшей мерс 50 важных центров, где доминирующим было ирландское влияние, располагавшихся на территории от Бретани на северо-западе до Вюрцбурга и Зальцбурга на востоке и от Ла-Манша… до Боббио»[2].

Внезапный подъем учености и святости в Ирландии в VI веке является экстраординарным фактом, предполагающим какую-то действенную причину. Вполне возможно, что Ирландия стала убежищем для ученых, бежавших от варваров из Галлии и даже, может быть, от мавров из Египта и принесших с собой эти монашеские добродетели[3]. В VI веке св. Колумба обратил шотландских пиктов, а Колумбан положил начало традиции странников *(Scotii peregrini).* От основания Клонмакнойса в 548 г. до основания ирландского монастыря в Ратисбоне в **[405]**1090 г. ирландцы оказывали мощное влияние на западную церковь. Тойнби утверждает, что на протяжении всего этого долгого времени они занимали высшую ступень культурного развития в Западной Европе[4], и хотя это утверждение может показаться слишком смелым, известные факты свидетельствуют об очень высоком уровне благочестия и учености ирландцев как в самой Ирландии, так и за ее пределами. Вергилий Зальцбургский (ум. 784 г.), прозванный Геометром, был аббатом Санкт-Петера и управлял Зальцбургской епархией более 30 лет. Он был знатоком космографии, а св. Бонифаций обвинял его в том, что он учил о существовании антиподов. Клеменс Скотт был главой Придворной Школы при Людовике Благочестивом. Его современник Дикуйл написал «Книгу об измерении земли» *(Liber de Mensura Orbis Terrae),* которая считается лучшей книгой по географии в раннее Средневековье[5]. Дунгал из Сен-Дени написал трактат о солнечном затмении. Донат, епископ Фьезоле с 826 по 877 г., был превосходным поэтом. Выше в нашей книге (см. выше с. 192-196) были упомянуты два великих имени, Седулий и Эриугена. И это лишь немногие из поэтов, ученых и святых, с которыми нас познакомили Траубе и его ученики[6]. К этому списку имен следует добавить свидетельства Боббио и Санкт-Галлена. «Для исследователя античности невозможно преувеличить значимость роли, которую сыграли ирландцы в деле сохранения классической литературы»[7].

На протяжении IX и X веков Ирландия разграблялась норвежцами, и монастырские школы подвергались многократным нападениям, так что, наверное, сотни беглецов искали покоя в ирландских монастырях Франции и Германии, от Перонны, Лаона и Реймса до Фульды и Вюрц-бурга. Их страсть к учению не пропала, и ирландская ученость на континенте никогда не достигала такого расцвета, как в IX веке, когда жило большинство из тех, кого мы упомянули выше.

Впрочем, ученость, литература, искусство выжили и в самой Ирландии, и даже процветали, несмотря на набеги викингов. Именно в период викингов были воздвигнуты некоторые из прекраснейших высоких крестов, не прекращалось и производство великолепных металлических изделий. На самом деле, до некоторой степени именно этой опасности, исходившей от норвежцев, мы обязаны сооружением красивейших колоколен, которые придают особое достоинство и благородство столь многим монастырям. Ранние «круглые башни», такие как башни Клонмакнойса, Келлса и Монастербойса, были построены в X веке, по большей части в качестве укреплений, в которые в случае

опасности можно было поместить реликвии, сокровища и книги и в которых могли укрыться сами монахи. Поднятая над землей дверь, **[406]**в которую можно было проникнуть только по лестнице, а также форма и расположение оконных проемов подтверждают оборонительный характер строений. Анналы фиксируют сожжение башни в Слане в 948 г., когда были уничтожены все реликвии и убиты некоторые монахи; о сходных бедствиях постоянно сообщается на протяжении второй половины X века. В некоторых башнях, таких как башни Килдара, Тимахо и Девениша, можно увидеть романские черты, и поэтому они датируются временем не ранее XII века. В этот период круглая башня рассматривалась уже как необходимая часть монастырских комплексов, даже когда монастыри не находились под постоянной угрозой. Прекрасная башня в Ардморе является превосходным образцом монастырской архитектуры того времени [илл. 45][8].

В литературе, как и в жизни, кельтские народы больше давали другим, чем извлекали для себя. В ранней ирландской литературе па первый план выходят две темы, тема природы и тема трагической любви. Куно Майер точно подметил, что ирландцы понимали художественный намек и питали склонность к недомолвкам: ранняя поэзия о природе, которую мы уже имели возможность рассмотреть, является хорошим тому подтверждением. Мотив обреченных влюбленных был занесен из Уэльса в Бретань и стал одним из основных сюжетов литературы Средневековья и Возрождения. Романы о короле Артуре, la matiere de Bretagne, считают другим даром Уэльса Европе, хотя их валлийские источники утрачены. После великолепного начала, отмеченного героическими темами, достойными Гомера, ирландская литература была погребена в рукописях. Обычай устного воспроизведения в домах знати постепенно был утрачен с распространением грамотности, а письменная форма повестей быстро выродилась в скучное многословие. Древние истории рассказывались лишь в крестьянских хижинах, но и там, превратившись в фольклор, они смешались с интернациональными сказочными мотивами, что повлекло за собой их значительные изменения. Финн заменил Кухулина, а наряду со сказками появились баллады. Воины Финна кажутся сказочными добродушными великанами.

В какой-то степени в Ирландии и Уэльсе еще до прихода норманнов закоснело само общество. Надежду на будущее могли дать только норманны, а местные творческие силы иссякали. В XI веке при Бриане Бороме в Ирландии началось возрождение учености и период реформ. Около 1045 г. на учебу в Ирландию приехал валлиец Сулиен и оставался там несколько лет, прежде чем вернуться в Уэльс и преподавать в аббатстве Ллабадарн Ваур[9]. В то же время началась вторая волна миссионерства в Германии. В 1067 г. ирландский монах из Донегала, **[407]**Муйредах мак Робартайг, отправился в паломничество в Рим с двумя спутниками. По пути они остановились в Ратисбоне и получили приглашение остаться там; они поселились в Вай-Санкт-Петере за пределами города, живя в отдельных хижинах по ирландскому обычаю. Муйредах, или Мариан по его латинскому имени, остался там до самой смерти в 1080 г. Вскоре после этого несколько его монахов основали новый монастырь, монастырь св. Иакова в Ратисбоне, и приняли Устав св. Бенедикта. Это было первое ирландское бенедиктинскос аббатство на континенте, в дальнейшем подобные образования получили название Schottenkloster. Выходцами из Ратисбона были основаны монастыри в Вюрцбурге и Вене, в Нюрнберге, Бамберге и Эйхштетте. Некоторое время до монгольского нашествия в 1241 г. существовал даже монастырь в Киеве. Эти аббатства поддерживали связи с Ирландией и на протяжении 300 лет привлекали монахов из родной страны — удивительное, почти случайное возрождение великих традиций Колумбана. Затем приток монахов из Ирландии прекратился, и монастыри один за другим перешли в другие руки. Монастырь св. Иакова теперь епархиальная семинария Ратисбона, Эйхштетт принадлежит германским капуцинам; только Schottenkloster в Вене сохранил свое название, и им до сих пор владеют бенедиктинцы, но уже не ирландцы [10].

В Ирландии в это время появляется школа поэтов-историков, известных под названием «синтетические историки». Упоминания заслуживают Кинаэд Уа Хартакайн (ум. 975 г.), Куан Уа Лотхайн (ум. 1024 г.), Фланн Майнистрех (ум. 1056 г.) и Гилла Коэмайн (ум. 1072). В этом ряду особыми заслугами отличается Фланн, если он действительно был

автором редакции «Похищения Быка из Куальнге» в *Лейнстерской книге,* как считал Циммер.

Наиболее интенсивные реформы, сопровождавшиеся активизацией литературной жизни, были осуществлены в XII веке при ведущей роли св. Малахии, когда в церкви установилось епархиальное правило, а из Клерво пришли цистерианцы, основав Меллифонт. Образованные люди теперь занялись компиляцией древних традиций и написанием новых повестей [11]. К концу XII века ирландская литература становится величайшей национальной литературой в Европе, а следующей за ней в этом списке идет валлийская.

Реформы, имевшие своей целью национальное возрождение, начались и в Уэльсе. Здесь на юг уже пришли завоеватели норманны, и на границах Уэльса создалась угроза иноземного вторжения. Смерть Генриха I в 1135 г. послужила поводом для объединения усилий по избавлению от врага. «Новый дух смелости и независимости, казалось, охватил весь валлийский народ» [12]. Это была эпоха Гриффидда ап **[408]**Кинана, восстановившего мощь Гвинедда и расширившего его территорию. Его сын Оуэн стал самым влиятельным правителем Уэльса и добавил к контролируемой территории Кередигион. Норманны потерпели сокрушительное поражение под Кардиганом в 1136 г. и бежали с большими потерями; а за последующие два года Оуэн и его брат Кадваладр двинулись на юг и завершили свою победу. При Оуэне валлийский народ полностью осознал свое национальное единство[13]. Сам Оуэн дожил до того времени, когда увидел провал экспедиции Генриха II в 1165 г., после которого король оставил всякие надежды на покорение Уэльса. Первый Айстедвод (Eisteddfod) состоялся в 1176 г. в новом замке Риса ап Гриффидда в Абертейви, на него были приглашены участники из Ирландии и Шотландии.

По-видимому, в обеих странах возник ответный импульс на норманнский вызов. Замечательным результатом этого стала возросшая активность школ бардов, попытка вдохнуть новую жизнь в очень древние обычаи; и все же в это время ни в одной из кельтских стран не появилось великого писателя, который следовал бы местной традиции. В Уэльсе главными поэтами этого периода были Мейлир (Meylir) и Гриффидд ап ир Инад Кох. К ним следует добавить и автора «Четырех ветвей Мабиногион», если бы мы могли его идентифицировать.

Какова бы ни была причина, древняя придворная поэзия была единственным жанром, процветавшим в позднее Средневековье вплоть до Нового времени в Шотландии, Уэльсе и Ирландии, в формах более отточенных и ярких, чем когда-либо прежде, dan direch в Ирландии, cynghanedd в Уэльсе. По-видимому, только эту хвалебную поэзию хотели слышать валлийские и ирландские вожди, и только за нее они платили вознаграждение. Поэты были профессиональными паразитами, но играли и более важную роль. Они были хранителями очень древней традиции и главными защитниками чести и достоинства ирландской знати; они достигли больших высот и в самом поэтическом искусстве.

В наши планы не входило рассмотрение судеб кельтских народов после XII века. В Ирландии древние кельтские институты продолжали свое существование, по крайней мере на западе и на севере, до конца XVI века; кельты и норманны жили бок о бок, а некоторые норманнские лорды переняли язык и обычаи ирландцев. В Уэльсе конец независимости наступил в 1282 г. (см. выше с. 328), и все же мы можем отметить несколько периодов возрождения. Уэльс до сих пор остается кельтской страной по языку и в высшей степени сепаратистской — или по меньшей мере партикуляристской — по самосознанию. В Шотландии, которая так и не была завоевана, древние гэльские обычаи сохранялись **[409]**в Хайленде и на Островах даже дольше, чем в Ирландии. Элегия на смерть Джеймса МакДональда в строгой форме поэзии бардов была написана после 1738 г.[14] Бретань была формально присоединена к Франции только в 1532 г., и там, как и в Уэльсе, народ остался верным древним традициям в языке и культуре. Эта недавняя история выходит за рамки нашего обзора. Мы хотели рассказать, что известно о кельтах в доисторические времена и о кельтских народах в период существования у них отдельных королевств, об основании кельтских государств, их институтах, их языках и литературах, их искусстве и о той роли, которую они играли в европейской истории. **[410]**

ПРИМЕЧАНИЯ

СОКРАЩЕНИЯ

ПЕРИОДИКА

N. B. Сокращения периодической литературы набраны прямым шрифтом, чтобы отличить их от сокращений названий книг, набранных курсивом..

AA	Archaeologia Aeliana
AB	Analecta Bollandiana
AC	Archaeologia Cambrensis
AJ	The Antiquaries Journal
APAW	Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften
Arch J	The Archaeological Jounal
BBCS	The Bulletin of the Board of Celtic Studies
Beitr.	Beitrage zur Geschichte der deutschen Literatur
BSHAB	Bulletin de la Societe d'Histoire et d'Archeologie de Bretagne
BSL	Bulletin de la Societe de Linguistique de Paris
CHAJ	Cork Historical and Archaeological Journal
DR	The Dublin Review
EC	Etudes Celtiques
JA	Journal Asiatique
JBAA	Journal of the British Archaeological Association
JRIC	Journal of the Royal Institute of Cornwall, Second Series
JRS	Journal of Roman Studies
JRSAI	Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland
MA	Medieval Archaeology
MSHAB	Memoires de la Societe d'Histoire et d'Archeologie de Bretagne
MSL	Memoires de la Societd de Linguistique
NA	Neues Archiv fur Sachsische Geschichte
NTS	Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap
PBA	Proceedings of the British Academy
PRIA	Proceedings of the Royal Irish Academy
PSAS	Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland
RC	Revue Celtique
SEC	Societe d'Emulation des Cotes-du-Nord, Bulletins et Memoires
SGS	Scottish Gaelic Studies
SH	Studia Hibernica
SHR	The Scottish Historical Review
SR	The Scottish Review
TCWS	Transactions of the Cumberland and Westmoreland Antiquarian Society
TDGS	Transactions of the Dumfiesshire and Galloway Natural History and Antiquarian Society
THSC	Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion
TLCAS	Transactions of the Lancashire and Cheshire Antiquarian Society
TPS	Transactions of the Philological Society
ZCP	Zeitschrift fur celtische Philologie
ZDMG	Zeitschrift fiir deutschen morgenlandischen Gesellschaft
ZfdA	Zeitschrift fiir deutsches Altertum

КНИГИ

N. B. Выходные данные книг, ссылки на которые появляются в тексте лишь один раз, обычно приводятся в сносках и не включены в этот список сокращений.

AB	Angles and Britons (O'Donnell Lectures, Cardiff, 1963).
ABR	J. M. C. Toynbee, Art in Britain under the Romans (Oxford, 1964).
ACS	H. O'Neill Hencken, The Archaeology of Cornwall and Stilly (London, 1932).
AG	A. Varagnac, L'Art Gaulois (Yonne, 2nJ ed.. 1964).

AI	F. Henry, L'Art Irlandais, 3 vols. (Yonne, 1963, 1964).
AID	K. Meyer, Uber die altcste irische Dichtung, I-II (APAW Jahrgang 1913. Berlin, 1913-14).
A. Inisfallcn	The Annals of Innisfallen, edited and translated be Sean Mac Airt (Dublin. 1951).
AIP	K. Meyer, Selections from Ancient Irish Poetry (2"d ed., London, 1913).
AL	Ancient Laws of Ireland, vol. 1-6, edited by W. M. Hennessy, W. N. Hancock, T. O'Mahony, A. G. Richey, R. Atkinson (Dublin, 1856-1901).
ALI	Ancient Laws and Institutes of Wales, edited by Ancurin Owen (London, 1841).
ALMA	Arthurian Literature in the Middle Ages, edited by R. S. Loomis (Oxford, 1959).
AMVR	F. Benoit, L'Art Mediterraneen de la Vallee du Rhone (Aix-en-Provence, 1955).
ARE	J. M. C. Toynbee, Art in Roman Britain (London, 1962).
AS	N. K. Chadwick, The Age of the Saints in the Early Celtic Church (O. U. P. 1961, reprinted 1963).
ASC	D. Whitelock, The Anglo-Saxon Chronicle. A Revised Translation (London. 1961).
ASE	F. M. Stenton, Anglo-Saxon England (2nd ed., Oxford, 1947).
ASG	J. M. Clark, The Abbey of St. Gall (Cambridge, 1926).
AT	The Annals of Tigernach, edited and translated by Whitley Stokes, R. C.. vols. XVI, 1895, 170ff.; XVII, 1896, 6ff.
AU	The Annals of Ulster, in 4 vols. Vol. I edited and translated by W. M. Hennessy (Dublin, 1887); Vols. II-IV, B. MacCarthy (Dublin, 1893, 1895, 1901).
Bagendon	E. M. Clifford, Bagendon (Cambridge, 1961).
BB	Book of Ballymote, facsimile edition by R. Alkinson (Dublin, 1887).
Bede	C. Plummer, Venerabilis Baedae Opera Historica, 2 vols. (Oxford, 1896).
Bordeaux	C. Jullian, Histoire de Bordeaux depuis les Origines jusqu'en 1895 (Bordeaux, 1895).
BRA	G. Simpson, Britons and the Roman Army (London, 1964).
Bruchst.	K. Meyer, Bruchstiicke der alteren Lyrik Irlands (APAW, Berlin, 1919).
CA	Ifor Williams, Canu Aneirin, Cardiff, 1938.
Caspari	Caspari, Briefe Abhandlungen und Predigten (Christiania, 1890). Английский перевод R. S. Haselhurst под названием The Letters of Fastidius (London, 1927). В наших ссылках приводится нумерация страниц английского перевода.
CB	N. K. Chadwick, Celtic Britain (London, 1964).
CB	John Rhys, Celtic Britain (London, 1904).
CC	Olivier Loyer, Les Chre'tiente's Celtiques (Paris, 1965).
CCH	Jan Filip, Celtic Civilization and its Heritage (Prague, 1960. английский перевод R. F. Samsour, 1962).— Русский перевод Филип Ян, Кельтская цивилизация и её наследие, 1961.
CCL	Louis Gougaud, Christianity in Celtic Lands. Перевод с авторской рукописи Maud Joynt (London, 1932).
CE	I. LI. Foster and L. Alcock, Culture and Environment (London, 1963).
CG	D. A. Binchy, Crith Gablach (Dublin, 1941).
CGG	Cogadh Gaedhel re Gallaibh, edited and translated by J. H. Todd (London, 1867).
CI	E. MacNeill, Celtic Ireland (Dublin, 1921).
CIIC	R. A. S. Macalister, Corpus Inscriptionum Insularum Celticarum, 2 vols. (Dublin, 1945, 1949).
CIL	Corpus Inscriptionum Latinarum.
CK	Myles Dillon, The Cycles of the Kings (Oxford, 1946).
CM	K. H. Jackson, A Celtic Miscellany (London, 1951).
CPS	W. J. Watson, History of the Celtic Place-Names of Scotland (Edinburgh, 1926).
CRB	Hugh Williams, Christianity in Roman Britain (Oxford, 1912).
CS	W. F. Skene, Celtic Scotland, 3 vols. (Edinburgh, 1926)
DF	Duanaire Finn, Irish text and translation by E. MacNeill and Gerard Murphy, 3 vols. (London, 1908, 1933, 1953).
DHC	M.-L. Sjoestedt, Dieux et Heros des Celtes (Paris, 1940). Английский перевод с дополнительными примечаниями Myles Dillon (London, 1949).
EA	Episcopal Acts and cognate documents relating to Welsh Dioceses 1066-1272, 2 vols., edited by James Conway Davies (Hist. Soc. Church in Wales, 1,3,4, 1946-48).
EB	J. Loth, L'Emigration Bretonne en Armorique du Ve au Vile Siecle de Notre

	Ere (Paris, 1883).
EC	The Early Cultures of North-West Europe, edited by Sir C. Fox and B. Die-kins (Cambridge, 1950).
EGA	P. Jacobsthal, Early Celtic Art (Oxford, 1944).
ECI	M. and L. de Paor, Early Christian Ireland (London, 1958).
ECMW	V. E. Nash-Williams, The Early Christian Monuments of Wales (Cardiff, 1950).
ECPM	S. Cruden, The Early Christian and Pictish Monuments of Scotland (Edinburgh, 1957).
EGC	T. H. Bindley, The Epistle of the Gallican Churches (London, 1900).
EHC	L. Duchesne, The Early History of the Church. Английский перевод с первого издания, репринт (London, 1950).
EIHM	T. F. O'Rahilly, Early Irish History and Mythology (Dublin, 1946).
ELL	Myles Dillon, Early Irish Literature (Chicago, 1948).
EIS	Early Irish Society, edited by Myles Dillon (Dublin, 1954).
ES	H. M. Chadwick, Early Scotland (Cambridge, 1949).
ESEM	Essays and Studies presented to Professor E. MacNeill, edited by Rev. J. Ryan (Dublin, 1940).
ESSH	A. O. Anderson, Early Sources of Scottish History, 2 vols. (Edinburgh, 1922).
EWP	Ifor Williams, Lectures on Early Welsh Poetry (Dublin, 1944).
FABW	W. F. Skene, The Four Ancient Books of Wales, 2 vols. (Edinburgh, 1868). Vol. I Translation, Vol. II Welsh texts.
FCL	The Fate of the Children of Lir, edited and translated by R. J. O'Duffy (5lh ed., Dublin, 1908).
FCT	The Fate of the Children of Tuireann, edited and translated by R. J. O'Duffy (Dublin, 1901).
FCU	The Fate of the Children of Uisneach, edited and translated by R. J. O'Duffy (Dublin, 1914).
FEIA	C. Fox, A Find of the Early Iron Age from Llyn Cerrig Bach, Anglesey (Cardiff, 1946).
Fontes	I. Zwicker, Fontes Historiae Religionis Celticae, 3 parts (Berlin, 1 934-36).
FPRB	P. Salway, The Frontier People of Romain Britain (Cambridge, 1965).
FWS	Festschrift fiir Whitley Stokes (Leipzig, 1900).
GC	Elie Griffe, La Gaule Chretienne a 1'Epoque Romaine, I (Paris et Toulouse, 1947).
GL	H. M. and N. K. Chadwick, The Growth of Literature, 3 vols. (Cambridge, 1932-40).
GLL	M. Manitius, Geschichte der lateinische Literatur des Mittelalters, 3 vols. (Munich, 1911, 1923, 1931).
Groupement	H. Pedersen, Le Groupement des Dialectes Indo-Europeens (Kobenhavn, 1925).
HB	H. Waquet, Histoire de la Bretagne (Paris, 1950).
HB	L. A. Le Moyne de la Borderie, Histoire de la Bretagne, 6 vols. (Rennes et Paris, 1896-1914).
HB	E. Durtelle de Saint-Sauveur, Histoire de la Bretagne, 2 vols. (4th ed., Rennes, 1947).
HB	A. Rebillon, Histoire de la Bretagne (Paris, 1957).
Heldensage	R. Thurneysen, Die irische Helden- und Konigsage (Halle, 1921).
HG	C. Jullian, Histoire de la Gaule, 8 vols (Paris, 1908-1926).
Hill-Forts	R. E. M. Wheeler and K. Richardson, Hill-Forts of Northern France (Oxford, 1957).
HIM	R. H. Kinvig, A History of the Isle of Man (2"J ed., Liverpool, 1950).
Hist. Brit.	The Historia Brittonum by Nennius. Ed. by T. Mommsen, Monumenta Germaniae Historica, auctores antiquissimi, t. XIII (Berlin, 1898, reprinted 1961); также by F. Lot (Paris, 1934). Translated by A. W. Wade-Evans, Nennius's History of the Britons (London, 1938). — Русский перевод: А.С.Бобович, Ненний, История бриттов в книге: Гальфрид Монмутский, История бриттов. Жизнь Мерлина, М., 1984.
HW	J. E. Lloyd, History of Wales, 2 vols. (3rJ ed., London, 1939).
HWL	T. Parry, A History of Welsh Literature. Translated by H. I. Bell (Oxford, 1955).
IA	F. Henry, Irish Art in the Early Christian Period to A. D. 800 (London, 1 965).
IAECP	F. Henry, Irish Art in the Early Christian Period (2nd ed., London 1947).
ICCS	Proceedings of the International Congress of Celtic Studies (Dublin, 1 962).
IDPP	T. F. O'Rahilly, Irish Dialects Past and Present (London, 1932).
IHC	F. Henry, Irish High Crosses (Dublin, 1964).
IM	J. Ryan, Irish Monasticism (Dublin and Cork, 1931).

Invasions	L. Musset, Les Invasions: Les Vagues Germaniques (Paris, 1965).
IPD	C. S. Boswell, An Irish Precursor of Dante (London, 1908).
IPG	E. MacNeill, Early Irish Population Groups (PRIA XXIX C 1911).
Irland	L. Bieler, Irland (Lausanne and Freiburg, 1961). Английское издание Ireland (London, 1963).
Ir. T	Irische Texte, ed. W. Stokes and E. Windisch (Leipzig, 1880-1905).
IT	R. Flower, The Irish Tradition (Oxford, 1947).
LB	Leabhar Breac, the Speckled Book, facsimile edition by S. Ferguson (Dublin, 1876).
LBS	S. Baring-Gould and J. Fisher, The Lives of the British Saints, 4 vols. (London, 1907-1913).
LC	Lebor na Cert (The Book of Rights), edited and translated by Myles Dillon (Dublin, 1962).
Lec.	The Book of Lecan, facsimile edition by Kathleen Mulchrone (Dublin, 1937).
Legende	J. Marx, La Legende Arthurienne et le Graal (Paris, 1952).
LHEB	K. H. Jackson, Language and History in Early Britain (Edinburgh, 1953).
LIFC	K. Meyer, Learning in Ireland in the Fifth Century and the Transmission of Letters (Dublin, 1913).
LIS	C. Plummer, Bethada Naem nErenn (Lives of Irish Saints), 2 vols. (Oxford, 1922).
LL	The Book of Leinster, facsimile edition by R. Atkinson (Dublin, 1880).
LP	M. P. Charlesworth, The Lost Province (Cardiff, 1949).
LRB	A. Birley, Life in Roman Britain (London, 1964).
LRE	A. H. M. Jones, The Later Roman Empire, 3 vols., + один том с картами (Oxford, 1964).
LRV	G. W. Meates, Lullingstone Roman Villa (London, 1955).
LS	D. A. White, Litus Saxonicum (Madison, Wisconsin, 1961).
LU	Lebor na hUidre, ed. R. Best and O. Bergin (Dublin, 1929).
Lughnasa	Maire MacNeill, The Festival of Lughnasa (Oxford, 1962).
Manuel	J. Dechelette, Manuel d'Archdologie Prehistorique Celtique et Gallo-Romaine, II (Paris, 1914).
Manuel G.	Dottin, Manuel pour servir a FEtude de 1'Antiquite Celtique (2nd ed., Paris, 1915).
Math	W. J. Gruffydd, Math vab Mathonwy (Cardiff, 1928).
MD	The Metrical Dindshenchas. Edited and translated by E. Gwynn in 5 parts (Dublin, R. I. A., 1903-1935).
ND	O. Seeck (editor), Notitia Dignitatum (Berlin, 1876).
OCR	P. W. Joyce, Old Celtic Romances (London, 1914).
OEN	H. M. Chadwick, The Origin of the English Nation (Cambridge, 1907).
OIT	K. H. Jackson, The Oldest Irish Tradition: A Window on the Iron Age (Cambridge, 1964).
ON P.	Hunter Blair, The Origins of Northumbria (Gateshead-on-Tyne, 1948).
Onomasticon	E. Hogan, Onomasticon Goidelicum (Dublin, 1910).
P and P	C. Fox, Pattern and Purpose (Cardiff, 1958).
P and S	W. F. Skene, Chronicles of the Picts and Scots (Edinburgh, 1867).
Pelage	G. de Plinval, Pelage, Ses Ecrits, Sa Vie, et sa Rdforme (Lausanne, 1943).
Pelagius	J. Ferguson, Pelagius (Cambridge, 1956).
Phases	E. MacNeill, Phases of Irish History (Dublin, 1920).
PLECG	N. K. Chadwick, Poetry and Letters in Early Christian Gaul (London, 1955).
PP	The Problem of the Picts, edited by F. T. Wainwright (Edinburgh, 1965).
Rawl.	Rawlinson B 502, facsimile edition, ed. K. Meyer (Oxford, 1909).
RB	I. A. Richmond, Roman Britain (Harmdonsworth, 1955; 2nd ed., 1963).
RBEE	P. Hunter Blair, Roman Britain and Early England (Edinburgh, 1963).
RBES	F. G. Collingwood and J. N. L. Myres, Roman Britain and the English Settlements (Oxford, 1936).
RC	I. A. Richmond and O. G. S. Crawford, The British Section of the Ravenna Cosmography (Oxford, 1949).
RCB	G. Webster and D. R. Dudley, The Roman Conquest of Britain (London, 1965).
RG	O. Brogan, Roman Gaul (London, 1953).
RIB	R. G. Collingwood and R. P. Wright, The Roman Inscriptions of Britain (Oxford, 1965).
RIN	C. G. Stair, The Roman Imperial Navy (Ithaca, N. Y, 1941).
RNNB	I. A. Richmond, Roman and Native in North Britain (Edinburgh, 1958).
ROB	F. Haverfield and G. Macdonald, The Roman Occupation of Britain (Oxford, 1924).
RRB	F. Haverfield, The Romanization of Roman Britain (Revised by G. Macdonald, Oxford, 1923).
SC	Sanas Cormaic, An Old-Irish Glossary, edited by Kuno Meyer (Anecdota from Irish

	Manuscripts iv, Halle, 1912).
Schools of Gaul	T. Haarhoff, Schools of Gaul: A Study of Pagan and Christian Education in the Last Century of the Western Empire (Oxford, 1920).
SCO	G. S. M. Walker, Sancti Columbani Opera (Dublin, 1957).
SEBC	Studies in the Early British Church by N. K. Chadwick, K. Hughes, Christopher Brooke, K. Jackson (Cambridge, 1958).
SEBH	Studies in Early British History, by H M. Chadwick and others (Cambridge, 1954, reprinted 1959).
SECT	J. Anderson, Scotland in Early Christian Times (Edinburgh, 1881).
SG	S. H. O'Grady, Silva Gadelica (London, 1892). Vol. I Irish Texts. Vol. II Translations.
SI	F. Henry, La Sculpture Irlandaise (Paris, 1933).
SILH	J. Carney, Studies in Irish Literature and History (Dublin, 1955).
SM	G. Murphy, Saga and Myth in Ancient Ireland (Dublin, 1961).
Sources	J. F. Kenney, The Sources for the Early History of Ireland (New York, 1929).
SS	S. Hellmann, Sedulius Scottus (Munich, 1906).
ST	Stith Thompson, Motif-Index of Folk Literature, 6 vols. (Copenhagen, 1955-1958).
Stanwick	R. E. M. Wheeler, The Stanwick Fortifications (Oxford, 1954).
Tain	Die altirische Heldensage Tain Bo Ciialnge, edited and translated by E. Windisch (Leipzig, 1905). [Новое издание и перевод C. O'Rahilly, Dublin, 1967.]
TIG	Three Irish Glossaries, edited by Whitley Stokes (London, 1862).
TL	M. L. W. Laistner, Thought and Letters in Western Europe A. D. 500-900 (2nd ed., London, 1957).
TP	T. F. O'Rahilly, The Two Patricks (Dublin, 1942).
Triads	Trioedd Ynys Prydein. The Welsh Triads, edited and translated by R. Bromwich (Cardiff, 1961).
Tripartite Life	The Tripartite Life of Patrick with other Documents relating to that Saint. 2 vols., edited by Whitley Stokes (London, 1887). I. Tripartite Life, ирландский текст и перевод. II. Документы о св.Патрике, ирландский текст и перевод
TRS	O. G. S. Crawford, Topography of Roman Scotland (Cambridge, 1949).
TSC	J. Earle and C. Plummer, Two Saxon Chronicles, 2 vols. (Oxford, 1899).
TT	A. O. Curie, The Treasure of Traprain: A Scottish Hoard of Roman Silver (Glasgow, 1923).
VA	Viking Antiquities in Great Britain and Ireland, 6 parts (Oslo, 1940-54).
VB	K. Meyer, The Voyage of Bran, 2 vols. (Dublin: I, 1895, II, 1897).
VSBG	A. W. Wade-Evans, Vitae Sanctorum Britanniae et Genealogiae (Cardiff, 1944).
VSH	C. Plummer, Vitae Sanctorum Hiberniae, 2 vols. (Oxford, 1910).
WK	J. Moreau, Die Welt der Kelten (3rJ ed., Stutthart, 1961).
YBL	The Yellow Book of Lecan.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1

1 См. ниже с. 260.

2 A. Grcnier. Les Gaulois, p. 82; см. также: H. Kuhn B Volker zwischen Germanen u. Kelten, S. 11 Of.

3 Страбон. География (М., 1963), IV 1 14. (Далее — Страбон.) Ср. также: Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Греческая мифология. М., 2000. — Историческая библиотека, V 32 (далее — Диодор, ИБ): Полезно также уточнить и нечто для многих неизвестное. Народ, который обитает во внутренних областях за Массалией... называют кельтами, а народ, обитающий к северу от этой Кельтики, ... называют галлами.

4 Многие племена к востоку от Рейна, считавшиеся германцами, были кельтами, согласно S. Feist, Germanen und Kelten, S. 28f.; и кельтов называли германцами, S. 9f. См. Также: R. Hachmann et al., Volker zwischen Germanen und Kelten, S. 43f.

5 Nicomachean Ethics III 7 § 7.

6 Piggot. Scotland before history, p. 66.

7 Лексикостатистика не является простейшим способом решения этого вопроса. См.:

Language 3, pp. 638ff.

8 E. I. H. M. pp. 34If.; см., однако, статью Джексона в The Problem of the Picts, p. 159.

9 См. ниже с. 252.

10 M. A. O'Brien B Early Irish Society, p. 37.

11 Vendryes, Etudes Celtiques, I, pp. 352ff.

12 Записки Юлия Цезаря, М., 1962, VI 14. (Далее — Цезарь.)

13 CM. D. A. Binchy, Eriu XVIII, pp. 114ff.

14 Страбон XII, 5, 1.

15 A Grenier. Les Gaulois, pp. 99-100.

16 CM.: J. J. Tierney. «The Celtic Ethnography of Posidonius», PRIA LX C5 (1960), чьи переводы цитируются.

17 О клиентеле в ирландском обществе см. ниже с. 123.

18 Страбоп, IV IV 2, 4.

19 Диодор, ИБ, V, 28.

20 Athenaeus IV 40 (Tierney, ib. 249).

21 Диодор, ИБ, V, 29.

22 Диодор, ИБ, V, 31.

23 Цезарь VI 14.

24 «Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse», Celtica, VI, p. 194. Здесь мы полагаем, что ирландский филид был наследником поэтической части учения друидов.

25 См.: Thurneysen et al. Studies in Early Irish Law VI, 183, 223; D. A. Binchy, «The Linguistic and Historical Value of the Irish Law Tracts», 23, 27, 30 (Proc. Brit. Acad. XXIX (1943).

26 R. Thurneysen et al. Studies in Early Irish Law, pp. 183f.

27 Studies in Early Irish Law, p. VI.

28 См. ниже с. 127. Я весьма обязан доктору Винчи за его советы относительно этих соответствий между индийскими и ирландскими законами.

29 MSLXX275 (1920).

30 См. ниже с. 120.31 RC VI 488 (Brvmwich, Trioedd, p. 177); Holder, Altkeltischer Sprachschatz. S. 345; CIL II 2812; XII 5078.

32 The Festival of Lughnasa. O. U. P. 1962; см. также: M. Tierney. «Lugh and Dionysius», Eigse X 265.

33 DF III LXXXII.

34 Beitr, S. 196.

35 EIHM, p. 316. Несколько изображений Трехглавого Бога было обнаружено в Ирландии. Два из них находятся в Национальном музее Дублина.

36 Sanas Cormaic 150.

37 DF III LXXVIII n. 5. Cp. J. Vandryes. «L'unite en trois personnes chez les Celts», C. R. de 1'Acad. des Inscr. 1935, pp. 324-341.

38 CM.: W. Kirfel. Die dreikopfige Gottheit, 1948. Но он особенно важен в Галлии. Петтацони рассматривает галльского Трикефала как бога солнца, The All-knowing God, pp. 196f.

39 RC XXI 288.

40 Цезарь VI 13, 16, 18.

41 Лукан. Фарсалия I 444.

42 Eriu X 14.

43 ibid., pp. 7ff.

44 Zimmer. Altindisches Leben 364—71. Наряду с пятилетним циклом и иными схемами упоминается трехлетний цикл (idavatsara, samvatsara, parivatsara), p. 370, Последнее исследование *Календаря из Колиньи* — Paul-Marie Duval, EC X H XI.

45 Камиль Жюльен идет еще дальше: «У галлов были представлены все литературные формы: риторика, в которой блистали все их военачальники; космогонические, исторические или этические эпопеи, которые сочиняли друиды; лирическая поэзия или сатиры бардов. Уверяю вас, что у них были эквиваленты Илиады, Книги Бытия или од Пиндара. Уверяю вас, что эта литература была столь же богата, даже богаче, чем римская литература до Энния». (G. Dottin. La Langue Gauloise, pp. IX-X.)

46 См. двенадцатую главу.

47 Jacobsthal. «Imagery in Early Celtic Art», p. 10. Далее он говорит: «Они сделали выбор не в пользу греческого антропоцентризма, радости и дружелюбных образов: вместо этого они избрали

странные магические символы Востока» (ibid. p. 19).

48 Cmpadon IV 5, CM.: Tierney op. cit. 269; JJuodop, MB, V 27, CM.: Tiemey ib. 249.

49 Celtic Art I 160.

ГЛАВА 2

1 K. Jackson, «The Pictish Language» B P. P., pp. 134f.; 159. Ср. TaK>Ke: H. M. Chadwick, E. S., pp. 66f.

2 Последняя редакция раздела, относящегося к Британским островам, содержится в издании К. Мюллера «Claudii Ptolemaei Geographia» (Paris, 1883) Vol. I, Lib. II, caps. II Hibernia: III Albion. Я везде ссылаюсь именно на это издание.

3 Об античных географах, оставивших записи о Британских островах, см. в особенности:: E. H. Bunbiirv. History of Ancient Geography (2nd ed. London, 1959) II, pp. 595ff.

4 O'Rahilly. «The Goidels and their Predecessors)), P. B. A. XXI (1935), pp. 323ff.

5 Британский раздел был опубликован в кн.: I. A. Richmond and O. G. S. Crawford. Archaeologia XCIII (1949) 1-50, и отдельно Society of Antiquaries of London (Oxford, 1949).

6 Они перечислены Птолемеем ed. cit. B Cap II, p. 74ff.

7 Ценным исследованием источников и методов Птолемея со специальными ссылками на Шотландию является: /. A. Richmond B R. N. N. B., pp. 133ff.

8 CM.: W. J. Watson, C. P. S., p. 15.

9 Ptolemy (ed. cit.). p. 74ff. 1(1 9 II, ii. 9.

11 II, ii. 6; См.: O'Rahilly. E. I. H. M. pp. 33, 34.

12 O'Rahilly. E. I. H. M., p. 40f.

13 II. III. 8; См.: W. J. Watson, C. P. S., p. 16.

14 II. III. 11.

15 II. III. 7; См.: Watson. C. P. S., p. 15.

16 Watson. C. P. S., p. 24.

17 Ptolemy. II. III. 5.

18 Ptolemey, II. III. 7. Эта форма имени обычно предпочитается альтернативному чтению оталины. Соответствующей формой в Ravenna Cosmography можно считать, наверно, волитаны (?) (вместо вотиланы); но форма вотадины подкрепляется раннесредневековой формой Гуододин (см. ниже с. 75).

19 Ptolemy, II. III. 6.

20 Ptolemy II. III. 12.

21 II. III. 12. Ср. далее: Плиний. Естественная история, IV, 102.

22 Ptolemy, II. III. 11.

23 См.: Тацит, гл. 18.

24 Анналы, XII, 32.

25 Wheeler and Richardson. Hill-forts, pp. 23f.

26 Раскопки под рук. сэра Мортимера Уилера в 1951-2. См.: его отчет в Stanwick.

27 Ptolemy II. III. 10.

28 Последнее исследование по корновиям — работа сэра Йена А. Ричмонда в Foster and Alcock, C. E., pp. 25Iff.

29 Ptolemy, II. III. 11.

30 Ibid.

31 CM.: Richmond, C. E., 252, n. 8.

32 Птолемей (Ptolemy II. III. 10) отмечает как один из их оппидумов Cataractoriiim, который считается идентичным Каттерику в Йоркшире (см. ниже с. 109).

33 Ptolemy, II. III. 10.

34 Ptolemv, II. III. 11.

35 Ibid.

36 Тацит. Агрикола XII. См.: Анналы, XII, 36; Истории, III, 45.

37 См. главу 5 Дерека Аллена в £. M. Clifford, Bagendon.

38 Richmond, R. B. (2nd ed., London, 1963), p. 15.

39 Ptolemy, II. III. 12.

40 Ptolemy II. III. 11. «Catuvellauni in quibus oppida Salinae, Urlanium (Veru-lanium)», идентифицируется с Уитемпстедом, См.: R. E. M. and T. V. Wheeler. Verulanium.

41 Ptolemy, II. III. 11.

42 Цезарь, IV 33.

43 Collingwood. R. B. E. S., p. 22.

44 Тацит. Агрикола XV.

45 Агрикола,, XVf.

46 Ibid. XVIII.

47 Ibid. XVII.

4S «The Cornovii», B Foster and Alcock, C. E., pp. 251ff.

49 Возможно, после интервала, проведенного среди белгов-добупнов в Котсуолдсе.. СМ.: Clifford, Bagendon, p. 160.

50 Историю Картимандуи рассказывает Тацит, Истории, III, 45; Анналы, XII, 36, 40. См.: недавние комментарии к этой ситуации в ст.: lan Richmond, «Queen Cartimandua», J. R. S. XLIV (1954), p. 50f.; также ibid. Appendix to Sir Mortimer Wheeler, Stanwick, pp. 61ff. См.: далее Chadwick, S. G. S. VIII (1955), p. 60ff.

51 Анналы, XIV. XXX; см.: Агрикола, XIV.

52 Тацит. Агрикола, XVI.

53 G. R. Dudley and G. Webster, The Rebellion of Boudicca (London, 1962), p. 20.

54 Dio Cassius, Roman Histories, Epitome. Книги LXII, 3, 4.

55 G. Simpson. Britons and the Roman Arrnv (London, 1964), pp. 18f. См. также ее карту фортов Агриколы на юге Пеннинских гор, рис. 4.

56 Richmond, R. N. N. B., p. 113f.

57 Тацит. Агрикола, XXIV.

58 Ibid., loc. cit.

59 Обсуждение успехов на востоке и о фортах см. в: O. G. S. Crawford, T. R. S. карту.

60 Тацит. Агрикола XXIX.

61 Недавнее обсуждение этого вопроса см. в: Crawford. T. R. S., p. 130.

62 Crawford. T. R. S., pp. 108ff. H Beaae.

63 Агрикола, XXVI.

64 О кампании и битве рассказывается в: Тацит. Агрикола, XXIX-XXXVIII.

65 Агрикола, XXX.

66 Последнее по времени краткое резюме событий, приведших к строительству северных валов, см. в: G. Simpson. B. R. A., pp. 34ff.

67 Эта надпись, по всей видимости, является современницей описываемых событий и представляет исключительный интерес. См.: исследование и интерпретацию И. А. Ричмонда и Р. П. Райта в A. E., Ser. IV, vol. XXI (1943), pp. 93-120, H pnc. III.

68 СМ.: Dio Cassias, LXXVIII. 1.

69 Кое-что о флоте см. в: D. Atkins. «Classis Britannica» B Historical Essays in Honour of James Tait ed. by Edwards, Galbraith & Jacob (Manchester, 1933) p. Iff.; сравнительно недавно C. G. Slarr, R. I. N.

70 Согласно «Origo Constantini imperatoris», известному так же как Anonymus-Valesianus, Констанций умер в Йорке в 306 г., Monumenta Germaniae Historica, Vol. IX, Chronica Minora (Berlin, 1892), p. 7.

71 Последнее исследование Саксонского Берега — Donald A. While, L. S. См. также важный обзор S. S. Frere B Medieval Archaeology V-VI (1962-1963), p. 350f.

72 Flavins Vegetius Renalus, Epitoma Rei Militaris (Berlin, 1885), Книга IV, гл. 37. Было выдвинуто предположение, что Южный Щит при Констанции мог стать базой флота, входившего в систему обороны северного побережья, сходной с системой фортов на Саксонском Берегу.

73 XXVII. 8. 1. Britannias indicabat barbarica conspiratione ad ultimam vexetas inopiam.

74 In Eutropium, XXVIII. 3. 7.

75 См. Исследование: C. E. Stevens. «Magnus Maximus in British History», E. C. III. p. 86ff.

О чем говорится в «Видении Максена Вледига» (См.: русский перевод В. В. Эрлихмана «Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса», Москва 1995).

77 Генеалогия N° II B MS. Had. 3859.

78 «Incursantes Pictos et Scoltos Maximus strenue superavit». Mon. Germ. Hist. Auctorum Antiquiss., IX, Chronica Gallica, p. 646.

79 СМ.: N. D., ed. O. Seeck ... in partibus Occidentis, V, 65 (p. 118); 213 (p. 124); VII 49 (p. 134).

80 СМ.: C. E. Stevens. «The British Sections of the Notitia Dignitatum», A. J. XCVII (1940), p.

134 и прим. 5.

81 Война с вандалами I. П. (Цит. по русскому переводу А. А. Чекаловой, М. 1993.) Прокопий был византийским историком первой половины VI века.

82 СМ.: M. P. Charlesworth. L. P., pp. 35f.

83 Zosimus V. cap. 5, 6.

84 Ibid., cap. 10.

85 Историческая основа в «Похищении» была впервые продемонстрирована сэром Уильямом Риджеем, «The Date of the First shaping of the Cuchulainn Saga», P. B. A. II (1905-6). Недавнее и более полное исследование с исправлениями см. в: K. H. Jackson. O. I. T. Мы признательны пр. Джексону за его консультации по этому предмету.

86 E. I. H. M., pp. 172ff.

87 E. I. H. M., pp. 201-208.

88 СМ.: Mac White. ZCP XXV, p. 16.

89 Nash-WiWams. E. C. I. W., no. 313.

90 Ibid., no. 314.

91 Ibid., no. 345.

92 Jackson. L. H. E. B., p. 139.

93 W. J. Gryffydd. Math, pp. 342f.

94 W. J. Watson. C. P. S., p. 228.

95 W. J. Gryffydd. Math, p. 343, n. 90.

ГЛАВА 3

1 Данные граффити собраны в: A. Burn. The Romans in Britain (Oxford, 1932). См. также: Haver field. R. R. B., pp. 28ff; ср.: Charlesworth. L. P., p. 67.

2 Haverfield. R. R. B., p. 30.

3 О значении этого титула см.: N. K. Chadwick. «Bretwalda, Gvvledig, Vorti-gern», B. B. C. S. XIX (1961), pp. 225ff.; также «Note on the name Vortigern», S. E. B. H., H. M. Chadwick et al., pp. 34ff.

4 Важнейшие ранние свидетельства о нем цитируются в C. A. Raleigh Rad-ford Antiquity XXXII (1958), p. 19. См. также: H. M. Chadwick. O. E. N., p. 37; H S. E. B. H., p. 21; СМ. aanee: «Note on the name Vortigern», S. E. B. H., pp. 34ff.

5 История бриттов, главы 39, 41, 48.

6 Выводами, кратко очерченными выше, мы по большей части обязаны доктору Дж. Н. Л. Майрсу. Дополнительные материалы были приведены также К. Донси и Р. Р. Кларком; см. также: P. Hunter Blair. Roman Britain and Early England (Edinburgh, 1963), pp. 162f. Основные ссылки на все эти предварительные исследования включены Н. К. Чедвик в «The British or Celtic Part in the Population of England)), B A. B., pp. 138ff.

7 John Rhys. Celtic Britain, p. 238. СМ.: F. Stenton. A. S. E., p. 3; / E. Lloyd. H. W. I, pp. 125f. Collingwood. R. B. E. S., pp. 321f. Самые недавние и авторитетные исследования — K. H. Jackson. «The Arthur of History», H «Arthur in Early Welsh Verse», B R. S. Loomis (ed.), A. L. M. A.

8 Лучший отчет о бриттах Южной Шотландии этого периода см.: K. H. Jackson. «Tlie Britons in Southern Scotland)), Antiquity XXIV (1955), pp. 771T.; совсем недавно «Angles and Britons in Northumbria and Cumbria», B A. B., pp. 60ff. Кроме того, см. Salway, F. P. R. B., pp. 198f.

9 Ed. Otto Seeck (Berlin 1876). Большой ценностью обладают исследования C. E. Stevens, A. J. XCVII (1940); E. Birley, T. C. W. A. S. XXXIX (1939), No. XIV, pp. 190ff.; недавнее исследование A. H. M. Jones, L. R. E. Ill, Appendix II, pp. 347ff.

10 Об этой системе см.: P. Hunter Blair, O. N.; M. P. Charlesworth, L. P.; //. M. Chadwick, E. S.

11 Основное издание Mommsen, MHG, Auctores antiquissimi, t. XIII (Berlin, 1898), pp. 112ff. Недавно вышло новое издание F. Lot, Nennius et L'Historia Brittonum (Paris, 1934). Полезный английский перевод A. W. Wade-Evans, Nennius and the History of the Britons (London, 1938 также содержит Annales Cambriae и Генеалогии бриттских (валлийских) вождей. Эти тексты, опубликованные по-английски Уэйд-Эвансом, составляют компендиум из текстов, содержащихся в рукописи Британского музея MS. Harleian 3859 и справедливо считаются важными историческими документами.

12 См. прим. 28 к главе 4.

13 Интересная традиция пиктского правителя Дамбартона записана — чем и ценна эта

запись — в валлийском (латинском) «Житии св. Кадока». Текст и перевод см. A. W, Wade-Evans, V. S. B. G. (Cardiff, 1944), pp. 241T.

14 Древневаллийская форма — Cunedag.

15 См. //. M. Chadwick, E. S., p. 3.

16 A. O. Curie, T. T.

17 «The Cornovii», B Foster and Alcock, C. E., pp. 25Iff. 1S Richmond, R. B., p. 155.

19 Ibid., R. N. N. B., p. 113, и более полные данные в прим. 5.

20 Издан К. Майером, S. C., No. 883, s. v. mug-erne, p. 75f. См. также: W. Stokes. T. I. G., p. 62. Этот отрывок переведен на стр. XLVIII.

21 Время его правления традиционно датируется 366-379 гг.

22 Я следовал переводу К. Джексона в The Celts (ed. by J. Raftery, Dublin, 1964), p. 75.

23 См. ценную карту различных «племен» Ирландии, составленную Лайемом Прайсом в L. C.

24 Наиболее авторитетное описание колонизации Арморики — 7. Loth, E. B.

25 De Bello Gothico IV. 19.

26 F. M. Stenton, A. S. H. (2nd ed., Oxford, 1950), p. 6.

27 О римских городах и изменениях в римской оборонительной системе в Арморике см.: R. Coujjon, «Limites des cites gallo-romains et Fondations des eveches dans la peninsule armoricaine», S. E. C., Tome LXXII (1942); F. Merlet, «La Formation des Dioceses et des Paroisses en Bretagne», M. S. H. A. B., Tome XXX (1950), Tome XXXI (1951).

28 Житие св. Германа, написанное Констанцией, дошло до пас в двух версиях. Краткая и лучшая, считающаяся ранней, издана W. Lev/son, Mon. Germ. Hist.: Script. Rer. Merov. VII (1920), pp. 225ff.

29 Должности, приписываемые Констанцием св. Герману, представляют сложную проблему и не вполне свободны от подозрений. См.: Gaiidcmet, «La

Carriere Civile de St. Germanus» в сборнике исследований, вышедшем в Осере под ред. G. Le Bras et E. Gilson, St. Germain d'Auxerre et son temps (Auxerre, 1950), p. 11 Iff. Краткое обсуждение этого вопроса в его части, имеющей отношение к обороне Арморики, см. в N. K. Chadwick, P. L., p. 263f.

30 О восстаниях в Арморике см.: W. Levison, Neues Archiv XXIX, pp. 139ff.

31 О возведении оборонительных стен вокруг галльских открытых городов этого периода см.: Jullian, Bordeaux, pp. 34, 43ff.; La Gaule IV, 594, n. 4, и ссылки. См. также краткий, но ценный отчет O. Brogan, Roman Gaul (London, 1953), pp. 22Iff.

32 CM. S. P. O: Ri'orddin, «Roman Material in Ireland», P. R. I. A., LI, Section C, No. 3 (1947), p. 39f.

33 О данных и ссылках см.: Kimo Meyer, Eriu IV (1910), p. 208; и см. Learning in Ireland in the Fifth Century (Dublin, 1913), pp. 7f. и прим. 15-17.

34 По этому вопросу см. исследование о Кеннфаеладе E. MacNeill, «A Pioneer of Nations», Studies XI (1922).

35 CM. J. V. Kelleher, «Early Irish History and Pseudo-History)), S. H., No. 3 (1963), pp. 113ff.

36 Эта датировка в значительной степени неопределенна. Ниалл считается отцом Лаэгайре, чье вступление на престол в 427 г. н. э. и чья смерть в 462 или 463 г. являются нашими первыми надежными датами ирландского короля. См.: O'Rahilly, E. I. H. M., p. 209. Однако хронология V века чрезвычайно туманна. См.: O'Rahilly, loc. cit., важное обсуждение в /. Carney, S. I. L. H., pp. 330ff.; см. также: H. M. Chadwick, E. S., pp. 133ff.

37 Приводится в O'Rahilly, E. I. H. M., p. 221.

38 Тексты см. в K. Meyer, Otia Merseiana II (1899), p. 88ff.; «Totenklage Konig Nfall Nofgialliach» B F. W. S., p. Iff.; AID I, p. 14ff.; p. 21f.

39 О различных традициях, повествующих о его смерти, см.: O'Rahilly, E. I. H. M., p. 217f.

40 О'Рахилли датирует смерть Дати или Нати 445 годом, E. I. H. M., p. 215.

41 K. Meyer, A. 1. P., p. 69.

42 Отредактирована и переведена Куно Майером в Otia Merseiana II, p. 84ff.

43 CM. E. I. H. ML, p. 216 n. 3.

44 AID I, p. 15f.

45 MacNeill, Phases, pp. 124f.

46 O'Rahilly, E. I. H. M., pp. 223, 227f.; Binchy, S. H., N. 2 (1962), p. 150.

47 О появлении Ориела см.: O'Rahilly, E. I. H. M., p. 225.

48 O'Rahilly, E. I. H. M., p. 234.

49 Прекрасная крепость, носящая сегодня название Гриапан Айлех, на восточной границе Донегала.

50 Уи Нейллы — потомки Ниалла Нойгиаллаха. Их следует четко отличать от О'Нейллов, потомков Ниалла Глундува, погибшего в битве с норвежцами на Лиффи в 919 г. См.: MacNeill, C. I., p. 90.

51 Как мы узнаем из «Жития св. Патрика», написанного Муирху.

52 О тенденциозном характере источников этой традиции см.: Kelleher, S. H., No. 3, pp. 120ff.

53 Об этих притязаниях см.: Kelleher, S. H., no. 3, p. 123.

54 СМ.: Co//?; O Lochlainn, «Roadways in Ancient Ireland» В E. S. E. M., pp. 465ff. и карту в конце.

55 СМ.: O'Rahilly, E. I. H. M., pp. 222f.; ср. D, A. Binchy, «Patrick and his Biographers», S. H. No. 2 (1962), p. 150.

56 СМ.: D. A. Binchy, «Patrick and his Biographers)), S. H. no. 2 (1962), p. 150. О ранних отношениях этих трех независимых королевств с королевством Улад см.: E. MacNeill, Phases, p. 185; ibid., C. I., p. 185; O'Rahilly, E. I. H. M., pp. 222f.

57 E. I. H. M., pp. 191-192.

58 R. Flower, I. T., p. 184.

59 См. краткое, но впечатляющее исследование этого вопроса с полным материалом и ссылками Kuno Meyer, L. I. F. C., p. 7f.; «Gauls in Ireland)), Eriu IV (1910), p. 208.

60 Стадии, на которых Тара традиционно распространяла свое влияние на Лейнстер, очерчены в MacNeill, Phases, p. 120ff., и более специально p. 187ff.

61 См. «The Boromean Tribute», текст и перевод Standixh H. O'Grady, S. G., No. XXVIII.

62 Текст и перевод Whitley Stokes, R. C. XXIV (1903), p. 4Iff.

63 6 Buachalla, C. H. A. J. LVII (1952), p. 113.

64 Ibid., p. 116.

65 СМ.: Frithfolaith Chaisil fri Tuatha Muman «Взаимные услуги Кашеля и племен Мунстера», важный документ для мунстерской истории (YBL. col. 339), вероятно составленный не позднее 800 г., Irish Texts i. Этот трактат, хотя и краткий, обладает большей ценностью, чем Lebor na Cert, составленная едва ли ранее XI века. Frithfolaith представляет собой отчет о взаимных услугах между королем Кашеля (то есть Мунстера) и королями различных мунстерских государств. Он описывает Мунстер периода, предшествовавшего приходу к власти Dal Cais (см. ниже с. 157 Н cji.) после 950 г. СМ.: Liam O Buachalla, C. H. A. J. LVI (1951), pp. 90f., ibid., LVII (1952), pp. 8Iff.

66 Согласно MacNeill, Dessi (Deisi) означает «вассальные племена», в данном случае племена, жившие вокруг Тары, возможно тождественные луайгни, основной боевой силе Северного Лейнстера в «Похищении Быка из Куальнге».

67 Убит в 490 г., согласно Annals of Inisfallen, s. a. 492.

68 Эта ситуация четко суммирована в 6 Buachalla, op. cit., vol. LVII (1952), p. 116. Текст саги «Изгнание деси», который считается впервые записанным около 750 г., был издан Куно Майером в Y Cymmrodor XIII & XIV (1900, 1901), p. lOff., а текст со ссылками на другие варианты и с комментариями был переиздан Майером в Eriu III (1907), p. 135ff. См. далее текст другой, более поздней версии, также изданный Майером в Anecdota from Irish MSS I (Dublin, 1907), p. 15ff. См. недавно вышедшее исследование S. Fender, «Two unpublished versions of the Expulsion of the Dessi» В Feilscrfbhinn Torna, ed. by S. Fender (Cork, 1947), pp. 209ff.

69 6 Buachalla, C. H. A. J. LVII (1952), p. 73.

70 Tripartite Life I, pp. 194f.

71 Земляная крепость на холме Турин сохранилась до сих пор.

72 Текст этой истории в форме саги неполон. Ссылки на источники и обсуждение тенденциозности и исторических элементов в этой традиции См. в 6 Buachalla, C. H. A. J., LVII (1952), pp. 116ff. См. также Dillon, C. K., p. 34ff.

73 Ссылки см. в H. M. Chadwick, E. S., p. 41, n. 2.

74 Annals of Inisfallen, s. a. 721.

75 MacNeill, Phases, p. 12.

76 O Buachalla, C. H. A. J., LVI (1951), 87.

ГЛАВА 4

1 RC XVII, p. 124.

2 CM. H. M. Chadwick, E. S., p. 35, n. 2.

3 O'Brien, Corpus Gen. Hib. 136a, 46.

4 Ros na Rig in Semne, Island Magee (O'Rahilly, E. I. H. M., CM. ini>Ke npHM. 5).

5 Ссылки см. в O'Rahilly, E. I. H. M., 504.

6 Краткий обзор доисторических данных см. R. H. KillVlg, H. I. M.

7 Первая письменная фиксация мэнского языка — перевод Молитвенника около 1625 г.

8 Материал, приведенный ниже, см. в: A'. //. Jackson, P. B. A., XXXVII (1951), pp. 77f.

9 K. H. Jackson, B E. C., pp. 209f.; T. F. O'Rahilly, E. I. H. M., p. 504, n. 1.

10 T. F. O'Rahilly, I. D. P. P., p. 117.

11 CM.: K. H. Jackson, B F. Wainwright (ed.) P. P., ch. VI and Appendix.

12 Мы можем сослаться на статью N. K. Chadwick «The name Pict», S. G. S. VIII (1958).

13 Это имя тождественно имени Маелгуна, правителя Северного Уэльса (см. выше с. 79).

14 E. I. H. M., p. 26.

15 Мы можем сослаться на подозрительный документ, претендующий на то, чтобы считаться древней записью основания Сент-Эндрюса, который уверяет нас, что писец копировал тексты из veteribus Pictorum libris. CM.: Chadwick, E. S., p. 28. CM.: M. O. Anderson, S. H. R. XXIX (1950), p. 17.

16 Большинство текстов ранних Хроник было опубликовано в: W. F. Skenc, P. and S., а также обсуждено в C. S., Vol. I. Отдельные отрывки, переведенные на английский, см. в A. O. Anderson, E. S. S. H., I, pass., и см. особенно Библиографию, p. XlVff. Общее исследование этого вопроса — H. M. Chadwick, pass. Последняя и необходимая для понимания этой проблематики работа — M. O. Anderson S. H. R. XXVIII. 1 and 2 (1949), XXIX (1950). Лучшая версия списка пиктских королей — B Skene, P. and S., p. 4ff.

17 CM. Chadwick, E. S., p. 96, 98, и цитируемые там важные свидетельства. Почти все списки королей полностью опубликованы в Skene, P. and S.

18 Общий очерк — H. M, Chadwick, E. S., p. 121ff., хотя это исследование теперь следует сопоставлять с последними работами M. O. Андерсона, особенно в S. H. R., см. выше прим. 16.

19 Об этом предмете см.: M. O. Anderson, S. H. R. XXIX (1950), p. 18.

20 См. O'Rahilly, E. I. H. M., p. 237, n. 3; 504, и см. F. J. Byrne, S. H., No. 4 (1964), p. 58.

21 Я думаю, не может быть никаких сомнений в том, что интерпретация ирландских анналов, предложенная O'Рахилли, корректней прежней интерпретации некоторых ученых. См.: O'Rahilly, E. I. H. M. p. 504. Ср. также F. J. Byrne, S. H., No. 4 (1964), p. 58.

22 Ed. J. Bannerman. Celtica VII, p. 142; CM. xaioKe P. and S., p. 308ff.

23 CM.: K. H. Jackson B Chadwick, N. K. (ed.), Celt and Saxon, p. 20ff. См. выше с. 64, 79.

24 CM.: P. Hunter Blah; B S. E. H. B., p. 86ff.

25 CM.: /. Williams, Early Welsh Poetry, 22. . Три древневаллийских стихотворения были, однако, записаны в первой половине IX века на верхнем поле рукописи Juvencus MS метрической версии Псалмов, хранящейся в Библиотеке Кэмбриджского университета. См.: Williams, E. W. P., p. 28, 72.

26 Ценный краткий очерк процесса, набросанного выше, дается в R. Bromwich, «The Character of the Early Welsh Tradition» B S. E. B. H., Ch. V.

27 CM.: //. M. and N. K. Chadwick, G. E., I, pp. 163f.; H. M. Chadwick, E. S., p. 143.

28 Некоторое количество генеалогий содержится в рукописи Harl. 3859; также Jesus College (Oxford), MS. XX H Hengwrt 356, и опубликованы в IV. F. Skcne, F. A. B. W. II (Edinburgh, 1868, p. 454). См. также H. M. and N. K. Chadwick, G. E. I, p. 149.

29 См.: История бриттов, гл. 57. Хотя это не утверждается прямо, упомянутый здесь Рум (Рун), отец Риеммельт, вероятно, является Руном, сыном Уриепа.

30 См. J. E. Lloyd, H. W., I, p. 118.

31 B Jesus Colledge (Oxford) MS. XX, VIII, эта генеалогия спутана с генеалогией Диведа, что неудивительно ввиду присутствия в традиции ирландских элементов. См. также Y Cymmoroddr VIII. 85.

32 О легендах о Брихане и его сыне Раине См.: Lloyd, H. W. I, p. 270f.

33 CM.: Wade-Evans B De Situ Brecheniauc, V. S. B. G., p. 313.

34 CM.: K. Meyer, «The Expulsion of the Deisi», Eriu III, pp. 135f.; Y Cymmro-dor, XIV, pp. lOlf.

35 CM.: Plummer, A.-S. Chronicle II 404.

36 Waquet, H. B., p. 20.

37 CM.: Baring-Gould and Fisher, E. B. S., Ill, 343, n. 2.

38 О св. Гуртиерне см.: замечания в Chadwick and others, S. E. B. H., pp. 39ff.

39 Обсуждение историчности этого повествования см. в Durtelle de Saint-Sauveur, H. B. I, p. 52f.

40 CM.: Durtelle de Saint-Sauveur, H. B. I, p. 46f. и ссылки.

41 Hist. Franc. IV, 4.

42 Ibid., X, IX.

43 Ibid., IX, 17; CM. de la Borderie, H. de Bretagne, I, p. 442ff.

44 Краткий рассказ о Номиное см. в A. Rebillon, H. de Bretagne.

ГЛАВА 5

1 CM. Binchy, Crfth Gablach p. 109; MacNeill IPG, pp. 88f.

2 IPG, p. 104.

3 CM.: Hogan. «The Trfcha Get and Related Land-Measures)) pp. 191ff. (PRIA XXXVIII C 1929).

4 Гиральду Камбрийскому приписывалось утверждение, что в его дни в Ирландии было 176 trfcha cet. Но это ошибка. Он не упоминает trfcha ce"t, а его подсчеты «кантредов» в Ирландии не имеют под собой никакой реальной основы. См.: Top. Hib. Ill V (ed. Dimock, p. 145).

5 D. A. Binchy B Early Irish Society, p. 56.

6 CK 38f.

7 MD iv 142. 125.

8 ZCP XVII, p. 139. См. также O'Rahilly, Eriu XIV, pp. 14ff., где приводятся другие примеры; и /. Weisweiler, Heimat u. Herrschaft. Обсуждение этой темы можно найти P. Mac Cana, «Aspects of the Theme of King and Goddess in Irish Literature)), EC VII, pp. 76ff. 356ff.; VIII 59ff.

9 Top. Hib. Ill, XXV.

10 J. O'Donovan, Tribes and Customs of Hy Fiachrach 425; Medieval Studies presented to Aubrey Gwynn S. J. (Dublin 1961), 197; см. жезл Агамемнона, ил. II 101, о чем напомнил мне пр. Дж. Хаксли. Дж. Карни показал, что Праздник Тары был инаугурационпой церемонией короля Тары, SILH, pp. 334ff. См. также Binchy, Eriu XVIII, p. 134.

11 «Die magische Kraft der Wahrheit im alten Indien», ZDMG XCVIII (1944), 1; «The Hindu Act of Truth in Irish Tradition», Modern Philology XLIV (1947), 137; Maartje Draok, «Some Aspects of Kingship in Pagan Ireland)), The Sacral Kingship, pp. 651-663 (Leiden, 1959).

12 LC p. XVII.

13 Binchy, Eriu XVIII, p. 125.

14 Binchy, EIS, p. 58. большинством материалов в этой главе я обязан неопубликованным заметкам, предоставленных мне пр-ом Бинчи. В валлийском тексте говорится: «Есть три вида людей, король, бреир и раб», Melville Richards, Laws of Hywel Dda 26.

15 Едва ли можно сомневаться, что это слово родственно санскритскому arya-, хотя Турнайзен предложил альтернативное объяснение, ZCP XX, S. 353. Бинчи указал мне на то, что род. п. airech следует объяснять аналогией с ruire, «верховный король», род. п. ruirech.

16 Ссылки см. в O'Rahilly, EIHM, p. 340.

17 CM. Binchy, P. B. A. XXIX, p. 223.

18 О'Рахилли отмечает, что название Миде позднего происхождения. Древнее имя центральной провинции неясно, EIHM, pp. 166, 174 n. 4. О Пяти Провинциях см. также. xaK>Ke O'Rahilly, Celtica I, pp. 387f.

19 EIHM, pp. 166.

20 Binchy, Proc. International Congress of Celtic Studies (Dublin, 1962), p. 121.

21 CM. Thurneysen, Cdic Conara Fugill (APAW 1925, Phil.-Hist. Kl. 7).

22 CM. Thurneysen, Die Burgschaft im irischen Recht, S. 35ff. (APAW 1928, Phil.-Hist. Kl. 2). Binchy EIS, p. 63.

23 Tliurneysen, «Das Fasten beim Pfandungsverfahren», ZCP XV, S. 260ff.; Jolly, Grundriss der indo-arischen Philologie II 8, 147; L. Renou, «Le jeune du creancier dans 1'Inde ancienne», JA 1943-1945, pp. 117ff.

24 CM. Binchy, CG, pp. 84f.

25 CM. Binchy, Eriu XII, pp. Iff., CM. iiH>Ke c. 129.

26 Она же является Кормлед, о которой в Саге о Ньяле говорится: «Она была наделена большой красотой и всеми теми качествами, которые не были в ее власти, но говорят, что во всех

качествах, за которые она была ответственна сама, она была чрезвычайно дурна».

27 Thurneysen et al, Studies in Early Irish Law, p. 16ff., 240ff. Здесь я снова многим обязан неопубликованным замечаниям д-ра Винчи.

28 Set был единицей стоимости, равной половине стоимости молочной коровы.

29 CM. Melville Richards, Laws of Hywel Dda 77.

30 Eriu XX, p. If.

31 Crfth Gablach, ed. Binchy, p. 11. 47ff.; Eriu XII, p. 82f.

32 Поздняя датировка рукописей не имеет решающего значения, так как ирландские рукописи, за некоторым исключением, были написаны гораздо позднее. В Ирландии местная традиция оказалась поначалу сильнее норманнского влияния и, как хорошо известно, норманны вскоре переняли ирландские обычаи.

33 Hywel D. Emanuel, «The Latin Texts of the Welsh Laws» B Welsh History Review 1963, pp. 25-32.

34 HW I 302.

35 CM.: Wales through the Ages, p. 107.

36 CM.: AL IV 18.

37 Этим я в особенности обязан неопубликованным заметкам профессора Винчи.

38 Binchy, Crfth Gablach 85.

39 CM.: /. R. Reinhard. The Survival of Geis in Medieval Romance, p. 56f.

40 EIL, p. 27F.

41 CM.: «The Taboos of the Kings of Ireland», PRIA LIV C, pp. Iff. TaoKe /. R. Reinhard, op. cit., p. 106f.

42 Binchy, Eriu XVIII, p. 129. Этот элемент, возможно, присутствует в имени мифического короля Бели из валлийской традиции, но нет сведений об ирландском боге Беле.

43 CM.: Vendryes, La Religion des Celtes, p. 313 (Mana. Introduction a 1'histoire des religions 2, Paris, 1948).

44 ALI II XXI 10.

45 CM.: Studia Celtica I, pp. Iff.

ГЛАВА 6

1 Этот отрывок появляется в одной строфе валлийской поэмы в Гододдине (см. ниже. с. 262 и ел.) и считается поздней интерполяцией.

2 Это название представляется композитом ath — со значением латинского ге, обозначающего повторяемость, — и Fdtla, одного из названий Ирландии. См.: Watson, C. P. S., p. 228f.

3 Свидетельства см. в O'Rahilly, E. I. H. M., p. 371.

4 Skene, C. S. I, p. 305f.

5 Ирландский ученый XI века, хронист и историк.

6 Издана и переведена K. Jackson, S. H. R., XXXVI (1957), p. 125ff.

7 Текст см. в Skene, P. and S., p. 209, CM. ibid., C. S., I, p. 306.

8 K. H. Jackson, «Common Gaelic, The Evolution of the Irish Language», P. B. A., XXXVII (1951).

9 CM.: Skene, C. S. I, p. 302; CM. Chadwick, E. S., p. 10 pass.

10 О датировке восшествия Мервина на престол см /. E. Lloyd, H. W. I, p. 231; см. также ibid., p. 224, n. 145.

11 Ллойд считал, что с восшествием на престол Мервина Вриха в 825 г. «чужак завладел троном Гвинедда и королевской столицей Аберфрау». См., однако, N. K. Chadwick B S. E. B. C., p. 74ff.

12 CM. Chadwick, E. S., p. 146.

13 Уитли Стоукс отождествил имя отца Мервина Gureat (зафиксированное в Hanes Gruffydd ap Cynan) с лат. Vireatus; см. также Jackson, L. H. E. B., p. 345. Скин отождествил это имя с пиктским Ferat (F. A. B. W. I., p. 94).

14 CM.: J. Rhys, «A Welsh Inscription in the Isle of Man», ZCP, I (1897), p. 48f., с прорисью Crux Guriat.

15 Скин рассматривал выражение dir Manaw как относящееся скорее к «земле» (dir, tir) в верхней части залива Ферт-оф-Форт (F. A. B. W., I, p. 94); но см.: Bromwich, Triads, p. 396.

16 Характер рукописи не позволяет точно определить степень родства.

17 Более подробно о письме и криптограмме, а также ссылки см. в N. K. Chadwick, S. E. B. C., p. 94ff.

18 Подробное исследование об интеллектуальном уровне и контактах двора Гвинедда в этот период с полной библиографией см. в N. K. Chadwick, S. E. B. C., p. 29ff.

19 Chadwick, G. L. I, pp. 146ff.

20 N. K. Chadwick, S. E. B. C., pp. 46ff.

21 См. рукопись в Jesus Colledge, Oxfod, XX, генеалогия 20. Эти данные, находящие подтверждение в рукописи MS Harleian 3859 в Британском музее, следует предпочесть обратным свидетельствам, считающим Нест матерью Мервина, а Этилльт его женой.

22 CM.: Lloyd H. W. I, p. 325, n. 17. " CM.: Lloyd H. W. I, p. 325.

24 CM.: Wade-Evans, V. S. B. G. reneajiorHH I.

25 Об отношении победы Родри к событиям в Льеже и об оде см.: N. K. Chadwick, S. E. B. C., p. 83f.

26 Так MS A.; однако в MS B стоит frater, также Brut y Tywysogyon, MSS. Peniarth 20; H Red Book of Hergest. См. издания: Thomas Jones, Cardiff, 1952 H 1955 соответственно.

27 CM.: Lloyd, H. W. I, p. 326 and n. 27.

28 Эта генеалогия из Jesus Colledge (Oxford) MS 20 была опубликована в E. PhiUimore, Y Cymmrodor, Vol. VIII (1887).

29 Издана сэром Ивором Уилльямсом (Cardiff, 1955).

30 См.: «Житие короля Альфреда», написанное Ассером, гл. 79, ed. by W. H. Stenenson, новое впечатление со статьей о недавнем труде D. Whitelock (Oxford, 1959).

31 Об этом аннале и об идентификации Свифнеха см. замечание Пламмера ad loc. T. S. C. II, p. 105.

32 Пламмер считает, что под этим понимаются корнийцы. CM. T. S. C. II, p. 452 s. v. West Wealas. Однако эта интерпретация в данном контексте кажется мне неправдоподобной; см. далее замечание Пламмера, p. 135f.

33 C. /. 5. Marstrander, Bidrag til det norske sprogs historic i Irland (Kristiania, 1915), p. 56ff.; см. также A. Bugge, Contributions to the History of the Norsemen in Ireland (Christiania, 1900), p. 4.

34 A. Broegger and H. Shetelig. The Viking Ships (Oslo, 1951), p. 52ff.

35 О датах жизни Харальда см.: G. Titrville-Petre. The Heroic Age of Scandinavia (London, 1951), p. 116.

36 См. две важные статьи о Дикуйле и его трудах M. Esposito B D. R., Vol. 137 (1905), pp. 327ff.; Studies, Vol. Ill (1914), pp. 651ff.

37 Рассказ об этом приводится во вступлении к Islands Landnamabdk («Книга о заселении Исландии»), часть которой датируется XII веком и которая в целом считается очень надежным источником.

38 О датировке первых поселений на северных островах см.: A. Bugge. Vesterlandenes Indflydelse i Vikingtiden (Christiania, 1905); A. W. Broegger. Ancient Emigrants (Oxford, 1929); T. D. Kendrick. History of the Vikings (London, 1930); H. Marwick. Orkney (London, 1951), p. 36.

39 CM.: H. Shetelig. V. A. G. B. I., Part I (Oslo, 1946), pp. 22ff. CM. H. Koht. Inhogg og Utsyn i Norsk Historic (Kristiania, 1921), p. 34.

40 CM.: The Orkneyinga Saga, ed. by 5. Nordal (Copenhagen, 1916); перевод и исследование саги A. B. Taylor (Edinburgh, 1938); перевод и ценное предварительное исследование Vigfiisson, Rolls Series, Vol. I, 1887; Vol. II, 1894.

41 Общий рассказ об этой битве см. в «The Battle of Clontarf» by Rev. John Ryan, J. R. S. A. I., Vol. VIII, 7lh Series (1938), pp. Iff.

42 Общее изложение вопроса см. в E. McicNeill, «The Norse Kingdom of the Hebrides», S. R. XXXIX (1916), pp. 254ff.

43 CM.: R. L. Brenner. Saga-Book of the Viking Club III (1902-4), p. 373.

44 M. Oftendal, «Norse Place-names in Celtic Scotland)), Proceedings of the International Congress of Celtic Studies (Dublin, 1962), p. 48.

45 CM.: A. Sommerfelt. De Norsk-irske Bystaters Undergang 1169-1171 (Avhan-dlinger utgitt av Norske Videnskaps-Akademi i Oslo II. Hist. Filos. Klasse 1957, No. 4), p. 5.

46 См. выше с. 151. Дикуйл сообщает, что эти острова в его время (начало IX века) были опустошены викингскими набегами (causa latronum nortman-norum).

47 CM.: Shetelig, V. A. G. B. I., p. 31.

48 M. Oftedal, op. cit., p. 44f.

49 То есть Рогаланда, раннего королевства в Западной Норвегии.

50 О действиях викингов в Уэльсе см.: B. G. Charles. Old Norse Relations with Wales (Cardiff, 1934). CM. xaioKe Melville Richards «Norse Place-names in Wales», I. C. C. S., p. 51ff.

51 CM.: B. Dickins. The Place-names of Cumberland, Vol. Ill (Cambridge, 1952), p. XIII.

52 См. важную статью F. T. Wainwright, «The Scandinavians in Lancashire)), T. L. C. A. S. LVIII (1945-6), p. 71 ff. и приведенные там материалы. См. также Ekwall, «The Scandinavians and Celts in the North-West of England» (London, 1918); Place-names of Lancashire (Manchester, 1922).

53 Это составляет предмет норвежской скальдической поэмы, Darratharljdth, изданной и переведенной N. K. Chadwick B Anglo-Saxon and Norse Poems (Cambridge, 1922), pp. 11 Iff.

54 C. G. G., ed. and transl. by / H. Todd (London, 1867).

55 CM.: F. Henry, «The Effects of the Viking Invasions on Irish Art», B I. C. C. S., p. 6Iff.

56 CM.: Zimmer, Keltische Beitrage, III, p. 108.

57 Превосходный общий обзор ирландских ученых на континенте с VIII по X век и их пребывания и трудов в континентальных монастырях см. в L. Bieler, Ireland, p. 65ff. См. также / M. Clark, A. S. G., 18-54, особенно p. 33. О CaHKT-FaJuieHe CM.: /. F. Kennedy, Sources, p. 594.

58 CM.: Clark, A. S. G., 30; см. также Chadwick, S. C. B. C., pp. 94ff.

59 CM.: Clark, loc. cit.

60 CM.: D. Whitelock, A. S. C., p. 53.

61 C. Plummer, T. S. C., Vol. II, p. 105.

62 CM.: Pddraig Leonard, «Early Irish Grave-Slabs», P. R. I. A. Vol. 61, Section C, No. 5(1961), p. 161.

63 CM.: Petrie, The Round Towers of Ireland, p. 328, где приводится прорисовка надгробия с именем Суибне.

64 Английский перевод Куно Майера, A. I. P., p. 101 (новое издание 1959).

ГЛАВА 7

1 Chorographia III, VI, 8. Варианты прочтения этого слова см. в Do/tin, Manual, p. 383, n. 5.

2 Plutarch. Moralia De Defectu Oraculorum, cap. 18.

3 Moralia XII, De Facie quae in orbe lunae apparet, cap. 26.

4 О Деметрии см.: Rhys Roberts. Demetrius (London, 1927), p. 273.

5 Прокопий, Война с готами VIII XX, 45-49.

6 Cyril Fox, F. E. I. A.

7. A. Richmond. 196. Более подробно см.: J. C. Bruce, The Hand-Book to the Roman Wall (7lh ed., Newcastle-upon-Tyne, 1914), pp. 119f.; 126ff. См. также ниже прим. 8.

8 Об инвентаре камней с надписями из этого места см.: Collingwood and Wright, R. I. B., pp. 485-98 (nrs. 1520-62).

9 H. Usener. Scholia in Lucanem (Leipzig, 1869), p. 33. Рукопись схолий датируется X веком.

10 LXII, VI, 7. О форме имени см.: Dottin, Manuel, p. 313.

11 Анналы, XIV, 30.

12 Loth, Chrestomathie, p. 222.

13 Можно сослаться на Вудхендж, Саттон Ху, Йиверинг, а теперь и Данбар — все в Британии; и на местности в Галлии, о которых ниже, в 12-й главе.

14 A. Richmond. R. B., p. 192; Powell, Celts, p. 145f.

15 Suetonius, Caesar, 54.

16. A. Richmond, R. B., pp. 192ff.

17 Ibid., pp. 136f., 194.

18 Ibid., pp. 142f.

19 CM.: R. E. M. Wheeler, Lydney; см. в особенности Appendix I, pp. 132ff. by J. R. R. Tolkien.

20 Lucian. Heracles Iff. CM.: F. Benoit, Ogam V (1953), pp. 33ff.

21 CM.: S. B. Plainer, Topographical Dictionary of Ancient Rome (Oxford, 1929), s. v. Hercules Musarum, 255.

22 Kuno Meyer. S. C., No. 141.

23 Ed. E. Windisch (Leipzig, 1905), p. 797, 1. 5524.

24 Herodian VIII, 3, 8. (Zwicker, Fontes I, p. 91.)

25 EIHM, p. 516.

26 O'Рахилли предпочитает эту форму EIHM, p. 314, однако Турнайзен приводит Морригайн как более раннюю, объясняя ее как «королева призраков» («Maren-konigin»), Heldensage, S. 63.

27 Giraldus Cambrensis, Top. Hib. II XXXIV-XXXVI.

28 EIHM, p. 318.

29 Ib., p. 322.

30 Heldensage, S. 300; ZCP XXII 3.

31 EIHM, pp. 308-315.

32 CM.: Heldensage, s. 63; EIHM, pp. 475f.

33 Heldensage, S. 64.

34 Murphy, Saga and Myth, p. 21.

35 SC 896.

36 Любопытный отрывок о Мананнане см. в Heldensage, S. 516f.

37 CM. GL I 420.

38 CM. Eriu XVIII, pp. 134f.

39 EIHM, p. 283.

40 EIL, pp. 1 lOf.

41 C. O'Rahilly (ed.), Tain Bc5 Ciialnge, p. 143.

ГЛАВА 8

1 Elie Griff e, G. C. T., p. 13.

2 Migne, P. G. XX, col. 407ff.; английский перевод T. H, Bindley, The Epistle of the Gallican Churches (London, 1900). Прим. пер. — Русский перевод: Евсевий Памфил, Церковная История, М., 1993. Здесь и далее все ссылки даются на это издание (далее — Ц. И.).

3 De Viris Illustribus, XXXV; P. L. XXIII, col. 649.

4 Historia Francorum, V, I. 29.

5 H. E. V, 20; CM. Irenaeus, Adversus omnes Haereses, III. 3. 4.

6 U. M. V, 24.

7 Adversus omnes Haereses, BsefleiiHe.

8 Adv. Heares. I. X. 2. Tertullain, Adv. Judaeos VII.

9 Ср. Duchesne, E. H. C. I, p. 185.

10 LJ. H.;X., V.

11 Chronica, II, 45.

12 Si. Jerome, Commentarius ad Galatas II; Sulpicius Sevents, Chronica II. 42.

13 Epistolae XII; CM. XX, 3.

14 IlHCbMO Etsi tibi, P. L. XX, col. 472, cap. III.

15 Chron. s. a. 379.

16 Confessions VIII. 6.

17 Migne. P. L. XX, col. 445.

18 Ep. 5, 15.

19 Ep. 23, 8.

20 Рассказ о св. Мартине см. в: E. Griffe. G. C., Ch. VI.

21 Ep. 4, Mansi. Ill, p. 264; Migne, P. L. I, col. 430.

2- CM.: J. M. C. Toynbee. ((Christianity in Roman Britain)), J. B. A. XVI (1953), pp. 3ff.; Hugh Williams. C. R. B.

23 Carmen apologeticum adversus Judaeos VII.

24 Homily IV in Ezek. Hieron. interpr.

25 См. «Житие св. Германа», написанное Констанцием в конце V века; упоминание у поэта VI века Венанция Фортуната (M. G. H. XI; Poet. IV, 1); H Bede, Hist. Eccles. I, 7. CM.: W. Levison. Antiquity, XV (1941), pp. 337ff.

261L H., X. 5, 21f.

27 Sulpicius Severus. Chronica, II, 41.

28 CM.: /. Richmond. A. J. CIII (1947), p. 64.

29 Athanasius. Ad Jovianum imp. Афанасий Великий, Творения (в 4-х т.), М., 1994. Послание к императору Иовиану, т. 3, с. 175-178.

30 De Synodis; Migne, P. L., Hilarii Op. ii, col. 479.

31 Apol. cont. Arian.; Hist. Arian ad Monach. Prol. cap. 28. Афанасий Великий, там же,

Защитительное слово против ариан, т. 1, с. 287-398; Послание епископа Афанасия к монахам, повсюду пребывающим, о том, что сделано арианами при Констанции, т. 2, с. 105-175.

32 Eusebius, Vita Const. Ill, 17. Евсевий Памфил, Жизнь блаженного Василевса Константина. М., 1998. С. 9.

33 V. E. Nash- Williams. Archaeologia, LXXX (1930), p. 235, fig. 1; B. B. C. S. XV, II (1953), p. 165ff.

34 G. W. Meates. L. R. V.; ibid., Ministry of Works Guide-book (London, 1962).

35 Prosper! Tironis Epitoma Chronicon, s. a. 429, ed. Mommsen, Chronica Minora I (Berlin, 1892), p. 341 f.

36 Последние работы о Пелагии см. в: G. de Plinval. Pelage (1943); J. Ferguson. Pelagius (1950).

37 Prosper. Epitoma Chronicon, s. a. 429.

38 Критическое обсуждение личности Констанция и его рассказа о св. Германе см. в: N. K. Chadwick. P. L. E. C. G., ch. IX. n ccbuiKH, oco6ei-mo na pa6orbi W. Levison.

39 Об этих школах см.: Haarhoff. The Schools of Gaul (Oxford, 1920).

40 CM.: C. P. Caspar!. Briefe (Christiania, 1890).

41 Briefe, p. 15.

42 J. Anderson. S. E. C. T., pp. 247f.

43 Ibid., p. 351; K. Jackson. Antiquity XXIX (1955).

44 Краткий официальный отчет об этом см. в: C. A. Radfordand G. Donaldson. Whithorn and Kirkmadrine; также S. Cruden. E. C. P. M. S., и краткую библиографию (Ministry of Works ijlustrated guides, published at Edinburgh, 1957). CM. особенно: C. A. Raleigh Radford. Antiquity, XVI (1942), p. Iff.

45 Whithorn and Kirkmadrine, p. 46 H HJIJI. p. 40.

46 Ibid., loc. cit.

47 Charles Thomas. Excavations on Ardwell Island, etc. 1964. Preliminary Reports, Edinburgh. 1964, 1965.

48 См. ценное исследование документов о св. Ниниане в: W. Levison. Antiquity, XIV (1940), p. 280. См. также недавние работы N. K. Chadwick, T. D. G. N. H. A. S. XXVII (1959), 9; John MacQucen. St. Nynia.

49 Это название, несомненно, относится к строительной технике обработанного камня, в отличие от деревянных строений, характерных для Британии того периода. См. Белград. Это слово употребляется в Югославии именно с таким значением. См.: A. B. Lord. The Singer of Tales (Harvard, 1960), p. 35. В русских былинах говорится о «белокаменной Москве».

50 V. E. Mash-Williams. E. C. M. W., No. 183.

51 Binchy. S. H., No. 2, p. 166.

52 K. Jackson. (Common Celtic», P. B. A., XXXVII (1951), p. 77f.

53 Краткий обзор христианства на острове Мэн см. в: Anne Ashley, C. I. M.

54 H. O'Neill Henckcn, A. C. S., pp. 121ff.

55 О происхождении и характере этих надписей см.: K. Jackson. L. H. E. B., pp. 157ff.; О происхождении и характере этих надписей см.: B Nash-Williams. E. C. I. W., passim.

56 CM.: Kenney. Sources, p. 159, n. 7.

57 О св. Патрике см.: D. A. Binchy. «Patrick and his Biographers», S. H. No. 2, p. 7ff.

58 Обсуждение этого вопроса см. в: D. A. Binchy. S. H., No. 2, p. 11 Iff.; T. F. O'Rahilly. T. P. См. обсуждение хронологии в: James Carney. S. I. L. H. ch. ix.

59 Toti Iberi, ultimi habitatores mundi (G. S. M. Walker. Sankti Columbani Opera (Dublin, 1957), 38. 23).

60 D. A. Binchy. S. H. No. 2, p. 42ff.

61 CM.: Joseph Anderson, S. E. C. T., I, p. 116; Stewart, Ronay (Oxford, 1937); Nisbet and Gaile, A. J., CXVI (1961), p. 88.

62 Joseph Anderson, S. E. C. T., p. 114.

63 Adamnan, Vita Columbae, V, 6; II, 40. Три путешествия Кормака, возможно, составили содержание цикла саг. Мы можем сравнить «Плавание Брендана» и другие imramma, о которых речь пойдет ниже на с. 242.

64 J. R. S. A. I. (1945), p. 127ff.

65 Мы приносим нашу благодарность д-ру Гарольду Тэйлору, показавшему функциональную необходимость этих выступающих камней для строительства clochan на острове

Скеллиг.

66 «Church Island», P. R. I. A., LIX (1957-9), Section C, p. 57ff.

67 Общий рассказ и планы всех этих ранних clochain и молелен см. в: H. G. Leask. Irish Churches and Monastic Buildings, Vol. I (Dundalk, 1955), p. 25ff.

68 См. ценное исследование отшельников и калди в: R. Flower. «The Two Eyes of Ireland)), Church of Ireland Conference, A. D. 432-1932 (Dublin, 1932), p. 66ff.

69 Этим предположением мы обязаны пр-у Д. Винчи.

70 Ed. E. Gwynn. Hermathena XLIV, 2"d suppl. vol. (Dublin, 1927), p. 31.

71 Обсуждение интересных взглядов Робина Фаулера на этот вопрос приводится в: A'. K. Chadwick, A. S., pp. 88f.

72 Текст напечатан Haddan & Stubbs. Councils II. ii, p. 292f. См. важное исследование: Paul Grosjean, S. J. Bollandist, A. B. LXXIII (1955), pp. 197ff.

73 CM.: Father John Ryan. I. M., p. 260.

74 Pierre Barbier. «Les Vestiges monastiques des lies de 1'embouchure du Trieux: 1'ile Saint-Maudez et l'ile-verte», S. E. C. (LXXX, 1951), pp. 5ff.; CM. ibid, Le Tregor Historique et Monumental (Saint-Brieuc, 1960), pp. 48f.; 104; 247f., H HJW. 19, 20.

75 CM.: Binchy. S. H., II, 169.

76 Ibid., loc. cit.

77 Как подчеркнул профессор Бинчи, «Patrick and his Biographers», S. H, No. 2, p. 149ff.

78 Ibid, p. 63.

79 Рассказ о рукописях и связанных с ними вопросах, а также английский перевод см. в: Whitley Stokes. R. C. XX (1899), p. 30ff. Обсуждение метра см. в: Calvert Waikins. Celtica VI, pp. 219, 228, 237, 243.

80 Текст переведен в Kenney, Sources, p. 220f.

81 CM.: Kenney. Sources, p. 247ff.

82 английский перевод F. R. Hoare, W. F, pp. 247ff.

83 Kenney. Sources, p. 432.

84 Издание Уильяма Ривза (Dublin, 1857) до сих пор остается классической работой по этому предмету. Лучшее современное издание и перевод — A. O. and M. O. Anderson (Edinburgh and London, 1961.

85 Kenney, Sources, p. 432.

86 О литературных произведениях, использованных Адамнаном, см. исследования Gertriid Briining, ZCP XI (1917), pp. 217ff.; D. A. Bitllough, SHR XLIV (1965), pp. 23ff.

87 Издано и переведено Denis Meehan (Dublin, 1958).

88 CM. D. Binchy, S. H., No. 2, 57.

89 О письмах см.: G. S. M. Walker. Sancti Columbani Opera (Dublin, 1957), p. 36ff.

90 CM.: J. M. Clark. A. ST. G., passim; О письмах см Hans Reinhardt, Der St Galler Klosterplan (St Gallen, 1952).

91 Kenney. Sources, p. 203f.

92 Ibid., p. 187.

93 Ibid., p. 197f.

94 Ibid., pp. 200, 240ff.

95 Последующую информацию и упоминания об этих ирландцах на континенте см /. M. Clark. A. St. G., p. 26ff.

96 Gesta Carol! Magni: Mon. Germ. Hist., Script, (ed. Pertz) II, 731.

97 Этот аспект ирландской интеллектуальной деятельности был блестяще продемонстрирован Nigra, Traube, Man/tins, и в более недавней работе Gougaud, J. M. Clark, Derolez et al. См. также S. E. B. C. Chadwick, Hughes, Brooke and Jackson, pp. lOlff. Ценное исследование K. Hughes, «Irish Monks and Learning», B Los Monjes y los Estudios (Abadia de Poblet, 1963).

98 O /J.HKyitrre CM.: Kenney. Sources, p. 545ff.; /. /. Tierney (ed.), Dicuili Liber de Mensura Orbis Terrae (Dublin, 1966.)

99 О Седулии и его круге см.: Kenney. Sources, p. 563ff.; W. L. M. Laistner, T. L., p. 231; см. исследование N. K. Chadwick, S. E. B. C., p. 93ff., и ссылки в этой работе.

100 T. L., p. 251.

101 Ed. by S. Hellmann, Sedulius.

102 Manitius, G. L. L. M. I, p. 318. См., однако: Hellmann. Sedulius, p. 95, n. 2.

103 Ed. by Hellmann, Sedulius.

104 Sources, p. 565, n. 2.

105 Ed. Traube, M. G. H. Poet. Lat. Aevi Carol. Ill (1886), pp. 151-237.

106 Hellmann, Sedulius, p. 204; M. G. H., Poet. Ill, p. 129; перевод Laistner, T. L., p. 394.

107 Hellmann, Sedulius, p. 71; M. G. H., Poet. Ill, p. 612; перевод Laistner, T. L., 394.

108 M. G. H., Poet. Ill, p. 219, De Pascha III; перевод Laistner, T. L., p. 394.

109 См. подробный рассказ об Иоанне Скотте в Laistner, T. L., особенно pp. 244ff.; 323ff.; Kenney. Sources, p. 569ff.

110 Kenney. Sources, p. 571.

111 СМ.: M. Dillon, E. I. L., pp. 125ff. и цитируемую там литературу; Kenney, Sources, p. 410, n. 140; перевод P. W. Joyce, O. C. R, pp. 112ff.

112 Dillon, E. I. L., p. 130; Kenney. Sources, p. 447f.; издана и переведена Whitley Stokes. R. C. IX, pp. 14ff.

113 Kenney. Sources, p. 741; издано и переведено Whitley Stokes. R. C. XIV (1893), p. 22ff.; также переведено P. W. Joyce. O. C. R., pp. 130.

114 Kenney, Sources, pp. 406ff.; Plummer, L. I. S,, Vol. I, Introduction, p. XVIff.; Text of the Irish Vita, Vol. I, p. 44ff.; Translation Vol. II, p. 44ff.

115 Kenney, Sources, p. 414ff.

116 Ibid., p. 410.

117 Ibid., p. 410, n. 140.

118 Ibid., loc. cit.

119 Ibid., p. 728.

120 O Navigatio СМ.: Kenney, Sources, в особенности pp. 41 Iff.; 414ff.; C. Selmer, Navigatio Sancti Brendani Abbatis (Notre Dame, 1959).

121 Обсуждение возможных путей проникновения легенды о Брендане на континент см.: C. Selmer. «The Beginnings of the Brendan Legend», The Catholic Historical Review XXIX (1943), p. 169.

122 Kenney. Sources, p. 411.

123 Ibid., p. 415.

124 Латинские тексты «Жития» изданы C. Plummer, V. S. H, Vita Prima, Vol. I, p. 98; Vita Secunda, Vol. II, Appendix I, p. 270. Рассказ о текстах см. Vol. I, Introduction, p. XXXVIff. Ирландское «Житие» издано C. Plummer, L. I. S., Vol. I, p. 44ff; перевод Vol. II, pp. 44ff. См. также: Vol. I, Introduction, XVIff. Тексты латинского «Жития» и Navigatio были в доступной форме опубликованы Bishop Moran, Acta Sancti Brendani (Dublin, 1872); английский перевод D. O'Donoghue, Brendaniana (Dublin, 1893).

125 См. выше прим. 121.

126 Издано и переведено Уитли Стоуксом в Lives of Saints from the Book of Lismore (Oxford, 1890).

127 Ibid., p. v.

128 Plummer, V. S. H. I, p. XXXIX.

129 Текст по: Codex Salmanticensis. СМ.: D. O'Donoghue. Brendaniana, p. 263; перевод O'Donoghue, loc. cit.

130 Об особенностях рукописей и изданий см.: Kenney. Sources, p. 501f.; Plummer, Bede II, pp. 169f.

131 Kenney. Sources, p. 502. Обзор и краткий отчет см. в: Boxwell, I. P. D., pp. 1661T.

132 СМ.: Plummer. Bede II, p. 440.

133 Порядок событий в повествовании Беды перемешан, и Пламмер предлагает отнести начало болезни и проявление таких ее признаков, как транс и видения, к ирландскому периоду, а касательно второго приступа заболевания он полагает, что болезнь застигла святого уже в Восточной Англии (см.: Bede, II, p. 169f.). Однако мы считаем, что в данном случае мы имеем дело с повторяющимся мотивом.

134 Kenney, Sources, p. 444f.; ирландский текст в Dottin, Manuel d'lrlandais Moyen (Paris, 1913), II, p. 101 ff.

135 Fi's Adamnan переведено Boswell, I. P. D., pp. 28f.

136 СМ.: Kenney, Sources, p. 741f. Ирландский текст издан под названием Aisling Tundail (с кратким введением Куно Майера) в V.-H. Friedel and Kuno Meyer, La Vision de Tondale (Tnudgal) (Paris, 1907), p. 89ff.; M. Dillon, E. I. L., p. 132. Эта история обсуждается и кратко излагается в Boswell, I. P. D., pp. 212ff.

ГЛАВА 9

1 В этом галльский согласуется с бриттскими языками, являясь P-кельтским.

2 В латыни эта форма выполняет функции относительного, в валлийском и ирландском вопросительного местоимения.

3 В раннем ирландском огамических надписей, однако, q и с различаются, как в MAQI, род. п. ед. ч. от слова «сын», фигурирующем в большинстве надписей.

4 Ed. Colder. Auraicept na nEces, pp. 21 Iff. Существует неопубликованный текст в B. M. Additional 4783.

5 Различные мнения о происхождении и названии огама см.: MacNeill. PRIA XXVII (1909) C, pp. 329ff.; Macalisler. The Secret Languages of Ireland, pp. 20ff.; Marstrander. NTS I, pp. 180ff. (RC XLV 412); Thurneysen. Beitrage zur Geschichte der deutchen Sprache und Literatur, LXI, S. 188ff.; Vendryes, EC IV, pp. 83ff.; J. Kurylowicz. BSL LVI, pp. Iff.; Richardson. Hermathena LXII (1943); O'Rahilly. EIHM, pp. 495; Jackson. LHEB, p. 156; D. A. Binchy. Studia Hibernica I, 8. O'Рахилли, по всей видимости, считает, что огам был занесен в Ирландию из Галлии. Ричардсон подчеркивает важность существования особого знака для ng (agma).

6 Полный отчет об источниках приведен в Jackson. LHEB, pp. 42ff.

7 См. выше с. 227.

8 CM. Binchy. «The Linguistic and Historical Value of the Irish Law Tracts» 23, 27, 30 (PBA XXIX, 1943); R. Thurneysen and others. Studies in Early Irish Law, pp. VI, 183, 223.

9 CM.: Watkins. Celtica VI 32-37.

10 CM.: Henry Lewis. «The Sentence in Welsh» pp. 1 If. (PBA XXVII, 1942), где обсуждаются отклонения в порядке слов средневаллийского.

11 G. Colder. Auraicept na nEces (rev. Thurneysen, ZCP XVII 277; XIX 128).

12 О школах бардов см.: O. Bergin. Irish Bardic Poems, Introd. Бергин издал эти трактаты в Eriu, VIII-XIV. O6 3Tnx TpaKrarax CM.: B. O Cuiv. ((Linguistic Terminology in the Medieval Irish Bardic Tracts», TPS 1965 XX.

13 Примерами могут служить лат. corulus, «орешник», ирл. coll; лат. salix, «ива» (др.-в.-н. salaha), ирл. sail; лат. flos, «цветок», ирл. blath; лат. piscis, «рыба», ирл. iasc.

14 ueru, «вертел» (гот. qairu «столб»), ирл. bir; cribrum, «решето» (др.-англ.. hridder), ирл. criathar.

15 По всей видимости, заимствование из германского, так как английское -c подразумевает германское -g.

16 Чертой тохарского является также и субъюнктив на -a-.

17 В терминологии лингвистической географии они могут считаться общим архаизмом. Однако они являются исторически очень ранней общей инновацией, как показал Pedersen. Groupement pp. 14ff.

18 filius, ирл. mac, валл. mab; filia, ирл. ingen, валл. merch.

19 О важности общих пережитков см.: J. Puhvel (ed.), Ancient Indo-European Dialects (Berkeley, 1966).

20 «Italo-Celtic Re-visited» B /. Puhvel op. cit.

21 The Inflectional Categories of Indo-European, pp. 64ff., 238.

22 Но это различие не следует преувеличивать. Основной изоглоссой является различение p и q, но это не было большим препятствием, как показывает надпись Uoteporigis. О ее относительной незначительности см.: E. Hamp. Loch-lannI211.

23 H. Pedersen. Tocharisch, pp. 2, 145, 152, 155.

24 C. Watkins. Celtica VI, pp. 13f.

25 EIHM 436 n. 2. Это может быть справедливым, даже если переход qu>p датируется «итало-кельтским» периодом, но Турнайзен отметил, что это могло произойти независимо в каждом языке, ZCP XVI 287 n. 2.

26 CM.: Theodor Bergk. Opusc. Phil, ii 392-3, mix. B Watkins, Celtica VI, pp. 199-200.

27 Skene. Four Ancient Books of Wales. Здесь опубликовано содержание Белой книги Риддерха, Красной книги Хергеста, Книги Талиесина и Книги Анейрина, ныне обычно известные как Четыре Древние Книги.

28 CM.: /. LI. Foster and G. E. Daniel. Prehistoric and Early Wales, p. 234.

29 Awdl — строфа из стихов, соединенных конечной рифмой. В стихах различное

количество слогов (см. с. 266). Когда изменяется конечная рифма, начинается новый awdl.

30 «Гододдин» является собранием строф, очевидно позаимствованных из устной традиции, в котором последовательность и связь между частями были утрачены». Morris Jones. Cymmrodor XXVIII (1918), p. 7.

31 Cymmrodor XXVIII.

32 Rhys. Welsh Philology, pp. 138-139.

33 Jackson. LHEB, p. 693.

34 Древнейшие рукописные материалы — это Surexit Memorandum в Книге се. Чада, датируемый, вероятно, VIII веком, см. LHEB, pp. 42f. Древнейшая надпись на валлийском, как языке, отличном от бриттского, — на Камне Кингена, датируемая VII веком, см.: BBCS XI, p. 92; LHEB, p. 668.

35 СМ.: Parry. Oxford Book of Welsh Verse, p. 538. Моррис Джоунз проанализировал метрику изданных им поэм (op. cit.).

36 Cymmrodor, XXVIII, p. 156; Lectures on Early Welsh Poetry, p. 63.

37 «The Archaism of Irish Tradition», PBA XXXIII (1947), pp. 9-11.

38 См. также Lectures on Early Welsh Poetry, pp. 53f.

39 СМ.: K. H. Jackson. ALMA, pp. 12-19. Лумис изложил доводы в пользу существования утраченного Артуровского цикла в Британии до Гальфрида Монмутского, см.: «The Arthurian Legend before 1139» B Wales and the Arthurian Legend, Cardiff, 1956. СМ. хаКасе: T. Jones. «The Early Evolution of the Legend of Arthur», Nottingham Mediaeval Studies VIII (1964).

40 «Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse», Celtica VI, pp. 194ff.

41 СМ.: G. Murphy. Early Irish Metrics, p. 19.

42 Следующий героический стих был издан и переведен Куно Майером, Kuno Meyer, AID H Bruchst.

43 СМ.: TV. K. Chadwick. SGS iv 1.

44 Рифма появляется в метрических надписях, языческих и христианских, найденных в римской провинции Африка, Raby, Christian Latin Poetry, p. 14.

45 ibid., p. 25.

46 Murphy. Early Irish Metrics, pp. 16-17.

47 Murphy, ibid. p. 12.

48 ibid. pp. 12, 25. 49CelticaVI, pp. 218ff.

50 Ancient Irish Poetry, p. XII.

51 Это еще не все, так как здесь присутствует изысканный прием под названием uaithne, , «консонанс» между концом первой строки и рифмующими окончаниями второй и четвертой: гласные соотносятся по долготе, а конечные согласные по классу и качеству.

52 Celtica, VI, p. 225.

53 The Irish Tradition, p. 42.

54 О тексте и переводе см.: Murphy. Early Irish Lyrics, p. 28.

55 Глин Дэвис давно высказал предположение, что этот толчок мог исходить от какого-то древнего молитвенника. Cymmrodorion 1912-13, p. 92. Пр. МакЭйн показал, что Canticum Trium Puerorum является источником призывания стихий в Лорике, Studia Hibernica 2, 214.

56 Four Old-Irish of Summer and Winter. London, 1903.

57 Cymmrodorion 1912-13, p. 84.

ГЛАВА 10

1 Ср. рассказ об индийских историках, Winternitz, Geschichte der indischen Literatur, III, S. 81-82. 2SM, p. 11.

3 G. Schoepperle. Tristan and Isolt (London, 1913).

4 См. ниже с. 319.

5 СМ.: K. H. Jackson. The Oldest Irish Tradition, Cambridge, 1964.

6 Издание и перевод V. Hull. New York, 1949.

7 Профессор Винчи, издавший эту сагу, не находит в ней особенного сходства с повестью о Тристане, см. Scela Cano meic Gartnain p. XVII.

8 DF II and III, Dublin, 1933, 1953.

9 The Ossianic Lore and Romantic Tales of Medieval Ireland (Dublin, 1961), p. 25.

10 Язык древнейших правовых трактатов отражает более ранний период развития языка,

однако не вполне ясно, когда они впервые были записаны (см. выше с. 254).

11 IPD; St John D. Seymour. Irish Visions of the Otherworld, pp. 98f.

12 ed. K. Meyer. The Vision of Mac Con Glinne. London, Nutt, 1892.

13 Майер отметил, что этот мотив заимствован из истории об аргонавтах, ZCP X 360.

14 ZfdA XXXIII 295f.

ГЛАВА 11

1 HWL, p. 27.

2 Jarman. The Legend of Merlin, Cardiff, 1960. } Stith Thompson. Motif Index F 567.

4 Это может относиться к возвращению Риса ап Тьюдура и Гриффидда ап Кинана. СМ.: Griffith. Early Vaticination, p. 88.

5 HWL 26, 30.

6 В данном случае речь идет о Генрихе II, посетившем могилу св. Давида по возвращении из Ирландии и позднее ведшем войну со своим сыном. См.: HWL, pp. 32-33.

7 См. выше p. 271.

8 СМ.: Arthur Jones. The History of Gruffydd ap Cynan 180 n. 4; HWL 45.

9 Обычно считается, что «классический» период поэзии бардов начинается около 1250 г., но историческая поэма, датируемая О'Брайеном приблизительно 1120 г., также следует строгим правилам аллитерации и рифмы. См.: Eriu XVI, pp. 157ff. Полное развитие строгой системы cynghanedd закончилось в XIV веке.

10 R. TTiurneysen. Mittelirische Verslehren, Irische Texte II.

11 Lloyd-Jones. Court Poets 26, PBA XXXIV (1949).

12 Перевод Bell.

13 Перевод Bell В HWL, p. 54.

14 Cynghanedd получил окончательное развитие только в XIV веке.

15 K. Jackson. The International Popular Tale in Early Welsh Tradition, Car¬diff, 1961.

16 P. MacCana. Branwen Daughter of Llyr, Cardiff, 1958.

17 СМ.: O'Rahitty. Ireland and Wales, pp. 1061T.

18 W. Faraday. The Cattle-Raid of Cualnge, pp. 1 1 7ff.

19 Вероятно, остров Грассхолм в Пемброкшире, СМ. Pedeir Keinc 214-215.

20 Держатель ног короля входил в придворный штат согласно валлийским законам.

21 Это представляется пережитком древней традиции, ибо воззвание к Lugouibus в Осме в Испании (CIL II 2818) использовалось сапожниками в качестве обращения к богу Лугу, который был их покровителем; а Ллеу является валлийской формой этого имени. См. выше С. 27, 175 Н CJI.

21 W. J. Gruffydd. Math pp. 31, 30 Iff.; Jackson. The International Popular Tale and Early Welsh Tradition, pp. 106ff.

23 Знаменитый ирландский король Кормак родился в лесу во время грозы и был вскормлен волчицей.

24 См. ирландское grad ecraaise, Bbime с. 301.

25 У Балора в ирландской саге «Битва при Маг Туиред» был отравленный глаз, который, когда он хотел уничтожить врага, открывало четыре человека (RC XII 100).

26 СМ.: Jones and Jones. The Mabinogion, pp. XXVIIIff.; Parry, HWL, p. 87.

ГЛАВА 12

1 Jacobsthal E. C. A. (Oxford, 1944), I, p. 160.

2 A. Varagnac. A. G., passim.

3 T. Powell. The Celts, p. 168.

4 Filip. C. C., p. 170.

5 Chadwick. C. B., примечания и ссылки к илл. 54.

6 СМ.: H. N. Savory. «A New Hoard of La Tene Metalwork from Wales», CelticumXII (1965), p. 163.

7 F. Benoit. A. M. V. R., p. 9. 8£eno<7. A. M. V. R., p. 17.

9 Benoit. A. M. V. R., p. 24.

10 Moreau. W. K., pi. 77.

11 F. Stahelin. Die Schweiz in Romischer Zeit (Basle, 1948) p. 544, fig. 157.

12 Последующий обзор деревянных фигур из Секваны и иллюстрации взяты из R. Martin. Sculptures en bois decouvertes aux Sources de la Seine (Dijon, 1964). Мы признательны д-ру Глину Дэниелу за предоставленную нам возможность ознакомиться с этой работой.

13 C. Fox. P. and P., p. 26ff. Щит из Баттерси, в цвете, составляет фронтиспис на British Museum Guide to the Antiquities of the Early Iron Age (1925).

14 СМ.: Fox, op. cit. p. 22ff.; pi. 19; ср. fig. 16.

15 British Museum Guide to the Antiquities of the Early Iron Age, p. 138ff., R. E. M. Wheeler, Stanwick, p. 2ff.

16 R. Rainbird Clarke. East Anglia (London, 1960), p. 104f.

17 СМ.: Dechelette. Manuel II, part III, fig. 463, 2.

18 S. I., p. 35.

19 Dechelette, II, figs. 660-1, 663, 667, 668.

20 Fox, fig. 77.

21 H. Hubert. The Rise of the Celts (London, 1934), fig. 218f.

22 Изображение в Dechelette. Manuel II, fig. 709.

23 F. Henry. A. I., p. 20; I. A., 6.

24 /. M. C. Toynbee. Art in Roman Britain (London, 1962), pi. 8, Fig. 7.

25 L.I. F. C., 8, n. 16.

26 СМ.: N. K. Chadwick. C. B., Plate 33; и ссылки, цитируемые в этой работе.

27 Joseph Anderson. S. E. C. T., II, p. 314ff.

28 СМ.: J. Anderson. S. E. C. T., II, p. Iff.; figs. 1-3.

29 FranQoise Henry. I. A. E. C. P., pp. 119; 150f.

30 Подробнее см. в: M. and L. de Paor, E. C. I., pp. 154, 166 H pi. 58-60.

31 C. Hawkes. Antiquity, XXXCIII (1964), p. 252ff.

32 Прекрасные цветные факсимильные воспроизведения Книги из Дарроу (опубликовано в двух томах, 1960) и Книги из Келлса (опубликовано в трех томах в 1940 г.) сделаны издательством Urgraf Verlag из Берна.

33 F. Henry, S. I., p. 47; ibid. I. A. E. C. P., p. 63.

34 СМ.: O. M. Dalton. Byzantine Art and Archaeology (Oxford, 1911), figs. 266 and 267.

35 24 цветные репродукции можно увидеть в издании Sir Edward Sullivan. The Book of Kells (опубликовано Studio, 1914).

36 Об этой рукописи и отношении стиля Книги из Дарроу к стилю линдисфарнских рукописей см. важное исследование F. Henry. «The Lindisfarne Gospels», Antiquity XXXVII (1963), особенно p. 104ff.

37 В особенности крестов из Кардингема и Сенкрида (H. O'N. Hencken. ACS, figs. 50 H 51).

38 Особенно крестов из Кэрыо и Пеммона, а также одного креста в Британском музее и меньшего по размерам Креста из Маргема. Обо всей этой серии см.: V. E. Nash-Williams, E. C. M. V., passim.

39 F. Henry. I. H. C., p. 59.

40 Henry. A. I., p. 172; pi. 88. О Северном кресте из Клонмакнойса, ibid., pi. 91; одна из небольших колонн, pi. 95.

41 S. Gruden. E. C. P. M. S., p. 14f.

42 Подробности и иллюстрации см. в: P. M. C. Kermode, Manx Crosses (London, 1907).

43 Chadwick. C. B., fig. 28.

44 Ib., fig. 29.

ЭПИЛОГ

1 СМ.: PLECG 26, 47f., 296f.

2 S. J. Crawford. Anglo-Saxon Influence on Western Christendom 11, 17, 88.

3 СМ.: Lynn White. Latin Monasticism in Norman Siciliy (Cambridge, Mass., 1938), p. 21 n. 7, and pp. 16f.

4 A. J. Toynbee. Study of History (ed. Somervell), p. 155.

5 L Bieler. Ireland, Harbinger of the Middle Ages 125.

6 См. также L. Weisgerber. «Eine Irenwelle an Maas, Mosel und Rhein in Ottonischer Zeit», Geschichte und Landeskunde (Forschungen u. Darstellungen Franz Steinbach... gewidmet), Bonn, 1960.

7 E. Norden. Die antike Kunstprosa II667. История изучения наследия античности в континентальных ирландских монастырях еще не написана.

8 Отчет о круглых башнях см. в: F. Henry, L'Art irlandais, pp. 71-76.

9 СМ.: HW II 460.

10 СМ.: D. A. Binchy. «Irish Benedictines in Medieval Germany», Studies XVIII (1929), pp. 194ff.

11 G. Murphy. Ossianic Lore 16-17; F. Henry, op. cit. Ill 17.

12 J. E. Lloyd. History of Wales II 462, 523.

13 Ibid., 487.

14 A. Cameron. Reliquiae Celticea II 274.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ГОДОДДИН (ОТРЫВКИ)

Gwyr a aeth Catraeth oedd ffraeth eu llu;
Glasfedd eu hancwyn, a gwenwyn fu.
Trichant trwy beiriant yn catau —
A gwedi elwch tawelwch fu.
Cyd eiwynt i lannau i benydu,
Dadl diau angau i eu treiddu.
Tri chan eurdorch a grysiasant
Yn amwyn breilhell, bu edrywant
Cyd ry Madded wy wy laddasant,
A hyd orffen byd edmyg fyddant.
Ac o'r sawl a aethom o gydgarant
Tru namyn an gwr nid enghysant.

БИТВА ПРИ АГРОЙД ЛЛУЙВАЙН

Bore duw Sadwrn cad fawr a fu
O'r pan ddwyre haul hyd pan gynnu.
Dygryswys Fflamddwyn yn bedwar llu;
Goddau a Rheged i ymddullu,
Dyfyn o Argoed hyd Arfynydd.
Ni cheffynt eirios hyd yr un dydd.
Atorelwis Fflamddwyn fawr drebystawd,
«A ddodynt yng ngwystlon? A ynt parawd?»
Ys atebwys Owain, dwyrain ffosavvd,
«Nis dodynt, nid oeddynt, nid ynt parawd;
A chenau Coel byddai cymwyawg
Lew, cyn as talai o wystl nebawd».
Atorelwis Urien, udd Erechwydd,
«O bydd ymgyfarfod am gerennydd,
Dyrchafwn eidoedd odd uch mynydd,
Ac amborthwn wyneb odd uch ymyl,
A dyrchafwn beleidr odd uch pen wyr,
A chyrchwn Fflamddwyn yn ei luydd,
A lladdwn acef a'i gyweithydd».
Rhag Argoed Llwyfain bu llawer celain,
Rhuddai frain rhag rhyfelwyr,
A gwerin a gryswys gan hynefydd.
Armaaf flwyddyn nad wy cynydd.

ПЛАЧ ПО ОУЭНУ

Enaid Owain ab Urien
Gobwyllid Rheen o'i raid.

Rheged udd ae cudd tromlas,
Nid oedd fas i gywyddaid.
Isgell gwr cerddglydd clodfawr,
Esgyll gwawr gwaywawr llifaid,
Cany cheffir cystedlydd I udd
Llwyfenydd llathraid.
Medel galon, gefeilad,
Eisylud ei dad a'i daid.
Pan laddawdd Owain Fflamddwyn
Nid oedd fwy nogyd cysgaid.
Cysgid Lloegr llydan nifer
A lleufer yn eu llygaid;
A rhai ni ffoynt haeach
A oeddynt hyach no rhaid.
Owain a'u cosbes yn ddrud,
Mal cnud yn dylud defaid.
Gwr gwiw uch ei amliw seirch
A roddai ferch i eirchiaid.
Cyd as cronnai mal caled,
Rhy ranned rhag ei enaid.
Enaid Owain ab Urien
Gobwyllid Rheen o'i raid.

ПЛАЧ О СТАРОСТИ
(отрывок)

Cyn bum cein faglawg, bum hy,
Am cynwysid yng nghyfrdy
Powys, paradwys Gymru.
Cyn bum cein faglawg, bum eirian;
Oedd cynwaew fy mhar, oedd cynwan,
Wyf cefngrwm, wyf trwm, wyf truan.
Baglan brenn, neud cynhaeaf.
Rhudd rhedyn; melyn calaf.
Neur digereis a garaf.
Baglan brenn, neud gaeaf hyn.
Yd fydd llafar gwyr ar llyn.
Neud diannerch fy erchwyn.
Baglann brenn, neud gwaeannwyn.
Rhudd cogeu; goleu i gwyn.
Wyf digarad gan forwyn.

ЧЕРТОГ КИНДДИЛАНА

Stafell Gynddylan ys tywyll heno,
Heb dan, heb wely;
Wylaf wers, tawaf wedy.
Stafell Gynddylan ys tywyl heno,
Heb dan, heb gannwyll;
Namyn Duw pwy a'm dyry pwyll?
Stafell Cynddylan, neud athwyd heb wedd,
Mae ym medd dy ysgwyd;
Hyd tra fu ni bu dollglwyd.
Stafell Gynndylan ys tywyl heno,
Heb dan, heb gerddau;
Dygystudd deurudd dagrau.
Stafell Gynddylan, a'm gwan ei gweled
Heb doed, heb dan;
Marw fy ngly w, by w fy hunan.

ОРЕЛ ЭЛИ

Eryr El i ban ei lef heno,
Llewsai ef gwyar llyn,
Crau calon Cynddylan Wyn.
Eryr Eli a gly waf heno,
Creulyd yw; nis beiddiaf.
Ef yng nghoed; trwm hoed arnaf.
Eryr Pengwern pengarn llwyd, heno
Aruchel ei adlais,
Eiddig am gig a gerais.
Eryr Pengwern pengarn llwyd, heno
Aruchel ei eban,
Eiddig am gig Cynddylan.
Eryr Pengwern pengarn llwyd, heno
Aruchel ei adaf,
Eiddig am gig a garaf.
Eryr Pengwern, pell galwawd heno,
Ar waed gwyr gwylawd;
Rhy elwir Tren tref ddiffawd,
Eryr Pengwern, pell gelwid heno
Ar waed gwyr gwylid;
Rhy elwir Tren tref lethrid.

СУДЬБА БРИТАНИИ
(*отрывки*)

Dygorfu Cymry i beri cad,
a llvvyth lliaws gwlad a gynnullant,
A Human glan Dewi a ddrychafant
i dy wyssaw Gwyddyl trwy lieingant.
A gynhon Dulyn genhyn y safant.
Pan ddyffont i'r gad nid ymwadant.
Gofynnant i'r Saeson py geisysant,
pwy meint eu dylyed o'r wlad a ddaliant,
cw mae eu herwi pan seiliasant,
cw mae eu cenedloedd, py fro pan ddoethant.
Yr amser Gvvrtheyrn genhyn y sathrant.
Ni cheffir o wir rantir an carant.
Neu freint an seint pyr y sanghysant?
Neu reitheu Dewi pyr y torrasant?
Ymgedwynt Gymry pan ymwelant
nid ahont allmyn o'r nen y safant,
hyd pan talhont seithweith gwerth digonsant
ac angau dihau yng ngwerth eu cam.
Ef talhawr o anawr Garmawn garant
y pedair blynedd a'r pedwar cant!

СУДЬБА БРИТАНИИ
(*отрывки, продолжение*)

Yng nghoet ym maes [ym mro] ym mryn,
cannwyll yn nhywyll a gerdd genhyn
Cynan yn rhagwan yn mhob discyn.
Saeson rhag Brython gwae a genyn.
Cadwaladyr yn baladyr gan ei unbyn,
trwy synnwyr yn llwyr yn eu dichlyn.
Pan syrthwynt eu clas dros eu herchwyn,
yng nghustudd a chrau rhudd ar rudd allmyn.

Yng ngorffen pob angraith anrhaith dengyn.
Seis ar hynt hyt Gaer Wynt kynt pwy kynt techyn.
Gwyn eu byd wy Gymry pan adroddynt
ry'n gwarawd y Drindawt o'n trallawd gynt.

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Duthracar, a Maic De bi,
a Ri suthain sen,
bothnat deirrit dithraba
commad si mo threb.

Uisce treglas tanaide
do buith ina talb,
linn glan do nigi pectha
tria rath Spirta Naib.
Fidbaid alainn immocus
irnpe do cech leith,
fri altram n-en n-ilgothach,
fri clithar dia cleith.
Deisebar fri tesugud,
sruthan dar a lainn,
talam togu co meit raith
bad maith do each clainn.

Eclais aibinn anartach,
aitreb De do nim,
sutrulla soillsi iar sain
uas Scriptuir glain gil.

Mo lortu bruit ocus bid
ond Rig as chafn clu,
mo bithse im suidiu fri re,
guide De in nach du.

ОТВЕТ МАРБАНА
(отрывки)

Ata uarboth dam i caill
nis fitir acht mo Fhfada:
uinnius di-siu, coll an-all,
bile ratha, nosn-fada.

Met mo boithe bee nad bec,
baile setae sognath:
canaid sian mbinn dia beinn
ben a llein co londath.

Aball ubull (mara ratha)
mbruidnech mbras;
barr dess dornach
collan cnabec
crdebach nglas.
Glere thiprat,
essa uisci
(liais do dig);
bruinnit ilair
caera ibair,
fidait, fir.

Tecat cainfinn,
corra, faflinn;
fos-cain cuan;
nf ceol ndogra
cerca odra
a fraech ruad.

Fogur gaithe
fri fid flescach,
forglasneol;
essa aba;
esnad ala:
alainn ceol.

МАЙСКАЯ ПОРА

Cyntefin ceinaf amser,
Dyar adar, glas calledd,
Ereidr yn rhych, ych yng ngwedd,
Gwyrdd mor, brithotor tiredd.
Ban ganont gogau ar flaen gwydd gwiw,
Handid mwy fy llawfrydedd,
Tost mwg, amlwg anhunedd,
Can ethynt fy ngheraint yn adwedd.
Ym mryn, yn nhyno, yn ynyscdd mor,
Ymhob i'iordd ydcl eicr
Rhas Crisl ewvn nid ocs vnialcdd.

ЗИМА

Llym awel, llwm bryn, anodd caffael clyd,
Lygrid rhyd, rhewid llyn,
Rhy saif gwr ar un conyn.

Ton tra thon to'id tu tir;
Goruchel gwaeddau rhag bron bannau bre;
Braidd allan orsefir.

Oer He llwch rhag brythwch gaeaf;
Grin cawn, calaf trwch,
Cedig awel, coed ym mlwch.

Oer gwely pysgawd yng nghysgawd ia'en;
Cul hydd, cawn barfawd;
Byr diwedydd, gwydd gwyrawd.

МОНАХ И ЕГО КОТ

Messe ocus Pangur
ban cechtar nathar fria saindan:
bith a menmasam fri seilgg,
mu menma cein im saincheirdd.
Caraimse fos, ferr each clu,
oc mu lebran, leir ingnu;
ni foirmtech frimm Pangur ban:
caraid cesin a maccdan.
6 ru biam, seel cen scis,
innar tegdais, ar n-oendis,
taithiunn, dichrichide clius,

ni fris tarddam ar n-athius.
Gnath, huaraib, ar gressaib gal
glenaid luch inna li'nsam;
os me, du-fuit im lin chein
dliged ndoraid cu ndroncheill.
Fuachaidsem fri frega fal
a rose, anglese comlan;
fuachimm chein fri fegi fis
mu rose reil, cesu imdis.
Faelidsem cu ndene dul
hi nglen luch inna gerchrub;
hi tucu cheist ndoraid ndi!
os me chcnc am faelid.
Cia beimmi amin nach re
ni derban each a chele:
maith la eechtar nar a dan;
subaigthius a oenuran.
He fesin as choimsid dau
in muid du-ngnf each oenlau;
du thabairt doraid du gle
for mu mud cein am messe.

ПЛАЧ ЛИДАН

Cen ainius
in gnim f dorigenus
an ro carus ro craidius
Ba mire
nad dernad a airer-som
mainbed omun rig nime
Nfbu amlos
dosom an dal diithracair
ascnam sech phein i Pardos.
Bee mbrige
rochrdidi friumm Cuirithir;
frissium ba mdr mo mine.
Me Liadan;
ro carussa Cuirithir;
is ffrithir adfiadar.
Gair basa
i comaitecht Chuirithir;
frissium ba maith mo gnassa.
Ceol caille
fom-chanad la Cuirithir,
la fogur fairge flainne.
Do-menainn
ni craidfed frimm Cuirithir
do dalaib cacha d<5nainn.
Ni chela
ba hesium mo chride-serc,
cia no carainn each chena.
Deilm ndega
ro thethainn mo chridese;
ro fes nicon bia cena[*].

ПРОРОЧЕСТВА МЕРЛИНА
(отрывок)

[*] Murphy, Early Irish Lyrics 82.

Afallen beren a phren melyn
A dyf yn halar heb ar yn ei chylchyn;
A mi ddysgoganaf gad ym Mhrydyn
Yn amwyn eu terfyn a gwyr Dulyn.
Seithlong y deuant dros lydan lyn,
A saith cant dros for i oresgyn.
O'r sawl y deuant nid ant i gennyn
Namyn saith lledwag gwedi eu lletgyn.
Afallen beren a dyf tra Rhun.
Cywaethlyswn yn ei bon er bodd i fun,
A'm ysgwyd ar fy ysgwydd a'm cledd ar fy nghlun,
Ac yng Nghoed Celyddon y cysgais fy hun.
Oian a barchellan, pyr bwyllud hun?
Andaw di adar dyfr yn ymeiddun.
Teyrnedd dros for a ddaw ddyw Llun.
Gwyn eu byd hwy Gymry o'r arofun.

ПРОРОЧЕСТВА МЕРЛИНА
(отрывок, продолжение)

Oian a barchellan, oedd rhaid gweddi
Rhag ofn pum pennaeth o Norddmandi;
A'r pumed yn myned dros for heli
I oresgyn Iwerddon dirion drefi.
Ef gwnahawd ryfel a dyfysgi
Ac arfau coch ac och ynddi.
Ac wyntwy yn ddiau a ddoant oheni
Ac a wnant enrhydedd ar fedd Dewi.
A mi ddysgoganaf fyd dyfysgi
O ymladd mab a thad; gwlad a'i gwybi.
A myned i Loegrvvys ddiffwys drefi,
Ac na bo gwarcd byth i Norddmandi.

ВОСТОРГ ХЬЮЭЛА АБ ОУЭНА

Ton wen orewyn a orwlych bedd,
Gwyddfa Rhufawn Befr, ben teyrnedd.
Caraf, drachas Llocgr, leudir gogledd heddiw,
Ac yn amgantLliw lliaws calledd.
Caraf a'm rhoddes rybuchcd medd
Myn y dyhaedd myr, maith gyfrysedd.
Caraf ei theulu a'i thcw annedd ynddi,
Ac wrth focld ei rhi rhwyfaw dyhedd.
Caraf ci morfa a'i mynyddedd
a'i chaer ger ei choed a'i chain diredd.
A dolydd ei dwfr a'i dyffrynnedd,
A'i gwylain gwynion a'i gwymp wragedd.
Caraf ei milwyr a'i meirch hywedd,
A'i choedd a'i chedyrn a'i chyfannedd.
Caraf ei meysydd a'i man feillion arnaw
Myn yd gafas ffaw ffyrf orfoledd.
Caraf ei brooedd, braint hywredd,
A'i diffaith mawrfaith a'i marannedd...

МОЙ ВЫБОР

Fy newis i, rhiain firain feindeg,
Hirwen, yn ei Hen lliw ehoeg.
A'm dewis synnwyr, synio ar wreigiaidd,
Pen ddy waid o fraidd weddaidd wofeg.

A'm dewis gydran, cyhydreg a bun,
A bod yn gyfrin am rin, am reg.
Dewis yw gennyf i, harddliw gwaneg,
Y ddoeth i'th gyfoeth, dy goeth Gymraeg.
Dewis gennyf di; beth y w gennyd di fi?
Beth a dewi di, deg ei gosteg?
Dewisais i fun fal nad atreg gennyf;
lawn y w dewisaw dewisdyn teg.

ВЫСОКИЙ СИНИЙ РОГ ОУЭНА

Dy waliaw, fenestr, na fynn angeu,
Corn can anrhydedd yng nghyfeddeu,
Hirlas buelin uchel freinieu,
Ariant a'i gortho, nid gortheneu;
A dyddwg Dudur, eryr aereu,
Gwirawd gysefin o'r gwin gwineu;
Oni ddaw i mewn o'r medd goreu
Gwirawd ran o ban, dy ben faddeu!
Ar Haw Foreiddig, llochiad cerddeu,
Cyrdd cenynt ei glod, cyn oer adneu.
Dierchyr frodyr, fryd uchel ddeu
Diarchar arial, a dan daleu,
Cedwyr a'm gorug gwasanaetheu...
Moliant yw eu rhan, y rhei gynneu,—
Marwnad bid, neud bu newid y ddeu!
Och Grist! mor wyf drist o'r anaeleu
O goll Moreiddig, mawr ei eisieu!

ПЛАЧ ПО ЛЛЬЭЛЛИНУ АП ГРИФФИДУ
(отрывки)

Oer calon dan fron o fraw — allwynin
Am frenin, dderwin ddor, Aberffraw.
Aur dilyfn a dalai o'i law,
Aur dalaith oedd deilwng iddaw...
Gwae fi am arglwydd, gwlach diwaradwydd;
Gwae fi o'r aflwydd ei dramgwyddaw.
Gwae fi o'r golled, gwae fi o'r dynged,
Gwae fi o'r clywed fod clwyf arnaw.
Poni welwch-chwi hynt y gwynt a'r glaw?
Poni welwch-chwi'r deri'n ymdaraw?
Poni welwch-chwi'r mor yn merwinaw'r tir?
Poni welwch-chwi'r gwir yn ymgyweiriaw?
Poni welwch-chwi'r haul yn hwylaw'r awyr?
Poni welwch-chwi syr wedi r'syrthiaw?
Poni chredwch-chwi i Dduw, ddyniadon ynfyd?
Poni welwch-chwi'r byd wedi r'bydiaw?
Och hyd atat-ti, Dduw, na ddaw — mor dros dir!
Pa beth y'n gedir i ohiriaw?
Nid oes le y cyrcher rhag carchar braw;
Nid oes le y triger; och o'r trigaw!
Nid oes na chyngor na chlo nac agor,
Unffordd i esgor brwyn gyngor braw.

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Аарон 204
Абеляр 309
св. Августин 161, 188, 202, 205, 277, 305
св. Августин Кентерберийский 231
Авель 396
Авиен 38
Авсоний 173, 174, 200, 202, 348, 404
Агрикола 47, 48, 49, 50, 51, 65, 69
Адамнан 75, 99, 103, 151, 225. 228, 230, 232, 233, 242, 244, 248, 311, 312, 313
Адриан 57
св. Айдан 230
Айлиль Айне 300
Айлиль Охайр Ага, отец Майль-Дуйна 317
Айлиль, король Коннахта 58, 179, 180, 181, 189, 292, 294, 298
св. Айлбе 213, 245
Айфэ 189, 297
Александр Великий 37, 338
Альдфрит Нортумбрийский 233
Альдхельм из Малсбери 230
Альфред Великий 130, 142, 144, 147, 148, 149, 150, 160, 161, 230, 236, 242
св. Альбан 204, 205
Амброзий Аврелиан 75
св. Амвросий 200, 279
Аметон, сын Дон 336
Амлайм (Олаф), сын короля Лохланна 154, 155
Аммиан Марцеллин 53, 62, 170, 189, 191
Анарауд, сын Родри Великого 131, 146, 147
Ангарад 145
Андраста (Андата) 170

Анейрин 107, 144, 262, 263, 264, 265, 266, 288
Аникет 196, 197
св. Антоний 397
Антонин Пий 5/
Аполлон 27, 173, 174, 240
Арес 24
Арианрод 333
Арий 198
Аристотель 17, 37
Аркульф, епископ 233
Ариовист 344
Артио 29
Артур, король 73, 176, 272, 288, 324, 335, 336, 337, 407
Ассер 130, 142, 147, 148, 149
Ательстан, король Уэссекса 148, 149, 150, 271
Аттий Патера, сын Феблиция 174
св. Афанасий Александрийский 198, 201, 205, 232, 233
Афина 299
Афиней 21, 343
Аэд Финн, король Дал Риады 739, 317
Аэд, сын Айнмире, король Ирландии 103, 277

* В именной указатель внесены имена мифологических и легендарных персонажей, а также исторических лиц, фигурирующих в этой книге.

Аэд, сын Диармайда 505
Аэдан мак Габран, король Дал Риады 95, 103, 104, 105, 138, 152, 187, 188, 227
Аякс 21

Балор 183
Баринт 244
Баэтап мак Кайрилл, король Дал Фиатах 95, 104
Бе Кума 292
Беда Достопочтенный 40, 75, 94, 97, 98, 99, 100, 101, 104, 105, 109, 141, 205, 207, 208, 215, 225, 227, 230, 231, 233, 235, 241, 248, 249, 405
Бедуир 336
Белен 773, 174
Берта, королева 205
Блодьюведд 334
Блухбард 707, 144
Боани 28, 179
Бодб 776, 184
БодбДерг 297
Бонифаций IV, Римский Папа 272, 233
св. Бонифаций 406
Бормо 28
Боудикка 47, 48, 170, 189
Бран Берба 275
Бран Благословенный 185, 186, 330, 332, 333
Бран, сын Фебала 290
Бранвен 300, 329, 330, 331, 332, 333
Брануев 186
Брахма 28
св. Брендан из Берра 242, 243, 244, 319
св. Брендан из Клонферта 242. 243, 244, 245, 246, 247, 319, 320
Брес 183, 184
Бриан Борома 725, 727, 158, 160, 182, 325, 407
Бриарей 766
Бриг 247
св. Бригита 28, 159, 776, 255, 576
Бриксия 28
Брихан 772
Бруде мак Биле, король пиктов 757
Бруде мак Маелхон (Бридей, сын Мейлохона) король пиктов 98, 99, 100, 103, 227, 403
Будда 556
Бургред, король Мерсии 747

Валафрид Страбон 255
Варох 111, 175
Вегеций 55
Веллокат 46
Венапций Фортупат 275, 279
Венуиций 46
Вергилий 114, 305
Вергилий Зальцбургский (геометр) 406
Вергилий Марон Грамматик 277
Верцингеториг 56, 404
Вивьен 775
Виктор, епископ Рима 797
Викторий Аквитапский 229
Вильгельм Завоеватель 6, 745
св. Витриций, епископ Руапа 200, 202, 270

Вишну 28
Вортигерн 77, 75, 77, 772, 774, 776
Вотепориг 64
Вритра 554

Габран, внук Фергуса мак Эрка 702, 110, 138
св. Галл 234
Гальфрид Монмутский 277
Гваллаук 108, 262
Гвалхмай, сын Мейлира 325
Гвенддолеу 108, 322
св. Гвеноле 114
Гвидион 182, 333, 334
Гвин, сын Нуаду Серебрянной Руки 772, 336
Гекатей Милетский 13
Гектор 27
Генрих I 409
Генрих II 409
Генрих Хантингдонский 140
Геракл 173
св. Герман 77, 82, 113, 206, 208, 210
Геродот 13, 287
Гета 57
Гилвайтви 182
Гилла Коэмайн 408
Гильдас 55, 63, 66, 70, 71, 72, 73, 75, 77, 79, 80, 81, 111, 151, 225, 247
Геральд Камбрийский 127
Глеуддидд, жена Килидда 335
Гованнон 184
Годред Крован 156
Гоибниу 28, 184, 289
Гомер 765, 407
Гонорий 54, 55, 70
Гораций 305
Горм, вождь датчан 142, 146, 755, 239
Гормлайт 727
Грайне 302, 303
Григорий I, епископ Рима 233
Григорий Турский 776, 777, 775, 795, 796, 225
Гриффидд ап ир Инад Кох 328, 409
Гриффидд ап Кинан, король Гвинедда 324, 325, 326, 408, 409
Грону Пебир 334
Гуайре, король Коннахта 282, 283, 301
Гугон, король Кередигиона 745
Гуитир 336
Гурги 108
Гурет (Гуриад, Гуриат) Гурета (Гуриада) 743, 745, 407
Гуртейрн 277
св. Гуртиерн 114, 116
Гусса, сын Иды 108
Гутмунд из Гласисвеллира 188

св. Давид 270, 277, 324, 396
Давид I 140
Давида ап Гвилим 522
Дагда 775, 776, 779, 184, 193, 289, 291, 292
Далила 334

Даллан Форгайлл 227, 273
Дамона 28
Даниил 396
Данте 248, 250, 312, 313
Дану 28
Дати 84
Дейрдре 134, 293, 294, 295, 301, 302
св. Деклан 273
Дельфидий 773, 774
Деметрий 766
Дер Грейне, дочь Фиахны 297
Джон Мандевилль 335
Диан Кехт 730, 753, 259
Диармайд О'Дуйвне 302, 303
Диармайт 307
Дивикиак 344
Дивнуал Старый 706, 142
Дикуйл 757, 233, 236, 406
Диодор Сицилийский 20, 22, 262, 273, 353
Дион Кассий 48, 170
Дит 29
Диуран 379, 320, 327
Домициан, император 766
Домналл Брек, внук Аэдана 138
Домналл, сын Аэда 94, 276
Дон 752
Донат 235
Донат, епископ Фьезоле 256, 406
Дрихтхельм 248
св. Дубриций (Дивриг) 205
Дубтах 294
Дунгал из Сен-Дени 406
Дуирнах Ирландец 336
Евсевий Памфил, епископ Кесарийский 795, 796, 379 Евтихий 238 Евтропий 54 Евхерий Лионский 207
Зосим 55, 65, 70, 81
св. Иаков 408
Ивар (Имар) 154, 155
Ида, король Берникии 709
Идвал Воел ап Анарауд, король Северного Уэльса 149
св. Иероиим 796, 202, 205, 305, 404
Изольда 288, 302
св. Иларий Арльский 232
Ингкел 337
св. Иларий Пуатьеский 198, 199, 202, 203, 205
Индра 28
Иннокентий, епископ Рима 200
Инрейт, епископ 208
св. Иоанн 796, 797, 379, 396, 399
Иоанн Кассиан 207
Иоанн Эриугена 240, 241
Иона (библ.) 390, 396
Иона, биограф Колумбана 234
Ириней Лионский 795, 796, 797
Исаак 239
Исбаддаден 335, 337
Исидор 256

св. Ита 246, 247
Иуда Искариот 245
Иухара 182
Иухарб 752
Кавет 63
Кадваладр 270, 270, 277, 272, 324, 409
Кадваллон II 777
Кадваллон Ллау Хир 777, 742, 745, 270
Кадван (Катаман) 777, 270, 400
Кадслл, сын Родри Великого 737, 745, 746
Кайльте 303, 304
Кайренн, дочь Сахелла Балба 84, 85
Кайрпре, сын Кухорба 275
Калгак 50
Канао, сын Вароха 118
Кано, сын Гартнана 301, 302
Каравсий 52
Каракалла 57
Каратак 46
Карл Великий 80, 118, 150, 152, 160, 161, 236, 338
Карл Лысый 118, 146, 155, 156, 237, 239, 241
Карл Мартелл 752
Карл, сын Лотаря 239
Картинмандуя 46, 47, 189
Катайр Мор, король Лейнстера 273, 275
Катал мак Фингунни (Катал сын Фингунне), король Мунстера 92, 313, 315, 316
Катал, король Мунстера 375
Катбад 293, 294
Катон Старший 37, 404
Каэл 304
Каэр 779
Келлахан 757
Кеннет мак Альпин 739, 140, 141, 160
Кеннетиг, правитель Дал Кайш 755
св. Кентигерн 75
Кеолфрит, епископ Ярроу 739, 237
Кередиг Гуледиг 75, 76
Кессаир 75
Кет, сын Матаха 296
св. Киеран 273
Килох 335, 336, 337
Кинан 745, 270, 272
Кинаэд Уа Хартакайн 408
Киигеи (Конкенн), король Поуиса 143, 144, 147, 149
Киндилан 269, 270, 322 Кинлас (Кунеглас) 111
Клавдиан 54 Клавдий 45-47
Клеменс Скотт 406
Клидог 148
Книхур, сын Неса 335
Кобтах Коэл 300
Ковентина 765
Когитос 232
Колку 302
св. Колман 275, 234
Колман мак Ленепи 275
св. Колумба (Колумкилле) 84, 85, 96', 99, 100, 103, 159, 187, 207, 227, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 254, 264, 277, 288, 312, 372, 379, 405

св. Колумбан 115, 212, 225, 233, 234, 235, 240, 277, 311, 405, 408
св. Комгалл 153, 213, 234, 235
Коммодий 277
Конайнг 176
Конайре Мор 94, 95, 128, 134, 194, 331
Конал Кернах 295, 297
Коналл Корк, сын Лугайда 91, 275
Коналл, король Дал Риады 103
Коналл, сын Ниалла Нойгиаллаха 85, 86
Конгал 134
Кондере 297
Конлуи, сын Айфэ 297, 298
Конн Ста Битв 88, 120, 192, 275
Константин, император 54, 55, 70, 79, 197, 198, 199, 204, 205, 206, 344
Константин, король Дал Риады 139, 141
Констанций, биограф св. Германа 82, 206, 233
Констанций, римский адмирал 52
Конхобар мак Несса 58, 293, 294, 295, 296
Корделия 172
св. Корентин 114
Корк, сын Лугайда 91, 101
Кормак мак Арт 57, 85, 90, 120, 121, 190, 192, 275
Кормак уа Лиатан, аббат Дарроу 215, 242
Кормак, глоссатор 78, 79
Кормак, сын Конхобара 294
Коротик 75
Коэль Старый 106, 142, 267
Кред 301, 302
Кредне 28, 183, 184, 289
Крейддилад, дочь Ллуда 172, 336
Кретьен де Труа 337
Кримтан Мор мак Фидайг 78, 91, 92, 101
Кримтанн Касс, король Коннахта 297
Крои 166
Ксенофонт 17
КуХорб 275
Куан Уа Лотхайн 408
Куберт, сын Даэре 335
Куммиан, аббат Дарроу 229
св. Куммине Высокий 309
Кунедда (или Кунедаг) 64, 65, 75, 76, 79, 106, 110, 777, 772, 757
Куномор 776, 777
Куритир 309
Курой мак Даре 72, 58, 89, 190
Кухулин 77, 22, 725, 134, 189, 292, 293, 295, 297, 298, 321, 331, 407

Лабрайд Быстрая-Рука-на-мече 292
Лабрайд Лоингсех 273, 274, 275, 300
Ладхенн мак Байрхедо (Лайдкенн мак Байрхедо) 55, 273
св. Лахтип 384
Лаэг 22
Леборхам 293
св. Леонор 775
Ли Бак 292
Лидан 309
Лир (Айллен мак Мидгна) 292
Лиудхард 205

Лициний 795
Ллеу Ллау Гифес 27, 776, 333, 334
Лливарх Старый 772, 142, 145, 147, 266, 268, 269, 322
Лливарх, сын Хивайдда, король Диведа 746
Ллир 755, 756
Ллыоэлин ап Гриффидд 325
Лоарн мак Эрк, король Дал Риады 94, 102, 110, 138
Ломман 84
Лотарь 239
Лотарь I 776
Лоэгайре Лорк (Лойгайре Лорк) 274, 291, 300
Лоэгайре, сын Ниалла Нойгиаллаха 56, 59
Луг 27, 775, 753, 184, 185, 191, 192, 193, 289, 302, 329, 335
Лугайд Лайгде 720
Лугайд Мак Кон 720, 727
Лугайр Лапфилид 273
св. Лука 379
Лукан 25, 30, 770, /72, 357
Лукиан 25, 773, 174
Лукиан Антиохийский 795
Луккрет моку Иайр (Хиара) 273
Луксовий 25
Лухта 25, 754, 259
Льетан 79
Людовик Благочестивый 50, 775, 237, 406

Мабон, сын Модрон 336
Магн Максим 54, 76, 78
Маелгун (Маглокун) 79, 111, 142
Майль-Дуйн 243, 317, 318, 319, 320, 321
Мак Кехт 331
Мак Кон Глинпе 313, 314, 315, 316
Мак Рот 331
Макауорд 325, 328
Максим Исповедник 241
Малах, король Мита 727
св. Малахия, аббат Бангора 250, 408
Манавидап 185, 329, 332, 335
Манаддауг, король Манау Гододдина 262, 265
Мананнан мак Лир 166, 185, 186, 187, 188, 191, 192, 193, 290, 292, 335
Манхин, аббат 314, 315
Марбан (брат Гуайре) 282, 283, 323
Марии Тирский 39
св. Марк 579, 381, 383
Марк, автор «Видения Тундала» 250
Маркелл (Марцелла) 772
Марко Поло 338
Марс 27
св. Мартин 202, 203, 210, 212, 213, 277, 399
Мартин Лаонский 247
Марциап 39
Мат уаб Матоиви 776, 182, 329, 333, 334
Матгамайп, брат Бриана Боромы 755
Матмонок, аббат 237
Матолх 330
Матрона 28
св. Матфей 579, 557, 559

Маха 776
Маэл Дуйн 89, 92
Маэл Мур 757
Маэл Сехлайнн 257, 276
Маэл Фотартайг, сын Решала 500, 507
Медб 72, 44, 58, 120, 179, 180, 181, 189, 190, 191, 292, 294, 298
Мейлир 525, 409
Мервин Врих, отец Родри Великого (Мейрминн, Муирминн) 770, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 237
Меркурий 777
Мернок 244, 245
Месс-Делманн 274
Мессии Корб, сын Ку Хорба 275
Мидир 779, 184, 185, 289, 291
Миль Испанский 60
Минерва 27
Мирддин (Мерлин) 75, 108, 115, 322, 323, 324
Моккос 29
Монган, король Дал Арайде 88, 104, 185, 187, 188
Монгфинд, дочь Ферадаха, короля пиктов 91, 92
Мораин 154
Моргана 776
Морейдциг 325
Моркант 108, 262
Морриган 776, 184, 189, 289
Мо-Хута 213
Муг Нуадат 88
Муирху 272, 225, 229, 232
Муйредах мак Робартайг 408
Муйредах, дед Ниалла Нойгиаллаха 84

Найси 134, 293, 294, 295
Нантосуелта 28
Немед 18
Ненний 18, 64, 73, 74, 79, 106, 108, 112, 182
Нера 180, 181
Нест 143, 145, 146
Нехтан IV, король пиктов 739
Ниа Корб, сын Ку Хорба 275
Ниалл Глундуб 757
Ниалл Нойгиаллах (Девяти Заложников) 58, 60, 83, 84, 85, 86, 88, 89, 93, 120, 275
св. Ниниан 98, 207, 208
Нобис, епископ 148
Номиное 775
Ноткер Заика 767, 234
Нуаду (Серебряная рука) 772, 753, 259, 292, 335

Огма 28, 184, 252, 289
Огмиос 28, 773, 174, 185, 252
Ойсин, сын Финна 265, 303
Олаф Куаран, король Дублина, отец Сихтрика 727, 755
Олвен, дочь Исбадцадена 335, 336, 337
Олимпиодор 55
св. Онорат 207, 232
Ориген 204
Орозий 234
Освальд, король Нортумбрии 230

Освиу, король Нортумбрии 109, 230
Отинп (Воуан) 182
Оуэн 337
Оуэн Гвинедд 325, 409
Оуэн Дамбартонский 138
Оуэн из Гвента 148
Оуэн Кивейлиог, князь Поуиса 327
Оуэн, сын Уриена 266, 267, 265, 322, 324

св. Павел 238, 397
Пакат, ритор 232
Палладий 208, 211, 213
св. Патрик 75, 78, 79, 84, 86, 88, 89, 90, 92, 94, 204, 208, 211, 212, 213, 225, 228, 229, 231, 250, 303, 304, 311, 384
Пахомий 201
св. Паулин Кентерберийский 230
св. Паулин Ноланский 199, 202, 203, 210, 232
Пектельм, епископ 230 Пелагий 206
Пенда, король Мерсии 111
Передур 108, 189
Персиваль 189
Пифей 38, 40
Платон 17
Плиний 234 Плутарх 766
Полибий 20, 32, 38, 123
св. Поликарп, епископ Смирны 196
Помпоний Мела 166
Посейдон 299
Посидоний 20, 22, 32, 166, 167, 254, 262, 273, 295, 297
Постуманий 202
Потин, епископ Лиона 795, 796
Пратугас 47
Придери 329, 333
Присциан 235, 256, 279
Прокопий Кесарийский 54, 70, 80, 166
Прометей 127
Проспер Аквитанский 206, 270, 277
Пруденций 278
Псевдо-Дионисий 241
Птолемей 15, 37, 39, 40, 41, 43, 44
Пуйлл 329

Рабулла 379
Регнвальд, ярл Мера 152
Реуда 141
Рианнон 329
Ривал 113, 115, 116
Риг 188
Риддерх Старый 75, 138, 322, 108, 262
Риеммельт, внучка Уриена 109
Рис ап Гриффидд 409
Родри Великий (Маур) 110, 131, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 150, 155, 156, 160, 233, 401
Ромул и Рем 299
Ронабви 337
св. Ронан 114
Ронан, король Лейнстера 300

Рутилий Намациан 207
Руфин 202

Саломон 118
Сальвиан 200
Сатурнин, епископ Тулузы 797
Сачи 28
св. Самсон 777
Светоний Паулин 47, 48, 170, 171
Сеген, епископ Ионы 229
Седулий Скотт 146, 237, 238, 239, 241, 277, 406
Секвана 28, 167
Сенхан Торпейст 273
Септимий Север 51
Сигеберт, король 248
Сигурд Сильный, ярл Оркнеев 727, 753, 156, 158
Сидений Аполлинарий, епископ Оверни 773, 200, 404
Симеон Дюргемский 707
Сиугмалл 292
Сихтрик III Дублинский (Шелковая борода) 737, 755
Скатах 189,297,298
Стилихон 54
Страбон 15, 16, 20, 37, 38, 166, 167, 353
Суибне Гельт, ирландский король, «Суибне Безумный» 322, 323
Суибне мак Майле Умай (Свифнех) 148, 161
Суибне, аббат Ионы 236
Сукеллос 28
Сулиен 407
Сульпиций Север 199, 201, 202, 203, 232

Талиессин 107, 144, 262, 263, 264, 266, 288, 322, 324
Тальгерн Татагвен 707, 144
Таранис 28, 30
Тарвос Тригаранус 28, 29
Тацит 16, 41, 43, 47, 49, 50, 170
Тевтатес 28, 30
Теодрик, сын Иды, король Берникии 108
Терасия 202
Тертуллиан 204
Тибатто 82
Тидвулх 266
Тирехан 2/2,225,229
Торна Эйгес 84, 273
Тристан 288, 301, 302, 400
Туйрн, сын Торны 84
Тундал 249, 250
Турлог О'Конор 727
Турх Труйт, сын Тареда Вледига 336, 337

Ума 28
Уриен, король Регеда 705, 709, 742, 262, 266, 267, 265

Фанд 292
Фауст Ризский 207
Феб 240
Фебал 290
Фебиций 773, 774

Федельмид, внук Ниалла Нойгиаллаха 84
Федлимид мак Критманн 276
Федлимид О Конхобар (Фелим О'Коннор) 727, 293
Феодосии 54, 199
Фер Диад 725, 293
Фер Рогайн 337
Ферадах Финдфехтнах, король пиктов 97, 707
Фергал, сын Маэл Дуйна 89, 92
Фергус мак Эрк, король Дал Риады 94, 101, 102, 139
Фергус, король Дал Риады, преемник Аэда Финна 12
Фергус, уладский герой 294, 331
Ферхертне Филид 273, 274
Фиатах Финд, предок династии Дал Фиатах 95
Фиахна Лурган, отец Монгана 187
Фиахна мак Ретах 291
Фидах 78
Фиделис 233, 236
Финд Филид 273
Финдабайр 298
Финн мак Кумал 185, 187, 190, 288, 302, 303, 304, 239, 407
Финнлуг 246
Фламддуйн 267
Фланн Майнистрех 139, 141, 408
Фотад Канайнне 134
Франко, епископ Льежа 238
Фроэх, сын Фидаха 295
св. Финниан 2/3
св. Фурса 248, 249
М. Фульвий Нобилиор /73

Харальд Прекрасноволосый /5/
Хартгар, епископ Льежа 235
Харун аль-Рашид 236
Хеледд 269,270
Хельги 188
Хивайдд (Хемейд), король Диведа (Старый) 145, 146, 148
Хильдеберт 115, 117
Хлодвиг 117,198,249
Хьюэл аб Оуэн, внук Гриффидда Гвинедского 326
Хьюэл Добрый 110, 111, 112, 130, 131, 137, 142, 145, 146, 147, 148, 149

Цезарий Арльский 201
Целестин, епископ Рима 203, 206, 211, 214
Цернуннос 29, 343, 356
Циан (или Гвеинт Гваут) 107, 144
Цицерон 237
Цирцея 165
Цезарь 6, 15, 16, 18, 20, 24, 27, 43, 44, 45, 114, 123, 124, 170, 171, 172, 174, 254, 261, 262, 404

Шива 28
Шинайнн (Шэннон) 28
Шри-Лакшми 28

Эвгипний 214
Эгберт, монах 230
Эгбрихт, король Уэссекса 147
Эгфрит Нортумбрийский 100, 109

Эдвин, король объединенной Берникии и Дейры, король Нортумбрии 111, 142, 210, 230
Эдуард Старший 777, 148, 149
Эйнгард 80
Эйнион Ирт 777
Эйрк, епископ 246
Элевтерий, епископ Рима 796
Элен, внучка Хивайдда, короля Диведа 145, 148
Элиседд, король Поуиса (Элисет) 747, 400
Элкмар 292
Элоиза 309
Эмер, дочь Форгала 297
Энгус мак Надфройх, король Кашеля 90, 92, 246
Энгус мак Ок 179, 297, 377
Энгус мак Типрайти 277
Энгус мак Фергус 707, 138, 139
Энгус мак Эрк 104
Энгус Мор 702
св. Энда 245
Энда, сын Ниалла Нойгиаллаха 85
Энн Кеннселах, король Лейнстера 273
Эоган Инбир 292
Эоган, сын Дуртахта 295
Эоган, сын Ниалла Нойгиаллаха 85, 86, 88
Эохайд Айрем, король Тары 185, 289
Эохайд Аллмуир, король деси 90
Эохайд Бунде, сын Аэдана 705, 735
Эохайд Иуйл 292
Эохайд Мугмедон, отец Ниалла Нойгиаллаха 84
Эохайд, правитель Дун Собайрхе 300
Эпона 127
Эразм 235
Эриспое 115
Эриугена 406
Эрк, король Дал Риады 94, 141
Эрконвальд 249
Эрменгарда, супруга Лотаря 239
Эрмолд ле Нуар 80
Эсус 28, 30
Этайн, жена Кухулина 185, 289, 299, 321
Этайн, жена Мидира 299
Этельберт Кентский 205
Этельверт 161
Этельвульф, отец Альфреда Великого 147
Этельфрит Нортумбрийский 105, 109
Этилльт 142

Юдикаель 775
Юдуал 777
Юлий 204
Юпитер 27

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И НАЗВАНИЙ ПЛЕМЕН

Абердиншир 372

Абернети 99, 141
Абертейви 409
Аберфрау 64, 111, 133, 328
Авалон 292
Авиньон 344
Авон Лледр 64
Авранш 27
Австрия 11, 14, 15, 214
Айлей, о-в 102, 104, 399
Айленн 274
Айлех (Фохла) 86, 125, 390
Айргиалла (Ориел) 85, 88, 125
Аквилея 54, 173, 174, 202
Аквитания 61, 89, 215
аквитаны 192
Акка 399
Алезия 404
Александрия 39, 198, 201
Аллеи 89, 92, 158, 159
Альба 101, 140, 154, 187
Альпы 173, 195, 234, 235, 260, 404
Амбрасия 173
Амфревилль 32, 33
Англси, о-в (Мон) 41, 47, 64, 65, 78, 79, 111, 131, 133, 142, 146, 155, 167, 170, 210, 369, 400 англы 52
Ангус 98, 99, 100, 101, 139, 402
Андалузия 37
андекавы 365
Анкара 20
Аннегрей, лес 234
Антиохия 198
Антрим, гр. 58, 59, 85, 86, 87, 88, 94, 95, 104, 368
Аппенины 234
Аранмор 245, 247
Аргайл 87, 97, 100, 102, 103, 105, 110, 140, 141, 153, 226, 227, 370, 396, 399
Арда 779, 755, 297
Ардмор 213, 215, 220, 407
Ардуэлл 207
Арль 198
Арма, город 55, 86, 88, 153, 225, 226, 227, 228, 229, 231, 232, 319, 321
Арма, гр. 85, 367
Арморика 55, 65, 66, 68, 80, 81, 82, 113, 116, 117, 166, 174, 365
Артурет (Ардудви) 108, 322, 334
Асма (Таррагона) 27
Атлон 395, 397
Атолл 98, 99, 138, 139, 141, 142
Афины 299
Ахенни 392, 399

Бавария 13, 143
Бадон 80
Баллин 83
Бамберг 143, 408
Бангор 59, 753, 234, 235, 250
Бат 69
Баттерси 362
Батт-оф-Льюис, мыс 275

Бедфорд 72
белги 44, 261, 361, 364
Белин 395, 396
Белфастский залив 95, 104
Бервикшир 41, 76
Берцлип 363
Бериикия 700, 705, 705, 709, 230, 263
Берр 230
Берри 306
Блэкуотер, река 92
Бо Немид 735
Боа, о-в 367
Боббио 234, 353, 405, 406
Богазкей 267
Бонн, река 775, 779, 302
Бордо 773, 799, 200
Брананбург 270, 277
Бранкастер 55
Брега 725
Брегенц 234
Брекнок 62, 772
Бретань 6, 7, 38, 41, 66, 79, 80, 81, 93, 113, 114, 116, 117, 118, 157, 167, 208, 210, 225, 233, 232, 336, 337, 341, 405, 407
Бри Дейт 779, 184, 185, 289, 299
бриганты 40, 43, 44, 46, 47, 48, 364
Бристольский залив 41, 78, 80, 158 бриттские племена 79, 37, 44, 50, 65, 74, 75, 76, 78, 80, 81, 84, 94, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 114, 117, 136, 144, 146, 170, 186, 204, 209, 270, 272
Брихейниог 757
Бро Варох (Броэрек) 114, 117, 118
Броколития (Карраубоpo) 168, 172
Броселианд (монастырь, лес) 775, 757
Бруг-на-Бойн 775, 776, 779, 297
Брюссель 256
Бугторп 365, 569
Будапешт 348
Буилт (Буеллт) 772, 737, 328
Бургундия 234
Бьюкасл 399, 400
Бэмборо 709

Валенсия 77
Валенция (гр. Керри) 275
валлийцы 77, 78, 106, 130, 146, 147, 271, 323, 330
Вальдалесгейм 347
Ванн 82, 117, 118
Вач 354, 399
Вена 28, 408
Венгрия 202
венеты 65, 114
Вентри 304
вертурионы 97
Веруланиум 69, 204, 205
Виган 757
викинги 772, 775, 775, 737, 140, 150, 152, 153, 154, 157, 158, 159, 163, 239, 264, 340, 372, 383, 384, 592, 407, 406
Винчестер 272
Волга, река 150

Вольтерра 354
Вормс 202
вотадины 48, 76, 105
Вьенн 795, 796, 203
Вюртемберг 346, 349
Вюрцбург 405, 406, 408

Галатия 17, 20,27,37
галаты 20, 27
галеоин 18
Галисия 257
галлы 37, 38, 39
Гальштатт 14
Гансбери 565
Гвалес, о-в 552
Гвент 775, 148
Гвинедд 97, 777, 114, 131, 132, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 324, 326, 333, 409
Гебридские о-ва 38, 99, 100, 151, 152, 153, 154, 156, 176, 183, 188, 215, 370, 371, 399, 402
Гемпшир 55
Гланум 557, 555
Гластонбери 565, 368
Глостер 69, 77, 189, 336, 356, 368
Глостершир 772, 563
Глэмис 599
Гододдин (Манау Гододдин) 706, 262, 265
гойделы 18, 19, 56, 58, 60, 61, 93, 182, 292
Голуэй, Ирландия 745, 755, 756, 207, 205, 220, 244
Голуэй, Шотландия 41, 48, 75, 97, 106, 772
Гольцгерлинген 346, 368
Горгон, о-в 207
готы 52
Гоури, река 98
Гравпий, гора 49, 51
Гундеструп 29, 52
Гунсрюк 349
Гуртринион 772

Дал Арайде 86, 87, 96, 104
Дал Кайш 757, 755
Дал Риада 65, 67, 84, 86, 87, 94, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 103, 104, 105, 108, 138, 139, 140, 141, 151, 188, 226, 227, 323
Дал Фиатах 86, 87, 95, 96, 104
Дамбартон (Алкуат) 65, 75, 76, 138, 142, 143, 155
Дамфрисшир 155, 397
Данкелд 97, 98, 141, 228
Дансеверик 58, 94
Дарем 383
Дарроу 229, 375, 379
датчане 146
Даун, гр. 59, 87, 95, 153, 213, 234, 250
Девон 41, 79, 80
Девоншир 80
Дегсастан 105
Дейра 230, 263
деканглы 43
Дельфы 19, 174
деметы 79

Денбигшир 208
Дерри, гр. 85
Десборо 363
деси 90
Дехьюбарт 709, 113, 131, 133, 147
Ди, река 98, 112, 156
Дивед 62, 63, 64, 78, 112, 130, 145, 146, 148, 149
Диневур 733
Динский лес 114,172
Дисерт О'Ди 306, 399
Днепр, река 750
добунны 43, 44
Доддер 134
Дол 775, 757, 208
домнаин 18
Домнония 773, 774, 775, 776, 777
Дон, река 750
Донегал, гр. 55, 85, 86, 186, 388, 407
Дорчестер 43
Друйм-Кета 703
Дублин 725, 727, 134, 137, 154, 756, 757, 755, 759, 270, 277, 295, 323, 324, 379
Дуврский пролив 775
думнонии 41, 44, 79
Дунадд 702, 104
Дунай, река 13, 17, 19, 202, 343
Дундалк 86
Дуннехан 98
Дунод (Дунодинг) 110
Дунолли Касл 702

Евфрат 773
Египет 200,201,214

Женевское озеро 357

Зальцбург 348, 405

иберы (иберийцы) 16, 17, 34
Иерусалим 233
Изар, река 15
Илкли 48
иллирийцы 16
Иллирия 54
Инбер Колхта 302
Инвернесс 99
Индия 26,261,276,287
Индонезия 191
Инишбофин 275
Инишкей 277
Инишкил 390
Инишмеррей 753, 275, 220
Инишмор 220
Инишоуэн 367
Инн, река 75
Инчтутхилл 49
Иона 700, 707, 703, 757, 753, 275, 227, 225, 229, 230, 237, 236, 249, 372, 379, 396, 399
Ир Эхвидц 267

Ирландия 6, 72, 75, 79, 20, 26, 27, 35, 39, 52, 55, 56, 57, 55, 60, 67, 75, 52, 53, 84, 85, 86, 88, 89, 92, 93, 94, 95, 96, 102, 103, 104, 119, 120, 121, 122, 125, 126, 127, 129, 730, 737, 732, 733, 737, 141, 143, 144, 146, 148, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 765, 767, 775, 776, 757, 752, 753, 184, 186, 187, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 204, 208, 209, 211, 212, 213, 214, 215, 218, 220, 225, 226, 227, 225, 229, 230, 232, 233, 235, 235, 247, 247, 250, 252, 253, 261, 262, 270, 277, 257, 252, 256, 257, 255, 290, 294, 297, 301, 303, 309, 316, 317, 318, 323, 324, 325, 328, 330, 332, 335, 337, 338, 340, 343, 361, 365, 367, 368, 370, 372, 375, 379, 383, 384, 388, 390, 396, 399, 400, 403, 405, 406, 407, 408, 409, 410
Исландия 151, 153, 236, 238
Испания 262
Истрад Тиви 131, 145
ицены 44, 46, 47, 361
Йорк 48, 72, 157
Йоркшир 43, 44, 48, 106, 109, 263, 362, 368

Кадис 13
Каледония 522
каледоны 49, 50, 51, 97
Камберленд 756
Камп д'Артю 43
Кампания 202
кантии 44
Карвинли 108
Кардиган, залив 186, 409
Кардифф 78, 112
Каре 116, 117
Каринтия 304
Карлайл 106, 204, 266, 322
Карлингфордский залив (Карлингфорд-Лох) 154, 155
Карлион 204, 76, 78, 112
Кармартен 523
Карнарвон 54, 76, 78
Карнарвоншир 62, 64, 78
Карндонах 388, 390, 397
КаслЛоу 99
Кастелл Дуйран 63
Каталония 17
Катрает 109, 263, 265
Каттерик 709, 265
катувеллауны 45
Каф-оф-Мэн 401
Кашель 19, 56, 58, 60, 61, 88, 89, 90, 92, 93, 121, 125, 221, 384, 399
Кейтнесс 40, 159
Келиддон 108, 322
Келлс 225, 572, 575, 579, 396, 597, 599, 406
кельтиберы 17, 20
Кельтика 767
Кемперле 776, 770
Кент 205, 364
Кентербери 69, 205, 230, 384
Кервент 41, 69, 78, 112, 205
Кередигион (Кередиг) 770, 737, 145, 409
Керкмадрайн 400
Кернон-сюр-Коль 363
Керри 753, 275, 275, 244
Киев 408
Килдэр, город 776
Килдэр, гр. 292

Килкенни 737
Килкиеран 392
Килламери 392
Килликлуггине (Кавон) 366, 367
Килрей 392
Килримонт 98, 139
Кинкардайн 98
Кинтайр 702
Кинтор-на-Доне 49
Киркинн (Гиргинн) 98, 99, 100
Клайд, река 41, 48, 51, 76, 93, 706, 755
Клерво 408
Климакс 200
Клонмакнойс 148, 753, 209, 220, 392, 395, 405, 406
Клонмел 737
Клонтарф 752, 753, 154, 156, 158, 384
Клонферт 753, 244, 247, 248
Клэйр, гр. 757, 377
Колиньи (Эйн) 37
Колрейн 368
Колчестер 45
Коннахт 41, 44, 56, 58, 59, 84, 85, 121, 723, 725, 727, 134, 135, 157, 179, 180, 189, 190, 247, 276, 297, 292
Констанц, оз. 304
Конуэй Западный 770
Конуэй, река 64
Копенгаген 372
кориосолиты 365
Корк 89, 92, 154, 313, 314, 315, 316
Коркомруад 317
корнавии (корновии) 43, 77, 97, 112
Корнуай 41, 113, 114, 116
Корнуолл 41, 68, 79, 80, 93, 113, 114, 208, 209, 231, 270, 332, 337, 390, 400, 405 Коротик 211
котины 16
Кринан Мосс 102, 104
Круахан 12, 19, 44, 56, 58, 134, 159, 180
круитектуат 99, 100 круитни 18, 19, 91, 99, 142, 187, 292
Кумбрия 106, 107, 110, 112, 144, 148, 155

Ла Грофесенк 16
Ла Перш 225
Ла Тен 75, 31, 42, 344, 352, 368
Лаген 68, 125
лагены 18
Лаллинстоун 205
Ла-Манш 44, 45, 52, 78, 91, 206, 369, 405
Лан 15
Ландевеннек 114, 231
Ланкашир 48, 78, 79, 106, 156
Лаон 27, 241, 406
Ларго 402
Лаут, гр. 725, 297
Лейден 27
Лейнстер 41, 58, 59, 87, 88, 89, 90, 123, 125, 134, 153, 154, 158, 190, 263, 273, 274, 275, 300
Лендс-Энд 68

Леон 773, 777
Лерин 201,212,232
Лестершир 43
Летавия 773
Ли, река 314
Ливерпуль 363
лигурийцы 16, 173
Липоже 203
лидвиккии 773
Лидии 772
Лимерик 89, 137, 153, 154, 157, 158, 159
Линдисфарн 108, 234, 372, 375, 383
Линкольн 362
Линкольншир 43, 72
Лион 27, 195, 196, 197, 206
Липпе, река 15
Лисмор 92, 213, 384
Личфилд 383
Ллангадваладр 111, 210, 400
Лланголлен 147, 400
Лландаф 112
Лландейло 63
Лланиллтуд 112
Лланкарван 112
Лледау 113
Ллейн, п-ов 62
Ллин Иверддон 64
Ллуйвенидд 267
Ломбардия 234
Лонгтаун 108
Лонгфорд, гр. 179, 185, 291
Лондон 44, 69, 330
Лоррен 348
Лоррха 392
Лоуленд 49, 51, 68, 69, 109, 141
Лоус 402
Лох-Ней, озеро 86, 88, 96, 104, 153, 187
Лох-Ри, озеро 153, 292
Луара, река 166, 357
Лудон 27
Лутон 149
Льеж 146, 236, 237, 239, 240
Льюис, о-в 153, 154
Люксей 234,383

Майн, река 15
Македония 19
Манау Гододдин (Манау Гуотодин) 64, 75, 105, 109, 143, 144
Манчестер 48, 76
Марльборо 364
Мармутье 203
Марна, река 28, 32, 33, 363
Марсель 13, 15, 170, 201, 349, 350, 351, 361
Маунт Шихаллион 97, 95, 141
Маха 295,373
Мейрнонидц (Мейрион) 110, 131
Меллифонт 408

Менай Стрит, пролив 47, 325
Мер 365
Мерионет 362
Мерионетшир 350
Мернс 98, 101
Мерсия 706, 111, 146, 147, 148
Мертвое море 207
Месопотамия 200, 214
Миддлсекс 777
Миде 56, 57, 58, 60, 61, 86, 87, 125, 276
Милан 202
Мит, гр. 725, 754, 755, 755
Моголд 209, 401
Мозель, река 348
Мойлинни 88, 187
Монаган, гр. 55
Монастербойс 356, 396, 399, 405, 406
Монбуи 357
Монтгомеришир 75
Морганнуг 772
Моркам, залив 48, 78, 97, 106, 208
Муму 55, 725
Мун 392,397
Мунстер 56, 55, 59, 60, 79, 53, 55, 59, 90, 97, 92, 707, 723, 725, 735, 154, 157, 190, 213, 246, 250, 253, 304, 313
Мэйо, гр. 275, 277
Мэн, о-в 35, 95, 97, 143, 152, 156, 166, 183, 186, 208, 209, 253, 292, 384, 390, 400, 405

Нант 52, 775
Нарбонн 73, 203
нарбоннцы, племя 75
Невин, залив 64
Некар, река 75
Нил 200,207
Нитрия 200
Норвегия 750, 757, 752, 755, 763, 752
Норгемптоншир 365
Норик 274
Нормандия 757, 755, 324, 336, 337
норманны 737, 407, 409
Нортумберленд 41
Нортумбрия 700, 104, 109, 111, 112, 139, 143, 155, 230, 283, 403
Норфолк 35, 44, 362, 363, 396
Ныо Грейндж 779
Нэпдейл 702
Нюрнберг 408

Овер-сюр-Уаз 32
Оксер 82
Олимп 7 75
Ольстер 725
ордовики 43, 46, 77
Оркнейские о-ва 99, 151, 152
Ормел 86, 226
Оссори (Осрайге) 722, 725
отадины 41
Отен 773

Оффали, гр. 353
Оффы, ров 147

Павия 236
Париж 29,236,249
паризии 44, 364
Пелопоннес 75, 77
Пемброк 745
Пемброкшир 62, 63
Пемпольский п-ов 225
Пенвро 332
Пенгверн (Шрусбери) 733, 269, 270
Пеннинские горы 43, 48, 49
Пентревойлас 205
Перонн 249, 406
Персия 267, 344
Перт 49, 747, 742
Пертшир 49
Перуджа 354
пикты (круитни) 19, 39, 40, 49, 51, 53, 54, 62, 67, 71, 76, 77, 93, 94, 98, 99, 100, 101, 103, 105, 108, 109, 138, 139, 140, 146, 152, 191, 207, 402, 405
Пил, о-в 209
Пиренеи 13
Писпир 201
Портчестер 53
Поуис 112, 131, 132, 133, 143, 146, 149, 268, 327
Пох-Арроу 183
Поэр 116, 117
Прованс 201
Пуатье 198
Пфальцфельд 35, 349, 365, 367

Райдайк 49
Райдинг 72,362,368
Ратисбон 405, 408
Регед 106, 108, 266, 267
Реймс 241, 406
Рейн, река 13, 15, 52, 55, 241
Ренн 82, 118
Риббл, река 48
Рибчестер 48, 76
Ризингем 52
Рим 19, 52, 144, 145, 147, 148, 196, 197, 202, 206, 211, 229, 230, 234, 235, 344, 405, 408
Римини 205
Рогаланд (Лохланна) 750, 151
Розмарк 141
Рокепертус 351, 352, 353, 356, 357
Роксетер 40, 43
Романия 114
Рона, река 797, 350, 357, 367
Роскомонн 373
Роснари 95, 104
Россия 150,238
Руан 200,202,210
Рувониог (Рувон) 770
Рур 75
Рутвелл 399, 400

Сазерленд 40
саксы 52, 54, 62, 71, 72, 73, 80, 81, 82, 84, 85, 146, 147, 149, 157, 187, 207, 231, 271
салиены (саллювии) 352
Санкт-Галлен 234, 235, 383, 406
Санкт-Гоар 32
Саттон Ху 396
Саффолк 44, 362
Северн, река 46, 65, 112, 172, 337
Северное море 72, 206
Сегонтиум 54, 76, 78
Сейссиллуг 145, 146
Секвона 357, 360
Селкерк 207
сельговы 41, 48
Сена, река 28, 166, 167, 357
Сен-Меен 757
Сент-Дэвид 147, 148
Сент-Олбэнс 45
Сент-Эндрюс 98, 139
силуры 46
Силчестер 69, 70, 205
Сингидун (Белград) 19
Сиренчестер 69, 204
Сирия 200
Сицилия 207
Скеллиг Михаел 753, 275, 277, 220
скифы 16, 19
Скон 98, 138, 141
скордиски 19, 343
скотты 67, 138, 139, 140, 141, 186
Слайго, гр. 753, 183, 215, 220
Слан 407
Сливнамон 297
Снеттишем 35, 362
Сноудония 41, 73
Солуэй, залив (Солуэй) 57, 706, 705, 205
Сомерсет 41, 365
Ставангер-Фьорд 750, 757
Стаффордшир 362
Стенвик 43, 44, 362
Стерлингшир 41
Стоунхевен 49
Стратерн 57
Стратклайд 106, 109, 110, 207, 270
Стратмор 49, 51, 98
Сула-Скер, о-в 275

Тайльтиу 20, 276, 277
Тайн, река 57, 755, 263
Таллахт 281
Тара 79, 39, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 86, 88, 89, 90, 92, 94, 121, 125, 134, 135, 159, 185, 192, 226, 229, 276, 277, 289, 367, 371, 372, 375
Таррагона 354
Таре 766
Таубер, река 75
Тахо, река 77

Твид, река 41
Тей, река 40, 48, 49, 98, 99, 141, 142, 228
тектосаги 20, 167
Темза 362
Терриглас 753
Типперери, гр. 392
Тирконнел 328
Тирон, гр. 85, 328
толистобогии 20
Тори, о-ва 390
Торрс 362, 369
Трапрейн Лоу 76
треверы 14
Трим 737
тринованты 47
Трир 14, 54, 201, 202, 347
трокмы 20
Трондхейм 752
Троя 303, 335
Тулуза 767
Тур 202
Туро 365,366,367

Уиклоу 154
Уилтшир 364
Уитби 275, 230
Уитхорн, о-в 207, 230, 400
Уитхэм 362
У лад 55, 55, 725
Улады 292, 293, 294, 296, 297
Ульстер 55, 59, 53, 55, 56, 55, 94, 95, 96, 104, 723, 134, 735, 226, 292, 293, 294, 295, 323
Уотерфорд 737, 754, 759, 273
Уош, залив 52
Успех 20
Уэксфорд 753, 754, 759
Уэльс 6, 79, 47, 62, 64, 68, 71, 75, 75, 79, 50, 93, 94, 95, 96, 97, 706, 707, 770, 777, 772, 773, 774, 775, 776, 725, 730, 737, 732, 742, 744, 745, 746, 747, 749, 750, 755, 776, 752, 793, 205, 209, 270, 273, 237, 237, 239, 253, 262, 264, 265, 277, 256, 257, 255, 322, 324, 325, 332, 335, 350, 369, 353, 400, 407, 405, 407, 405, 409, 470
Уэссекс 730, 742, 744, 746, 747, 745, 749
Уэст-Керри 55
Уэстмит, гр. 725

Файф 739, 370
Фарерские о-ва 753, 236
Фаун 400
Фахан 757, 356, 355, 359, 390
Ферманаг, гр. 55
Ферт-оф Форт 64, 65, 76, 402
Фиб (Файф) 95, 99
Фивы 727, 303
Фипглас 257
Финистер 43, 770, 365
Финляндия 750
Флинтшир 47
фоморы 753, 754
Фонтене 234

Форт, река 47, 57, 76, 93, 97, 95, 709, 263
Фортевиот 739, 747
Фортренн 94, 97, 95, 99, 700, 739, 747, 755
Форфар 97, 95, 700, 707, 709, 739
Фригия 20, 795
фризы 52, 752
Фульда 406

Хай Рочестер 52
Хайленд 38, 49, 51, 68, 93, 96, 98, 103, 109, 410
Хантерстон 370, 371
Харлех 110, 186
Хеддингтон 41
Хеддингтоншир 76
Херефорд 271
Херталанд 151
Хертфордшир 42, 43
Хитроу 171
Холихед 78
Хумбер 46

Чевиот 5/
Черное море 19
Черчтаун 757
Честер 40, 43, 76, 204, 231
Чехия 13,23
Чешир 43

Шартр 118
Швейцария 11, 15, 234, 279
Шетландские о-ва 40, 152, 349, 402
Шотландия б, 37-41, 43, 49, 51, 65, 68, 69, 73, 91, 93, 94, 95, 103, 105, 106, 108, 120, 140, 151, 152, 153, 155, 187, 193, 209, 221, 226, 227, 230, 253, 294, 302, 323, 342, 369, 371, 390, 396, 399, 402, 405, 409
Шэннон, река 753, 779

Эгг, о-в 753
Эдейрнион (Эдейрн) 770
Эдун 344
Эйлсфорд 364, 368
Эйршир 48, 65
Эйхштетт 408
Эмайн Маха 39, 88, 95, 134, 159, 226, 293, 294, 295
Энтремон 346, 351, 356, 357, 360
эрины 58, 59, 90, 94, 253
Эрн, река 97
Эссекс 44, 45, 53
Эсте 354, 399
Эхтердинген 368
Эхтернах 383

Южный Уэксфорд 40 юты 52
Юэльгоат 43

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

аватар 186

Айстедвод 409
аллитерационный стих 227
Англо-Саксонская Хроника 142, 147, 148, 161, 242
Анналы Инисфаллена 92
Анналы Камбрии 104, 108, 144, 146, 147, 155
Анналы Тигернаха 83, 94, 176
Анналы Ульстера 86, 92, 94, 103, 105, 127, 138, 140, 143, 146, 152, 154, 155, 156, 161, 211, 244, 379
Антифонарий из Бангора 282
Арльский собор 204
аудл 266

барды 21, 22, 104, 107, 108, 136, 138, 144, 158, 183, 227, 262, 275, 325, 326, 327, 329, 409, 410
баронство 119
«Безумие призрака» 120
Бельтан (Кетхамайн), праздник 136
«Беседа старцев» 303, 304
библейская экзегеза 238
битва при Клонтарфе 152-158
битва при Маг Рат (Мойра) 94
«Битва при Маг Рат» 735
брахман 24, 25, 27, 124, 191
Брошь из Тары 370, 405
Брошь из Хантерстона 370, 377

валлийская традиция 108, 268
валлийское право 124, 130, 131, 137, 160
«варварский путь» 235
«Век Святых» 765, 225, 235, 242, 250
Великий пост 729
Великое переселение народов 5
«Видение Адамнана» 249, 312
«Видение Мак Кон Глинне» 313
«Видение Ронабви» 537
«Видение Тундала» 249, 250
«Видение Фурсы» 249
видения 175, 248, 249, 289, 312, 315
«Видения св. Колумбы» 248
виры 123

гальштаттская культура 11, 14, 17, 339, 340, 341, 354
гвлады 131
гейсы 134, 135, 194
генеалогии 70, 76, 79, 124, 287
Героический Век 40, 57, 58, 83, 87, 89, 145, 189, 191, 274, 292, 375
Глоссарий Кормака 78, 91, 173, 176, 186
«Гододдин» 109, 262, 265, 322
гомеровское общество 18
греческий Псалтырь 237, 241

«Демонстрация Апостольского учения» 196
деревянная скульптура 357, 359, 360
Дикий человек 323
диоцез 199
«длительный бой», игра 736
доля героя 21, 295
донатистская схизма 198

друиды 21, 22, 24, 25, 27, 30, 31, 47, 124, 170, 174, 183, 192, 193, 293, 317
дусии 188

Евангелие 204, 231
евхаристия 201

Железный Дом 299, 330
Желтая Книга из Лекана 288, 301
«Житие Брендана» 243, 246
«Житие короля Альфреда» 142
«Житие Патрика» 225, 232
«Житие св. Антония» 207, 202, 232, 396
«Житие св. Бригитты» 232
«Житие св. Галла» 235
«Житие св. Германа» 233
«Житие св. Давида» 776
«Житие св. Кентигерна» 323
«Житие св. Колумбана» 234
«Житие св. Колумбы» 75, 232, 233, 244, 311, 312
«Житие св. Леонора» 114
«Житие св. Мало» 775, 243
«Житие св. Мартина» 799, 232
«Житие св. Меена» 114
«Житие св. Самсона Долского» 773, 776, 777, 208
«Житие св. Северина» 214
«Житие Фурсы» 248

Закон о «назначенной дочери» 25
Законы Ману 128, 254
Законы Хыоэла 737
«Записки о галльской войне» 20
Земля Обетованная 775, 779, 752, 184, 185, 186, 187, 188, 191, 792, 242, 244, 245, 246, 250, 289, 292
«знание дерева» (фидхелл), игра 736, 755

«Изгнание сыновей Успеха» 134, 293, 294, 295
иллюминирование рукописей 376-383
инаугурационные обряды 720, 727
индийские законы Ману 25
инкубы 188
институт танистри 739
ирландский Ренессанс 760
ирландское право 124
«История бриттов» 73, 75, 79, 706, 707, 705, 777, 772, 144, 147, 182, 271

калди 227, 257
Календарь из Колиньи 76, 30, 37, 255
каменная кельтская скульптура 349, 357, 367, 384
каменные кресты 367, 284, 386, 400,
кантревы /37, /32
каролингский двор 236
касты 191
квариаты
«Кельтская церковь» 203, 214, 225, 227, 228, 229
Кельтское Возрождение 77
кельтско-лигурийская культура 349, 350, 361, 368
керамика Марны 341

Керкмадрайнские камни 201
Килох и Олвен 184, 287, 335, 336, 337
киновийные монастыри 201
клад из Ллин Керриг Баха 167
клиент 723, 221
клиентела 723
клир 203, 237, 314
клирики 83, 114, 115, 241, 315, 390
Книга Аиейрина 262
Книга Бурой Коровы 288, 302
Книга Захватов Ирландии 18, 60, 88, 182
Книга из Армы 84, 311, 395
Книга из Баллимота 252
Книга из Блегьюрида 737
Книга из Дарроу 375, 376, 379, 381, 383, 389, 405
Книга из Иорверта 737, 732
Книга из Келлса 344, 375, 376, 379, 383, 395
Книга из Кивнерта 737
Книга из Линдисфарна 383
Книга из Лисмора 246
Книга Прав 77Р, 722
Книга св. Чада 383
Книга Талиесина 270, 272
Кодекс из Эхтернаха 353
кодексы 377, 379
колесные кресты 399
колофон 237
коптские стелы 388, 389
«Королевская свадьба» 720
Королевский цикл 288, 321
котел Дагды 292
«котел жадности» 7 73
Котел из Гундеструпа 29, 30, 32, 342, 343, 356, 365
кранноги 365, 365
кровная месть 732
круглые башни 406, 407
культура колоколовидных кубков 7 7, 261
курах 7 76
кшатрии 797

латенская культура 77, 32, 340, 344, 346, 354, 361, 362, 365, 367, 368, 369, 405
латенский стиль 55, 767, 404
Лейнстерская Книга 735, 242, 243, 244, 288, 295, 302, 303, 408
Линдисфарнские Евангелия 372, 375, 383
литания святых пилигримов 244
лугназад 27, 136, 176

Мабиногион 133, 134, 146, 176, 182, 304, 329, 333, 409
«Мартиролог Таллахта» 243
«Мартиролог Энгуса» 244, 248
Махабхарата 334
Миланский эдикт 198
«Милость и Свободная Воля» 206
мосарабская литургия 390
Мэнский Крест 143

«наследницы-женщины» 26

Никейский собор 198, 205
Новый год 129

«О разорении Британии» 70
«О славе мучеников» 796
«О Троице» 799
обряд ашвамедха 720, 727
обычное право 732, 733
огам 40, 62, 63, 96, 192, 208, 252, 253, 254, 258
Оймелк (Имболг), праздник 736
Олимпийские игры 7 76
оппидумы 39, 40, 349, 352, 354, 365
Остров Женщин 290, 379
Остров Могущества 337, 332
«Острова Блаженных» 765
отшельническая поэзия 225, 375
«отшельническая реформа» 275, 225

Пасха 729, 229, 230, 245, 247
патрон 723
пелагианство 206
Пенитенцилии 232
период полей погребальных урн 14
«Пиктская Хроника» 707
пилигримы 144, 235
«Пир в Дун-на-Гед» 134, 135
«Пир у Брикрена» 22, 735, 295, 327, 337
«Плавание Брана» 186, 319, 332
«Плавание Брендаиа» 243, 244, 245, 246, 250, 317
«Плавание Майль-Дуйна» 242, 316-321
«Плавание О'Хорра» 243
плавания 242, 243, 244, 245, 248, 288, 289, 315, 316, 317, 320, 321
Племена богини Дану 19, 176, 182, 183, 184, 189, 289, 291, 292, 316
«Повесть о кабане Мак-Дато» 22, 135, 295, 321
посвящение Лидии 172
пост в ирландских законах 26, 126, 127
Потусторонний мир 242, 272, 289, 291, 292, 316, 332, 351
«Похищение Быка из Куальнге» 22, 57, 58, 59, 60, 83, 128, 136, 173, 181, 190, 287, 292, 293, 295, 331, 408
Праздник Телтауна 176
«Приключение Арта мак Конна» 297
«Приключение Конлы» 297
«Приключение Кормака» 297
«Приключение Лоэгайре» 297
«Приключение Неры» 7 79
приключения 175, 242, 248, 288, 289, 291, 316, 319, 321
«Путешествие Снедгуса и Мак Риаглы» 243
«Пять Путей Суждения» 726, 727

рабы 724, 729
«Разрушение Динн Риг» 300
«Разрушение Дома Да Дерга» 725, 194, 299, 331
реинкарнация 186
Ригведа 24, 268
Ристула 188

сага 8, 18, 22, 83, 85, 89, 779, 720, 722, 128, 134, 135, 136, 152, 158, 159, 185, 186, 187, 188,

189, 191, 243, 253, 268, 269, 274, 288, 289, 290, 292, 293, 295, 297, 295, 299, 300, 307, 376, 377, 379, 322, 324, 330, 332, 335, 337
Самайн, праздник 134, 136, 180
«Сватовство к Эмер» 759, 297
«Сватовство к Этайн» 259, 377
сенешаль 732
сид 775, 779, 750, 757, 184, 185, 289, 291
сильваны 755
Символ веры 799
скальды 752
«Собрание гибернийских канонов» 237
Собрание о Мучениках 795
Спор о Пасхе 796, 797, 795, 205, 229, 230, 237, 233, 234
Старина Мест 720
Старшая Эдда 188
Столб Элисега 147
Страшный суд 181
«Судьба Британии» 148, 270, 271, 272, 323
«Судьба сыновей Туренн» 191
«Суждения Диан-Кехта» 729, 130
«Суждения о лежании в крови» 729, 130
Сыновья Миля 19, 291
сюзерен 722

«таблички скоттов» 235
Табу 727, 134
«Тараске» 354, 399
Толедский собор 389
«Тройственное житие св. Патрика» 90, 94, 312
туат 779, 722, 124, 725, 726

Уитенагемот 730
Ульстерский цикл 22, 58, 136, 288, 292, 321
Устав Бенедикта 207, 237, 408
«Устав Колумкилле» 225, 232
Устав Отшельников 227
Устав св. Колумбана 235
«Устав Таллахта» 225, 232
устная традиция 55, 57, 82, 83, 84, 165, 226, 287, 288, 407
уэссекская культура бронзового века 18

«федерация монашеских общин» 225
филиды 24, 27, 83, 124, 128, 136, 287, 325
Фир Болг 152, 153

цена чести 127, 134
«Церковная история» 195
Церковный Мир 204, 206
«Церковь Галлии» 199, 202
цивилизация сублатенского периода 58
цикл Финна 288, 302, 303, 321
цистерианские правила 250
цистерцианцы 362, 408

Чаша из Арды 373, 375, 379, 405
Черная книга из Кармартена 272, 284, 285
четыре Древние Книги 262

«Чудо св. Колумбы из Килле» 227, 273

«Шотландская поэма» 739

Щит из Баттерси 344

энглины 269, 255
«эпоха викингов» 750, 757, 752

юридические трактаты 779, 723, 254